

«Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті»
ғылыми бағдарламасы

«Ұлы Дала тарихы мен мәдениеті» ғылыми бағдарламасын іске асыру жөніндегі қоғамдық кеңестің құрамы

М.Қ. Әбусейітова
Б.Ә. Байтанаев
Ғ.Т. Бексеитов
Ә.Б. Дербісәлі
Л.Б. Жансүгүрова
К.Т. Жұмағұлов
З.Е. Қабылдинов
М.К. Қойгелдиев
Д. Масимханұлы
Т.О. Омарбеков
А. Саипов

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ә. Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

МАРҒҰЛАН ОҚУЛАРЫ – 2020:

«Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары
(Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.)

2 том

Алматы
2020

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4
М 25

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитетінің нысаналы қаржыландыру бағдарламасы аясында шығарылды,
жобаның ЖТН BR05233709, тақырыбы:
«Ұлы даланың тарихы мен мәдениеті»

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және
ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының
Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор:
Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы,
Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының академигі

Рецензенттер:
А. Г. Ситдиков, тарих ғылымдарының докторы, Татарстан Республикасы Ұлттық
ғылым академиясының корреспондент-мүшесі
М. Қ. Хабдулина, тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Редакциялық алқа:
Ә.М. Манапова, тарих ғылымдарының кандидаты; Т.Б. Мамиров, тарих
ғылымдарының кандидаты; Ж. Құрманқұлов, тарих ғылымдарының кандидаты;
А.Ә. Нұржанов, тарих ғылымдарының кандидаты;
Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ж.Қ. Мықтыбаева, тарих
ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Ақымбек, PhD докторы; Ж.Р. Утубаев,
тарих ғылымдарының кандидаты, М.Қ. Сүйіндікова, М.С. Шағырбаев

М 25 Марғұлан оқулары – 2020: «Ұлы Дала археологиялық және пәнаралық зерттеулер аясында» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (Алматы қ., 17–18 қыркүйек 2020 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2020. 2 том. 532 б.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

Жинақтың екінші томында Қазақстан және жақын шетел аумағында жүргізілген далалық археологиялық зерттеулер барысында алынған жаңа деректер топтамасы тұңғыш рет ғылыми айналымға енгізіліп отыр.

Жарияланып отырған материалдардың хронологиялық шеңбері ежелгі дәуірден Жаңа заманға дейінгі ауқымды кезеңді қамтиды.

Басылым Еуразия археологиясының өзекті мәселелерін зерттеумен айналысатын мамандардың барлығының қызығушылығын тудырады.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

© Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2020

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ А. Х. МАРГУЛАНА

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020:

материалы международной
научно-практической конференции
«Великая Степь в свете археологических
и междисциплинарных исследований»
(г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.)

Том 2

Алматы
2020

УДК 902/904
ББК 63.4
М 25

Сборник издается в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05233709, тема: «История и культура Великой степи»

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А. Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор:
Б. А. Байтанаев, доктор исторических наук,
академик Национальной академии наук Республики Казахстан

Рецензенты:
А. Г. Ситдиков, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук Татарстана
М. К. Хабдулина, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия:
А.М. Манапова, кандидат исторических наук; Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук; Ж. Курманкулов, кандидат исторических наук; Н.А. Нуржанов, кандидат исторических наук; Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; Ж.К. Мыктыбаева, кандидат исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова, Е.Ш. Акымбек, доктор PhD; Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук; М.К. Суюндикова, М.С. Шагирбаев

М 25 Маргулановские чтения – 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. 532 с.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

Во втором томе сборника впервые в научный оборот вводится корпус новых данных, полученных в ходе полевых археологических исследований, проводившихся на территории Казахстана и ближнего зарубежья.

Хронологические рамки публикуемого материала имеют широкий охват – от древнейших эпох до Нового времени.

Издание предназначено для широкого круга специалистов и будет интересно всем, кому дорого изучение актуальных вопросов археологии Евразии.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

УДК 902/904
ББК 63.4

© Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
COMMITTEE OF SCIENCE
A. KH. MARGULAN INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MARGULAN READINGS – 2020:

Proceedings of the International scientific
and practical conference
"Great Steppe in light of archaeological
and interdisciplinary research"
(Almaty, September 17–18, 2020)

Volume 2

Almaty
2020

UDC 902/904
LBC 63.4
M 25

The proceedings is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, URN of the project is BR05233709, theme: “History and culture of the Great Steppe”

Recommended for press by the Scientific Council of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief:
B. A. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan

Reviewers:
A.G. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
M.K. Khabdulina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Editorial board:
A.M. Manapova, Candidate of Historical Sciences; T.B. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; J. Kurmankulov, Candidate of Historical Sciences; N.A. Nurzhanov, Candidate of Historical Sciences; G.S. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; Zh.K. Myktybayeva, Candidate of Historical Sciences; G.A. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T.N. Loshakova, E.Sh. Akymbek, PhD; Zh.R. Utubayev, Candidate of Historical Sciences; M.K. Suindikova, M.S. Shagirbayev

M 25 Margulan readings – 2020: proceedings of the international scientific and practical conference “Great Steppe in the light of archaeological and interdisciplinary research” (Almaty, September 17–18, 2020). Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020. Vol. 2. 532 p.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

The second volume of the proceedings introduces for the first time into scientific discussion a body of new data obtained during field archaeological research carried out in Kazakhstan and the near abroad.

The chronological range of the published material is wide, spanning from prehistory to the modern period.

The volume is aimed at a wide range of specialists and will be appealing to anyone who is interested in topical issues of archaeology of Eurasia.

ISBN 978-601-7106-43-0
ISBN 978-601-7106-45-4

UDC 902/904
LBC 63.4

© A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2020

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О. А. Артюхова, Т. Б. Мамиров

КОМПЛЕКС ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК-МАСТЕРСКИХ ШАХБАГАТА (ШАКПАКАТА) по МАТЕРИАЛАМ 1966 и 2019 гг.

В 2018 году начались работы авторов по грантовой теме «Палеолит Мангыстау (введение в научный оборот коллекций А. Г. Медоева и их современная интерпретация)». Основной целью работ было введение в научный оборот материалов археологических комплексов, открытых в 1966–1969 гг. экспедицией А. Г. Медоева. Выполнение программы началось с локализации пунктов сборов палеолитических коллекций А. Г. Медоева в долине Шакпаката по архивным материалам и их корреляции с собранными материалами, хранящимися в фондах КазНУ им. аль-Фараби. Удалось идентифицировать все пункты сборов каменных артефактов в урочище Шакпаката, определить их координаты в системе глобального позиционирования. В 2019 г. основным объектом исследований стал комплекс стоянок-мастерских в урочище Шакпакатасай, а именно пункты сборов «1в» (по А. Г. Медоеву), приуроченных к III надпойменной террасе долины Шакпакатасай.

Ключевые слова: Мангыстау, археология, палеолит, стоянка, каменные артефакты

1966 және 2019 жылдардағы материалдар негізінде Шахбагата (Шақпақата) палеолиттік тұрақ-шеберхана кешені

2018 жылы авторлар «Маңғыстау палеолиті (А.Г.Медоевтің коллекциясының ғылыми айналымға енгізу және олардың қазіргі интерпретациясы)» атты гранттық тақырыпта жұмыстарын бастайды. Жұмыстың негізгі мақсаты 1966–1969 жж. А. Г. Медоевтің экспедициясы ашқан археологиялық кешендердің материалдарын ғылыми айналымға енгізу болды. Бағдарламаны орындау бойынша мұрағат материалдары мен әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің қорларында сақталған материалдардың негізінде А. Г. Медоевтің Шақпақата алқабынан жиналған палеолиттік коллекциясының орындарын анықтау басталды. Шақпақата алқабындағы тастан жасалған артефактілердің жиналған барлық орындары анықталды, олардың жаһандық жайғастыру жүйесіндегі координаттары сәйкестендірілді. 2019 жылы зерттеудің негізгі нысаны Шақпақатасай жеріндегі тұрақ-шеберханаларының кешені болды, атап айтқанда Шақпақсатасай алқабының III террасасымен келтірілген «1в» жинау пункттері (А.Г. Медоевтың айтуы бойынша).

Түйін сөздер: Маңғыстау, археология, палеолит, тұрақ, тас артефактілер

© **Ольга А. Артюхова,** *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* paleo_artuhova@mail.ru;
Талгат Б. Мамиров, *Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан;* tmamirov@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135338.

The complex of Paleolithic sites of Shahbagata (Shakpakata) based on materials from 1966 and 2019

In 2018, the works of the authors of the grant theme “Paleolithic Mangystau (introduction to the scientific circulation of the collections of A. G. Medoev and their modern interpretation)” began. The main goal of the work was the introduction into the scientific circulation of materials of archaeological complexes discovered in 1966–1969 by the expedition of A. G. Medoev. The program began with the localization of collection points of the Paleolithic collections of A. G. Medoev in the Shakpakata valley according to archival materials and their correlations with the collected materials stored in the funds of al-Farabi KazNU. It was possible to identify all points of collection of stone artifacts in the tract Shakpakata, to determine their coordinates in the global positioning system. In 2019, the main object of research was the complex of man sites-workshops in the Shakpakatasai tract, namely the collection points «1в» (according to A.G. Medoev), confined to the third floodplain terrace of the Shakpakatasai valley.

Keywords: Mangystau, archeology, Paleolithic, site, stone artifacts

В 2019 г. продолжались работы по введению в научный оборот коллекций А. Г. Медоева [Артюхова, Мамиров, 2019, с. 55–60]. В полевом сезоне 2019 г. археологические исследования были сосредоточены в урочище Шакпакатасай. Особое внимание было уделено пункту сборов «1в» (рис. 1). С этого пункта происходит самая богатая коллекция каменных артефактов, которая в настоящее время хранится в фондах КазНУ им. аль-Фараби. Удалось обнаружить несколько деревянных колышков, которые отмечали углы разбивки квадратов 5×5 м во время сборов 1966 г., что подтвердило правильность локализации памятника, установленного по дневниковым записям А. Г. Медоева.

Рис. 1. Комплекс палеолитических памятников Шакпаката, место работ 2019 г.

Местонахождение располагается на третьей надпойменной террасе лога Шакпакатасай. Терраса сложена маломощными тонкозернистыми песками и галечником на абрадированных мергелях датского яруса. В ее бровке обнажаются бакинские осадки: известковые песчаники и конгломераты [Медоев, 1982, с. 16–17].

Поверхность следует падению слоев с прослоями кремнистых желваков и слабо наклонена в сторону русла. Высота террасы над уровнем мирового океана составляет 13–15 м. Местами терраса перекрыта маломощным слоем рыхлых нижнехвалынских отложений, но преобладает обнаженная поверхность коренных пород.

Шурф, заложенный на участке, перекрытом рыхлым чехлом, вскрыл следующие отложения:

- 0–10 см – рыхлая супесь,
- 10–20 см – крупные валуны кремня, до 30–35 см в диаметре, слабо сцементированные карбонатными образованиями;
- 20–40 см – меловые породы.

Иными словами, поверхность террасы бронирована кремнистым прослоем в меловых отложениях, ее положение обусловлено падением пород в разрезе. Вышележащий прослой кремнистых конкреций разрушен в процессе выветривания и представляет огромный запас сырья для изготовления каменных орудий.

Среди крупных и мелких элювиальных обломков кремня встречаются редкие артефакты, пропущенные или оставленные из-за слабой диагностируемости во время работ 1966 г. На этом месте, по всей видимости, производился отбор желваков, их грубая оббивка.

Для сравнения с коллекциями 1966 г. нами были сделаны выборочные сборы среднедефлированных и слабодефлированных артефактов.

Среднедефлированная серия (15 экз.) не содержит орудий. В этой серии присутствуют следующие категории отходов производства:

- заготовка одностороннего двуплощадочного нуклеуса призматической формы, размерами 141×82×71 мм;
- обломок в форме полумесяца, похожий на крупное вогнутое скребло, но намеренность обработки вызывает сомнения. Размеры: 125×87×39 мм;
- полукраевые отщепы (7 экз.) без вторичной обработки, разнообразных форм, в основном являющиеся отходами оббивки нуклеусов, размерами от 81×103×22 до 107×58×29 мм. Некоторые покрыты густой патиной и имеют повреждения десквамацией. Ударные площадки ровные, образованные одним снятием, или разбиты слишком сильными ударами, сделанными при раскалывании;
- вторичные отщепы (4 экз.) крупные, разнообразных форм, размерами от 60×68×18 до 155×90×36 мм;
- технический скол – поперечный скол с фронта нуклеуса, овальной формы, размерами 96×76×18 мм;
- псевдоорудие из пролювиального обломка. Размеры: 144×63×33 мм.

Слабодефлированная серия состоит из 28 предметов, среди которых имеются два орудия:

- концевой скребок на дистальном фрагменте пластины, со скошенным влево лезвием и обработанными зубчатой ретушью краями;

- проксимальный фрагмент пластины с притупливающей лицевой ретушью по обоим краям.

Нуклеусы (6 экз.):

- заготовка грубая миндалевидная одностороннего одноплощадочного нуклеуса системы леваллуа, размеры: 117×98×55 мм;

- преформа пирамидального нуклеуса для пластин, размерами 103×62×66 мм;

- преформа из желвака пирамидальной формы, размерами 138×82×83 мм;

- заготовка двустороннего двуплощадочного нуклеуса в форме параллелепипеда, размерами 97×61×74 мм;

- заготовка нуклеуса одностороннего одноплощадочного подтреугольной формы размерами 128×87×42 мм;

- заготовка нуклеуса одностороннего одноплощадочного в форме усеченной пирамиды. Размеры: 78×80×89 мм.

В коллекции есть также два недиагностируемых фрагмента преформ.

Остальные изделия этой серии:

- чопперовидный обломок с естественными сколами на дистале. Размеры: 122×82×43 мм;

- полукраевые отщепы (10 экз.) без вторичной обработки, разнообразных форм, размерами от 50×36×8 до 122×65×23 мм;

- вторичные отщепы (5 экз.) без вторичной обработки, разнообразных форм, размерами от 35×56×9 мм до 107×96×33 мм;

- пластина (проксимальный фрагмент) с трехгранной симметричной спинкой, размерами 21×13×3 мм.

Сборы с этого пункта, сделанные в 1966 г., гораздо более представительны. К настоящему времени проанализированы 475 предметов из фонда Музея палеолита Казахстана КазНУ им. аль-Фараби. Они изготовлены из кремнистых пород, среди которых преобладает кремень светло-серого и бежевого цвета полупрозрачных и матовых разностей. Исходными формами сырья служили элювиальные обломки конкреций кремня, которые здесь покрывают всю поверхность абразионных террас и маломощного шлейфа делювиально-пролювиальных отложений. Реже для изготовления орудий и нуклеусов использовались гальки из этих же пород. 11 предметов из этой коллекции – элювиальные обломки небольших размеров (самые крупные имеют размеры: 109×114×37 и 118×85×50 мм). Остальные предметы – собственно артефакты – по степени сохранности поверхности делятся на недефлированные, слабодефлированные, среднедефлированные и сильнодефлированные.

Недефлированные артефакты немногочисленны: 10 экз.: обломки (4 экз.) с несколькими бессистемными сколами, частично покрытые желвачной

коркой; полукраевые сколы (2 экз.); отщепы целые (2 экз.); осколки и обломки отщепов (2 экз.).

Слабодефлированные артефакты в коллекции преобладают, их 320 экз. Они подразделены на следующие категории.

Преформы (заготовки нуклеусов), более или менее уверенно диагностируемые – 22 экз., из них:

- две преформы имеют клиновидную форму, размеры: 96×55×93 мм и 98×45×74 мм, первая – бракованная, вторая демонстрирует начало изготовления нуклеуса из крупной морской гальки;

- две преформы конусовидных нуклеусов, размерами 51×37×33 мм и 47×68×43 мм;

- одна бифасиально оббитая заготовка размерами 109×82×47 мм, которая в дальнейшем могла быть преобразована во фронтальный или торцовый клиновидный нуклеус;

- две грубые заготовки овальной формы размерами 113×90×85 мм и 135×82×54 мм еще в значительной мере сохранили желвачную корку. Первая имеет забитость на дистале (отбойник?);

- один облупень в форме параллелограмма, размерами 87×67×35 мм, очень грубый;

- две бракованные из-за трещин в сырье заготовки пирамидальных нуклеусов, размерами 92×58×65 мм и 74×59×51 мм;

- четыре заготовки имеют неправильно-призматическую форму и размеры от 78×80×79 мм до 114×73×53 мм. Две из них совсем бракованные; третья – заготовка клиновидного нуклеуса с бифасиальной оббивкой; четвертая – заготовка одностороннего двуплощадочного нуклеуса, где фронт занимает почти половину периметра;

- одна заготовка бифронтального торцового нуклеуса размерами 125×12×68 мм;

- четыре заготовки нуклеусов трехгранной формы: клиновидного (83×52×62 мм) из кремня светло-бежевого цвета; заготовка нуклеуса или бифаса размерами 90×66×43 мм; две бракованные заготовки размерами 72×54×40 мм и 79×70×57 мм;

- три преформы четырехгранной формы: заготовка торцового нуклеуса размерами 57×38×32 мм; обломок нуклеуса с поперечно оббитым контрфронтом и субпараллельными сколами на фронте (76×55×33 мм, кремень бежевого цвета); заготовка нуклеуса с поперечно оббитым контрфронтом, при этом фронт и ударная площадка не подготовлены, размерами 89×74×63 мм.

Нуклеусы более или менее завершенные и целые – 17 экз.;

- карандашевидный истощенный, размерами 70×25×20 мм;

- клиновидный, размерами 67×27×60 мм;

- торцовый для пластинок клиновидной формы, размерами 41×41×20 мм;

- клиновидный, размерами 84×56×46 мм;

- конусовидный, испорченный при попытке переоформления, размеры: 77×65×48 мм;

- конусовидный для пластинок, размеры: 58×42×33 мм;

- в целом конусовидный с поперечно оббитым контрфронтом, размерами 64×45×47 мм;

- аналогичный нуклеус для пластинок, размерами 52×45×40 мм, заметна неудачная попытка оживить ударную площадку;

- пирамидальный четырехгранный. С трех граней снимались крупные треугольные сколы, четвертая (контрфронт) оббита поперечными сколами, размеры: 85×62×61 мм;

- нуклекус для пластинок из массивного полукраевого отщепа полукруглой формы, размеры: 74×46×30 мм;

- нуклеус для пластинок двуплощадочный в форме параллелепипеда, размеры: 43×42×29 мм;

- истощенный призматический, размерами 63×69×50 мм;

- призматические двуплощадочные нуклеусы (2 экз.), размерами 70×58×54 мм и 62×47×42 мм;

- нуклеус треугольной формы для отщепов, размерами 53×60×18 мм, с конвергентными негативами на частично корочном фронте;

- для пластинок в форме четырехгранной пирамиды, размерами 69×30×40 мм;

- конусовидный нуклеус для пластинок размерами 57×47×43 мм.

Нуклеусы, расколотые в процессе оживления или изготовления – 11 экз. Один из них расколот вдоль, сохранив часть фронта с хорошими пластинчатыми негативами. Размеры: 73×37×28 мм; другой нуклеус пирамидальной формы расколот вдоль и преобразован в выпуклое скребло лицевой чешуйчатой ретушью крупных и средних размеров. Размеры: 63×51×38 мм.

Корудиям можно отнести 38 изделий, большей частью фрагментированных, но диагностируемых. Выделяются следующие категории орудий:

- бифасы целые и фрагментированные (3 экз.), первый целый, миндалевидной формы, массивный, размеры: 92×48×32 мм. Оббивка грубоватая, края изогнутые, частично вогнутые; второй фрагмент бифаса листовидной формы, размерами 83×437×22 мм. Основание покрыто желвачной коркой, края бифасиально оббиты, дистальный конец обломан; третий, продольный обломок бифаса миндалевидной формы, размерами 98×69×37 мм. Порода кремнистая неоднородная бежевого цвета, сколы оббивки грубые глубокие;

- фрагменты бифасиальных заготовок (5 экз.) отнесены к орудиям условно. Три из них полукруглой формы, размерами 29×54×29 мм, 49×64×24 мм, 50×87×36 мм; один трапециевидный, размерами 76×69×35 мм и последний, овальный, размерами 67×45×30 мм;

- скребла (6 экз.). Три скребла поперечные выпуклые из отщепов лепестковидной, трапециевидной и полукруглой формы, размерами 47×56×10 мм, 40×70×13 мм и 41×78×25 мм; два скребла выпуклые из отщепов, размерами 72×46×25 мм и 75×43×15 мм; одно двойное выпуклое из обломка полукраевого отщепа трапециевидной формы, размерами 67×67×20 мм. Ретушь чешуйчатая лицевая разновеликая крутая;

- одно скребловидное изделие из обломка отщепа трапециевидной формы, размерами 64×55×21 мм, ретушь на выпуклом левом краю лицевая субпараллельная крупная и средняя;

- скребки (2 экз.). Первый типичный на пластинчатом отщепе овальной формы с ретушированным краем, размеры: 73×45×18 мм, второй атипичный на обломке краевого скола лепестковидной формы, размерами 68×52×22 мм. Ретушь обратная разновеликая;

- резцы угловые (4 экз.), оформлялись на отщепах с дистального конца, либо ударной площадки, один резец оформлен на углу массивной ребристой пластине, размерами 63×50×29 мм;

- ножи с обушком (2 экз.). Первый из овального обломка отщепа, размерами 79×60×15 мм. Основание и края отщепа притуплены лицевой чешуйчатой и субпараллельной ретушью крупных и средних размеров, дистальный край угловатый острый (лезвие); второй атипичный из ребристой пластины овальной формы, размерами 71×30×12 мм. Правый край выпуклый массивный, левый – извилистый острый с чередующейся ретушью утилизации;

- выемчатые орудия – 4 экз. Три из них изготовлены на полукраевых сколах листовидной, трехгранной и подпрямоугольной формы, размерами 58×43×11 мм, 67×29×26 мм и 51×30×12 мм. У первого выемка (15×3 мм) оформлена на конце лицевой отвесной ретушью средних размеров; у второго такой ретушью оформлена выемка (8×2 мм) на месте ударной площадки скола; у третьего – на конце. Четвертое орудие изготовлено из пластинчатого отщепа лепестковидной формы, размерами 29×22×7 мм. Выемка (7×2 мм) нанесена обратной мелкой ретушью на верхнюю часть левого края;

- зубчатые орудия – 2 экз. Оба из вторичных отщепов подпрямоугольной формы, размерами 37×33×6 мм и 40×26×10 мм. У первого очень острый зубец выделен в левом верхнем углу отщепа обратной мелкой отвесной ретушью (слева) и клектонской выемкой (сверху). У второго зубец отделан лицевой ретушью в правом нижнем углу;

- клювовидные острия – 3 экз. оформлены на разных заготовках: полукраевом отщепе овальной формы, трапециевидном отщепе и ромбовидном обломке отщепа. Размеры: 46×30×10 мм, 41×47×10 мм и 45×41×8 мм. У первого клюв с противолежащей ретушью локализован в левом нижнем углу, у второго, с лицевой ретушью и клектонской выемкой, – в левом верхнем углу, у третьего, с мелкой противолежащей ретушью – в середине правого края;

- острие на конце пластинчатого отщепа листовидной формы размерами 96×36×11 мм;

- комбинированное орудие – вогнутое скребло и анкош из ромбовидного обломка полукраевого отщепа размерами 42×61×18 мм;

- чопперовидное орудие из гальки овальной формы, размерами 95×88×33 мм, с грубой односторонней оббивкой на конце;

- долотовидное орудие овальной формы с массивным сечением и тонким выпукло-вогнутым концом, размерами 68×46×27 мм;

- орудие ромбовидной формы с бифасиально обработанным острием и массивным корочным основанием, размерами 64×40×15 мм;

- скол оживления ударной площадки призматического нуклеуса, размерами 64×56×32 мм, из которой пытались сделать орудие или другой нуклеус.

Отходы производства:

- обломки – 34 экз. Сюда включены элювиальные отдельности с 2–3 сколами опробования, облупни без определенной формы и недиагностируемые, обломки нуклеусов и прочие крупные отходы, которые, тем не менее, имеют следы намеренных снятий. Размеры самого крупного предмета – 170×130×80 мм, самого мелкого – 41×16×10 мм. Еще один обломок трехгранной формы, размерами 119×82×42 мм, имеет на выпуклом полуостром краю крупную лицевую чешуйчатую глубокую ретушь, не составляя диагностируемого орудия;

- краевые сколы целые (3 экз.) преимущественно небольших размеров и невыразительные, и краевые сколы фрагментированные (2 экз.);

- полукраевые сколы целые (32 экз.) разнообразны по величине – от 32×40×12 мм до 99×63×19 мм. Ударные площадки преимущественно образованы одним снятием, только восемь из них оформлены двумя сколами, восемь ударных площадок разбиты и отколоты; полукраевые сколы фрагментированные (18 экз.);

- отщепы вторичные (59 экз.) целые, преимущественно небольшие, длина находится в пределах 40–50 мм. Ударные площадки образованы одним снятием или разбиты, однако три отщепа имеют тонкофасетированную выпуклую площадку;

- отщепы вторичные фрагментированные (32 экз.), размерами от 25×23×17 мм до 83×33×16 мм;

- технические сколы представлены ребристыми пластинами и сколами оживления ударных площадок нуклеусов: ребристые сколы (15 экз.) имеют разнообразные формы и размеры от 25×23×17 мм до 105×42×26 мм. Сколы оживления ударных площадок (3 экз.) имеют преимущественно овальную форму и размеры от 43×44×14 мм до 80×77×27 мм;

- пластины без ретуши представлены одним медиальным фрагментом подпрямоугольной формы, размерами 46×12×3 мм, спинка трехгранная.

Среднедефлированная серия включает 115 экз. Отличается заглаженностью поверхности изделий, патинизацией одной из сторон, иногда десквамацией.

В ней имеются:

- плохо диагностируемые обломки (преформы неудавшиеся, обломки со сколами опробования и др.) (7 экз.). Размеры от 58×48×23 мм до 117×78×41 мм;

Нуклеусы диагностируемые (9 экз.) истощенные или поврежденные:

- дисковидный двусторонний размерами 89×83×43 мм (рис. 2, *1*);

- конусовидный с поперечно оббитым контрфронтом. Размеры: 78×67×69 мм;

- клиновидной формы из массивного отщепа размерами 76×38×23 мм, выглядит как удлиненный расколотый наискось бифас. Сильно забит;

- конусовидный для пластин, фронт занимает ¾ периметра, сильно побит, растрескался. Размеры: 64×49×44 мм;

- трехгранный для пластин с выпуклым фронтом, уплощенным контрфронтом и бифасиально заостренным дисталом. На контрфронте – густая белая патина. Размеры: 101×57×44 мм;

- торцовый клиновидный бракованный, размерами 68×55×42 мм;

- торцовый подушечковидный, размерами 40×35×17 мм. Заметна неудавшаяся из-за трещин попытка переоформления;

- леваллуа треугольный с крупным негативом на фронте. Края забиты. Размеры: 71×87×21 мм;

- леваллуа подтреугольной формы, размерами 75×83×47 мм. По периметру сохранились участки желвачной корки. На фронте субпараллельные негативы отщепов (рис. 2, *4*).

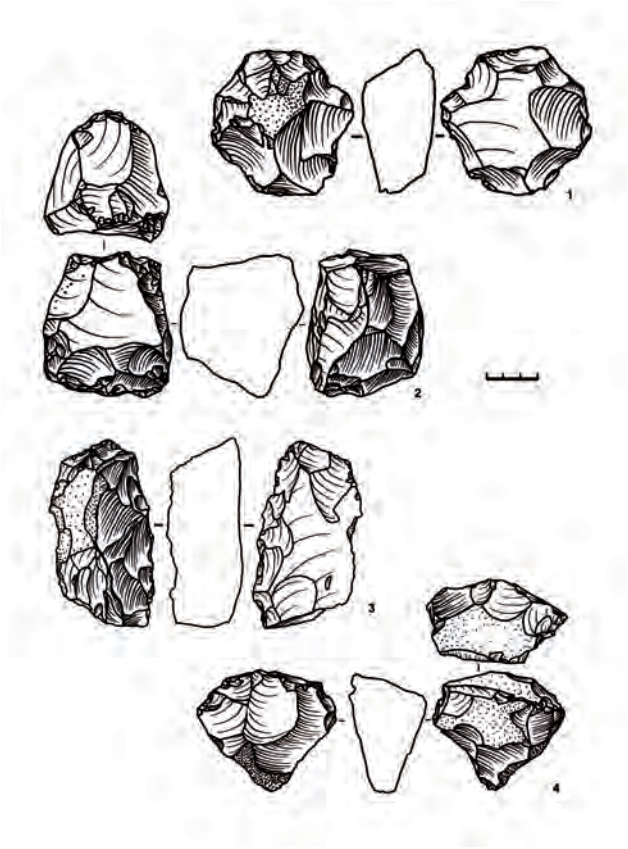

Рис. 2. Каменные артефакты из пункта сборов Шахбагата 1в (сборы А.Г. Медоева, 1966): 1 – нуклеус дисковидный двусторонний; 2 – заготовка призматического нуклеуса; 3 – заготовка торцового нуклеуса; 4 – нуклеус леваллуа

Преформы нуклеусов, более или менее четко диагностируемые (11 экз.):

- заготовка двустороннего двуплощадочного нуклеуса пирамидальной формы, размерами 60×46×36 мм, из пятнистого кремня светло-коричневой и светло-серой окраски. Ударные площадки фасетированные, вторая – на месте контрфронта;

- заготовка торцового нуклеуса пирамидальной формы, размерами 57×57×41 мм;

- заготовка призматического нуклеуса со слишком глубокими сколами, размерами 67×63×52 мм;

- заготовка нуклеуса для отщепов овальной формы системы леваллуа, размерами 60×68×46 мм;

- трехгранная преформа из гальки размерами 88×59×53 мм;

- заготовка призматического нуклеуса двустороннего двуплощадочного, размерами 86×71×65 мм. Часть поверхности заготовки сильно патинизирована (рис. 2*, 2*);

- заготовка трехгранная двуплощадочная, на месте фронта еще сохранилось бифасиально оббитое ребро, размеры: 103×52×35 мм (рис. 2*, 3*);

- заготовка одностороннего одноплощадочного нуклеуса для пластин укороченных пропорций, размерами 80×105×72 мм;

- заготовка нуклеуса леваллуа для отщепов (тортез) овальной формы, размерами 81×69×33 мм, испорченная из-за трещины;

- заготовка торцового нуклеуса для пластин овальной формы, размерами 105×78×58 мм, испорченная неудачными сколами;

- заготовка призматического нуклеуса для пластин, испорченная слишком глубокой оббивкой, размерами 87×45×42 мм.

Обломки нуклеусов (4 экз.): призматический для пластинок, расколот по диагонали, размерами: 97×53×55 мм; продольный обломок призматического нуклеуса, размерами 79×64×25 мм; дистальный фрагмент трехгранного нуклеуса для пластинок, 117×85×60 мм; обломок трехгранного фронтального нуклеуса для пластин, 55×50×30 мм.

Орудия (17 экз.) представлены следующими группами типов:

Бифасиальные изделия (6 экз.):

- обломок бифаса с плечиками, форма в целом листовидная, размеры: 72×43×17 мм. Поверхность сильно патинизирована (рис. 3, *1*);

- частичный бифас овальной формы размерами 97×48×28 мм. Одна половина сильно патинизирована, другая более свежая (рис. 3, *2*);

- бифас листовидной формы, размерами 107×47×24 мм, испорченный впоследствии глубокими сколами (попытка переоформления) (рис. 3, *3*);

- бифас частичный листовидный. Одна сторона сильно выпуклая, с коркой, другая более плоская с густой патиной. Размеры: 69×45×23 мм (рис. 3, *4*);

- обломок заготовки бифаса или нуклеуса, полукруглый, размерами 58×63×27 мм;

- изделие миндалевидной формы (скребло типа кина + резец или просто бифас), размеры: 99×70×27 мм (рис. 3, *5*).

Скребла (3 экз.):

- боковое прямое из полукраевого отщепа с тонкофасетированной ударной площадкой. Лезвие оформлено на правом краю мелкой чешуйчатой ретушью. Размеры: 53×56×20 мм;

- боковое выпуклое из скола оживления ударной площадки нуклеуса овальной формы, размерами 68×53×31 мм. Ретушь на правом краю лицевая субпараллельная крутая (рис. 4, *3*);

- боковое вогнутое из массивного вторичного отщепа, имеющего форму полумесяца. Размеры: 68×71×19 мм, ретушь чешуйчатая мелкая крутая (рис. 4, *2*).

Скребки (2 экз.):

- концевой с шипом и ретушированным краем из медиального фрагмента пластины с четырехгранной асимметричной спинкой, размерами 32×23×9 мм.

Ретушь лезвия лицевая субпараллельная средних размеров, правый край подправлен очень мелкой крутой ретушью;

- дистальный фрагмент скребка из отщепа, размерами 31×37×12 мм, с субпараллельной ретушью средних и мелких размеров.

Чопперовидные орудия (3 экз.):

- из расколотой гальки, лепестковидной формы. Оббито по всему периметру, подправлено крупной лицевой и противолежащей ретушью. Размеры: 105×78×30 мм;

- из полукраевого массивного отщепа с почти круговой оббивкой. Форма овальная, размеры: 95×68×33 мм;

- из массивного отщепа с оббивкой половины периметра. Форма – параллелограмм, размеры: 63×67×29 мм (рис. 4, *5*).

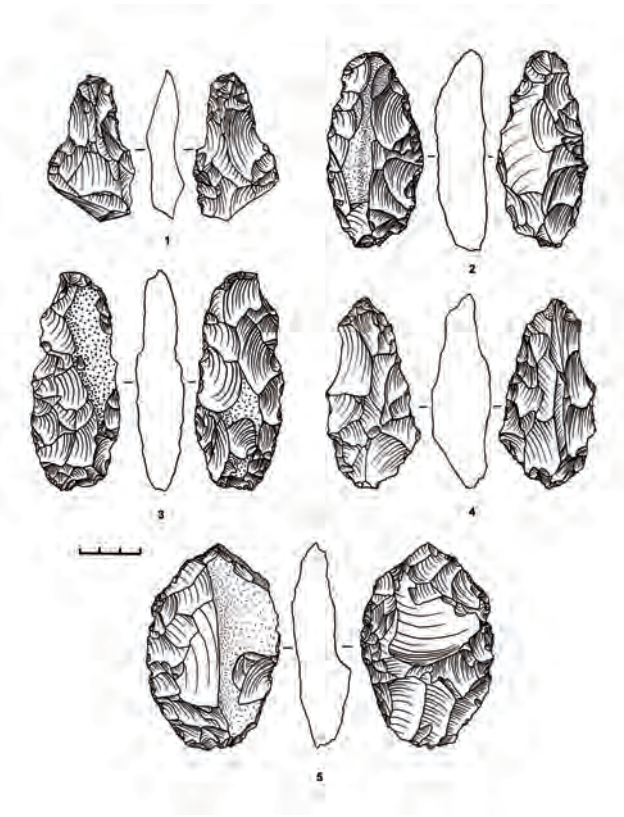

Рис. 3. Каменные артефакты из пункта сборов Шахбагата 1в (сборы А.Г. Медоева, 1966):
1 – обломок бифаса с плечиками;
2 – частичный бифас; 3 – бифас листовидной формы, испорченный попыткой переоформления;
4 – бифас частичный листовидный;
5 – бифасиальное комбинированное орудие

Единичные типы (4 экз.):

- нож с естественным обушком из вторичного отщепа, поврежденный, листовидной формы, размерами 72×44×14 мм (рис. 4, *4*);

- отбойник из ромбовидного обломка заготовки бифаса, размерами 86×85×49 мм;

- вторичный отщеп листовидной формы с ретушью утилизации (?), размерами 76×44×15 мм (рис. 4, *1*);

- скребло из массивного пластинчатого отщепа, осложненное острием на дистальном конце и подтеской основания. Размеры: 75×23×14 мм (рис. 4, *6*);

Отходы представлены полукраевыми сколами целыми (14 экз.) и фрагментированными (3 экз.), вторичными отщепами целыми (8 экз.) и фрагментированными (6 экз.), техническими сколами – ребристыми пластинами (6 экз.) и сколами оживления ударной площадки нуклеуса (2 экз.).

Сильнодефлированная серия артефактов состоит из 19 предметов:

Нуклеусы (4 экз.):

- двусторонний двуплощадочный подтреугольный, размерами 86×56×38 мм;

- многосторонний многоплощадочный нуклеус кубовидной формы, размерами 48×45×45 мм;

- односторонний двуплощадочный нуклеус овальный, размерами 71×66×30 мм;

- нуклеус леваллуа треугольной формы, размерами 109×105×58 мм, имеет бифасиальную обработку конвергентной оббивкой. На фронте виден негатив одного кондиционного скола.

Орудия (7 экз.):

- чопперовидное изделие из морозобойного блюдца полукруглой формы, размерами 90×148×45 мм. Обе поверхности выпуклые корочные, оббитые по краям;

- орудие типа кругового чоппера из массивного полукраевого отщепа, размерами 56×80×35 мм;

- унифас овальной формы, размерами 80×52×24 мм, на котором заметны следы трех этапов утилизации;

- бифас частичный подтреугольный, размерами 145×79×46 мм;

- частичный бифас из крупного полукраевого отщепа овальной формы, размерами 88×77×25 мм с подтесанным вентралом;

- трехгранное изделие, размерами 142×73×57 мм, с выпуклым подтесанным дистальным концом;

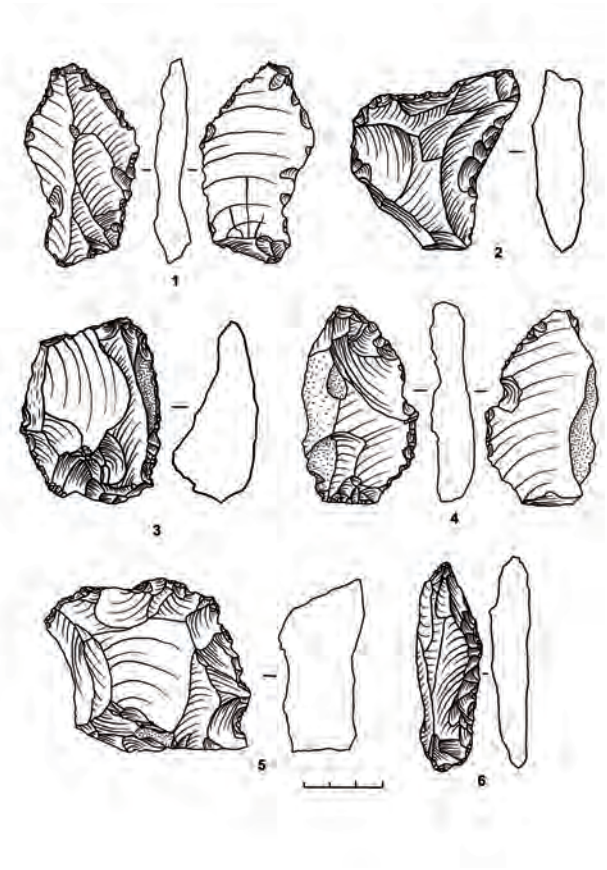

Рис. 4. Каменные артефакты из пункта сборов Шахбагата 1в (сборы А.Г. Медоева, 1966):
1 – вторичный отщеп формы с ретушью утилизации;
2–3, 6 – скребла;
4 – нож с естественным обушком;
5 – чопперовидное орудие из массивного отщепа с оббивкой половины периметра

- скребок из вторичного отщепа лепестковидной формы, размерами 57×51×17 мм. Лезвие, вогнутое, отделано крупной чешуйчатой ретушью.

Отходы производства: отщепы полукраевые целые (4 экз.), вторичные отщепы целые (3 экз.), ребристая пластина (1 экз.).

Судя по описанному выше техническому и типологическому составу обработанной части коллекции, на местонахождении Шахбагата 1в мы имеем дело со стоянкой-мастерской, которая начала функционировать в нижнехвалынское время, после того, как была сформирована третья надпойменная терраса долины. Здесь происходил отбор, опробование и первичная обработка обломков кремня, залегающих непосредственно на поверхности террасы. Артефакты по сохранности поверхности подразделяются на три основные серии.

Самая древняя – сильнодефлированная, со следами окатанности, корразии и десквамации, состоит из 19 предметов: четыре нуклеуса (3 – леваллуа хорошо диагностируемые, 1 – кубовидный клектонский); один чоппер и одно чопперовидное орудие; унифас, два частичных бифаса. Отходы производства: отщепы полукраевые целые (4 экз.), вторичные отщепы целые (3 экз.), ребристая пластина (1 экз.). В этой серии практически нет признаков призматической техники раскалывания.

В среднедефлированой серии насчитывается 115 предметов: нуклеусы, их заготовки и обломки – 31 экз., из них более или менее уверенно диагностируются 12 изделий: шесть дисковидных и леваллуазских, шесть призматических верхнепалеолитических; орудия – 36 экз., из них шесть бифасиальных изделий, 30 орудий из отщепов: три скребла, два скребка, три чопперовидных орудия, нож с обушком, отбойник, отщеп с ретушью, комбинированное орудие. Как видим, в целом преобладает древнепалеолитическая техника и типология.

Слабодефлированная серия артефактов наиболее представительна – 320 экз. О технике раскалывания дают представление 22 преформы, 17 целых и 11 фрагментированных нуклеусов. Все они демонстрируют призматическую технику раскалывания, хотя типы нуклеусов различны. Бифасы и заготовки бифасиальных орудий незаконченные – 8 экз., Орудия из отщепов – 30 экз. (скребла – 7 экз., скребки – 2 экз., резцы – 4 экз., ножи – 2 экз., зубчато-выемчатые орудия – 6 экз., клювовидные острия – 3 экз., острие и др.). Среди орудий также велика доля верхнепалеолитических типов.

В голоцене это место потеряло свою привлекательность, поскольку стали доступны другие выходы кремня, расположенные на более низких поверхностях и более «свежие».

Работа с коллекциями из урочища Шакпаката (Шахбагата, по А. Г. Медоеву) продолжается, поэтому выводы следует считать предварительными.

В последние десятилетия, благодаря более совершенным методикам и методам исследований, пересмотрены количество и возраст трансгрессивно-регрессивных фаз Каспийского моря в плейстоцене. Вероятно, схема

периодизации палеолитических культур или индустрий, предложенная А. Г. Медоевым, основанная, в том числе, и на геоморфологических позициях пунктов сбора каменных артефактов, будет уточнена.

Литература

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Результаты археологических работ по исследованию каменного века в Мангыстау в 2018 г. // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 55-60.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1982. 64 с.

А. А. Анойкин, Ж. К. Таймагамбетов, Г. Д. Павленок, В. М. Харевич, С. А. Гладышев, А. В. Шалагина, Г. И. Марковский

НАЧАЛЬНЫЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (по материалам стоянки Ушбулак)

Стоянка Ушбулак расположена в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан). На стоянке выделено восемь литологических слоев, содержащих археологический материал от голоцена до начальных этапов верхнего палеолита. Наиболее представительная коллекция артефактов была найдена в слоях 6 и 7. Каменная индустрия данных слоев характеризуется первичным расщеплением, ориентированным на производство пластин в рамках одно- и бинаправленного параллельного объемного принципа скалывания заготовок. В орудийном наборе присутствуют такие типы орудий, как концевые скребки и резцы на пластинах, тронкированно-фасетированные изделия, острие с подтеской основания, пластины с притупленным концом и черешком, нуклеус-резец. Данные признаки в совокупности с полученной из слоя 6 датой в 45249–44012 calBP позволяют отнести комплекс слоев 6 и 7 к начальному верхнему палеолиту и рассматривать Восточный Казахстан как регион, соединяющий синхронные комплексы начального верхнего палеолита Горного Алтая, Джунгарии и Монголии.

Ключевые слова: Казахстан, начальный верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, орудийный набор

Шығыс Қазақстандағы бастапқы жоғарғы палеолит (Үшбұлақ тұрағының материалдары бойынша)

Үшбұлақ тұрағы Шығыс Қазақстанның Шілікті алқабында орналасқан. Тұрақ голоценнен бастап жоғарғы палеолит дәуірінің алғашқы кезеңдеріне

© **Антон А. Анойкин,** *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия;* anui1@yandex.ru
Жакен К. Таймагамбетов, *Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Қазахстан;* taimagambetov@gmail.com
Галина Д. Павленок, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия;* lukianovagalina@yandex.ru
Владимир М. Харевич, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия*; *mihalich84@mail.ru*
Сергей Анатольевич Гладышев, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия*, *gladyshev57@gmail.com*
Алена Владимировна Шалагина, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия*; *aliona.shalagina@yandex.ru*
Григорий Иванович Марковский, *Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия*; markovskij@archaeology.nsc.ru

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований - проект № 18-09-00031 «Северо-восток Средней Азии в позднем плейстоцене (MIS 5 – MIS 2): развитие археологических культур и изменения природной среды».

дейінгі археологиялық материалдардан құралған сегіз литологиялық қабаттармен ерекшеленеді. Айтарлықтай көрнекті артефактілер жиынтығы 6 және 7 қабаттардан табылды. Бұл қабаттардың тас индустриясы дайындаманы жарықшақтаудың бір және екі параллельді көлемді қағидасы аясында пластина өндірісіне бағытталған бастапқы бөлумен сипатталады. Еңбек құралдар жинағында пластинадағы қырғыштар мен кескіштер, тронкировті-фасетировті бұйымдар, бұралған негізі бар ұштар, бір шеті мұқалған және сапты пластиналар, нуклеус-кескіш секілді құралдар бар. 6-қабаттан алынған бұл ерекшеліктер жиынтығы 45249–44012 calBP уақытымен мерзімделеді, бұл 6 және 7 қабаттар кешенін жоғарғы палеолит дәуірінің басына жатқызуға мүмкіндік береді және Шығыс Қазақстанды Таулы Алтайдың, Жоңғар және Моңғолияның алғашқы жоғарғы палеолитінің синхронды кешендерімен байланыстыратын аймақ ретінде қарастыруға болады.

Түйін сөздер: Қазақстан, бастапқы жоғарғы палеолит басы, тас индустриясы, бастапқы жарықшақтау, құралдар жинағы

Initial Upper Paleolithic of Eastern Kazakhstan (based on materials from Ushbulak site)

New stratified Upper Paleolithic site of Ushbulak, situated in Shilikty Valley, Eastern Kazakhstan. There are eight lithological layers (seven cultural layers), which contain the archaeological material from Holocene to Initial Upper Paleolithic. The most significant number of artifacts was discovered in the layers 6 and 7. The debitage assemblages from these layers represents primary knapping directed towards blade production by parallel uni- and bidirectional methods of volumetric core reduction. The tool assemblage includes several types, such as end-scrappers, burins on blades, truncated-faceted pieces, point with basal trimming, bitruncated blades and burin-cores. These features together with data from layer 6 allow us to attribute these two layers 6 and 7 to the Initial Upper Paleolithic and to consider Eastern Kazakhstan as a region between synchronous sites of the Initial Upper Paleolithic in Altai Mountains, Jungaria and Mongolia.

Keywords: Kazakhstan, Initial Upper Paleolithic, lithic assemblage, primary splitting, tool assemblage

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту является одной из самых обсуждаемых тем в археологии каменного века. Впервые данный вопрос встал после открытия на территории Леванта индустрий, в которых сочетались технологические и типологические особенности среднепалеолитических и верхнепалеолитических комплексов (Кзар-Акил, Эмирех и др.) [Marks, Ferring, 1988]. Промежуточное культурное, хронологическое и стратиграфическое положение данных технокомплексов позволило исследователям интерпретировать эти материалы как отдельные «переходные» индустрии. Сегодня на территории Западной Азии и Европы в рамках финала среднего – начала верхнего палеолита был выделен целый ряд подобных индустрий (Emiran, Châtelperronien, Uluzzien, Bohuniciann и др.), которые хронологически находятся в пределах MIS3 [Вишняцкий, 2008; The Early Upper Paleolithic, 1988; Marks, 1990].

В Центральной Азии переходные комплексы были открыты сравнительно недавно и их значительно меньше, чем в западной части материка. Большая часть стоянок сосредоточена в южной части региона – Западный Тянь-Шань (Оби-Рахмат, Кульбулак и др. [Krivoshapkin et al., 2010; Vandenberghe et al. 2014; Pavlenok et al., 2016]) или на его северной и северо-восточной границе –

Алтай и Северная Монголия (Кара-Бом, Усть-Каракол-1, Толбор-4, Толбор-21 и др. [Деревянко, 2011; Rybin et al., 2016]). Обширную территорию между этими областями занимает Казахстан, где «переходные» комплексы практически неизвестны. Немногочисленные материалы, которые можно отнести к ранним этапам верхнего палеолита, в стратифицированном залегании присутствуют в комплексах стоянок Майбулак, Валиханова (Южный Казахстан) и Шульбинка (Северо-Восточный Казахстан) [Петрин, Таймагамбетов, 2000; Таймагамбетов, Ожерельев, 2009].

В 2016 г. в ходе разведочных работ Российско-Казахской экспедиции в Шиликтинской долине (Восточный Казахстан) была обнаружена многослойная стоянка Ушбулак, археологические комплексы которой относятся к разным периодам верхнего палеолита. Наиболее массовый материал происходит из комплексов, отнесенных к его начальным этапам [(Shunkov et al., 2017].

Шиликтинская долина находится на северо-востоке Казахстана и представляет собой протяженную межгорную впадину. В северо-восточной предгорной части долины находится местность Ушбулак, названная так по расположенным рядом трем ручьям. В ходе разведочных работ массовый археологический материал был найден в русле ручья Восточный (около 1,5 тыс. экз.) [Shunkov et al., 2016]. Дальнейшие работы на памятнике показали наличие здесь нескольких стратифицированных археологических комплексов.

В 2016–2019 гг. на стоянке проводились разведочные и раскопочные работы (шурфы 1–13, раскопы 1 и 2) [Анойкин и др., 2019; Shunkov et al., 2017; Anoikin et al., 2019] (рис. 1). Основной участок исследований был выбран на левом борту ручья недалеко от его истока. В 2016 г. здесь была заложена траншея, ориентированная перпендикулярно склону (Shunkov et al., 2016). В 2017–2019 гг. в верхней и нижней частях траншеи были заложены два раскопа общей площадью 21 кв. м [Анойкин и др., 2019; Anoikin et al., 2019]. На полученном сводном разрезе (глубина около 7 м) было выделено восемь основных геологических слоев, в семи из которых был зафиксирован археологический материал. По его технико-типологическим характеристикам, стратиграфической позиции, сопровождающим остаткам фауны было выделено три основных культурно-хронологических комплекса: мезолитический/неолитический (слой 1), финальноверхнепалеолитический (слои 2–5.1) и начальных этапов верхнего палеолита (слои 5.2–7) (рис. 2) [Anoikin et al., 2019]. Последний комплекс представлен массовым и выразительным археологическим материалом, залегающим в слоях 6 и 7. В слое 5.2 зафиксированы единичные находки.

Кроме каменных артефактов в слоях 6 и 7 было найдено более 300 фрагментов костей, в основном неопределимых. Определимые остатки представлены зубами и мелкими трубчатыми костями архара (*Ovis ammon*), кулана (*Equus hemionus*), кабаллоидной лошади (*Equus ferus*), сибирского горного козла (*Capra sibirica*) и бизона (*Bos/Bison* sp.) [Анойкин и др., 2019; Anoikin et al., 2019].

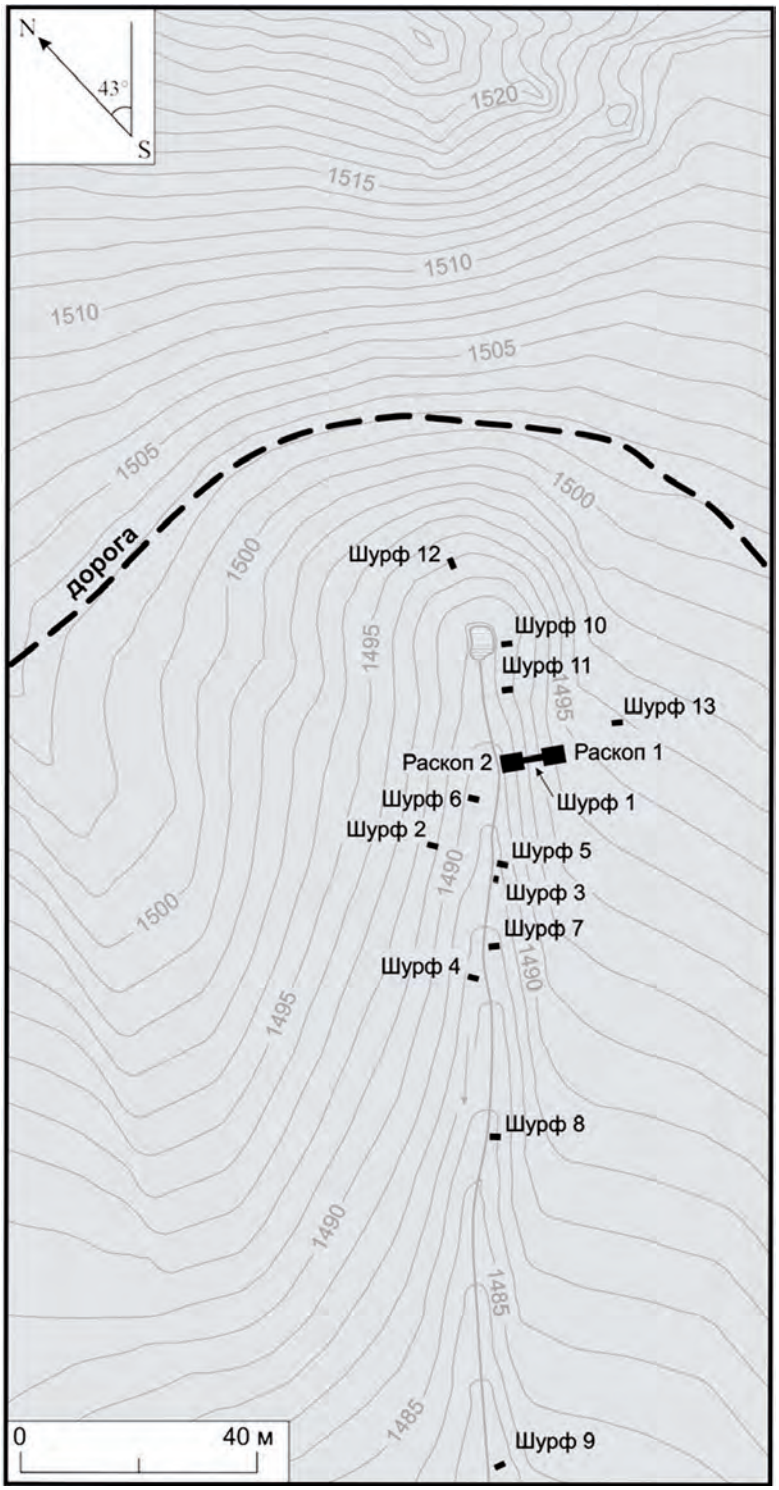

Рис. 1. Стоянка Ушбулак. План памятника

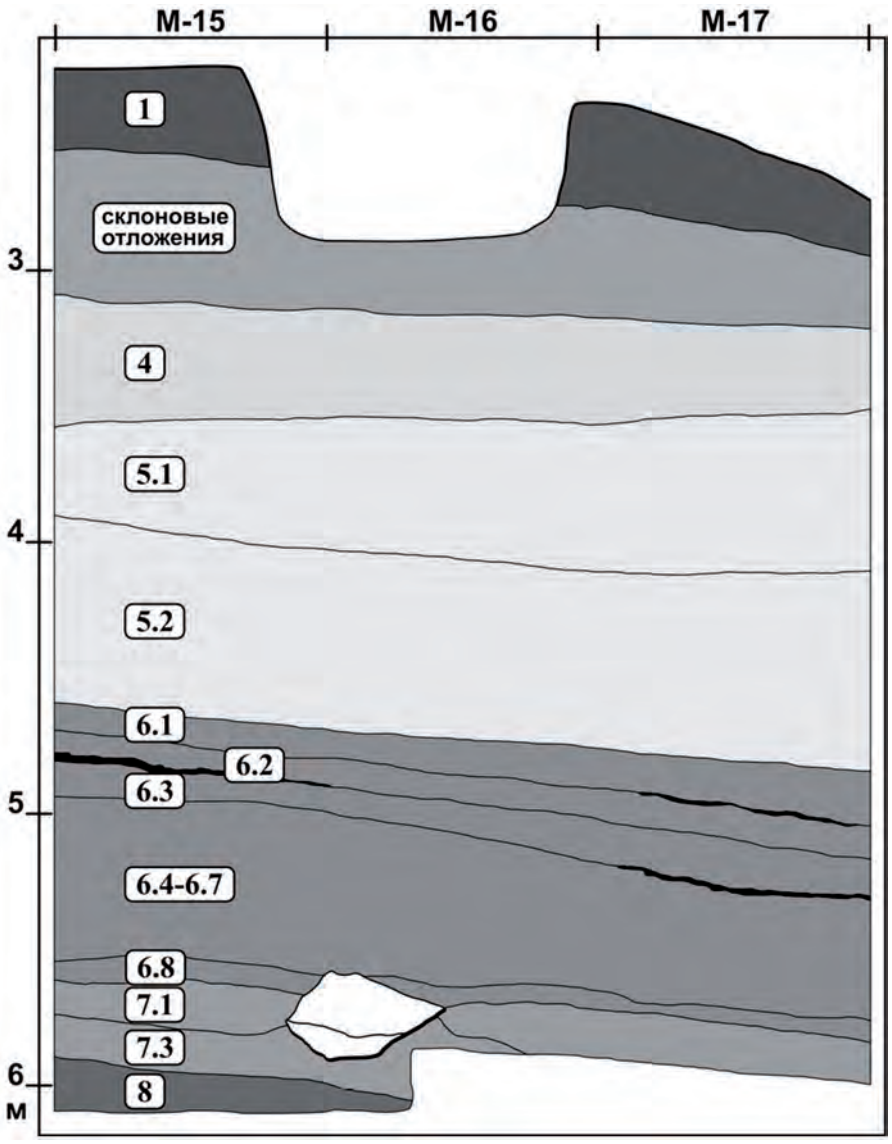

Рис. 2. Стоянка Ушбулак.
Стратиграфический разрез юго-восточной стенки раскопа 2 (2019 г.)

На настоящий момент для слоя 6 стоянки получена серия радиоуглеродных дат, выполненных по углю и фрагментам костей. Согласно им пачка отложений слоя 6 формировалась в интервале 42–32 тыс. некалиброванных лет назад [Anoikin et al., 2019].

Археологический материал из слоев 5.2–7 представлен ~16000 каменными артефактами, в том числе, 119 нуклевидными формами и 495 орудиями (рис. 3). Распределение артефактов по категориям первичного расщепления свидетельствует о том, что в этих слоях представлен полный цикл обработки камня.

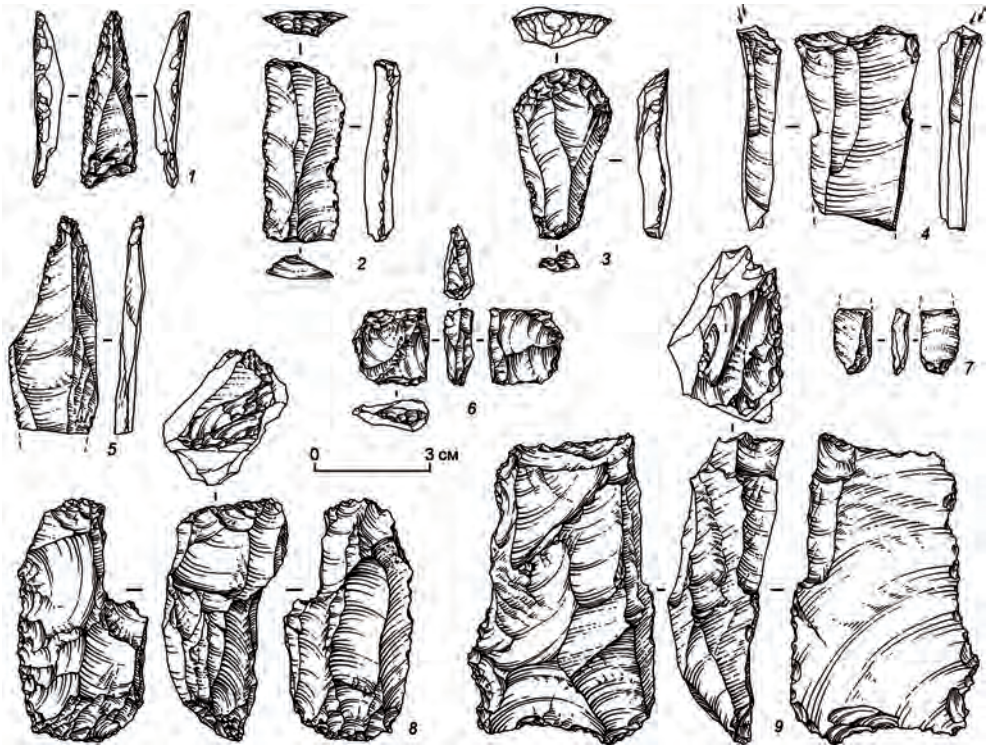

Рис. 3. Стоянка Ушбулак. Каменные артефакты из слоев 6–7 (рисунки А. В. Абдульмановой):
1 – остроконечник с ретушью; 2 – тронкированная пластина; 3 – концевой скребок; 4 – резец; 5 – проколка; 6, 8 – нуклеусы; 7 – изделие с подтеской основания; 9 – нуклеус-резец

Результаты петрографического анализа материалов, из которых изготовлены артефакты, свидетельствуют о том, что каменная индустрия стоянки является моносырьевой. Каменное сырье в 95% представлено силицитами (по классификации В.Т. Фролова 1992 г.). В редких случаях фиксируется использование эффузивов и туфов. Современные выходы аналогичных окремненных пород легкодоступны и находятся на расстоянии 5–7 км от стоянки.

Исходя из анализа нуклевидных форм и всех категорий сколов, фиксируются три основных принципа получения сколов-заготовок в рамках параллельной системы скалывания: с объемного широкого фронта, с уплощенного широкого фронта и с узкого фронта (торца). Все категории нуклеусов использовались в одно- и двухплощадочных вариантах с однонаправленным и встречным скалыванием. Независимо от характеристик нуклеусов и конкретного принципа получения с них сколов, практически все они предназначались для производства крупных и средних пластин. Более мелкие пластинчатые сколы производились, как правило, при торцовом скалывании, к которому часто переходили при уменьшении объема ядрища.

Типы технических сколов хорошо согласуются с теми принципами расщепления камня, которые были выявлены при анализе нуклеусов. Этапу первичного оформления нуклеусов соответствуют первичные и вторичные сколы с пропорциями отщепов и пластин, представленные в незначительном количестве (~5%). Их малый процент может указывать на то, что начальная обработка материала производилась за пределами изученного участка стоянки, возможно непосредственно на местах сбора каменного сырья. Максимально представлены технические сколы подправки и переоформления – это краевые снятия, среди которых значительную часть составляют реберчатые и полуреберчатые удлиненные сколы.

Индустрия сколов представлена пластинами, пластинками и отщепами. При этом наиболее массовой и показательной категорией являются пластины. Их количество и морфология хорошо согласуется с типологией ядрищ, большая часть которых была предназначена для производства крупных удлиненных заготовок. Имеющиеся в коллекции пластинки в большинстве своем, видимо, являются случайными формами. Около 80% удлиненных сколов имеют параллельную продольную и бипродольную огранку дорсальной поверхности (в равных пропорциях), подтверждая значение встречного скалывания в формировании облика индустрии. Системное расщепление, направленное на получение больших серий удлиненных сколов правильной формы и огранки, как правило, сопровождается тщательной подготовкой зоны расщепления: более 6% пластинчатых сколов имеют следы таковой. Фиксируются следующие приемы: прямое и обратное редуцирование ударной площадки, снятие карниза и пикетаж, использовавшийся самостоятельно либо в сочетании с редуцированием.

Отщепы, как правило, имеют продольную огранку и гладкие ударные площадки, в половине случаев подготовка зоны расщепления зачастую не производилась, в половине – осуществлялась теми же приемами, что и при снятии пластин.

Орудийный набор слоев 5.2–7 демонстрирует преобладание развитого верхнепалеолитического компонента. В орудийном наборе неформальные орудия (пластины и отщепы с ретушью) составляют около половины, при этом большая их часть имеет нерегулярную ретушь. Среди типологически выраженных форм наиболее многочисленны скребки. Это большая серия концевых скребков на крупных пластинах (в том числе скребки высокой формы и скребок с подработкой основания) и двойные скребки на небольших узких пластинах. Много интенсивно ретушированных пластин, а также тронкированных и тронкированно-фасетированные изделий. Последние присутствуют в одно- и двулезвийных вариантах. В значительном количестве есть выемчатые орудия с ретушированными анкошами. Резцы относительно редки, относятся к поперечным и угловым. На большинстве угловых снятие резцового скола было предварительно подготовлено ретушированием продольного края заготовки. Стоит отметить и наличие в коллекции ретушированных острий на пластинах и перфораторов (проколки). Скребла единичны и невыразительны. В единственном экземпляре представлено долотовидное изделие.

Важным элементом орудийного набора является серия изделий-маркеров, характерных для НВП-индустрий южной Сибири и Северной Монголии: пластина с перехватом, изделия с вентральной подтеской дистального края, скошенное острие, пластинка с притупленным краем, остроконечники и скребки с черешком или подтеской основания, нуклеусы-резцы, листовидный бифас.

Также в комплексе присутствуют два предмета неутилитарного назначения: небольшая плитка талька и мелкая галечка из яшмового сырья, на которых отмечены признаки искусственной обработки в технике шлифовки [Anoikin et al., 2019].

В настоящее время большинство исследователей приходит к выводу, что, анализируя феномен возникновения и распространения ранних верхнепалеолитических индустрий, необходимо учитывать их региональный контекст [Деревянко, 2011; Marks, 1990; Zwyns, 2012; Rybin et al., 2016].

В южной части Центральной Азии к комплексам перехода от среднего к верхнему палеолиту относятся индустрии обирахматской традиции (Оби-Рахмат и др.), хронологический интервал существования которой от ~80–70 тыс. л.н. до 40–37 тыс. л.н. [Krivoshapkin et al., 2010]. Первичное расщепление в данных индустриях направлено на массовое производство пластинчатых заготовок, включая мелкие формы. В орудийном наборе преобладают ретушированные пластины (в том числе остроконечные) и скребла. Характерным элементом являются нуклеусы-резцы, тронкированно-фасетированные изделия [Shalagina et al., 2015] и мелкие интенсивно ретушированные остроконечники. Верхнепалеолитические типы (резцы, концевые скребки) представлены незначительно. В целом, на протяжении всего существования данной традиции ее технокомплексы демонстрируют схожие индустриальные черты [Кривошапкин, 2012].

Иная картина наблюдается в северной части региона. Формирование верхнепалеолитических традиций здесь фиксируется в более позднее время (50–40 тыс. л.н.), а в самом процессе выделяется несколько этапов, наиболее ранний из которых определяется как начальный верхний палеолит (НВП) [Rybin, 2014]. Исследования последних лет позволили объединить ряд переходных комплексов региона в вариант НВП южносибирско-монгольского типа [Rybin et al., 2016]. Все они относятся к достаточно узкому хронологическому интервалу и обладают рядом общих диагностируемых культурных признаков. Первичное расщепление в большинстве комплексов характеризуется сочетанием незначительной доли леваллуазского расщепления и верхнепалеолитического пластинчатого раскалывания. Последнее, как правило, направлено на массовое производство крупных пластин, в основном, в рамках утилизации подпризматических двуплощадочных однофронтальных ядрищ параллельного способа скалывания. Менее заметную роль в пластинчатом производстве играют плоскостные одно- и бинаправленные широкофронтальные и торцовые нуклеусы. Наиболее важным элементом технокомплексов является наличие нескольких специфических типов изделий (изделия-маркеры).

Среди них: 1) нуклеусы-резцы; 2) скошенные острия; 3) острия/пластинки с притупленным краем; 4) изделия с вентральной подтеской дистального окончания; 5) листовидные/овальные бифасы; 6) пластины с основанием-черешком; 7) острия с утончением поперечного края (с насадом); 8) предметы неутилитарного назначения/украшения [Rybin, 2014].

Наиболее раннее появление обозначенных признаков в регионе фиксируется в материалах стоянок Горного Алтая. В слоях 11.1 и 11.2 Восточной галереи Денисовой пещеры (~50–45 тыс. л.н.), там были обнаружены орудия с вентральной подтеской дистала, скошенные острия и украшения [Деревянко, 2011; Деревянко и др., 2014; Rybin, 2014]. Наиболее полный набор этих признаков фиксируется в материалах горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом (~44–43 тыс. л.н.) [Rybin, 2014].

Помимо Российского Алтая подобные комплексы известны также в Прибайкалье, Забайкалье, Северной Монголии, Джунгарии и Монгольском Алтае. Их возраст определяется интервалом ~43–35 тыс. л.н. [Деревянко, 2011; Zwyns, 2012]. Хронология и технико-типологический облик этих комплексов позволили исследователям предполагать, что предковым районом для НВП данных территорий является Российский Алтай. Именно с его территории около 45 тыс. л.н. могло происходить быстрое проникновение носителей этой культурной традиции в восточном направлении – в Монголию и далее, в Забайкалье [Деревянко, 2011; Rybin, 2014].

В настоящее время реконструируются несколько возможных маршрутов продвижения данной традиции, один из которых мог проходить через хребты Монгольского Алтая и Джунгарию, продолжаясь вдоль северной кромки Гобийского Алтая и озерных котловин до бассейна р. Селенги [Rybin et al., 2016].

На территории Монгольского Алтая в настоящее время не известно стратифицированных комплексов этого периода, однако фиксируется ряд местонахождений с поверхностным залеганием артефактов, содержащих устойчивый компонент культурных маркеров НВП [Rybin, 2014]. На местонахождении Баян-нур-13 присутствуют пять из перечисленных выше специфических типов изделий [Деревянко и др., 1990; Rybin, 2014]. Набор из четырех специфических маркирующих типов изделий и соответствующее первичное расщепление фиксируется на местонахождениях Орок-нур-1, Орок-нур-2 [Деревянко и др., 2000; Rybin, 2014]. Помимо этого местонахождение Луотоши с подъемным археологическим материалом, отнесенным к НВП, было зафиксировано в пределах Джунгарской котловины (Северо-Западный Китай). Индустрия данного комплекса характеризуется сочетанием леваллуазского и подпризматического пластинчатого расщепления, а также фиксируются пять маркирующих типов изделий [Derevianko et al., 2012].

Стоянка Ушбулак занимает промежуточное территориальное положение между регионами Горного Алтая и Джунгарией (Лотоши находятся от нее в ~100 км к юго-востоку, основные стоянки Алтая с НВП-комплексами - ~500 км к северу). При этом она является единственным стратифицированным

памятником в регионе, южнее Горного Алтая и Северной Монголии, на котором достоверно зафиксированы признаки НВП.

Каменную индустрию слоев 6–7 стоянки Ушбулак характеризует первичное производство, направленное на изготовление крупных и средних пластин, в том числе остроконечных. Основными категориями нуклеусов являются одно- и бипродольные подпризматические и плоскостные широкофронтальные. Менее значимо торцовое расщепление. Мелкопластинчатое производство редко, леваллуазское производство не представлено. В орудийном наборе доминируют концевые скребки на пластинах, заметен процент выемчатых изделий, присутствуют тронкированные пластины, тронкированно-фасетированные формы, проколки, резцы. Скребла единичны. Из набора маркеров НВП-индустрий в комплексе зафиксировано шесть: нуклеусы-резцы; скошенные острия; изделия с вентральной подтеской дистального окончания; пластины с основанием-черешком; острия с утончением поперечного края (с насадом); возможно, предмет неутилитарного назначения. Особенности первичного расщепления, состав орудийного набора и абсолютные даты (~41 тыс л.н. для слоя 6) позволяют относить этот комплекс к варианту НВП сибирско-монгольского типа. Наиболее близкие аналогии эти материалы имеет комплекс ВП2 стоянки Кара-Бом.

Характеристика первичного расщепления и орудийных наборов этих комплексов совпадают по всем основным параметрам. Главное отличие заключается в отсутствии на Ушбулаке леваллуазского расщепления и одного из типов орудий-маркеров –острий/пластинок с притупленным краем.

Таким образом, проведенная аналитика позволяет относить рассматриваемый комплекс археологических материалов к ранее предложенной сибирско-монгольской общности начального верхнего палеолита [Rybin, 2014]. Этот факт позволяет вписать обширную территорию современного Северо-Восточного Казахстана, исключительно бедную на стратифицированные материалы каменного века, в систему понимания передвижений носителей верхнепалеолитических традиций и технологий и связать такие ключевые территории, как Российский Алтай и Северная Монголия. Ранее такие маршруты предполагались лишь гипотетически. С обнаружением стоянки Ушбулак выдвинутая теория получает яркое фактическое подтверждение.

Литература

Анойкин А.А., Харевич В.М., Павленок Г.Д., Бочарова Е.В., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г.Т., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 26-35.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб.: изд-во СПГУ, 2008. 251 с.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 560 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Васильевский Р.С., Ларичев В.Е., Петрин В.Т., Девяткин Е.В., Малаева Е.М. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит Монгольского Алтая. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск: изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. 440 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования Homo sapiens. Новосибирск: изд-во ИАЭт СО РАН, 2014. 228 с.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … докт. ист. наук. Новосибирск, 2012. 38 с.

Павленок К.К., Кривошапкин А.И., Шалагина А.В. Технологическая вариабельность оби-рахматиана: худжийская индустрия западного Памиро-Тянь-Шаня // Stratum plus. 2016. № 1. С. 85-101.

Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Комплексы палеолитической стоянки Шульбинка из Верхнего Прииртышья. Алматы: изд-во КазНУ им. аль-Фараби; ИАЭт СО РАН, 2000. 165 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2009. 256 с.

Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Zh.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – a New Stratified Upper Paleolithic Site in Northeastern Kazakhstan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2019. Vol. 4. P. 16-29.

Derevianko A.P., Xing G., Olsen J.W., Rybin E.P. The Paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2012. Vol. 4. P. 2-18.

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rachmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiokarbon. 2010. Vol. 52. P. 549-554.

Marks A.E. The Middle and Upper Palaeolithic of the Near East and the Nile Valley: The Problem of Cultural Transformations // The Emergence of Modern Humans: An Archaeological Perspective. Mellars P.A. (Ed.). Edinburgh, 1990. P. 56-80.

Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Paleolithic of the Levant // The Early Upper Paleolithic: evidence from Europe and the Near East. Hoffecker J.F., Wolf C.A. (Ed.). BAR International Series. 1988. Vol. 437. P. 43-72.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 39-52.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 69-87.

Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A. Truncated-faceted pieces in the Paleolithic of Nothern Asia // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. Vol. 4. P. 33-45.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity: Project Gallery. 2017. Vol. 91 (360). P. 1-7. doi:10.15184/aqy.2017.208.

The Early Upper Paleolithic: evidence from Europe and the Near East. Hoffecker J.F., Wolf C.A. (Ed.). BAR International Series. 1988. Vol. 437. 277 p.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary International. 2014. Vol. 324. P. 180-189.

Zwyns N. Laminar Technology and the Onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia (Studies in Human Evolution): Doctoral Thesis. Leiden: Leiden University Press, 2012. 414 p.

О. А. Артюхова, Т. Б. Мамиров

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ТОКТАУЛ в 2019 году

В 2019 г. были продолжены полевые исследования на стоянке Токтаул (Улытауский р-н, Карагандинская обл.). Раскопки позволили проследить полностью стратиграфию стоянки в меридиональном направлении от южной окраины до природниковых участков, где дерновый слой подстилается маломощной серой и каштановой ожелезненной почвой. Результаты раскопок 2018–2019 гг. усложнили представления об истории формирования родника и планиграфии стоянки. Наиболее древние мезолитические и неолитические артефакты приурочены к карбонатному кольцу вокруг родника. Наиболее молодые – энеолитические – локализуются в непосредственной близости к открытой воде источника. Сохранность культурных слоев на памятнике позволяет выделить этапы заселения памятника от мезолита до энеолита.

Ключевые слова: археология, каменный век, стоянка, стратиграфия, каменные артефакты

2019 жылы Тоқтауыл тұрағын зерттеулер

2019 ж. Тоқтаул тұрағында (Қарағанды обл., Ұлытау ауд.) далалық зерттеулер өз жалғасын тапты. Қазба жұмыстары тұрақтың оңтүстік шетінен бұлақ маңына қарай меридианды бағыттағы стратиграфиясын толық анықтауға мүмкіндік жасады. Мұндағы шым қабаты әлсіз сұр және құрамында темірі бар топырақтан тұратыны айқындалды. 2018–2019 жж. қазба жұмыстарының нәтижелері бұлақтың қалыптасуы мен тұрақтың планиграфиясы жөніндегі жалпы көріністі күрделендіре түсті. Ежелгі мезолиттік және неолиттік жәдігерлер бұлақ айналасындағы карбонатты аймаққа тән. Энеолиттік жәдігерлер бұлақ суының маңында шоғырланған. Тұрақтың сақталған мәдени қабаты ескерткішті адамдардың мезолиттен энеолитке дейін қоныстанғандығын айқындауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, тас ғасыры, тұрақ, стратиграфия, тас артефактілер

Researches of the sites Toktaul in 2019

In 2019 the field researches at the site Toktaul were continued. Excavations made it possible to trace completely the stratigraphy of the site in the meridional direction from the southern outskirts to nature areas where the turf layer is underlain by thin gray and chestnut ferruginous soil. Excavation results 2018–2019 complicated the idea of the history of the formation of the spring and the planigraphy of the man site. The most ancient Mesolithic

© Ольга А. Артюхова, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* paleo_artuhova@mail.ru;
Талгат Б. Мамиров, *Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан;* tmamirov@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565.

and Neolithic artifacts are confined to the carbonate ring around the spring. The youngest - Eneolithic - are localized in close proximity to the open water of the source. The preservation of cultural layers on the monument allows you to highlight the stages of the settlement of the monument from the Mesolithic to the Eneolithic.

Keywords: archeology, Stone Age, site, stratigraphy, stone artifacts

В 2019 г. были продолжены работы на стратифицированном памятнике каменного века Токтаул в микрорайоне Талдысай (Улытауский р-н, Карагандинская обл.). Стоянка приурочена к роднику в верхней части межсопочной седловины и, по мнению ведущего специалиста по четвертичной геологии Б. Ж. Аубекерова, функционировала в течение всего голоцена, что уникально для родниковой стоянки в аридных условиях Казахского мелкосопочника [Аубекеров и др., 2007, с. 78–79] (рис. 1).

В 2018 г. для уточнения стратиграфии на памятнике была заложена канава шириной 1 м в направлении С–Ю. В 2018 г. было пройдено 36 кв. м глубиной от 40 до 68 см. В ходе раскопок было обнаружено 3843 каменных артефактов (из них 177 орудий и нуклеусов), около 200 костных остатков и три мелких фрагмента керамики [Артюхова, Мамиров, 2019, с. 66].

Рис. 1. Географическое положение стоянки Токтаул, место раскопа 2019 года

В 2019 г. канава была продолжена в северном направлении, к центру болотца, в которое превратился источник, еще на 13 м (рис. 2). Всего было получено 1137 каменных артефактов. Зафиксировано их распределение по квадратам и глубинам.

В дерновом слое (глубина 0–10 см) было выявлено 17 орудий:

– скребки на отщепах (3 экз.) (рис. 3, *1;* 4, *5, 6*);

– два обломка бифасиальных изделий, размерами 58×39×18 мм (рис. 3, *4*) и 41×23×10 мм и обломок бифасиального наконечника стрелы (рис. 3, *6*);

– два скребла из полукраевых сколов: двойное выпуклое (рис. 3, *7*) и продольное выпуклое (рис. 4, *1*);

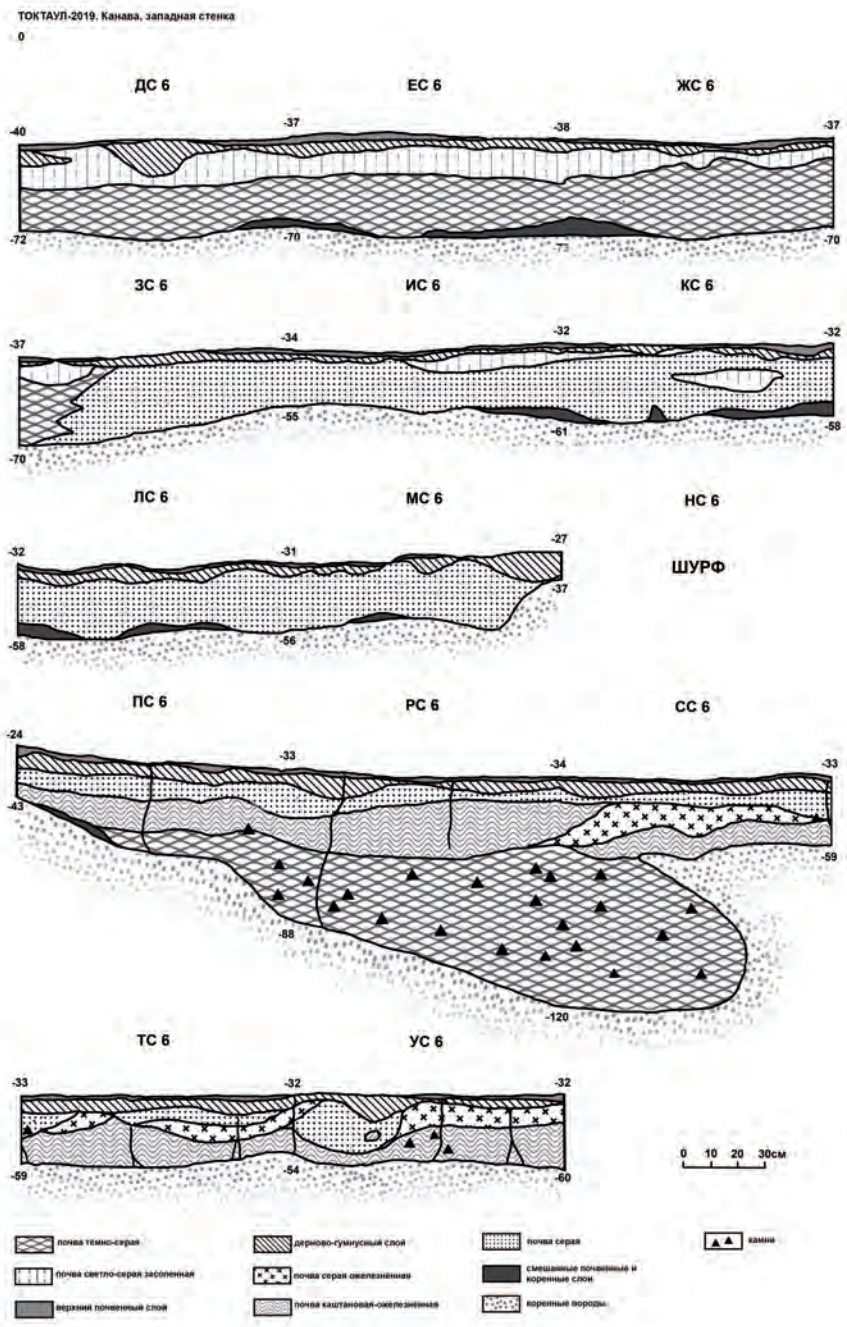

Рис. 2. Стоянка Токтаул, разрез канавы 2019 года, западная стенка

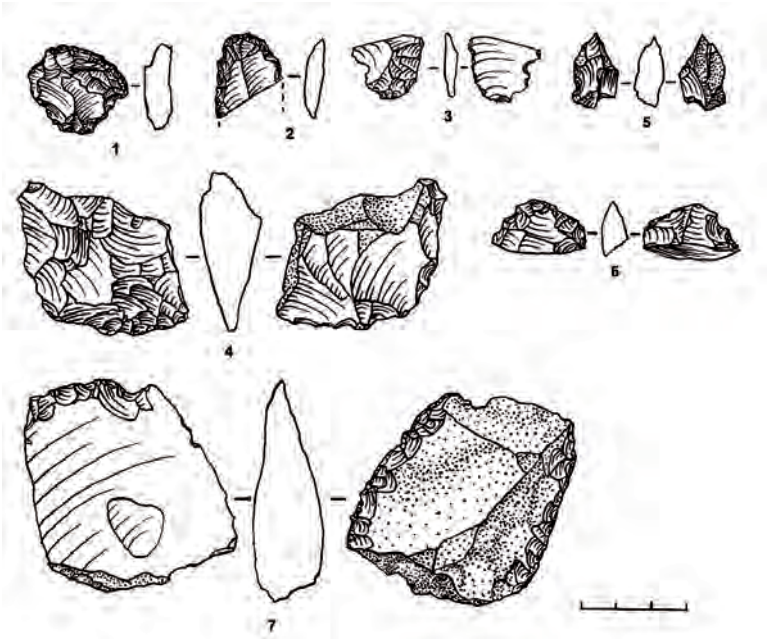

Рис. 3. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 0–10 см: 1 – скребок на отщепе; 2–3 – фрагменты пластин с ретушью; 4 – обломок бифаса; 5 – проколка; 6 – обломок бифасиального наконечника; 7 – скребло

– два фрагмента пластин с ретушью (рис. 3, *2, 3*);

– проколка из обломка бифасиального наконечника (рис. 3, *5*);

– угловой резец на проксимальном фрагменте пластины с притупленными мелкой ретушью краями (рис. 4, *3*);

– выемчатое орудие из отщепа овальной формы размерами 15×23×3 мм;

– долотовидное орудие из обломка нуклеуса клиновидной формы (рис. 4, *4*);

– недиагностируемая заготовка орудия трехгранной формы размерами 69×38×28 мм;

– обломок отщепа с мелкой зубчатостью, отделанной обратной микроретушью (рис. 4, *2*);

– обломок ребристой пластины со следами утилизации и мелкой обратной ретушью аккомодации на левом краю; размеры 45×19×9 мм.

На глубине 10-20 см было выявлено наибольшее количество орудий – 26 экз., а также одна преформа фронтального нуклеуса, пирамидальной формы, размерами 55×56×39 мм, из светло-серого кремнистого аргиллита.

Орудия представлены следующими типами:

– скребки (5 экз.), один концевой на пластине (рис. 6, *1*), остальные скребки на отщепах и их фрагментах (рис. 5, *5, 9*). У одного лезвие оформлено на месте ударной площадки обратной субпараллельной глубокой отвесной ретушью средних и мелких размеров, правый край приострен лицевой пологой ретушью (рис. 5, *4*);

– бифасиальные орудия – 3 экз.: целый асимметричный бифас с обушком (рис. 6, *4*); обломки бифасиальных наконечников стрелы, размерами 33×15×7 мм, и дротика (рис. 5, *8*);

– долотовидные орудия – 2 экз., первый из нуклевидного обломка размерами 55×31×17 мм, второй из трехгранного обломка отщепа, размерами 40×20×11 мм;

– резцы – 2 экз.: угловой на обломке полукраевого отщепа трапециевидной формы. Рабочая кромка оформлена двумя резцовыми сколами: продольным и поперечным (рис. 5, *2*). Второй, на проксимальном фрагменте пластины. Резцовый скол нанесен с дистального косого облома на правый край (рис. 5, *10*);

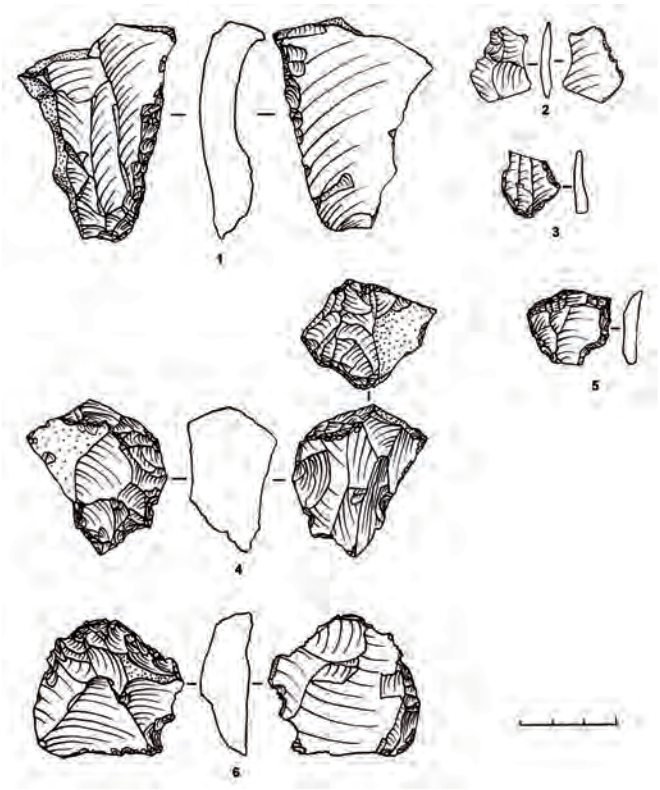

Рис. 4. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 0–10 см: 1 – скребло; 2 – обломок отщепа с ретушью; 3 – угловой резец; 4 – долотовидное орудие; 5–6 – скребки на отщепах

– фрагменты пластин со вторичной обработкой – 4 экз., первый проксимальный фрагмент, размерами 16×11×2 мм, с лицевой нерегулярной ретушью на левом краю; остальные медиальные фрагменты: первый с притупленным ретушью концом и резцовым сколом на ретушированном краю (рис. 5, *7*); второй с зубчатой ретушью и притупленным ретушью краем неправильно-овальной формы (рис. 5, *11*); третий - с ретушью по обеим сторонам, причем ретушь противолежащая, мелкая крутая. Такой же ретушью, лицевой, усечен наискось сохранившийся конец, другой обломан (рис. 6, *3*);

– фрагменты отщепов с ретушью мелкой и нерегулярной – 3 экз.: размерами 24×15×5 мм, 22×22×4 мм и 27×18×3 мм (рис. 6, *2*).

По одному экземпляру представлены:

– скреблышко из округлого отщепа (рис. 5, *6*);

– скребло из полукраевого отщепа. Лезвию противостоит тупой массивный край, покрытый коркой (рис. 6, *5*);

– скребловидное орудие из обломка отщепа, размерами 27×51×12 мм, с лезвием, отделанным отвесной чешуйчатой ретушью средних размеров и с массивными ретушированными рыльцами по краям лезвия;

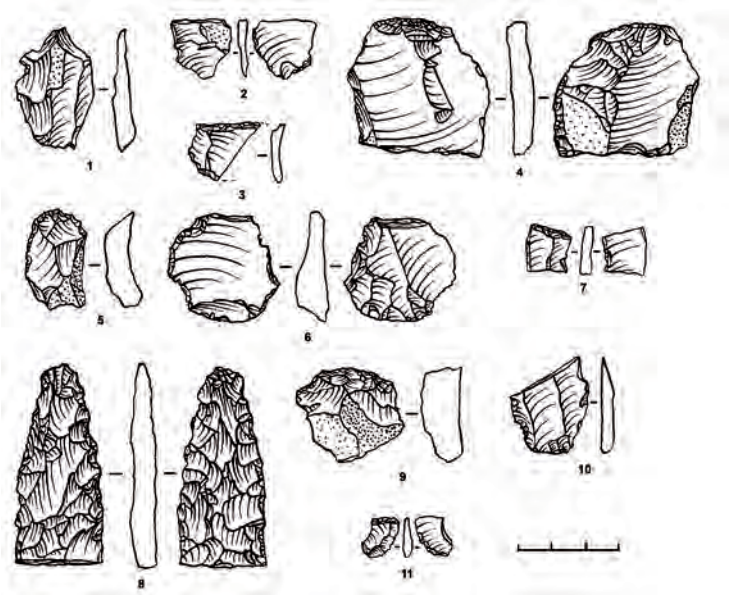

Рис. 5. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 10–20 см:
1 – зубчато-выемчатое орудие; 2, 10 – резцы; 3 – геометрический микролит;
4, 5, 9 – скребки; 6 – скреблышко; 7, 11 – фрагменты пластин с ретушью;
8 – обломок бифасиального изделия

– зубчато-выемчатое орудие из отщепа овальной формы. Зубец выделен в левом верхнем углу отщепа двумя выемками с противолежащей ретушью (рис. 5, *1*);

– поврежденная трапеция. Левый край вогнутый, правый – прямой. Края подправлены мелкой отвесной субпараллельной ретушью (рис. 5, *3*);

– рыльце, расположенное в средней части правого края полукраевого отщепа размерами 32×47×8 мм;

– сомнительное орудие – обломок овальной формы, размерами 76×56×27 мм, с ретушью на нескольких выступающих участках.

В интервале глубин 20–30 см встречены 18 орудий, один обломок нуклеуса и одна заготовка нуклеуса.

Обломок нуклеуса из светло-серого кремнистого аргиллита, расколот вдоль, имеет трапециевидную форму. Сохранился участок фронта с пластинчатыми негативами, ударная площадка, образованная одним снятием и подправленная мелкими сколами от фронта (рис. 8, *4*).

Заготовка одностороннего двуплощадочного нуклеуса с выпуклым контрфронтом, оббитым поперечными сколами. Ударные площадки на противолежащих концах грубо подправлены, негативов хороших сколов на фронте нет (рис. 7, *11*).

Орудия:

- два скребка на отщепах: первый вееровидный, левый край осложнен резцовым сколом (рис. 7, *7*), второй овальный (рис. 8, *1*);

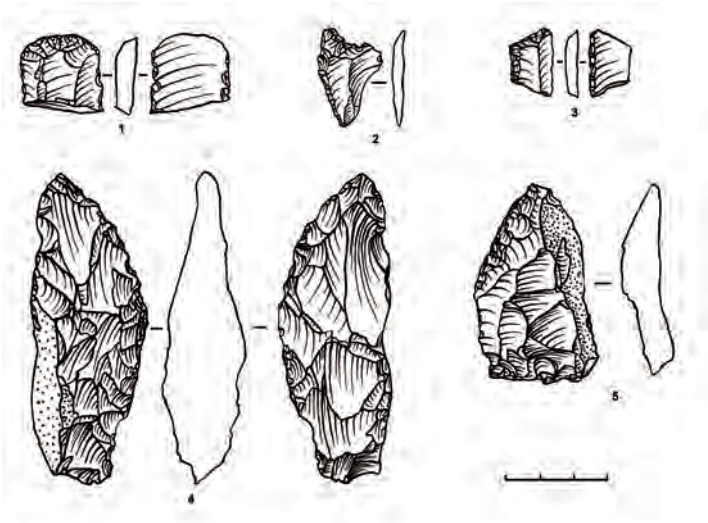

Рис. 6. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 10–20 см: 1 – скребок; 2 – фрагмент отщепа с ретушью; 3 – фрагмент пластины с ретушью; 4 – бифас; 5 – скребло

- скребла – 2 экз., оба поперечные выпуклые. У первого чешуйчатая лицевая пологая ретушь средних размеров заходит и на правый край (рис. 8, *2*); второе с бифасиальной чешуйчатой ретушью, размерами 40×79×13 мм;

- резцы – 2 экз. Первый на проксимальном фрагменте пластины, резцовый скол нанесен на дорзальную сторону левого края (рис. 7, *8*); второй – двойной резец на углу сломанной пластины. Резцовые сколы нанесены на левый край сверху и на дистал слева, образуя кромку в левом верхнему углу (рис. 7, *3*);

- острия – 2 экз. Первый на обломке отщепа листовидной формы размерами 21×9×5 мм. На дистальном конце двумя выемками выделено острие. Второй изготовлен из медиального фрагмента пластины мелкой параллельной обратной ретушью; основание повреждено (рис. 7, *1*);

- бифасиальные наконечники, фрагментированные – 2 экз. Первый – наконечник дротика – сломан в процессе изготовления (рис. 7, *4*), второй экземпляр – фрагмент бифасиального наконечника стрелы (рис. 7, *9*);

- фрагменты пластин с ретушью – 3 экз. Первый проксимальный фрагмент пластинки с двугранной спинкой, размерами 13×15×2 мм, имеет обратную мелкую зубчатую ретушь на проксимальном и правом краях; второй - дистальный фрагмент - с крутой лицевой ретушью по правому и дистальному краям (рис. 7, *6*); третий - медиальный фрагмент пластины с притупливающей ретушью по одному краю (рис. 7, *5*).

Единичны следующие орудия:

– атипичная проколка из треугольного фрагмента отщепа. Жало на дистальном конце выделено мелкой противолежащей ретушью, в основании есть шип, с мелкой лицевой ретушью (рис. 7, *10*);

– трапеция с симметричными вогнутыми краями (рис. 8, *3*);

– выемчатое орудие из медиального фрагмента пластины. Выемки размерами 4×1,5 и 12×2 мм оформлены лицевой субпараллельной ретушью на левом и дистальном краях изделия (рис. 7, *2*);

– отщеп с ретушью краевой нерегулярной на дистальном конце, размерами 22×17×4 мм;

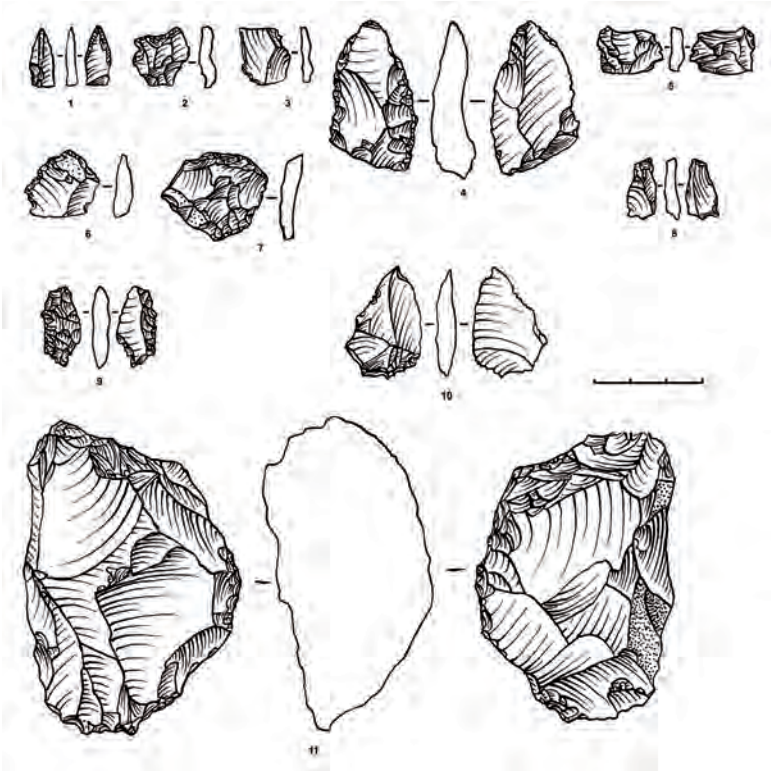

Рис. 7. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 20–30 см: 1 – острие; 2 – выемчатое орудие; 3, 8 – резцы; 4, 9 – фрагменты бифасиальных изделий; 5–6 – фрагменты пластин с ретушью; 7 – скребок; 10 – атипичная проколка; 11 – заготовка нуклеуса

– обломок отщепа трапециевидной формы размерами 25×37×7 мм. На выпуклом левом краю сохранилась хорошая плоская ретушь средних размеров.

На глубине более 30 см количество артефактов резко уменьшается. В интервале 30–40 см обнаружен один обломок нуклеуса и четыре орудия:

– обломок нуклеуса трехгранной формы, размерами 72×36×19 мм, из розовато-серого узорчатого кремнистого аргиллита с ретушью мелкой лицевой крутой на одном из острых выпуклых краев (скребло?);

– скребла – 2 экз.: двойное выпуклое из пластинчатого отщепа размерами 41×42×11 мм, ретушь крутая на левом массивном краю, пологая – на остром правом; второе скребло выпуклое на обломке полукраевого скола размерами 55×27×10 мм;

– резец на углу дистального фрагмента пластины (рис. 9, *1*);

– проксимальный фрагмент пластины с противолежащей мелкой полукрутой ретушью по краям (рис. 9, *2*).

На глубине 40 – 50 см встречено всего три орудия:

– скребок концевой на пластине с ретушированными краями. Ретушь лезвия параллельная средних и мелких размеров, по краям – очень мелкая полукрутая (рис. 9, *3*);

– комбинированное орудие из трапециевидного отщепа размерами 27×21×5 мм. На краях видны скребловый участок и две выемки;

– осколок отщепа с плотной лицевой микроретушью на прямом левом краю трапециевидной заготовки, остальные края – прямые обломы, размерами 15×20×3 мм.

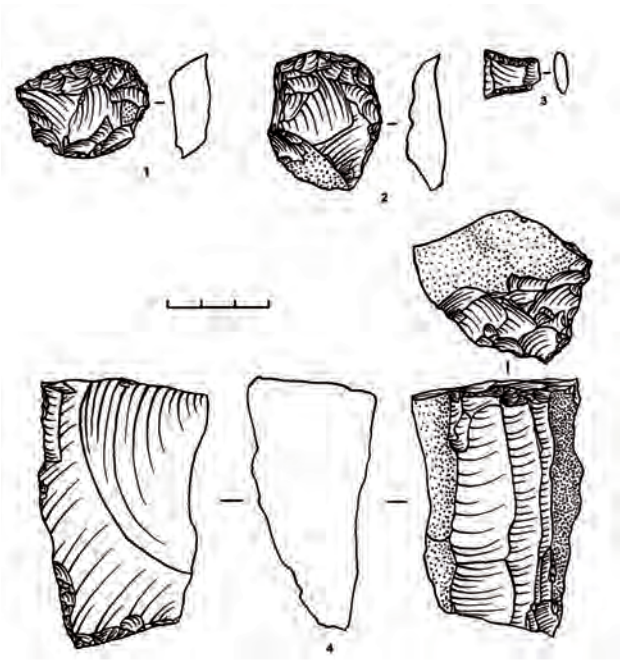

Рис. 8. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 20–30 см: 1 – скребок; 2 – скребло; 3 – геометрический микролит; 4 – обломок нуклеуса

На глубине 50–60 см раскопано два орудия:

- резец на углу проксимального фрагмента пластинки размерами 9×10×2 мм, резцовый скол нанесен на острый левый край с дистального вогнутого облома;

- отщеп с ретушью, треугольной формы, размерами 21×15×5 мм, обратной субпараллельной распространенной мелкой ретушью приострен левый вогнутый край.

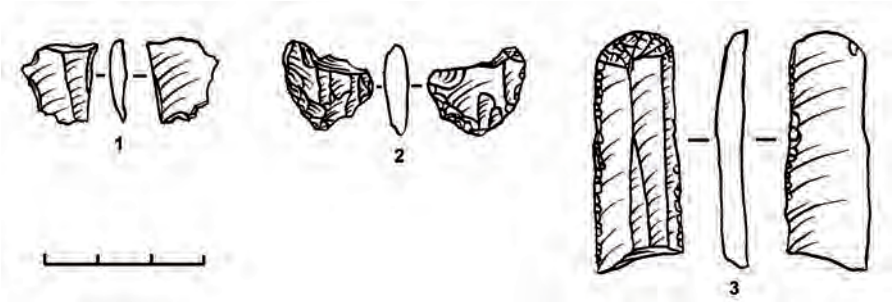

Рис. 9. Стоянка Токтаул, каменные артефакты, глубина 30–50 см: 1 – резец; 2 – фрагмент пластины с ретушью; 3 – скребок

На глубине 60–70 см были найдены один нуклеус и четыре орудия.

Нуклеус представляет собой валун из светло-серого кремнистого аргиллита, размерами 68×82×60 см. На одной поверхности 3–4 сколами оформлена ударная площадка. Фронт имеет форму параллелограмма, на нем видны негативы семи субпараллельных снятий плоских отщепов.

Орудия:

- скребок на конце сильно поврежденной пластины размерами 22×12×5 мм;

- обломок бифаса размерами 101×42×28 мм, с острыми трехгранными концами и следами бифасиальной оббивки на правом выпуклом краю;

- два фрагмента отщепов с ретушью. В первом случае использовалась мелкая полукрутая ретушь на левом выпуклом крае обломка размерами 18×31×6 мм, во втором чередующаяся микроретушь на обломке размерами 26×13×4 мм.

Раскопки 2019 г. позволили проследить полностью стратиграфию стоянки до родника в северной его части, где маломощный дерновый слой подстилается серой и каштановой ожелезненной почвой. В квадратах РС и СС (рис. 1), наблюдается углубление до 70 см, заполненное темно-серыми глинистыми отложениями. На участках стоянки близ родника мощность рыхлых отложений составляет менее 30 см, под ними прослеживаются коренные карбонатные породы.

Результаты раскопок 2018–2019 гг. усложнили наши представления об истории формирования родника и планиграфии стоянки. Окружают родник не фитогенные отложения, а коренные карбонатные породы, возможно, вторичные. Наиболее древние артефакты приурочены к карбонатному кольцу вокруг родника. Наиболее молодые – энеолитические – локализуются в непосредственной близости к открытой воде источника.

Литература

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследование стоянок Улкен Жезды и Токтаул в Улытау в 2018 г. // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 61-73.

Аубекеров Б.Ж., Артюхова О.А., Бирмуханова А.У., Нигматова С.А., Кузнецова Л.Л., Перевозов С.В. Геоморфологические условия и история родника Токтаул (в Центральном Казахстане) // Проблемы экологической геоморфологии: матер. междунар. науч.-практ. конф. «IV Жандаевские чтения» (г. Алматы, 17–19 апреля 2007 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2007. С. 78-82.

В. Ф. Зайберт, И. С. Құрманиязов

БОТАЙ ҚОНЫСЫНДАҒЫ 2019 ЖЫЛҒЫ КЕШЕНДІ ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕЛЕРІ

Мақала Ботай археологиялық халықаралық экспедициясының 2019 ж. Ботай қонысында жүргізген археологиялық кешенді зерттеулерінің нәтижелері көрсетілген. Ботай қонысын зерттеу Еуразия құрлығы, соның ішіндегі Қазақстанның ежелгі тарихын зерттеудегі маңызды ескерткіштердің бірі болып табылады. 2019 ж. далалық маусымда негізгі археологиялық қазба жұмыстары Ботай қонысының оңтүстік-шығыс алаңындағы үлкен жарқабақтың үстінен үш жерден салынды. Жалпы қазба жұмыстарының аумағы 312 шаршы метр болды.

Түйін сөздер: Солтүстік Қазақстан, археология, Ботай қоныс

Результаты комплексных археологических исследований поселения Ботай 2019 г.

Статья содержит результаты комплексных археологических исследований, проведенных на поселении Ботай в 2019 г. Ботайской международной археологической экспидецией. Исследование поселения Ботай является одним из важнейших памятников истории Казахстана, в том числе и Евразии. В полевом сезоне 2019 г. основные археологические раскопки проводились на трех участках юго-восточной площадки поселения, над большой впадиной. Общая площадь раскопок 312 кв. м.

Ключевые слова: Северный Казахстан, археология, поселение Ботай

Results of comprehensive field research in Botay settlement in 2019

The article contains the results of comprehensive archaeological research conducted in the Botay settlement in 2019 by the «Botay international archaeological expedition». The study of the Botay settlement is one of the most important monuments of the history of Kazakhstan, including the Eurasian continent. In the 2019 field season, the main archaeological excavations were built in three locations on the South-Eastern area of the Botay settlement over the big jargon. The total area of the excavation is 312 square meters.

Keywords: Northern Kazakhstan, archeology, Botay settlement

Ботай мәдениеті – энеолит дәуірінде Солтүстік Қазақстан аймағын мекендеген тайпалардың мәдениеті. Солтүстік Қазақстан облысы, Айыртау ауданы, Никольское ауылынан оңтүстік-шығысқа қарай 1,5 шақырым жерде орналасқан. Ботай қонысын 1980 ж. Солтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы (жетекшісі В.Ф. Зайберт) алғаш ашып, оны ғылыми айналымға енгізді, қазіргі уақытқа дейін зерттеу жұмыстарын жүргізіліп келеді.

© Виктор Ф. Зайберт, Ислам С. Құрманиязов, *әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан;* zaibert_ku@mail.ru; egypet.993@mail.ru

Ботай археологиялық халықаралық экспедициясының 40 жыл бойы үздіксіз жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында Ботай қонысынан өте бай археологиялық және палеобиологиялық материал жиналды және бірқатар шетел ғалымдарының ғылыми ізденістері мен зерттеулері Солтүстік Қазақстанның ежелгі тарихына қатысты бірталай ғылыми жаңалықтар ашты.

Ботай қонысы әлемде алғашқылардың бірі болып жартылай отырықшылық тұрмыс салтына көшкен. Ботай қонысында нағыз сәулетшілік тәсілдермен ағаштан күрделі үй құрылыстарын жүргізе бастаған [Зайберт, 2007, с. 15–20; 2009; 2011, с. 24–25]. Жартылай жер үстіне тұрғызылған үйлер ағаштан, саз балшықтан, жылқы сүйегінен, қайыңның қабығынан және шымнан салынған.

2017 ж. тұңғыш Президентіміздің Н.Ә. Назарбаевтың бастамасымен «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мемлекеттік бағдарламасы басталды. Ботай қонысы, республикалық маңызы бар ескерткіш ретінде, Қазақстанның киелі нысандарының тізіміне енгізіліп, өзінің алғашқы жоғары мәртебесін алды. 2017 ж. бастап Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты кешенді зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді.

Соңғы үш жыл ішінде институт басшылығы Ботай қонысында қазба жұмыстарын жүргізуге ерекше мән берді, өйткені Ботай мәдениетінің көпжылдық зерттеулері дала өркениеті мен қазақ халқының культурогенезінің бастауы б.д. IV мыңжылдығында тұрғанын көрсетті.

Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының міндеті ұлттық мәдениеттің пайда болуы мен даму тарихының мемлекеттік тұжырымын құру, қоғам өмірінің барлық салаларында тарихи тәжірибе мен ұлттық идеясын қалыптастыру болатын.

Ғылыми зерттеу тобына еліміздің іргелі оқу орындары мен мәдениет мекемелерінің қызметкерлері кіргізілді. Соның ішіндегі әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қостанай педагогикалық университеті, «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының ғылыми қызметкерлері қатысты.

Ботай мәдениетін зерттеуде ең үлкен рөл атқарған алыс жақын шетел ғалымдары, ботай ескерткішінің өз еңбектерінде ғылыми құндылығы бар аса маңызды халықаралық маңызы бар екенін дәлелдеп отыр. Бұл зерттеулердің ішіндегі шетелдік ғалымдар жаратылыстану ғылымдарының ішіндегі палеогеографиялық, палеозологиялық әдістерін пайдаланып ботайлықтардың материалдық және дүниетанымдық көзқарасын толықтай ашып отыр [Outram and etc., 2009]. Ұлыбританияның Эксетер университетінің профессоры Алан Оутрам ғылыми еңбектерінде ботай мәдениетін зерттеуде қазақстандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулеріне жақсы баға берген [Макарова и др., 1987; 1988].

Ботай қонысын үзіліссіз ғылыми зерттеу жұмыстарын жүргізу барысында В.Ф. Зайберт шетелдік ғалымдармен әрдайым әріптестік байланыста жұмыс жасап келеді. Олардың ішіндегі Германия, АҚШ, Ұлыбритания, Ресей, Франция, Дания, Қытай, Литва елдерінің беделді ғылыми зерттеу институттары мен университеттерімен тығыз байланыста болды. Бұл елден келген ғалымдардың

көбісі Ботай қонысынан қазба барысында табылған материалдарды анализ жасау барысында қазіргі заманғы озық технологияларды ботай мәдениетінде зерттеуде пайдаланылып отыр, жаңа аппараттар алғаш халықаралық деңгейде Ботай қонысының материалдарына сынақтар жүргізіліп жақсы нәтижелер алынды [Зайберт, и др., 2017].

Ботай жас археологтардың оқып қалыптасатын үлкен орталығына айналып отыр, оның ішіндегі шетелдік ғалымдардың тәжірибе алмасу алаңына айналған. Соның ішіндегі Алан Оутрамның басқаруымен атақты батыстық ғалымдардың ішіндегі зооархеологиядан Дэвид Энтони және Доркас Браун (Хартвик, колледж АҚШ); Норберт Бенеке, Анжела фон ден Дриш (Германия), Марша Левин (Кембридж, Ұлыбритания) және Сандра Олсен (Карнеги, АҚШ). Бұл ғалымдар Ботай қонысынан табылған жылқы сүйектеріне қатысты нақты ғылыми еңбектер жазып отыр. Қазіргі таңда батыстық ғалымдардың келесі толқыны Алан Оутрам бастаған топ жұмыс жасау үстінде Робин Бендри (Винчестер, Ұлыбритания), Алексея Каспарова (РҒА, Ресей), Хелана Райан (Эксетер, Ұлыбритания), Леонид Чинделевич (Симон Фрейзер, Канада), Анджела Перри (Макс Планк, Лейпциг, Германия), Ардерн Халме Беаман (Абердин, Ұлыбритания), Мария Кусулакоу (Кембридж, Ұлыбритания), Айви Оуэнс (Кембридж, Эксетер, Ұлыбритания), және Людовик Орландо (Geogenetics, Франция,Тулуза); жас ғалымдар легі Ботай қонысының материалдарымен кешенді жұмыс жасап жатыр [Anthony and etc., 1998; Zaibert and etc., 2018; Gaunitz and etc., 2018; Zaibert and etc., 2018; Калиева, 1990; Калиева, Логвин, 1997].

2019 ж. далалық маусымында Ботай қонысындағы зерттеу жұмыстарына Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының мүшелері: В.Ф. Зайберт (жетекшісі), Д.С. Байгунаков., Г.Т. Бексеитов, Ы.С. Курманиязов, Е.Б. Оспанов, Ж.К. Баянова, М.Ж. Нурушев, А.Е. Каражигитова, Ж.Т. Темирхан, Д.С. Сычев, Б.Б. Оразымбетов және «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының ғылыми қызметкерлері қатысты. Мамыр–маусым айларында әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті және Қостанай педагогикалық университетінде тарих, археология және этнология мамандығында оқитын студенттері Ботай қонысында практикадан өтті (сур. 1).

Зерттелетін алаң 312 шаршы метр болды. Қазба жұмыстары шартты түрде қазба I, II, III деп бөлінді. Аймақтың жауын-шашынды табиғатын ескеріп қазба III аумағы 96 шаршы метр үстіңгі жағынан палаткамен тұмшаланды, қоныстың оңтүстік-шығыс алаңның үлкен жарқабақ үстіне салынды. Зерттелу жұмысының басталу сәтінен бастап мәдени қабаттың ашылуы қарсаңында қоныстың орталық бөлігінде орналасқан реперден алаңқай үсті тегістелді (сур. 2).

Осы жылғы қазба жұмыстарының негізгі міндеті артефактілердің технологиясы мен типологиясын, тарихи-мәдени тиістілігін және ескерткіштің осы бөлігіндегі тұрғын үй, шаруашылық конструкцияларының функционалдық топографиясын анықтау болып табылады. Ботай қонысының оңтүстік-шығыс

Сур. 1. Ботай қонысының әуеден түсірілген суреті

алаңының ерекшелігі тұрғын үй құрылыстарының аз шоғырлануынан және айтарлықтай үйлер аралық кеңістіктерден тұрады. Бұл тұрғын үйлердің үстіңгі қабатынан остеологиялық материалдар, тас құралдар көптеп табылған.

Алғашқы қазба жұмыстары бұл алаңда 2012 ж. жүргізіліп үлкен әр түрлі функцияларда қызмет атқарған үй ашылған болатын. Бір үйден жай сүйектен, тастан, ағаштан түрлі заттарды дайындайтын шеберхана ретінде пайдаланылған үй орны ашылды. Екіншісі типтік құрылыс – тұрғын үй болды. Қазаншұңқырлардың өзі бір-бірінен ерекшеленді. Шаруашылық шеберханасында мәдени қабат күлден, ұсақ фоссилденген сүйектерден, қою түсті және сұр түсті саздан тұрды. Ал тұрғын үй жайдан тұрмысқа қажетті қыш ыдыстар сынықтары анықталып отыр [Зайберт и др., 2013; 2017; Рыкушина и др., 1984].

Қазба I–II қазбалар солтүстік қаратып салынған, дәстүрлі латын әрпімен A', A, B батыстан шығысқа қарай қойылды. Солтүстіктен оңтүстікке қарай № I-ден № VI-ге дейін сандық нөмірлеу жасалынды. Қазбаның жан-жағы беткі қабаты жақсы сақталған, 1980-ші жылдары қорғау аймағын орнатқаннан бастап қоныстың аумағында қалыптасқан қалың өсімдіктермен жабылған.

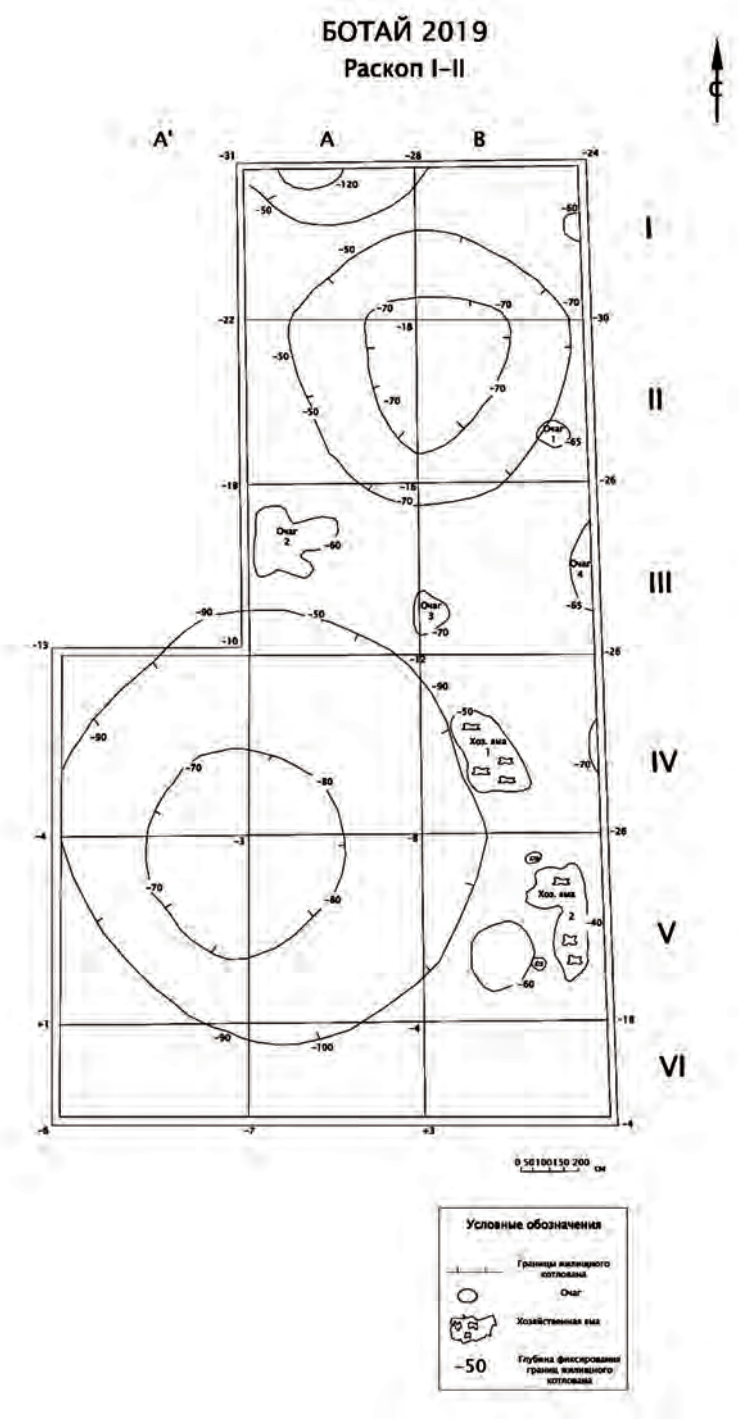
Ботай тұрғын үйлері қалдықтарының қара күл қабатымен және шоғырландыру шөгінділерімен қалыптасқан стратиграфиялық жоғарғы қабат қоныстың аумағында біркелкі таралған, 40 см тереңдікте тұрғын үй-

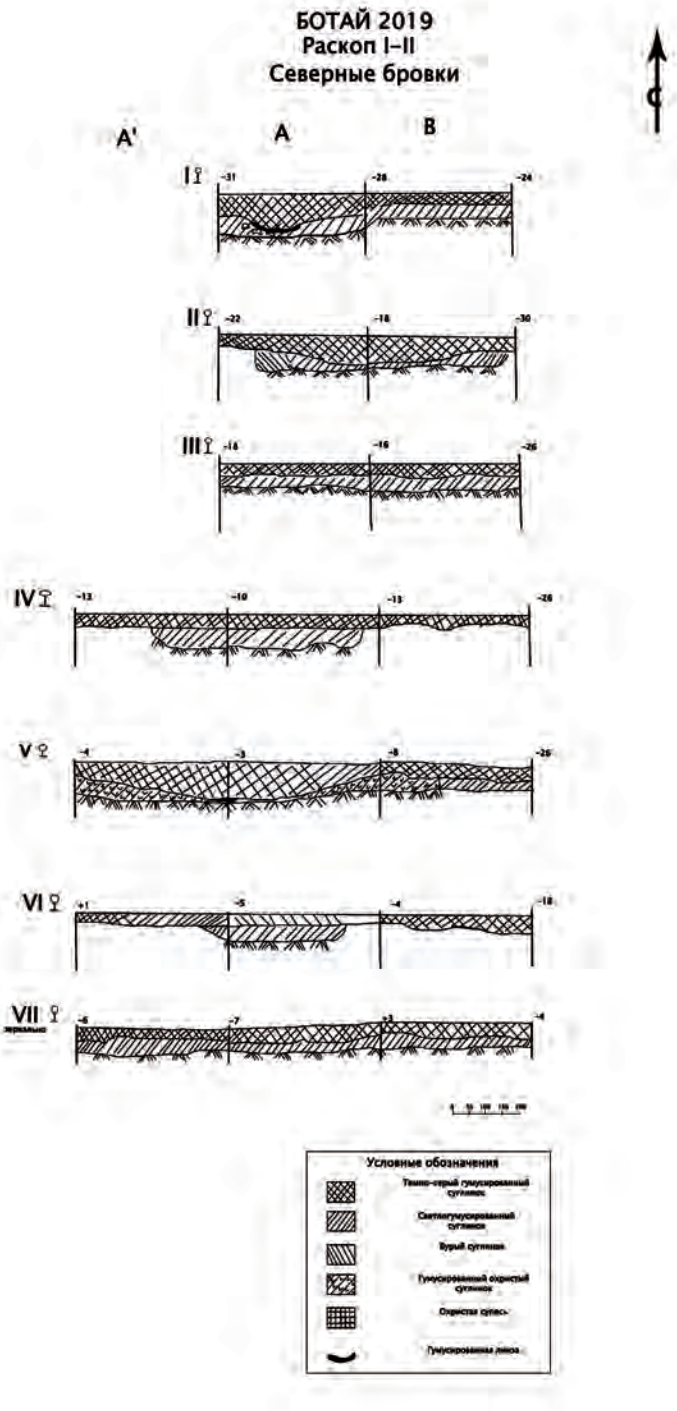
Сур. 2. Ботай қонысы. Қазба № I, II әуеден түсірлген көрінісі

шаруашылық құрылымдарының алғашқы көрінісі анықталып, Солтүстігінен табылған тұрғын үйлер кешені А-I, В-I, А-II, В-II квадраттарында орналасқан. Қазба жұмыстары барысында дөңгелек пішінді күл қалдықтары қазаншұңқырлардың тереңдеуіне қарай бірте-бірте квадраттың ортасына шоғырланған. Бұл кескін бұл ежелгі тұрғын үйдің қазаншұңқырларында оны бұзылғаннан кейінгі жиналудың нәтижесі, 50–60 см тереңдіктен саздақтың сұр-қоңыр-қоңыр фракцияларынан тұратын топырақ түсі анықталды. Бұл қабат тұрғын үйдің ежелгі қабырғаларының құлауынан және қазаншұңқырлардың ішкі қабырғаларының осы тұрғын үйлерде адамдар мекендегеннен кейін ағып кеткен сулардан бұзылуынан орын алады. Квадраттардың қималарынан сұр-қоңыр саздың түсінде материктік шөгінділер белгіленді (сур. 3).

А-I квадратында екі тұрғын үй құрылысының іздері орналасқан. Квадраттың солтүстік бөлігінде тұрғын үй құрылысының оңтүстік бөлігі орналасқан, оның ені шығыс жиегінің бойымен 2 м жетеді. Ашылмаған тұрғын үйдің батыс жиегінің бойымен тарылып, 50 см-ге жетеді. № I тұрғын үй қазаншұңқырының ауданы квадраттың 1/4 бөлігін алып жатыр. Тұрғын үйдің ені шығыс жиегінің бойымен 2,5 м жетеді. Тұрғын үйдің негізгі бөлігі квадраттың оңтүстік-шығыс бөлігін алып жатыр. Тұрғын үй шекарасы жылжып ығысып әр түрлі бейнеде қисық сызықпен беріліген. № I тұрғын үйдің ішкі шекарасы шығыс жиегінің бойымен ұзындығы 1,2 м, оңтүстік жиегінің

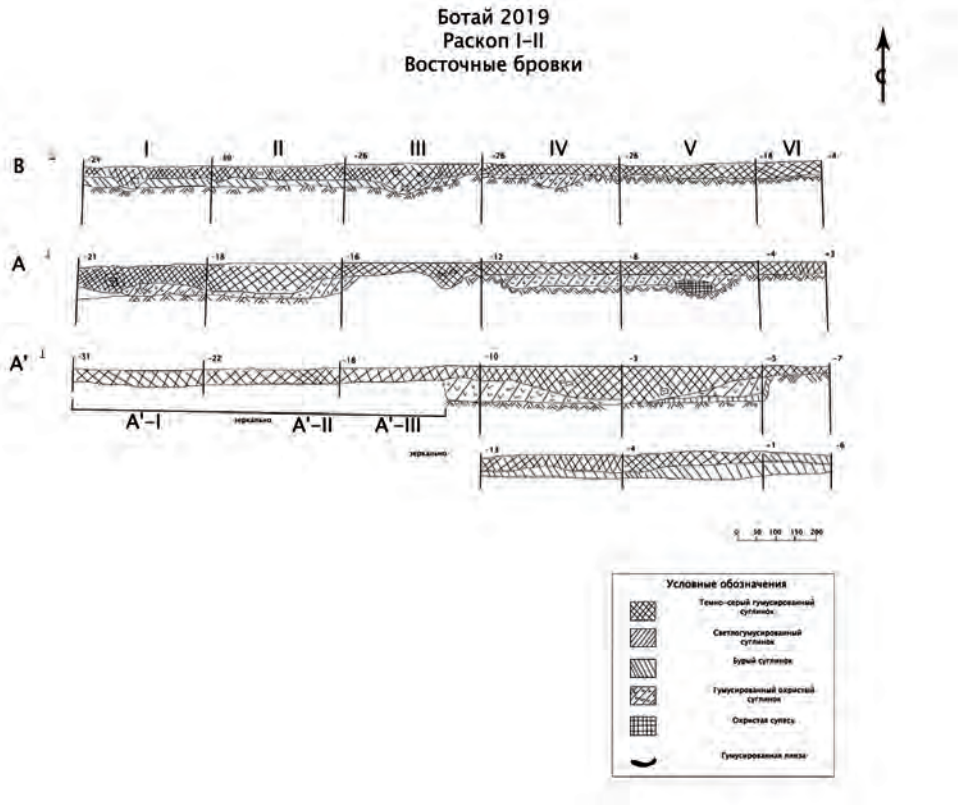
Сур. 3. Ботай қонысы. Қазба I, II жоспары

Сур. 4. Ботай қонысы. Қиманың солтүстігінен түсірлген жоспары

бойымен 1 м жетеді. В-I квадратының ортасында тұрғын үй қазаншұңқырының ені 2,9 м жетеді және 70 см тереңдікте тікбұрышты бұрыштары бар тұрғын үй конструкциясы әр түрлі тереңдікте қималардан көруге болады. Батыс жиегінің қимасы бойымен ені 90 см, оңтүстік жиегі бойымен 1,6 м (сур. 4).

А-II квадратында ¾ бөлігін тұрғын үй құрылыс алып жатыр. Қазба ішіндегі қазаншұңқырлардың сыртқы шекарасы солтүстік жиектен басталады және солтүстік жиектің бойымен 2,5 м енін алады. Сыртқы шекаралар квадраттың оңтүстік бөлігіне қарай тарылады және оңтүстік жақтағы тереңдігі 90 см-ге жетіп отыр (сур. 5).

Сур. 5. Ботай қонысы. Қиманың шығыснан түсірілген жоспары

Қазба жұмыстарының барысында № I және II қазбадағы 2 тұрғын үй конструкциялары өндірістік, әлеуметтік, киелі және басқа да қоғамдық қажеттіліктерде пайдаланылған маусымдық, жазғы құрылыс болып табылып отыр (сур. 6).

Қазба барысында жасалған стратиграфиялық бақылауда өткен жылдардағы қазбаларда анықталған мәдени қабаттың құрылуының заңдылығы түгел қайталанады. Жердің беткі қабатынан бастап ордың түбіне дейінгі қабаттар былайша қалыптасқан: 0–10 см жоғарғы құрылыс қабатының

Сур. 6. Ботай қонысы. Қазба жұмыстарының көрінісі

Сур. 7. Ботай қонысы. Қазба № I–II ашылған квадраттар

шөгінділері; 10–50 см қара түсті қабатты саздың күйгені қабаты, ол қара түсті қабаты, ол қара балшықтан сыланып, топырақ қабаттарымен жабылған төбенің құлау кезінде пайда болған. Бұл жағында доға тәрізді созылып жатыр. Ордың жиектерінен 30–70 см тереңдікте қара-қоңыр сазды топырақ кездесті, ол кей тұста ашық-қоңыр және сарғыш сазды топыраққа немесе құмдаққа айналады. Бұл да жиектен басталып, тұрғын жай кеңістігінің ортасына қарай еңіспен төмен түседі. Осы жағдайда тұрғын жайдың сыртқы қабырғаларының құлаған үйіндісі бір жағынан орға келіп тіреледі, қабырғаларының құлаған бір бөлігі екінші жағынан ормен жалғасқаны анықталды. Тұрғын жайдың едені екенін білдіретін 50–60 см тереңдікте қара күлді саз балшықты топырақ қыртысы бар екені байқалды (сур. 7). Қазба жұмыстарының нәтижесінде 2000-ға жуық зат алынды. Материалдар толық камералдық тәртіпке келтірілген – жуылған, шифрланған, Ботай музей-қорығының қорына сақтау және беру үшін буып-түйілген.

Қазба барысында баспаналардан табылған құрал саймандардың арасында әдеттегідей қырғыштар көп, олар 30% дейін жетеді. Пышақтардың пайыздық мөлшері 0,5%-дан 6%-ғай дейін кейде 10%-ға дейін өзгеріп отырады. Сондай-ақ үлкен қырғыштар 0,5%-дан 5%-ға дейін кездеседі. Құрал саймандардың басқа түрлері, әдетте пайызы қандай да бір бөлігін құрайды және жалпы талдау кезінде олардың қаншалық бар жоғын айтуға болады. Тастан жасалған бұйымдар перфорацияланған дискілермен, арбалармен, балғалармен, пестицидтермен, нуклеустер және т.б. ұқсас заттармен берілген. Яшмадан және шақпақтастан жасалған бұйымдар: қырғыштар, пышақтар, қырғыштар, бифастар-көшірмелердің, дротиктердің, жебелердің ұштықтары, түзетуі бар жаңқалар, тесіктер, ораулар және басқа да түрлері. Бұйымдар жаңғақ технологиясында жасалған. Коллекцияда көптеген олжалар пластиналардан жасалған (400 дана). Барлық даналары, проксимальды, мыс және дистальды сегменттері бар. Пластиналардың өңделуін жетілдіру қару-жарақтар, қару-жарақ пен құрал-саймандар қосымша сипатқа ие және Атбасар неолит мәдениетінің тас құралдары жасау технологиясы да сақталған, бірақ та Ботай мәдениетінің қалыптасуында да пайдаланылғандығын көрсетеді (кесте 1–2).

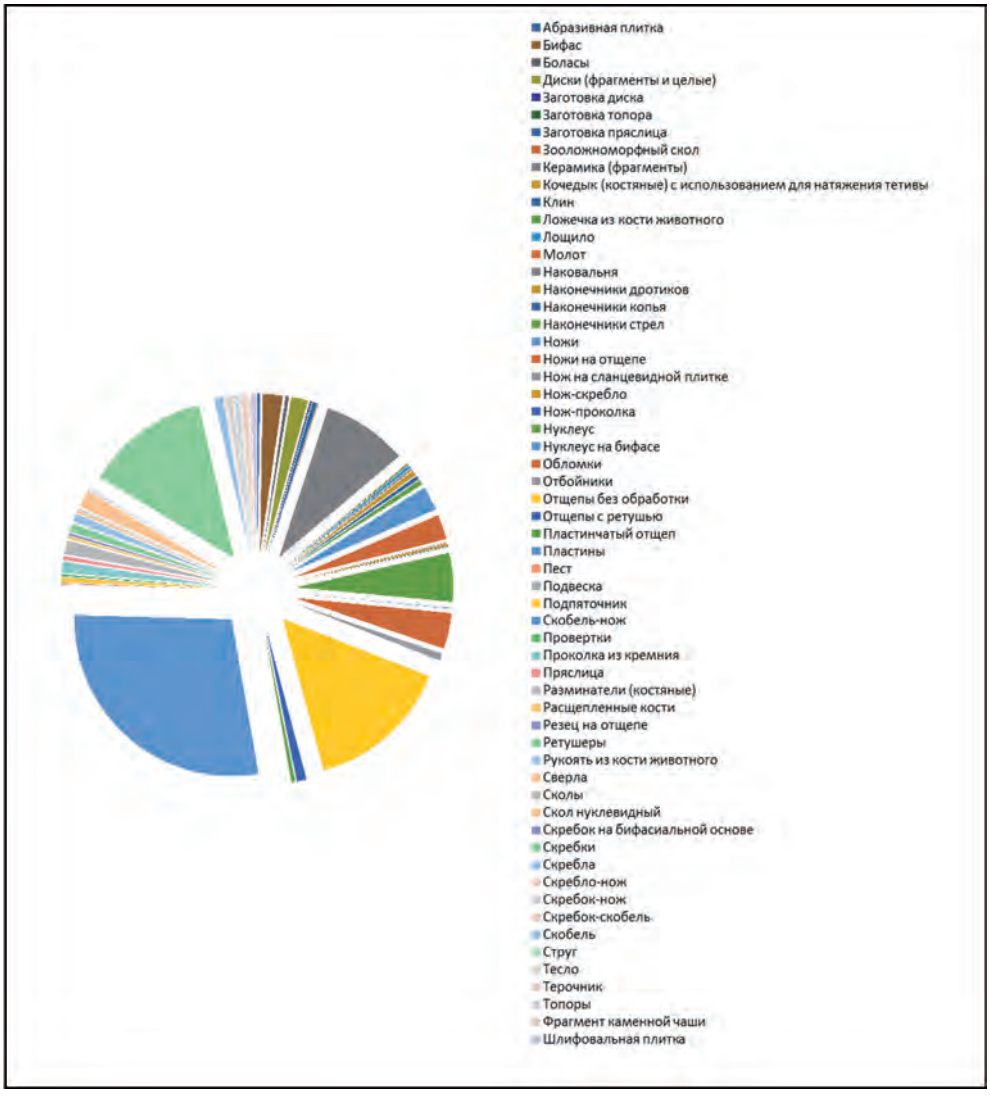
Заттардың бір бөлігі жылқы сүйектерінен – тескіштер, құрал-саймандардың жай ғана сүйек сынықтарынан тұрады. Коллекцияда кәдеге жаратылған аттарға жататын остеологиялық материалдың аз мөлшері бар. Әдетте бұл бас сүйектің бөліктері, аяқ-қолдың сынықтары, қабырға мен омыртқа сүйектері табылып отыр.

Керамика өте аз. Ол жартылай иілген пішінді, ирек, үшбұрыш, ойық бедерлер түріндегі тарақты және қалыпталған оюмен әшекейленген.

Алғашқы ғылыми типологиялық өңдеу жұмыстары жүргізіліп, 2019 ж. Ботайдың бүкіл коллекциясын каталогтау бойынша үлкен жұмыс жүргізілді.

Осы жиналған артефактілерді каталогтау нақты санын шығару археологиялық материалдар ұзақ уақыт сақтауда болмаған жағдайда, тұрақты және жылжымалы экспозициялар мен көрмелердің құрылыстарында динамикалық түрде пайдаланылатын коллекцияны археологиялық өңдеудің

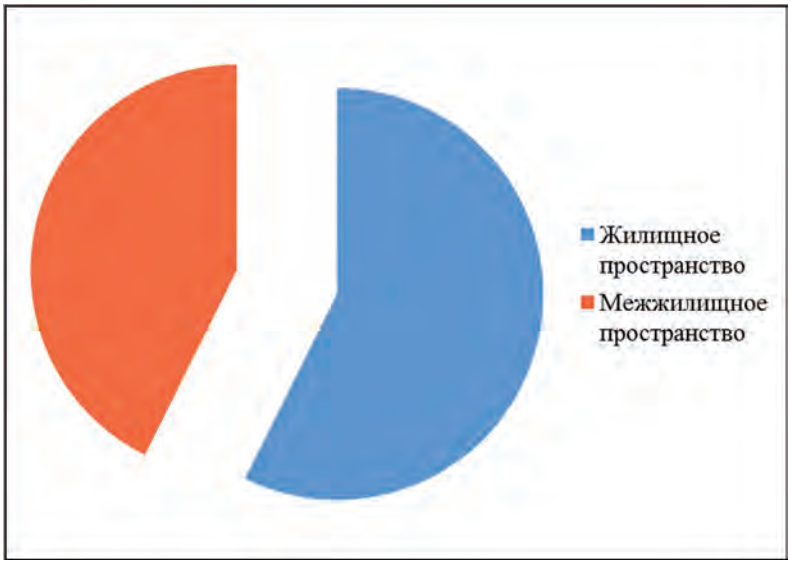
1-кесте- Қазба I,II ден табылған атефактілердің статистикалық көрсеткіштері

қажетті бөлігі болып табылады. Каталогтау археологиялық заттың қай жылы қай жерден табылғандығы туралы ақпарат молынан болады бұл археологтарға ең басты міндет болып табылады. Табылған артефактілер толықтай сипаттамасы жасалып, Ботай тарихи-мәдени музей қорығының қор бөліміне тапсырылды.

2019 ж. жақсы жаңалығы қоныс аумағында қазба жұмыстары аяқталған кейін бұл алаң аумағында Ботай тұрғын үй құрылысын тұрғызу қолға алынды. Ботай экспедициясының көп жоспарлы қызметі эксперименталды ботайлықтардың үйін қайта қалпына келтіру жұмыстары қайта жүргізілді. Бұл құрылыс ҚР Мәдениет және спорт министрлігі, «Болашаққа бағдар: Рухани Жаңғыру» бағдарламасы және ҚР Тұңғыш Президентінің «Ұлы даланың жеті

2-Кесте- Қазба № I-II үй аралық кеңістікпен және тұрғын үйден табылған артефактілердің пайыздық көрсеткіші

қыры» мақаласын талқылау бойынша іс-шаралар аясында жүргізіліп отыр. Бұл бағдарламалар қоғамдық және халық қызығушылығын оятып, Ботай қонысы нағыз туристер орталығына айналды. Бұл шараға Ботай қорық музей-қорығының ұжымы белсене қатысты.

Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты Ботай экспедициясының 2019 ж. ғылыми және қолданбалы зерттеулерінің нәтижелері қазба жұмыстарынан табылған археологиялық артефактілер, эксперименттік тұрғын үй құрылысы аяқталғаннан кейін «Ботай» мемлекеттік тарихи-мәдени музей-қорығының қорына берілетін болады.

2019 ж. Ботай халықаралық археологиялық экспедициясының жұмыстарын бағыттары мен көлемін орындау жөніндегі қызметті үйлесімді жоспарлау және ұйымдастыру нәтижесінде, өте күрделі төтенше ауа райы жағдайында (тұрақты жауын-шашын, жел, температураның төмендеуі), жобаның техникалық ерекшелігінде баяндалған мақсаттар мен міндеттер орындалды.

Әдебиет

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «КазАкпарат», 2009. 566 с.

Зайберт В.Ф. Ботай у истоков степной цивилизации. Книга-альбом. Алматы: Балауса, 2011. 480 с.

Зайберт В.Ф. Историко-культурное значение открытия и изучения ботайской культуры на современном этапе // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1–2. С. 59-66.

Зайберт В.Ф., *Тюлебаев А.Ж., Задорожный А.В., Кулаков Ю.В*. Тайны древней степи (Исследование поселения Ботай в 2004–2006 гг.): коллективная монография. Кокшетау: Изд. центр Кокшетауского университета, 2007. 163 с.

Зайберт В.Ф., Джансугурова Л.Б. Китов Е.П., Иксан О.А., Нуржибек, Жунусова Г.С., Джантаева К.Б., Кузовлева Е.Б., Хусаинова Э.М. Палеогенетическое исследование человеческих останков энеолитического периода с поселения Ботай // Известия НАН РК. Сер. биол. и мед. 2017. Т. 4, № 322. С. 78-88.

Зайберт В.Ф., Оутрам А., Гайдученко Л.Л., Орландо Л., Магзумов А.М. Результаты статистическо-типологического анализа палеозоологического материала // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1–2. С. 83-90.

Зайберт В. Ф., Стефанов В.К, Мартынюк О.И. Ченченкова О.П. Каменная скульптура лошади с реки Кошкарбайка (степное Ишимо-Иртышье) // Современное решение актульных проблем евразийской археологии: сб.науч.ст. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: изд-во АлтГУ, 2013. С. 254-256.

Калиева С.С. Энеолит Тургайского прогиба: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛО ИА АН СССР, 1990. 18 с.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 1997. 180 с.

Макарова Л.А. Нурумов Т.Н. К проблеме коневодства в неолите–энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова; ЛО ИА АН СССР, 1987. С. 69-88.

Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. Домашние и дикие животные эпохи неолита и бронзы Центрального и Северного Казахстана // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова; ЛО ИА АН СССР, 1988. С. 7-36.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительные сообщения о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Баш. гос. ун-т, 1984. С. 121-136.

Gaunitz Ch., Zaibert V.F., Hanghoj K. Ancient genomes reveal the ancestry of modern domestic horses and the feral origins of Przewalski's horses // Science. 2018. p.111-114.

Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.P. The earliest horse harnessing and Milking // Science. 2009. Vol. 323, No. 5919. P. 1332-1335.

Anthony D., Brown D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakstan // JAS. 1998. Vol. 25. P. 331-347.

Zaibert V., Jeong Ch. Outram A.K., Krause J. Characterizing the genetic history of admixture across inner Eurasia // Nat Ecol Evol. 2019. Jun 3 (6). P. 966-976. doi: 10.1038/s41559-019-0878-2

Zaibert V., Outram A.K., Krause J., Willerslev E. The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into expansions into Asia // Science. 2018. Jun 29. P. 360. doi: 10.1126/science.aar 7711

А. Намен, А. Варис, П. Кузбертсон,
Р. Йовица, Ж. Таймагамбетов

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПРОЕКТА PALAEOSILKROAD: МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Палеоантропологические данные показывают, что поздний плейстоцен был периодом контакта разных метапопуляций. Доказательством этому служат недавно найденные останки «денисовского» человека на Алтае и в других частях Азии. Географически Казахстан расположен в центре континента, охваченного цепью горного массива, образующего естественный коридор, способствовавший расселению людей. В связи с этим в данной статье мы кратко рассматриваем историю изучения каменного века Казахстана. В статье приводятся предварительные результаты трех лет реализации проекта PALAEOSILKROAD, а также приводится краткое обсуждение памятников, найденных в различных геологических условиях нашей страны.

Ключевые слова: разведовательные работы; геоархеология; пещеры; поздний палеолит; каменные орудия.

PALAEOSILKROAD жобасы бойынша барлау жұмыстарының алдын ала нәтижелері: зерттеулердегі көп салалы әдістер

Палеоантропологиялық мәліметтер кейінгі плейстоцен уақытында түрлі метапопуляциялардың өзара қарым-қатынас кезеңі болғандығын көрсетеді. Мұны Алтайдағы Денисов адамының және Азияның басқа да бөліктерінен табылған адам қаңқалары дәлелдейді. Географиялық тұрғыдан Қазақстан Азия құрлығының ортасында тау сілемдерінің тізбегін қамти табиғи дәліз құрап орналасуы ежелгі адамдардың қоныстануына мүмкіндік тудырады. Осыған орай, аталған мақалада Қазақстан тас дәуірінің зерттелу тарихына қысқаша тоқталып, PALAEOSILKROAD жобасы бойынша үш жылдық далалық маусымда атқарған жұмыстардың бастапқы нәтижелері беріліп, әр түрлі геологиялық және геоморфты контексте табылған ескерткіштер талқыланады.

Түйін сөздер: барлау жұмыстары; геоархеология; үңгірлер; кейінгі палеолит; тас құралдар

© **Абай Намен,** *кафедра ранней предыстории и четвертичной экологии, Тюбингенский университет, г. Тюбинген, Германия;* abay.namen@uni-tuebingen.de
Аристидис Варис, *кафедра ранней предыстории и четвертичной экологии, Тюбингенский университет (INA) г. Тюбинген, Германия*
Патрик Кузбертсон, *кафедра ранней предыстории и четвертичной экологии, Тюбингенский университет, г. Тюбинген, Германия*
Раду Йовица, *кафедра ранней предыстории и четвертичной экологии, Тюбингенский университет, г. Тюбинген, Германия; Центр по изучению происхождения человека, факультет антропологии, Нью-Йоркский университет, г. Нью-Йорк, США*
Жакен Таймагамбетов, *Национальный музей Республики Казахстан, г. Нур-Султан, Казахстан*

Preliminary survey results of the PALAEOSILKROAD project: multi-disciplinary approach

Paleoanthropological data indicate that the Late Pleistocene was a period of contact between different metapopulations. Recently found remains of a Denisovan in Altai and other parts of Asian continent can be of proof. Geographically, Kazakhstan is located in the centre of the continent encompassing chains of mountain ranges forming a natural corridor facilitated for the dispersal of populations. In this article, we briefly review the research history of Stone Age of the region. We also present preliminary results of the three-year field seasons of the PALAEOSILKROAD project and discuss the sites found in different geological and geomorphic contexts.

Keywords: survey; geoarchaeology; caves; Upper Palaeolithic; stone tools

Введение

На сегодняшний день вопрос освоения пространства внутренней Азии современным человеком и в том числе территории современного Казахстана является одним из важных в изучении археологии палеолита. Малоизученность археологических памятников палеолита Казахстана не представляет возможности детально проследить расселение людей в позднем плейстоцене в нашей стране. Научные открытия, сделанные в последние десятилетие в других частях азиатского континента, указывают, что неандертальцы, «денисовцы» и современные люди несколько раз пересекались [Gokcumen, 2019]. Места пересечения вышеуказанных метапопуляций все еще остаются слабоизученными и являются одной из задач, поставленных перед археологами. Это также взаимосвязано с тем, что Казахстан расположен в центральной части Азии, охватывая обширную часть степей Евразии, горные массивы и другие ключевые природные особенности которые служили удобным «коридором» для расселения. Предгорные районы непрерывной цепи горных массивов от Южного Казахстана до восточной части страны представляли хорошее убежище для первобытных людей в период последнего оледенения. К тому же находки, сделанные в предыдущие года, указывают на экстенсивное обитание людьми во время позднего плейстоцена.

Окаменелые останки первобытных людей, найденные в разных частях континента, свидетельствуют, как минимум, о двух крупных расселениях древних людей в позднем плейстоцене в Азии. Эти предложения были сделаны на основе датированных памятников и останков первобытных людей [см. Liu et al., 2010; Rybin, 2014; Zwyns et al., 2019]. На основе этих данных появилась гипотеза о южном маршруте расселения [Field et al., 2007], а также недавно предложенном северном маршруте [Zwyns et al., 2019]. Таким образом, Евразийская степь, в особенности территория современного Казахстана, представляет научный интерес в изучении проблемы расселения людей в позднем плейстоцене.

Основываясь на вышеупомянутых данных, целью совместной казахстано-немецкой научно-исследовательской группы является нахождение и изучение новых палеолитических памятников, проверка гипотезы о расселении людей во время позднего плейстоцена и ее корреляцию с климатическими импульсами в течение последнего ледникового цикла. Основной упор разведочных работ был сделан на выявлении новых пещер и стоянок открытого типа.

Адаптация к климатическим изменениям как в аридной Центральной Азии являлась одним из сложных вызовов, которые представляли намного существенный эффект в период плейстоцена. Таким образом, предгорные районы республики были одним из основых мест обитания палеолитических людей. Это взаимосвязано с несколькими природно-географическими условиями: 1) горная местность была относительно влажной по сравнению с аридной степью, способствовавшая развитию многочисленной фауны и влаголюбивой растительности [Алпысбаев, 1961], а также 2) массивы из известняка или других карбонатных осадочных пород способствовали образованию пещер, предоставляя жилье первобытным людям. В связи с этим основными регионами изучения нашего проекта были выбраны горные и предгорные районы Каратау, Иле/Заилийский Алатау, Жетысу/Джунгарский Алатау и Казахский Алтай (рис. 1).

Краткое сообщение об истории изучения каменного века Казахстана

Историю изучения каменного века Казахстана можно разделить на три основных этапа: имперский (до 1917 г.); советский (до 1990-х гг.); современный (от 1990-х гг. по настоящее время). Первый научный интерес к изучению каменного века появился еще в середине 50-х гг. XIX в., во время раскопок кургана местными жителями были найдены четыре яшмовидных наконечника стрел [Алпысбаев, 1970]. В дальнейшем отдельные находки каменных изделий зафиксированы в разных частях страны. Но систематических

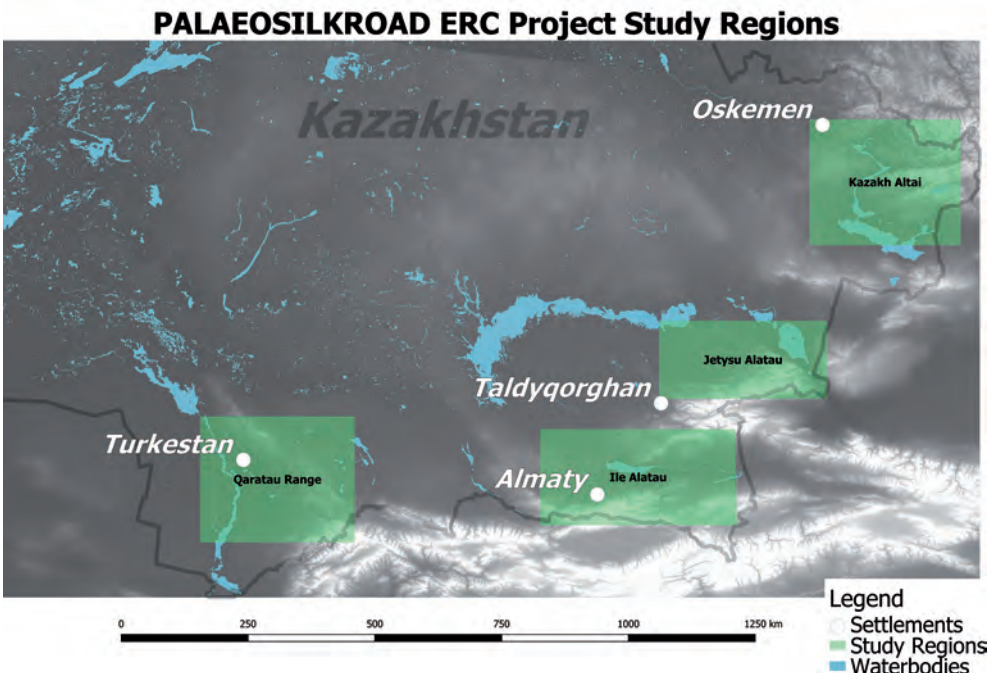

Рис. 1. Районы исследований по проекту PALAEOSILKROAD (отмечены зеленым)

исследований до середины XX в. не было. Советский период начинается после сенсационной находки А. П. Окладникова в Узбекистане (пещера Тешик-тас), способствовавшей возрастанию научного интереса в изучении палеолита. Систематические исследования палеолита Казахстана набирает новый оборот в 1950-х годах под руководством Х. А. Алпысбаева [Таймагамбетов, Ожерельев, 2009]. Под его руководством были изучены хребты Каратау, а также открыт первый стратифицированный памятник позднего палеолита, названный в честь Ч. Валиханова, [Алпысбаев, 1979] и памятник эпохи неолита Караунгур [Таймагамбетов, Нохрина, 1998]. Также не малый вклад внесли А. Г. Медоев, Б. Ж. Аубекеров, Ж. К. Таймагамбетов, О. А. Артюхова и др. После обретения независимости в 1991 г. изучение палеолита вступает в новый современный этап. В этот период изучение палеолита интенсифицировались, а также увеличились совместные археологические проекты с зарубежными партнерами. Систематическое изучение дало плодотворные результаты в последние десятилетия, пополнилось количество стратифицированных памятников позднего палеолита. Например, стоянка Майбулак была открыта в 2004 году и изучена под руководством Ж. К. Таймагамбетова [Таймагамбетов, Ожерельев, 2008]. На стоянке также велись совместные казахстано-немецкие исследования с геоархеологическим уклоном изучения [Fitzsimmons et al., 2017]. Совместной казахстано-российской экспедицией под руководством Ж. К. Таймагамбетова были проведены археолого-разведочные исследования в разных регионах страны. В результате были обнаружены поверхностные материалы в предгорных районах Каратау (Туркестанская область), Тарбагатае, Шиликтинской долине (ВКО) и др. В Шиликтинской долине в предгорьях хребта Саур был обнаружен и исследован памятник позднего палеолита Ушбулак, который был датирован абсолютным методом датировки C^{14} и дал возраст 45249–44012 calBP [Анойкин, Таймагамбетов и др., 2017; Деревянко, Таймагамбетов и др., 2017].

На сегодняшний день проект PALAEOSILKROAD Тюбингенского университета (ФРГ) совместно с Национальным музеем РК занимается археолого-разведочными исследованиями по выявлению новых памятников палеолита на территории Казахстана. В данной статье представлены предварительные итоги работ проведенных в период 2017–2019 гг.

Методы разведочных работ

Вышеуказанные районы формируют наиболее интересную площадку для исследования расселения людей через Евразийские степи, которые следовали по предгорным районам Каратау, Иле Алатау и Алтая. Как предполагают некоторые авторы [King, Bailey, 2006; Таймагамбетов, Ожерельев, 2009], эти районы играли роль в качестве ледниковых убежищ в позднем плейстоцене. Разведочные работы, сопровождались закладкой контрольных шурфов, а также применением методов мультидисциплинарного подхода (геофизический метод). В процессе полевых исследований использовались навигационные инструменты, механический пенетрометр.

Основная часть разведок проводилась пешком, а также на автомобиле. Для сохранения проделанных маршрутов, исследованных районов и точек

с палеолитическими находками использовался GPS-навигатор. В работе также использовались топографические и геологические карты. Совместно с коллегами из университета Вюрцбурга (ФРГ) была разработана специальная карта, целью которой является прогнозирование вероятности формирования карстовых пещер в определенном районе.

Материал, полученный в ходе закладки шурфов, фиксировался с использованием тахеометра Leica Geosystems. В целях выявления артефактов малых размеров и микрофауны грунт просеивался ситом размером 1 и 6 мм.

Геофизические методы исследования применялись в выявленных нами пещерах и других объектов (более подробная информация о новых пещерах приведена ниже). Например, для изучения мощности отложения в пещерах применялись наземный георадар и электротомография. Эти методы являются неразрушающими и применяются в целях определения подповерхностных структур, то есть основания. Наземный георадар основан на излучении импульсов электромагнитных волн и регистрации их сигналов, которые отражаются от различных объектов зондированной среды. Электротомография используется для визуализации подповерхностных структур и измерений удельного электрического сопротивления, выполненных на поверхности с помощью электродов. Детальная информация о геофизических методах будет опубликована позднее. Также механический пенетрометр использовался для определения мощности отложения в пещерах. Этот инструмент представляет собой металлическую штангу с наконечником в виде конуса и вдавливается с постоянной скоростью по мере погружения в грунт и является неразрушающим методом.

Предварительные результаты

Палеолитические стоянки и другие следы первобытных людей на территории Казахстана можно найти в разных геологических условиях. На сегодняший день известны случаи нахождения стратифицированных памятников каменного века в пещерных отложениях, это пещера Ушбас, раскопанная Х.А. Алпысаевым в 1950-х годах, а также в лессовых отложениях были обнаружены стоянки Ч. Валиханова [Таймагамбетов, 1990], Майбулак [Таймагамбетов, Ожерельев, 2008], Рахат [Ожерельев и др., 2019] и недавно открытый верхнеплейстоценовый памятник Ушбулак у ручья одноименного родника [Деревянко, Таймагамбетов и др., 2017].

За три полевых сезона научная команда PALAEOSILKROAD в общей сложности провела семь месяцев в полевых условиях, основной целью которой являлось выявление новых пещер, гротов и стоянок открытого типа в изучаемых регионах.

Пещеры являются одним из основных объектов наших разведок, что связно тем, что в них хорошо сохраняются отложения и органические материалы.

Нами обнаружено 95 пещер и гротов, 10 из них были ранее известны археологам и, соответственно, 85 – открыты во время разведок (табл. 1).

Таблица 1 – Карстовые и псевдокарстовые пещеры и гроты, обнаруженные в 2018–2019 гг.

Регион	Пещеры/ гроты	Кол-во	Отложения	Археология (Голоцен)*	Археология (Плейстоцен)*	Плейстоцен? (стерильно)**
Каратау	Пещеры	67	23	14	2	4
	Гроты	11	2			
Иле и Жетысу Алатау	Пещеры	11	2			
	Гроты	2	1	1	1	
Казахский Алтай	Пещеры	-	-			
	Гроты	4	-			
Итого:	Пещеры	78	25			
	Гроты	17	3			
Итого:		95	28	15	3	4

Примечания: *Основан на наблюдении поверхностных материалов и находок из контрольных шурфов; **основан на стратиграфических наблюдениях (абсолютная датировка методом OSL ожидается).

В основном пещеры обнаружены в Южном Казахстане. Малая доля объектов приходится на Жетысу Алатау и Казахский Алтай. Отложения зафиксированы в 28 пещерах. В полевом сезоне 2018 г. были заложены шурфы в четырех наиболее интересных пещерах в предгорьях Каратау (Байдибекский, Казыгуртский, Кентауский и Тюлькубасский районы, Туркестанской обл.). Во время раскопок были обнаружены остатки фауны и единичное количество каменных орудий. Контрольные раскопки продолжились в полевом сезоне 2019 г. в шести пещерах (Сузакский, Байдибекский и Кентауский районы, Туркестанской обл.).

Наибольший интерес представляет пещера Туттыбулак-1, расположенная на берегу реки Боралдай в подножьях Малого Каратау (Байдибекский район, Туркестанская обл.). Пещера была ранее исследована сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана (руководитель проекта Б. А. Байтанаев, руководитель раскопок А. А. Горячев). Следы обитания людей Средневековья были подтверждены многочисленными артефактами, полученными во время раскопок [Байтанаев и др., 2017]. В процессе разведок командой PALAEOSILKROAD в грунтовой засыпке предыдущих раскопов был обнаружен отщеп, технология изготовления которого обнаруживает сходство с техникой леваллуа. Однако мы предполагаем, что найденный отщеп свидетельствует о наличии плейстоценовых слоев в пещере, которые, возможно, были нарушены в результате активной деятельности людей в период железного века.

Дальнейшие разведки, направленные на выявление новых пещер, будут способствовать получению новых данных о деятельности людей эпохи камня.

Памятники открытого типа. Речные и родниковые отложения являются одним из перспективных мест для выявления новых памятников каменного века. Родники появляются в тех местах, где грунтовые воды

пересекаются с рельфем местности и стекают на поверхность. Они являются источником пресной воды. Учитывая полузасушливый климат Казахстана, где годовое количество осадков невелико, родники и источники воды были одним из основных пристанищ. Ранее родниковые стоянки были найдены и изучены археологами [Таймагамбетов, 2016]. Наиболее известный родниковый стратифицированный памятник был найден в травертинах неподалеку от села Кошкурган. Абсолютная датировка методом ЭПР (EPR – electro paramagnetic resonance) выявила дату са. 400-500 ka, что соответствует раннему палеолиту [Деревянко, Таймагамбетов и др., 1998].

Во время нашей разведки были обследованы конусы выхода рек и родников в предгорных районах по поиску стоянок открытого типа. У родника, расположенного в окрестностнях села Актасты (Райымбекский р-н, Алматинская обл.), было выявлено скопление каменных артефактов, которые находились в засыпке ранее вырытой траншеи для водовода. Среди многочисленных артефактов преобладают микропластины. В качестве сырья использовались осадочные кремневидные породы (рис. 2). Еще одна стоянка Тикенекты (рис. 3) обнаружена в предгорьях хребта Торайгыр в Иле Алатау. На склоновой возвышенности, в непосредственной близости от родника, найдены каменные орудия, предварительно датируемые поздним палеолитом. В немногочисленной коллекции каменных орудий присутствуют нуклеусы и пластины.

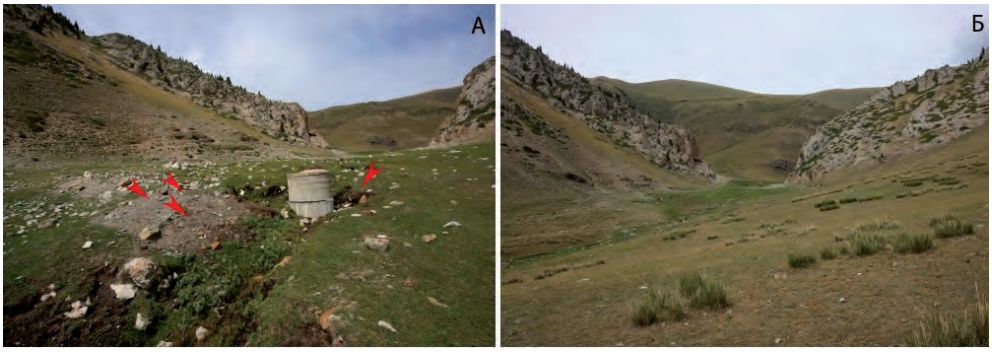

Рис. 2. Стоянка Актасты-7. А – стрелочками указаны места обнаружения каменных артефактов; Б – общий вид местности с родником

В ходе разведок в предгорьях Тарбагатая нами обнаружены единичные каменные орудия у родников, в том числе неолитические нуклеусы (например, Басшы, Кокбастау).

Заключение

Географические, палеоклиматические и палеоантропологические данные указывают, что корридор, похожий на Шелковый путь, существовал в позднем плейстоцене. Вопрос о том, что первобытные люди использовали этот корридор в целях заселения Азии все еще предстоит изучить интенсивными

Рис. 3. Стоянка Тикенекты. Стрелочками обозначены места обнаружения каменных артефактов

археологическими исследованиями. Требуется мультидисциплинарный подход в изучении этого периода и для получения желаемых результатов в реконструкции деятельности гоминидов. В данной статье мы попытались описать предварительные результаты наших полевых исследований и их корреляцию с деятельностью первобытных людей в изучаемых нами регионах. Стоит отметить, нахождение новых археологических данных будет нести собой определенные трудности даже при систематических исследованиях, поскольку археологические материалы географически распределяются неравномерно.

Таким образом, пещеры, в которых хорошо сохраняются стратиграфические отложения для определения человеческой деятельности, представлены в двух кластерах (хребет Каратау, Иле и Жетысу Алатау) на расстоянии 1000 км друг от друга. Мы также выявили следы обитания людей каменного века у родников, которые представляют научный интерес в выявлений новых памятников. В заключении хотелось бы отметить, что археологическое изучение указанных районов в будущем планируется продолжить.

Благодарности

Пользуясь случаем, выражаем слова благодарности всем, кто оказывал содействие в проведении археологической экспедиции – нашим коллегам и местным жителям, а также декану факультета истории, археологии и этнологии М.С. Ногайбаевой и заведующему кафедрой археологии, этнологии и музеологии КазНУ им. аль-Фараби Г.К. Омарову за оказанную помощь в оформлении разрешительных документов. Отдельная благодарность нашему

преждевременно скончавшемуся коллеге Г.Т. Искакову, который был с нами в полевом сезоне 2018 г.

Проект PALAEOSILKROAD работал по лицензии № 15008746, выданной 12.05.2015 Национальным музеем РК согласно научно-исследовательскому договору с Тюбингенским университетом (ФРГ). Данный проект получил финансирование от Европейского исследовательского совета (ERC under the European Union's Horizon 2020 research and innovation programme), договор гранта №714842, проект PALAEOSILKROAD.

Литература

Алпысбаев Х.А. Открытие памятников древнего и позднего палеолита Южного Казахстана // СА. 1961. № 1. С. 128-138.

Алпысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 227-240.

Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытном человеком). Алма-Ата: Наука, 1979. 208 с.

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрии начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территории. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 19-25.

Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х. Археологические исследования памятников раннего железного века в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1. С. 143-159.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Козликин М.Б., Марковский Г.И., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т. Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. 23. С. 93-97.

Ожерельев Д.В., Джасыбаев Е.А., Мамиров Т.Б. Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат // КСИА. 2019. Вып. 254. С. 57-70.

Таймагамбетов Ж.К. Палеолитическая стоянка им. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 128 с.

Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан: Мирас, 1998. 105 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Изучение стратифицированной стоянки Майбулак в Жетысу в 2004-2007 гг. // Мирас. 2008. № 1. С. 70-86.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: изд-во КазНУ, 2009. 256 с.

Таймагамбетов Ж.К. Новые памятники палеолита Восточного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2. С. 646-653.

Derevianko A.P., Petrin V.T., Taimagambetov Zh.K., Otte M. Early Palaeolithic assemblages in travertine, southern Kazakhstan (a variant of an adaptation model) // Anthropologie. 1998. Vol. 36. P. 137-164.

Field J.S., Petraglia M.D., Lahr M.M. The southern dispersal hypothesis and the South Asian archaeological record: Examination of dispersal routes through GIS analysis // Journal of Anthropological Archaeology. 2007. 26. P. 88-108. doi:10.1016/j.jaa.2006.06.001

Fitzsimmons K.E., Iovita R., Sprafke T., ..., Taimagambetov Zh. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // Journal of Human Evolution. 2017. Vol. 113. P. 107-126. doi:10.1016/j.jhevol.2017.07.006

Gokcumen O. Archaic hominin introgression into modern human genomes // American Journal of Physical Anthropology. 2019. V. n/a. P. 1-13. doi:10.1002/ajpa.23951

King G., Bailey G. Tectonics and human evolution // Antiquity. 2006. Vol. 80. P. 265-286. doi:10.1017/S0003598X00093613

Liu W., Jin C.-Z., Zhang Y.-Q., ..., Wu X.-Z. Human remains from Zhirendong, South China, and modern human emergence in East Asia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107. P. 19201–19206. doi:10.1073/pnas.1014386107

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International, Recent advances in studies of the late Pleistocene and Palaeolithic of Northeast Asia. 2014. Vol. 347. P. 39-52. doi:10.1016/j.quaint.2014.04.031

Zwyns N., Paine C.H., Tsedendorj B., ..., Hublin, J.-J. The Northern Route for Human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. P. 1-10. doi:10.1038/s41598-019-47972-1

**П. Н. Доумани Дюпюй, А. С. Жунисханов, Э. Буллион,
Е. Ж. Рахманкулов, Г. К. Киясбек, Ж. Х. Ташманбетова,
А. И. Исин, Э. Меркл, О. Гумирова**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА КОКЕН (ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье рассматриваются предварительные результаты исследования археологического памятника Кокентау, изучавшегося в полевом сезоне 2019 г. и состоящего из поселения, могильника и святилища. Было исследовано семь погребальных сооружений бронзового века; на поселении был заложен разведочный раскоп площадью 24 кв. м. В результате археологических работ получено большое количество керамических изделий и археозоологического материала, а также отщепы, шлифованные каменные орудия труда и наконечники стрел. В статье даётся краткое описание раскопанных объектов; приводятся предварительные результаты морфологического и патологического анализа антропологического материала, а также технико-технологического изучения керамики. В научный оборот вводится восемь радиокарбонных дат. Рассматриваются перспективы дальнейшего изучения памятника.

© **Паула Н. Доумани Дюпюй,** *Назарбаев Университет, г. Нур-Султан, Казахстан;* paula.dupuy@nu.edu.kz
Айдын С. Жунисханов, *Назарбаев Университет, г. Нур-Султан, Казахстан;* aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz
Элисса Буллион, *Университет Питтсбурга, штат Пенсильвания США;* bullion@shh.mpg.de
Ерболат Ж. Рахманкулов, *Государственный историко-культурный музей-заповедник «Бозок», г. Нур-Султан, Казахстан;* mr.doublecherry@mail.ru
Галымжан К. Киясбек, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* samuryq2103@gmail.com
Жулдыз Х. Ташманбетова, *Назарбаев Университет», г. Нур-Султан, Казахстан;* zhuldyz.tashmanbetova@nu.edu.kz
Амантай И. Исин, *Государственный Университет им. Шакарима, г. Семей, Казахстан;* assem51@mail.ru
Энн Меркл, *Вашингтонский Университет в Сент-Луисе, штат Миссури США;* ammerkle@wustl.edu
Ольга Гумирова, *Республиканская детская газета «Дружные ребята», г. Алматы, Казахстан;* ru.chey@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке: Назарбаев университета, научный проект №090118FD5330 (рук.: Паула Н. Доумани Дюпюй) и Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135824.

Ключевые слова: Кокентау, неолит, бронзовый век, поселения, жилища, могильник, каменный ящик.

Көкен ескерткішіндегі археологиялық зерттеулер (Шығыс Қазақстан): алғашқы нәтижелері

Мақалада Көкентау археологиялық ескерткішінде 2019 жылдың далалық маусымында жүргізілген зерттеу жұмыстарының алғашқы нәтижелері баяндалады. Далалық маусымда барлығы қола ғасырымен мерзімделетін жеті жәшік зерттелді және қоныста көлемдері 24 м^2 болатын қазба жүргізілді. Археологиялық жұмыстардың нәтижесінде көптеген мөлшерде қыш ыдыстардың сынықтары, жануарлардың сүйектері және өңделген тастар табылды. Сондай-ақ, мақалада зерттелінген нысандардың қысқаша сипаттамасы беріледі. Қазба барысында табылған адам сүйектеріне жасалған антропологиялық және қыш ыдыстарға жасалған техникалық-технологиялық зерттеулердің бастапқы нәтижелері көрсетіледі. Ғылыми айналымға жаңа радиокарбондық мерзімдер енгізіліп отыр. Сонымен қоса, аталмыш ескерткішті зерттеудің өзектілігі қарастырылады.

Түйін сөздер: Көкентау қонысы, неолит, қола ғасыры, тұрғын үй, қорым, тас жәшік

Excavations at the bronze age archaeological complex of Koken (East Kazakhstan): preliminary results

This article outlines preliminary research findings and discoveries at the archaeological complex of Koken (Kokentau Mountains in east Kazakhstan). During 2019, the team engaged in mapping and excavations of a multi-period settlement and a neighboring cemetery. The outlying landscape was also surveyed for additional archaeological remains, at which point ancient rock paintings and lithic scatters were documented. Excavation of the Koken settlement, cemetery, and the rock art area uncovered a substantial amount of zooarchaeological material, ceramics, metal beads, slag, as well as stone tools and debri from stone tool manufacture. Hence the ritual and domestic life of the site's ancient inhabitants and visitors can be reconstructed. We offer a brief description of the excavated sites, and provide preliminary results of the morphological and pathological analysis of anthropological material from seven human burials dating to the Late Bronze Age. Also, 8 radiocarbon dates are included that show Koken was minimally inhabited from the Neolithic to Final Bronze Age. We propose avenues for future research on this exciting and new discovery.

Keywords: Koken, Bronze Age, settlement, cemetery, Neolithic, east Kazakhstan.

Летом 2019 г. сотрудниками АОО «Назарбаев Университет» совместно с коллегами из Университета им. Шакарима (г. Семей), Университета Питтсбург (США) и Вашингтонского Университета в Сент-Луисе (США) проводили археологические исследования в местечке Кокен. Памятник находится приблизительно в 80 км к ЮЗ от города Семей (ВКО), на стыке восточной части Казахского мелкосопочника и Казахского Алтая и включает в себя могильник, поселение и петроглифы (рис. 1). До начала проведения археологических раскопок были составлены ситуационный и топографический планы памятника в масштабе 1:1000 см (рис. 2).

Исследование могильника Кокентау. По предварительным данным, могильник состоит из более чем 40 разнотипных погребальных сооружений эпохи бронзы, представляющх собой прямоугольные, круглые, восьмеркообразные каменные оградки. В качестве объектов исследования нами были выбраны

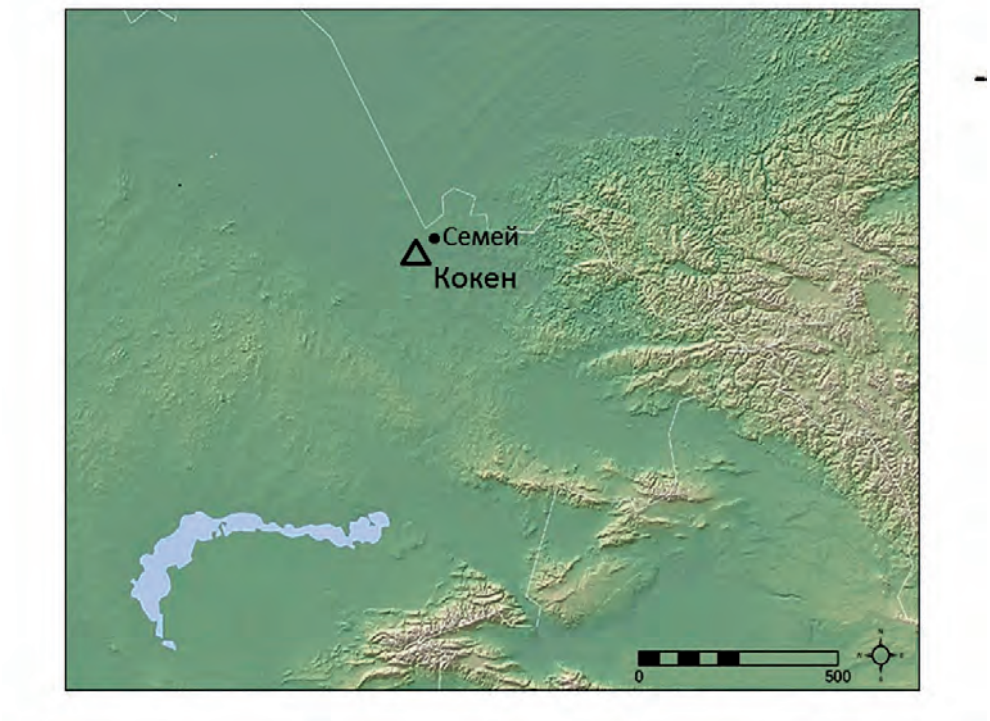

Рис. 1. Географическое расположение памятника Кокен

сооружения центральной части могильного поля. В полевом сезоне 2019 г. было изучено семь погребальных сооружений эпохи бронзы. В процессе изучения могильника посредством радиуголеродного анализа было получены три даты.

Ниже даётся описание исследованных объектов.

Оградка № 3. На современной поверхности, с южной стороны могильника Кокентау, были обнаружены хорошо видимые окончания продолговатых каменных плит, поставленных вертикально. Вся площадь ограды находилась под чием (песчаный тростник), в связи с чем визуально определить точную форму оградки было невозможно. При снятии дернового слоя было установлено, что ограда имеет квадратную форму и ориентирована по сторонам света СЮ–ВЗ (320×320 см). Все плиты внешней стороны оградки были наклонены внутрь под углом в 45˚. Средняя длина каменных плит составила 50–60 см; толщина – 10–15 см. В ограде были зафиксированы контуры пятна могильной ямы. В ходе дальнейших исследований, на глубине 75–80 см от дневной поверхности, был зафиксирован каменный ящик прямоугольной формы (110×60 см), ориентированный по направлению В–З. Ящик сложен из четырех цельных гранитных плит. С северной и южной части ящика, с внешней стороны ограды, были установлены подпорки из камней среднего размера. Ящик был перекрыт каменной плитой только на половину (75×50 см), вероятно, вторая часть перекрытия была повреждена во время разграбления ящика. При расчистке

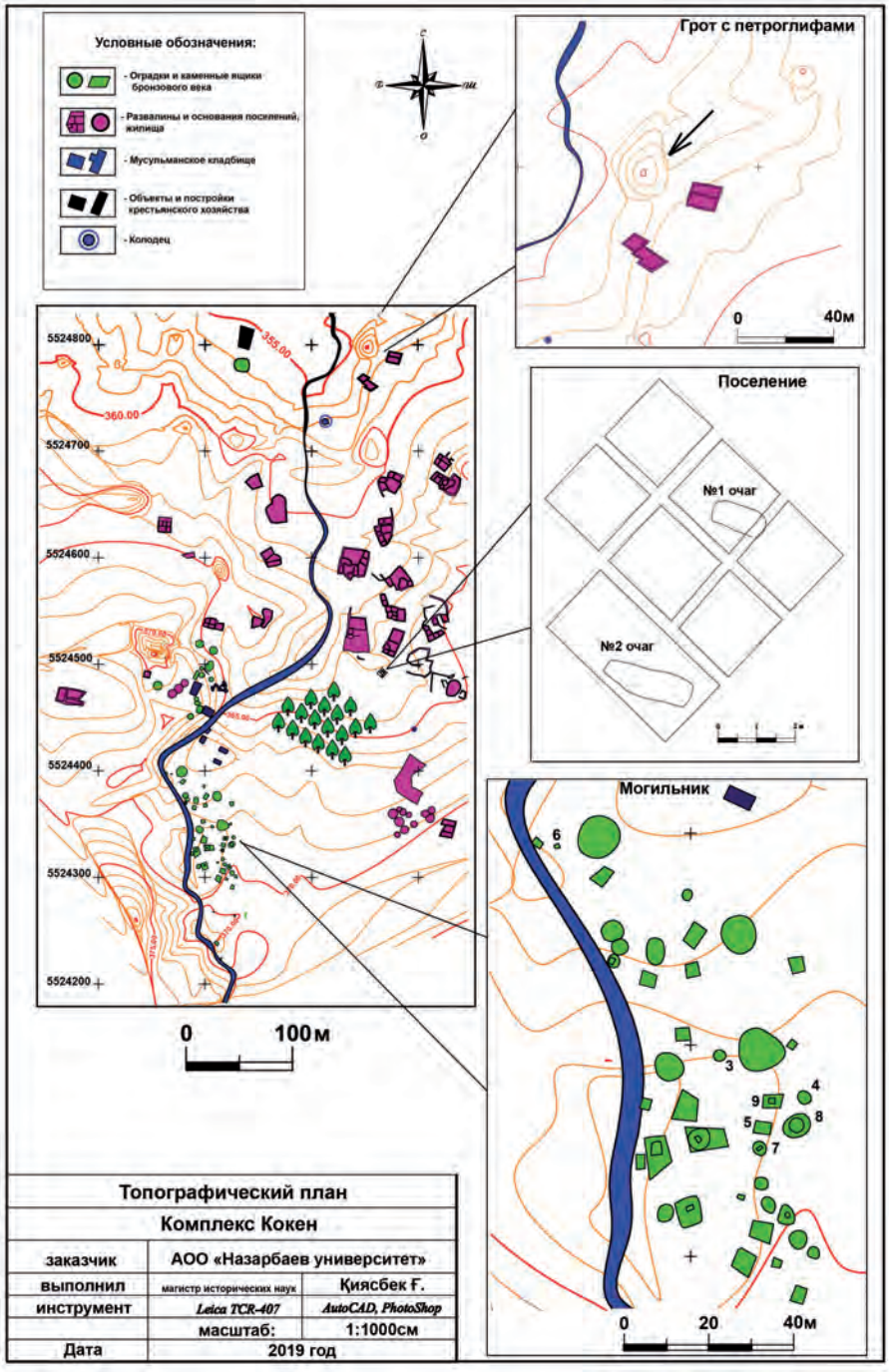

Рис. 2. Топографический план поселения, могильника и участка скопления наскальных рисунков памятника Кокен

ящика на глубине 135–140 см были обнаружены потревоженные кости человека (трубчатые кости и позвонки). По предварительному морфологическому анализу антрополога Э. Буллион (E. Bullion) было определено, что данное захоронение является парным. Первый погребенный был младенцем, а второй подростком. Пол погребённых будет определен в ходе проведения дальнейших антропологических исследований. Необходимо отметить, что каких-либо патологий ни у одного из индивидов не было выявлено. Предметов сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Ограда № 4. До начала проведения археологических раскопок, с западной стороны могильника Кокен, зафиксированы камни еще одного погребального сооружения. Вся площадь ограды была сильно задернованной, по краям рос песчаный тростник. Подовальная каменная конструкция была зафиксирована после снятия дернового слоя. Камни были выложены плашмя. Судя по сохранившейся конструкции, ограда была сложена из двух рядов камней. Размеры ящика составляют с СЮ стороны 3,6 м и с ВЗ стороны 3,6 м. В центре, на глубине 92 см, был зафиксирован, перекрытый двумя большими каменными плитами, ящик. Размеры каменных плит перекрытия составляют 100×80 и 120×120 см. В результате удаления плит перекрытия был зафиксирован каменный ящик прямоугольной формы (170×60 см), ориентированный по направлению В–З. Ящик был сложен из четырех цельных гранитных плит, поставленных на ребро. На его дне находился скелет человека в состоянии in situ (рис. 3). В связи с тем, что ограда располагалась близко к воде, в ходе проведения полевых работ ящик ограды № 4 был заполнен водой, что значительно затруднило расчистку. Погребенный находился в скорченном положении, головой на запад, лицом к северу, обе руки были согнуты в локтях, ладони прижаты к лицу. Согласно предварительному заключению антрополога, скелет принадлежит женщине 35–45 лет. Из патологий можно выделить наличие перелома локтевого сустава. По радиокарбонному анализу человеческих костей, данное погребение было датировано XV в. до н.э. (табл. 1, KKBR4)

Таблица 1 – Результаты 14С датирования образцов из могильника Кокен (ограды № 4, 8, 9), проводившегося в лаборатории International Chemical Analysis Inc., США (откалибровано при помощи OxCal v4.2.4 и IntCal13) [Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2013]

Шифр образца	^{14}CBP (uncal)	Калиброванная дата (Сигма 1, 68,2%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 95,4%)
KK BR8	3400 +/- 30 BP	Cal 1742–1660 BC	Cal 1767–1623 BC
KK BR9	3260 +/- 30 BP	Cal 1607–1500 BC	Cal 1616–1454 BC
KK BR4	3180 +/- 30 BP	Cal 1496–1428 BC	Cal 1507–1407 BC

В погребальном ящике был обнаружен неповрежденный керамический сосуд. Поверхность сосуда была минимально декорирована елочкообразным нарезным орнаментом, состоящим из пяти рядов горизонтальных линий, и оттисками гребенчатого штампа, что характерно для керамики федоровского

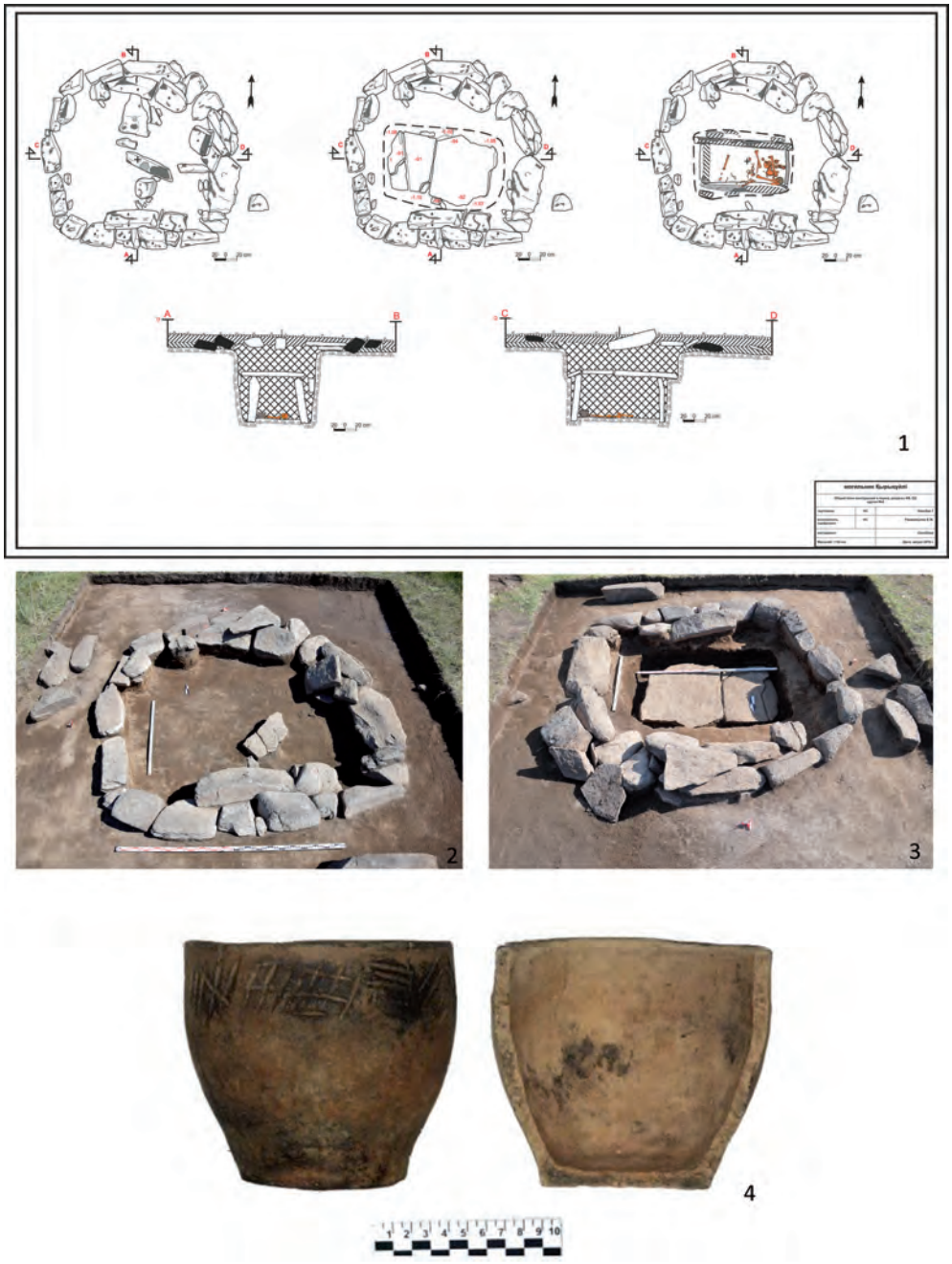

Рис. 3. Могильник Кокен, ограда № 4: 1 – план и разрез ограды и ящика; 2, 3 – наиболее ранний и наиболее поздний этапы застройки погребальной конструкции; 4– керамический сосуд

типа. Неполное сгорание или восстановительная атмосфера во время обжига способствовали появлению крапчатых оттенков на поверхности горшка. Исходные размеры горшка: высота 15 см, диаметр венчика 13,5 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 10 см, толщина стенок ~ 8 мм. На основе относительной хронологии, сосуд датирован переходным позднефедоровским–раннебегазинским периодом.

Ограда № 5. До начала проведения раскопок на дневной поверхности зафиксирована каменная ограда и плита перекрытия ящика. После снятия дерна было установлено, что ограда прямоугольная, ориентирована по линии В–З, размерами 3,9×3 м. Во внутренней части ограды находидись камни. Предположительно, конструкция была сложена из двух рядов камней. Со стороны северной и южной стен ограды находились сползшие с верхнего ряда стены камни. В ходе удаления камней с северо-западного угла ограды было обнаружено перекрытие каменного ящика, разломанное на несколько отдельных кусков. Перекрытие ящика было ориентировано в направление В–З, размеры ящика составляют 188×106 см. Каменный ящик прямоугольной формы (170×79 см), находившийся под плитой перекрытия, был ориентирован по направлению В–З. Ящик был сложен из четырех цельных гранитных плит, поставленных в землю на ребро. При вскрытии каменного ящика был обнаружен сильно потревоженный человеческий скелет. Согласно предварительному заключению антрополога, погребенный был мужчиной 50–55 лет, имевший такие патологии, как артроз и перелом руки.

Ящик № 6 был ориентирован по направлению ЮЗ–СВ. После снятия дерна установлено, что ящик состоял из нескольких продолговатых камней, а также было зафиксировано отсутствие восточной стенки. В ящике следов погребения не выявлено. Возможно, данная каменная конструкция имела функцию кенотафа.

Ограда № 7. После удаления дерна на участке с хорошо видимой на поверхности каменной конструкцией выявлена частично разрушенная каменная ограда размерами 240×260 см. В центральной части ограды был установлен каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный по направлению СВ–ЮЗ, размерами 200×60 см. Ящик был сложен из четырех цельных гранитных плит, поставленных на ребро. Дно ящика было уложено каменными плитами. Ящик был сильно разграблен. Инвентарь и костные останки не выявлены.

Ограда № 8. До начала проведения археологических раскопок на участке, где находилась ограда № 8, на уровне современной поверхности зафиксированы едва выступающие окончания камней погребальной конструкции. После снятия дерна было установлено, что ограда имеет прямоугольную форму, ориентированную по направлению В–З, размеры которой составляли с СЮ стороны 170 см и с ВЗ стороны 320 см. Все плиты внешней ограды были наклонены во внутреннюю часть под углом 30–35˚. Средняя длина каменных плит составляла 50–60 см, толщина - 10–15 см. Во внутренней части ограды зафиксированы контуры пятна могильной ямы. В дальнейшем, выявлен каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный по направлению В–З,

размерами 140×55 см. Он сложен из четырех гранитных плит, поставленных на ребро (рис. 4). Предположительно, перекрытие ящика было разбито и повалено в ящик грабителями. В связи с тем, что ящик был сильно разграблен, останки человеческих костей фиксируются в разных его частях. Согласно предварительному заключению антрополога, погребенная была женщиной 35–45 лет, имевшая позвоночную дегенерацию. Согласно полученным данным по радиокарбоному анализу костей, погребение было датировано XVIII–XVII вв. до н.э. (табл. 1, KKBR8).

Из предметов сопроводительного инвентаря были обнаружены три маленьких бронзовых бусины. Подобные бусины встречаются также в могильниках позднебронзового века в Казахстане [Черников, 1960, табл. XIX], Китае [Jai et al., 2017] и России [Максименков, 1978, с. 187]. С. С. Черников упоминает, что бусины такого типа были зафиксированы в Восточном Казахстане (Канай) [Черников, 1960, с. 270, рис. 7]. Бронзовые бусины были выплавлены и отлиты в виде маленьких колец диаметром около 5 мм.

Ограда № 9. До начала проведения раскопок на современной поверхности выступали окончания плит каменной ограды. После снятия дернового слоя была выявлена четырехугольная каменная конструкция, ориентированная по сторонам света. Размеры конструкции составляют 280×140 см. В центре ограды находилось скопление плиточных камней. Все плиты внешней ограды были наклонены во внутреннюю часть под углом в 45°. Средняя длина каменных плит составляла 50–60 см, толщина 10–15 см. В ходе дальнейшего исследования был зафиксирован каменный ящик прямоугольной формы (190×100 см), ориентированный по направлению В–З. Ящик сложен из четырех цельных гранитных плит, поставленных на ребро. При расчистке ящика на глубине 108 см были обнаружены потревоженные кости человека (рис. 5). Согласно предварительному исследованию антрополога, погребенный является мужчиной 15–18 лет с патологией позвоночного коллапса. По результатам радиокарбонного анализа человеческих костей, погребение № 9 датировано XVII–XV вв. до н.э. (табл. 1, KKBR9).

Из предметов сопроводительного инвентаря были обнаружены две бусины из желтого металла (3×16 мм) и три, предположительно, фаянсовые бусины. Фаянсовые бусины были произведены по следующей технологии: бусины выплавляли, а затем отливали шарики небольшого размера в форме «гусеницы» (размером 2,5×7–10 мм). Они, вероятно, являлись частью нашейного ожерелья или головного убора, такие примеры встречаются в Северо-Западном и Северо-Восточном Казахстане [Усманова, Мерц, 2019; Мерц, 2019, с. 95], где бусы являлись частью погребального инвентаря.

Вдоль ЮЗ стенки, на дне каменного ящика, в изголовье был обнаружен керамический сосуд баночной формы. Неполное сгорание или восстановительная атмосфера во время обжига придали керамическому тесту темно-серый цвет и способствовали появлению крапчатых оттенков по всей поверхности горшка. Сосуд минимально декорирован нарезным орнаментом и оттисками гребенчатого штампа. Орнамент нанесен неравномерно и

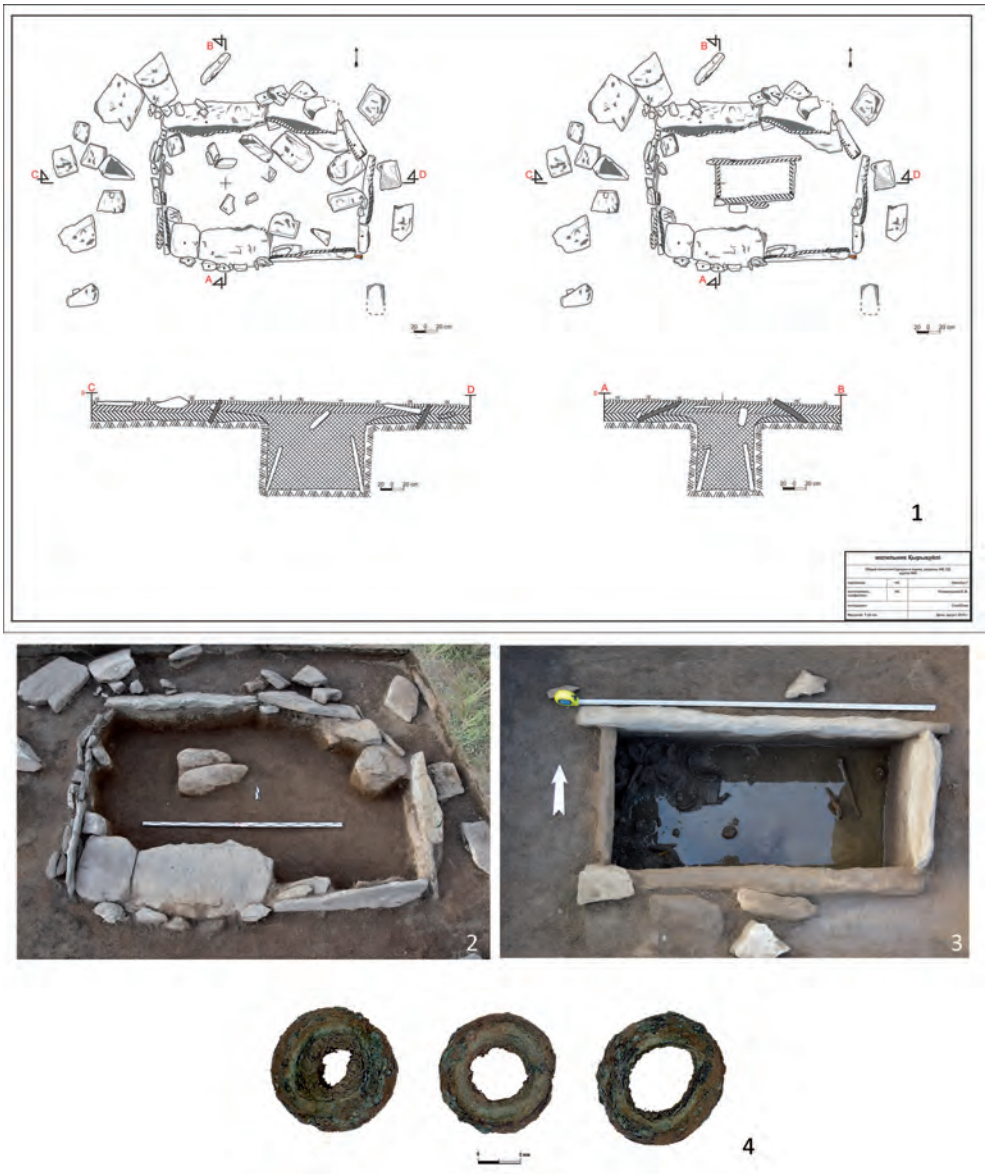

Рис. 4. Могильник Кокен, ограда № 8: 1 – план и разрез ограды и ящика;
2 –наиболее поздний этап застройки погребальной конструкции;
3 – каменный ящик; 4 – бронзовые бусины

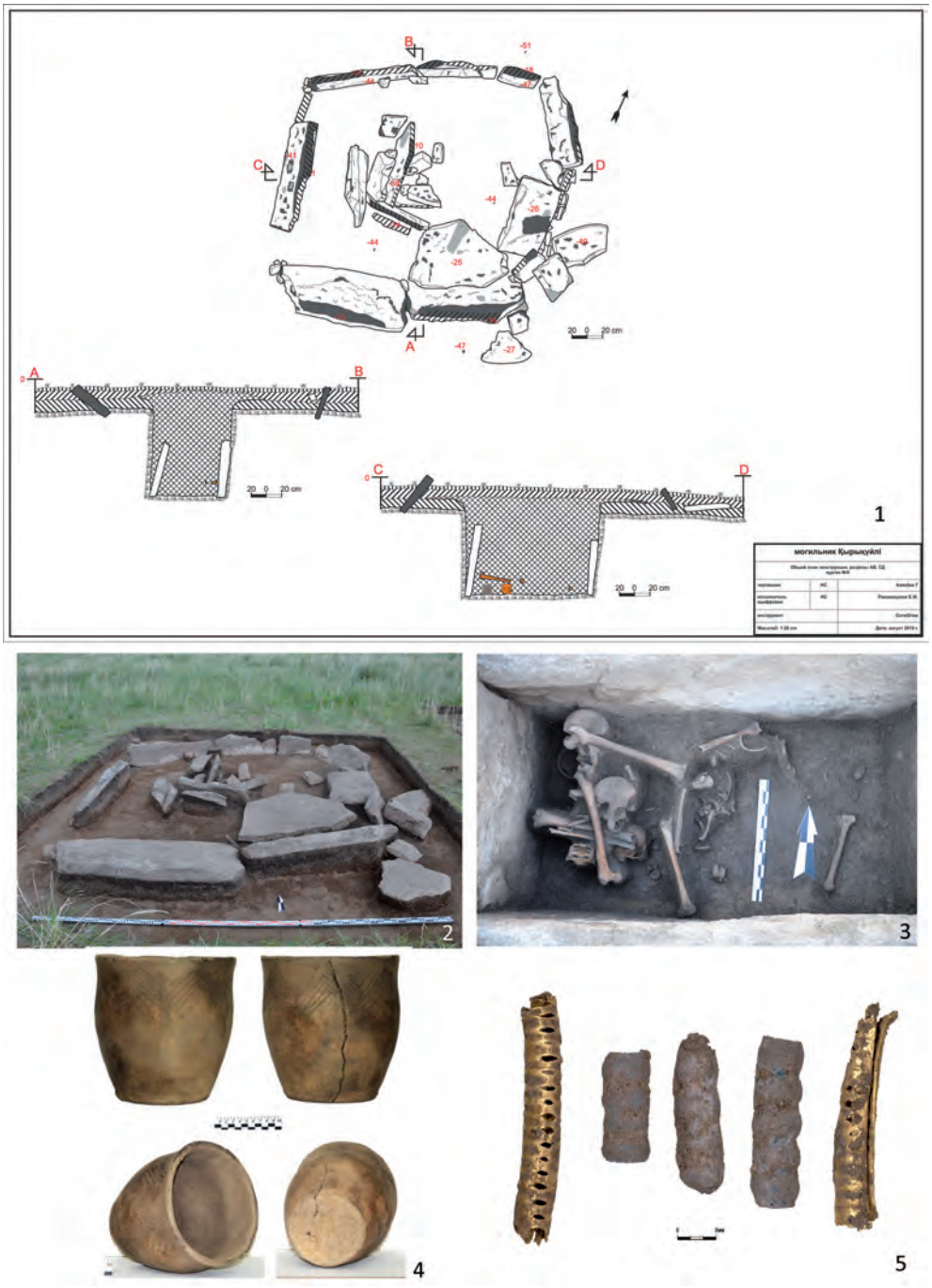

Рис. 5. Могильник Кокен, ограда № 9: 1 – план и разрез ограды и ящика; 2– наиболее поздний этап застройки погребальной конструкции; 3 – погребение человека; 4 – керамический сосуд; 5 – пронизи из металла желтого цвета и, предположительно, фаянсовые бусины

содержит чередующиеся поперечные штрихи, ёлочкообразные и вертикальные линии, нанесенные вокруг тулова. Высота горшка составляет 12 см, диаметр венчика 12 см, диаметр тулова 13 см, диаметр дна 8 см, толщина стенок ~8 мм. На внутренней стенке горшка прослеживаются следы нагара, которые в дальнейшем планируется проанализировать на предмет определения содержимого. Согласно относительной хронологии, сосуд относится к переходному позднефедоровскому–раннебегазинскому периоду.

Необходимо отметить, что по окончании археологических работ все перечисленные объекты исследования были рекультивированы.

Исследование поселения Кокен. Поселение Кокен является многослойным памятником, архитектурные сооружения которого были связаны с ритуальной деятельностью, а также с ремесленным производством древних насельников (рис. 6). В ходе проведения археологического исследования данного памятника было установлено, что застройка поселения проходила в несколько этапов. Наряду с более ранним строительным горизонтом эпохи бронзы на поселении встречаются остатки фундаментов казахских зимовок XIX–XX вв.

Целью полевого сезона 2019 г. было определение перспективности изучения поселенческого комплекса археологического памятника Кокен, в ходе которого нами был раскопан участок, составлявший 24 кв. м, в районе хорошо видимых на поверхности каменных конструкций.

В результате проведения первичного исследования полученных материалов нами было установлено, что поселение Кокен было заселено людьми начиная с неолита и вплоть до финального этапа эпохи бронзы. Полученные радиокарбонные даты по анализу костей животных и древесного угля, найденных в одном из наиболее ранних культурных отложений поселения, позволили сделать вывод о наличии неолитического слоя (табл. 2, ККСВ-27).

Таблица 2 – Результаты 14С датирования образцов с поселения Кокен, проводившегося в лаборатории International Chemical Analysis Inc., США (откалибровано при помощи OxCal v4.2.4 и IntCal13) [Bronk Ramsey, 2009; Reimer et al., 2013]

Шифр образца	^{14}CBP (uncal)	Калиброванная дата (Сигма 1, 68,2%)	Калиброванная дата (Сигма 2, 95,4%)
КК СВ-27	8180 +/- 30 BP	Cal 7247–7081 BC	Cal 7306–7075 BC
КК СВ-20	4060 +/- 30 BP	Cal 2831–2496 BC	Cal 2840–2483 BC
КК СВ-21	3850 +/- 30 BP	Cal 2433–2211 BC	Cal 2458–2207 BC
КК СВ-6	3000 +/- 30 BP	Cal 1282–1134 BC	Cal 1377–1126 BC
КК СВ-24	2830 +/- 30 BP	Cal 1016–929 BC	Cal 1083–906 BC

Культурные отложения раннебронзового периода представлены архитектурными постройками, состоящими из столбовых ям небольшого размера, находящихся вокруг очага (150×75 см). Они облицованы крупными плоскими камнями, центр очага был заполнен мелкими обугленными камнями, разрушенными в результате чрезмерного нагрева. Используемые в качестве топлива крупные ветки деревьев сохранились in situ в обугленном

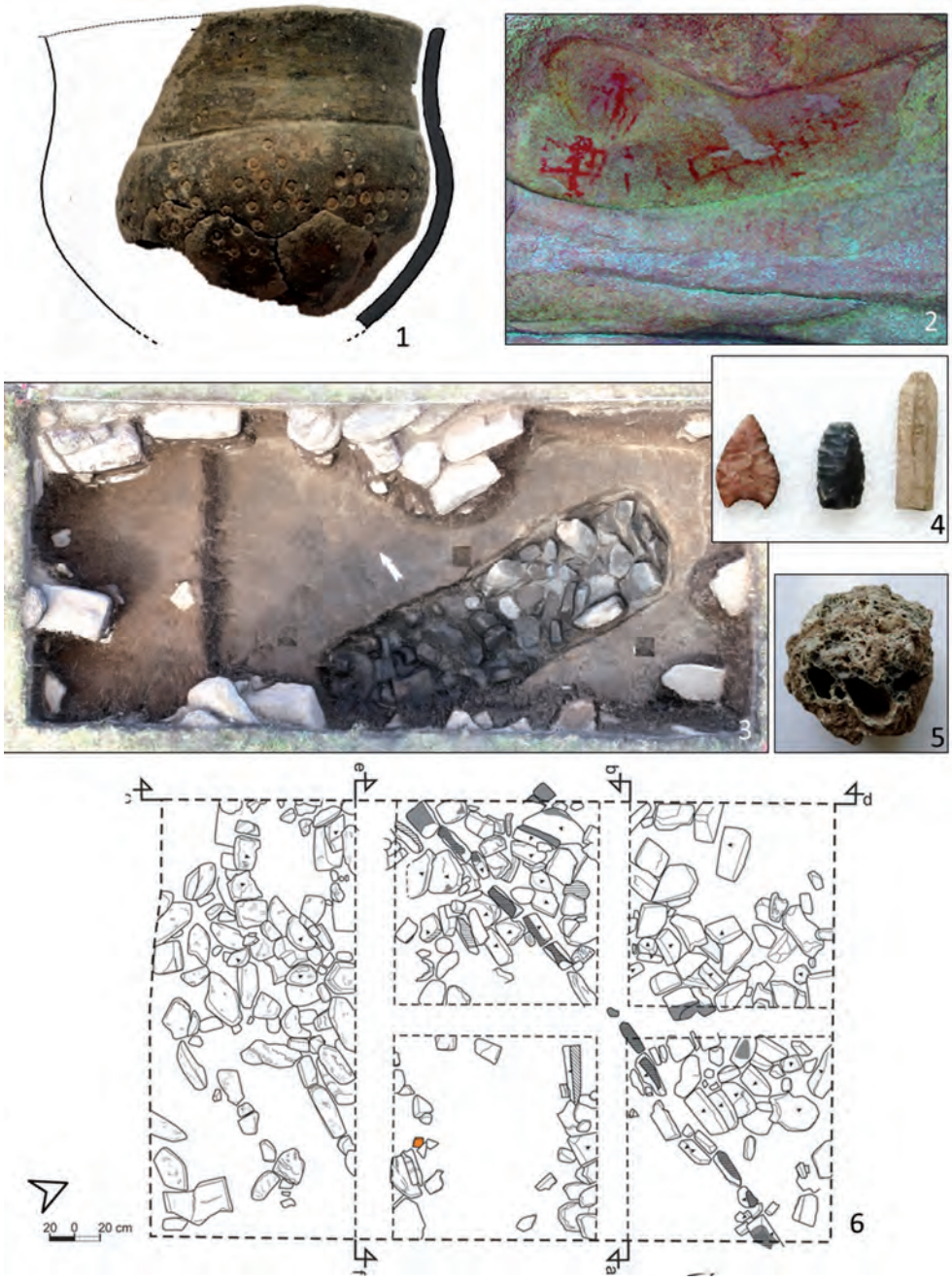

Рис. 6. Поселение Кокен: 1 – фрагмент керамики; 2 – нанесённые краской наскальные рисунки; 3 – печь; 4 – каменные артефакты; 5 – шлак; 6 – план раскопа

состоянии. Вторая подобная каменная конструкция, имеющая вид очага, была обнаружена в 3 м от первой идентичной конструкции, располагавшаяся так же, как и первая, по направлению С–Ю. Отличительной чертой второго очага является его размер, который значительно превосходил размеры первой конструкции (220×80 см) и содержал похожие следы сильного горения. Сравнительно небольшое количество животных костей, обожжённой керамики красного цвета и обработанных каменных орудий было найдено внутри и вокруг обоих каменных очагов. Древесный уголь с каждого из очагов был отправлен на радиокарбонный анализ, что позволило датировать данные каменные конструкции ранним бронзовым веком (табл. 2, KKCB-20, KKCB-21). Необходимо отметить, что найденные наскальные рисунки, находящиеся приблизительно в 100 м от поселения Кокен, относятся к ранней бронзе. Раннебронзовый этап застройки представлен каменной стеной, состоящей из одного ряда вертикально стоящих камней (некоторые из которых составляют 1 м в высоту). В целом, данный слой характеризуется малым количеством архитектурных построек.

Многослойный тип застройки каменного жилища указывает на то, что данная архитектурная конструкция была несколько раз подвергнута перестройке. Каменные стены, заложенные в более ранние периоды, были использованы вторично, а также были достроены дополнительные конструкции для создания многокомнатного жилья. Наряду с керамическими фрагментами, каменными отщепами и скребками был обнаружен шлак, свидетельствующий об активной металлургической деятельности на поселении. Результаты радиокарбонного анализа древесного угля из участков дополнительно достроенных конструкций указывают на позднебронзовый век (табл. 2, KKCB-6). Таким образом, в период поздней бронзы поселение представляло собой две прямоугольные комнаты с примыкающим дверным проемом. В помещениях жилища было зафиксировано несколько очагов, фрагменты керамики относящиеся к ирменской культуре [Стефанов, Труфанов, 1988], отщепы, отшлифованные каменные орудия труда, наконечники стрел, и кости животных. Предварительный археозоологический анализ выявил присутствие костей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, с порезами, указывающими на разделку и извлечение костного мозга.

Необходимо отметить, что на поселении была найдена керамика, относящаяся к среднему и позднему бронзовому веку [Маргулан и др., 1966, табл. XI, рис. 4]. Керамика такого же типа была найдена в более поздних слоях поселения и в местности, находящейся ближе к склону гор Кокентау, где так же были зафиксированы хорошо видимые на поверхности каменные конструкции. В дальнейшем планируется провести полевые исследования на этих участках, имеющих предположительную взаимосвязь с раскопанным нами комплексом.

Наиболее поздний горизонт застройки представлен массивной ритуальной каменной конструкцией округлой формы, располагавшейся в западном углу раскопа и относящейся к финальному этапу эпохи бронзы. В основании конструкции был найден маленький керамический сосуд и небольшое количество челюстей МРС. По этим костям нами получена дата,

соответствующая финальному этапу эпохи бронзы (табл. 2, ККСВ-24).

Таким образом, исходя из вышеприведенных сведений, поселение Кокен, с прилегающим к нему погребальным комплексом и участком скопления наскальных рисунков, является одним из уникальных памятников бронзового века Восточного Казахстана.

На основании полученных сведений было установлено, что Кокентау заселялось до этнографического времени. Необходимо отметить, что в течение прошлого столетия плотность населения в этом регионе подвергалась постоянному изменению в связи с локальными миграционными процессами, однако люди по сей день продолжают проживать на этой территории. Новые исследования данного поселенческого комплекса дали нам в целом значительный объем информации для проведения дальнейшего планомерного исследования вопросов, касающихся экономического и социального устройства, металлургического производства и местной индустрии на поселении Кокен. Дальнейшие исследования полученных материалов позволят провести параллели между комплексами из других районов Восточного Казахстана и сопредельных территорий.

Литература

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 194 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Мерц В.К. Краткая история развития материальной культуры Павлодарского Прииртышья: иллюстрированное научно-популярное издание. Павлодар: Центр археологических исследований им. А.Х. Маргулана, 2019. 142 с.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка-I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири: сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 75-88.

Усманова Э.Р., Мерц В.К. Знаковый фактор головных и ушных украшений в андроновском костюме эпохи бронзы // Археология евразийских степей. 2019. № 1. С. 172-182.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА. 1960. № 88. 272 с.

Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. 51. P. 337-360.

Jia, P.W., Betts, A., Cong, D., Jia, X., Doumani Dupuy, P., Adunqiaolu: new evidence for the Andronovo in Xinjiang, China // Antiquity. 2017. 357. P. 621-639.

Reimer P. et al. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50 000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. 55. P. 1869-1887.

И. А. Кукушкин, Е. А. Дмитриев

АЛАКУЛЬСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ МОГИЛЬНИКА СЕНКИБАЙ-2

В статье освещаются результаты исследования кургана 26 могильника Сенкибай-2 (Шетский р-н, Карагандинская обл.), в котором выявлены захоронения, отражающие все этапы развития алакульской культуры региона (XIX–XVI вв. до н.э.). Вещевой материал довольно малочисленный и представлен различными металлическими украшениями, фрагментом каменного навершия булавы и костяным наконечником стрелы. Керамический комплекс по формально-типологическим признакам разделен на три группы (петровская, нуртайская и «классическая» алакульская) и обладает своими достаточно четкими хронологическими маркерами, наглядно и наиболее ярко отражая предложенную схему периодизации, представленную в рамках данной статьи в более развернутом виде. Длительное использование комплекса для совершения захоронений может служить своего рода реперной хронологической шкалой относительной периодизации алакульской культуры Центрального Казахстана.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, эпоха бронзы, алакульская культура

Сеңкібай-2 моласының Алакөл қорымы

Мақалада Сеңкібай-2 қорымындағы (Қарағанды облысының Шета ауданы) № 26 обаға жүргізілген зерттеулер негізінде, сол аймақтағы алакөл мәдениеті дамуының кезеңдері (б.д.д. XIX – XVI ғғ.) баяндалады. Ескерткіштен заттық материал өте аз кездесті, оның ішінде әртүрлі металдан жасалған әшекейлер, және сүйектен жасалған жебе ұштарын айтуға болады. Керамикалық кешен пішіндеу және типологиялық белгілері бойынша үш топқа бөлінген (петровтық, нұртайлық және алакөлдік). Аталған жәдігерлер кешені мақалада көрсетілген хронологиялық кезеңдеуге сай, анық әрі кең ауқымды сипатталуымен ерекшеленеді. Жерлеу ғұрыптарында кешеннің ұзақ пайдаланылуы өз кезегінде Орталық Қазақстандағы алакөл мәдениетін кезеңдеудің реперлік нүктесі болатынын көрсетеді.

Түйін сөздер: Орталық Қазақстан, қола дәуірі, Алакөл мәдениеті

Alakul burial ground of Senkibay-2

The article highlights the results of a study of burial mound 26 of the Senkibay-2 burial ground (Shetsky district of the Karaganda region), in which burials have been identified that reflect all stages of the development of the Alakul culture of the region (XIX – XVI centuries BC). The ware material is rather small and is represented by various metal ornaments, a fragment of a stone pommel of a mace and a bone arrowhead. According to

© Игорь А. Кукушкин, Евгений А. Дмитриев, *НИИ Сарыаркинский археологический институт при КарГУ им. академика Е.А. Букетова, г. Караганды, Казахстан;* yevgenii1992@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, ИРН проектов AP05131774, AP05131861.

formal typological characteristics, the ceramic complex is divided into three groups (Petrovka, Nurtay and «classical» Alakul) and has its own quite clear chronological markers, clearly and most vividly reflecting the proposed periodization scheme, presented in the framework of this article in a more expanded form. Long-term use of the complex for making burials can serve as a kind of benchmark chronological scale for the relative periodization of the Alakul culture of Central Kazakhstan.

Keywords: Central Kazakhstan, the Bronze Age, Alakul culture.

К концу второго десятилетия XXI в. были достигнуты определенные успехи в изучении памятников алакульской культуры Центрального Казахстана. Они, прежде всего, базируются на накоплении качественно нового материала, иллюстрирующего явное сходство с ранними комплексами сопредельных регионов (Северный и Западный Казахстан, Южное Зауралье). Плавная трансформация, фиксируемая в погребальной обрядности и материальной культуре, позволила поддержать таксономическую позицию в вопросе соотношения петровских и алакульских древностей, разрабатываемую В. В. Ткачевым [2007, с. 325] и Н. Б. Виноградовым [Виноградов, 2016, с. 57] и отказаться от прежних взглядов. Немаловажное значение имеют первые радиоуглеродные определения с применением ускорительной масс-спектрометрии, единично опубликованные [Кукушкин, Дмитриев, 2019; Кукушкин и др., 2019**а**; Кукушкин и др., 2019**б**] и демонстрирующие принципиальную синхронность раннеалакульских древностей региона с аналогичными памятниками Южного Зауралья [Краузе и др., 2019]. Исследования на могильниках Кызылтау и Табылды выявили определенное влияние срубных или осрубненных популяций в раннеалакульской погребальной практике, косторезном ремесле и характере орнаментации керамических сосудов. Высокий уровень развития металлургического производства демонстрируют данные технологии изготовления металлических изделий [Degtyareva et al., 2019; Дегтярева и др., 2020].

Во многом эти достижения основаны на результатах исследований небольшой, но довольно показательной группы некрополей (Кызылтау, Табылды, Талдинский-1, Котыртас и Сенкибай-2), сосредоточенной «кустом» в долине реки Талды, неподалеку от мавзолея Сенкибай-батыра (Шетский р-н). Если материалы могильников Кызылтау, Табылды и Талдинского-1 частично опубликованы, то исследования остальных памятников пока не освещены в печати. Стремясь восполнить эту информационную лакуну, в рамках данной статьи авторами вводятся в научный оборот результаты работ на кургане 26 могильника Сенкибай-2, проведенные в 2014 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института, которые во многом способствовали интенсификации деятельности института в данной местности в последующие годы.

Памятник находится в 90 км юго-восточнее г. Караганда, в 6 км восточнее пос. Талды, в 5 км к ЗСЗ от пос. Жанажурт, в 1,8 км к ВСВ от мавзолея Сенкибай батыра (Шетский р-н, Карагандинская обл.) (рис. 1). Погребальное поле занимает относительно ровную площадку левобережья р. Талды и состоит

Рис. 1. Расположение могильника Сенкибай-2 на карте

из нескольких скоплений (Сенкибай-2, 2А, 2Б) визуально фиксируемых сооружений. В группе Сенкибай-2 отмечено порядка 42 погребальных комплексов, основная часть которых относится к эпохе бронзы (№ 10–42), однако, курганы № 1–9, расположенные на некотором отдалении и вытянутые двумя цепочками в широтном направлении, вероятно, возведены более позднее время.

Сооружение 26 до раскопок представляло собой земляной курган диаметром 18 м, высотой 0,75 м, в полах насыпи которого визуально фиксировались края плит ограждения. Основание комплекса опоясывал кольцевой ров шириной 2 м, внешний диаметр которого составлял более 20 м. На выбранном объекте был разбит круговой раскоп с оставлением двух контрольных бровок, ориентированных по линиям С–Ю и З–В (рис. 2).

В процессе снятия насыпи, в центральной части кургана, непосредственно под дерном зафиксировано добавочное погребение, содержавшее останки взрослого человека (половозрастные определения выполнены к.и.н. К. Н. Солодовниковым, ИПОС СО РАН, Тюмень, РФ), уложенного на спине и ориентированного черепом на ВСВ. Положение умершего подчеркивалось согнутыми в локтевых суставах костями рук, кисти которых находились по обе стороны таза. Ноги с разведенными коленями образовывали в плане ромб – так называемая поза «всадника». Южнее, по левую сторону останков, на уровне грудного отдела расчищена фрагментированная лопатка взрослой лошади (палеозоологические определения выполнены к.г.-м.н.

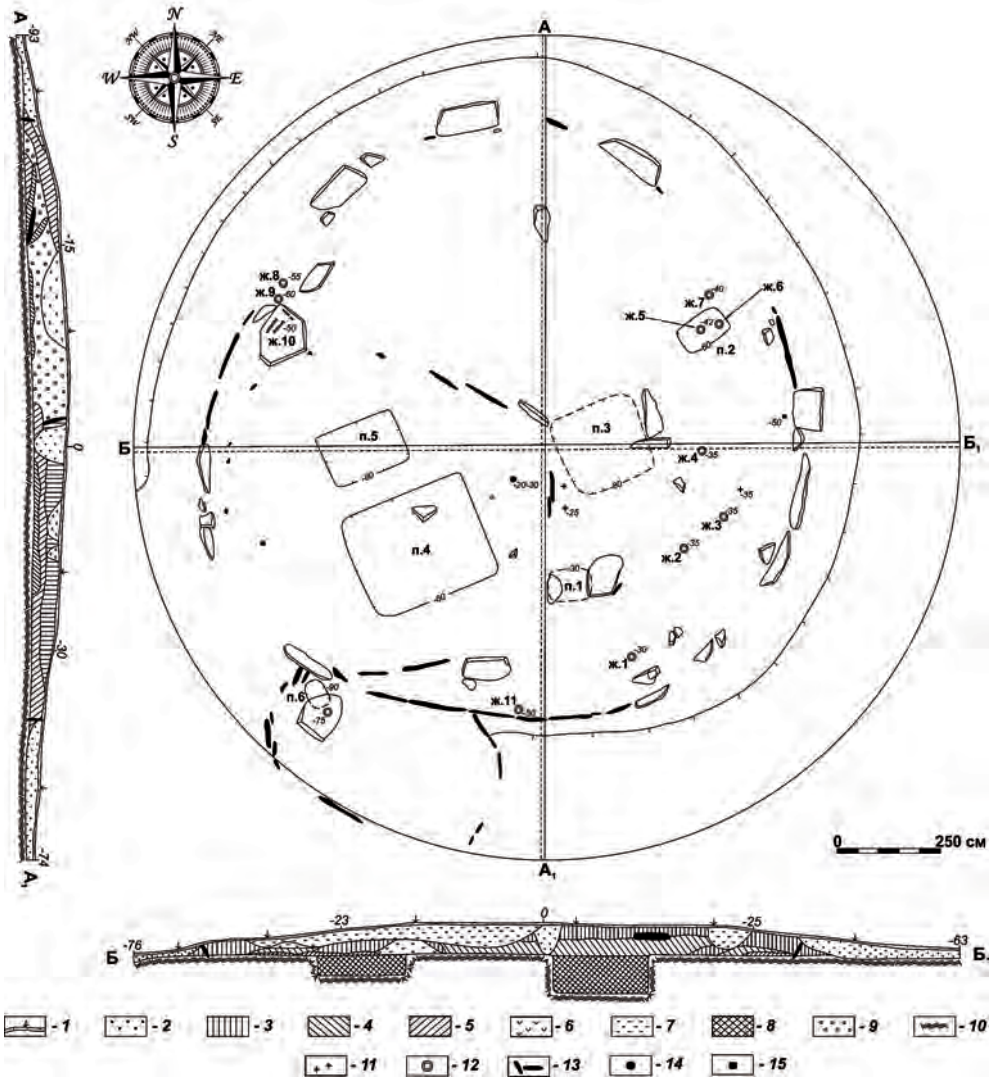

Рис. 2. План и профили сооружения 26: 1 – дерн; 2 – темно-бурый слой; 3 – серый слой; 4 – темно-коричневый слой; 5 – белесый слой; 6 – темно-серый слой; 7 – светло-бурый слой; 8 – заполнение могилы; 9 – белесо-серый слой; 10 – материк; 11 – фрагменты керамики; 12 – керамический сосуд; 13 – камни; 14 – кости; 15 – проколка

Л. Л. Гайдученко). Отсутствие сопроводительного инвентаря не позволяет однозначно конкретизировать культурную и хронологическую принадлежность захоронения, которое могло быть совершено в раннем железном веке или средневековье.

Дальнейшая разборка насыпи кургана выявила систему жертвенников в виде 10 керамических сосудов (рис. 3, *1–10*), сосредоточенных преимущественно в восточной половине сооружения. В северо-западном секторе на глубине

Рис. 3. Керамическая коллекция: 1 – жертвенник 1; 2 – жертвенник 2; 3 – жертвенник 3; 4 – жертвенник 4; 5 – жертвенник 5; 6 – жертвенник 7; 7 – жертвенник 8; 8 – жертвенник 6; 9 – жертвенник 9; 10 – жертвенник 11; 11–17 – фрагменты из насыпи

0,5 м расчищены фрагменты черепа и трех дистальных отделов конечностей захудалого верхового жеребца, возрастом 6 лет, уложенные на наклонно расположенной плите. Реконструируемая высота животного достигала в холке 1,36 м. Подле костей обнаружены два жертвенных керамических сосуда, находившиеся на разных уровнях.

В центральной части насыпи найдены фрагменты керамики (рис. 3, *11–17*), видимо, выброшенные при ограблении могил, а в юго-западном секторе, на глубине 0,2–0,3 м, выявлен набор не имеющих следов сработанности таранных костей, принадлежащих овце (6 шт.), архару (1 шт.) и сайге (1 шт.).

В северо-восточном секторе, у плит ограды, обнаружена металлическая проколка с раскованным и заостренным концами, имевшая прямоугольное сечение размерами 0,3×0,4 см. Длина изделия составила 8 см (рис. 4, *2*).

В восточной половине кургана выявлены два впускных детских погребения, расположенные в юго-восточном (№ 1) и северо-восточном (№ 2) секторах раскопа.

Погребение № 1 находилось на глубине 0,3 м и маркировано фрагментарно сохранившимся перекрытием в виде двух каменных плит. Оно представляло собой грунтовую могилу с предположительными размерами 1,1×0,7×0,4 м, ориентированную по линии З–В, содержавшую потревоженные останки двух детей возрастом до 7 лет, уложенных головами в западном направлении.

Погребение № 2 в виде грунтовой могилы размерами 1,2×0,8 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, было зафиксировано на глубине 0,6 м. На дне расчищен плохо сохранившийся костяк ребенка 2–3 лет, уложенный в скорченном положении на левом боку и направленный черепом на ЮЗ. В изголовье находились два сосуда горшковидной формы (рис. 5, *1, 2*).

После снятия насыпи на подкурганной площадке были выявлены основная и вписанная в нее дополнительная ограда, смещенная к юго-западу, а также пристройка, демонстрирующие неоднократную перестройку погребального комплекса с целью совершения новых захоронений.

Основная ограда имела округлую в плане форму диаметром 14,5 м и состояла из вертикально вкопанных в материковый слой каменных плит, часть которых на момент исследования была завалена или отсутствовала.

В центральной части внутриоградного пространства, несколько восточнее центра, зафиксировано курганоообразующее погребение (№ 3), значительно разрушенное грабителями, в результате чего точную ориентировку и размеры установить не представляется возможным. При выборке заполнения могилы на разных глубинах фиксировались мелкие разрозненные кости взрослого человека и фрагменты керамики от одного сосуда, который частично реконструирован (рис. 5, *5*). Среди обнаруженных находок присутствует клык старой лошади, возрастом не менее 18 лет (с переходом к 19 году), а также набор из девяти таранных костей овцы без следов сработанности.

Добавочная ограда была устроена в юго-западной части комплекса и имела округлую в плане форму диаметром 8 м. Стенки ограждения состояли из вертикально установленных гранитных плит высотой до 0,9 м, часть которых

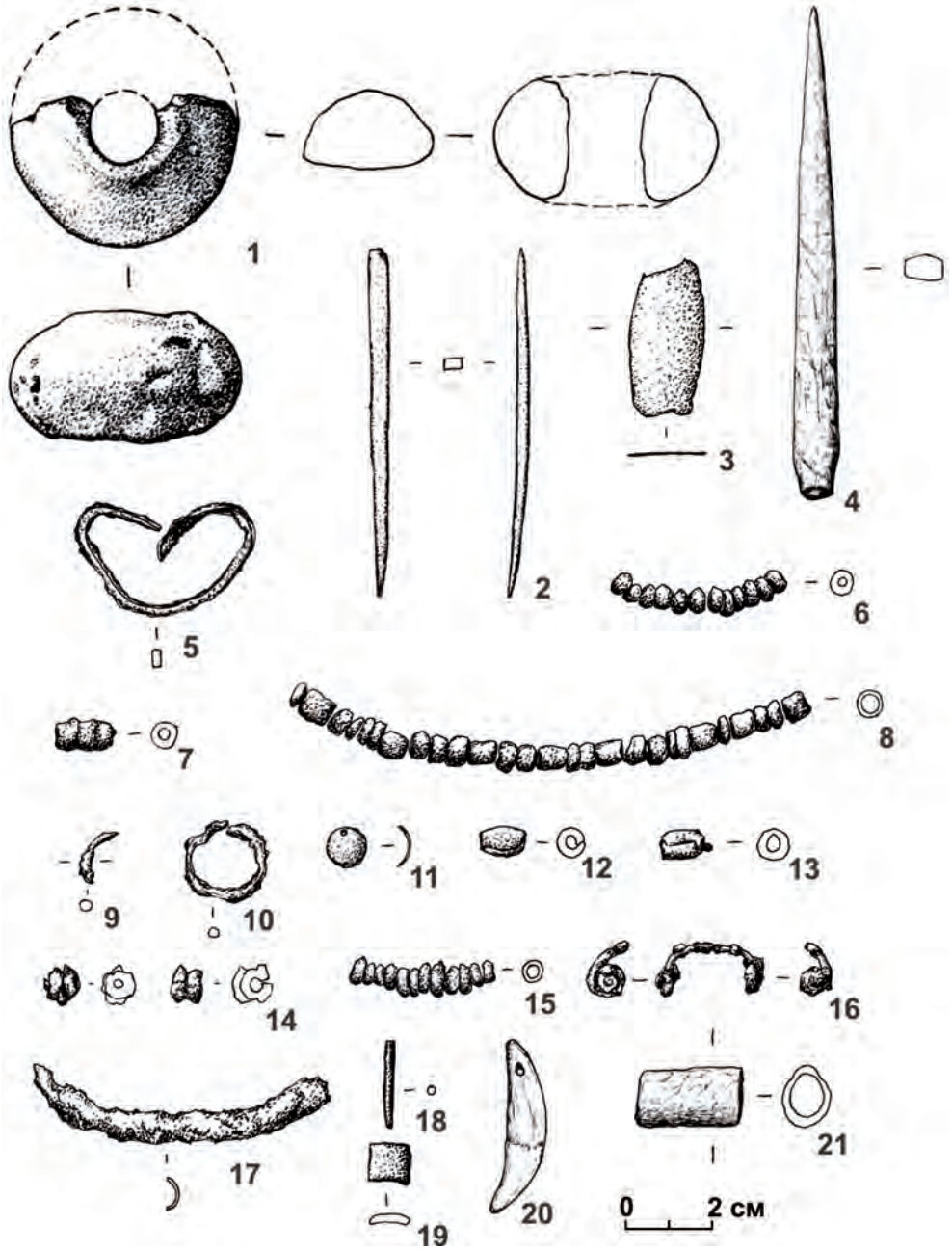

Рис. 4. Находки: 1 – камень; 2, 3, 5, 9–14, 16–19 – металл; 4, 20, 21 – кость; 6–8, 15 – глина

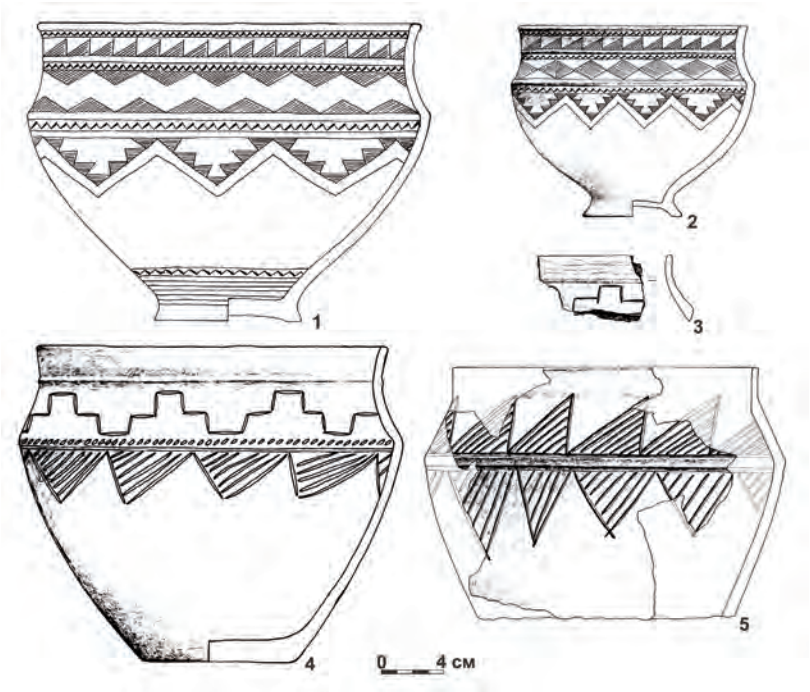

Рис. 5. Керамическая коллекция: 1, 2 – погребение № 1; 3 – погребение № 4; 4 – погребение № 5; 5 – погребение № 3

находилась выше уровня материка, на грунте темно-коричневого цвета. Данное обстоятельство указывает на ее более поздний характер относительно основного комплекса с погребением № 3.

В ней выявлены два, юго-восточное (№ 4) и северо-западное (№ 5) захоронения, расположенные параллельно.

Погребение № 4 представляло собой грунтовую яму размерами 3,2×2,6×1 м, ориентированную по линии ЮЗ–СВ. В процессе выборки заполнения, в северо-восточной части, на глубине 0,4 м отмечена земляная ступенька, шириной 0,3 м, а в заполнении фиксировались крупные обломки гранитных плит, составлявших в древности перекрытие могилы, которое, как было установлено, опиралось на массивные, несколько уплощенные каменные глыбы, служившие облицовкой вертикальных стенок погребения.

Несмотря на нарушенный характер захоронения, были обнаружены костяной наконечник стрелы (рис. 4, *4*), фрагмент каменного навершия булавы (рис. 4, *1*), металлические пластинка (рис. 4, *3*), скоба (рис. 4, *5*), пронизь (рис. 4, *7*), пастовые бусины (рис. 4, *8*) и, а также единичный фрагмент керамики (рис. 5, *3*).

Костяной черешковый наконечник стрелы длиной 11,5 см. В сечении четырехугольный, с намечающейся пятой гранью.

Фрагмент каменного навершия булавы имел округлую слегка приплюснутую форму, диаметром – 5,5 см, толщиной – 1,3 см. Диаметр

сквозной втулки составлял 1,6 см. С одной стороны вокруг втулки отмечен небольшой бортик.

На глубине 1–1,1 м обнаружены разрозненные останки трех индивидов: двух детей, возрастом 1,5–2 и 7 лет и взрослого человека. Из могилы происходит набор таранных костей овцы (30 шт., две из которых сточены с обеих боковых сторон), кабана (1 шт.) и архара (1 шт.). Также в заполнении найден резец лошади возрастом около 6 лет (с переходом к 7 году).

На дне основание каменной облицовки могилы было окаймлено деревянной конструкцией, фиксируемой по древесному тлену.

Погребение № 5 совершено в грунтовой яме 1,9×1,5×0,9 м, ориентированной по линии ЮЗ–СВ, в юго-западной части которой обнаружена завалившаяся внутрь плита каменного перекрытия. На разных глубинах могилы фиксировались пастовые (рис. 4, *6*) и бронзовые бусины (рис. 4, *14*), скрученные из металлического листа пронизи (рис. 4, *12, 13*), металлические кольцо (рис. 4, *10*), пластина (рис. 4, *19*) и выпукло-вогнутая округлая бляшка с отверстиями для крепления (рис. 4, *11*), фрагменты подвески с закрученными в коническую спираль концами (рис. 4, *16*), желобчатой гривны (рис. 4, *17*), а также подвеска из клыка хищного животного с отверстием для подвешивания (рис. 4, *20*). Любопытна обнаруженная пронизь или ворворка, изготовленная из полой кости крупной птицы – дрофы или журавля, длиной 2,5 см, диаметром – 1,2 см (рис. 4, *21*).

В центральной части погребения на глубине 0,8 м зафиксировано крупное скопление таранных костей овцы (112 шт.), архара (6 шт.) и сайги (2 шт.). Осмотр астрагалов овцы позволил установить, что 13 из них имеют следы обработки (семь – просверлены, три – обточены с одной стороны, два – обточены с двух сторон, один – просверлен и обточен).

У юго-западной стенки могилы, под плитой завалившегося перекрытия, обнаружены in situ два керамических сосуда горшковидной формы (рис. 5, *4*; рис. 6, *1*), один из которых был установлен днищем вверх.

Фиксируемые на разных уровнях заполнения могилы разрозненные человеческие останки принадлежат девушке возрастом 15–16 лет и ребенку 4–5 лет.

Еще одно захоронение (№ 6) выявлено в южной пристройке к основной ограде, имевшей овальную в плане форму, размерами 6×3 м и ориентированной по линии ЗСЗ–ЮВЮ, состоявшей и вертикально вкопанных плит. Погребение представляло собой грунтовую яму, размерами 0,6×0,4×0,65 м, ориентированную по линии СЗ–ЮВ, частично перекрытую каменной плитой, на которой зафиксирован керамический сосуд в развале (рис. 6, *2*). На дне расчищен скелет ребенка возрастом около 1 года, останки которого покрыты мелом. Он был уложен в скорченном положении, на левом боку, головой на СЗ. За спиной находились два керамических сосуда в развале (рис. 6, *3, 4*).

Археологическими исследованиями кургана 26 была установлена культурная и хронологическая неоднородность комплекса, выражающаяся в архитектурной перестройке подкурганной площадки в развитом бронзовом

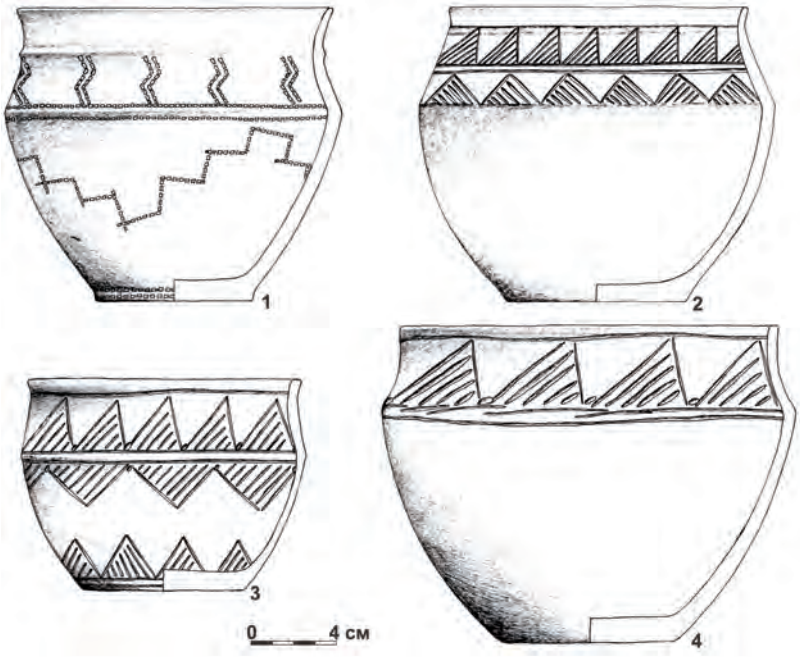

Рис. 6. Керамическая коллекция: 1 – погребение № 5; 2 – сосуд над погребением № 6; 3, 4 – погребение № 6

веке и совершением добавочного захоронения более позднего времени (ранний железный век или средневековье). Этому, видимо, способствовала его некрополеобразующая позиция для данной группы могильника Сенкибай-2.

К бронзовому веку относятся шесть захоронений, совершенных в грунтовых ямах, ориентированных по линиям ЮЗ–СВ (3), СЗ–ЮВ (1) и З–В (1). Существенная ограбленность могил практически не дает сведений об особенностях погребального обряда и насыщенности ритуальной сферы предметами, за исключением ориентировки умерших, которая в трех случаях определена по расположению останков в могиле и в одном случае в соответствии с нахождением керамических сосудов. Так, два умерших уложены головами на запад, еще, по крайней мере, один – в юго-западном и один в северо-западном направлении. Насколько позволяют судить нетронутые детские погребения, положение тел было довольно стандартным – скорченно на левом боку.

Таким образом, погребальный обряд представляется довольно типичным, однако, стоит отметить использование сугубо грунтовых могил для совершения захоронений. Обращают на себя внимание довольно крупные размеры погребения № 4 и обкладка стенок могилы несколько уплощенными каменными глыбами, что вместе с ниже описанным керамическим комплексом характерно для петровских захоронений сопредельных регионов [Зданович, 1983, с. 55–57; Кузьмина, 2008, с. 93]. Крупные центральные ямы, к примеру, отмечены на центрально-казахстанских могильниках Кызылтау [Кукушкин

и др., 2019**а**] и Талдинский-1 [Жауымбай и др., 2018, с. 226]. Немаловажным является наличие в северо-восточной части могилы № 4 небольшого выступа и ступеньки, характерных для петровских погребений Северного Казахстана и Южного Зауралья [Зданович, 1983, с. 55–56].

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволяют конкретизировать этапы функционирования. Наиболее древним курганообразующим захоронением является погребение № 3, для которого была возведена основная ограда. Позднее, предположительно, добавлена пристройка с погребением 6, прорезавшая кольцевой ров. В дальнейшем в основную ограду была впущена дополнительная, плиты которой частично были установлены на темно-коричневый грунт и совершены захоронения № 4–5. Наиболее поздними, очевидно, являются впускные детские захоронения (№ 1–2), а также, видимо, жертвенники, сосредоточенные в восточной половине кургана. Причем, погребение № 2, по крайней мере, несколько старше, т.к. перекрывается жертвенными сосудами № 5–7. Окончательный облик курган приобрел после устройства более позднего добавочного погребения.

Керамический комплекс памятника обладает своими достаточно четкими хронологическими маркерами и отражает все фазы развития алакульской культуры Центрального Казахстана, наглядно и наиболее контрастно отражая предлагаемую нами схему периодизации.

Основываясь на формально-типологических критериях, нами выделено три группы посуды, соответствующей трем этапам архитектурной перестройки погребального комплекса. Первые две характеризуют раннюю фазу алакульской культуры, прошедшей, с учетом новых данных, два этапа в своем развитии (петровский и нуртайский), а третья – «классический» период.

Петровская группа включает сосуды из погребений № 3 и 6, а также несколько фрагментов из насыпи (рис. 3, *13*; рис. 5, *5*; рис. 6, *2–4*). Она характеризуется ярко выраженной ребристостью, наличием перегиба и прямой верхней частью шейки. Орнамент представлен несколькими комбинациями треугольников, выполненных порой небрежно довольно широким орнаментиром.

Нуртайскую группу составляет керамика из погребений № 4–5 и несколько фрагментов из насыпи (рис. 3, *14*; рис. 5, *3, 4*; рис. 6, *1*). Переход от шейки к тулову сохраняет ребристость, при этом шейка обладает плавным профилем и дополнена узким валиком, условно маркирующим ее центральную часть. Элементы орнамента представлены треугольниками, ступеньками, вертикальным зигзагом. Архаичность облика посуды подчеркивается использованием зубчатого штампа.

Керамика «классической фазы» представлена сосудами из погребения № 2 и фрагментами из насыпи (рис. 3, *11, 15*; рис. 5, *1, 2*). Она характеризуется уступчатым профилем посуды – главным ее индикатором. Шейка плавно изогнута и слегка отогнута наружу, покрыта орнаментом.

Сосуды из жертвенников (рис. 3, *1–10*) в виду их преимущественно баночной формы и практически полным отсутствием орнамента сложно отнести к конкретной группе по формально-типологическим признакам.

Серия металлических изделий малочисленна и представлена сугубо не датирующими экземплярами (проколка, пластинки, скоба, пронизи, кольцо, бляшка-нашивка, гривна и подвеска с загнутыми в коническую спираль концами). Изделия из кости также немногочисленны. Обнаруженный костяной наконечник стрелы имеет широкие аналогии материалах алакульской культуры региона [Маргулан и др., 1966, с. 119, рис. 44; Ткачев, 2012; Кукушкин, Дмитриев, 2018, рис. 3, *3–6, 9–11, 18–24*].

Определенный интерес представляет фрагмент каменного навершия булавы, которые достаточно известны в синташтинских и раннеалакульских материалах Казахстана и найдены на памятниках Танаберген II, Жаман-Каргала I [Ткачев В.В., 2007, с. 29, 343], Алексеевский [Кривцова-Гракова, 1948, с. 96, рис. 28, *3*], Лисаковский [Усманова, 1988, с. 8, рис. 30], Бестамак [Логвин и др., 2007, с. 126], Кенес [Зданович, 1988, с. 83], Перелески [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 108, рис. 7, *36*], Икпень I, Нуртай [Ткачев А.А., 2002**а**, с. 69, 162], Майтан [Ткачев А.А., 2019, с. 296]. Однако, уже в раннеалакульское время наряду с каменными изделиями, появляются металлические (Баганаты III [Плешаков и др., 2005, с. 17], Тундык [Кукушкин и др., 2015, с. 137, рис. 2]). Не вдаваясь в рассуждения об их сакральном или утилитарном назначении, можно указать на повышенный социальный статус владельца.

Подводя итоги, можно констатировать, что, несмотря на довольно скудный металлический инвентарь и отсутствие датирующих изделий, материалы кургана 26 могильника Сенкибай-2 представляют определенный интерес для разработки региональной центрально-казахстанской периодизации алакульской культуры, остающейся остро дискуссионной.

Первый системный анализ петровских памятников Центрального Казахстана был проведен А. А. Ткачевым [1999; 2002**а, б**], который пришел к выводу об их своеобразии по сравнению с аналогичными памятниками Северного Казахстана и предложил придать им повышенный таксономический статус, рассматривая в рамках нуртайской культуры, синхронной едва ли не синташтинским древностям. Категорически против такой заниженной даты выступили С. А. Григорьев и Н. Б. Виноградов, считающие, что петровские материалы Центрального Казахстана имеют поздний облик [Григорьев, 2006, с. 209–210; Виноградов, 2011, с. 144–145]. Не беря во внимание вопросы хронологии и происхождения нуртайской культуры, которые в таком виде можно рассматривать как практически лишенные аргументации, можно отметить, что проанализированные А. А. Ткачевым комплексы в целом отражали особенности петровских памятников региона вплоть до середины второго десятилетия XXI в.

Однако исследования на памятниках Сенкибай-2, Кызылтау и Талдинский-1 позволили авторам статьи адекватно оценить ранее известные единичные комплексы могильников Сатан [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 20–23] и Ащису [Кукушкин, 2007], которые, в целом, дали материалы раннего облика. Это наглядно демонстрируется, к примеру, крупными грунтовыми могилами, ярко выраженной остроребернностью сосудов, где шейка в профиле

имеет перегиб, а также специфичным элементом орнамента в виде вертикальной «елочке», разделенной отрезками, выполненной в одном случае веревочным штампом. Полученные радиоуглеродные определения для могильников Ащису [Дегтярева и др., 2020], Кызылтау [Кукушкин и др., 2019**а**] и Сатан [Кукушкин и др., 2019**б**], показали их большую древность по сравнению, с более поздними захоронениями могильника Табылды [Кукушкин, Дмитриев, 2019], отражающими специфические особенности нуртайских древностей по А. А. Ткачеву [1999].

В результате первичной обработки материала нами была предложена новая периодизация петровских и алакульских древностей. Вместо двух самостоятельных культур предлагается включить обе группы памятников алакульской линии развития в одну одноименную культуру, прошедшую две фазы (ранняя и «классическая»). Ранняя, соответствующая петровским комплексам, подразделена на два этапа, имеющие свои специфические особенности. За первым предложено закрепить название петровский (XIX–XVIII вв. до н.э.), т.к. он по многим признакам наиболее близок аналогичным древностям сопредельных регионов (крупные грунтовые могилы, характерные формы сосудов, наличие специфичных элементов орнамента) и имеет принципиальную синхронность с ними, маркируя быстротечный характер расселения петровских племен. Второй – нуртайский этап (XVIII – первая половина XVII в. до н.э.), отражает специфические региональные особенности, проиллюстрированные А. А. Ткачевым.

Отказ от разделения петровских и алакульских древностей на самостоятельные культуры вызван наличием непрерывного внутреннего развития одной группы населения, а также отсутствием четко документируемой границы между позднепетровскими и раннеалакульскими комплексами, что выражается, к примеру, в нахождении в рамках одного сооружения или даже могилы обоих типов сосудов с характерными признаками. При обсуждении хронологической позиции того или иного памятника в качестве хронологического индикатора выступает доля ведущего типа посуды, на что в свое время предлагал обращать внимание А. В. Матвеев [1998, с. 282–283].

«Классическая» фаза (вторая половина XVII – XVI в. до н.э.) соответствует собственно алакульской культуре с набором всех характерных признаков, а terminus ante quem верхней границы служит распространение в регионе комплексов бегазы-дандыбаевской культуры, имеющей представительную серию AMS-определений [Бейсенов и др., 2014, с. 169, табл. 7].

Таким образом, длительное использование сооружения 26 могильника Сенкибай-2 для совершения захоронений может служить своего рода связывающей хронологической шкалой относительной периодизации алакульской культуры Центрального Казахстана. Видимо, немаловажное значение для древнего населения имела его особая, некрополеобразующая позиция и крупные размеры, по сравнению с окружающими погребальными комплексами, указывающие на повышенный социальный статус погребенных.

Литература

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Виноградов Н.Б. О происхождении «алакульской культуры Зауралья». Размышления о концепции С.А. Григорьева // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 54-59.

Григорьев С.А. Эпоха бронзы. Основные проблемы культурогенеза в Зауралье в эпоху поздней бронзы // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск: Рифей, 2006. С. 188-222.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 98-116.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда: изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. 138 с.

Жауымбай С.У., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шохатаев О.С. Новые сведения о ранней истории андроновских племен Центрального Казахстана (по материалам кургана 7 могильника Талдинский-1) // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. С. 224-234.

Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья: межвуз. сб. Челябинск: изд-во Башкирского гос. ун-та, 1983. С. 48-68.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. 177 с.

Краузе Р., Епимахов А.В., Куприянова Е.В., Новиков И.К., Столярчик Э. Петровские памятники бронзового века: проблемы таксономии и хронологии // АЭАЕ. 2019. № 1. Т. 47. С. 54-63.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. XVII. С. 55-172.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда: ИП Е.А. Сытина, 2007. С. 40-63.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // АЭАЕ. 2019. № 4. Т. 47. С. 43-52.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // ВААЭ. 2018. № 2 (41). С. 28-40.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. науч. конф. (28 сентября – 2 октября 2015 г.). Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 136-143.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Материалы могильника Кызылтау как отражение срубного компонента в формировании раннеалакульских древностей Центрального Казахстана // ТиПАИ. 2019**а**. № 2 (26). С. 109-130.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Макен А.Б. Элитные курганы могильника Табылды (эпоха бронзы) // Маргулановские чтения–2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019**б**. С. 120-131.

Логвин А.В, Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Исследования могильника Бестамак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 123-127.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 416 с.

Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.

Ткачев А.А. Особенности нуртайских комплексов Центрального Казахстана // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 22-29.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002**а**. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002**б**. Ч. 2. 243 с.

Ткачев А.А. Оружие дистанционного боя андроновского населения Центрального Казахстана (по материалам могильника Майтан) // Археология и история Сары-Арки. Караганда: изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2012. С. 48-62.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 529 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 387 с.

Усманова Э.Р. Охранные археологические раскопки Лисаковского поселения эпохи бронзы: отчет // Архив Сарыаркинского археологического ин-та при КарГУ. Караганда, 1988. 44 с.

Degtyareva A.D., Kuzminykh S.V., Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. Metal vessels of the Bronze Age in Kazakhstan // JAS: Reports. 2019. Vol. 28. DOI: 10.1016/j.jasrep.2019.102024

С. К. Сакенов

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ШАГАЛАЛЫ II

В работе приводится анализ стратиграфии поселения эпохи бронзы Шагалалы II. Выделены три стратиграфических горизонта, для каждого соответствуют определенные типы жилищ и керамики. Керамический комплекс подразделён на несколько типов, в том числе два типа выделены, как синкретичные. Стратиграфические горизонты поселения Шагалалы II и связанный с ними материал изучены в сравнении с аналогичными данными из памятников эпохи бронзы сопредельных территорий, что позволило определить относительную хронологию стратиграфических горизонтов поселения Шагалалы II.

Ключевые слова: бронзовый век, поселение, стратиграфия, хронология, жилища, керамический комплекс

Шағалалы II қонысының стратиграфиясы

Мақалада Шағалалы II қола дәуірі қонысының стратиграфиясының толық сипаттамасы беріледі. Үш стратиграфиялық горизонт бөлінеді, әрқайсысына тиесілі тұрғын үй типтері мен қыш ыдыстары көрсетіледі. Қыш ыдыстар кешені бірнеше типтерге бөлінеді және оның ішінде екі тип синкретикалық ретінде қарастырылады. Шағалалы II қонысының стратиграфиялық қабаттары және онымен байланысты қыш ыдыс кешендері іргелес аймақтардағы басқа қола дәуірінің ескерткіштерінің материалдарымен аналогиялық сәйкестігі бойынша салыстырмалы-тарихи талдаулар жүргізіледі. Өз кезегінде, аталмыш сараптама жұмыстары Шағалалы II қонысының стратиграфиялық қабаттарының хронологиясын анықтауға мүмкіндік туғызды.

Түйін сөздер: қола дәуірі, қоныс, стратиграфия, хронология, тұрғын үй, қыш ыдыстар кешені

Stratigraphy of the settlement of Shagalaly II

The paper provides a complete description of the stratigraphy of the Bronze Age settlement of Shagalaly II. There are three stratigraphic horizons, each corresponding to certain types of dwellings and ceramics. The ceramic complex is divided into several types, including two types identified as syncretic. The stratigraphic horizons of the settlement of Shagalaly II and the related ceramic complexes underwent a comparative historical analysis in accordance with similar materials from other studied monuments of the Bronze Age of adjacent territories. This, in turn, made it possible to determine the relative chronology of stratigraphic horizons of the settlement of Shagalaly II.

Keywords: Bronze Age, settlement, stratigraphy, chronology, dwellings, ceramic complex

На территории Северного Казахстана с 2010 г. по сегодняшний день ведутся стационарные археологические раскопки на поселении эпохи бронзы Шагалалы II. За этот период получены и накоплены значительные данные о

© Сергазы К. Сакенов, *Евразийский национальный университете им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан;* sergazy_82@mail.ru

материальной культуре племен эпохи бронзы. На поселении Шагалалы II полностью изучены остатки 11 жилищ (рис. 1). Археологические работы ведутся методом сплошного вскрытия, благодаря которому в межжилищном пространстве зафиксированы следы производственных помещений, а также различных хозяйственных сооружений, связанных с жизнедеятельностью древних обитателей поселения. Типология жилищ поселения Шагалалы II составлена на основе работ по типологии и классификации жилищ эпохи бронзы Северного Казахстана А. М. Оразбаева [1970, с. 129–146], С. Я. Зданович [1983, с. 59–76], Е. Е. Кузьминой [1994] с учетом вновь выявленных жилых помещений на исследуемом поселении.

При классификации все исследованные жилища разделены на пять типов:

1 тип – долговременные полуземлянки (жилища № 4, 5, 10). Это каркасно-столбовые строения прямоугольной формы. Встречаются одно- и двухкамерные помещения с открытым очагом в центре. При их строительстве использованы котлованы, которые заглублены в землю на 0,6–0,9 м;

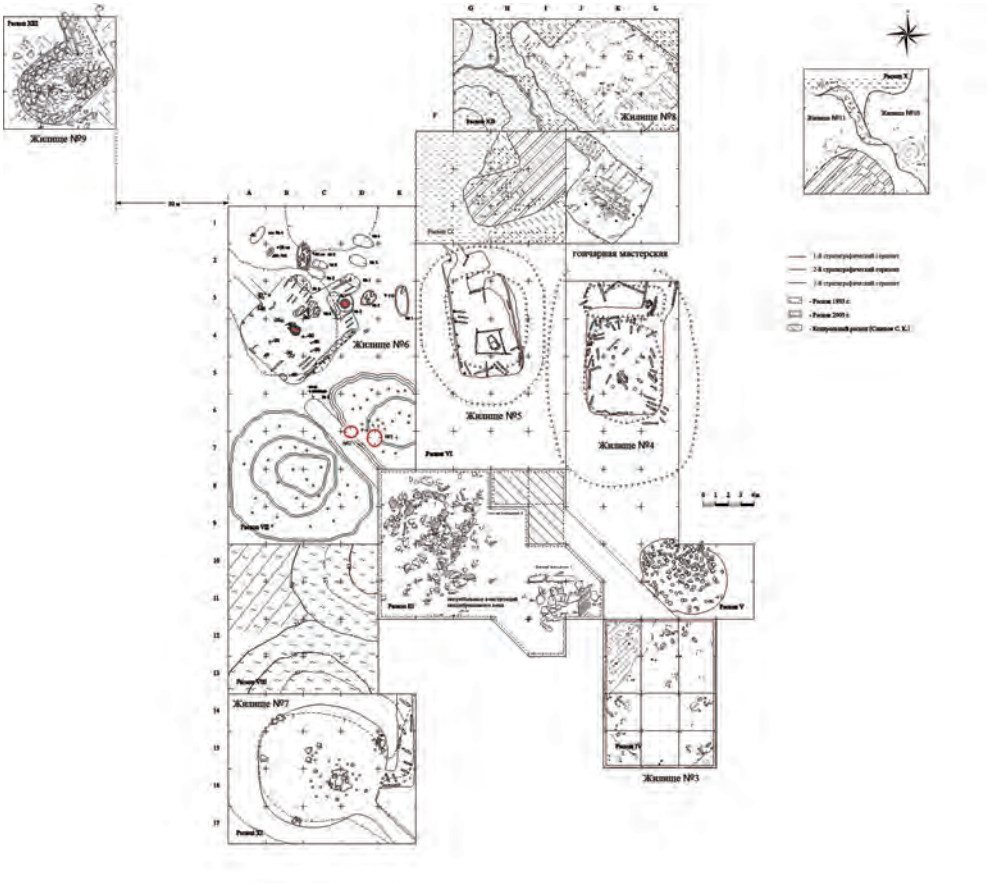

Рис. 1. Поселение Шагалалы II. Сводный план раскопов и жилищ

2 тип – наземные каркасно-столбовые конструкции прямоугольной формы, с незначительным котлованом, который углублен в землю на 0,5 м (жилища № 1, 2, 6). Жилища данного типа могут подразделяться на два подтипа: 2.1 – жилища, стоящие обособленно; 2.2 – жилища, объединенные одной общей стеной;

3 тип – дома, состоящие из двух комнат округлой в плане формы, соединенные между собой проходом (жилище № 7). Дома наземные, каркасно-столбовые. Стены сооружены из вертикальных столбов и плетеных веток. Кровля, скорее всего, была куполообразной, из радиально уложенных бревен. Основания стены этих домов дополнительно укреплялись крупными каменными плитами. Из горизонтально уложенных бревен построен проход, соединяющий комнаты;

4 тип – это прямоугольной в плане формы наземные временные жилища скотоводов-пастухов (жилище № 8). Стены каркасно-столбового типа, а также использовалось плетение веток. Стены были оштукатурены. Размеры временных жилищ позволяют нам реконструировать односкатную кровлю с небольшим отверстием для дымохода;

5 тип – каменные дома (жилище № 9). Дома прямоугольной в плане формы с закругленными углами, стены выложены из крупных плоских камней. Торцовая стена полуовальной формы, дополнительно укреплена плитами. Дом имеет выступающий длинный коридорообразный вход с северо-восточного угла, ориентированный в сторону реки. Согласно расчетам, стены жилища были высотой 1,75 м, площадь помещения 25,7 кв. м. Каменные стены возводились без раствора, камни хорошо подгонялись друг к другу. Двускатная кровля, скорее всего, состояла из бревенчатого наката. В небольшой части, где жилище приобретает полуовальную форму, бревенчатый накат располагался радиально [Сакенов, 2018, с. 146–154].

Стратиграфическое исследование культурных слоев поселения показало внутреннюю хронологию поселения, а также дало возможность определить разновременное соотношение тех или иных типов жилищ. Выделение культурных слоев на поселениях эпохи бронзы представляет определенную сложность, это связано с неоднократностью заселения и длительной эксплуатацией местности. На поселении удалось выявить три стратиграфических горизонта, выдвинуто предположение о существовании четвертого. Мощность культурного напластования в разных частях поселения составляет от 0,5 до 1 м. Стратиграфия представлена следующим образом: под хорошо задернованным слоем залегают мощные слои золы. Зольники отличаются оттенками – от светло-серого до темно-серого цвета, а также концентрацией – от более рыхлой до плотной консистенции.

Необходимо отметить, что на поселении Шагалалы II прослеживается последовательное формирование зольного слоя, что чётко фиксируется на нескольких участках бровок, оставленных для стратиграфических наблюдений. В мощных слоях золы фиксируются тонкие линии темного цвета, это, в свою очередь, свидетельствует о существовании хронологического промежутка

между формированием раннего и позднего слоев золы. На поверхности раннего слоя золы по истечении определенного времени образовался тонкий пласт дёрна, затем было начато складирование второго слоя золы. Котлованы жилищ были заполнены гумусом, иногда в центре его толщина достигает 0,6 м. По краям фиксируется темно-коричневая супесь, очевидно, это результат развала материковой стены. Под этим напластованием идет пепельный слой вперемешку с угольками и остатками обугленных бревен и плах.

На плане помещений видно, что по всему периметру жилищ идет полоса темно-коричневого цвета, в некоторых местах она достигает толщины 5 см, местами доходит до 10 см, по плотности она рыхлая. Данная линия хорошо фиксируется и на профилях бровок, скорее всего, это остатки следов горения деревянной стены с неоднократным оштукатуриванием с использованием навоза. Полы жилища определяются по натоптанности и более темному цвету. На фоне светло-желтой супеси хорошо фиксируются столбовые ямки и хозяйственные ямы. Анализ топографии столбовых ямок позволяет определить границы жилищ, неоднократное проведение ремонта, отметить наложение поздних жилищ на ранние и выявить отдельные хозяйственные пристройки.

Выделение стратиграфических горизонтов осуществлено путем сопоставления и анализа формирования культурных слоев, а также сопутствующего керамического комплекса как основного источника на поселенческих объектах. К первому стратиграфическому горизонту относятся жилища первого типа. В центральной части поселения первоначально были возведены стационарные жилища полуземляночного типа. Культурный слой представлен двумя типами керамики. Первый тип керамики – раннеалакульской культуры – собран в ранних слоях по периметру жилища (рис. 2, *1–6*). Второй тип керамики – федоровской культуры – найден в заполнениях котлованов жилищ первого типа и во втором слое зольника. Среди фрагментов керамики федоровской культуры выявлены фрагменты раннефедоровского типа (рис. 3). В малом количестве собраны образцы фрагментов импортной станковой керамики периодов поздней Намазга V и Намазга VI (рис. 7).

Керамика в заполнениях жилищного котлована и во втором слое зольника связана со вторым стратиграфическим горизонтом. Наложение второго стратиграфического горизонта на первый хорошо прослеживается по стратиграфии жилищ № 10, 11, где часть раннего жилища № 10 прорезает неглубокий котлован жилища № 11 (рис. 1). Это было зафиксировано при последующих стратиграфических наблюдениях. Глубокие котлованы ранних жилищ были заполнены светло-коричневым грунтом, который образовался при подготовке небольшого котлована для жилищ второго строительного горизонта. В последующем и зольники жилищ второго стратиграфического горизонта перекрывали ранее складированную золу.

Второй стратиграфический горизонт показывает расширение территории поселения к береговой линии. Для этого горизонта характерны жилища второго типа, возводившиеся по линейной планировке и в совокупности создававшие параллельные уличные системы. К отличительным чертам жилищ второго

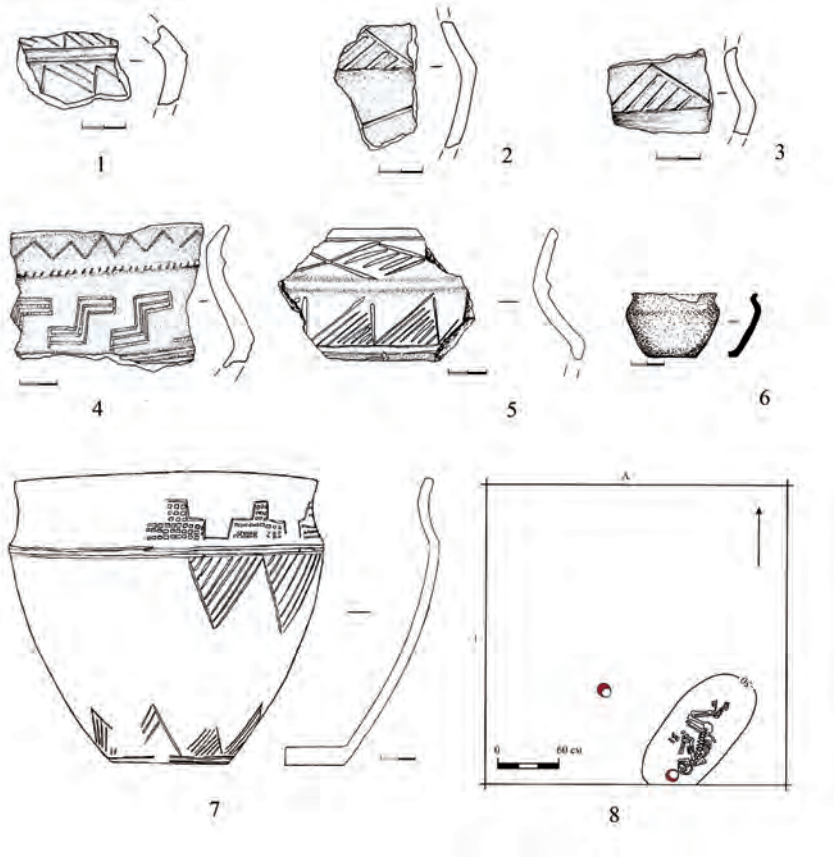

Рис. 2. Поселение Шагалалы II. Материалы первого стратиграфического горизонта: 1–5 – фрагменты керамики раннеалакульской культуры; 6 – миниатюрный сосудик; 7 – раннеалакульский сосуд, детское погребение 2, квадрат В-2; 8 – раннеалакульское погребение, квадрат А-1

стратиграфического горизонта можно отнести то, что они наземные. Почти у каждого жилища имеются хозяйственные пристройки, внутри которых устроены специальные ямы-хранилища. Основную часть коллекции керамического комплекса составляют фрагменты керамики федоровской культуры (рис. 4). В керамическом комплексе выявлены импортная среднеазиатская станковая керамика – фрагменты от больших хумов, вазы на высоких ножках, глубокие чаши типа тагора, аналогии которым найдены на поселениях древнеземледельческих культур периода Намазга VI в Средней Азии. Именно с этим периодом связано появление на поселении керамики «павловского» типа (рис. 6), подражающей среднеазиатским станковым сосудам [Малютина, 1994, с. 23].

Внутреннюю планировку поселения второго горизонта разрушает строение третьего стратиграфического горизонта. Для этого горизонта характерны строения, которые не подчинены какой-либо структуре. Об отсутствии на этом этапе единого архитектурного ансамбля говорят жилища

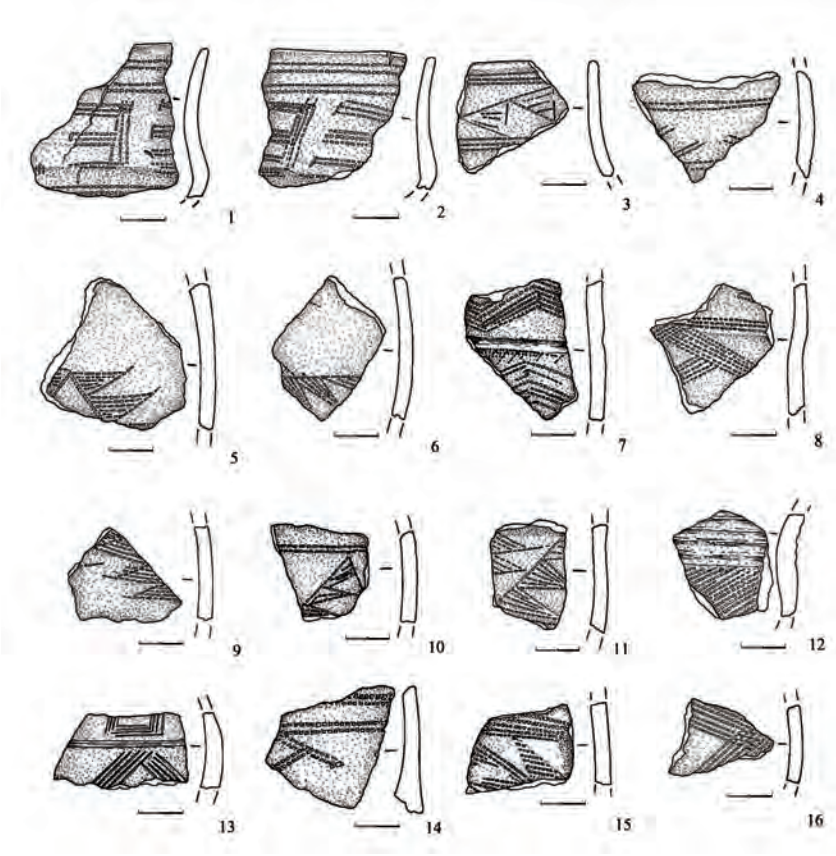

Рис. 3. Поселение Шагалалы II. Материалы второго стратиграфического горизонта. Ранний слой. Фрагменты керамики раннефедоровского типа

разных типов. В третьем стратиграфическом горизонте выявлены жилища 3, 4 и 5 типов. Возможно, к этому горизонту относятся вторичные захоронения и погребальные конструкции на южной окраине поселения (рис. 1). Основная масса представлена фрагментами керамики саргаринско-алексеевской культуры, которая составляет основу керамического комплекса в жилищах № 8, 9, 11.

Интересны результаты стратиграфических исследований территории южной части раскопа VII и площадки раскопа VIII (рис. 1). Здесь зафиксировано складирование золы из жилищ всех стратиграфических горизонтов. Зольные слои отличаются по нескольким параметрам: ранний слой золы по структуре твердый, темно-серого цвета, мощность его составляет всего 0,10 м. Зольный слой второго горизонта плотный, светло-серого цвета, его перекрывает более светлый рыхлый слой золы поздних жилищ. Если между наложением первого и второго слоев имеются тонкие темные полосы, то между вторым и третьим слоями золы прослеживается полоса темно-коричневого цвета толщиной до 5 см.

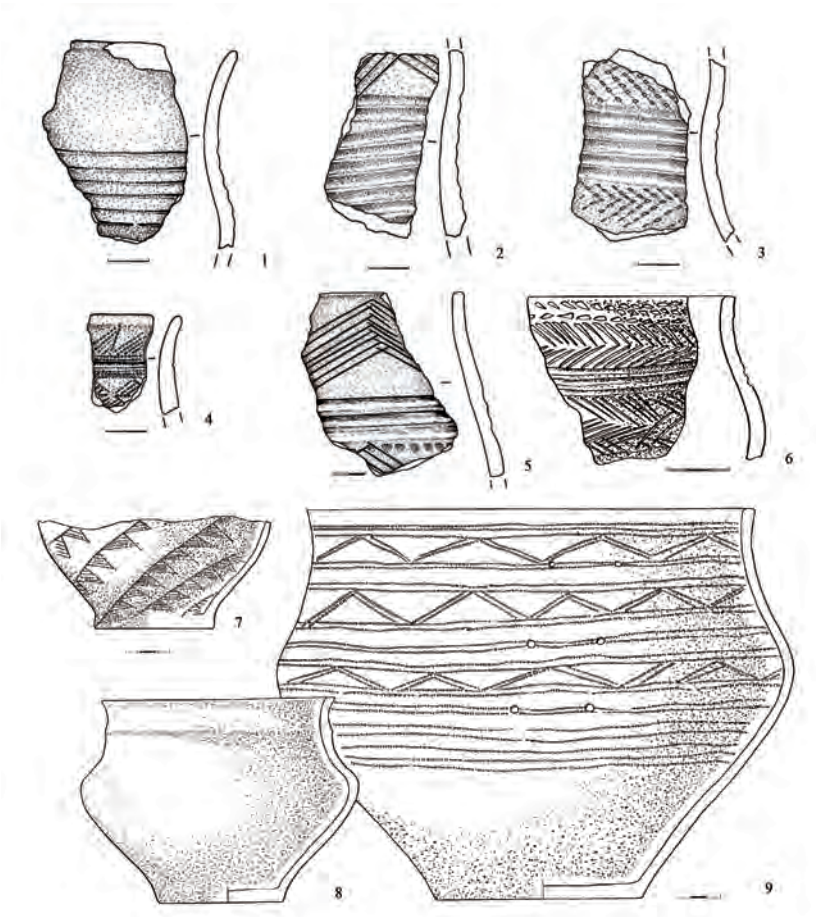

Рис. 4. Поселение Шагалалы II. Материалы второго стратиграфического горизонта. Керамика федоровской культуры: 1–6 – фрагменты венчиков; 7 – часть сосуда; 8, 9 – целые сосуды (7–9 чертежи Т.С. Малютиной)

В культурных слоях второго и третьего стратиграфических горизонтов собраны образцы керамики синкретичного облика. Техника нанесения орнамента и стиль орнаментальных композиций федоровские, а форма и образование венчика напоминают саргаринско-алексеевскую посуду. Также собраны фрагменты керамики бегазы-дандыбаевской культуры. Вместе с керамикой местных культур залегают фрагменты импортной станковой керамики молалинского и бустонского этапа культуры Сапалли. Они составляют 10–15% от общего количества керамики третьего стратиграфического горизонта. Среди массы керамики саргаринско-алексеевской культуры обособленно стоят два других типа керамики. Первый тип – станковая керамика степного типа, местного производства, отличающаяся от классических станковых сосудов несовершенством глиняной массы и обжигом. Второй тип – керамика

неорнаментированная, тонкостенная, чернолощеная, собрана в культурном слое жилища № 7 (рис. 10).

Результаты анализа всего керамического комплекса позволили выделить следующие типы: к основным типам отнесены федоровская, бишкульская (рис. 5), саргаринско-алексеевская и неорнаментированная чернолощеная, которые встречаются в большом количестве; к дополнительным типам причислена керамика раннеалакульская, раннефедоровская, алакульская, импортная станковая периода Намазга VI, молалинского и бустонского этапа культуры Сапалли, бегазы-дандыбаевская (рис. 9) и местная станковая керамика степного типа, собранная в малом количестве и относящаяся к синкретичному типу, керамика «павловского» типа и федоровка-саргара (рис. 8). Каждый тип керамики выделен путем типологического анализа, с учетом технологии изготовления сосудов, их форм и орнаментации.

Этап освоения территории поселения связан с керамикой раннеалакульской культуры. Ранними сооружениями в центральной части поселения являются

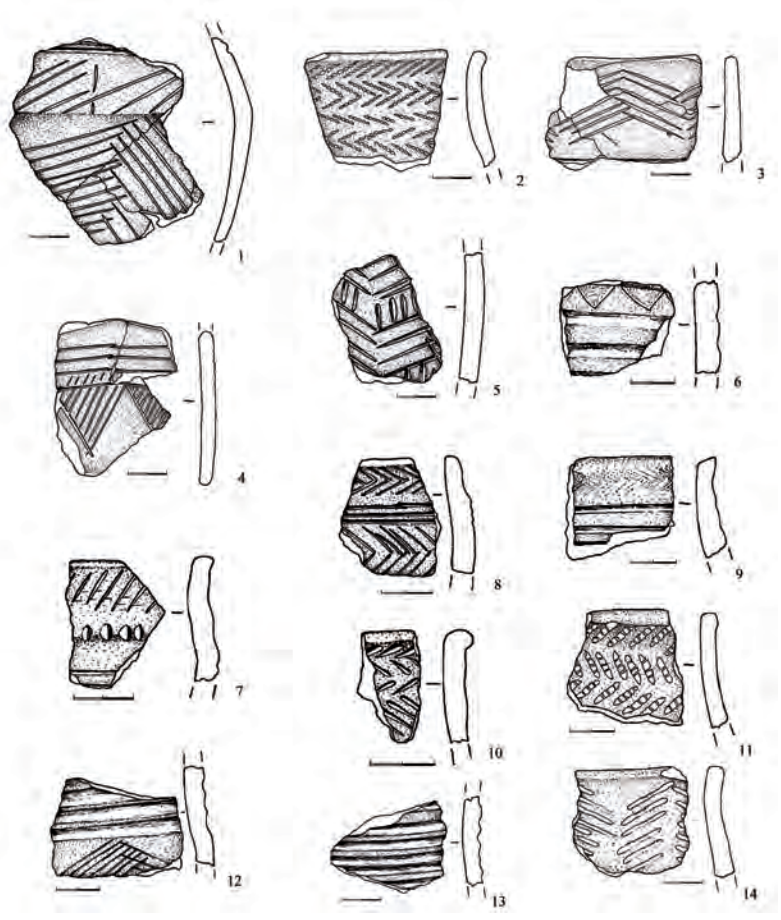

Рис. 5. Поселение Шагалалы II. Материалы второго стратиграфического горизонта. Фрагменты керамики бишкульского типа

жилища № 3–5, 10, а также погребения взрослых и детей (рис. 2, *7, 8*), расположенных недалеко от этих домов. По истечении определенного времени старые котлованы жилищ были расчищены, а на новых местах появляются жилища с неглубокими котлованами. На этом этапе поселение было заселено представителями федоровской культуры.

Обнаружение в ранних слоях второго стратиграфического горизонта образцов раннефедоровской керамики свидетельствует о первых передвижениях племен федоровской культуры на север. Ими привнесены элементы культуры древнеземледельческих центров, на это указывает обнаружение фрагментов импортной станковой керамики периода Намазга VI.

Тесные контакты представителей федоровской культуры с жителями древнеземледельческих оазисов Средней Азии привели к появлению на поселении новых архитектурных элементов при строительстве жилищ, оформлении внутреннего интерьера и очагов, характерных для южных культур эпохи бронзы. В этот период на территории поселения появляется «павловский» тип керамики (рис. 6). Дальнейшее освоение территории поселения приводит к его расширению, а возможно, и к появлению крупного могильника федоровской культуры Кошкарбай, находящегося южнее поселения, за сопкой Адыр.

Рис. 6. Поселение Шагалалы II. Материалы второго стратиграфического горизонта. «Павловский» тип керамики (материалы из раскопок Т.С. Малютиной)

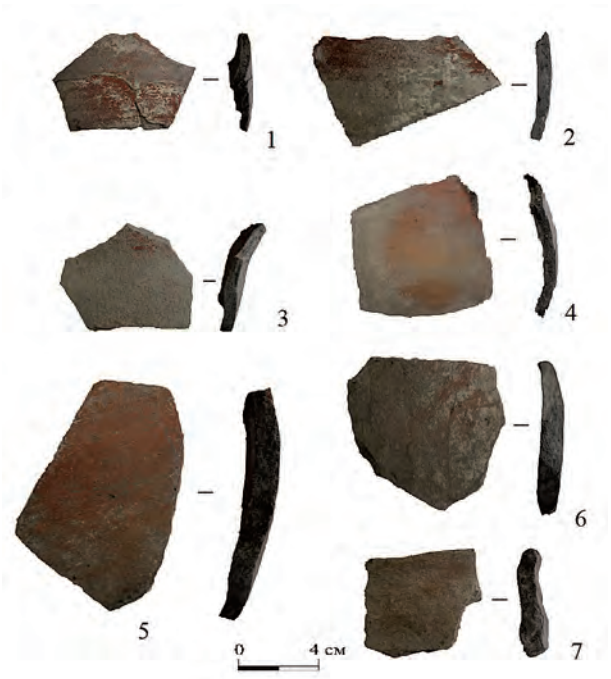

Рис. 7. Поселение Шагалалы II. Фрагменты станковой керамики периода Намазга VI: 1, 2 – раскоп V, кв. J-7, глубина 75 см; 4, 5 – раскоп VI, кв. I-5, глубина 60 см; 3, 6, 7 – раскоп X, кв. B-2, глубина 80 см

К третьему этапу освоения поселения относятся жилища № 7–9, а также гончарная мастерская. Несмотря на то, что в этот период истории поселения была распространена керамика саргаринско-алексеевской культуры, в культурном слое залегали фрагменты и других типов. Согласно расчетным данным, керамический комплекс третьего стратиграфического горизонта представлен следующим образом: 41% – саргаринско-алексеевский тип; 20% – неорнаментированная чернолощеная керамика (рис. 10); 17% – станковая керамика степного типа; 10% – импортная станковая керамика; 5% – бегазы-дандыбаевский тип (рис. 9); 4% – синкретичный материал федоровка-саргара (рис. 8); 3% – другие (неопределимые). В результате многовековых связей с населением древнеземледельческих центров на территории поселения появилась собственная гончарная мастерская по производству станковой керамики.

К последнему этапу функционирования памятника относится вторичное использование ранних погребальных сооружений, где фиксируется нестандартный погребальный обряд, а также появление на территории поселения новых погребальных конструкций.

Археологические данные из поселения Шагалалы II, приведенные в работе, отражают сложный процесс образования культурных слоев. Вопросы относительной хронологии стратиграфических горизонтов поселения и связанных с ними керамических материалов позволяют рассмотреть проблемы происхождения и развития племен эпохи бронзы на территории Северного Казахстана.

Материалы поселения Шагалалы II аналогичны памятникам эпохи бронзы сопредельных территорий. В Центральном Казахстане могильники Сатан, Ащису и Танабай дали раннеалакульские материалы. Результаты анализа материалов позволили авторам датировать комплексы второй половиной XIX – XVIII в. до н.э. [Новоженов, 1989, с. 115; Кукушкин, 2011, с. 103; Кукушкин и

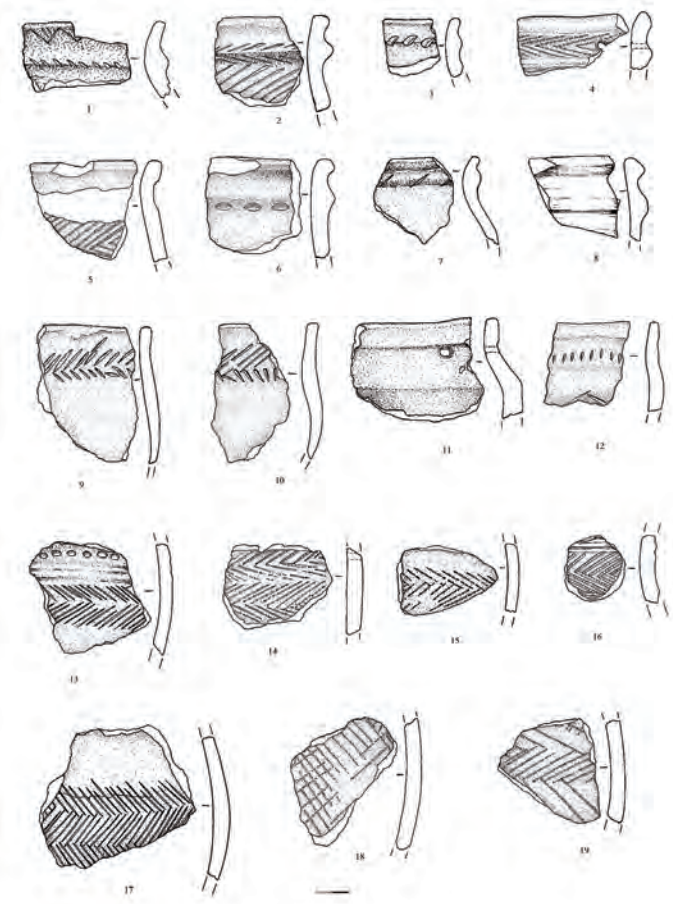

Рис. 8. Поселение Шагалалы II. Материалы третьего стратиграфического горизонта. Фрагменты керамики федоровка-саргара: 1–12 – фрагменты венчиков; 13–16 – фрагменты шеек; 17–19 – фрагменты стенок

др., 2018, с. 38]. На памятниках эпохи бронзы Южного Урала, где был выявлен петровский тип, получена серия радиоуглеродных дат, данный тип рассмотрен в хронологическом диапазоне XIX–XVIII вв. до н.э. [Виноградов, 2011, с. 138]. На юге, в культурных слоях поселений древнеземледельческих культур, станковая керамика периода Намазга VI, согласно радиоуглеродным датам, охватывает периоды 2000 и 1800 гг. до н. э. [Долуханов и др., 1985, с. 122]. На основе аналогий типологии жилищ и керамического комплекса первый стратиграфический горизонт поселения Шагалалы II может быть датирован в рамках XVIII–XVII вв. до н.э.

Для определения относительной хронологии материалов федоровской культуры на поселении Шагалалы II рассмотрим их в совокупности с другими памятниками федоровской культуры. Памятники этой культуры Центрального Казахстана А.А. Ткачев подразделяет на ранний (раннефедоровский), средний

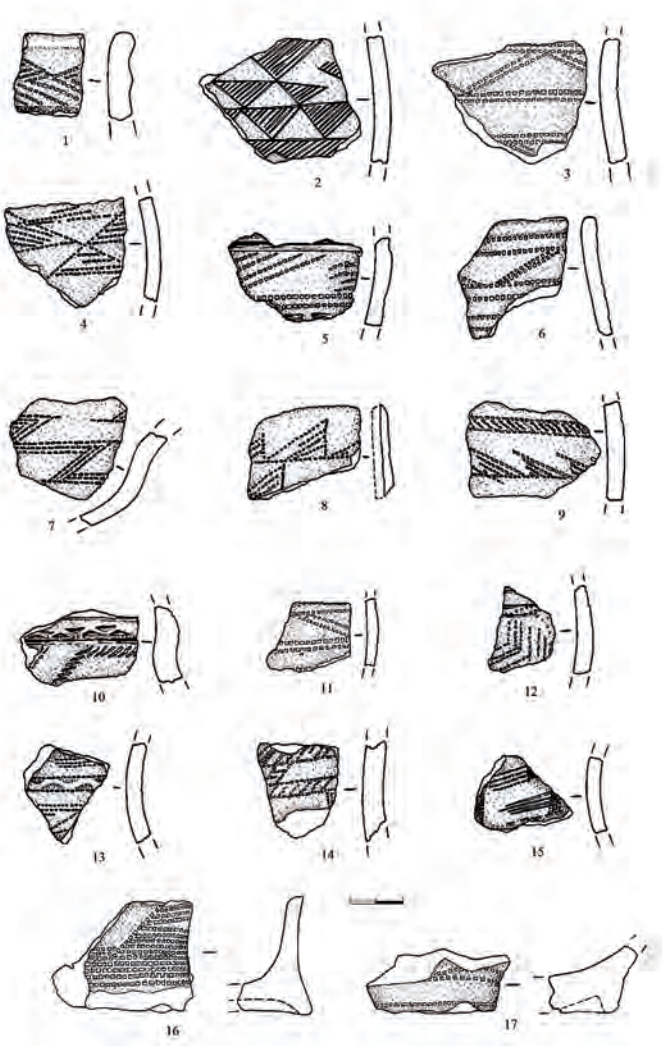

Рис. 9. Поселение Шагалалы II. Материалы третьего стратиграфического горизонта. Фрагменты керамики бегазы-дандыбаевской культуры: 1 – фрагмент венчика; 2–15 – стенки сосудов; 16, 17 – фрагменты дна сосудов

(федоровский) и поздний (алакульско-федоровский), который охватывает широкий хронологический диапазон второй половины XVI – XIII в. до н.э. [Ткачев, 1991]. В западной части на памятниках срубно-алакульской культуры Оренбуржья появляются федоровские черты, эти комплексы Э. А. Федорова-Давыдова рассматривает в рамках XVI–XV вв. до н.э. [1973, с. 165–173]. На Алтае федоровские материалы выявлены на памятниках Елунино 1 и Телеутский Взвоз, по ним получены радиоуглеродные даты, что позволило автору раскопок датировать эти комплексы XVIII–XVII вв. до н.э. [Кирюшин, 2002, с. 79, 80]. Импортная станковая керамика на поселении Шагалалы II, залегающая одновременно с керамикой федоровской культуры, является надежным

хроноиндикатором. Одновременно на памятниках древнеземледельческих культур на юге, входящих в круг Бактрийско-Маргианского археологического комплекса, появляется керамика федоровской культуры, эти памятники датированы XVII в. до н.э. [Hiebert, 1994; Cattani, 2008].

В результате тесного взаимодействия степных племен с древнеземледельческими культурами на поселении Шагалалы II появляется синкретичный «павловский» тип керамики, сочетающий в себе степные и древнеземледельческие гончарные традиции. Синкретичные материалы появляются в культурных слоях поселений Теккем-депе, Намазга-депе и на других памятниках эпохи бронзы Средней Азии. Там собраны образцы керамики, в которых сочетается технико-технологическая характеристика двух традиций: с одной стороны – степная (федоровская), с другой – местная. Эти комплексы датированы XV–XIV вв. до н.э. [Щетенко, 2006, с. 329].

На основе вышеперечисленных данных мы полагаем, что второй стратиграфический горизонт поселения Шагалалы II может быть рассмотрен в рамках XVII–XV вв. до н.э.

Артефакты третьего стратиграфического горизонта поселения Шагалалы II имеют многочисленные аналоги в памятниках позднебронзового века поселений Чаглинка I, Саргара, материалы которых датированы XIV–XII вв. до н.э. [Оразбаев, 1970; Зданович, 1983]. Среди значительного количества предметов саргаринско-алексеевской культуры необходимо отметить наличие в керамической коллекции импортной среднеазиатской станковой керамики молалинского и бустонского этапа культуры Сапалли, а также они аналогичны керамике памятников XIII–IX вв. до н.э. Алтын-депе и Тулхар [Аскаров, 1977, с. 105; 1981, с. 109]. Хронология некоторых аналогов посуды суперстратного происхождения и валиковой керамики позволили В. В. Варфоломееву датировать бегазы-дандыбаевскую культуру второй половиной II тыс. до н.э. – X в. до н.э. [Варфоломеев и др., 2017, с. 73].

Третий стратиграфический горизонт поселения Шагалалы II охватывает XV–X вв. до н.э. Между этапами освоения территории поселения были определенные хронологические разрывы, о чем свидетельствуют признаки вышеописанных культурных слоев.

Прослеживается тенденция рассматривать материалы культурного слоя позднебронзового века на поселении Шагалалы II, как и на других памятниках этого периода, в рамках двух этапов. Открытыми остаются вопросы определения керамики (тонкостенная, чернолощеная, без орнамента), появление на самой территории поселения погребальных конструкций и вторичных захоронений. Подобная тенденция наблюдается и на памятниках позднебронзового века в Северном Казахстане. К примеру, Г. Б. Зданович, помимо саргаринско-алексеевской культуры, отдельно выделял ильинский тип керамики [Зданович, 1988, с. 16]. В Костанайском Притоболье В. В. Евдокимов отмечает памятники алексеевского и загаринского этапа [Евдокимов, 1983, с. 35–47]. Материалы поселения позднебронзового века поселения Кент дали возможность В. В. Варфоломееву разработать периодизацию. Позднебронзовый

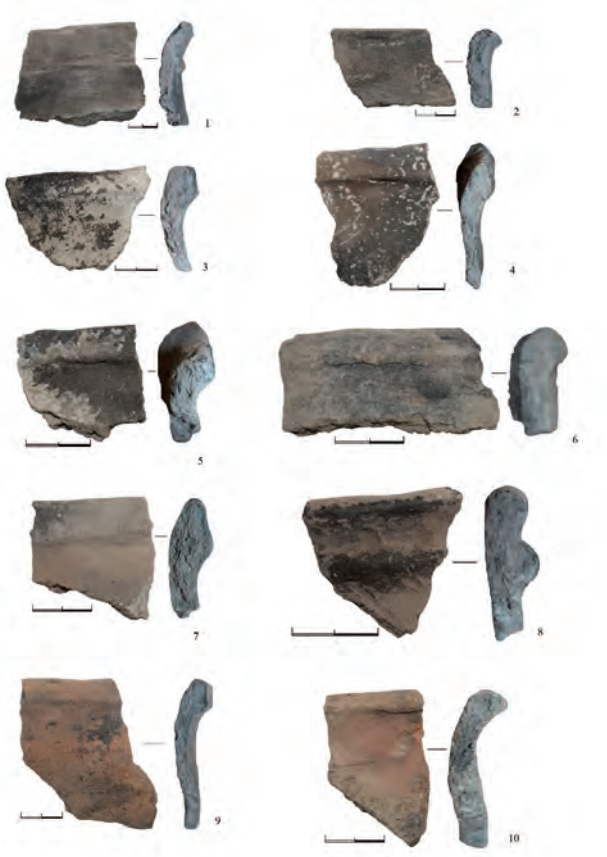

Рис. 10. Поселение Шагалалы II. Материалы третьего стратиграфического горизонта. Фрагменты чернолощеной керамики: 1–10 – фрагменты венчиков

век подразделен на ранний этап (XIII в. до н.э.), кентский этап (XII–X вв. до н.э.), донгальский этап (IX в. до н.э.) [Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 60].

Таким образом, поселение Шагалалы II - многослойный памятник. Ранний этап его существования связан с раннеалакульской культурой. На втором этапе поселение заселяют племена федоровской культуры, они сооружают жилища по линейному плану, дома неоднократно использовались при последующих заселениях. Раннефедоровская керамика на поселении Шагалалы II свидетельствует об их раннем проникновении в регион. В материалах второго стратиграфического горизонта выявлена керамика алакульской культуры, что говорит о ее сосуществования с федоровской культурой. Долгое, совместное существование двух культур на одной обширной территории стало основой для появления саргаринско-алексеевской культуры. Они были основным населением поселения Шагалалы II на третьем этапе. В эпоху финальной бронзы на территории поселения появляются керамика и погребения с не

стандартными погребальными обычаями, которые не связаны с культурами предшествующих эпох. Их необходимо рассматривать как самостоятельные комплексы. Для выделения данного стратиграфического горизонта, который прослеживается в многослойных поселениях, а также в однослойных поселениях позднебронзового века, необходимо выработать единые признаки и критерии. Одними из отличий данного этапа являются наземные, легкие каркасно-столбовые жилища, нестандартные вторичные захоронения, а также тонкостенная чернолощеная керамика без орнамента (рис. 10), которая выявлена на поселении Шагалалы II.

Литература

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 323 с., ил.

Аскаров А.А. К передатировке культуры Заманбаба // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 99-110.

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: КазНИИК, 2017. 338 с.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с., ил.

Долуханов П.М., Този М., Щетенко А.Я. Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // РА. 1985. № 4. С. 118-123.

Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башкирский ун-т, 1983. С. 35-47.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда: изд-во КарГУ, 2002. 138 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. 184 с.

Зданович С.Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: сб. науч. тр. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 59-76.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2002. 294 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Наука; Вост. лит., 1994. 464 с.

Кукушкин И.А. Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103-109.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Раннеалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // ВААЭ. 2018. № 2 (41). С. 28-40.

Малютина Т.С. Федоровская культура Урало-Казахстанских степей: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.

Оразбаев А.М. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые формы и типы жилищ // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 129-146.

Новоженов В.А. Колесный транспорт эпохи бронзы Урало-Казахстанских степей: краткий обзор источников // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана: сб. науч. тр. (межведомственный). Караганда: КарГУ, 1989. С. 110-122.

Сакенов С.К. Новый тип жилища поселения Шагалалы II // Маргулановские чтения-2018: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Духовная модернизация и археологическое наследие». Алматы; Актобе, 2018. С. 146-154.

Ткачев А.А. Культура населения Центрального Казахстана в эпоху развитой бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1991. 26 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Фёдорова-Давыдова Э.А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племён Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири: сб. ст., посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 165-173.

Щетенко А.Я. О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // ЗВОРАО. 2006. Т. II (XXVII). С. 317-345.

Cattani M. The Final Stage of the Bronze Age and the ‘Andronovo Question’ in Margiana // S. Salvatori, M. Tosi (eds.), 2008. P. 133-151.

Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin 42, Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Cambridge, 1994.

Д. А. Байтлеу, А. И. Хаванский

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫХ РАБОТ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ в 2019 году

В статье представлены результаты археологических разведок, которые были проведены Мугалжарским археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана в Мугалжарском, Хромтауском и Айтекебийском районах Актюбинской области. Обследовано 49 археологических памятников (могильников, поселений, скоплений петроглифов). Из них три поселения и 19 могильников выявлено впервые. Общее количество погребальных объектов в могильниках (курганы, ограды и т.д.) составляет 62. Каждый археологический памятник и погребальное сооружение было зафиксировано на местности с помощью средств GPS-позиционирования, произведена фото- и топосъемка, а также сделано подробное описание. Были проведены исследования святилищ с петроглифами Кайракты и Есекжал. Изучены ранее известные петроглифы, а также обнаружены новые местонахождения наскальных рисунков. Проведен анализ локализации святилищ с петроглифами, а также произведена фотофиксация и копирование наскальных рисунков с применением специальных методик. Мугалжарским археологическим отрядом также проведена рекогносцировка в Каргалинском районе Актюбинской области, где были обнаружены новые поселения и могильники эпохи бронзы.

Ключевые слова: Западный Казахстан, андроновская общность, петроглифы

2019 жылғы Ақтөбе облысындағы археологиялық барлау жұмыстары

Мақалада Ақтөбе облысының Мұғалжар, Хромтау және Әйтеке би аудандарында Мұғалжар археологиялық экспедициясы жүргізген археологиялық зерттеулердің нәтижелері беріледі. Барлығы 49 археологиялық ескерткіш (қоныстардың қорымдары, петроглифтердің шоғыры) зерттелді. Оның ішінде алғаш рет 3 қоныс пен 19 қорым анықталды. Қорымдардағы жерлеу нысандарының (обалар, қоршаулар және т.б.) жалпы саны 62 құрайды. Әрбір археологиялық ескерткіш пен жерлеу құрылыстары GPS-позициялау құралдарының көмегімен орналасқан жері анықталды, фото және топографиялық түсірімдері жасалды, сонымен қатар толық сипаттамасы алынды.

Қайрақты және Есекжал петроглифтері бар храмдарға зерттеу жүргізілді. Бұрын белгілі болған петроглифтер зерттеліп, көптеген жаңа орындары табылды. Храмдардың локализациясын талдау; арнайы технологияларды қолдана отырып суреттердің көшірмелері алынды.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, Андронов қауымдастығы, петроглифтер

Results of archaeological reconnaissance works in Aktobe region in 2019

The article presents the results of archaeological explorations that were carried out by the Mugolzhar archaeological expedition in the Mugolzhar, Khromtau and Aitekebi districts

© **Дархан А. Байтлеу, Алексей И. Хаванский,** *Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан;* baitileu@gmail.com; arkaim01@yandex.ru

of the Aktobe region. 49 archaeological sites (burial sites of settlements, accumulations of petroglyphs) were examined. Of these, 3 settlements and 19 burial grounds were identified for the first time. The total number of funerary objects in burial grounds (mounds, fences, etc.) is 62. Each archaeological site and funerary structure was recorded on the ground using GPS-positioning tools, photo and topographical surveys were made, and a detailed description was made. Studies of sanctuaries with the Kairakty and Yesekzhal petroglyphs were conducted. Previously known petroglyphs have been studied, and a large number of new ones have been discovered. Analysis of localization of sanctuaries with petroglyphs was carried out, as well as photo fixation and copying of rock drawings using special methods. The Mugolzhar archaeological team also carried out reconnaissance in the Kargaly district of the Aktobe region, where new settlements and burial grounds of the Bronze Age were discovered.

Keywords: Western Kazakhstan, Andronov community, petroglyphs

В 2019 г. Мугалжарским археологическим отрядом проводились разведки археологических памятников преимущественно на р. Кайракты и ее правом притоке – Есекжале. Было обследовано в общей сложности 49 археологических памятников (рис. 1). Целью данной статьи является публикация впервые выявленных памятников. Данные сведения помогут в составлении археологических карт и сводов, а также послужат фундаментом дальнейших полевых исследований. Публикация сведений о новых памятках этой части Актюбинской области актуальна еще и потому, что данный район до недавнего времени был слабо изучен в археологическом отношении. Описание памятников дается в порядке их выявления, а нумерация продолжает нумерацию предыдущих исследователей [Ткачев и др., 2016].

Одиночный курган Терисбутак I (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 7,80 км к СВ (78°) от здания школы в пос. Кумсай. Курган находится на вершине локальной возвышенности правого берега р. Терисбутак (правый приток р. Орь). Высота возвышенности, на которой расположен курган составляет 352 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Терисбутак. Размеры кургана: диаметр 15 м, высота 0,7 м. Курган полусферической формы, сложен из мелкого камня-плитняка размерами 10–15 см, ближе к вершине локализуются более крупные камни с размерами до 40 см. Видимых повреждений не имеет. Предварительная датировка: РЖВ – средневековье.

Могильник Есекжал XII (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 6,87 км к ЮВ (100°) от кладбища Жолбарыс. Могильник находится на вершине небольшой возвышенности между двумя саями. Высота возвышенности, на которой расположен могильник составляет 386 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правый притоком р. Иргиз. Могильник состоит из четырех сооружений округлой и подквадратной формы из крупного камня (до 50 см в диаметре). У западного края сооружения 2 находится кулпытас из белого камня (высота – 70 см, ширина – 20 см, толщина – 10 см). Видимых повреждений не имеет. Датировка: конец XIX – начало XX в. н.э.

Могильник Есекжал XIII (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 9,56 км к ЮВ (97°) от кладбища Жолбарыс. Могильник находится

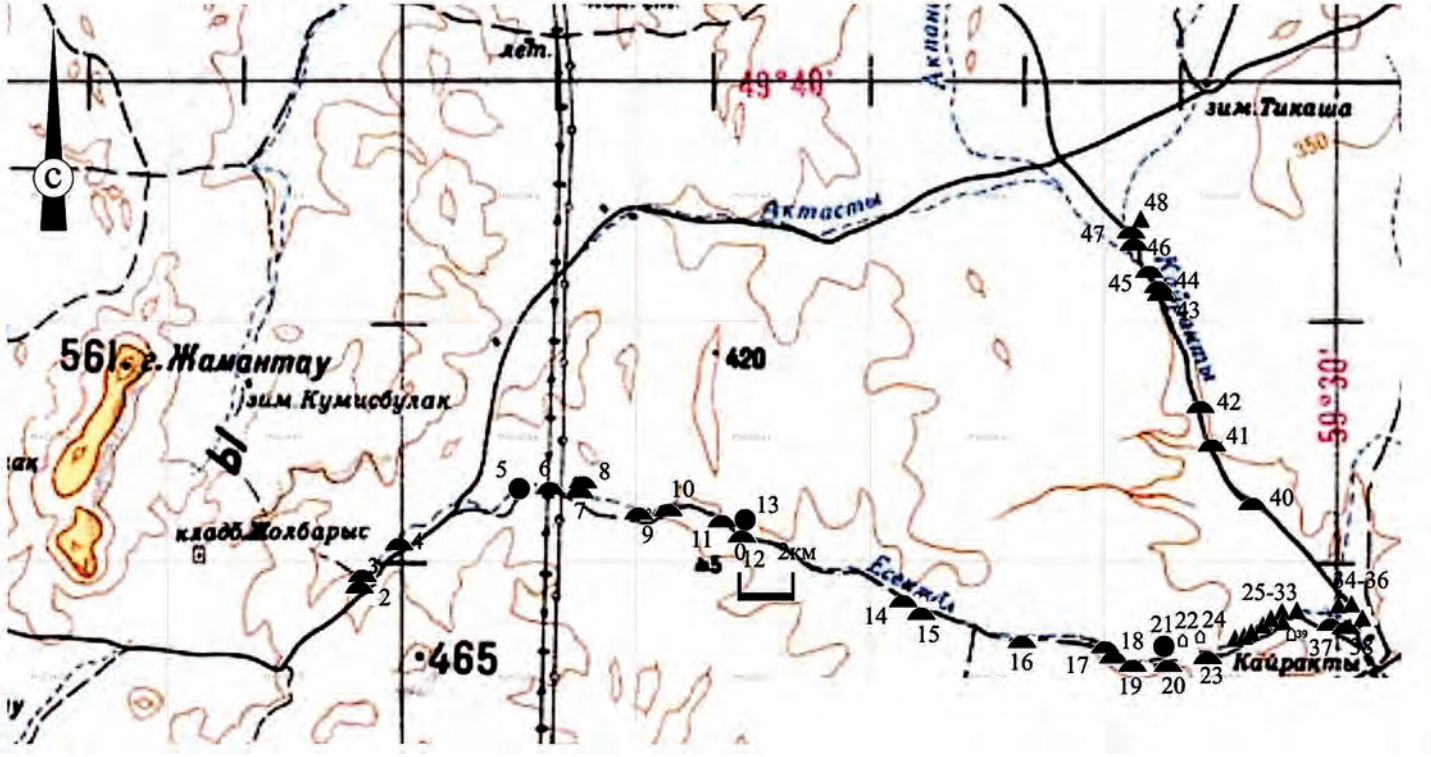

Рис. 1. Памятники, обследованные в Кайрактинском археологическом микрорайоне: 1 – Терисбутак I; 2 – Есекжал XII; 3 – Есекжал XIII; 4 – Есекжал XIV; 5 – Есекжал III (поселение); 6 – Есекжал XV; 7 – Есекжал XVI; 8 – Есекжал IV (поселение); 9 – Есекжал XVII; 10 – Есекжал II; 11 – Есекжал III; 12 – Есекжал II (поселение); 13 – Есекжал IV; 14 – Есекжал V; 15 – Есекжал IX; 16 – Есекжал XVIII; 17 – Есекжал X; 18 – Есекжал VI; 19 – Есекжал XIX; 20 – Есекжал VII; 21 – Есекжал I (поселение); 22 – Есекжал II (петроглифы); 23 – Есекжал XI; 24 – Есекжал III (петроглифы); 25–33 – Есекжал I–IX (стоянки); 34–36 – Кайрактыы I–III (стоянки); 37 – Кайрактыы V; 38 – Кайрактыы VI; 39 – Кайрактыы I (петроглифы); 40 – Кайрактыы VII; 40 – Кайрактыы VII; 41 – Кайрактыы VIII; 42 – Кайрактыы IX; 43 – Кайрактыы X; 44 – Кайрактыы XI; 45 – Кайрактыы XII; 46 – Акпансай I; 47 – Акпансай II; 48 – Тикашасай I (стоянка)

на вершине небольшой мысообразной возвышенности между двумя саями. Высота возвышенности, на которой расположен могильник составляет 386 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из пяти курганов и двух каменных выкладок. Курганы и выкладки вытянуты в линию по вершине возвышенности в направлении ЮЗ–СВ. Диаметры курганов 9–11 м, высота – 0,1–0,2 м. Курганы сооружены из дерева и земли. Датировка: РЖВ – средневековье.

Одиночный курган Есекжал XIV (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 7,75 км к востоку (88°) от кладбища Жолбарыс. Курган находится на склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположен курган составляет 380 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал. Размеры кургана: диаметр – 6 м, высота – 0,2 м. Курган полусферической формы, сложен из мелкого камня и грунта, в центре находится воронка диаметров 1,5 м и глубиной 0,3 м. Датировка: РЖВ – средневековье.

Поселение Есекжал III (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположено в 12,68 км к востоку (78°) от кладбища Жолбарыс. Поселение находится на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположено поселение составляет 371 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал. Площадка, на которой расположено поселение, слабо задернована. На поверхности собрана коллекция находок.

1) Фрагменты керамики. Общее количество – 11. Из них венчиков – 2. На одном венчике по верху нанесен орнамент: по горизонтальному сформованному валику проходит ряд насечек гладким штампом. В формовочной массе присутствует примесь шамота.

2) Кремневый отщеп размерами 5×6 см.

3) Обломок кварца

Подъемный материал распространяется на протяжении 200 м вдоль русла р. Есекжал и в 10 м к югу от русла. Таким образом, площадь поселения можно оценить в 2000 кв.м. Датировка: эпоха поздней бронзы, андроновская культура.

Одиночный курган Есекжал XV (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 1,13 км к востоку (азимут 89°) от поселения Есекжал III. Могильник находится на первой надпойменной террасе, рядом с кладбищем середины XX в. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 370 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правым притоком р. Иргиз. Размеры кургана: диаметр – 5 м, высота – 0,1 м. Курган уплощенной формы, сложен из земли и мелкого камня размерами 10–15 см. Видимых повреждений не имеет. Датировка: РЖВ – средневековье.

Одиночный курган Есекжал XVI (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 2,34 км к востоку (азимут 89°) от поселения Есекжал III.

Могильник находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположен могильник, составляет 368 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правым притоком р. Иргиз. Размеры кургана: диаметр – 7 м, высота – 0,3 м. Курган уплощенной формы, сложен из земли и камня размерами 10–15; 30–40 см. В центре находится воронка диаметром 2 м, глубиной 0,4 м. Датировка: РЖВ–средневековье.

Поселение Есекжал IV (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.)**.** Расположено в 3,38 км к востоку (89°) от поселения Есекжал III. Поселение находится на склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположено поселение составляет 363 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал. Площадка, на которой расположено поселение, слабо задернована. На поверхности собрана коллекция находок.

1) Фрагменты керамики. Общее количество – 8, в том числе два фрагмента с орнаментом. На одном фрагменте многорядный зигзаг выполнен гребенчатым штампом. На втором фрагменте треугольники выполнены гладким орнаментом в технике прочерчивания. В формовочной массе примесь шамота.

2) Кремневый отщеп с размерами 2×4 см.

Подъемный материал располагается на протяжении 200 м вдоль русла р. Есекжал и 10 м к югу от русла. Таким образом, площадь поселения можно оценить в 2000 кв. м. Датировка: эпоха поздней бронзы, андроновская культура.

Одиночный курган Есекжал XVII (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.)**.** Расположен в 2,53 км к ЮВ (азимут 112°) от курган Есекжал XVI. Курган находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположен могильник, составляет 370 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правым притоком р. Иргиз. Курган представляет собой курган «с усами». Размеры кургана: диаметр 15 м, высота 0,5 м. Курган полусферической формы, сложен из камня размерами 20–30 см. В центре находится пирамида из камней современного происхождения. «Усы» кургана сложены также из камней диаметром 20–30 см и представляют собой каменные гряды изогнутой формы, отходящие от кургана в направлении на ЮВ. Каждая гряда завершается каменной вымосткой диаметром 4–6 м. Длина ЮЗ «уса» составляет 170 м, СВ – 200 м; ширина – 1–1,5 м.

Могильник Есекжал XVIII (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.)**.** Расположен в 12,81 км к западу (азимут 265°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Есекжал. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 310 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал (190 м), правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правый притоком р. Иргиз. Могильник состоит из четырех курганов, сооруженных из дерева и земли. Системы в построении курганов не выявлено. Датировка: эпоха бронзы – РЖВ.

Одиночный курган Есекжал XIX (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 8,65 км к ЮЗ (азимут 256°) места впадения р. Есекжал у Кайракты. Курган находится на мысообразной площадке между Есекжалом и впадающим в него с юга саем. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 310 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Есекжал, правый приток р. Кайракты, которая в свою очередь является правым притоком р. Иргиз. Размеры кургана: диаметр – 10 м, высота – 0,3 м. Курган полусферической формы, сложен из грунта и камня размерами 20–30 см. В центре находится воронка диаметром 2 м, глубиной 0,4 м. Датировка: средневековье.

Поселение Есекжал I (рис. 2) (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). В 7,3 км к ЗСЗ (аз. 272°) от аула Кайракты, на правобережье р. Есекжал, являющейся правым притоком р. Кайракты. Памятник выявлен в 2012 г. российско-казахстанской комплексной экспедицией под руководством Д.А. Байтлеу и В.В. Ткачева [Ткачев и др., 2016, с. 90]. Поселение занимает ровную площадку на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Есекжал, разрезанной оврагом субмеридионального простирания. С севера площадка поселения ограничивается старицей, являвшейся, вероятно, в древности руслом реки, а с юга пологой возвышенностью, на вершине которой располагается могильник Есекжал VII. Площадь поселения маркируют руинированные остатки построек на каменных фундаментах и находки подъемного материала. К западу от сая фиксируется единственное сооружение (жилище № 1), в то время как основная часть поселения простирается вдоль

Рис. 2. Могильник Есекжал VII и поселение Есекжал I. Топографический план

береговой линии к востоку от расположенного на противоположном берегу оврага мазара, относящегося к этнографической современности, образуя неправильный прямоугольник размерами 115×35 м. Таким образом, площадь поселения составляет не менее 4 тыс. кв.м. Сохранившиеся постройки, представленные каменными контурами из вертикально установленными плитами, вытянуты цепочкой в широтном направлении вдоль берега реки. Они имеют прямоугольные очертания, располагаются длинными стенками параллельно друг другу, торцевые стены обращены к реке [Ткачев и др., 2016, с. 90].

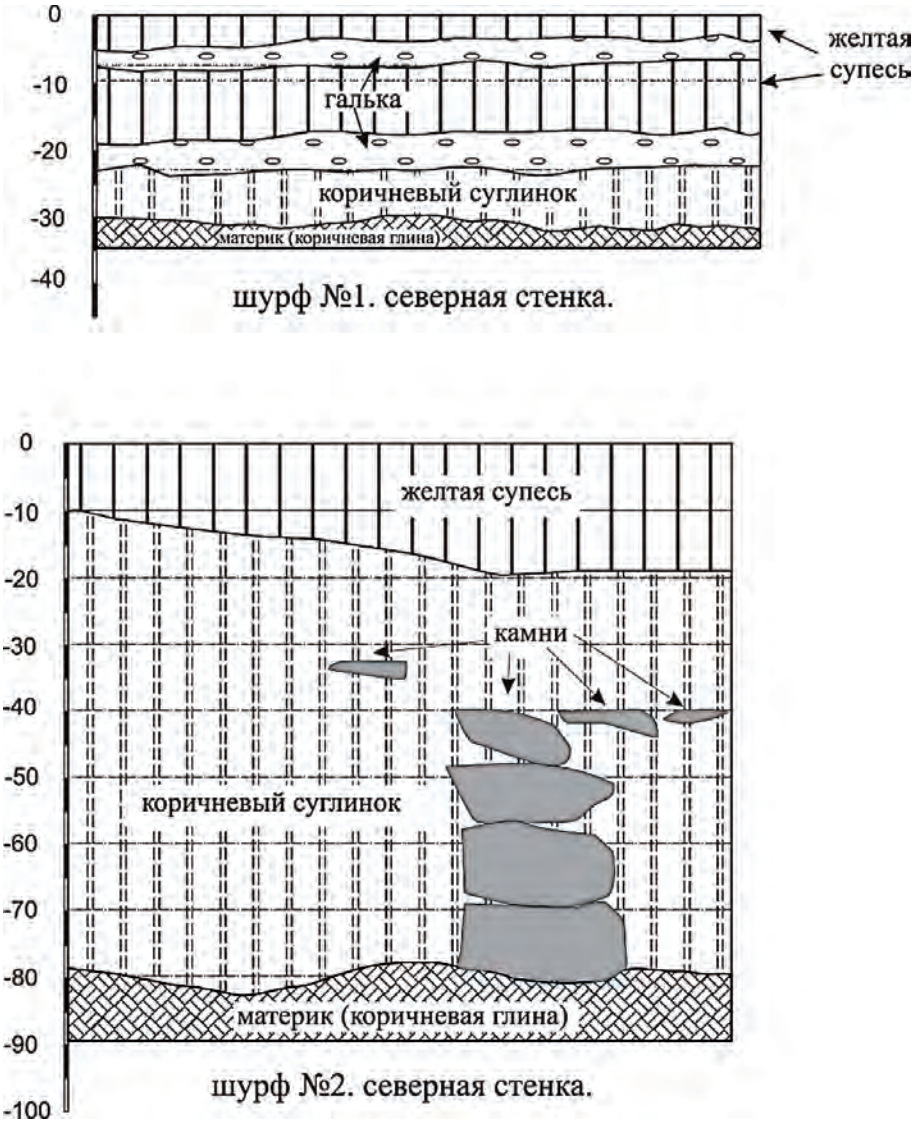

Рис. 3. Поселение Есекжал I. Шурфы № 1, 2. Профили

В 2019 г. на поселении были заложены два шурфа, каждый с размерами 1×1 м (рис. 2; 3).

Шурф 1 глубиной 35 см заложен в западной части поселения, ближе к реке. На глубине 20 см от дневной поверхности выявлен камень подпрямоуголной формы.

Шурф 2 глубиной 90 см заложен в западной части поселения на локальной возвышенности. На глубине 50 см выявлена стенка из камней в 4 ряда высотой. Стенка проходит по линии С–Ю.

Таким образом, в ходе разведочной шурфовки на поселении были выявлены следы жилищ, стены (фундамент?) которых состоял из камня. Это показывает хорошую сохранность поселения и перспективность раскопок.

Могильник Кайракты V (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 744 м к ЮЗ (азимут 225°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 289 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (680 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из двух курганов.

Курган 1 – северо-западный в группе. Размеры кургана: диаметр 20 м, высота 1,0 м. Курган полусферической формы, сложен из земли; хорошо задернован. Имеет ров, шириной около 1 м. Внешних повреждений нет.

Курган 2 находится в 200 м к ЮВ от кургана 1. Размеры кургана: диаметр 17 м, высота 0,8 м. Курган полусферической формы, сложен из земли; хорошо задернован. Внешних повреждений нет. Датировка: эпоха бронзы – РЖВ.

Могильник Кайракты VI (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 580 м к ЮЗ (азимут 198°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 286 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (400 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Датировка: средневековье.

Могильник Кайракты VII (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 4). Расположен в 5, 67 км к СЗ (азимут 315°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 293 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (530 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из двух курганов.

Курган 1 представляет собой курган «с усами». Размеры кургана: диаметр 10 м, высота 0,5 м. Курган полусферической формы, сложен из камня размерами 20–30 см. Усы кургана сложены также из камней диаметром 20–30 см и представляют собой каменные гряды изогнутой формы, отходящие от кургана в направлении на ЮВ. Каждая гряда завершается каменной вымосткой диаметром 4 м. Длина ЮЗ «уса» составляет 92 м, СВ – 130 м; ширина – 1 м.

Рис. 4. Могильник Кайракты VII. Топографический план

Курган 2 диаметром 8 м, высотой 0,3 м. Курган уплощенной формы, сложен из камней. Внешних повреждений нет.

Могильник Кайракты VIII (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 8,43 км к СЗ (азимут 318°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 293 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (120 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из трех курганов.

Курган 1 диаметром 19 м, высотой 0,8 м. Курган полусферической формы, сложен из земли и камней. Камни представлены валунами от мелких до крупных размеров, достигающих 50 см в диаметре. По краю кургана фиксируется частично разобранная ограда, также сооруженная из валунов. Возможно, именно с этим связана горка из камней на вершине кургана. Хорошо задернован.

Курган 2 диаметром 8 м, высотой 0,4 м. Курган уплощенной формы, сложен из земли и камня. Камни представлены валунами от мелких до крупных размеров, достигающих 50 см в диаметре. Хорошо задернован.

Курган 3 диаметром 8 м, высотой 0,3 м. Курган уплощенной формы, сложен из камней 20–30 см в диаметре. Памятник впервые выявлен Мугалжарским археологическим отрядом в 2019 г. Датировка: РЖВ

Могильник Кайракты IX (Айтекебийский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 9,85 км к СЗ (азимут 322°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен

могильник составляет 293 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (200 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из восьми каменных оград, внутри которых также фиксируются камни и небольшие насыпи. Размер оград составляет 4,5–5,0 м. Форма округлая. Наибольшая концентрация камней наблюдается к краям, хотя и в центральной части также встречаются камни. Размеры камней 10–30 см. Датировка: средневековье.

Могильник Кайракты X (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 14,4 км к СЗ (азимут 328°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 305 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (200 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из трех курганов, сложенных из земли и камней. Самым крупным в группе является курган 1. Его диаметр 20 м, высотой 1,0 м. Датировка: эпоха бронзы – РЖВ.

Могильник Кайракты XI (Мугалжарский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 5). Расположен в 14,7 км к СЗ (азимут 328°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на пологом склоне первой надпойменной террасы правого берега р. Кайракты. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 305 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (230 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из шести курганов и шести каменных оград. Курган 1 диаметром 20 м, высотой 1,0 м. Курган полусферической формы, сложен из земли. Хорошо задернован. Окружен каменной крепидой и рвом шириной 0,7 м и глубиной 0,2 м. Остальные курганы меньше размерами. Диаметр оград 3–6 м. Датировка: эпоха поздней бронзы, андроновская культура.

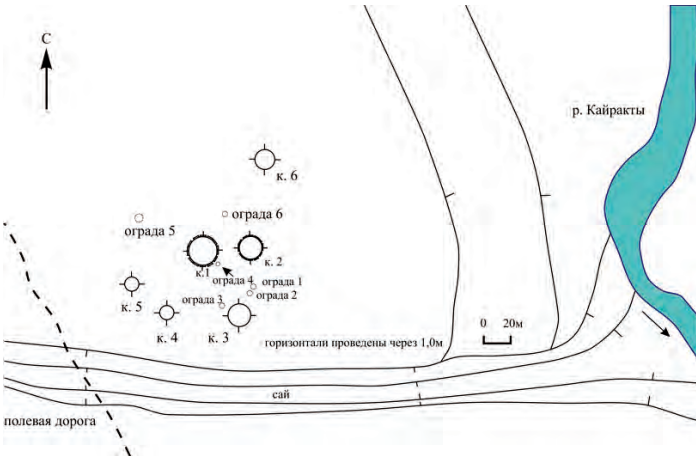

Рис. 5. Могильник Кайракты XI. Топографический план

Могильник Кайракты XII (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 15,37 км к СЗ (азимут 328°) от места слияния Есекжала и Кайракты. Могильник находится на мысообразной площадке, которая образована саем, впадающим в р. Кайракта с запада. Высота площадки, на кото-

рой расположен могильник составляет 310 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Кайракты (530 м), которая является правым притоком р. Иргиз. Могильник состоит из трех курганов, вытянутых по линии СВ–ЮЗ, датируемых РЖВ.

Курган 1 диаметром 21 м, высотой 1,0 м. Курган полусферической формы, сложен из земли. Хорошо задернован. Окружен рвом шириной 1,0 м и глубиной 0,3 м. Частично поврежден распашкой.

Курган 2 диаметром 14 м, высотой 0,7 м. Курган полусферической формы, сложен из земли. Хорошо задернован. Окружен рвом шириной 0,7 м, глубиной 0,2 м. Частично поврежден распашкой.

Курган 3 диаметром 13 м, высотой 0,5 м. Курган полусферической формы, сложен из земли. Хорошо задернован. Частично поврежден распашкой.

Одиночный курган Акпансай I (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.). Расположен в 505 м к СЗ (азимут 328°) от места слияния рек Акпансай и Тикашасай, которые образуют р. Кайракты. Курган находится на мысообразной площадке, образованной Акпансаем и Тикашасаем. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 308 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Акпансай (200 м). Курган диаметром 14 м, высотой 0,5 м. Курган полусферической формы, сложен из земли. Хорошо задернован. Внешних повреждений нет. Датировка: РЖВ–средневековье.

*Могильник Акпансай II (*Хромтауский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 6). Расположен в 720 м к СЗ (азимут 320°) от места слияния рек Акпансай и Тикашасай, которые образуют р. Кайракты. Курган находится на мысообразной

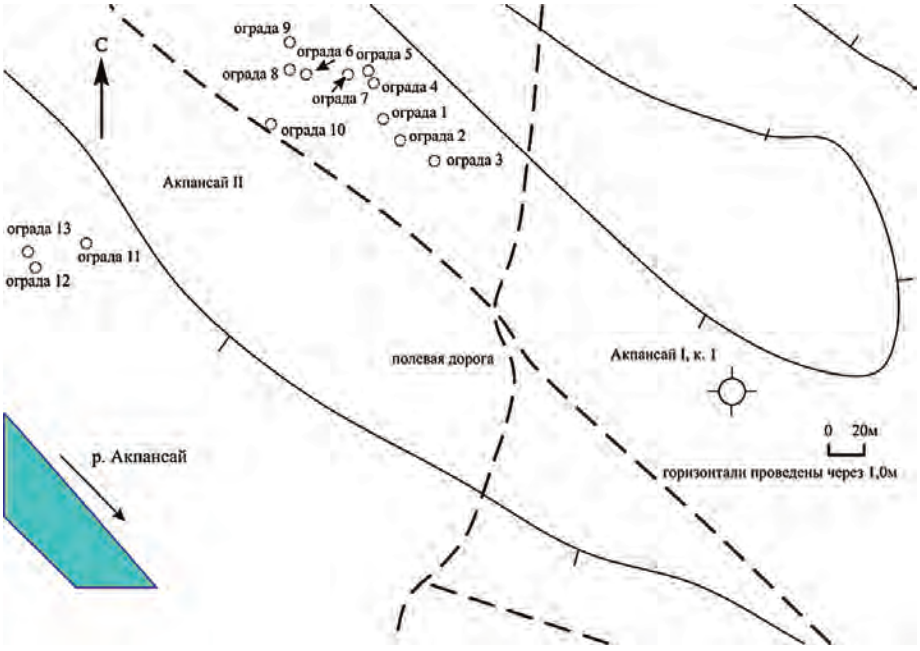

Рис. 6. Могильники Акпансай I и Акпансай II. Топографический план

площадке, образованнойАкпансаем и Тикашасаем. Высота площадки, на которой расположен могильник составляет 308 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Акпансай (100 м). Могильник можно разделить на две группы. Группа 1 состоит из оград (№ 1–10), находится на отдалении от реки, ближе к вершине локальной возвышенности. Группа 2 находится ближе к реке. Могильник состоит из 13 каменных оград. Все ограды одинаковые, поэтому приведем их общее описание. Форма оград округлая, диаметром 5–6 м. Сложены из камней размерами 10–20 см. Видимых повреждений нет. Датировка: эпоха поздней бронзы, андроновская культура.

Стоянка Тикашасай (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.). Расположена в 950 м к СЗ (азимут 350°) от места слияния рек Акпансай и Тикашасай, которые образуют р. Кайракты. Стоянка находится у обрыва первой надпойменной террасы левого берега р. Тикашасай. Высота площадки, на которой расположено поселение, составляет 309 мБС. Ближайшим действующим водотоком является р. Тикашасай (10 м). Площадка, на которой расположена стоянка, слабо задернована. На поверхности собраны фрагменты лепной керамики без орнамента с примесью шамота в формовочной массе. Подъемный материал распространяется на протяжении 100 м вдоль русла р. Тикашасай и 10 м от русла. Таким образом, площадь поселения можно оценить в 1000 кв.м. Датировка: эпоха поздней бронзы, андроновская культура.

Также были проведены исследования *святилищ с петроглифами Кайракты и Есекжал*. Изучены ранее известные петроглифы, а также обнаружено большое количество новых. Проведен анализ локализации святилищ; фотофиксация и копирование наскальных рисунков с применением специальных технологий.

Таким образом, проведенные археологические разведки верховьев реки Кайракты и ее притока р. Есекжал показали, что начиная с эпохи бронзы эта территория интенсивно обживалась.

Необходимо отметить, что в ходе реализации рекогносцировочных мероприятий Мугалжарским археологическим отрядом также был проведен поиск новых памятников эпохи палеометалла по гидрографическим локальным микрорайонам Мартукского и Каргалинского районов. Рекогносцировочные работы, ориентированные на выявление памятников эпохи палеометалла в названных районах, позволили впервые выявить ряд новых поселений и могильников эпохи бронзы.

Особый интерес представляет поселение Тарангул, расположенное на первой надпойменной террасе правого берега одноименной реки, притоки реки Кос-Естек. Предварительный анализ локализации памятника, а также подъемного материала, позволяет охарактеризовать объект как долговременное поселение эпохи поздней бронзы. В 150 м к западу от поселения Тарангул зафиксирован могильник, насчитывающий более 30 явных надмогильных сооружений, представленные преимущественно кольцевыми оградами. Наличие близкорасположенных и синхронных памятников, позволяет охарактеризовать данный объект как археологический комплекс Тарангул.

В ходе рекогносцировочных работ в 2 км к востоку от археологического комплекса Тарангул, на первой надпойменной террасе реки Жалгызагаш, левой притоки реки Тарангул также были зафиксированы остатки поселения эпохи бронзы, а в 500 м к востоку от поселения Жалгызагаш на небольшой возвышенности был зафиксирован могильник. Поселение Жалгызагаш судя по предварительному анализу локализации памятника, а также подъемного материала позволяет характеризовать объект как сезонное поселение эпохи поздней бронзы.

Примечательность археологического комплекса Тарангул, поселения и могильника Жалгызагаш заключается в том, что данные объекты располагаются в 10 км к ССВ от Шаншарского археологического микрорайона эпохи бронзы, где локализован известный древний рудник Шаншар.

Таким образом, детальное изучение археологических комплексов, поселений и могильников в дальнейшем позволит заполнить пробелы в процессе реконструкции производственных структур, технологии, конкретных форм и социально-экономических условий организации горно-металлургического производства в данном регионе. В данном случае, согласимся с выводом В.В. Ткачева, что такие дискретно расположенные компактные группы памятников, которые можно расценивать как локальные центры металлопроизводства, выступают в качестве исходных таксономических единиц в организованной по сегментарному принципу в системе Мугалжарского горно-металлургического центра [Ткачев, 2009].

Литература

Ткачев В.В. Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестник ЧелГУ. История. 2009. Вып. 38. № 41 (179). С. 5–7.

Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Носкевич В.В., Юминов А.М., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Анкушев М.Н., Жалмагамбетов Ж.М. Междисциплинарные исследования древнего рудника Шаншар на севере Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2013. Т. 2. С. 264–288.

Ткачев В.В., Юминов А.М., Байтлеу Д. А., Каирмагамбетов А.М., Плотников К.А., Романенко М.Е. Новые исследования памятников бронзового века в бассейне реки Кайракты (центральные Мугалжары) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / под. ред. М.Н. Сдыкова. Уральск: Центр истории и археологии, 2016. Вып. III. С. 83-107.

Р. С. Мусаева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

В статье приводятся предварительные данные изучения погребальных памятников срубной культуры Западного Казахстана. В частности, в основу положены сведения о 112 погребениях из 64 курганов, открытых в 30 могильниках, в том числе одиночное погребение, обнаруженное при исследовании городища Жайык. Представленные сведения демонстрируют схожесть с памятниками близлежащих регионов. Необходимо оговорить, что в работе представлены не все захоронения срубной культуры исследуемого региона. Исключены погребения, совершенные на территории поселений, а также захоронения, данных о которых недостаточно для включения в общую статистику.

Ключевые слова: Западный Казахстан, срубная культура, погребальные памятники, могильная яма, статистика

Батыс Қазақстандағы қима мәдениетіне тән жерлеу ескерткіштері туралы алдын-ала мәліметтер

Мақалада Батыс Қазақстанның қима мәдениетінің жерлеу ескерткіштерінің зерттелуі туралы деректер ұсынылады. Атап айтқанда, 30 қорымда 64 обадан ашылған 112 жерлеу орны, оның ішінде Жайық қалашығын зерттеу кезінде табылған жалғыз жерлеу орны туралы мәліметтер негізге алынды. Ұсынылған мәліметтер жақын маңдағы өңірлердің ескерткіштерімен ортақ ұқсастығын көрсетеді. Зерттеу жұмысында аталған аймақтың қима мәдениетінің барлық жерлеу ескерткіштері ұсынылмайтынын ескеру қажет. Қоныстар аумағында жасалған жерлеу, сондай-ақ жалпы статистикаға енгізу үшін деректері жеткіліксіз жерлеу орындары алынып тасталды.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, қима мәдениеті, жерлеу ескерткіштері, жерлеу шұңқыры, статистика

Preliminary data on the funeral monuments of timber-grave culture of Western Kazakhstan

The article provides preliminary data on the study of funeral monuments of timber-grave culture of Western Kazakhstan. In particular, it is based on information of 112 burials from 64 barrows discovered in 30 burial grounds, including a single burial discovered during the study of the Zhaiyk fortress. The information presented demonstrates similarity with the monuments of nearby regions. It should be noted that not all burial places of the timber-grave culture of the studied region are presented in the work. Burials committed in the territory of settlements, as well as burials that are not sufficient for inclusion in general statistics, are excluded.

Keywords: Western Kazakhstan, timber-grave culture, funeral monuments, grave pit, statistics

---

© **Райхан С. Мусаева,** *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* argin_rr@mail.ru

В конце II – начале I тыс. до н.э. на огромной территории степей Евразии от Приуралья на востоке до Поднепровья на западе проживало население, оставившее многочисленные памятники срубной культуры. К востоку проживали племена андроновской историко-культурной общности. Трансграничной зоной между данными мощными культурными образованиями служила территория Западного Казахстана.

Первые погребальные памятники срубной культуры на территории Западного Казахстана были открыты П. С. Рыковым в могильниках Шипово, Кордон Деркульский (Переметное), Кордон Деркульский [Железчиков, 2009, с. 191]. К сожалению, сведения о погребениях срубной культуры крайне фрагментарны и доступны лишь в переизданном виде.

И. В. Синицыным в ходе разведочных работ вдоль рек Большой и Малый Узень были также зафиксированы могильники, в которых были исследованы интересующие захоронения: курганы у станции Сайхин (юго-западная группа) и курган в могильнике Сорайдын [Синицын, 1950–1952; 1959].

История открытия и исследования большинства погребальных памятников срубной культуры связана с именем основателя Уральской археологической школы Г. А. Кушаева и его учеников – Б. Ф. Железчикова, В. А. Кригера, Г. К. Кокебаевой. В период 1974–1991 гг. им были исследованы 12 памятников, в которых были открыты около 30 курганов срубного времени, содержавших более 50 погребений [Железчиков и др., 1977; Железчиков, Кригер, 1976; 1977; 1979; Кушаев, 1983–1985; 1987; 1988; 1991; 1993; Кушаев, Железчиков, 1974; 1976; Кушаев, Кокебаева, 1978; 1980]. В частности, такие могильники, как Алебастрово I, II, Факел, Рубежка, Вишневая балка, Новопавловка, Бубенцы II, Солянка II, «Водохранилище», Рыбный Сакрыл I–III, Мамай I, Кос-оба, Мамбеталы I–II, Коныс-сай.

Вторым отрядом под руководством Б. Ф. Железчикова и М. Г. Мошковой в 1976–1980 гг. на могильниках Лебедевка I–VIII было раскопано 25 курганов, в которых выявлено около 30 захоронений срубной культуры [Железчиков, Кригер, 1977; 1979; Мошкова и др., 1978; 1980].

Современные материалы по погребальным памятникам срубной культуры представлены материалами исследований Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии [Сдыков, 2006; Сдыков и др., 2006; 2015]. Ими изучены могильники Мереке, Достык, Утвинка. Одиночное захоронение срубной культуры было обнаружено в ходе изучения городища Жайык [Калменов, Бижанова, 2015].

Материалы погребальных памятников частично освещены в публикациях исследователей, однако статистическая обработка данных приводится впервые [Памятники срубной культуры, 1993; Кушаев, 1993; Ткачев, 2018].

В настоящий момент погребальные памятники срубной культуры обнаружены в 64 курганах, содержавших в общей сложности 112 погребений из 30 могильников, включая погребение, обнаруженное близ городища Жайык. Необходимо заранее оговорить, что 31 погребение (27,7%) разрушены более поздними впускными захоронениями либо имеют следы ограбления. Размеры

курганов были взяты условно, так как практически все были подвергнуты природному или антропогенному воздействию.

Размеры насыпей были условно разделены на три группы:

- курганы диаметром менее 10 м были выявлены в 10 случаях (17,2%);
- курганы диаметром от 10 до 20 м представлены в 24 случаях (41,7%);
- курганы диаметром свыше 21 м аналогично второй группе.

Для 6 курганов (9,4%) размеры насыпи выявить не удалось (табл. 1).

Таблица 1 – Размеры насыпей курганов срубной культуры Западного Казахстана

Обозначение	Маленькие, курганы диаметром менее 10 м	Средние, курганы диаметром от 10 до 20 м	Большие, курганы диаметром свыше 21 м	Нет данных
Количественное соотношение	10	24	24	6
Процентное соотношение	17,2%	41,4%	41,4%	9,4%

Размеры курганов с количеством могильных ям, наличием каких-либо конструктивных особенностей, разнообразия погребального обряда не соотносятся однозначно. Данный вопрос будет рассмотрен более подробно в дальнейшем.

В ходе изучения захоронений срубной культуры в Западном Казахстане исследователи зафиксировали такие конструктивные особенности, как наличие деревянных перекрытий, плах у 10 могильных ям (9%). В трех могильных ямах (2,7%) были выявлены обуглившиеся остатки дерева.

Антропологические определения пола и возраста, приведенные авторами раскопок, были проведены лишь для 44 погребённых (37,9%), из них детей, исключая подростков, девять (7,8%) [Кушаев, Железчиков, 1974; Железчиков, Кригер, 1977; Кушаев, Кокебаева, 1978; 1980; Кушаев, 1983; Синицын, 1951; Памятники срубной культуры, 1993; Калменов, Бижанова, 2015; Железчиков, Кригер, 1976; 1979; Мошкова и др., 1978; 1980; Железчиков, 2009, с. 191].

Размеры могильных ям также были подразделены на три условные группы. Малые, размерами 0,9–1,0×0,6–0,7 м, зафиксированы в пяти случаях (6,5%). Средние, размеры которых варьируют в пределах 1,2–1,85×0,5–1,6 м – 56 (72,8%). К большим могильным ямам были отнесены ямы с размерами 2,2–4,05×2,2–3,2 м, которых насчитывается 16 (20,7%). Для 34 случаев (30,6%) размеры могильных ям не определены.

Корреляция размера могильной ямы с половозрастной характеристикой индивидов продемонстрировала следующую картину. Могильные ямы первой группы являлись детскими или подростковыми. В могильных ямах второй группы были захоронены взрослые индивиды. Могильные ямы третьей группы, как правило, тяготеют к центру насыпи и в 63 случаях (56,3%) являлись разрушенными, в остальных же погребены взрослые индивиды.

Ориентация могильной ямы была установлена в 68 случаях (61,3%). Среди них наиболее распространённой оказалась ориентация СВ–ЮЗ в 32 случаях (47,1%). Широтная ориентация была выявлена у 17 ям (25%); меридиональная у 10 (14,7%), соответственно. Наименьшее количество случаев ориентации могильных ям – ЮВ-СЗ – в девяти случаях (13,2%).

Формы могильных ям были установлены у 75 могил (66,9%). Ведущей формой оказалась типичная для срубной культуры, подпрямоугольная, выявленная в 46 случаях (61,4%). Так, в описаниях могильных ям исследователями были отмечены прямоугольная, подпрямоугольная, прямоугольная или подпрямоугольная с закругленными углами, удлинённо-прямоугольная формы.

Аналогично, к подквадратным были отнесены 10 могильных ям (13,3%).

Овальных ям оказалось немного больше, они определены в 11 случаях (14,7%). Округлых ям – шесть (8%). Наименьшее количество могильных ям имеет неправильную форму, всего их было обнаружено две (2,6%).

Обряд погребения зафиксирован в двух вариантах (табл. 2). Кремация выявлена в трех могильных ямах (3,3%); ингумация в 89 случаях (96,7%). Наиболее распространённым оказалось скорченное положение на левом боку, зафиксированное у 74 погребённых (80,4%). Скорченно на правом боку было выявлено в 14 случаях (15,2%). Лишь в одном погребении покойный (1,1%) был положен вытянуто на спине. Положение скелета не удалось определить в 24 случаях (20,7%).

Таблица 2 – Обряд погребения по материалам памятников срубной культуры Западного Казахстана

Наименование	Ингумация			Кремация
	на левом боку	на правом боку	на спине	
Количественное соотношение	74	14	1	3
Процентное соотношение	80,4%	15,2%	1,1%	2,6%

Парное погребение зафиксировано единожды [Рафикова, 2008], что составляет 0,9% выборки, тогда как двойных погребений обнаружено в четырех случаях (3,6%). В парном были погребены дети. Сочетание «женщина и подросток» выявлены дважды, в третьем случае была захоронена молодая женщина и индивид, чью антропологическую принадлежность определить не удалось.

Скорченность погребённых в общей статистике указываться не будет, так как этот показатель напрямую зависит от размеров могильных ям [Иванов, 1992].

Ориентация погребённых была определена в 78 случаях, что составило 67,2%. Среди них ведущей оказалась ориентация костяка на СВ, выявленная у 31 погребённых (39,7%). Северная ориентировка зафиксирована в 21

случае (26,9%). Костяков, ориентированных на восток, обнаружено 15 (19,2%). В восьми случаях (10,3%) погребённый ориентирован на запад. На СЗ ориентированы два погребённых (2,6%). Единожды (1,3%) зафиксирована южная ориентировка.

Положение рук погребенных удалось установить лишь у 40 захороненных (34,5%). Основной причиной являются впускные поздние погребения или грабительские лазы и воронки, нарушившие первоначальное положение рук погребённых. Чаще всего руки помещались перед лицом, таких случаев зафиксировано у половины погребенных (50%). Вдоль тела и у груди укладывались руки в равном количестве или по семь в каждой группе (17,5%). Также было выявлено особое положение рук, в котором каждая рука помещалась по-разному. Таких случаев удалось установить у шести погребённых (15%).

В 25 погребениях (13,5%) были зафиксированы дополнительные элементы погребального обряда. Наличие охры обнаружено в шести могильных ямах (5,4%). Подстилка под погребённым была зафиксирована в семи случаях (6,3%). Наличие угольков – в девяти (8,1%), кальцинированных костей – в двух погребениях (1,8%), золы и мела в одном случае (0,9%).

Основным отличием срубных захоронений является скудный и невыразительный, в сравнении с андроновской историко-культурной общностью, вещевой набор. Сопровождающий инвентарь был надежно установлен лишь в 76 могильных ям (59,5%). Еще 31 могила (27,9%) авторами исследований определена как безынвентарная. В одном случае (0,9%) был зафиксирован факт помещения раковины моллюска. Изделия из камня и металла были обнаружены в 17 ямах (15,3%). Кости животных были зафиксированы в трех случаях (2,7%).

Самым распространённым сопровождающим артефактом является керамика, которая была обнаружена в 55 могильных ямах (49,6%). Положение сосудов или фрагментов керамических изделий установлено в 38 могильных ямах (69,9%). Среди них лидирующую позицию заняло помещение сосуда «в головах» в 22 случаях (57,9%). К этой категории были отнесены описанные авторами позиции «в теменной части», «в затылочной области», «в головах», «около головы» и прочее. Перед лицом сосуды и их фрагменты был выявлены близ восьми погребённых (21,1%). К этой категории необходимо добавить три случая (7,9%) помещения керамического сосуда в руках погребённых. Около ног сосуды выявлены один раз (2,6%). Около скелета помещение керамических сосудов зафиксировано в четырех случаях (10,5%).

Таким образом, основными признаками погребальных памятников срубной культуры Западного Казахстана являются:

- Подкурганные погребения, совершавшиеся чаще в курганах диаметром свыше 10 м. Форма могильной ямы – подпрямоугольная, с размерами 1,2-1,85×0,5-1,6 м. Ориентация могильной ямы в большинстве случаев – СВ–ЮЗ, ориентация погребенного на СВ или С.

- Дополнительные элементы погребального обряда и конструктивные особенности в виде плах или перекрытий редки.

- Погребения производились чаще по обряду ингумации в скорченном положении на левом боку, кисти рук помещались перед лицом.

- В погребение чаще клали керамические сосуды, помещавшиеся «в головах» покойного.

Захоронения, имеющие дополнительные элементы погребального обряда, разнообразный вещевой набор, как и безынвентарные, будут исследоваться детальнее. Приведенные же данные демонстрируют устойчивые признаки памятников культур срубной культурно-исторической общности [Епимахов, 2018]. Однако для определения хронологической позиции каждого памятника необходима корреляция с материалами стационарных памятников, ранее датированных исследователями [Качалова, 1985; Лопатин, 2002; Малов, 2012].

Литература

Железчиков Б.Ф. Материалы из раскопок П.С. Рыкова в 1927 году на территории Уральской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2 С. 191-198.

Железчиков Б.Ф., Иксанова Ф.М., Кригер В.А. Погребения срубной культуры в курганной группе у с. Новопавловка // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья: науч. тр. Куйбышев, 1977. Т. 220. С. 88-91.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1976 году // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 18, д. 1534, 77 л.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1977 году. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 19, д. 1602, 203 л.

Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1979 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 21, д. 1759, 111 л.

Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник ЧелГУ. Сер. «История». 2008. № 18. С. 5-13.

Иванов А.Ю. О некоторых обрядовых и внеобрядовых характеристиках погребений со скорченными костяками // Древняя история населения Волго-Уральских степей: межвуз. сб. науч. тр. Оренбург: Оренб. пединститут, 1992. С. 140-156.

Калменов М.Д., Бижанова А.Е. Об одном погребении, найденном на городище Жайык (краткое сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. VI Всерос. науч. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. краевед. музей. 2015. С. 311-314.

Кушаев Г.А. Об итогах проведения охранных археологических исследований в зоне водохранилища на р. Солянка в Уральской области в 1983 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 25, д. 2017, 31 л.

Кушаев Г.А. Отчет об итогах полевых археологических исследований в северной части Чижинско-Дюринских разливов в Уральской области в 1984 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 26, д. 2058, 42 л.

Кушаев Г.А. Отчет об археологических раскопках и микроразведках 1985 г. в Каменском районе Уральской области // Архив Института археологии им.А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 27, д. 2100, 24 л.

Кушаев Г.А. Об археологических исследованиях Уральского пединститута в 1987 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 29, д. 2164, 30 л.

Кушаев Г.А. Отчет о научно-исследовательской работе по раскопкам памятника материальной культуры Казахстана (могильника и поселения Кресты) в 1988 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 30, д. 2237, 30 л.

Кушаев Г.А. Отчет о результатах раскопок памятников могильника «Кресты» (могильник и поселение) // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 33, д. 2368, 26 л.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск: «Диалог», 1993. 172 с.

Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об археологических исследованиях в Уральской области в 1974 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 16, д. 1389, 69 л.

Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1975 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 18, д. 1467, 92 л.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 20, д. 1675, 37 л.

Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Научный отчет об итогах археологических раскопках в Уральской области в 1980 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 22, д. 1675, 38 л.

Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье // Археология России (Свод археологических памятников. Вып. В 1-10. Т. 1). Саратов: изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. 200 с.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской области в 1978 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 20, д. 1679, 186 л.

Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы на территории Уральской области в 1980 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 22, д. 1838, 155 л.

Сдыков М. Отчет об археологических раскопках что-то в названии пропущено??? Бурлинского, Акжаикского, Зеленовского районах (на курганах могильников Аксай III, Достык, Караул-тобе) в 2009 г.// Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 51, д. 2799, 48 л.

Сдыков М., Мергалиев Р., Орынбасаров Е., Утепбаев У. Отчет о раскопках курганных комплексов Новопавловка, Утвинка, Алгабас, Жусандыой, Жанаконыс в 2006 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 48, д. 2938, 32 л.

Сдыков М.Н., Утепбаев У.А., Крыгин А.П. Отчет о научно-исследовательской работе на археологических памятниках Мереке I и Ерсары I за 2014 год // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 2, оп. 57, д. 3254, 28 л.

Синицын И.В. Археологические памятники по реке Малый Узень // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 101-112.

Синицын И.В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 97-105.

Синицын И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. 45. С. 62-73.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции) / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. С. 39-205.

Ткачев В.В. Срубная культура на территории Западного Казахстана // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч. тр. к 80-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2018. С. 112-125.

Епимахов А.В. Восточная перифирия срубной общности // XXI УАС, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября, 2018 г.). Самара: изд-во СГСПУ, 2018. С. 106-107.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации): межвузовский сю. науч. трудов / отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: Куйбыш. гос. пед. ин-т, 1985. С. 28-59.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: учебное пособие. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2002. 136 с.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Сер. История. Междунар. отн. 2012. Т. 12. Вып. 1. С. 95-100.

А. А. Горячев, Т. А. Егорова, К. А. Егорова

ПЕТРОГЛИФЫ УРОЧИЩА БАГЫЛ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ КОТЫР В ХАНТАУ

В полевом сезоне 2019 года в верховьях левого притока реки Котыр ручья Багыл был зафиксирован комплекс древнего поселения с наскальными рисунками на ближайшей горной гряде. Два скопления древних петроглифов устроены на шести скальных выходах двух сопок по северному борту долины. Свыше 200 наскальных рисунков обнаружены на 65 плитах с юго-западной и южной экспозицией. Изображения бронзового века отличаются степенью патинизации и иконографией, близкой к петроглифам тамгалинского стиля. Фигуры животных раннего железного века выполнены, как правило, в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Техника нанесения рисунков на скалы крупно- и мелкоточечная выбивка, реже – прошлифовка корпуса отдельных животных. Среди рисунков встречаются изображения козлов, архаров, оленей, верблюдов, лошадей; антропоморфные фигуры представляют пастухов, лучников, всадников и людей в ритуальных позах. Отмечены композиции с ритуальными сценами и бытовыми сюжетами (охота, выпас скота). Традиции древнего наскального искусства в долине реки Котыр позволяют отнести его к группе петроглифов при древних поселениях, характерных для всего региона Шу-Илейских гор.

Ключевые слова: Хантау, Котыр, петроглифы, эпоха бронзы, ранний железный век, композиция, сюжет

Хантаудағы Қотыр өзенінің жоғарғы ағысындағы Бағыл шатқалының петроглифтері

2019 жылдың далалық маусымында Қотыр өзенінің сол жақ жоғарғы ағысындағы Бағыл бұлағына жақын жердегі тау тізбегінде тасқа салынған суреттері бар ежелгі қоныс кешені табылады. Ежелгі петроглифтердің екі шоғыры аңғардың солтүстік жиегіндегі екі шоқының алты жартасында орналасқан. 200-ден аса тасқа салынған суреттер оңтүстік-батыс және оңтүстік экспозицияда 65 плитадан анықталады. Қола дәуірінің бейнелері патиндеу мен иконогорафия дәрежесі бойынша Таңбалы стиліне жақын петроглифтерден ерекшеленеді. Ерте темір дәуірінің аң бейнелері скиф-сібір стилі дәстүрінде орындалған. Жартастардағы сурет салу техникасы ірі және ұсақ нүктелі қағумен салынса, кей жағдайда жеке аңдардың суреті тегіс түсірілген. Суреттердің арасында ешкі, арқар, бұғы, түйе, жылқы бейнелері кездеседі; антропоморфты суреттер малшы, садақшы, салт атты және салт-жора жүргізіп жатқан кейіптегі адамдардан тұрады. Діни көріністер мен тұрмыстық сюжеттері бар композициялар (аң аулау, мал жаю) анықталады. Қотыр өзені аңғарындағы ежелгі жартас өнері дәстүрі оны Шу-

© Александр А. Горячев, Татьяна А. Егорова, Ксения А. Егорова, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан*; aga.2805@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135512.

Іле тауларының барлық аймағына тән ежелгі қоныстардағы петроглифтер тобына жатқызуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Хантау, Қотыр, петроглифтер, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, композиция, сюжет

Petroglyphs of Bagyl gorge in riverhead of Kotyr river in Khantau mountains

Complex of Ancient settlement with rock images was fixed in field season 2019 in riverhead of stream Bagyl - left flow of Kotyr river on nearest rock. Two clusters of ancient petroglyphs are arranged on 6 rocky ridges of two hills along the northern side of the valley. 65 rock plates with South-Western and Southern exposure have more than 200 rock images. Bronze Age images feature a degree of patinization and iconography close to Tamgaly style petroglyphs. Images of the Early Iron age, as a rule, are made in Scythian-Siberian animal style. The technique of drawing patterns on rocks is large and finely chiseled knocking out, less often grinding of the body of individual animals is found. Among the drawings there are images of goats, argali, deer, camels, horses; anthropomorphic figures represent shepherds, archers, horsemen and people in ritual poses. Marked compositions with ritual scenes and everyday subjects (hunting, grazing). The traditions of Ancient cave art in the Kotyr river valley make it possible to attribute it to the group of petroglyphs in Ancient settlements typical of the entire Shu-Ili mountains region.

Keywords: Khantau, Kotyr, petroglyphs, the Bronze Age, the Early Iron age, composition, scene

Хантау располагаются на территории Шу-Илейского эрозийно-тектонического низкогорья на стыке с Юго-Западным Прибалхашьем. Хантау – древнейший транзитный регион между Центральным Казахстаном и Северным Притяньшаньем, где транспортные маршруты пересекались в различных направлениях. Археологические исследования в Хантау начались в 60–70-е гг. XX века А.Г. Медоевым. Им была обнаружена и обследована серия палеолитических стоянок и скоплений петроглифов преимущественно юго-западных склонов и северо-западной оконечности хребта [Медоев, 1970, с. 211–216; Медоев, 1979, с. 8–10]. В 1980–1990-е гг. по материалам А.Г. Медоева исследования региона проводились комплексной археологической экспедицией Института археологии им. А.Х. Маргулана (рук. З. Самашев). В результате С.А. Берденовым был выделен древний Хантауский горно-металлургический центр [Берденов, 1998, с. 180–190], что свидетельствовало о значительном хозяйственно-культурном развитии региона в бронзовом веке. Экспедицией Жамбылского областного историко-краеведческого музея (рук. К.Б. Байбосынов) изучались древние памятники и наскальные рисунки юго-западных склонов и южной части гор Хантау. Был открыт крупный погребальный комплекс бронзового века в урочище Кожабала [Ковтун, 1999, с. 27–31].

В 2009–2018 гг. в рамках грантовых проектов экспедициями Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством А.Н. Марьяшева и А.М. Досымбаевой, а также Хантауским научным отрядом (рук. А.А. Горячев) были обследованы древние памятники и петроглифы долины рек Сарыбулак и Котыр, произведены раскопки могильника эпохи бронзы Кожабола-1 в

южной части гор [Горячев, Сараев, 2018, с. 45–50]. Произведена разведка комплекса археологических памятников всей горной системы, обнаружено и документировано 13 скоплений петроглифов в урочищах Таракбай, Бекетаймак, Шолак-Жиделисай и Сункарсай, в ущельях северных и южных склонов гор Костобе, в долинах рек и ручьев южной части гор Хантау [Воякин и др., 2019]. В результате исследований документированы материалы свыше 120 археологических памятников (рис. 1, *1*) и выяснены традиции хозяйственно-культурного освоения региона в бронзовом и раннем железном веке [Горячев, Ильин, 2019, рис. 1].

В полевом сезоне 2019 г. была произведена разведка горных плато и верховьев ущелий хребта Хантау, которая затронула верховья рек Котыр

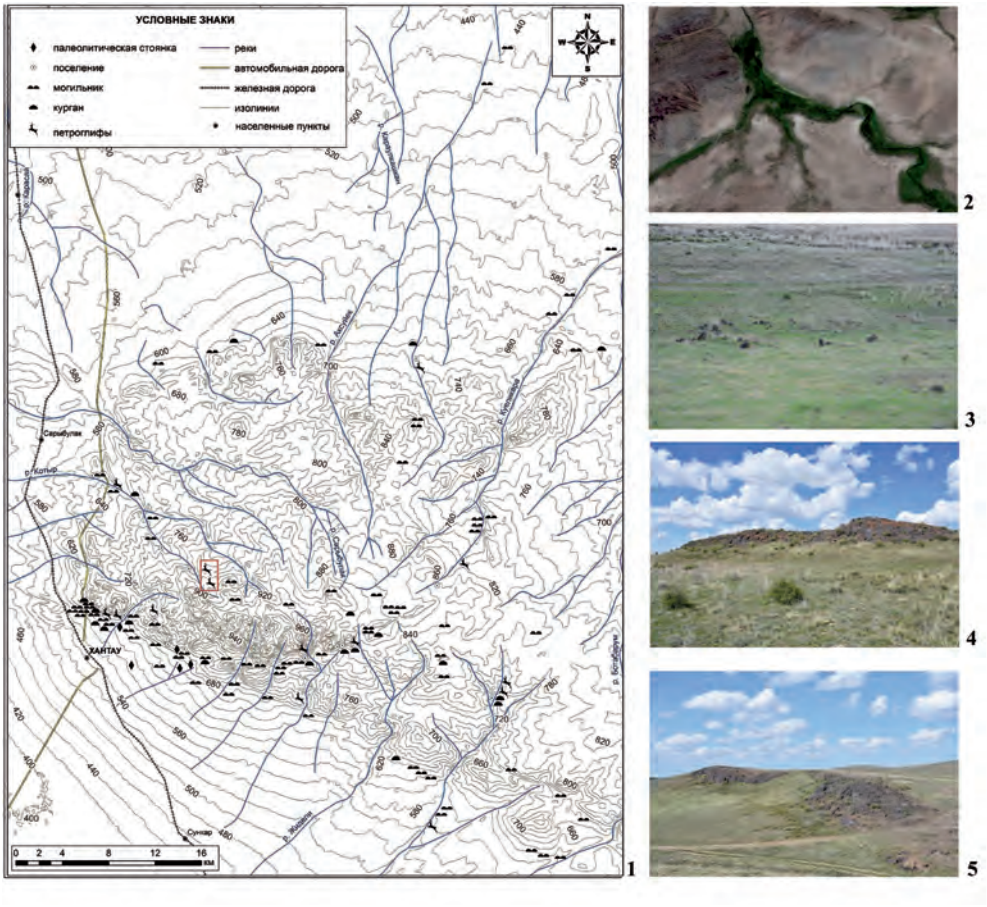

Рис. 1. Археологические памятники долины реки Котыр в горах Хантау:
1 – топографическая карта расположения древних памятников в горах Хантау;
2 – древнее и средневековое поселения в верховьях ручья Багыл левого притоки реки Котыр на космоснимке; 3 – каменные конструкции у подножия сопки с петроглифами по правому берегу ручья Багыл; 4 – юго-восточная сопка с петроглифами по правому берегу ручья Багыл; 5 – северо-западная сопка с петроглифами по правому берегу ручья Багыл

и Сарыбулак, плато Шубар и примыкающие к нему отдельные ущелья. В верховьях левого притока реки Котыр ручья Багыл был зафиксирован комплекс древнего поселения с наскальными рисунками на ближайшей горной гряде. Здесь зафиксированы остатки около 10 древних и средневековых полуземлянок в виде неглубоких западин и выровненных площадок. Размеры жилых и хозяйственных построек от 6×4 м до 10×8 м. Они устроены на относительно ровной поверхности береговой линии ручья в северо-западной части достаточно широкой для горной местности долины. Общая площадь поселения около 6000 м². Площадки под хозяйственные строения расположены большей частью на противоположном от поселения берегу ручья (рис. 1, *2, 3*).

В 300–500 м вверх по правому берегу ручья Багыл в 10,5–10,8 км к СВ от ст. Хантау обнаружены два скопления древних петроглифов, устроенных на шести скальных выходах двух сопок по северному борту долины (рис. 1, *4, 5*). Свыше 200 наскальных рисунков расположены на 65 плитах с юго-западной и южной экспозицией. Подобная ситуация характерна для древних памятников региона, когда петроглифы фиксируются вблизи поселений. Наличие на скалах изображений разных эпох говорит о традиционности проживания древних скотоводов на территории Шу-Илейского низкогорья на зимовках подобного типа [Горячев и др., 2014, с. 3–15].

Изображения бронзового века отличаются степенью патинизации и иконографией, близкой к петроглифам тамгалинского стиля. Фигуры животных раннего железного века выполнены, как правило, в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Техника нанесения рисунков на скалы крупно- и мелкоточечная выбивка, реже – прошлифовка корпуса отдельных животных. Среди рисунков встречаются изображения козлов, архаров, оленей, верблюдов, лошадей; антропоморфные фигуры представляют лучников, всадников, людей с животными и людей в ритуальных позах. Зафиксированы знаки колесницы и геометрические фигуры, среди которых отмечена казахская тамга.

Первая группа петроглифов скопления Котыр находится в восточной части юго-восточной сопки. Здесь найдено 16 плит с наскальными изображениями преимущественно эпохи бронзы и раннего железного века – всего около 40 (рис. 2, *1, 2*). Вторая группа петроглифов находится на скальной гряде в 50 м к СЗ от первой. Здесь отмечено 17 плит, на которых высечено около 50 наскальных рисунков. Большая часть петроглифов датируется эпохой бронзы и раннего железного века, встречаются и позднесредневековые рисунки животных (рис. 2, *3, 4*).

Третья группа петроглифов расположена на следующей скальной гряде, находящейся через небольшую западину южного склона сопки в 30–40 м к СЗ от второй. Здесь на 14 скальных плитах зафиксировано 35 рисунков с изображениями козлов, архаров, верблюдов. Есть несколько сцен охоты и изображение всадника на лошади эпохи бронзы (рис. 2, *5, 6*). Четвертая группа в 20–30 м от третьей к СЗ завершала скопление петроглифов на первой сопке и представляла собой более высокую гряду, чем остальные. Всего найдено шесть скальных плит, где зафиксировано 10–12 рисунков (рис. 2, *7, 8*).

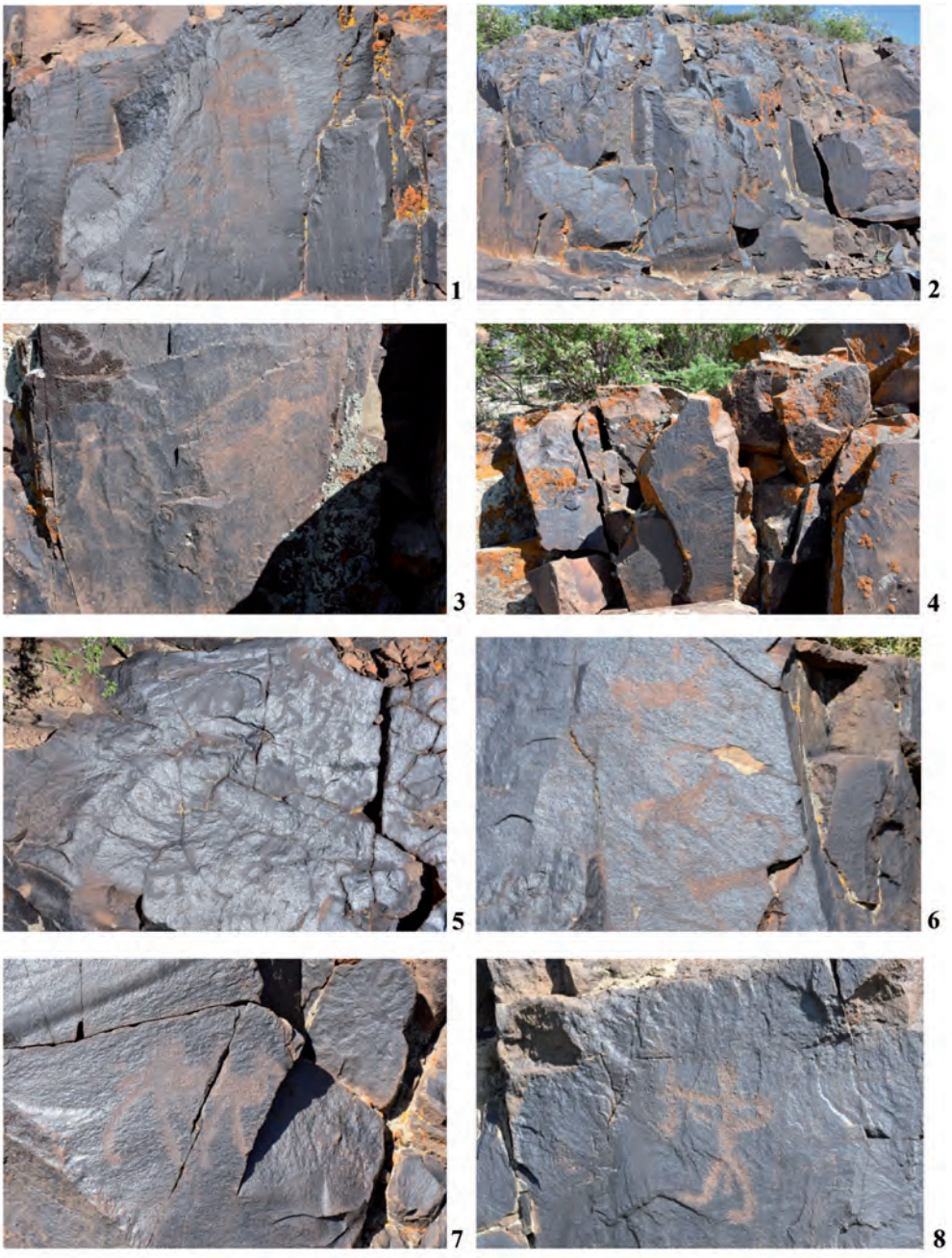

Рис. 2. Петроглифы эпохи бронзы и раннего железного века юго-восточной сопки по правому берегу ручья Багыл

Вторая сопка находится в 100 м к СЗ от первой. Рисунки сосредоточены на выходе скальной гряды. В ее восточной стороне на шести скальных плитах обнаружено 15 изображений козлов, хищников и человека бронзового века (рис. 3, *1, 2*). В центральной и западной частях сопки на 16 плитах найдено около 60 наскальных рисунков. Данная группа изобилует многофигурными композициями эпохи бронзы, часто подправленными в раннем железном веке (рис. 2, *3–6*).

Основные образы наскального искусства бронзового века в верховьях ручья Багыл в Хантау представлены антропоморфными фигурами и изображениями животных (рис. 4). Выделяются многофигурные композиции стада животных, сцен охоты, выпаса скота. Большинство сюжетов с изображением людей в эпоху бронзы этого комплекса показывают их в определенной ситуации – стрельбе из лука. Рисунки выполнены достаточно стандартно – человек в профиль с широко разведенными руками и ногами, иногда с подчеркнуто выделенным фаллосом, оттягивает тетиву отведенной назад полусогнутой рукой (рис. 4, *1, 2*; 5, *1*). Простые луки имеют большие размеры, фигуры лучников чаще всего показаны в сценах охоты. Нередко изображается отдельно стоящий лучник. Определенная статичность фигур и канон их изображения позволяют предполагать, что они представлены как демонстрация неких значимых боевых возможностей, силы, мужества как образов вне контекста.

В одной многофигурной композиции со стадами животных и лучниками встречено изображение человека с широко разведенными руками в обе стороны (рис. 5, *1*). На скале он размещен отдельно от сюжетных сцен верхнего и нижнего плана: вверху – лучника, целящегося в козла, фигур быков, козлов в тамгалинском стиле, хищников; внизу – козла и лучника. Он занимает отдельное большое пустое пространство посередине скалы. Прорисовка его пропорциональной, с расширенными плечами, фигуры дана как бы в фас, голова довольно крупная, соразмерна туловищу, не видны пальцы рук, которые даны кучной массой сколов, но направление стоп ног в легком повороте в три четверти в одну сторону отражают канон изображения антропоморфных фигур в древнее время [Флиттнер, Блэк, 1981, с. 35]. Такой подход соблюден в урочище Тамгалы в образах солнцеголовых [Горячев, Егорова, 2011, с. 36]. Похожий отдельный образ человека в фас-профильном изображении эпохи бронзы есть в урочище Койбагар хребта Каратау [Кадырбаев, Марьяшев, 2007, фото 11]. Фигура на рисунке массивная, четко очерчена шея, голова, выделены коленные суставы, стопы ног повернуты влево. Подобные рисунки найдены в горах Баянжурек, где в одном случае дан человек, раскинувший руки в обе стороны, без проработанности кистей рук и ног, другое изображение имеет детальную прорисовку пальцев рук, разнонаправленных стоп, обе фигуры с субтильными телами, оканчивающиеся небольшой головой, длинными тонкими конечностями [Байпаков, Марьяшев, 2008, рис. 1; фото 83]. В урочище Аккайнар горах Кулжабасы такой же антропоморфный персонаж включен в сюжет с солнцеголовым [Марьяшев, Железняков, 2013, фото 36]. Распространенность антропоморфного образа конкретной позиции позволяет

Рис. 3. Петроглифы эпохи бронзы и раннего железного века северо-западной сопки по правому берегу ручья Багыл

предположить, что отдельная фигура вне сюжета предполагает демонстрацию некоего значимого символического контекста. В композиции с солнцеголовым, надо полагать, роль персонажа в определенной степени обусловлена значением образа божества.

Большее количество рисунков эпохи бронзы в этом комплексе составляют изображения животных. Среди образов быков, лошадей, верблюдов, оленей, ослов (?), хищников этого времени преобладают рисунки козлов и архаров (рис. 4, *1, 5–15, 17–20*; 6, *1–4*). Фигуры мелкого рогатого скота профильные, в большинстве случаев у них прорисовано по одной от пары ног и рогов, реже по два рога (рис. 4, *12, 13, 17*; 6, *1*). Выделяется сцена с двумя козликами, идущими один за другим, с четырьмя ногами, выгнутой спиной одного и рогами, оканчивающимися объемной выбивкой. Такой прием окончания рогов использован и в другом рисунке (рис. 4, *8*). Встречена вертикальная композиция с размещением рисунков трех козлов один над другим (рис. 4, *5*), подобный сюжет хотел продолжить художник более позднего времени на другой скале, но выбил лишь часть корпуса животного другой стилистики (рис. 4, *11*).

Необычной в техническом плане выделяется манера выбивки двух козлов в один перспективный ряд боковой проекцией к зрителю (рис. 4, *15*). Контур животных, исполненный тонкой линией, «вкладывается» один в другой – «два в одном». Такое самобытное исполнение встречается впервые для Шу-Илейских гор только на этом комплексе. При беглом взгляде видится одно животное с двумя рогами и четырьмя конечностями. При внимательном рассмотрении выявляется изящный технический прием мастера-гравера: в контур большего козла входят контурные линии меньшего животного, одновременным кажется и чередование их деталей – рогов и ног. Исходным моментом видения образа козла, организованного таким образом, получается, что оба тела животных оказываются смежными, а в более быстром взгляде – почти тождественными. Такая композиция встречена дважды: отдельно на скальной плоскости и в многофигурном панно (рис. 5, *2*).

Рисунки двугорбых верблюдов не являются здесь редкостью. Исполнение их разнообразно. Отмечен шагающий верблюд (рис. 4, *4*), стоящие животные (рис. 4, *3*; 5, *2, 4*), с высокими горбами (рис. 4, *7*), с поводом, зафиксированном, видимо, от мурундука (рис. 5, *2*), стреноженные (рис. 5, *3, 4*). В отличие от петроглифов ущелий Таракбай и Бекет-Аймак в Хантау, находящихся в 5–7 км от данного скопления, где на многочисленных полотнах отражено мастерство всадничества на верблюдах. Здесь не встречено ни одного оседланного верблюда. Отмечены только стреноженные животные, что подтверждает их использование в хозяйственной деятельности скотоводов данной местности.

Изображения лошадей, встреченные на плоскостях скал в верховьях ручья Багыл в Хантау, различны по своей стилистике. Отличаются они и по экстерьеру. Так, даже в одном сюжете два изображения этого животного резко отличаются друг от друга. Один рисунок отображает породу лошадей с высокими длинными ногами, небольшой головой и тонкой длинной шеей. Абрис второго животного подчеркивает его приземистость, большую голову, возможно,

Рис. 4. Петроглифы эпохи бронзы долины ручья Багыл в горах Хантау

стреножен (рис. 4, *18*). Похожей породе первого животного соответствует выбитый на скалах еще один рисунок (рис. 4, *21*). Другое изображение лошади с челкой (рис. 4, *22*) не только подчеркивает иную породу, но и стилистически принадлежит к иной традиции, широко распространенной в горах Каратау и в Центральном Казахстане. Кони с челками отмечены в позднебронзовых композициях со сценами боя всадников из урочища Ой-Джайляу (Горячев, Егорова, 2019, с. 222, рис. 2). Подобные изображения лошадей с челками датируются периодами поздней и финальной бронзы [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 213; Марьяшев, Горячев, 2002, с. 54, табл. IX, XXI; Новоженов, 2002, табл. 30–34].

Помимо одиночных, фигуры мелкого, крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей встречаются в многофигурных сценах вместе, что вероятно, характеризует структуру скотоводческого хозяйства населения эпохи бронзы региона. Часть петроглифов этого времени выполнены в манере, стилистически близкой тамгалинской традиции [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 35]. Такие многофигурные композиции насчитывают до 15 персонажей, некоторые из них выстраиваются в определенные сюжеты. Так, в верхней части одной из них лучник, охотящийся на козла, представляет самостоятельную тему, тогда как ниже расположенные хищники преследующие травоядных – другое событие. Эти сюжеты призваны, на наш взгляд, воспроизвести сцены окружающей жизни. В целом, этот ряд рисунков – скачущие козлы, быки, хищники, на них нападающие, лучники, распростертая человеческая фигура по центру скалы, отграничивающая одни события от других –представляет некую картину бытия (рис. 5, *1*).

Несомненно, некий срез понимания ощущения мироустройства, бытия человеком в эпоху бронзы дают и другие многофигурные композиции, где символическая связь эстетических критериев важных образов животных наполняет пространство скалы – мира древнего человека. Так, на одной скале по вертикали даны образы козлов прямой проекции - «два в одном», быка и запряженного верблюда. В другой – в горизонтальную линию следуют друг за другом олень, стреноженный верблюд и козел. Такое прочтение, вероятно, было близко и последующим племенам и на скальной плоскости дополнительно выбили рисунки козлов стилистики эпохи раннего железа (рис. 5, *4*). Отличительным признаком козлов этой эпохи служит также скифо-сибирский звериный стиль, в традициях которого выполнен ряд изображений животных на следующей скальной гряде, уже покрытой множественными рисунками козлов эпохи бронзы.

Наскальные рисунки раннего железного века, как правило, показаны на отдельных плоскостях скал. Такова сцена с конными лучниками (рис. 6, *1*), один из которых стреляет впереди стоящего козла. Рисунок козла кажется намного больше конного лучника, так как его тельце, конечности и рог выполнены плотной выбивкой. Конь же под всадником почти схематичный: по одной от пары ног, расширение копыт, хвост заканчивается утолщенной кистью, сверху над линией шеи показана грива выбитой косицей в виде жгута.

Рис. 5. Многослойные многофигурные композиции в петроглифах долины ручья Багыл в горах Хантау

Лучник также схематичен: длинные нитеобразные корпус туловища, руки, ноги с оттопыренными пальцами. Венчает образ довольно крупная голова. Рука, натягивающая тетиву, в петлевидный оборот отведена назад. Стрела остро заточена с большим наконечником. Другой конный лучник на этой же скале еще более схематичен.

Следующий сюжет с пешим лучником отмечен в сцене охоты на козла, но уже с собакой. Хищник имеет мощное тело, с шерстью, стоящей на загривке (выполнено резкими неровностями по линии шеи), уши прижаты к голове, крупная морда, длинный хвост спускается книзу. Рисунок объекта охоты выполнен в следующем виде – маленькая голова и круторогость передают образ архара. Сам же охотник исполнен с тщательной проработкой деталей. Корпус тела показан в развороте, когда одна рука заведена назад, другая удерживает стрелу, показаны сгибы пальцев рук. Ноги изображены расставленными таким образом, что видно, как лучник принял ими упор. Голова не имеет шарообразной округленности, возможно, художник стремился передать пластичный абрис лица. Сзади от жгута сверху головы как бы свисает кисточка, она прочерчена тонкой линией вниз. Лук большой, сложносоставной. В целом в сцене заключено некое изящество, с которым выполнена каждая в ней фигура.

В то же время другая сцена с животными упрощена до минимализма (рис. 6, *5*). Тоненькими линиями выбиты козлики, их красоту создают разнонаправленные линии ног (выпрямленные, подогнутые, вогнутые) и рогов высоко, низко, закругленно опускающихся к телу. Ниже две сюжетообразующие фигуры волка и оленя также переданы чуть намеченными характерными штрихами: у оленя длинное тело, короткий хвостик, едва заметные линии рогов; у волка – длинный хвост «трубой», крупная морда опущена книзу, торчащие уши. Сцена преследования хищником травоядного доведена до схематизма. Возможно, в этом заключалось мастерство художника эпохи раннего железа.

В других отдельных рисунках животных этой эпохи, в основном козлов, отражались умение и наблюдательность в передачи их своеобразия. С необычно длинными телом и ногами, но коротковатыми рогами отмечен в урочище Багыл рисунок короткомордого козла (рис. 6, *3*). С отвисающей шерстью, филигранными копытцами и небольшими рогами в проекции передан образ другого (рис. 6, *4*). По две пары ног и рогами, завершающимися объемной формой, выполненной штрихами, отличен следующий рисунок (рис. 6, *6*). Такое многообразие изображений этого животного может свидетельствовать о большом количестве и мастеров, исполнявших рисунки на скалах.

Набор основных сюжетов древнего наскального искусства урочища Багыл характерен для скоплений петроглифов степных районов Жетысу, а также Центрального и Южного Казахстана. Структурная организация данного комплекса сопоставима с небольшими «святилищами» типа Шокпар, Кызылкора, Киндыктас, Аккайнар, устроенными при семейно-родовых стоянках, что характерно как для региона Шу-Илейских гор, так и петроглифических комплексов других районов Жетысу [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 61–64]. Изображения животных и ведущие сюжеты в характерных

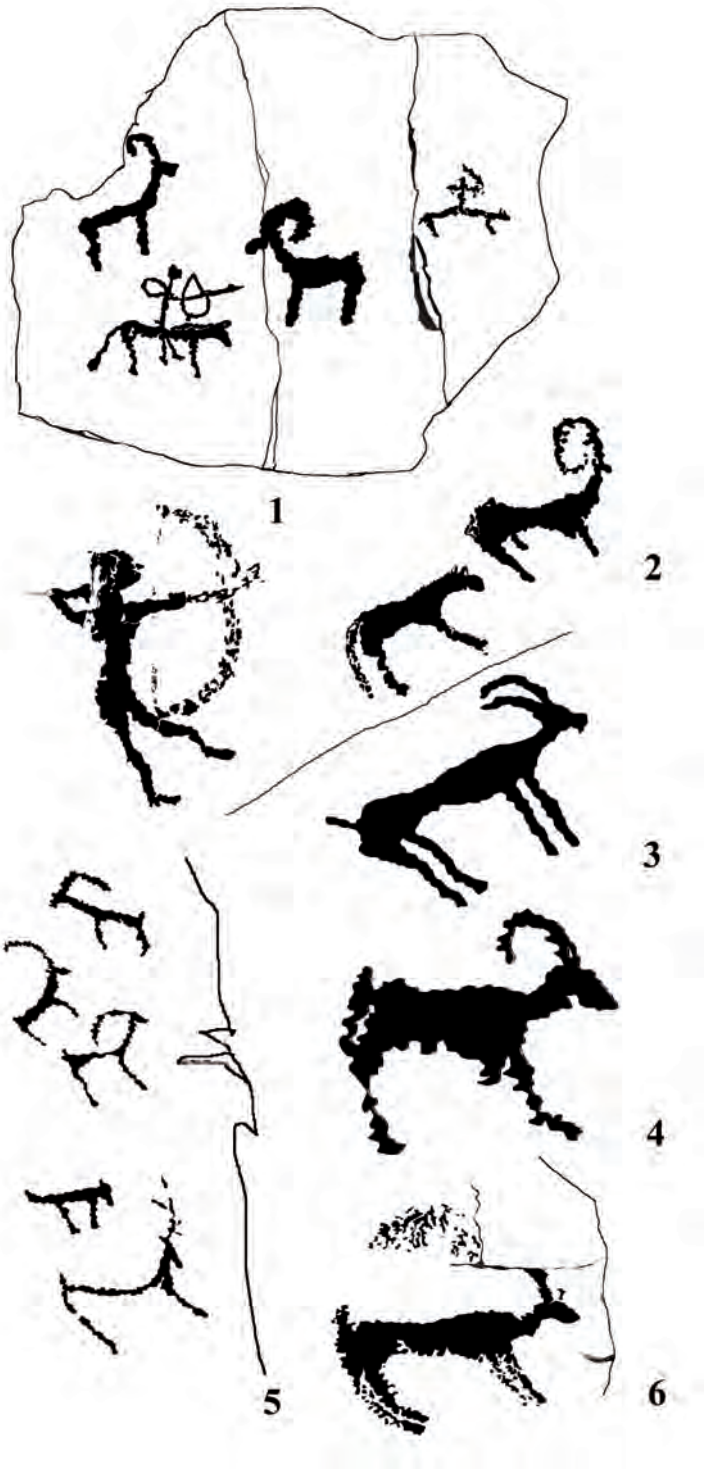

Рис. 6. Петроглифы раннего железного века долины ручья Багыл в горах Хантау

традициях бронзового и раннего железного века, отмеченные в настоящем комплексе, дают основание полагать, что этнокультурные связи древнего населения степных районов Жетысу были наиболее тесными с жителями Сарыарки и Каратау. Представленные в петроглифах урочища Багыл верховьев реки Котыр в Хантау художественные традиции обусловлены развитием транспортных коммуникаций древнего населения региона.

Литература

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Credo, 2008. 200 с.

Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 180-191.

Воякин Д.А., Горячев А.А., Ильин Р.В., Дуйсебаева Т.Н. Археологические комплексы эпохи палеометалла в горах Хантау // XI Оразбаевские чтения по теме «Семь граней Великой Степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии»: матер. междунар. науч.-метод. конф. Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 126-132.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Художественное своеобразие и семантический анализ образов «солнцеголовых» эпохи бронзы урочища Тамгалы в свете материалов письменной и изобразительной традиций древних цивилизаций // История и археология Семиречья. Алматы: Фонд «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 27-47.

Горячев А.А., Ильин Р.В. Итоги археологической разведки памятников эпохи палеометалла и раннего железного века в горах Киндыктас // Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 18 сентября 2019 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 150-164.

Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А. Егорова К.А. Петроглифы северо-западных склонов хребта Киндыктас // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2014. № 5 (297). С. 3-15.

Горячев А.А., Сараев В.В. Древние археологические комплексы южной части гор Хантау // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 45-50.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977. 229 с.: ил.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Петроглифы хребта Каратау: 2-е изд. Алматы, 2007. 147 с.

Ковтун И.В. Андроновский могильник Кожа-Бала // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Никалс, 1999. С. 27-31.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Издание второе. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.

Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.

Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С. 211-216.

Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 175 с.

Новоженов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002. 125 с.: ил.

Флиттнер Н.Д., Блэк В.Б. Искусство Древнего Востока // История искусства зарубежных стран: первобытное общество, Древний Восток, античность. Изд. 4-е, доп. М.: Изобразительное искусство, 1981. С. 31-90.

С. С. Мургабаев, Л. Д. Малдыбекова

ҚАРАТАУДЫҢ ЖАҢА ПЕТРОГЛИФТЕРІ: ҚАРАҚУЫС II ПЕТРОГЛИФТЕРІ

Мақалада Қаратау жотасының теріскейіндегі ең биік нүктелердің бірі Бессаз маңында орналасқан Қарақуыс II петроглифтері жайында баяндалады. Бұл нысан 2014-2016 жылдары анықталып, бірқатар зерттеу жұмыстары жүргізілді. Бұл нысандағы жартас суреттердің негізгі бөлігін қола дәуірінің, дәлірек айтсақ б.д.д. II м.ж. екінші жартысы мен ерте темір кезеңінің бейнелері құрайды. Петроглифтердің төменгі мерзімдік көрсеткішін анықтауда бұл жерде кездесетін қос дөңгелекті арбаларды негізге алып отырмыз. Сондай-ақ сақ дәуірінің ерте кезеңдеріне тән бейнелерді атап өтуге болады. Бұл ескерткіштің алдын ала жасалынған мерзімдік көрсеткіштері және ол келешектегі зерттеулер барысында өзгеруі мүмкін. Өйткені осы маңдағы Қарақуыс I петроглифтерінің бір бөлігі тас дәуірінің соңы – неолит дәуірімен мерзімделіп отыр.

Түйін сөздер: Қаратау, петроглиф, кезең, стиль, қола дәуірі, ерте темір дәуірі

Новые петроглифы Каратау: петроглифы Каракуыс II

В статье рассматриваются петроглифы Каракуыс II, расположенные на одной из самых высоких точек Каратау, близ вершины Бессаз (самая высокая точка хребта Каратау). Местонахождение было открыто и обследовано в 2014–2016 гг. Подавляющее большинство избражений датируется эпохой бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) присутствуют и петроглифы раннего железного века. При определении нижней хронологической рамки петроглифов мы брали за основание двухколесные колесницы. Стоит также упомянуть изображения, характерные для раннесакского периода. Это предварительные выводы и в ходе будущих исследований в датировку петроглифов могут быть внесены изменения. Так как некоторая часть петроглифов близлежащего местонахождения Каракуыс I датируется эпохой камня.

Ключевые слова: Каратау, петроглифы, период, эпоха бронзы, ранний железный век

New petroglyphs of Karatau: petroglyphs of Karakuys II

The article deals with the petroglyphs of Karakuys II, located on one of the highest points on the slopes of the Karatau ridge, near Bessaz. The location was discovered and surveyed in 2014–2016. The vast majority of displays date back to the Bronze Age, or rather the second half of the second millennium BC, and there are petroglyphs of the Early Iron Age. When determining the lower chronological frame of petroglyphs, we took two-wheeled chariots as the base. It is also worth mentioning images typical of the early Saka period. This

© **Сағынбай С. Мургабаев**, *әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Археология, этнология және музеология кафедрасы Алматы қ., Қазақстан;* saginbay@mail.ru
Ләззат Д. Малдыбекова, *Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Археология ғылыми-зерттеу институты Түркістан қ., Қазақстан*; liyzzat.maldibekova@ayu.edu.kz

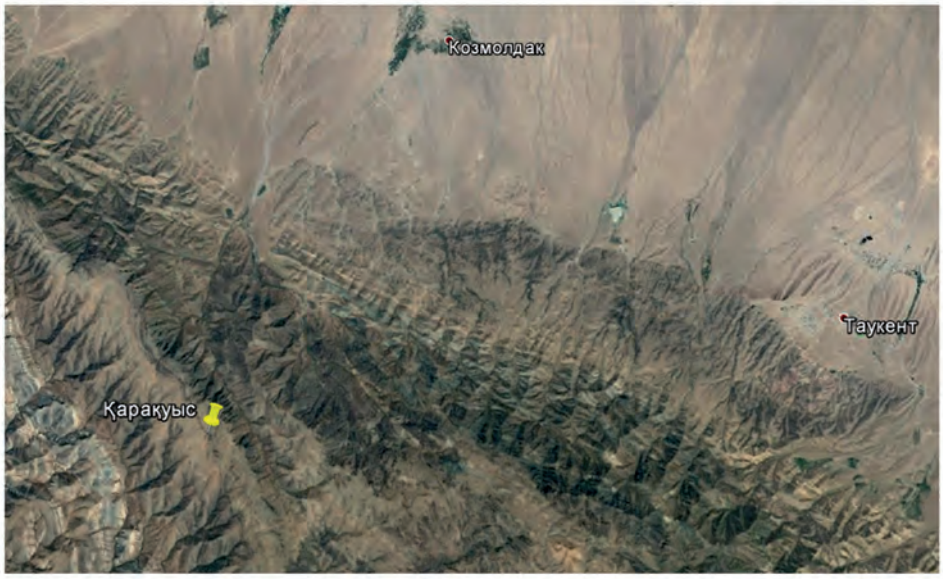
is a preliminary conclusion, and in the course of future research, changes may be made to the question of the age of petroglyphs, because some of the petroglyphs of the nearby location of Karakuys I date back to the final stage of the Paleolithic and Neolithic.

Keywords: petroglyph, Karatau, period, Bronze Age, Early Iron Age

Қаратаудың теріскейіндегі жартас суреттерін іздеу, барлау, зерттеу жұмыстарын жүргізу бірқатар ғылыми жобалардың аясында қазіргі таңға дейін жалғасып келуде. Бұл мақалада беріліп отырған Қарақуыс II петроглифтері 2014–2016 жылдары зерттеу жұмыстары жүргізілген Қарақуыс петроглифтерінен 700 м шығыста, Түркістан облысы Созақ ауданы Қозмолдақ ауылынан 12 км оңтүстік-батыстағы теңіз деңгейінен 1550–1600 биіктіктегі қыраттың оңтүстік беткейінде орналасқан (сур. 1, *1*). Бұл жердегі арналардың солтүстікке қараған көлеңкелі бөліктерінде қыстағы тапталған қар мен мұз маусым айының ортасына дейін, ал биіктеу бөліктерде шілденің ортасына дейін жата береді. Бұл жиынтықтың жартас суреттері тік беткейлі құлама жартастар арқылы теріскейге қарай ағатын Қарақуыс өзеніне оңтүстік-шығыстан келіп қосылатын қос арнаның бойын жағалай орналасқан, жартылай шалқасынан жатқан тегістіктер бетіне салынған (сур. 1, *2*). Бұл арналар негізінен теріскей бетте шілдеге дейін сақталатын қар суымен қоректенгенімен, жаздың ортасынан бастап сусыз құрғақ арнаға айналады. Суреттер салынған тегістіктердің бір бөлігі арнаның жағалауында немесе табанындағы тегістіктерге салынған. Сондықтан жауын-шашынды кезеңдерде суреттердің бір бөлігі су астында қалып қояды. Көктемгі, күзгі жаңбыр суы, майда тас аралас тасқын су сурет пен тегістік бетіндегі жалтыр қабыршақты шайып кетіп отырады. Ол өз кезегінде суреттердің сақталуына кері әсерін тигізеді. Сондай-ақ құмтас өзінің литологиялық ерекшеліктеріне байланысты тез мүжіліп, қабыршақтануға бейім.

Негізгі жиынтықтан бөлек бірқатар суреттерді тау шыңынан түсер жалғыз аяқ жолдың бойында және оңтүстік шығыста су мол кезде жиналатын көлшік маңындағы тік беткейлі тегістіктерге салынған. Сондай-ақ осы көлшік маңындағы жазықта тастан үйілген көлемдері шамамен 15–18 м болатын обалар да кездеседі. Дегенде бұл кешенде жартас суреттерінен басқа археологиялық ескерткіштердің ешқайсысында зерттеу жұмыстары жүргізілген жоқ.

Қарақуыс I петроглифтерінің бір бөлігінің мерзімдік көрсеткіштері тас дәуірінің соңғы кезеңдеріне, яғни неолит дәуіріне тән екендігін айтқан болатынбыз. Олар негізінен тік беткейлі тегістіктерде салынған сызба әдісімен орындалған зооморфты бейнелер мен жүздеген ойықтар және антропоморфты бет пішіндегі бейнелер, т.б. [Мургабаев, 2017, 36–40 бб.]. Жалпы Қарақуыс I–II петроглифтерінде ежелгі тұрғындармен алғашқыда осы Қарақуыс I нысаны игерілген. Оған I-ші нысанда үш құрғақ арна түйісетін жерде қысы-жазы құрғамайтын шағын бұлақтың бастауы негіз болған секілді. Уақыт өте келе айналасындағы басқа кеңістіктер игеріле бастаған болса керек. Қарақуыс II жартас суреттерінде Қарақуыс I нысанындағы тік беткейлі тегістіктерде жиі кездесетін ойықтарды жолықтыруға болады. Әйтсе де бұл

1

2

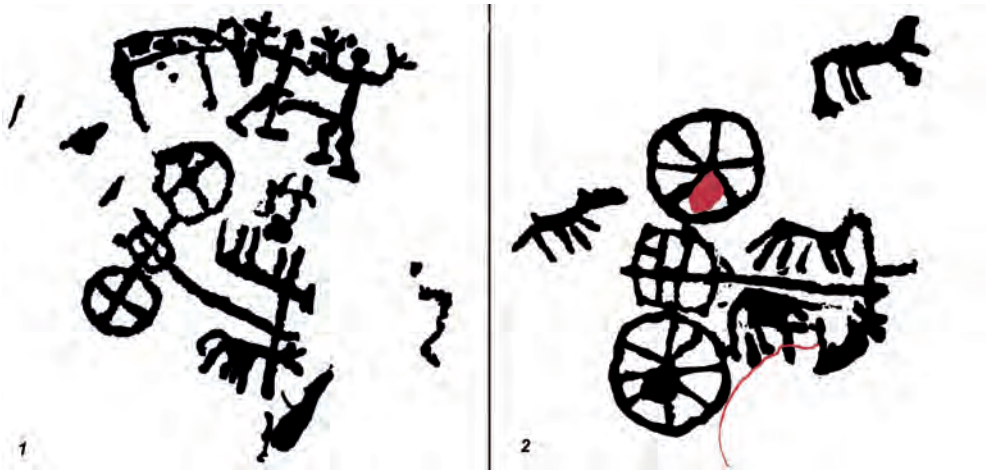
Сур. 1. Қарақуыс II: 1–2 – петроглифтері салынған жартастардың орналасуы

нысандағы ойықтардың көлемдері алғашқыларына қарағанда кішілеу болып келеді. Ол шағын ойықтарды бірнеше жерде арба дөңгелектерінің ортасы ретінде пайдаланған. Тегістік бетіне салынған арбалардың дөңгелектерінің ортасындағы шағын ойықтар бұл суреттер салынғанға дейін пайда болғандығын анық байқалады (сур. 2). Ондай шағын ойықтарды тегістіктің басқа бөліктерінен де жолықтыруға болады.

Сур. 2. Қарақуыс II. Арбалар бейнеленген көпбейнелі композиция

Бейнелер арасында ерекше қызығушылық тудырып отырған арба бейнелері болып отыр. Олардың құрылымы, жегу әдісі және жартас суреттерінде сирек кездесетін егжей-тегжейлі көрсетілген жегу құралы болып отыр. Бұл жердегі анықталған арбалардың барлығы екі дөңгелекті, жалғыз оқтықпен кескінделген (сур. 2–4; 9). Дөңгелектің шыбықтар саны әркелкі. Мысалыға бір тегістіктегі үш арбаның екеуінде 4 шыбықтан, ал біреуінде 8 шыбық көрсетілген. Арбаның адам тұруға арналған алаңдары – төртбұрышты, бұрыштары доғалданып келген, ортасы төртке бөлінген. Оқтығы жалғыз және көп жағдайда оқтықтың арбаға бекітілер жері аша тәріздес қосалқы бөліктермен күшейтілген. Барлық жағдайда қос жануарға жегуге арналған оқтыққа көлденең таяқшамен және бір жерде жануар мойнына кигізуге арналған, басы төмен қараған «мойындық» немесе «қамыт» ретінде пайдаланылған аша өте жақсы көрсетілген (сур. 2). Суреттері арасында арбаны жануарға жегудің және бір нұсқасы көрсетілген тәрізді. Оның жасалу әдісінде негізгі оқтықтың бас жағында бір көлденең таяқшаға бекітілетін қамыттың орнына, оқтықтың екі жағынан (бірі астынан, бірі үстінен) параллельді таяқша бекітілген, яғни жегілген жануардың мойыны тікелей осы екі таяқшаның ортасында орналасқан тәрізді (сур. 4). Арбаның соңында көрсетілген адам бейнелерімен қатар арба үстінде тұрған қалыпта кескінделген адам бейнесі де

Сур. 3. Қарақуыс II: 1–2 – қос дөңгелекті арбалар

Сур. 4. Қарақуыс II. Қос дөңгелекті арба

кездеседі (сур. 2). Бұл жерде суретші (арба үстінде жылқы тізгінін тартып, тік тұрған адам бейнесі, қолында ешқандай қару көрсетілмегендігіне қарамастан) Арпаөзендегі сияқты соғыс арбаларын көрсеткісі келген тәрізді. Бұған арбаның жүк тасымалдауға арналған арбаларға қарағанда жүк «алаңының» көлемі өте шағын екендігі қосалқы дәлел бола алады.

Бейнелер арасында жұптасып, кейде топтасып ғұрыптық би билеу сәті кескінделген антропоморфтылардың көлемді көріністері кездеседі. Олар

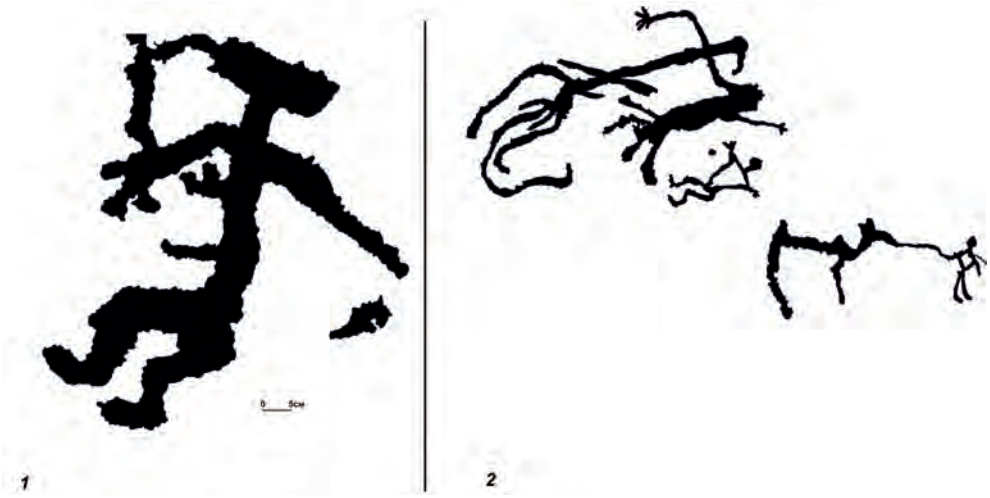
жоғарыда сипатталған арбалар бейнеленген тегістіктің әр бөлігінде қатар тұрып, кейде жұптасып, кейде топ болып, қол ұстасып немесе қолдарын жоғары көтеріп, тізелерін аздап бүккен қалыпта кескінделген (сур. 2). Кейде жекелеген немесе бірнеше топ арасындағы қарулы қақтығыстарды да көруімізге болады (сур. 5). Көпбейнелі осындай көріністің бірінде жақын қашықтықтан соғысу қаруы ретінде барлығында шоқпар кескінделгенімен, орта тұстағы антропоморфтының бірінің қолында тік балдақты (перекрестие) ұзын қылыш іспеттес қару көрсетілген (сур. 5). Ол аталмыш аудан мен іргелес аймақтарда қола дәуірінде сирек кездесетін көрініс. Дегенмен ұзын қылыш түрлері қола дәуірінде кездеседі.

Антропоморфты бейнелер арасында басы төртбұрышты етіп салынған (мүмкін бетперде киген) (сур. 6, *1*) және ұзын құйрықты, бүркіт тұмсығы тәріздес ілмек тұмсықты антропоморфты бейнелер кездеседі (сур. 6, *2*). Соңғы көріністе тізелері аздап бүгілген, кеудесінің пішіні үшбұрышты, контурлы етіп салынған бейне кескінделген. Оң жақ төменгі бөлікте кеудесінің пішіні ромб тәрізді, түйе жетектеген екінші бейне салынған.

Бұл нысанның бейнелері арасында бір тегістікті бірнеше рет пайдаланған палимпсесті бейнелер мен көріністерді байқауға болады. Жоғарыда айтқанымыздай Қарақуыс II нысанында бейнелердің негізгі бөлігі көп жағдайда қола дәуірінен бастап ерте темір дәуірімен бейнелерімен шектеледі. Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан аймақтарында бірқатар жартас суреттерінде кездесетін пішіні жылқыға ұқсас, жарты ай тәріздес мүйіздері шеңбер ретінде

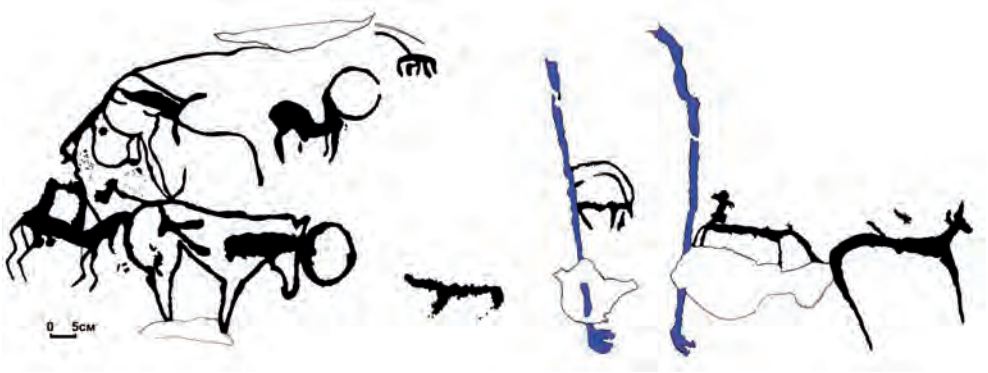
Сур. 5. Қарақуыс II. Зооморфты бейнелер мен қарулы қақтығыс бейнеленген көпбейнелі көрініс

Сур. 6. Қарақуыс II: 1–2 – антропоморфты бейнелер

бірігіп кеткен, қарны тартыңқы «бұқа» бейнелері бірнеше жерде кездеседі. Бұл бейнелер мүйіз таққан жылқы бейнесі болуы да ықтимал (сур. 7; 8). Сонымен қатар еліміздің Шығыс аймақтары мен Алтайдың жартас суреттерінде көптеп кездесетін «бұғытас» мәнерінде орындалған бейнелерді айтуымызға болады (сур. 8; 9). Осындай бір тегістік бетінде қола дәуірінің екі дөңгелекті арба бейнесінің үстіне бұғы бейнесі салынып кеткен (сур. 9). Бұл ерекшелік те жартас суреттерінің тегістік бетінде пайда болу кезектілігінің айғағы.

Негізгі жиынтықтан солтүстікте тау шыңының түсетін соқпақ жолдың бойында ерте темір кезеңінің классикалық үлгіде орындалған тау теке (сур. 10*, 2*) мен адам жетектеген түйе бейнесі кескінделген (сур. 10*, 1*). Тау текенің жауырын тұсы тамшы іспеттес етіп, үлкен көздері маңдайының үстіңгі бөлігіне жақын орналасқан, басын теріс қарай бұрып тұрған қалыпта кескінделген.

Сур. 7. Қарақуыс II. Зооморфты бейнелер

Түйе бейнесінің де қарны тартыңқы, мойнын төмен салбыратып, басын жоғары көтерген қалыпта, дене бітіміндегі барлық ерекшеліктер өте ұқыпты орындалған. Бұл бейненің де көздері әдеттегіден үлкен, шеңбер түрінде, ал ауыз қуысы тамшы іспеттес. Сурет толық қашалып берілген және көзі мен аузы барельефті етіп қалдырылған. Түйе жетектеген адамның да бет пішінінде – еріндері, көздері осындай барельефті етіп көрсетілген (сур. 10, *1*). Жалпы жартас суреттерінде адамның бет пішінін бұлай етіп салу өте сирек кездеседі.

Сур. 8. Қарақуыс II. Беткі жағына бұғы бейнесі кескінделген палимпсесті тегістік

Қарақуыс II нысанында ортағасырлық немесе қазақтың этнографиялық кезеңінің суреттері өте кем. Дегенмен сирек те болса кей жерлерде ақшыл түсті тотығы төмен бір әркелкі бейнелер мен араб әліпбиімен жазылған жазбаларды да кездестіреміз. Бұл нысандағы жартас суреттерінің басым бөлігі кейінгі кездердің жазба-сызбаларымен бұзылмай сақталып қалуына оның өте биік, етектен көтерілуге қиын жерде орналасуы оң ықпалын тигізген тәрізді. Дегенмен бүлінген тегістіктер де кездеседі.

Қарақуыс II петроглифтерін мерзімдеу мәселесі. Қола дәуірінің бейнелері. Үлкен Қаратау жотасының жартас суреттерінің басым бөлігін қола дәуірінің бейнелері мен көріністері құрайды. Жалпы бұл ерекшелік Қазақстанның көпшілік аудандарына тән құбылыс деп айтуға болады. Бұл кезеңнің бейнелеріндегі негізгі кейіпкер ретінде зооморфты образдардың арасынан бұқа-турлар, жылқылар сондай-ақ алғашқы көлік түрлері – екі-, төрт дөңгелекті арбалар мен қатар адам образы алғашқы орынға шығады.

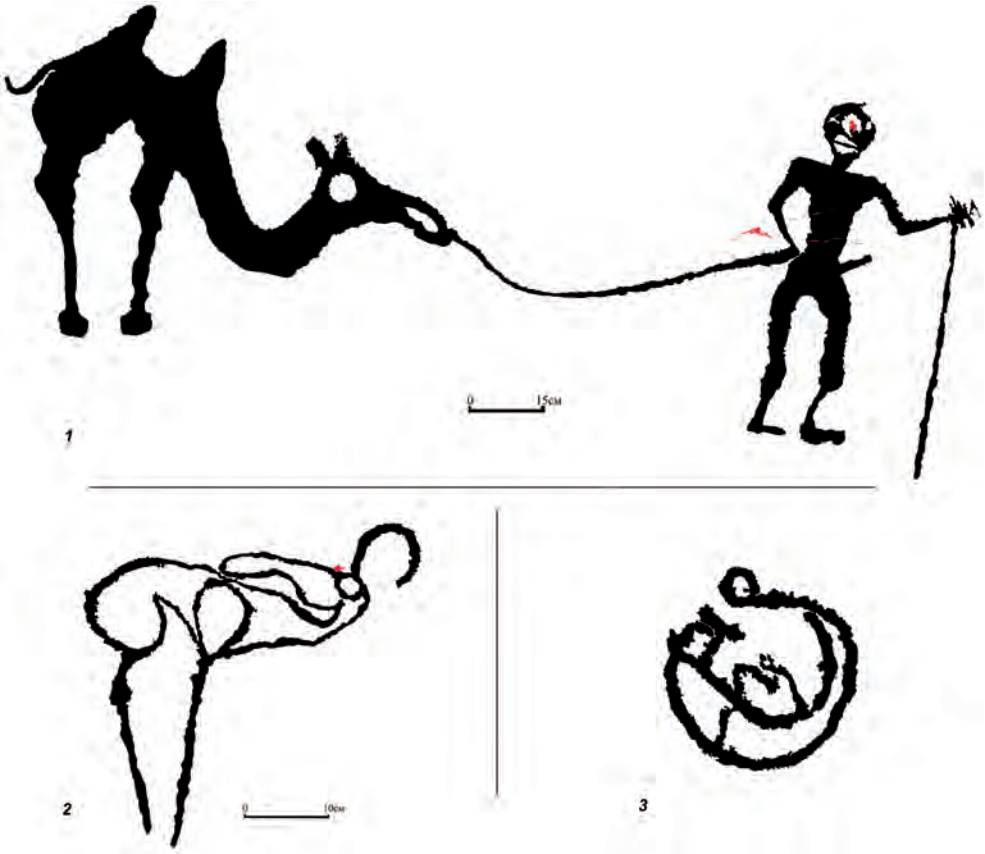

Сур. 9. Қарақуыс II. Беткі жағына бұғы бейнесі кескінделген палимпсесті тегістік

Я.А. Шер жартас суреттеріндегі арбалардың құрылымына, оларға жегілген жануарларға, кескінделу ерекшелігіне қарап, екі түрге бөліп қарастырған [Шер, 1980, с. 202–205, табл. XI–XII]. Кейінгі жылдары анықталған Үлкен Қаратау петроглифтеріндегі арбалардың құрылымы мен оларға жегілген жануарлардың түрінің жоғарыдағы Я.А. Шер көрсеткен тұжырымдарымен сәйкестіктері көп.

П.М. Кожин таяушығыстық материалдарға жүгіне отырып дөңгелектердегі дәнекерлер (шыбықтар) саны б.д.д. II мыңж. екінші жартысында төртеуден сегізге дейін жеткен. Шыбықтар санының одан ары көбеюі б.д.д. I мыңж. сәйкес келеді, әсіресе оның орта кезеңіне [Кожин, 1968, с. 35–42]. М.К. Қадырбаев, А.Н. Марьяшев та осы пікірді қолдай отырып қаратаулық арбалардың жасын II мыңж. соңы мен I мыңж. басы деп мерзімдейді [Кадырбаев, Марьяшев, 1973, с. 140–142]. Дегенмен шыбықтың саны ешқандай шешуші рол атқармайтындығын айта кету керек, өйткені кейде жартастағы суреттерде бір арбаның өзінде дөңгелектеріндегі шыбықтар саны әркелкі болуы мүмкін.

Қарақуыс II жартас суреттерінің арасында жалпы саны 7 арба кездесіп отыр. Олардың барлығы екі дөңгелекті арбалар. Олардың дөңгелектері екеуінде сегіз шыбықтан, ал қалғандары төрт бөліктен не төрт шыбықпен көрсетілген. Жоғарыда айтылғандай олар шыбықтар санына қарамастан бірнешеуі бір тегістік бетінде салынған және ешқандай палимпсест байқалмайды (сур. 2). Олардың бірінің соңында екі адам жүріп келе жатса, тағы бірінде арба үстінде

Сур. 10. Қарақуыс I–II: 1 – түйе жетектеген адам;2 – тау теке; 3 – шеңбер түрінде салынған жыртқыш бейнесі

тігінен тұрған адам бейнеленген. Соңғы жағдайда Арпаөзендегі сияқты соғыс арбасы бейнеленген сияқты.

Қорыта келгенде бұл Қарақуыс II петроглифтеріндегі арбалар мен ұрыптық би мерзімдік көрсеткіші М.К. Қадырбаев пен А.Н. Марьяшевтың материалдары бойынша мерзімдеу көрсеткішіне сәйкес келеді – б.д.д. II мыңж. ортасы мен II мыңж. соңы деп атап көрсетуге болады.

Ерте темір кезеңінің бейнелері. Жартас суреттерін зерттеуші Қазақстандық ғалымдар арасында аң стилінің пайда болу орталықтары туралы біркелкі пікір жоқ. Мысалыға А.Н. Марьяшев, А.А. Горячевтердің пікірінше – енді ғана қалыптасқан көшпенділер мәдениетінде өзіне тән бейнелеу құралы (үрдісі) болмағандықтан, олар таяушығыстық мәдениеттердің бейнелеу үрдісін пайдаланды. Оған дейінгі мәдениеттердегі антропоморфты образдар көшпенді халықтың түсінік жүйесіне сәйкес келмегендіктен, олар жойыла бастады. Жетекші орынды зооморфты образдар иемденген жаңа иконография пайда болған [Марьяшев, Горячев, 1998, с. 53]. М.К. Қадырбаев, А.Н. Марьяшевтың еңбектерінде ерте көшпенділер кезеңінің бейнелерін шартты түрде «бұғы

кезеңі» деп атап өткен. Қаратау жотасының сақтар кезеңіне тән жартас суреттерінің арасында бұғы бейнесінің жиі кездесуін зерттеушілер бұл образдың сақ дәуірінде және одан кейінгі кезеңдерде бұқа-турлар образын ығыстырып, жартас суреттері арасында негізгі орынға ие болуы Монголия мен Алтайдан жаңа тұрғындардың келуімен байланыстырады [Кадырбаев, 1977, с. 187]. Жыңғылшық петроглифтеріндегі бұғытас үлгісіндегі «құс тұмсықты» бұғыларды мерзімдеу барысында б.д.д. II мыңж. соңы мен I мыңж. басында осы бейнелеу үрдісін ұстанушы этникалық топтардың Орталық Азия далалық аймақтарынан жылжу бағыттарын көрсетеді деген пікірді З. Самашев атап өткен болатын [Самашев, 1992, с. 203]. Жоғарыдағы пікірлерді толық қолдай отырып, ол ықпал бұл аймаққа тек қана өзіне тән бейнелерді ғана емес, бейнелеудің жаңа үлгісін алып келді деуге болады.

Әйтсе де, Шығыстан келген «бұғы образынан» бөлек Қаратаудың жергілікті тұрғындарының арасында өз бастауын қола дәуірінен алып, сабақтастықты жалғастыра отырып үздіксіз дамып отырған «ойсыл қара» стилінің болғандығын айтқымыз келеді [Мургабаев, 2010, 58–63 бб.].

Осы кезеңге тән жартас суреттері мен қолданбалы өнер бұйымдарының қатарында кейбір мамандарға «аржан-майемерлік» деген атпен танымал бейнелеу үрдісінде жиі кездесетін бұғы бейнелерін де біз қарастырып отырған бейнелер арасынан кездестіруге болады. Алғашқыда олар Арпаөзен петроглифтерінде анықталған болатын, кейінгі зерттеулер барысында бейнелердің керемет үлгісін Қараүңгір II петроглифтерінен кездестіріп отырмыз (сур. 8; 9). Осы бұғылар бейнеленген тегістіктерде 2 жерде бұқа мүйізімен көрсетілген жылқы бейнелерін (?) кездестіруге болады (сур. 7; 8).

Бұл жануарлар екеуі де «жарты ай» тәріздес қос мүйізбен кескінделген. Дегенде құйрықтарының кескінделуі әркелкі. Бұл жердегі бейненің бірінде қысқа құйрықты, екіншісінде жануардың құйрығы салынған бөлігі сынып қалған. Ал енді осы Қарақуысқа жақын, күнгей беттегі Қызылшың петроглифтерінде осындай бір тегістік бетіндегі композицияда олардың құйрығы ұзын және бір сызық ретінде кескінделген, яғни барлық пішіні жылқыға ұқсас болғанымен құйрығы жылқыға тән емес [Мургабаев 2008, 258–266 бб.]. Ал, Талас жазығындағы Үр-Марал петроглифтерінде кездесетін екі бейнеде де олардың құйрығы қысқа, ұшы шар іспеттес [Шер, 1980, с. 99, 246]. Бұл бейнелердің жартас суреттеріндегі баламасын сондай-ақ Жетісудағы Тамғалы петроглифтерінен [Максимова и др., 1985, с. 53, 63, рис. 28, 38], Ешкіөлмес петроглифтерінде [Самашев и др., 2011, с. 242, рис. 185], Хантаудағы Теректі жартас суреттерінен көреміз [Tashbaeva et al., 2001, p. 162, fig. 21, p. 174]. Қарақуыс II жартас суреттеріндегі тегістіктердегі палимпсесті бейнелердің кезектілігіне қарағанда бұл «мүйізді жылқылар» бұғы бейнелерінен ертерек пайда болғандығын көріп отырмыз. Әйтсе де мерзімдік көрсеткіштерінде арақашықтық айтарлықтай үлкен болуы керек.

Осы кезеңнің бейнелеу өнерінде (жартас суреттерінде, қолданбалы өнерінде) аң стилімен қоса жануарлардың (жыртқыштардың, құстардың) көзін, құлақ, ауыз, жауырындарын «тамшы», «үтір», «жапырақ» тәріздес етіп

кескіндеу кеңінен таралған [Шер, 1998, с. 218–230]. Мысалы Қарақуыс II петроглифтерінде бірнеше жерде кездесетін тау ешкі бейнелерін алып қарасақ, аяқтарының ұштарымен қандай да бір тұғыр үстінде тұрған тәріздес етіп кескінделген (сур. 10*, 2*). Тағы бір көрініс жетектегі түйе бейнесінде осындай ерекшеліктерді байқаймыз (сур. 10*, 1)*. Олардың кескінделу ерекшеліктері Қаратаудан солтүстіктегі Тасмола мәдениетінен, Сырдың төменгі ағысындағы Үйғарақ пен Түгіскен ескерткіштеріндегі, сондай-ақ Жетісудағы Жалаулы көмбесі, Есік обасы, Шығыс Қазақстандағы Шілікті, Елеке сазы т.б. сияқты ерте сақ дәуірінің ескерткіштеріне тән көптеген заттай бұйымдардан тікелей баламаларын мысалға келтіруге болады [Самашев и др., 2004, с. 176]. Жартас суреттеріндегі сақ дәуіріне тән ерекше әрі сирек бейнелердің қатарында шеңбер ретінде ширатылып салынған жыртқыш бейнесі Қарақуыс I петроглифтерінде кездеседі (сур. 10*, 3*). Жалпы алдағы уақытта бұл нысандарда кешенді зерттеу жұмыстарын жүргізуді жоспарлап отырмыз.

Әдебиет

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 128-145.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.

Кожин П.М. Гобийская квадрига // СА. 1968. № 3. С. 35-42.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: «Өнер», 1985. 144 с.

Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд 21 век, 1998. 206 с.

Мургабаев С.С. Үлкен Қаратау петроглифтеріндегі ерте темір кезеңінің бейнелері // Қазақ даласының көшпенділері: Еуразиядағы скиф-сақ кезеңіндегі этноәлеуметтік-мәдени үрдістер мен қарым қатынастар (Астана қ., 13 декабрь 2008 ж.). Астана: издательская группа ПЦК РК, 2008. 258-266 бб.

Мургабаев С.С. Үлкен Қаратау жартас суреттеріндегі «ойсыл қара» стилі // «Қадырбаев оқулары - 2010»: II Халықаралық ғыл. Конф. материалдары (Ақтобе қ., 27–29 қазан 2010 ж.). Ақтөбе: Ақтөбе облыстық тарих, этнография және археология орталығы, 2010. 58-63 бб.

Мургабаев С.С. Үлкен Қаратау жотасының ежелгі жартас суреттері // «Түркістан аймағындағы археологиялық ескерткіштердің сабақтастығы» атты халықар. ғыл. конф. матер. Археология ғылыми-зерттеу институтының 20 жылдығына орай (Түркістан қ. 24 ақпан 2017 ж.). Түркістан: «Сейт», 2017. 36-40 бб.

Самашев З. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 288 с.

Самашев З., Толеубаев А., Джумабекова Г. Сокровища степных вождей. Алматы: ОФ «Берел», 2004. 176 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шер Я.А. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: «Ғылым», 1998. Вып. 2. С. 218-230.

Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z. Petroglyphs of Central Asia. Bishkek; Samarkand: International Institute for Central Asian Studies, 2001. 220 p.

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫНДАҒЫ АШЫЛЫМДАР

ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Б. А. Байтанаев, А. А. Бисембаев, А. И. Хаванский, К. А. Жамбулатов, А. Уразова

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТНЫХ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье излагаются предварительные результаты раскопок памятников элиты кочевников в Актюбинской области. Был раскопан курган 1 могильника Таскопа I высотой 3 м и диаметром 42 м. Он окружен рвом шириной от 2 до 5 м. Погребения были ограблены в древности. Остатки погребения сохранились в яме 1 диаметром 6,2 м, имеющей ступенчатую конструкцию и подбой в южной стенке. Глубина – 8,3 м от вершины кургана. Находки представлены многочисленными украшениями одежды и головного убора: золотыми нашивками и подвесками, некоторые имеют зооморфные очертания. Также найден среднеазиатский гончарный сосуд с ручкой. Широкие аналогии позволяют датировать этот комплекс IV–III вв. до н.э. и отнести к раннесарматской археологической культуре.

Ключевые слова: Западный Казахстан, ранние кочевники, элита, сарматы, золотые украшения

Ақтөбе облысындағы ерте көшпелілердің элиталық ескерткіштерін зерттеу

Мақалада ерте темір дәуіріндегі көшпелілердің элиталық ескерткіштеріне жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері беріледі. Диаметрі 42 м, биіктігі 3 метр Тасқопа I қорымындағы 1 обаға қазба жүргізілді. Оны ені 2-ден 5 метрге дейін жететін шұңқыр қоршап жатыр. Жерлеу орны ежелгі уақытта тоналған. Жерлеу қалдықтары 1-шұңқырда сақталған, оның диаметрі 6,2 м, сатылы құрылымды және ақым оңтүстік қабырғада. Обаның үстінен есептегенде тереңдігі 8,3 м. Табылған заттарды киім мен бас киімнің көптеген әшекейлері құрайды: алтыннан жасалған жапсырмалар

© **Бауыржан А. Байтанаев,** *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* baytanaev@mail.ru
Арман А. Бисембаев, *Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан;* abissembaev@mail.ru
Алексей И. Хаванский, *Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан*; arkaim01@yandex.ru
Кайрат А. Жамбулатов, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* kairo_88@inbox.ru
Асель Уразова, *Актюбинский областной историко-краеведческий музей, г. Актобе, Казахстан;* urazova-asel@mail.ru

мен салпыншақтар, кейбіреулерінің зооморфты кескіндері бар. Сондай-ақ, тұтқасы бар ортаазиялық қыш ыдыс табылды. Бұл кешенді б.д.д. IV–III ғ.ғ. мерзімдеп, ерте сарматтық археологиялық мәдениетке жатқызуға болады.

Түйін сөздер: Батыс Қазақстан, ерте көшпенділер, элита, сарматтар, алтын әшекейлер

The study of elite monuments of early nomads in the Aktobe region

The article presents the results of excavations of monuments of the elite nomads of the early Iron Age. Mound 1 of the Taskopa I burial ground was excavated, it was 3 meters high and 42 m in diameter. It was surrounded by a ditch, 2 to 5 meters wide. Burials were robbed in antiquity. The remains of the burial were preserved in pit 1. The pit had a diameter of 6.2 m, a stepped structure and a lining in the south wall. Depth - 8.3 m from the top of the mound. Numerous ornaments of clothes and a headdress represent the finds: gold stripes and pendants, some have zoomorphic outlines. Also there was found Central Asian pottery vessel with a handle. Wide analogies make it possible to date this complex from the 4 – 3 centuries BC and attributed to the early Sarmatian archaeological culture.

Keywords: Western Kazakhstan, early nomads, elite, Sarmatians, gold jewelry

В 2019 г. Актюбинской археологической экспедицией изучались элитные памятники ранних кочевников. В данной работе излагаются предварительные результаты исследования кургана 1 могильника Таскопа I.

Могильник Таскопа I находится в 1,15 км к СЗ от здания школы одноименного поселка (Темирский р-н, Актюбинская обл.).

Курган 1 располагался в восточной части могильника и являлся самым крупным из семи курганов. Насыпь полусферической формы. Размеры кургана: 42 м в диаметре и 3 м высотой. По периметру курган окружен рвом с внешним диаметром 50–54 м, шириной 2–5 м и глубиной 0,6–0,9 м (рис. 1; 2).

Насыпь вскрывалась тремя траншеями, ориентированными по линии С–Ю. Для фиксации стратиграфии между траншеями были оставлены две бровки шириной 1,5 м. За условный «0» была принята точка, находящаяся на самой возвышенной части кургана. Курган не симметричен: южный и западный склоны более пологие, чем северный и восточный, что связано с направлением ветров и характером грунта, из которого сложена насыпь (песок) (рис. 1; 2).

В ходе вскрытия насыпи в центральной части, начиная примерно от 0,7 м и глубже, встречались небольшие неопределимые обломки костей.

Стратиграфия одинакова для обеих бровок (рис. 3). Верхнюю часть профиля занимает дерн толщиной 5–10 см. Под ним находится слой светло-коричневого песка. Мощность этого слоя – от 0,2 до 2,0 м. В северной части профиля этот слой прорезан грабительской воронкой, заполненной продуктами заплыва: перемешанными и отдельно лежащими прослойками желтого и коричневого песка, серой супеси и темного гумуса. Грабительская воронка проходит через весь профиль. Там, где профиль не нарушен грабительским перекопом, под слоем светло-коричневого песка находится слой коричневого песка. По краям профиля находится слой коричневой глины в виде вала, который выполнял роль крепиды и предотвращал насыпь от разрушения. Под слоем коричневого песка залегает линза желтого песка – выкид из погребения 1.

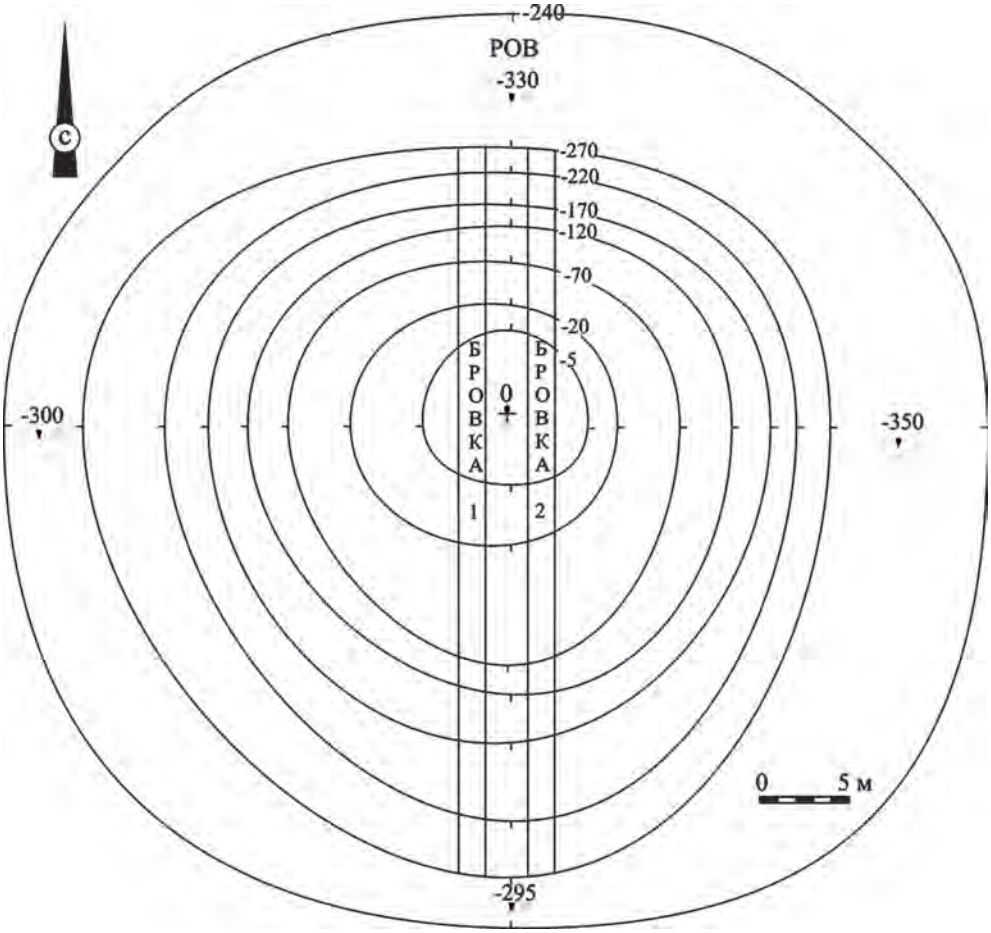

Рис. 1. Могильник Таскопа I, к. 1. Топографический план кургана

Со слоем коричневой глины к югу и северу располагается слой желтого песка, который представляет собой оплыв насыпи. В этом слое находится скопление камней, положенных горизонтально или под уклоном. Вероятно, это попытка избежать оплыва и зафиксировать грунт. Погребенная почва представлена гумусированным коричневым суглинком. Ниже находится материк – плотный желтый песок. Максимальная мощность напластований в профиле составила 2,70 м.

Возможно, насыпь сооружалась в несколько этапов, которые маркируются различным составом грунта.

Планиграфия кургана 1. На подкурганной площадке было выявлено три ямы, которые были расположены цепочкой, ориентированной по линии СЗ–ЮВ.

Яма 1 (рис. 2; 4) находилась практически в центре кургана. На уровне материка яма фиксировалась по округлому пятну, заполненному неоднородным

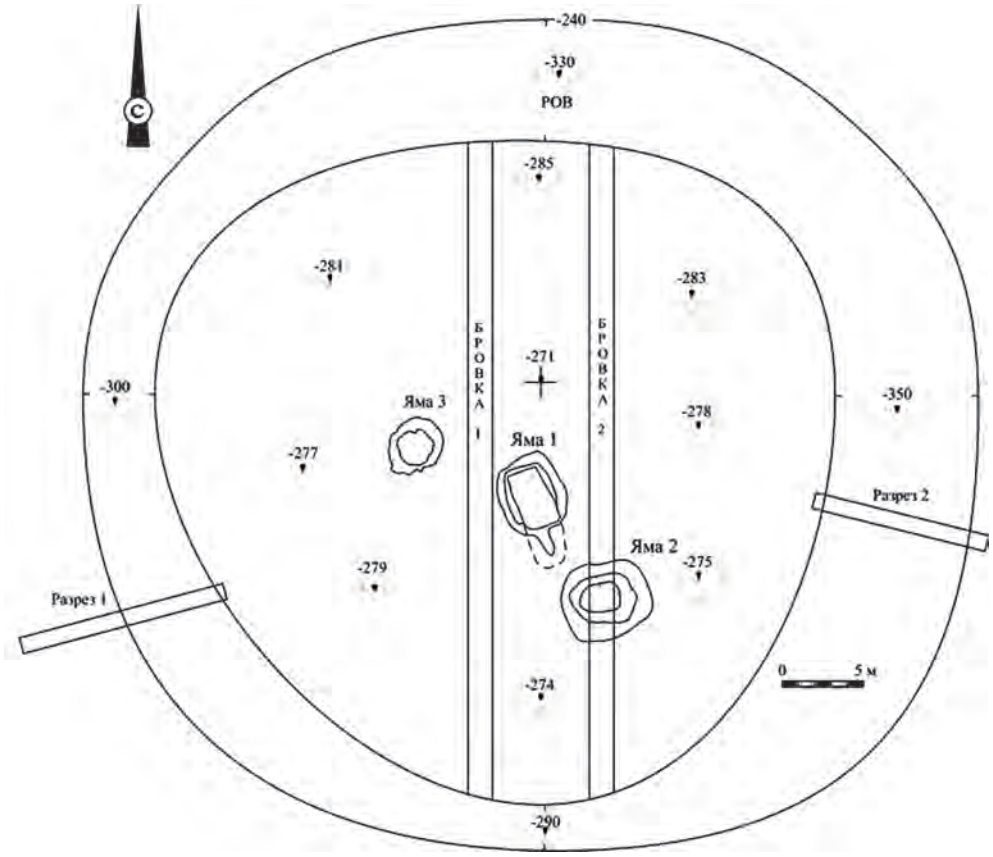

Рис. 2. Могильник Таскопа I, к. 1. Подкурганная площадка

грунтом. Поскольку яма была нарушена грабительским вкопом, ее форма реконструируется приблизительно. От уровня материка (-270 см) до отметки -550 см яма имела округлую форму. Диаметр составляет 6,2 м. С южной стороны располагалась небольшая канавка длиной около 1,5 м и шириной 0,7 м при максимальной глубине 14 см. Вряд ли это можно назвать дромосом, поскольку она имеет небольшие размеры.

В процессе выборки грунта из ямы на разных глубинах были выявлены разрозненные кости человека: фрагменты черепа, таза, длинных трубчатых костей.

На отметке -550 см яма приобретает подпрямоугольные очертания и размеры 2,2×3,2 м. Ориентировка по линии ЮВ–СЗ. С южной стороны ямы находился подбой с частично обвалившимся сводом. Ширина подбоя составляет 2 м, длина – 2,4 м. Дно могильной ямы выявлено на отметке -830 см от вершины кургана.

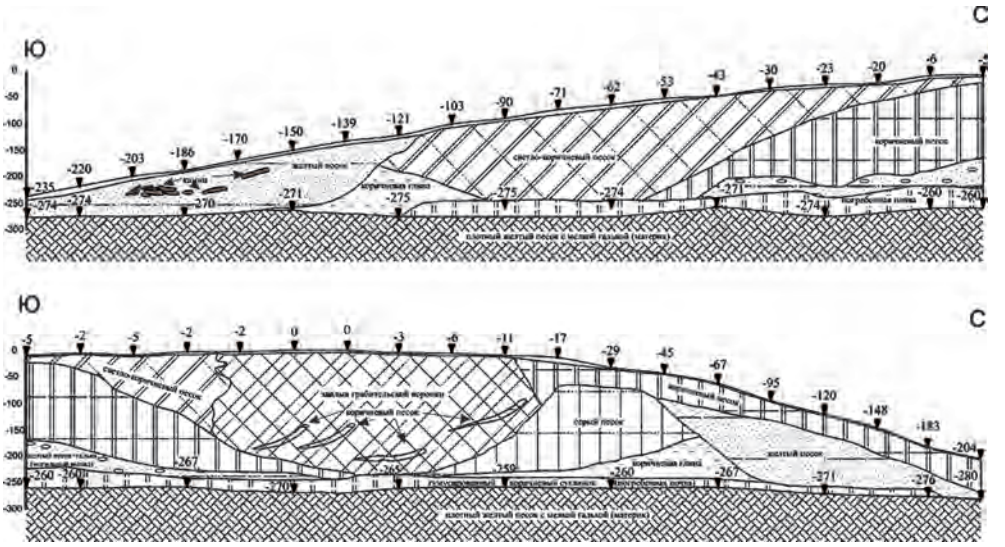

Рис. 3. Могильник Таскопа I, к. 1. Бровка 1, восточный фас

У дна подбоя, у восточной стенки находилось скопление разрозненных костей человека, на которые сверху был брошен сосуд. Это является результатом ограбления.

Таким образом, погребение было практически разрушено грабителями. Однако на дне в непотревоженном положении сохранились некоторые украшения, которые являлись принадлежностью костюма (рис. 5; 6). Данные скопления были взяты блоком и находятся на реставрации. Поэтому опишем находки, которые были выявлены вне скоплений.

Бронзовый наконечник стрелы найден на уровне погребенной почвы над погребением 1. Наконечник трехлопастной со скрытой втулкой и опущенными гранями. На втулке имеются два отверстия. Головка треугольная. Длина 3 см, ширина 0,9 см (рис. 7, *1*).

Бусы биконической формы сделаны из белого стекла. Диаметр 0,6 см, толщина 0,45 см (рис. 7, *2*).

Бусина округло-уплощенной формы черного цвета. Диаметр 0,7 см, толщина 0,6 см (рис. 7, *3*).

Подвески-колокольчики из металла желтого цвета. Все три имеют одни параметры и форму. В сечении колокольчики округлой формы, выполнены из цельного куска фольги, обернутые с нахлестом и спаянные между собой. От основания верха колокольчик постепенно расширяется к низу. Верхняя площадка уплощена, в центре припаяна петелька, сделанная из проволоки, свернутой в три оборота. Высота подвески 3,5 см, диаметр верхней площадки 0,9 см, диаметр нижней части - около 2 см (рис. 7, *4*).

Нашивные бляшки. Узор выполнен с применением простого вдавления по контуру круга. Края загнуты вовнутрь. Для их крепления к основе

использовались два отверстия. Диаметр 1,5 см (рис. 7, *5*).

Бляшки из металла желтого цвета (16 экз.) овально-сферической формы, полые внутри и с двумя отверстиями для крепления. Длина – 1,3 см, ширина – 0,7 см (рис. 7, *6*).

Бляшки ромбической формы с рельефным орнаментом, выполненным с помощью техники штамповки (12 экз.). По краям длинных сторон пробиты два отверстия для крепления. Длина – 2,2 см, ширина – 0,85 см (рис. 7, *7*).

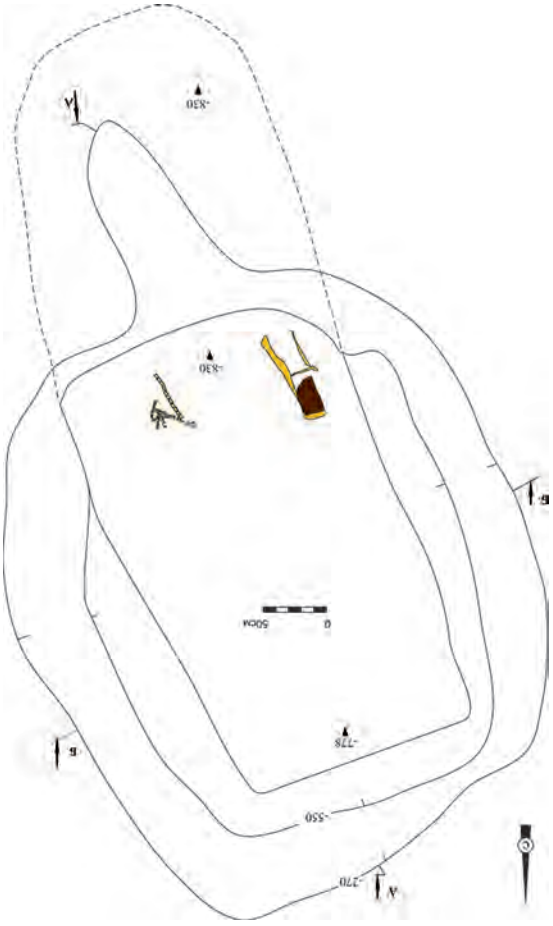

Рис. 4. Могильник Таскопа I, к. 1, яма 1

Зооморфные бляшки (6 – во фрагментах, 1 – целая) прямоугольной формы. В центре бляшек выдавлен округлый сферический умбон. По четырем углам бляшек вырезаны зооморфные изображения. От центра в две противоположные стороны направлены округло-вытянутые выступы. На них по кругу нанесены различного размера треугольные и четырехугольные вдавления, а в центральной части выступа расположено вдавление клиновидной или вытянутой каплевидной формы (рис. 7, *8*).

Фигурные орнаментированные бляшки (7 целых; на одной утерян боковой треугольный выступ и еще одна бляшка разорвана на две части). В центре композиции бляшек размещен округлый умбон, в свою очередь на нем нанесено дополнительное вдавление. От умбона в четыре направления отходят изогнутые лучи. Также с четырех сторон вырезаны дополнительные треугольники. По длинным краям пробиты отверстия для крепления. Длина 3,4 см, ширина 2 см (рис. 8, *1*).

Пронизи (93 экз.). Трубчатые цилиндрические пронизи. Длина и диаметр у всех разные. Длина варьирует от 0,7 до 1,4 см (рис. 8, *2*).

Спирали из металла желтого цвета. Все предметы встречены в мелких фрагментах. Наиболее целыми можно считать лишь два. Спирали подставляют

Рис. 5. Могильник Таскопа I, к. 1, яма 1. Остатки элементов декора in situ

Рис. 6. Могильник Таскопа I, к. 1, яма 1. Элементы сопроводительного комплекса in situ

собой остатки сложного украшения, основой которого служил органический материал (дерево или кожа), вокруг которого были обернуты полоски золотой фольги (рис. 8, *3*).

Керамический сосуд горшковидной формы, среднеазиатский (?) с боковой ручкой, вытянутых пропорций. Под венчиком прочерчены три линии. Дно плоское. Высота 31,5 см, диаметр горла 15 см, дна – 13 см, тулова – 28 см (рис. 9).

Яма 2 (рис. 2). Находилась в юго-восточной части насыпи. Над ямой находился мощный заклад из камней. Камни уложены в два слоя и имеют размеры до 50 см в диаметре. Нарушений заклада нет. Яма ступенчатой конструкции. Первый уровень имеет форму пятиугольника со скругленными углами, диаметр около 5,2 м. На уровне -386 см яма становится округлой, диаметром 2,8 м. На уровне дна (-468 см) яма становится овальной в плане, длиной 2,1 м и шириной 1,3 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На разных уровнях в засыпи и на дне выявлены отдельные кости животных.

Поскольку заклад был не нарушен, то мы можем предположить, что имеем дело с ритуальным комплексом.

Яма 3 (рис. 2) находилась в северо-западной части насыпи. Яма полностью ограблена, а стенки нарушены. Верхняя часть

Рис. 7. Могильник Таскопа I, к. 1. Находки

округлая в плане, ее диаметр 3,25 м. В нижней части ямы находилась ступенька, идущая вдоль стенок. Здесь яма сужается до 2,3 м в диаметре. В засыпи встречались мелкие неопределенные фрагменты костей. Находки отсутствуют.

По причине разграбленности точно идентифицировать назначение ямы невозможно. Она могла быть ритуальной или содержать захоронение жертвенных животных. Не исключено ее погребальное назначение.

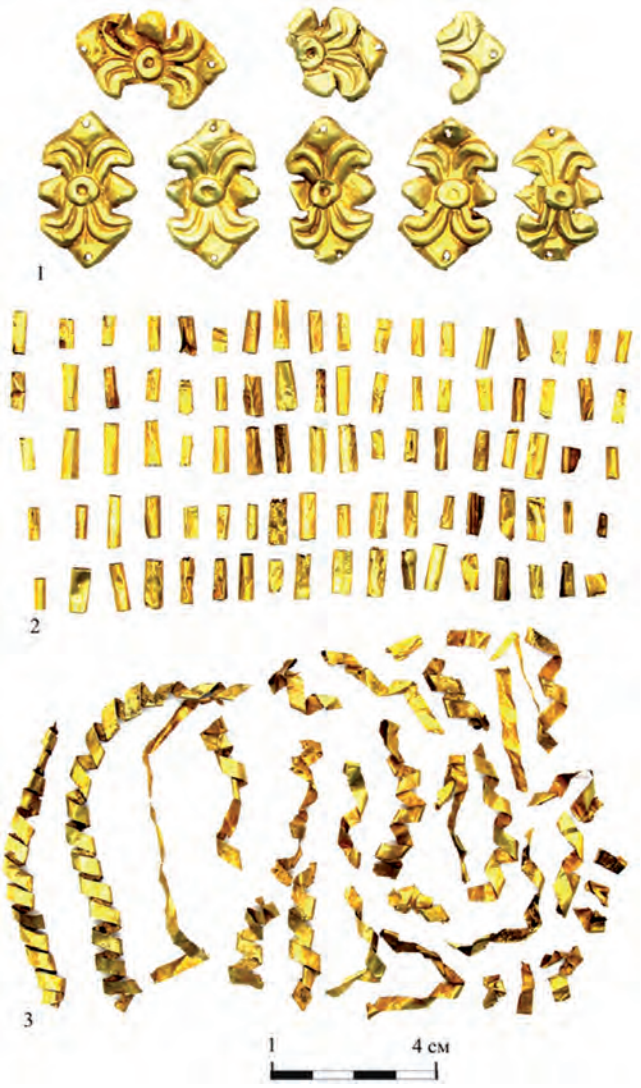

Рис. 8. Могильник Таскопа I, к. 1. Находки

Культурно-хронологическая атрибуция комплекса

Погребения в ямах 1 и, вероятно, 3 разграблены, а яма 2 представляет культовый комплекс или кенотаф. В связи с этим культурно-хронологическую атрибуцию можно провести только по предметам из погребения 1:

1. Золотые бляшки овально-сферической формы. Аналогичные бляшки найдены в следующих комплексах. Погребение 1 кургана «Б» Прохоровского могильника, которое датируется третьей четвертью IV – началом III в. до н.э. [Яблонский, 2014, с. 214]. Также подобные бляшки выявлены в Объекте 5 городища Чирик-Рабат [Дарменов, Утубаев, 2017, с. 25–33] и датируются III–II вв. до н.э. Такие же бляшки найдены в могильнике Жетытобе [Байпаков, Воякин, 2014, с. 156], здесь они имеют широкую датировку – VI–III вв. до

н.э. Подобные изделия выявлены в кургане 2 могильника Жангелды, который автор датирует II в. до н.э., однако, на наш взгляд, более достоверной выглядит датировка III в. до н.э. [Касенов, 2014, с. 149].

2. Нашивные бляшки с концентрическими окружностями. Подобные украшения найдены в могильнике Жетытобе, где датируются VI–III вв. до н.э. [Байпаков, Воякин, 2014, с. 156]. Такие же бляшки выявлены во впускном погребении на святилище Терен, где их датировка определяется II–I вв. до н.э. [Самашев и др., 2007, с. 216].

3. Бляшки ромбической формы. Аналогичные найдены в могильнике Усатово в Среднем Поволжье, где датируются IV–II вв. до н.э. [Степи…, 1989, с. 376].

4. Золотые подвески-колокольчики находят аналогии в золотых и бронзовых подвесках из могильника Карамола, IV–III вв. до н.э. Важно, что для этого могильника даты по инвентарю подтверждаются радиоуглеродными датами [Бейсенов, 2014, с. 75–77].

5. Глиняный сосуд с ручкой. Аналогичный сосуд найден в погребении 1 одиночного кургана Александровка в Нижнем Поволжье, который датируется IV–III вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 168; рис. 19, *8*].

Обобщая эти аналогии, можно сказать, что курган 1 могильника Таскопа I относится к раннесарматской культуре и предварительно датируется третьей четвертью IV – III в. до н.э.

Литература

Байпаков К.М. Воякин Д.А. Выдающиеся археологические памятники Казахстана. Алматы: Асыл Сөз, 2014. 504 с.

Бейсенов А.З. О памятниках карамолинского типа в Восточной Сарыарке (вторая половина I тысячелетия до новой эры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 7: Археология и этнография. С. 68-79.

Дарменов Д.Т., Утубаев Ж.Р. Подбойный тип погребальных сооружений на городище Чирик-Рабат // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 25-33.

Касенов М.С. Жангелді II корганы // Кадырбаевские чтения-2014: матер. IV Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 9–10 ноября 2014 г.). Астана: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2014. С. 145-150.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: изд. группа ТОО «Археология», 2007. 400 с.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Сер.: Археология СССР. М.: Наука, 1989. 464 с.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: ТАУС, 2010. 216 с.: ил.

Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М.: Институт археологии РАН; Грифон, 2017. 400 с.

А. Т. Толеубаев, Р. С. Жуматаев, Г. К. Омаров, С. Т. Шакенов, Б. Б. Бесетаев, А. Е. Ергабылов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2019 г. на МОГИЛЬНИКЕ ЕЛЕКЕ САЗЫ 2

В статье представлены предварительные результаты исследований, проведенных на могильнике Елеке сазы 2 в 2019 г. Шиликтинско-Тарбагатайской археологической экспедицией. Исследованный памятник позволяет дополнить сведения о древнем населении изучаемого региона, особенно о культуре людей эпохи бронзы и раннего железа. Анализ планиграфии и топографии, погребального обряда, а также погребального инвентаря исследованных объектов дали возможность провести параллели между другими известными памятниками данной эпохи и определить их общие черты. Также стоит обратить особое внимание на внекурганные находки в виде конского снаряжения и предметов быта ранних кочевников, которые представляют особый интерес для изучения и воссоздания полной картины памятника в будущем, так как могильник Елеке сазы 2 является лишь одной из семи групп комплекса. Дальнейшее изучение памятника, а также проведение 14С анализа позволит получить новые данные о хронологической атрибуции объектов.

Ключевые слова: Елеке сазы, курган, конское снаряжение, гробница, погребальный обряд

2019 жылы Елеке сазы 2 корымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижелері

Мақалада 2019 жылы Шілікті-Тарбағатай археологиялық экспедициясының Елеке сазы 2 қорымында жүргізілген зерттеу жұмыстарының нәтижелері ұсынылып отыр. Аталмыш ескерткіш аймақтың ежелгі халқы туралы, әсіресе қола және ерте темір дәуірі тұрғындарының мәдениеті жайында мәліметтерді толықтыруға мүмкіндік береді. Жергілікті жердің жоспарлы анализі, жерлеу ғұрпы, сондай-ақ мәйіттің қасынан табылған заттары осы дәуірдің басқа да белгілі ескерткіштері арасында параллельді салыстыру және олардың жалпы ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. Сондай-ақ, қорғандардан тыс табылған ерте көшпелілердің ат әбзелдері мен тұрмыстық заттары түріндегі олжаларға ерекше назар аудару керек, олар ескерткіштің болашақта толық зерттеу және қалпына келтіру үшін ерекше қызығушылық тудырады, өйткені Елеке сазы 2 кешені Елеке сазы қорғандар кешеніндегі жеті топтың бірі ғана болып табылады. Ескерткішті одан әрі зерттеу, сондай-ақ радиокөміртекті талдау жүргізу объектілердің хронологиялық атрибуциясы туралы жаңа деректер алуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Елеке сазы, оба, ат-әбзелі, қабірхана, жерлеу ғұрпы

© Абдеш Т. Толеубаев, Ринат С. Жуматаев, Гани К. Омаров, Самат Т. Шакенов, Бауыржан Б. Бесетаев, Акбар Е. Ергабылов,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан; zhumatayevr@gmail.com; besetaev86@gmail.com

Results of archaeological research in 2019 at the burial site of Eleke Sazy 2

The article presents the preliminary results of research conducted at the Eleke Sazy 2 burial site in 2019 by the Shilikty-Tarbagatai archaeological expedition. The studied site allows you to add information about the ancient population of the studied region, especially about the culture of people of the Bronze Age and the early Iron Age. Analysis of the terrain plan, funeral rites, and burial inventory of the objects studied made it possible to draw parallels between other famous monuments of this era and determine their common features. It is also worth paying special attention to non-burial finds in the form of horse equipment and household items of early nomads, which are of particular interest for studying and recreating the full picture of the monument in the future, since the Eleke Sazy 2 burial ground is only one of the seven groups of the Eleke Sazy complex. Further study of the site, as well as carrying out radiocarbon dating will allow us to obtain new data on the chronological attribution of the objects.

Keywords: Eleke sazy, barrow, horse equipment, tomb, funeral rite

Территория Восточного Казахстана, в том числе Тарбагатай, с древних времен была важным центром этнокультурного взаимодействия различных племен и народов. С одной стороны, здесь зарождались уникальные автохтонные культуры, с другой, здесь протекало взаимодействие различных культурных миров со свойственным этому явлению феноменом взаимовлияния и симбиоза. Археологические исследования на данной территории обусловлены тем, что для культурно-хронологической атрибуции древней истории региона необходимо получить полевой материал с наибольшего количества объектов.

В 2019 г. по инициативе главы Восточно-Казахстанской области Д. К. Ахметова были продолжены археологические исследования в регионе. В полевом сезоне 2019 г. Шиликтинско-Тарбагатайская археологическая экспедиция проводила исследования на могильнике Елеке сазы 2 (рис. 1). Памятник расположен на первой надпойменной террасе р. Каргыба, формирующейся у подножия Тарбагатая тремя отдельными ручьями, которые в северо-восточной окраине долины соединяются в одно большое русло. Могильник Елеке сазы 2 состоит из двух отдельных групп. Они расположены параллельно и ориентированы длинной осью по направлению С–Ю. Группа I могильника Елеке сазы 2 расположена в восточной части, объединяет 108 отдельных курганов. Группа II также длинной осью ориентирована по линии С–Ю, на расстояние около 2,5 км, и насчитывает 62 объекта в виде больших, средних, малых курганов и поминальных оград (рис. 2). В 2019 г. на могильнике был исследован один элитарный курган и несколько малых курганов, расположенных в южной оконечности групп I и II.

Курган № 51 (группа II) до раскопа представлял собой земляное сооружение округлой в плане формы, покрытое растительностью, с выступающими небольшими отдельными камнями на поверхности. Высота кургана – 3,25 м, диаметр: В–З – 54,8 м; Ю–С – 53,7 м. Верхняя площадка кургана плоская, достаточно широкая. Ее размеры с востока на запад 18,5 м, с севера на юг – 16,5 м. Под расплывшейся насыпью по кругу фиксируются крупные валуны – крепида. Курган окружен еле заметным земляным валом,

Рис. 1. Расположение могильника Елеке сазы на карте

ширина которого колеблется в пределах 1–1,5 м. В западной части основного кольцевого вала на расстоянии 3,5 м пристроен еще один параллельный вал длиной около 8 м (рис. 3. *1–2*).

По центру кургана с запада на восток была заложена траншея шириной 10 м, в результате которой в центральной части кургана обнаружена наземная погребальная камера. Каменно-земляная погребальная камера представляла собой овальное сооружение диаметром В–З – 7,8 м, С–Ю – 8,5 м и высотой 2,4 м от материка. С восточной стороны погребальной камеры находится дромос. Общая длина дромоса от края погребальной камеры составляет 7,60 м. Ширина дромоса на стыке с камерой составляет 5,10 м, к середине 3,80 м, а к концу - около 1,5 м. Пол дромоса до половины высоты был обложен галькой разного размера (рис. 3, *3–4;* 4).

При разборе погребальной камеры в первых слоях были обнаружены отдельные кости животных – мелкого и крупного рогатого скота, лошади. На глубине 2,5 м от верха кургана, в центральной и восточных частях, были обнаружены кости человека (позвонки, ключица, крестец). При дальнейшем углублении разбросанные грабителями человеческие кости встречались повсеместно. На полу погребальной камеры, в южной ее половине, обнаружены в анатомическом порядке кости нижних конечностей человека. По их расположению удалось выяснить положение покойного. Человек был похоронен на спине, тело длинной осью было направлено с востока на запад, головой на запад.

При исследовании дромоса обнаружено, что каменная стена дромоса была сооружена на небольшой земляной возвышенности, образованной за счет выкида, из плоских камней галечной породы. Пол дромоса был ниже пола гробницы на 45–50 см. В погребальной камере были обнаружены наконечники

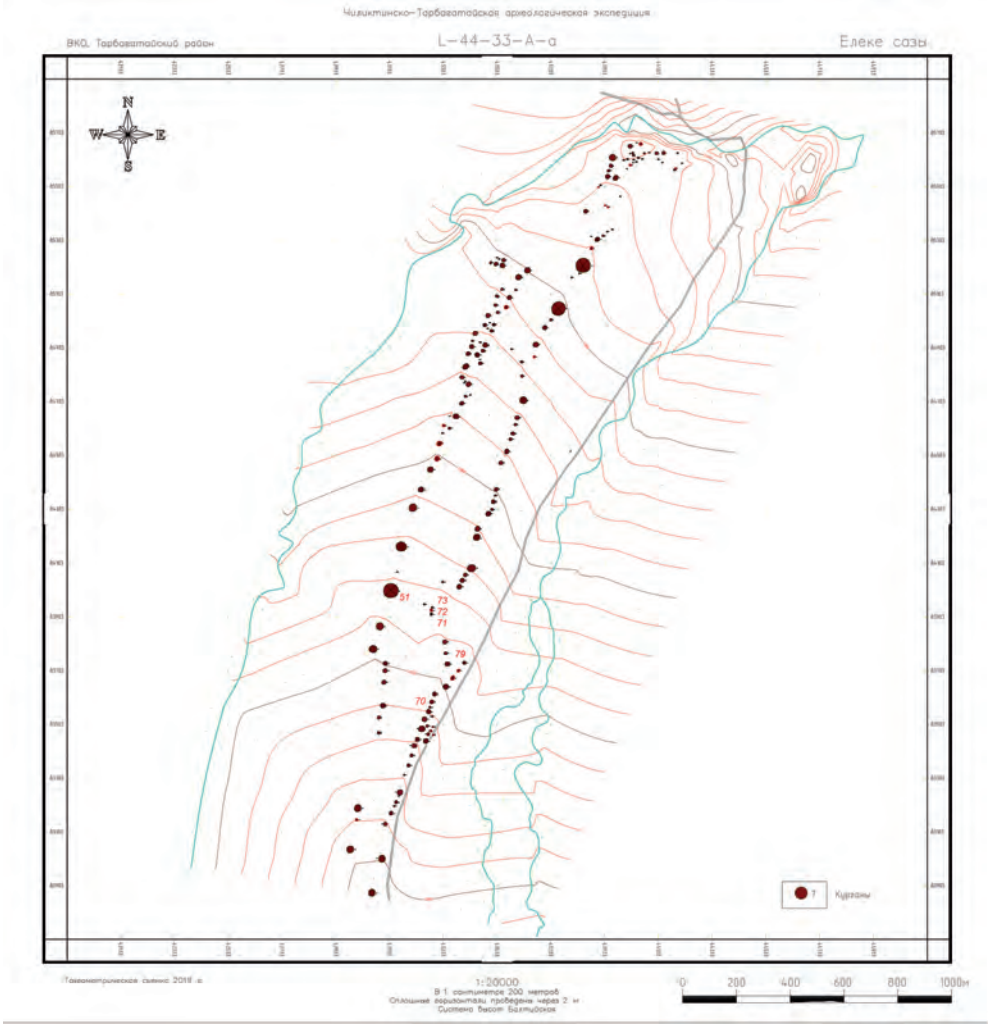

Рис. 2. Топографический план могильника Елеке сазы 2

стрел (2 шт.), золотое украшение в виде птицы, а также миниатюрный грибовидный, трубчатый бисер (рис. 5).

По внешним признакам и внутреннему устройству курган № 51 могильника Елеке сазы 2 является одним из самых крупных в этом культурно-историческом микрорайоне и принадлежит одному из правителей раннесакского общества предгорий Тарбагатая. По результатам исследования данного объекта можно сделать некоторое предварительное замечание по конструкции памятника. Во-первых, указанный курган был сложным архитектурным сооружением, возведенный из различного материала (камень, дерн, глина и дерево). При изучении его можно выделить несколько этапов строительства.

Во-вторых, внешние размеры памятника, внутренняя конструкция свидетельствует о том, что данный курган является своеобразным ритуальным

Рис. 3. Елеке сазы 2. Процесс раскопок к. 51: 1 – вид кургана до раскопа (с запада); 2 – вид кургана после снятия дернового слоя; 3 – вид кургана после расчистки погребальной камеры; 4 – погребальная камера

сооружением. По замечаниям некоторых исследователей, люди с самого начала человеческой истории создавали пространство и вещи, отражающие их мировосприятие, представление о строении космоса, о своем месте и роли в этом мире. Вселенная чаще всего отождествлялась с обществом: структура племени служила моделью для конструирования космоса, а структура первых человеческих поселений – уменьшенной моделью мироздания [Лелеков, 1983, с. 17]. Поэтому курганы (особенно элитарные), гробницы, древние святилища и другие архитектурно-ритуальные памятники трактовались как микрокосмос, соответственно его планировка осмыслялась как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной.

По своему архитектурному облику изученный курган имеет сходство с элитарными памятниками Шиликтинской долины. Это проявляется в использовании дерна при сооружении кургана, наличии каменного кургана, дромоса, крепиды и наружного вала. Использование дерна для строительства земляного кургана широко встречается в сако-скифских курганах, например, в курганах Шиликты (VIII–VII вв. до н.э.), Талды 2 (VII–VI вв. до н.э.), Байкара (V в. до н.э.), Салбык (V в. до н.э.) и др. [Бейсенов, 2018, с. 73, рис. 3; Парцингер и др., 2010, с. 95; Марсадолов, 2010, с. 26]. Их в основном использовали как укрепляющий, опорный материал. В предгорьях Тарбагатая и в Шиликтинской долине местное население до сих пор использует вальки дерна в качестве строительного материала [Толеубаев, 2018, с. 340].

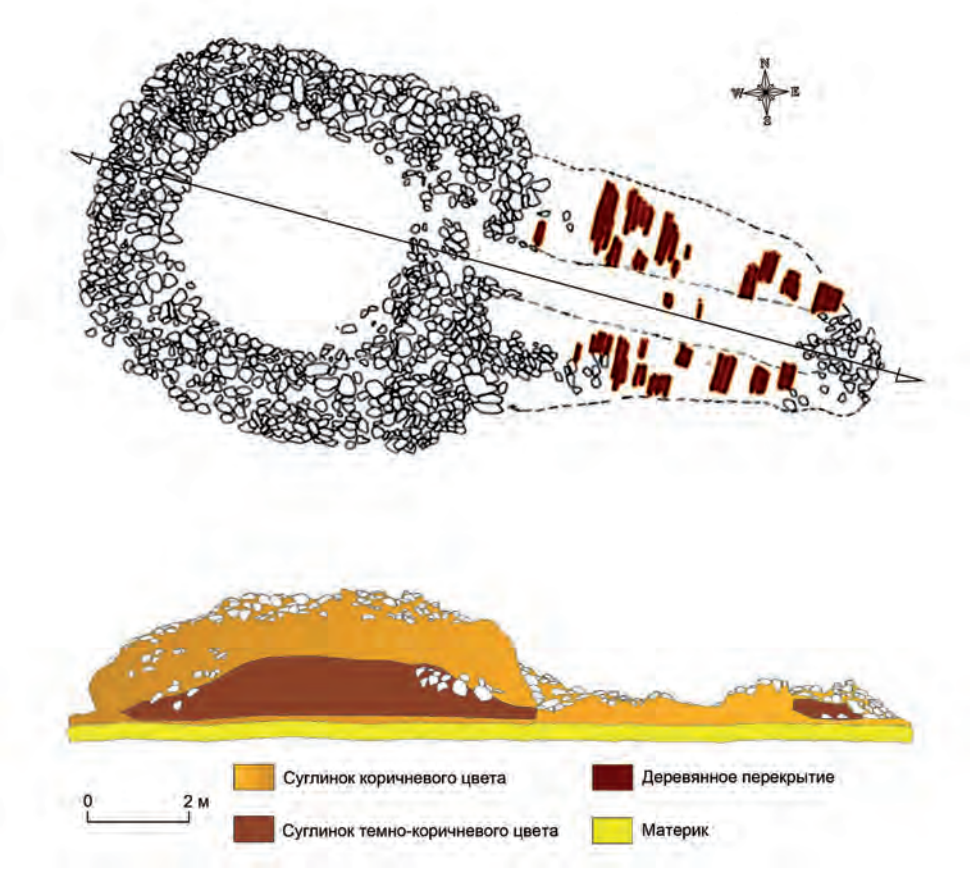

Рис. 4. Елеке сазы 2, к. 51. План и разрез погребальной камеры и дромоса после полной расчистки

Наличие дромоса с восточной стороны погребальной камеры также демонстрирует сходство изученного памятника с шиликтинскими курганами. Дромосы в курганах представляют собой сложную конструкцию, имеющую как функционально-практическое, так и ритуально-мировоззренческое значение. Традиция сооружения входных коридоров с восточной стороны мавзолея, на наш взгляд, берет свое начало с бегазинских некрополей эпохи поздней бронзы [Бейсенов, 2016, с. 88]. Эти и многие другие вопросы, связанные с дромосами в памятниках сако-скифского мира, представляют определенный интерес в плане изучение генезиса архитектурно-конструктивных особенностей курганов раннего железного века евразийских степей и их идеолого-мировоззренческих основ.

Таким образом, архитектура, внутренние конструктивные особенности памятника (каменно-земляная гробница, дромос, крепида и др.), найденные артефакты (золотой бисер, бляшка в виде птицы с распростертыми крыльями, наконечники стрел) сближают его с аналогичными курганами Шиликтинской долины, которые датируются VIII–VII вв. до н.э. [Panyushkina et al., 2016, p. 10],

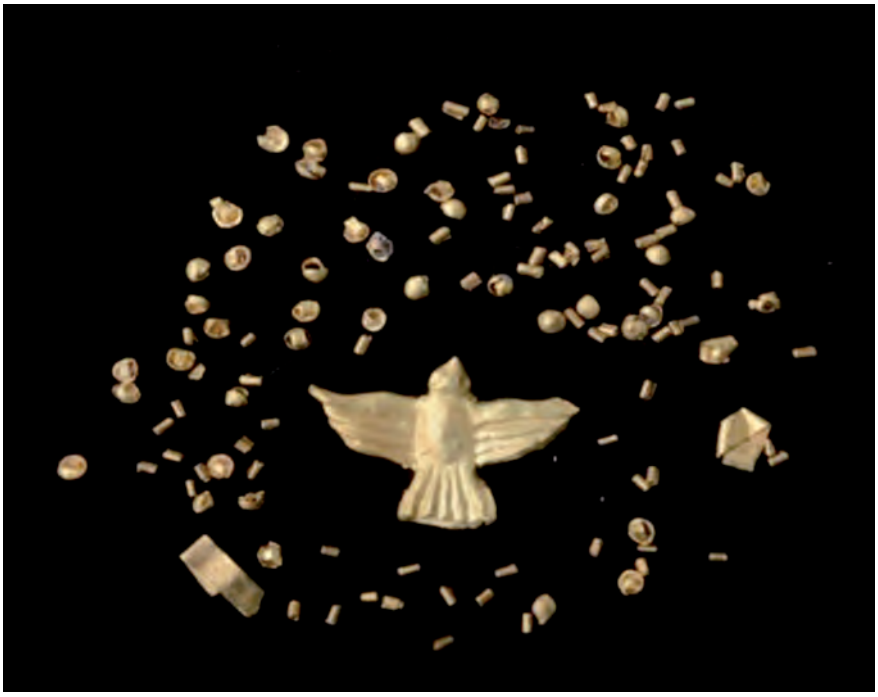

Рис. 5. Елеке сазы 2, к. 51. Золотой бисер, листовые полоски и бляшка в виде птицы, найденные в погребальной камере

что дает нам основание предварительно датировать исследуемый памятник VIII–VII вв. до н.э.

Курган № 70 расположен в 130 м к СЗ от кургана № 79. Он расположен в центральной части могильника и представляет собой небольшую возвышенность высотой 0,2 м. Объект отличается относительно меньшими размерами, округлый в плане – диаметр курганного сооружения изначально составлял 8,5×8,6 м. По окружности наземного сооружения были зафиксированы относительно большие округлые камни (валуны), которыми образована ограда 6,6×6,5 м (рис. 6). В могильной яме на глубине 0,2–0,5 м зафиксирована забутовка из округлых камней, преимущественно, больших и средних размеров. Обнаруженные кости погребенного и погребальный инвентарь, судя по сохранности и расположению, находились in situ. Рядом с черепом усопшего с левой стороны был зафиксирован продавленный грунтом керамический сосуд. Возле сосуда находились железный нож (?) и кости (крестец и позвонки) МРС.

Погребальный инвентарь представлен керамическим сосудом, железным ножом, относительно плохой сохранности из-за влажного грунта и неглубокой погребальной ямы. При расчистке костей усопшего были зафиксированы пастовые и агатовые бусины. Бусины в основном цилиндрической формы разных размеров, толщина варьирует от 2 до 5 мм, диаметр - от 4 до 7 мм. Две

Рис. 6. Елеке сазы 2, к. 70. Кольцевая ограда

бусины имеют относительно крупный размер, одна из них шаровидной формы. Также отличается одна пастовая бусинка, имеющая удлиненно-цилиндрическую форму. В целом агатовые бусины более крупные (рис. 7).

Курган № 71 расположен в 150 м к СВ от кургана № 51. Диаметр кургана В–З – 6,8 м, С–Ю – 6,1 м, высота – 0,2 м. В центральной части кургана выявлена кольцевая ограда из камней разных размеров. Диаметр ограды: В–З – 3 м, С–Ю – 2,54 м (рис. 8). В центральной части ограды зафиксировано пятно могильной ямы размерами 1,8×1,1 м. При углублении по периметру могилы на 65 см обнаружено скопление камней, под которым выявлен каменный ящик, сооруженный из четырех, поставленных на ребро, каменных плит горной породы. Ящик длинной осью ориентирован по линии В–З, длиной 98 см, шириной 55 см. На дне ящика обнаружен сильно потревоженный скелет человека и фрагменты плоскодонного сосуда (рис. 9).

Курган № 72 примыкает с северной стороны к кургану № 71. Диаметр кургана В–З – 5,7 м, С–Ю – 4,9 м, высота 0,2 м. Под насыпью кургана, в центральной части, выявлена кольцевая ограда диаметром 3,3×2,7 м (рис. 10). В центральной части ограды зафиксировано могильное пятно размерами 2,16×1,45 м. При изучении заполнения могильной ямы на глубине 40 см обнаружено скопление камней, под которым выявлены плиты перекрытия каменного ящика. Ящик также сооружен из четырех, поставленных на

Рис. 7. Елеке сазы 2, к. 70. Погребение

Рис. 8. Елеке сазы 2, к. 71. Кольцевая ограда с забутовкой в могильной яме

Рис. 9. Елеке сазы 2, к. 71. Погребение в каменном ящике

Рис. 10. Елеке сазы 2, к. 72. Кольцевая ограда с забутовкой в могильной яме

ребро, каменных плит горной породы. В ящике выявлен костяк человека, ориентированный головой на запад с небольшим отклонением на север. Погребенный уложен на левый бок, в скорченном положении (рис. 11). В северо-восточном углу ящика, у ног погребенного, зафиксированы два плоскодонных керамических сосуда.

Курган № 73 расположен в 15 м к северу от кургана № 72. Диаметр кургана по линии В–З – 5,2 м, С–Ю – 4,9 м, высота – 0,2 м. В могильной яме, на глубине 1 м от дневной поверхности, обнаружено совместное захоронение. В погребении находились скелеты взрослого человека и ребенка, ориентированные головой на запад. Погребенный лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях. Под головой каменная подушка. На левой, слегка вытянутой руке взрослого человека покоилась голова ребенка, а правая рука, как бы имитируя объятие, лежала выше костяка ребенка. От скелета ребенка сохранились только череп и несколько ребер (рис. 12).

Курган № 79 расположен в 500 м юго-восточнее кургана № 51. Диаметр кургана по линии В–З – 13,85 м, С–Ю – 12,62 м, высота 0,85 м (рис. 13). В центральной части кургана было обнаружено скопление камней, ориентированное длинной осью с востока на запад, размерами 5,25×3,80 м. После разбора данной конструкции была выявлена насыпь из щебня, по всей вероятности, это результат грабительского выкида. Под насыпью обнаружено захоронение человека, ориентированное головой на запад (рис. 14). Нижние конечности скелета не сохранились. На трубчатых костях погребенного имеются отверстия диаметром около 0,5 см. Возле тазовой кости обнаружена застежка длиной 3,2 см, шириной 1,1 см. Вероятно, отверстия на обоих концах трубчатой кости были сделаны для извлечения костной жидкости. Делалось это для продолжительного временного содержания трупа. У казахов вплоть до XX в. сохранился обычай «аманат қою», по которому труп умершего человека до подходящего времени (момента) содержали на высоком помосте или же в небольших скальных углублениях, плотно заложив камнями входную часть. Достоверные этнографические факты об этом приводит А. З. Бейсенов [Бейсенов и др., 2015, с. 130–133].

Внекурганные материалы, клады и случайные находки. В полевом сезоне 2019 года в ходе визуального изучения вне- и околокурганного пространства были обнаружены находки в виде предметов конского снаряжения, ножей, наконечников стрел, зеркал, наверший и др., изготовленные из бронзы. Все предметы были найдены в разных частях могильника Елеке сазы 2, за исключением двух удил, бляшки в виде оленя, подпружных блоков и бронзовых наверший, что, вероятнее всего, является кладом. Предметы были обнаружены в 150 м к северо-западу от кургана № 51. Такие предметы позволяют не только расширить представления о материальной культуре древнего населения региона, но и позволяют существенно пополнить наши знания о времени бытования отдельных категорий предметов, поскольку совместное нахождение ряда находок дает основание для выявления их перекрестной хронологии. Базируясь на разработанной исследователями характеристике элементов раннесакской

Рис. 11. Елеке сазы 2, к. 72. Погребение в каменном ящике

культуры, попробуем определить культурно-хронологическую атрибуцию бронзовых вещей. В целом, предметы вооружения, конского убранства и быта широко используются в построении хронологических шкал, реконструкции культурных взаимосвязей, миграционных процессов в древности и т.п.

Конское снаряжение ранних саков из могильника Елеке сазы 2. Эпоха ранних кочевников в степных и горностепных регионах Восточного Казахстана характеризуется отчетливой динамичностью конского снаряжения, что в значительной мере определяет структурную цикличность в развитии культур, изучение которого важно для понимания истоков и путей формирования сако-сибирского и скифского мира в целом. Находки деталей конского снаряжения раннесакского времени свидетельствуют о поиске наилучших способов управления верховым конем и его соответствующей функциональной оптимизации. В связи с этим значима роль снаряжения верхового коня, отражающая в концентрированном виде важные стороны материальной культуры. Его изучение существенно для определения хронологических рамок и синхронизации раннекочевнических памятников.

Рис. 12. Елеке сазы 2, к. 73. Совместное погребение взрослого человека с ребенком

На современном этапе относительно хорошая археологическая изученность конского снаряжения раннесакского времени в Восточном Казахстане и в сопредельных регионах позволяет, с большой долей вероятности, определить назначение каждого изделия, происходящее из внекурганного пространства и очертить примерный хронологический диапазон их бытования. Описание предметов:

Удила 1 двусоставные, со стремечковидными окончаниями, предположительно, обе части отлиты в одной форме, длина каждой части – 11 см. Части соединены цельнолитыми кольцами на звеньях в перпендикулярных плоскостях.

Удила 2 двусоставные, со стремечковидными окончаниями, части разные по длине 10,8×10,2 см; соединены цельнолитыми кольцами на звеньях в перпендикулярных плоскостях. Стержни удил округлые в сечении (рис. 15, *1*).

Рис. 13. Елеке сазы 2, к. 79. После снятия дернового слоя

Рис. 14. Елеке сазы 2, к. 79. Наземное погребение

Фрагмент удил, сохранился лишь обломок одной части, со стремечковидным окончанием и пешковидным отверстием. Длина сохранившегося фрагмента составляет 7,5 см. Стержень фрагмента имеет округлую форму в сечении. Пешковидные отверстия предназначались для пропускания бронзового отростка У-образных и шпеньковых псалиев (рис. 15, *2*). В нашем случае, удила с пешковидным отверстием и стремечковидным окончанием близки к первому варианту из трех по П. И. Шульге [2008, с. 70].

Обнаружены подпружные блоки, арочные в сечении с прямоугольными рамками. Два из них стандартные, встречаются довольно часто (рис. 15, *3*). Один из них в виде изображения кошачьего хищника со шпеньком на оборотной стороне (рис. 15, *4*). Размеры блоков 8,5×9,5 см. Подобное оформление

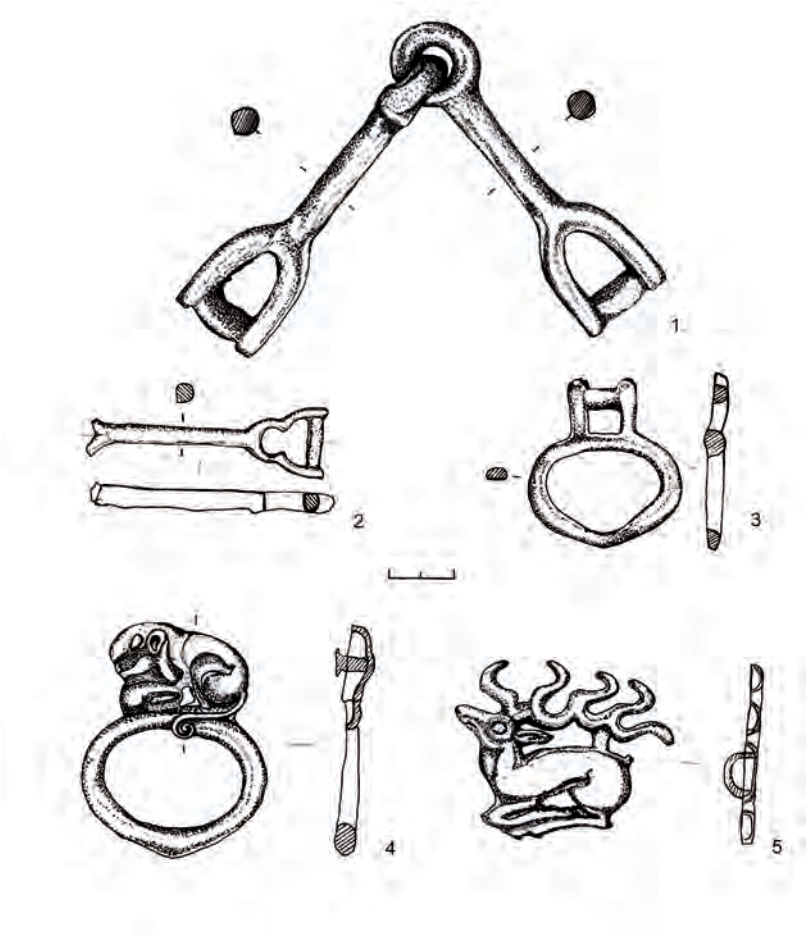

Рис. 15. Елеке сазы 2. Детали и украшения конского снаряжения: 1 – бронзовые удила (из клада); 2 – обломок удил (случайная находка); 3 – подпружной блок (из клада); 4 – подпружной блок в виде кошачьего хищника (из клада); 5 – бляшка в виде оленя (из клада). 1–5 – бронза

относится к несколько раннему времени. Аналогии встречаются в материалах могильника Южный Тагискен в Приаралье в виде подпружных пряжек, блоков и накладок [Итина, Яблонский, 1997, с. 125–126, рис. 29, *1–4*; 30, *3–4*], подобные образы встречается так же в материалах могильника Талды 2 в Центральном Казахстане [Бейсенов, Базарбаева, 2013, с. 14, рис. 1, *3–9*].

В Восточном Казахстане аналогии этим подпружным блокам фиксируются в Камышинском комплексе [Арсланова, 1972, с. 254, рис. 1], Кондратьевском кургане № 21 [Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70]. Как известно, подпружные пряжки-застежки и блоки являются одной из наиболее часто встречающихся деталей среди бронзовых сбруйных наборов начала VII в. до н.э. на территории Саяно-Алтая и Казахстана [Шульга, 2008, с. 97]. Во многих классификациях и реконструкциях подпружные пряжки со шпеньком в большинстве случаев находятся в паре с блоком, через который пропускается левый конец подпружного ремня, а подпружная пряжка со шпеньком выступает в качестве фиксатора требуемого натяжения подпруги. Пряжки и блоки такого типа были широко распространены на всей территории скифо-сако-сибирского ареала в период VIII–VI вв. до н.э. [Шульга, 2008, с. 254].

Говорить о принадлежности памятника к какой-либо культуре сложно, поскольку подобные сбруйные наборы и воинские пояса раннесакского времени встречаются на большей территории скифо-сако-сибирского ареала и на последующих этапах развития служили прототипом. Однако, судя по случайным находкам, учитывая художественно-мифологический стиль в виде спирального орнамента и рельефного изображения на деталях в качестве украшения, они происходят из сравнительно «богатого» погребения среди зафиксированных на сегодняшний день в погребальных комплексах раннесакского времени в Восточном Казахстане.

Исходя из вышесказанного, учитывая элементы оформления деталей почти идентичных тасмолинской и майемерской культур, говорить о четких границах культур раннесакского времени невозможно. Еще в 1960-х гг. М. К. Кадырбаев отметил, что существуют некоторые параллели и близость в развитии данных культур [Кадырбаев, 1966, с. 70]. Однако следует отметить, что случайные находки представляют особый интерес, поскольку приведенные выше аналогии деталей уздечного набора определяют особый характер связей южных – сакских племен с населением Горного Алтая, Тывы и Синьцзяна. Территория восточной части Центрального, и южные регионы Восточного Казахстана были своеобразным связующим звеном. Об этом свидетельствуют находки последних лет в могильнике Талды-2 в Центральном Казахстане, который был одним из центральных очагов начальной фазы раннесакской культуры [Бейсенов, 2013, с. 16]. Следует отметить, что многие другие памятники на территории Казахстана, которые маркируют начальный этап формировании сакских культур Казахстана, уходят в эпоху бронзы [Акишев К.А., 1973, с. 55; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59]. Также, по мнению В. Р. Эрлиха, появление южного типа узды на территории Северного Кавказа связано со значительным влиянием раннесакских племен территории

Казахстана. Однако, не исключается вариант, что подобные типы формируются на данной территории [Эрлих, 2007, с. 259]. В свете данной тематики особый интерес представляет распространение казахстанских раннесакских культурных импульсов на эти регионы, где они не представляли целостный комплекс. Известно, что территория Северного Кавказа, имевшая развитые вырабатываемые и перерабатываемые металлургические центры, оказывала огромное влияние на сопредельные регионы [Иессен, 1953, с. 105–106].

Тем не менее, в развитии раннесакского конского снаряжения Восточного и Центрального Казахстана значительную роль играют культуры Синьцзяна и Северного Китая [Шульга, 2010, с. 23]. Однако основное влияние оказывали сако-массагетские племена с южных и центральных регионов Казахстана, что уже не раз отмечают исследователи [Кадырбаев, 1968, с. 31; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 49; Таиров, 2017, с. 132–134]. По нашему мнению, сходство между отдельными и составляющими элементами материальной культуры объясняется обширными культурными контактами.

По последним публикациям, сейчас курган Аржан-1 датируется концом IX в. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 68]. В этом отношении вполне достоверно мнение М. Н. Погребовой, что вероятность происхождения тех или иных феноменов скифской культуры, подчеркивая предполагаемые знаковые или отдельные традиции, без подкрепления других источников, нельзя связывать только с миграционными процессами [Погребова, 2006, с. 181].

Несомненно, что раннекочевнические культуры Казахстана, Саяно-Алтая, Тывы и Синьцзяна были тесно взаимосвязаны между собой, где приняли определенное участие на раннем этапе формирования скифо-сакской культурной общности в целом.

Особый интерес представляет бронзовое украшение уздечного набора в виде летящего оленя. Судя по размерам и двум петлям с оборотной стороны, оно было украшением конской сбруи. Рога отброшены назад, причем только один отросток рога направлен вперед, остальные ответвления рога направлены назад, морда приподнята, ноги прибраны к телу (рис. 15, 5). По всем этим показателям олень из Елеке сазы 2 в деталях аналогичен таковым из кургана 5 Шиликты [Черников, 1965, с. 51–57], отчасти и оленям из кургана Байгетобе [Толеубаев, 2018, с. 55]. Вообще-то летящий олень из Елеке сазы 2 своим натурализмом, реалистичностью превосходит все известные нам образы оленей из этой группы. Если учитывать тот факт, что ведущие памятники сако-скифской культуры удревнены [Медведская, 1992, с. 86–107; Зайцева и др., 1997, с. 36–45; Чугунов, 2005, с. 102–104], то изображение оленя из Елеке сазы 2 можно датировать временем VIII–VII вв. до н.э.

Бронзовые псалии трехдырчатые, прямые плоские, с отверстиями в центральной части, с изогнутым верхним окончанием (рис. 16, *1*). Псалии служили для фиксации ремней оголовья и удержания удил в стабильном положении, препятствуя их смещению в стороны. Общая длина составляет 19,5 см, ширина около 1 см. Один из псалиев обломан по серединному отверстию, имеется только часть длиной 12,2 см. Отверстия выполнены в одной плоскости.

Рис. 16. Елеке сазы 2. Случайные находки деталей конского снаряжения: 1 – трехдырчатый псалий, бронза; 2 – распределитель ремней; 3 – застежка, покрытая золотой фольгой, бронза; 4 – застежка ремней, железо

Расстояние между отверстиями составляет 0,9 см, диаметры отверстий – 0,6 см (рис. 9). По типологии псалии близки к 6 типу по П. И. Шульге [2008, с. 62].

По имеющимся данным, сужающийся приостренный вверх конец псалиев может имитировать изображение кабаньих клыков, как это прослеживается на изображениях ассирийских лошадей (VII в. до н.э.) [Андерсон, 2006, с. 65].

В VII – начале VI в. до н.э. на территории Казахстана наряду с традиционными видами удил в комплексе с трехдырчатыми псалиями появляются усовершенствованные в функциональном отношении формы названных элементов, это позволило выделить четыре основных способа их соединения. Выявленные бронзовые псалии относятся к первому – традиционному типу, где внешние окончания удил прихватывались кожаным ремешком к срединному отверстию трехдырчатых псалиев [Шульга, 2008,

с. 74–75]. Данный тип, по мнению большинства исследователей, бытует в пределах VIII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1968, с. 30; Грязнов, 1980, с. 58; Горбунова, 2001, с. 193; Шульга, 2008, с. 54–56].

По мнению М. К. Кадырбаева, стремечковидные удила с дополнительным отверстием появляются в VIII в. до н.э. [Кадырбаев, 1968, с. 30].

Следует отметить, что в погребениях VII–VI вв. до н.э. обращает на себя внимание взаимовстречаемость двух типов стремечковидных удил – с дополнительным отверстием и без него, которые, как правило, употребляются с трехдырчатыми роговыми и бронзовыми псалиями разнообразных форм [Шульга, 2008, с. 68–74].

Следовательно, из этого можно сделать предположение, что указанные два типа возникли синхронно или же цельные происходят от удил с дополнительным отверстием, трансформировавшись в процессе усовершенствования элементов управления конем.

Стремечковидные удила без дополнительных отверстий, по мнению Н. А. Боковенко, широко бытовали почти на всей территории скифо-сако-сибирского мира, но в сочетании с трехдырчатыми псалиями они встречаются на сравнительно небольшой территории (Казахстан, Алтай, Тыва) [Боковенко, 1979, с. 68–69]. Так или иначе, согласно мнению большинства исследователей, трехдырчатые бронзовые псалии и стремечковидные удила с дополнительным отверстием или без него относятся к числу одних из наиболее ранних (VIII–VII вв. до н.э.) элементов конского убранства скифо-сакского ареала [Вишневская, Итина, 1971, с. 201–203; Грязнов, 1980, с. 58; Горбунова, 2001, с. 193].

Среди находок есть бронзовая ворворка суголовного или холочного ремней усечено-конусовидной формы. Отверстие в сечении цилиндрическое. Диаметр составляет 2,5 см. Также имеется три уздечных цилиндрических распределителя, которые представляют собой несколько уплощенные с трех сторон цилиндры небольших размеров в основании около 1,3×1,3 см, высотой 2,5 см, что отличает их от сравнительно крупных нагрудных и холочных распределителей (рис. 16, *2*).

Среди элементов снаряжения фиксировались бронзовые и железные застежки уздечных ремней разных форм (в виде клюва или каплевидные, округлые) и размеров, некоторые были покрыты золотой фольгой. На лицевых частях некоторых застежек имеется ажурный и вихревой орнамент (рис. 16, *3–4*). Подобные детали конского снаряжения встречаются довольно широко в раннесакских памятниках Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 70].

Бляхи и навершия. Как было замечено выше данные предметы были обнаружены к северо-западу от большого кургана (курган № 51). Были найдены две бронзовые бляхи в виде стилизованных головок грифонов (рис. 17) и четыре бронзовых навершия с аналогичным сюжетом на концах (рис. 18). Артефакты лежали в стопочку на глубине 45–50 см от поверхности земли, что свидетельствует о неслучайной утере этих вещей, а о намеренном, поминально-посвятительном их значении. По внешним признакам можно

проследить, что данные навершия выполнены в технике литья в глиняной форме. По всей вероятности, формы для литья состояли из нескольких частей. Подобная форма литья была характерна для производства ранних кочевников Евразии.

На сегодняшний день обнаружено и описано большое количество наверший скифо-сакского периода. Единого мнения о функциональном назначении данных вещей пока нет. Существует две точки зрения. Первая группа исследователей связывает их с повозками (вероятнее всего ритуальными). По

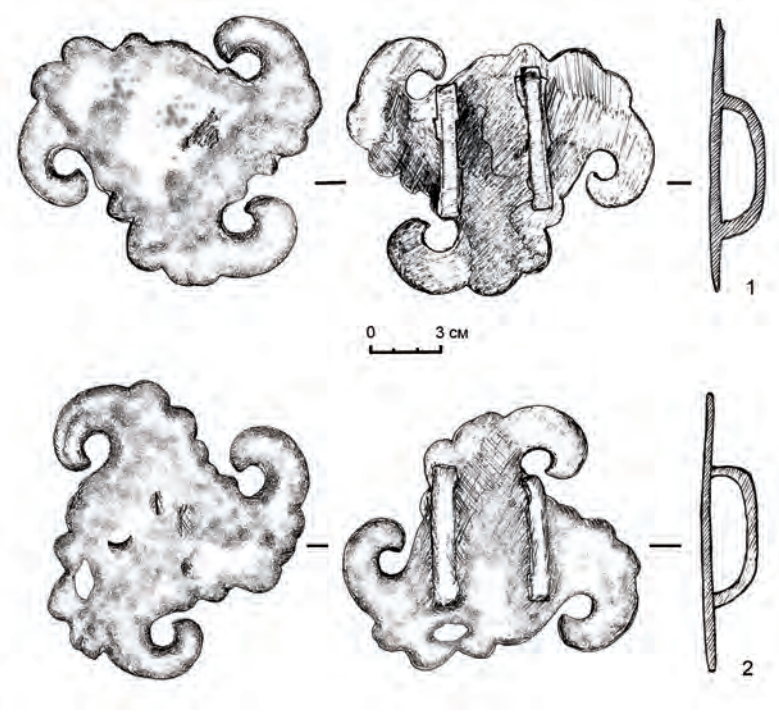

Рис. 17. Елеке сазы 2. Предметы клада. 1, 2 – бронзовые бляхи в виде стилизованных головок грифонов

утверждению они использовались для украшения верхней части повозок, служили наконечниками оглобель или дышла. Следующая группа ученых усматривает в данных предметах детали шаманского жезла или символа власти, подобного штандарту.

Вопросы классификации и типологии наверший были озвучены в трудах А. А. Бобринского, М. И. Ростовцева, В. А. Ильинской, Е. В. Переводчиковой и других [Болтрик, 2009, с. 39–48]. По ним можно определить существование двух основных групп наверший: с бубенцами и без них. Соответственно они по содержанию и сюжету образов также делятся на типы. По типологии Е. В. Переводчиковой навершия из Елеке сазы 2 относятся к группе без бубенцов,

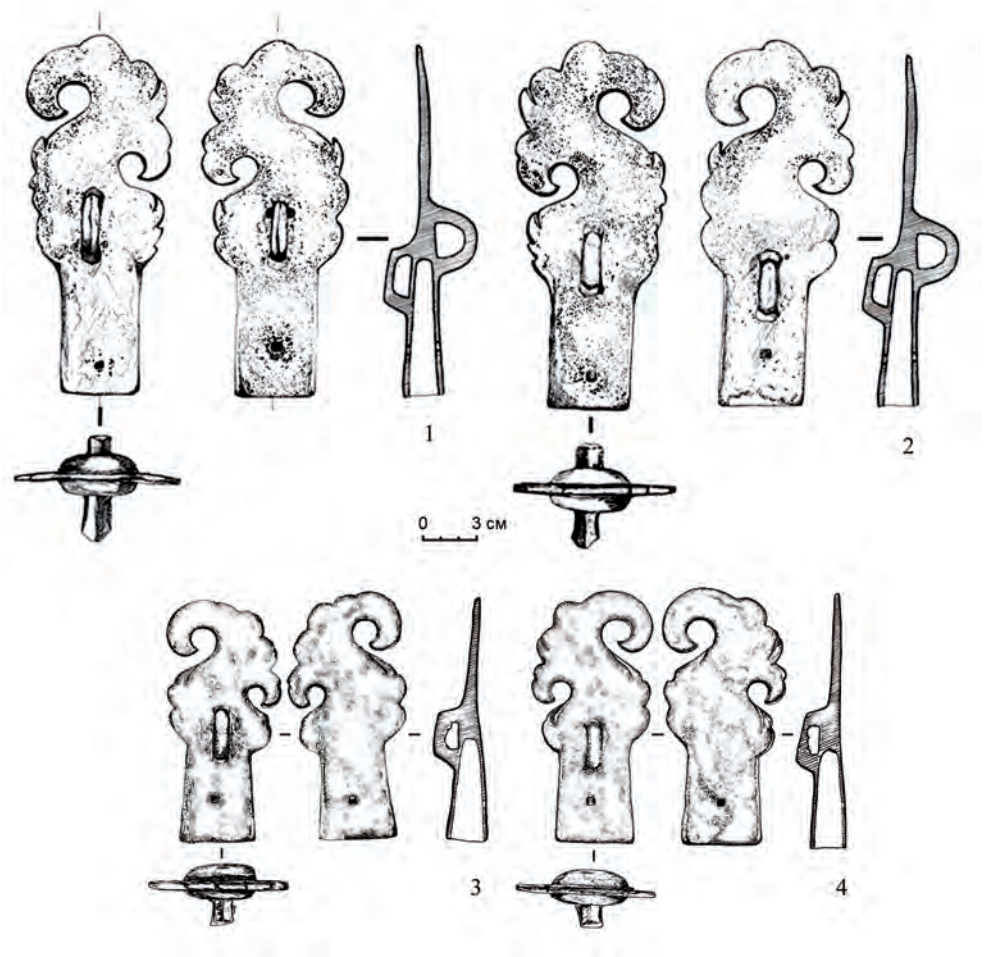

Рис. 18. Елеке сазы 2. Предметы клада. 1–4 – бронзовые навершия в виде стилизованных головок грифона

которые, в свою очередь, распадаются на три типа. Из этой категории предметы могильника Елеке сазы 2 относятся к первому типу – навершия с изображением головы животного на цилиндрической втулке круглого или овального сечения. В нашем случае - образ грифона [Переводчикова, 1980, с. 26].

По утверждению Ю. В. Болтрика, у скифов захоронение умершего с высоким социальным статусом сопровождалось помещением в различные части кургана бронзовых аппликаций на тенты и крепежные ремни, а также наверший, украшавших повозки [Болтрик, 2009, с. 42].

На взаимосвязь наверший с остатками повозок, начиная с И. Е. Забелина, обращали внимание многие исследователи. Отмечали и то обстоятельство, что навершия встречаются либо парами, либо по четыре, что позволяло усматривать в них украшения верхней части повозки [Болтрик, 2009, с. 44].

На территории Казахстана парные навершия в виде головы архаров происходят из комплекса клада Биже в Жетысу, датирующегося второй половиной VIII – началом VII в. Как показали К. А и А. К. Акишевы, последние, скорее всего, применялись в качестве деталей оглобель колесницы или повозки [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 54–58]. Сходные зооморфные навершия известны из других районов Казахстана, Тувы, Монголии и Ордоса [Тишкин, Кушакова, 2008, с. 23–33; Сеитов, 2014, с. 219–224]. Хронологически время существования подобных наверший укладывается в раннесакский период [Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 56].

Наши предварительные выводы по навершиям из Елеке сазы 2 следующие: по всей вероятности, они украшали концы четырех стоек кузова боевой колесницы. Два больших – украшали передние стойки, а два навершия сравнительно меньших размеров – задние стойки. А большая круглая бляшка в виде стилизованных трех голов грифона, найденная вкупе с навершиями, вероятно служила налобным украшением боевого коня. В нашем случае эти артефакты, специально уложенные в стопку, вероятно, связаны с ритуальной практикой посвящения.

Наконечники стрел. Обладают характерными для раннесакского периода признаками: листовидной или ромбовидными головками, двулопастными в сечении, наличием шипа на втулке (рис. 19, *1–2*). Наиболее ранними среди рассматриваемых наконечников стрел являются листовидные, которые фактически продолжают линию развития эпохи поздней бронзы. Однако наконечники раннесакского периода, как правило, более мелкие. Они были широко распространены на степных пространствах Евразии от Монголии до Украины в период с VIII по начало VI в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 37–39]. Аналогичные наконечники стрел были зафиксированы в этом же могильнике в кургане № 7 [Оралбай, Кариев, 2016, с. 170]. В Жетысу и Южном Притяньшанье наконечники подобного облика широко представлены случайными находками, часть которых имеет также шипы на втулке [Кибиров, 1959, с. 109; Иванов, 2017, с. 39–40; Чекин и др., 2018, с. 97]. Наконечники стрел с ромбовидной боевой головкой также широко известны в раннекочевнических древностях от Монголии до Северного Причерноморья в период VII – начала VI в. до н.э. [Черников, 1965, с. 46–49].

Зеркала односоставные с тыльной стороны с центральной ручкой-петелькой, которая различается по оформлению: ширина петелек у первой 1,5 см, второй – 5 мм (рис. 19, *3–4*). Диаметр дисков – 8,5 см. Толщина диска равна 2–2,3 мм, из-за коррозии и окислов зеркало деформировалось и имело местами толщину 3,5–4 мм. Раннескифские зеркала обычно сравнительно более крупные, однако подобные зеркала малых размеров (6,5–7 см) встречаются на Алтае [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 88, рис. 66, *3*], в Жетысу [Чекин и др., 2018, с. 92, 95, рис. 1, *4*], и датируются VIII–VII вв. до н.э. Наиболее широкое распространение ранних петельчатых зеркал известно в Минусинской котловине [Членова, 1997, с. 18–36].

Рис. 19. Елеке сазы 2. Случайные находки: 1–2 – наконечники стрел; 3–4 – зеркало; 5 – нож; 6 – обломок ножа. 1–6 – бронза

Ножи. Аналогичные пластинчатые ножи с выделенной рукоятью (в том числе типа бритвы) традиционно датируются исследователями эпохой поздней бронзы (рис. 19, *5–6*). В то же время у нас нет твердых оснований считать, что основная часть рассматриваемых ножей может быть отнесена к раннесакскому периоду в целом. Так, еще один предмет из кургана, более близкий по облику серповидным ножам, находит аналогии среди орудий бронзового века, отличаясь от них только монетовидной формой навершия [Кузьмина, 1966, с. 45]. Поэтому в данном случае мы, видимо, имеем дело с разновременным набором ножей, имеющим параллели среди изделий эпохи поздней бронзы и раннего железного века.

Таким образом, полевые исследования 2019 г. дали историческую информацию о древнем населении изучаемого региона, особенно о культуре

людей эпохи раннего железа. Хотелось бы отметить, что материалы раннесакского времени, полученные в ходе исследования могильника, имеют некие сходства с материалами культур сопредельных регионов в стилистическом оформлении. Вероятнее всего, это результат обширного культурного обмена, существовавшего в начале I тыс. до н.э.

Новые комплексные подходы в анализе и оптимальная расстановка погребальных памятников во времени, а также поиски межкультурных связей с другими синхронными по времени этническими группами открывают новые горизонты в исследовании ключевых атрибутов скифо-сакской археологии.

После детального исследования и получения данных анализов будут опубликованы более подробные утверждения по вышеописанным памятникам.

Литература

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С. 43–58.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 38–64.

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., Й. ван дер Плихт, Посснерт Г, Семенцов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: «Теза», 2005. 290 с.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. 2003. № 10. С. 62–70.

Андерсон Дж.К. Древнегреческая конница. СПб.: изд-во СПб. ун-та, 2006. 224 с.: ил.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культур // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). С. 13–17.

Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016. №1 (14). С. 84–93.

Бейсенов А.З. Элитные курганы тасмолинской культуры Центрального Казахстана // Золото властелинов казахских степей. Совместный Каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Астана–Сеул, 2018. С. 68–99.

Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А. Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮУрГУ. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 2. С. 12–17.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Боковенко Н.А. Ранние формы скифо-сибирской узды // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. всесоюзн. археол. конф. (г. Кемерово, 14–17 ноября 1979 г.). Кемерово: КемГУ, 1979. С. 67–70.

Болтрик Ю.В. Повозки как показатель целостности комплекса скифского кургана // Эпоха раннего железа: сб. науч. тр. к 60-летию С.А. Скорого. Киев; Полтава: Институт археологии НАН Украины, 2009. С. 39–48.

Вишневская О.А., Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. МИА. М.: Наука, 1971. № 177. С. 197–208.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.: изд-во Восточная литература, 2001. С. 179–200.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Вып. 2. С. 36–44.

Иванов С.С. Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников в Кыргызстане // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 38–57.

Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–111.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: «Российская политическая энциклопедия», 1997. 187 с.: ил.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.

Кадырбаев М.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С. 21–36.

Кибиров А.К. Археологические работы в Тянь-Шане // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Фрунзе, 1959. Т. 2. С. 63–138.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ. Вып. В 4–9. М., 1966. 149 с.

Кызласов Л.Р. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69–86.

Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983. С. 7–18.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 128 с.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. 1992. № 3. С. 86–107.

Оралбай Е.К., Кариев Е.М. Предварительные результаты исследований раннесакских памятников на плато Елеке сазы в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога Б. Нурмуханбетова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 161–172.

Парцингер Г., *Зайберт В.*, *Наглер А.*, *Плешаков А.* Большой курган Байкара. Исследование скифского святилища // Archäologie in Eurasien. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003. Bd. 16. 280 S.

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2. С. 23–44.

Погребова М.Н. Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса // Древности скифской эпохи. МИАР. М.: ИА РАН, 2006. № 7. С. 172–193.

Сеитов А.М. О деталях конской упряжи (по материалам клада Каинды из Торгая) // Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды филиала Института археологии А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Изд. группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 219–226.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М., 1961. 160 с.

Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. Материалы и исследования по культурному наследию. Т. VIII. Под ред. З. Самашева. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 392 с.

Тишкин А.А., Кушакова Н.А. Бронзовые навершия из Штабки: технология изготовления, аналогии и датировка // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул: БГПУ, 2008. С. 23–33.

Толеубаев А.Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А.К.», 2018. 528 с.

Чекин А., Тулегенов Т., Иванов С., Бесетаев Б. «Третий клад» эпохи раннего железного века из г. Иссык (предварительная публикация) // X Оразбаевские чтения: матер. междунар. науч.-метод. конф. «Историко-культурное наследие Казахстана: проблемы изучения, интерпретации и сохранения». Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 90–98.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 190 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Изд-во ИА РАН, 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Абсолютная хронология тагарской культуры – взгляд извне // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сб. докл. межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения чл.-корр. РАН С.В. Киселёва, (г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г.). Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 102–104.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Раннескифское время. Барнаул: «Азбука», 2008. Ч. 1. 276 с.

Шульга П.И. Синьцзянь в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 240 с.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Panyushkina I.P., Slyusarenko I.Y., Sala R., Deom J-M., Toleubayev A.T. Calendar Age of the Baigetobe Kurgan from the Iron Age Saka Cemetery in Shilikty Valley, Kazakhstan // Radiocarbon. 2016. 58 (1). P. 1–11. doi: 10.1017/RDC.2015.15

А. Н. Подушкин

О НАХОДКЕ РУНОПОДОБНОГО ПИСЬМА В ЮЖНОМ КАЗАХСТАНЕ (археологический контекст)

Публикация посвящена освещению археологического контекста находки редкого эпиграфического артефакта периода сако-кангюйского времени первых веков до н.э. – первых веков н.э. в Южном Казахстане, обнаруженного в насыпи кургана «царского» типа в долине реки Угам. Эпиграфический артефакт представляет собой специально выбранный по форме и обработанный камень, на лицевой поверхности которого в две «строки» нанесено около 26–27 знаков руноподобного облика, находящих технические и графические параллели в кругу эпиграфических памятников, близких к так называемому иссыкскому письму.

Ключевые слова: курган, Кангюй, эпиграфический артефакт, руноподобное письмо

Оңтүстік Қазақстандағы рунаға ұқсас жазуы бар жәдігер хақында (археологиялық контекст)

Басылым Қазақстанның оңтүстігіндегі Өгем өзенінің алқабында орналасқан «патша» оба түріндегі үйіндіден табылған б.д.д. I ғ. – б.д. I ғ. уақытындағы сақ-қаңлы кезеңіне жататын сирек кездесетін эпиграфиялық артефактінің археологиялық мәнін ашуға арналады. Эпиграфиялық артефакт – бұл арнайы таңдалып, өңделіп пішінделген тастың бетіне екі «жол» 26–27 шамасында рунаға ұқсас кескіндегі белгілер түсірілген жәдігер және эпиграфиялық ескерткіштер шеңберінде техникалық және графикалық параллельдігі жағынан Есік деп аталатын жазуға жақын.

Түйін сөздер: оба, қаңлы, эпиграфиялық артефакт, рунаға ұқсас жазу

About finding a fleece-like letter in South Kazakhstan (archaeological context)

The publication is devoted to highlighting the archaeological context of the discovery in South Kazakhstan of a rare epigraphic artifact from the Saka-Kangju period of the first centuries BC to the first centuries AD, found in the mound of the “royal” type mound in the Ugam river valley. The epigraphic artifact is a specially selected shape and processed stone, on the front surface of which about 26-27 characters of fleece-like appearance are found in two “lines”, finding technical and graphic parallels in the circle of epigraphic monuments close to the so-called Issyk writing.

Keywords: barrow, Kangju, epigraphic artifact, fleece-like writing

© Александр Н. Подушкин, *Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, г. Шымкент, Казахстан*; p_a_n_alex@mail.ru

Обстоятельства обнаружения артефакта

Экспедиция археологического отряда Южно-Казахстанского государственного педагогического университета продолжила в полевом сезоне 2019 г. исследование памятников в зоне Угамского урочища (территория Сайрам-Угамского государственного национального природного парка, Казгуртский р-н Туркестанской обл., 70 км на ЮВ от г. Шымкент).

В географическом контексте Угамское урочище расположено в крайней юго-восточной части Туркестанской области, оно включает долину реки Угам, склоны хребтов Каржантау и Угамского. В ландшафтном плане это среднегорный и высокогорный рельефы, сочетающиеся с долиной реки Угам в среднем её течении, где зафиксированы надпойменные лёссовые террасы и равнинный ландшафт площадью около 50 кв. км. Указанная долина и часть реки Угам ограничены на севере каньоном Кокбель, на юге каньоном Темирши, что подчёркивает определённый замкнутый характер всей Угамской долины.

Комплексные работы на территории Угамского урочища велись в течение ряда лет в несколько этапов:

- археологическая разведка по всей территории Угамской долины и прилегающей зоны с целью поиска, фиксации местонахождения объектов и первичного описания вновь обнаруженных археологических памятников;

- внесение изменений и уточнение археологической картографии памятников археологии Угамского урочища и прилегающей зоны в связи с вновь выявленными объектами;

- стационарные раскопки археологических объектов.

При этом часть рекогносцировочных и стационарных материалов, полученных в ходе исследования угамской долины в последние годы, опубликованы [Подушкин и др., 2012, с. 62–69 – здесь же первое упоминание кургана на с. 68–69, рис. 6, *4*; Подушкин и др., 2013, с. 140–155; Подушкин и др., 2014, с. 144–166; Подушкин, 2015, с. 138–150].

В 2019 г. археологические работы продолжились на эталонном объекте арысской культуры Южного Казахстана I–IV веков - городище Ушбастобе и начаты на одиночном большом кургане «царского» типа (находится у подножия городища Ушбастобе).

Курган расположен в 1,2 км к востоку от с. Кызылтал (с. Угам), на кромке левой надпойменной террасы р. Угам и безымянного сая, у подножия городища Ушбастобе (в 160 м на северо-запад от цитадели памятника) (рис. 1А). Насыпь округлого в плане кургана комплексная, сложена из средних размеров камней-валунов и щебня (рис. 1Б, *1*). Курган в разрезе имеет достаточно выраженный профиль, он был основательно ограблен в древности (в центре кургана фиксируются основная грабительская воронка, а в площади насыпи в восточном, юго-западном и северо-западном секторах зафиксированы ещё три грабительские воронки). Размеры насыпи: в основании 20–22 м, высота 1,3–1,5 м.

В ходе работ был разобран северо-западный сектор кургана до уровня древней поверхности и предприняты усилия по первоначальной музеефикации

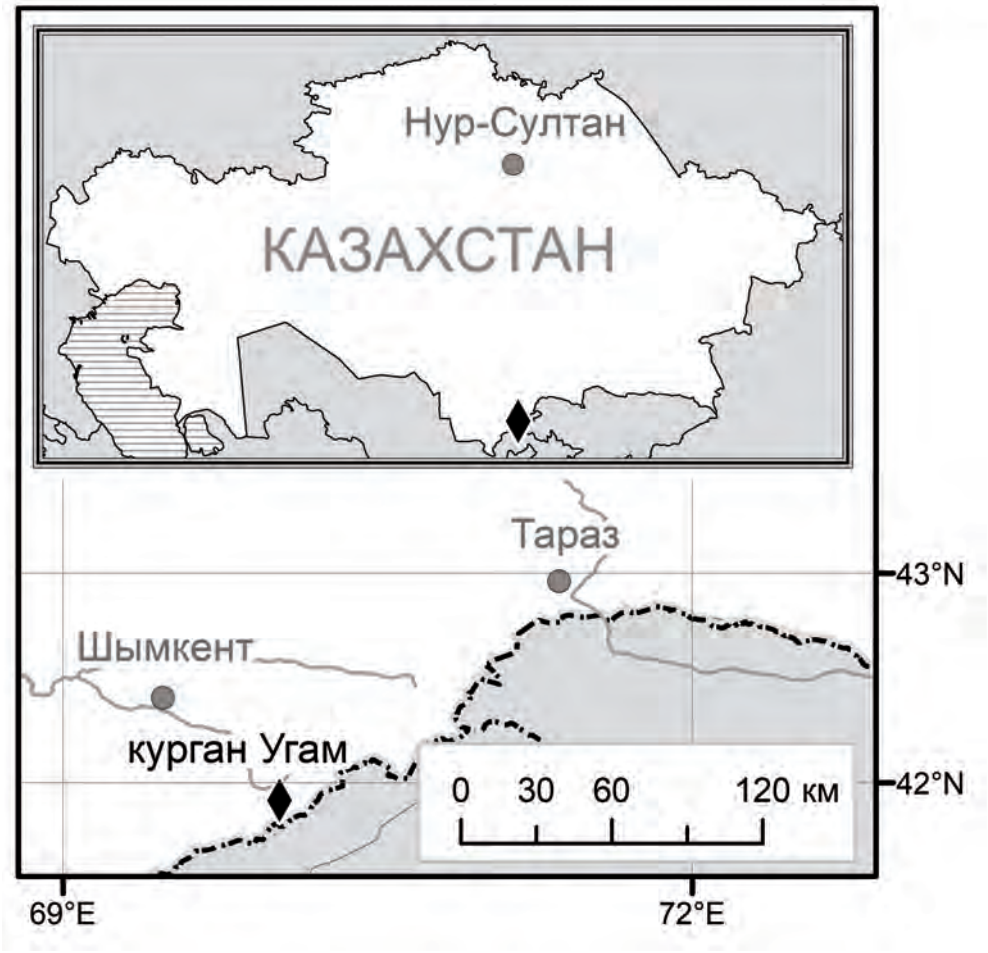

Рис. 1А. Расположение кургана Угам на карте Казахстана. Карту подготовил М.А. Антонов

археологического объекта (кольцевая выкладка большой массы каменной насыпи вокруг центральной части кургана; рис. 1Б, *2*). Именно здесь, ближе к основной грабительской воронке, и был обнаружен камень с, предположительно, знаками руноподобного письма (рис. 1Б, *2*; 2, *1–2*).

Описание камня с руноподобными знаками, варианты использования

Параметры камня: длина 40 см, ширина 24 см, высота 11 см, вес 23 кг. Он имеет твёрдую мелко-зернистую фактуру, приближенную по плотности к халцедону и кремню. Его геологическое происхождение связано с кварцитами: это мелкозернистый песчаник (или мелкозернистый кварцит; устное заключение академика Р. Х. Сулейманова, НАН, Республика Узбекистан), которые по шкале плотности Мооса приближены к 7. Сам камень лежал на уровне древней поверхности в площади курганной насыпи, «знаками» вверх

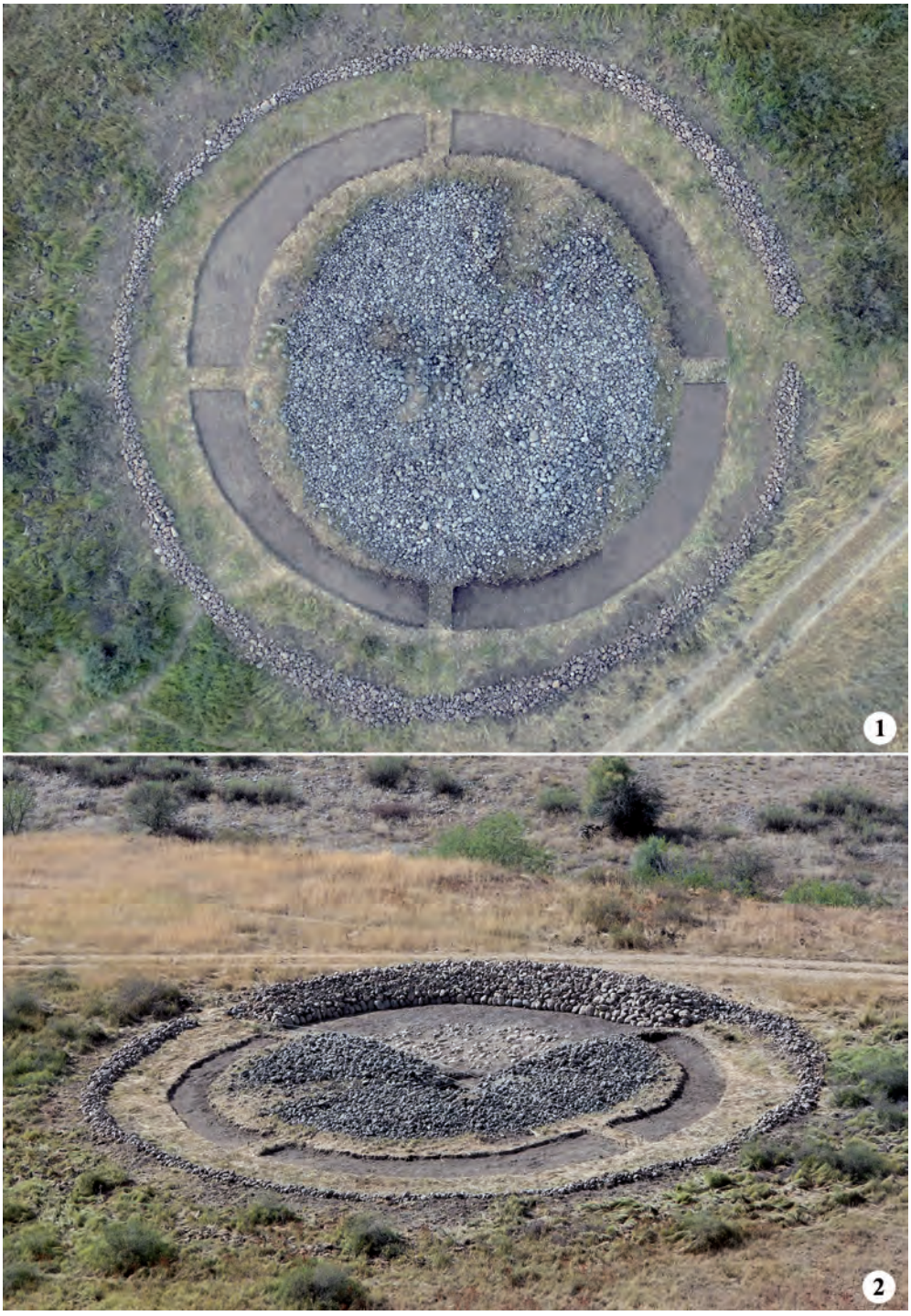

Рис. 1Б. Курган Угам. Внешний вид сверху до раскопок, общий вид после завершения работ 2019 г.

(рис. 2, *1–2*). О том, что перед нами – не игра природы, а мы имеем дело с каким-то письмом, свидетельствует несколько значимых обстоятельств, на которых следует подробно остановиться. В их числе:

1. Факт привнесения камня в насыпь кургана, куда он был помещён специально как носитель особой информации, которая была призвана обратить на себя внимание путём демонстрации лицевой поверхности камня со строчным «письмом» и «знаками». То есть этот артефакт принимал непосредственное участие в погребальной обрядности.

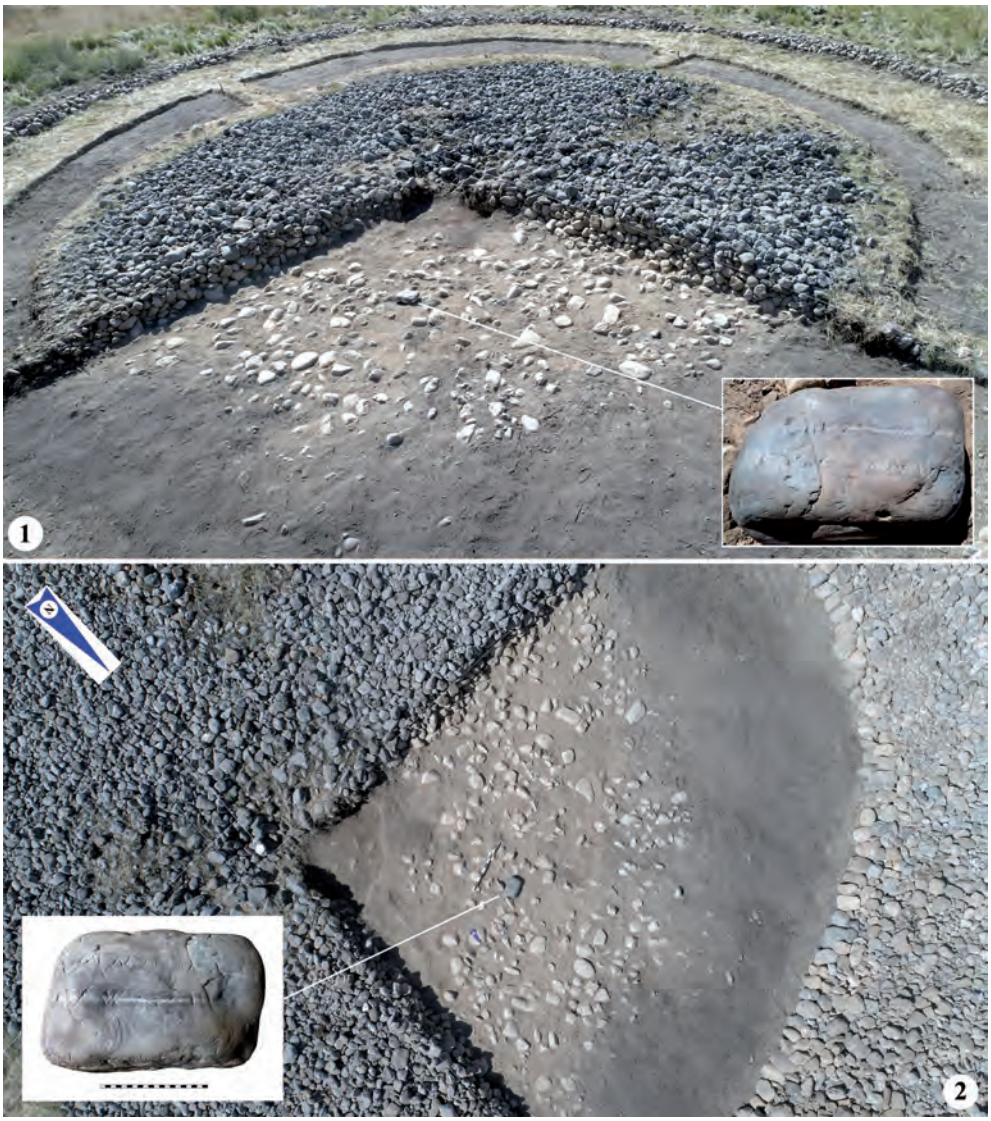

Рис. 2. Курган Угам. Эпиграфический артефакт в насыпи на уровне древней поверхности в площади северо-западного сектора

2. В таком контексте камень контрастирует на фоне сотен (и тысяч) иных камней в насыпи кургана как по фактуре (предельно плотный и, несмотря на относительно небольшие размеры, очень тяжёлый), по цвету (синевато-серый оттенок поверхностей), так и по форме (почти правильной прямоугольной конфигурации с округлыми углами; рис. 3).

3. Камень преднамеренно обработан. О его рукотворности говорят следующие моменты: три из шести его граней носят хорошо фиксируемые следы воздействия человека. Так, его обратная поверхность по всей площади сбита, скорее всего, плотным камнем: чётко фиксируется волнообразный рельеф, похожий на поверхность стиральной доски. Видимо, камень был значительным по толщине, и это действие было связано с тем, чтобы уменьшить его размеры и вес (рис. 3, *1*).

Кроме всего, одна длинная сторона камня также подвергалась обработке, о чём свидетельствуют её прямолинейность и вертикальность: таких результатов, судя по всему, добились путём распилки грани сверху с последующим скалыванием частей камня. По причине твёрдости породы, из которой состоит камень, а также большой трудоёмкости работы, этот процесс остался незавершённым (рис. 3, *1*; 4, *4* – первая обработанная вертикальная грань).

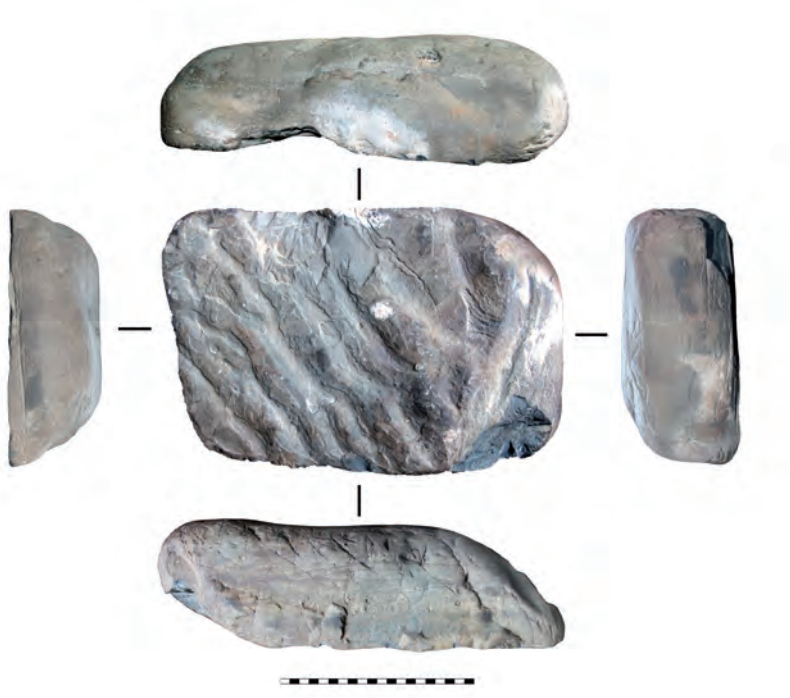

Рис. 3. Курган Угам. Оборотная поверхность, все боковые грани эпиграфического артефакта

Аналогичным образом, в отношении другой длинной стороны тоже была предпринята попытка распилки с целью придания вертикальности этой грани. Более того, некоторые «чешуйки», отделённые от основной поверхности в результате распилки, так и остались на месте (т. е. не были отколоты; рис. 3, *3*; 4, *4* – вторая обработанная вертикальная грань). Надо полагать, путём перечисленных манипуляций древние мастера преследовали конкретную цель: придать «носителю» письма законченный вид «каменной книги», равномерной по толщине и овально-прямоугольной по форме.

Вопросы техники распилки твёрдых пород камня в древности представляют собой отдельную тему, но такую технологию как шаржирование (нанесение на режущую поверхность тонкого медного носителя-листа крошки из более твёрдых минералов, чем мелкозернистый кварцит – кремня или халцедона) наши древние предки наверняка знали и использовали. Также можно предположить, почему каменному носителю руноподобного «письма» была придана прямоугольная форма, приближенная к формату «книги» -

Рис. 4. Курган Угам. Трасологический эксперимент, обработанные грани артефакта

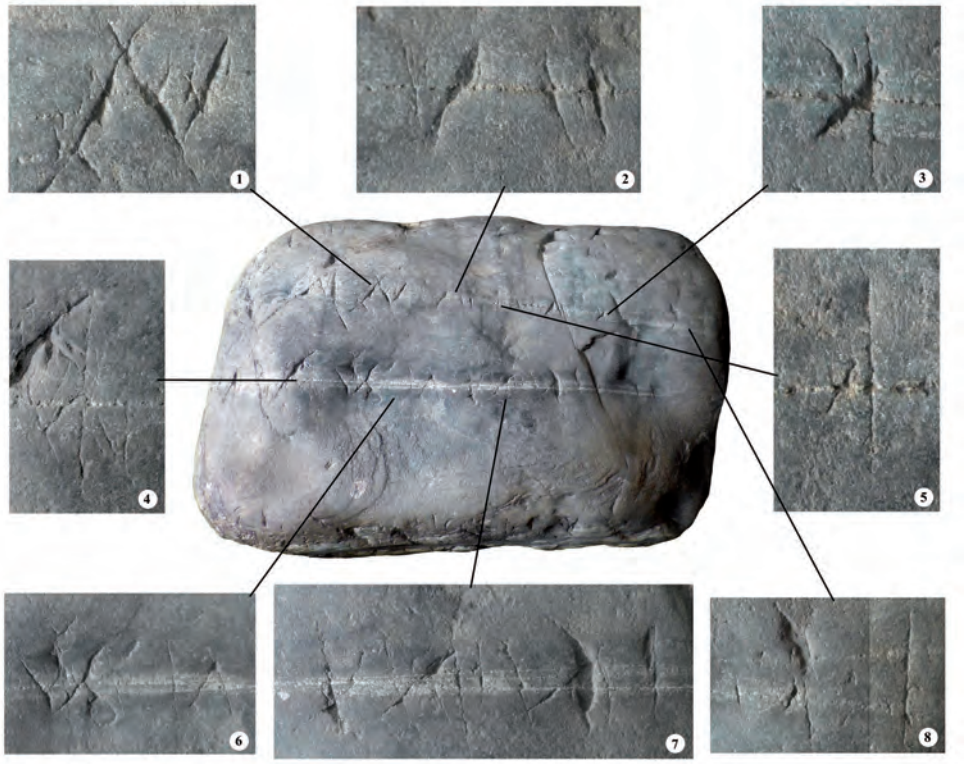

Рис. 5. Курган Угам. Лицевая информационная поверхность эпиграфического артефакта с руноподобным письмом

видимо, древние мастера имели перед собой реальный аналог иных носителей письменности такой формы (например, керамические кирпичи-таблицы?).

4. Завершает ряд обстоятельств, свидетельствующих в пользу того, что перед нами древнее письмо, следующий немаловажный факт: неизвестные исполнители преднамеренно выбрали камень, который по всей длине лицевой поверхности имеет две чёткие, почти параллельные, кварцевые вкрапления-прожилки белого цвета, выступающие в виде «строк» - именно на них и нанесены «знаки».

Одним словом, как бы ни трактовать камень со знаками из кургана Угам (эпиграфический артефакт или версия, связанная с природным происхождением), игнорировать при этом два ключевых фактора совершенно невозможно: это рукотворность камня и его использование в погребальной обрядности (рис. 4, *4*).

Эмпирические наблюдения, трасологические эксперименты и предварительные выводы об угамском руноподобном «письме»

Тщательный визуальный анализ с использованием доступных средств (сильные линзы, микроскоп) позволяет обратиться к трасологии исполнения «знаков» в контексте выявления вариантов их графической фиксации на

твёрдой породе камня и возможного определения инструментов, которыми они наносились. С уверенностью можно сказать, что кварцитовые прожилки, имитирующие «строки», однозначно пересекаются линиями «знаков» (вертикально, под наклоном). При этом наблюдается техника прорезания тонких линий, судя по чрезвычайной плотности поверхности камня, также каменными остроконечниками, а некоторые «знаки» просто процарапаны (пока выявлено порядка 26–27 «знаков»; рис. 5, *1–2*). Между тем нельзя исключить, что для окончательного нужного графического оформления «знаков» древние мастера частично могли использовать отдельные естественные трещины, выемки и даже вкрапления на поверхности камня.

Кроме всего, подобное обстоятельство определялось ещё и тем, что нанесение линий («графем») на поверхность камня такой предельной плотности породы, как мелкозернистый песчаник или мелкозернистый кварцит, занятие крайне сложное и трудоёмкое: только концентрированные силовые усилия

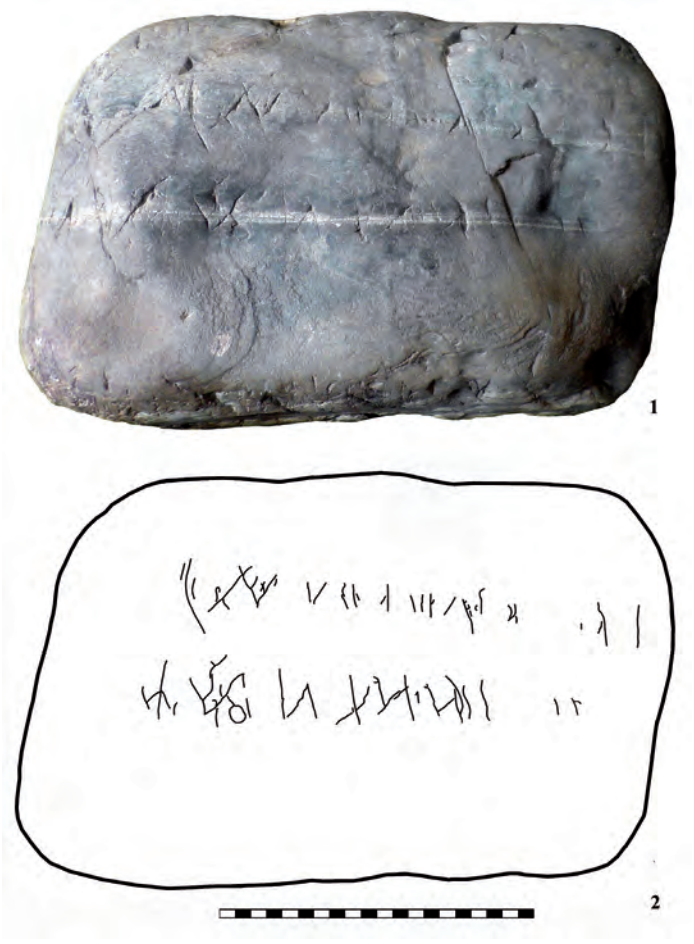

Рис. 6. Курган Угам. Знаки, строки руноподобного письма (внешний вид и прорисовка)

на каменный остроконечник (причём – многократные) оставляют нужные линии на поверхности камня, изначально малозаметные. Поэтому разглядеть точные графические контуры собственно «знака» (или графемы, которую можно трактовать как «знак»), особенно имея в виду наличие естественных микротрещин, а также – факт естественной эрозии (и связанных с ней деформаций поверхности камня) на протяжении около 2000 лет, достаточно сложно.

Этот тезис подтверждается нашим практическим экспериментом по нанесению на свежем сколе оборотной стороны угамского камня нескольких линий посредством каменного остроконечника из халцедона (рис. 4, *1*), ножевидной пластины из кремня (рис. 4, *2*) и стального ножа (рис. 4, *3*). В результате прочерчивания каменными орудиями труда (найдены в Угамском урочище) только с третьего-четвёртого раза удалось вычертить более-менее заметную линию; лучше это получалось при использовании стального ножа. По мнению З. Самашева, поздние саки Казахстана в IV–III вв. до н.э. уже знали железо с высоким содержанием углерода, т. е. сталь и могли из неё делать предметы быта (иглы, ножи) и вооружение.

Такое положение и проблемы, связанные с идентификацией знаков письменности, особенно на камне, встречались и ранее. Вот что свидетельствует Кемаль Акишевич Акишев в отношении эпиграфического артефакта на камне из Семиречья/Жетысу (информация о нём ниже): «Однако распознание знаков затрудняется их нечёткостью, многочисленными естественными трещинами, плохим почерком писца, что может быть объяснено несовершенством техники выполнения письма, твёрдостью материала, на который наносились знаки, или малограмотностью писца» [Акишев, 2009, с. 109]. Заметим, что в целом «строки» и «знаки» угамского камня визуально заметны хорошо, графически выглядят достаточно убедительно и производят впечатление полноценного строчного «письма» (рис. 5, *1–8*; 6, *1–2*).

Интерпретации археологического, технологического и графического порядка

Судя по всему, речь идёт об обнаружении письменности типа иссыкской (курган Иссык, IV в. до н. э., Юго-Восточное Жетысу) и родственных ей надписей на керамике, камне из Южного Таджикистана, Южного Узбекистана, Северного Афганистана, датируемых примерно первыми веками нашей эры. В целом термин «иссыкское письмо» распространяется и на другие надписи, найденные на каменных и других носителях в горной зоне Тянь-Шаня и Памира. Например, в 1968 году в одном из курганов могильника Каратома (IV–III вв. до н.э.) был найден каменный миниатюрный сосуд ритуального назначения, на дне которого обнаружены нанесённые четыре знака (со слово-разделителем) [Акишев, 1978, с. 58], что дало исследователям трактовать эту эпиграфическую находку как надпись.

Другая эпиграфическая находка в контексте некоторых обстоятельств прямо пересекается с камнем из кургана Угам: так, в 1963 г., в насыпи одного из курганов могильника Актасты I (IV–VII вв.) обнаружен необработанный

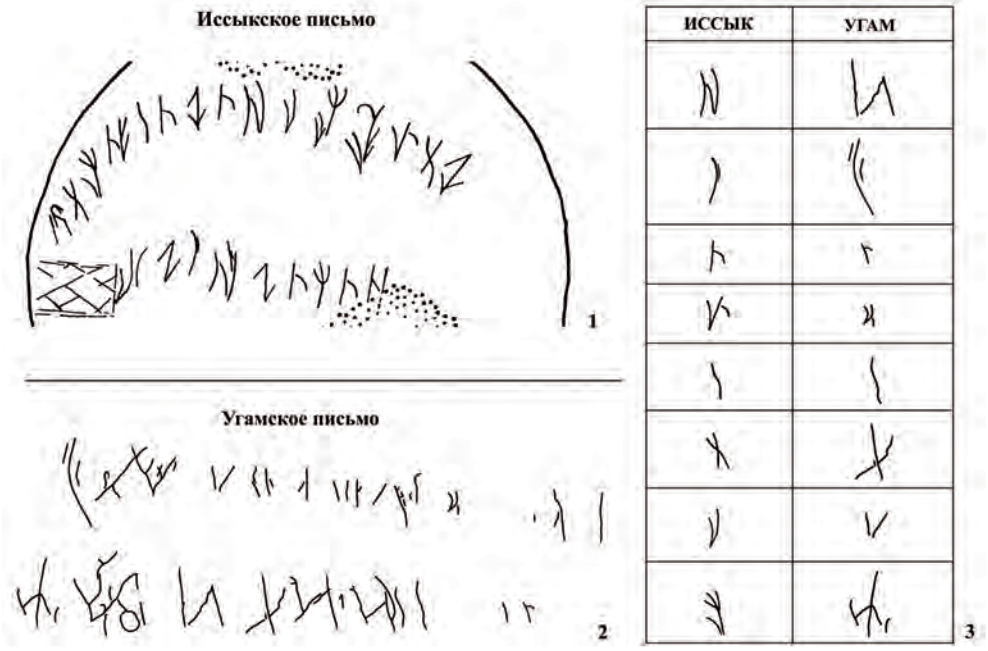

Рис. 7. Варианты сравнения графически родственных знаков иссыкского и угамского письма

трёхгранный камень, на всех трёх плоскостях которого зафиксированы около 30 знаков [Акишев, 1978, с. 58, рис. 73].

Графически, техникой нанесения «знаков» и, скорее всего, лингвистически угамское письмо ближе всего стоит к надписи на серебряной чаше из археологического комплекса кургана Иссык (IV в. до н.э.). В частности, иконография некоторых угамских «знаков» уверенно пересекается с иссыкской («N»-образные знаки, стреловидный «знак», «У»-образные, «V»- образные, «Х»- образные знаки, вертикальные и наклонные линии).

Отметим также, что контуры отдельных «знаков» близки к изображениям копытных животных, что напоминает пиктографическое письмо (например, два «знака», близкие к изображению антилопы в движении в почти традициях скифо-сакского звериного стиля; рис. 5, *7*; 6 – центральная композиция второй «строки» сверху). Практически одинакова также техника исполнения, когда знаки наносились (вычерчивались, процарапывались) очень тонкими линиями, за которыми порою сложно увидеть собственно знак.

В связи с обнаружением угамского артефакта с руноподобным «письмом» и его, предположительно, лингвистической близости к иссыкскому письму, разумным будет осуществить элементарный сравнительный анализ графической информации этих памятников письменности. В концентрированном виде он отражён в рисунке 6 (рис. 6) и сводится к следующему: помимо сходных статистических данных (двустрочные надписи с практически одинаковым

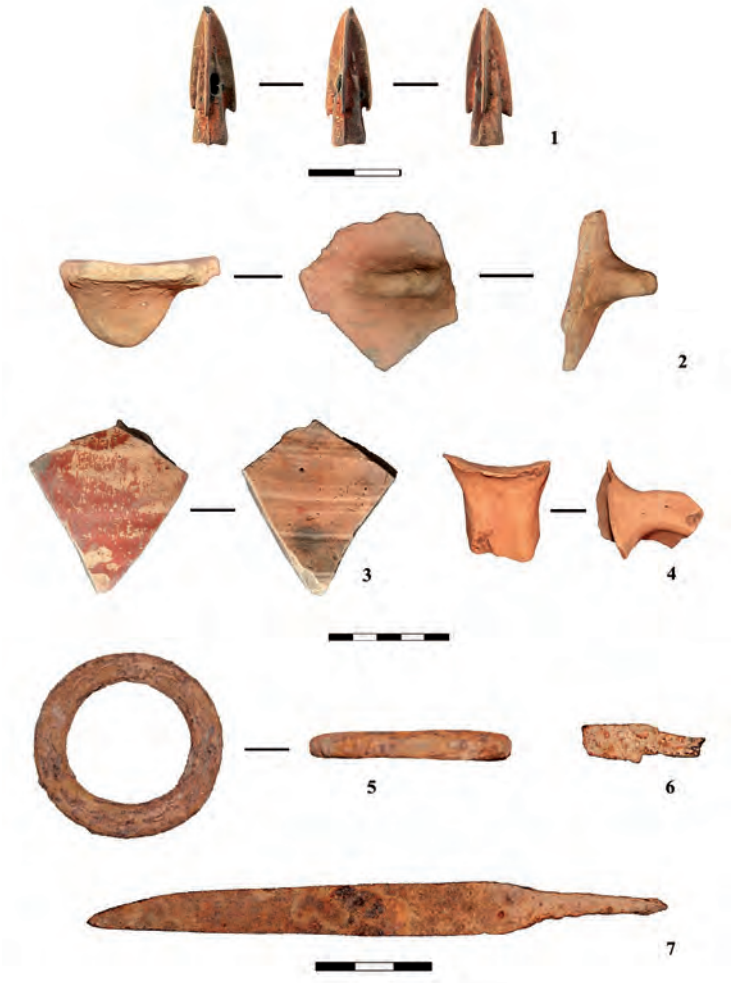

Рис. 8. Курган Угам. Артефакты из бронзы, железа и фрагменты керамики из насыпи

количеством знаков, по 26–27; рис. 6, *1–2*), хорошо фиксируется несколько графически родственных знаков, близких по иконографическому и, возможно, лингвистическому наполнению (рис. 7, *1–2*, *3*).

Предварительные заключения по руноподобному угамскому письму сводятся к следующему: это письмо, судя по всему, явно строчное, а наличие близких по прорисовке «знаков» даёт основание предположить, что оно могло быть алфавитным. Что касается более глубоких и основательных палеолингвистических выводов (на уровне транслитерации, чтения слов), а также – дешифровки письменности, то это задача современных палеолингвистов, которым подобные находки дают серьёзный повод и информацию к размышлению для научной деятельности. Это особенно

актуально, учитывая тот факт, что иссыкское письмо (как и иная руноподобная эпиграфика), несмотря на многолетние усилия учёных и множество вариантов прочтения, остаётся не дешифрованным.

Хронология, вопросы этнической и культурной принадлежности

Вместе с камнем в насыпи кургана найдено несколько артефактов, дающих основание для предварительной интерпретации. Остановимся на характеристике наиболее значимых в этом плане находках, часть которых может выступать в роли этнокультурных и хронологических индикаторов.

1. Бронзовый втульчатый трёхлопастной наконечник стрелы с опущенными «жальцами», выполненный посредством литья и имеющий в средней части втулки овально-вытянутое отверстие (найден на древней поверхности у кромки каменной насыпи при оконтуровке последней; рис. 8, *1*). Аналогичные бронзовые наконечники широко известны в погребальных памятниках Жетысу поздне-сакского времени (III–II вв. до н.э.); [Акишев, 1963, с. 120; табл. на с. 117, нижний ряд наконечников: 1–2, 5, 10].

2. Керамический фрагмент части тулова и горизонтального ушковидного выступа-ручки (налепа) от круглодонного чашевидного сосуда сако-усуньского облика (обнаружен на уровне нижней выкладки насыпи, ближе к центральной грабительской воронке; рис. 8, *2*). Такие сосуды с подобными горизонтальными выступами-ручками известны в последние века до – первые века н.э. в усуньских могильниках Жетысу (так называемые «кубки») [Кушаев, 1963, с. 268, табл. VII, *1, 5, 7, 10-1*; Акишев, Алимбай, 2011, с. 124, ЦМК КП № 15841].

3. Фрагмент керамики от столового сосуда типа кувшина, выполненного из качественного теста на быстровращающемся гончарном круге (зафиксирован на уровне древней поверхности в средней части северо-западного сектора; рис. 8, *3*). Кувшин снаружи украшен горизонтальными рифами, покрыт ангобом красного цвета и залощён (следы рифления и концентрические линии от быстровращающегося круга отмечены и на внутренней поверхности черепка; рис. 8, *3*). Аналогичный декор столовой посуды является чрезвычайно характерным приёмом для украшения керамики арысской культуры Южного Казахстана (каратобинский этап, I в. до н.э. – IV в. н.э.) периода государства Кангюй [Подушкин, 2000, с. 132–135].

Помимо вышеперечисленного, в каменной насыпи и на уровне древней поверхности северо-западного сектора кургана найдены и другие артефакты (часть ручки и горловины от кувшина, железные предметы – кольцо, черешковый большой нож и фрагмент миниатюрного черешкового бытового ножа; рис. 8, *4–7*).

С учётом приведённых характеристик и аналогий, в отсутствие иных более уверенных хронологических и этнокультурных индикаторов на данном этапе исследований, предварительно датировать угамский курган можно в диапазоне III в. до н.э. – IV в. н.э. и связать это погребальное сооружение с поздними саками Южного Казахстана и государством Кангюй.

Научная, историко-культурная значимость угамского письма

Сам факт того, что в связи с этой эпиграфической находкой более чем через полвека вновь обозначилась тема иссыкского (и другого руноподобного)

письма, для академической науки Казахстана является примечательным событием. Ведь речь идёт о письменности – уникальном индикаторе высокой цивилизации и развития культурных традиций у древнего населения Казахстана более чем двухтысячелетней давности. Возможно, новая знаковая информация угамского камня с руноподобными письменами в сочетании с иссыкским письмом предоставит учёным-палеолингвистам дополнительные данные о его сакском происхождении и даст ключ к прочтению и разгадке таких текстов, что расширит познания об историко-культурных традициях наших предков.

В связи с этим будет исключительно уместным привести мнение патриарха казахстанской археологии Кималя Акишевича Акишева: «Дополнительными доказательствами сакского происхождения надписи (иссыкской – примечание А.П.) могут быть новые находки памятников *письменности* (курсив – А.П.) этого же времени, находки письменности в коллекциях более поздней культуры, но генетически связанной с сакской, признание мировой наукой иссыкского письма как письменности, выполненной новым неизвестным науке алфавитом. Наконец, возможно, что для решения вопроса будут получены данные из содержания самой иссыкской надписи, конечно, если они будут прочитаны, а вариант чтения будет признан (принят) специалистами языковедами» [Акишев, 2013, с. 74].

Ещё немаловажный момент: судя по второй находке текстов на камне, положенных в курганную насыпь (курган могильника Актасты I и курган Угамский), можно говорить о наличии этой традиции у сако-кангюйских племён древнего Казахстана и, в известном смысле слова, о распространении письменности в кругу названных этно-политических образований, причём как в среде состоятельных высших сословий (Иссык, Угам), так и рядовых (Актасты I).

Литература

Акишев К.А. Культура саков долины реки Или // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 7-136.

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: «Искусство», 1978. 142 с.: ил.

Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.) // Труды Центрального музея. Алматы: «Балалар әдебиеті», 2009. Т. II. С. 79-140.

Акишев К.А. Древние и средневековые государства на территории Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 192 с.

Кушаев Г.А. Культура усуней правобережья реки Или (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. С. 138-298.

Акишев А., Алимбай Н. Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. Алматы: «Өнер», 2011.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: издательский центр МКТУ, 2000. 200 с.

Подушкин А.Н, Ахметов М.Г., Донец А.Г., Рустемов А.А., Вагнер В.Ф., Пестова М. Археологические работы в Угамском урочище // Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2012. Т. I. С. 62-79.

Подушкин А.Н., Сулейманов Р.Х., Раев Б.А., Рустемов А.А., Донец А.Г., Белов М.А. Археологические работы в Угамском урочище в 2013 г. // Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2013. Т. II. С. 140-155.

Подушкин А.Н., Раев Б.А., Белов М.А., Рустемов А.А., Донец А.Г., Шымырбеков М.Л. Археологические исследования в Угамском урочище в 2014 году // Культурно-исторические процессы в казахских степях в древности и средневековье: традиции и инновации. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. Т. III. С. 144-166.

Подушкин А.Н. Угамская долина Сайрам-Угамского национального природного парка в историко-культурном и археологическом контекстах // Сайрам-Угамский государственный национальный природный парк. Шымкент, 2015. С. 138-150.

П. К. Дашковский

ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС СНАРЯЖЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КУРГАНА № 25 МОГИЛЬНИКА ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

В публикации дается анализ погребального инвентаря, обнаруженного в кургане пазырыкской культуры, раскопанного на могильнике Ханкаринский дол. Некрополь расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). Подробно анализируются основные категории погребального инвентаря: биметаллический кинжал, бронзовые заколки, колчанный крюк, зеркало, поясная пряжка, прорезная обойма, нож, гривна, обложенная фольгой. В рамках сравнительно-исторического подхода приводятся аналогии артефактам из других памятников пазырыкской культуры, а также из других культур скифо-сакского периода, распространенных в Южной Сибири и Центральной Азии. На основе анализа погребального обряда, инвентаря курган отнесен ко второй половине VI – началу V в. до н.э. В настоящее время это один из самых ранних курганов пазырыкской культуры, исследованных в Северо-Западном Алтае.

Ключевые слова: пазырыкская культура, Алтай, погребальный обряд, артефакты

Ханқара дол (Алтай) қорымындағы № 25 обадан табылған пазырық мәдениеті көшпенділері жабдықтарының заттай кешені

Мақалада пазырық мәдениетінің Ханқара дол қорымындағы қазбадан табылған археологиялық жәдігерлерге жүргізген талдаулар беріледі. Қорым Алтай өлкесінің (Солтүстік-батыс Алтай) Краснощеков ауданында орналасқан. Қазба барысында алынған археологиялық жәдігерлерге биметалл қанжар, қола түйреуіш, қорамсақ ілгегі, айна, белдік тоғасы, пышақ, фольга қапталған алқа және т.б. толық талқыланады. Тарихи-салыстырмалы тәсіл аясында пазырық мәдениетінің басқа ескерткіштерімен, сондай-ақ Оңтүстік Сібір мен Орталық Азияда таралған скиф-сақ дәуірінің басқа да мәдениеттердің артефактілерімен ұқсастықтары келтіріледі. Зерттеу жұмыстарының негізінде қорым б.д.д. VI екінші жартысы – V ғ. басымен мерзімделеді. Қазіргі уақытта бұл Солтүстік-батыс Алтайда зерттелген пазырық мәдениетінің ең ерте қорымдарының бірі болып табылады.

Түйін сөздер: пазырық мәдениеті, Алтай, жерлеу ғұрпы, артефактілер

The subject complex of equipment of nomads of Pazyryk culture from the mound No. 25 of the Khankarinskiy Dale burial ground (Altai)

The publication provides an analysis of grave goods found in the kurgan of the Pazyryk culture, unearthed in the burial Khankarinskiy dale. The necropolis is situated in Krasnoshchekovskiy district of Altai Krai (North-Western Altai). The main categories of

© **Петр К. Дашковский,** *Алтайский государственный университет;* dashkovskiy@fpn.asu.ru

funeral equipment are analyzed in detail: a bimetallic dagger, bronze hairpins, a quiver hook, a mirror, a belt buckle, a slotted clip, a knife, a torc covered with foil. Within the framework of the comparative-historical approach, analogies are given to artifacts from other monuments of the Pazyryk culture, as well as from other cultures of the Scythian-Saka period, common in Southern Siberia and Central Asia. Based on the analysis of the burial rite and inventory, the mound was assigned to the second half of the VI – beginning of the V century BC. Currently, it is one of the earliest mounds of the Pazyryk culture, studied in the North-Western Altai.

Keywords: Pazyryk culture, Altai, funeral rite, artifacts

Некрополь Ханкаринский дол входит в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского р-на Алтайского края [Дашковский, 2016; 2017**а**]. Памятник находится в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Ини (левый приток Чарыша) в 1,0–1,4 км к ЮЮВ от с. Чинета. Начиная с 2001 г. раскопки на могильнике проводит Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора. В данной публикации приводится информация о результатах анализа погребального инвентаря, обнаруженного при исследовании на указанном некрополе кургана пазырыкской культуры № 25.

Курган № 25 выявлен в северной части могильника Ханкаринский дол недалеко от края второй надпойменной террасы. Диаметр насыпи из мелких и средних по размеру камней, сложенных в 3–4 слоя, составлял 9,75 (С–Ю) – 9,50 (З–В) м. Высота сооружения из камня достигала 0,6 м, а вместе со слоем грунта – 0,8 м. В центральной части насыпи прослеживалась западина размером 2,25 м по линии С–Ю, и 1,5 м по линии З–В. По окружности основания кургана зафиксирована кольцевая выкладка-крепида из более крупных камней. Под насыпью выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Могильная яма имела размеры по уровню древнего горизонта 3,1×2,8×2,7 м. В отличие от других раскопанных курганов на могильнике Ханкаринский Дол, здесь могила была заполнена только грунтом без камней. На дне могилы на глубине 2,5–2,56 м вдоль южной стенки обнаружено парное погребение мужчины и женщины. Умершие были уложены в скорченном положении на правом боку и ориентированы головой на ЮВ.

Вдоль южной стенки находился мужской скелет. Рядом с левой берцовой костью обнаружен биметаллический боевой кинжал в деревянных ножнах (рис. 1), а в районе пояса – бронзовые колчанный крюк (рис. 2, *7*), бронзовая пряжка-застежка (рис. 2, *1*) и поясная обойма (рис. 2, *2*). Второй скелет принадлежал женщине. Под черепом обнаружены две бронзовые заколки (рис. 2, *3, 4*), в районе шеи – бронзовая гривна, украшенная золотой фольгой (рис. 3), у левой берцовой кости в районе таза – бронзовое зеркало (рис. 2, *6*). В 15 см к северу от костей левой кисти второго скелета на глубине 2,55 м найден развал керамического сосуда, а в 25 см к востоку от него – остатки ритуальной пищи (кости барана) и бронзовый нож (рис. 2, *5*). Погребение, вероятно, было перекрыто деревянными плахами, которые укладывались на уступы вдоль

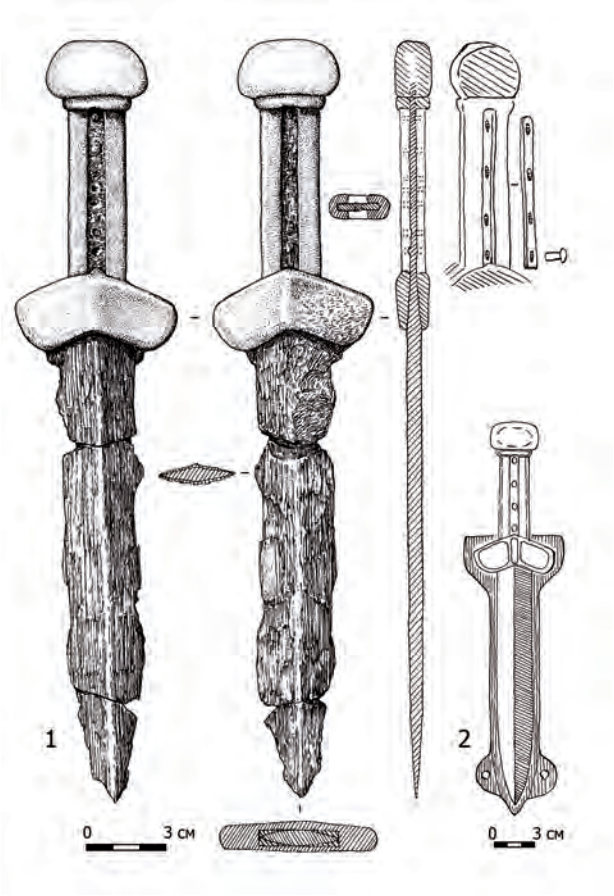

Рис. 1. Биметаллический кинжал (1)
и реконструкция этого кинжала в деревянных ножнах (2)

западной и восточной стенок могилы. Вдоль восточной стенки на глубине 1,9 м сохранились четыре деревянные плахи длинной до 20 см и шириной до 10 см.

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,35–1,68 м на глиняном уступе обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот и ориентирована головой на ЮВ. Из предметов снаряжения лошади обнаружены бронзовые удила с костяными псалиями, украшенными зооморфными изображениями, две костяные налобные бляхи, распределители ремня (три круглых и один в виде клыка животного), чумбурный блок и подпружная пряжка. Итогам изучения комплекса снаряжения лошади из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол будет посвящена отдельная публикация. В данном случае более подробно остановимся на анализе предметного комплекса, обнаруженного у погребенных людей.

Из предметов вооружения представлен биметаллический кинжал в деревянных ножнах плохой сохранности (рис. 1). Его общая длинна 28,5 см, бронзовой рукояти – 11 см. Железная часть кинжала включает лезвие длиной

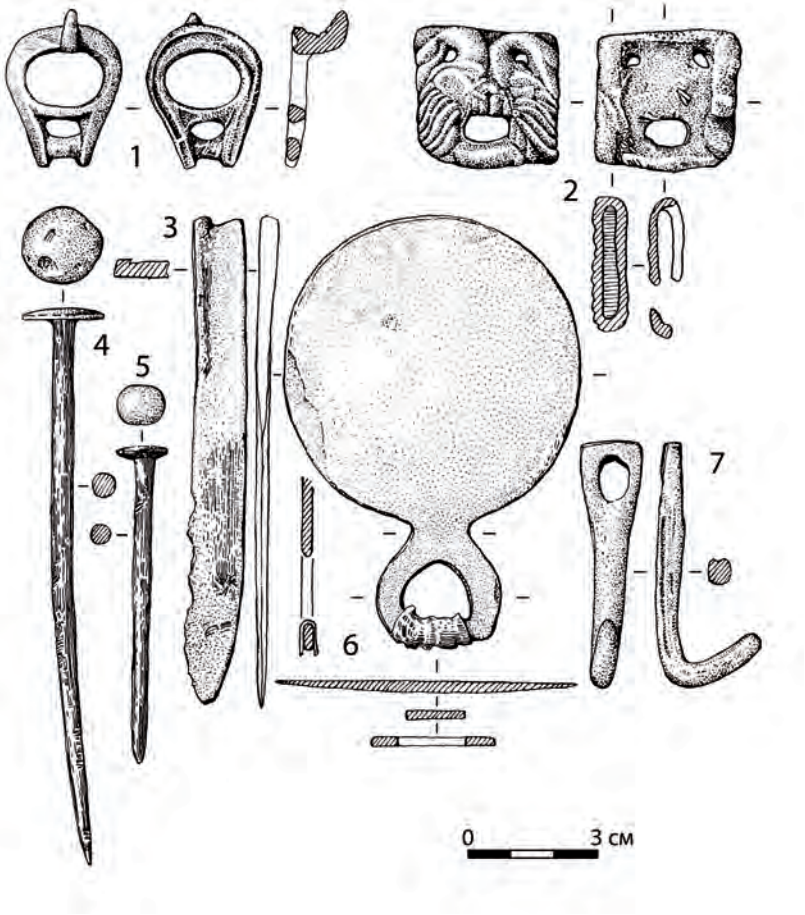

Рис. 2. Инвентарь: 1 – поясная пряжка; 2 – поясная обойма; 3, 4 – заколки; 5 – нож; 6 – зеркало; 7 – колчанный крюк

17,5 см и черенок, который хорошо фиксируется в прорези бронзовой рукояти. Ширина ромбического клинка в перекрестии 3,5 см, толщина в самом широком месте 5,5 мм. Черенок длиной ок. 7 см от верхней части перекрестия был вставлен в его сквозное отверстие и задвинут в прорезь рукояти, ширина которой на 4–5 мм меньше, чем черенок, поскольку его края входили в небольшие продольные пазы на внутренних сторонах прорези. Ширина ее видимой части 0,7 см, а с учетом пазов – 1,65 см. Вставленный в прорезь черешок фиксировался четырьмя железными заклепками, установленными в заранее подготовленные отверстия. Навершие кинжала имело грибовидную форму, а перекрестие – сердцевидную.

Биметаллические кинжалы встречаются достаточно редко не только на памятниках пазырыкской культуры Алтая, но и в целом в курганах скифской эпохи в Центральной Азии. Так, близкое по отдельным морфологическим

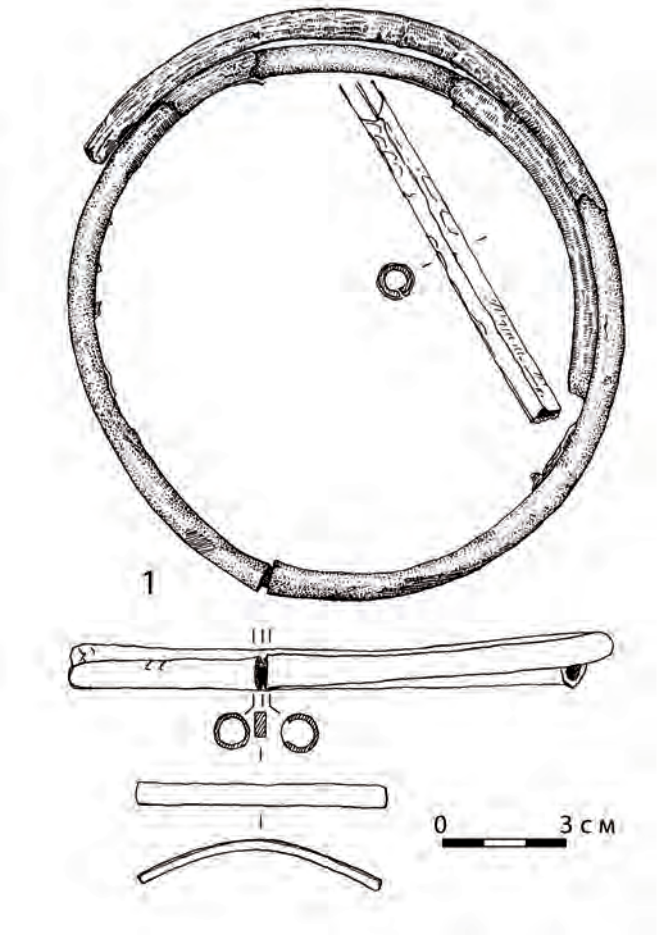

Рис. 3. Бронзовая гривна, обложенная золотой фольгой (2)

особенностям (в частности, наличие бронзовой рукояти с сердцевидным перекрестием, железного клинка с черенком и др.) оружие обнаружено в кургане № 5 могильника Ала-Гаил-3 [Кубарев, Шульга, 2007, с. 5, рис. 27, *3*]. Еще один полноценный биметаллический кинжал с бронзовой рукояткой, украшенной изображением грифона и бабочковидным перекрестием, найден в кургане № 2 могильника Тавдушка [Кубарев, Шульга, 2007, с. 75]. Кроме того, на Алтае в курганах пазырыкского периода известны кинжалы, у которых либо перекрестие, либо рукоять из бронзы. К их числу можно отнести находки из могильников Кош-Тал (курган № 9) [Суразаков, 1993, с. 32, рис. 29, *1*], Кызыл-Джар I (курган № 8) [Могильников, 1983] и Бураты IV (курган № 11) [Кубарев, Кочеев, 1983]. По мнению некоторых исследователей, такие кинжалы, у которых только один элемент (перекрестие или навершие) из бронзы, не стоит рассматривать как полноценные биметаллические [Кубарев, Шульга, 2007, с. 75].

Следует отметить, что биметаллические кинжалы известны и в курганах саглынской культуры в Туве. В частности, в кургане № 13 могильника Саглы-Бажи II обнаружен экземпляр с железным клинком и прорезной бронзовой рукояткой [Грач, 1980, с. 33, рис. 30, *1*]. Правда, исследователи справедливо обратили внимание на то, что в монографии А. Д. Грача помещено фото кинжала, который не совсем идентифицируется с биметаллическим изделием [Кубарев, Шульга, 2007, с. 76], хотя это не исключает его наличие в принципе. Важным является вопрос о датировке таких изделий. Наиболее аргументированной представляется позиция В. Д. Кубарева и П. И. Шульги, которые рассматривали их в совокупности со всеми предметами вещевого комплекса. В результате они отметили, что, например, полноценный биметаллический кинжал из кургана № 5 могильника Ала-Гаил-3 с учетом особенностей элементов снаряжения коня и других артефактов может быть датирован серединой – второй половиной VI в. до н.э. Экземпляр из кургана № 13 могильника Саглы-Бажи II авторы отнесли к несколько более позднему времени, но не уточнили к какому именно. Биметаллический кинжал из кургана № 2 могильника Тавдушка датирован ими концом VI – первой половиной V в. до н.э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 77]. Примечательно, что подобные находки с памятников саков в Средней Азии также относятся к достаточно раннему периоду – VII–VI или скорее VI в. до н.э. [Литвинский, 1972, с. 113–114]. Таким образом, биметаллический кинжал из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол с учетом других предметов вещевого комплекса, в т.ч. элементов снаряжения коня, следует датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э.

В сопроводительном инвентаре представлен бронзовый колчанный крюк (рис. 2, *7*), хотя исследователи отмечают, что такого типа предметы могли использоваться и для подвешивания ножен, чекана, зеркал, а также в качестве поясных застежек [Суразаков, 1988, с. 59; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 66–67; Киселев, 1951, с. 294]. Однако с учетом присутствия в погребении бронзовой поясной застежки, это, вероятно, именно колчанный крюк. Его длина 5,7 см, максимальная ширина в верхней части 1,5 см. По подсчетам исследователей, в настоящее время известно более 50 колчанных крюков. Из них только четыре железные, два деревянные, а остальные бронзовые [Кирюшин, Стапанова, 2004, с. 68]. Экземпляр из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол наиболее близок к крюкам с округлой или овальной петлей на стержне. При этом его верхняя часть, в которой сделано овальное отверстие, имеет форму перевернутой трапеции. По ряду морфологических признаков данному экземпляру близок крюк из кургана № 7 могильника Кок-Эдиган [Кирюшин, Стапанова, 2004, рис. 29, *5*]. Бронзовые колчанные крюки, в т.ч. указанного типа, встречаются преимущественно в памятниках конца VI – IV в. до н.э. в Туве, Приобье, Казахстане и Монголии [Суразакова, 1988, с. 59–60; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 67–70; Маннай-Оол, 1970, с. 52; Смирнов, 1961, с. 35; и др.].

Два бронзовых предмета относятся к поясной фурнитуре: пряжка с подчетырехугольным основанием и выступающим вперед язычком (рис. 2, *1*)

и прорезная обойма с изображением на лицевой стороне двух лебедей (рис. 2, *2*). Бронзовые поясные застежки с выступающим или загнутым язычком, которые внешне напоминают подпружные пряжки из бронзы, достаточно редко встречаются в курганах пазырыкской культуры. В частности, они обнаружены в погребениях могильников Уландрык I (кург. № 1), Уландрык IV (курган № 3) [Кубарев, 1987, с. 83, рис. 29, *3*, *4*, табл. IV, 2; LXXXVIII, 16], Юстыд I (курган № 4) и XXII (курган № 1) [Кубарев, 1991, с. 92, рис. 19, *5*, *6*, табл. IX, 4; LXIV, 3]. Бронзовая поясная застежка с выступающим язычком найдена в кургане № 1 могильника быстрянской культуры Юбилейный II [Суразаков, 1988, с. 71, рис. 46, *2*]. Еще одна обнаружена в кургане № 1 могильника Дужерлиг-Ховузу I в Туве [Грач, 1980, с. 205, рис. 67]. Бронзовые поясные застежки, по форме аналогичные подпружным пряжкам из такого же материала, фиксируются начиная с конца VI в. до н.э. [Суразаков, 1988, с. 2–3]. Некоторые из них обнаружены в курганах, датируемых IV–III вв. до н.э., в частности в кургане № 1 могильника Юстыд XXII [Кубарев, 1991, с. 134].

Бронзовая поясная обойма имеет почти квадратную форму (3,4×3,3 см). Внизу расположено округлое отверстия для подвешивания предметов, прежде всего, вооружения (рис. 2, 2). Бронзовые прорезные поясные обоймы появились в конце раннескифского периода, но наибольшее распространение получили на раннем этапе пазырыкской культуры в VI–V вв. до н.э. [Суразаков, 1988, с. 71–73; Кубарев, Шульга, 2007, с. 107]. Во второй половине V в. до н.э. они начали заменяться пластинчатыми костяными прорезными бляхами и их деревянными аналогами [Кубарев, Шульга, 2007, с. 107; Кубарев, 1987, с. 79–82; 1991, с. 85–89; 1992, с. 77–84].

Из предметов женского туалета представлены две бронзовые заколки гвоздевидного типа (рис. 5, *3*, *4*). Длина одной 13 см, другой 7,5 см, диаметр шляпки, соответственно, 1,9 и 1,1 см. Металлические, особенно бронзовые заколки (шпильки) нечасто встречаются в пазырыкских курганах [Кирюшин, Стапанова, 2004, с. 86–89]. Вероятно, более широко были распространены деревянные шпильки, но они редко сохраняются [Кубарев, 1991, с. 111; 1992, с. 93–95; и др.]. Бронзовые гвоздевидные заколки не характерны для пазырыкской культуры Алтая. Они известны, но в ограниченном количестве, в материалах раннескифского времени (могильник Ак-Алаха II) [Полосьмак, 1993, с. 26, рис. 3]. В памятниках пазырыкского периода представлены железные заколки гвоздевидного типа. В частности они найдены в кургане № 18 могильника Кок-Су I [Сорокин, 1974, с. 69], кургане № 14 некрополя Тыткескень VI [Кирюшин и др., 2004, с. 183, рис. 15, *б*], кургане № 25 памятника Малталу IV [Кубарев, 1992, с. 218, табл. LXX, 15]. Следует подчеркнуть, что первые два кургана относятся к раннему этапу пазырыкской культуры и датированы серединой VI – V в. до н.э., а последний – IV-II вв. до н.э. С учетом этого бронзовые гвоздевидные заколки из кургана № 25 могильника Ханкаринскийдол можно датировать серединой VI – началом V в. до н.э.

Бронзовое зеркало из рассматриваемого кургана (рис. 2, *б*), согласно классификации, предложенной Ю. Ф. Кирюшиным и Н. Ф. Степановой,

относится к односоставным, у которых длина ручки меньше радиуса диска, а ручка имеет форму овальной или округлой петли (отдел 1, подотдел 2, группа 1, тип 1, вариант 2) [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 78]. Его аналогами являются экземпляры из курганов № 18, 25 могильника Кок-Су I, кургана № 14 некрополя Тыткескень VI, курганов № 18, 23, 26, 27 памятника Юстыд XII [Сорокин, 1974; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 183, рис. 15, *1*; Кубарев, 1991, табл. XLIII, LII, LVI, LIX] и др. Следует отметить, что зеркала такого типа встречены и в курганах, которые относятся к раннему этапу пазырыкской культуры – второй половине VI – V в. до н.э. (например, Кок-Су I, курган № 18; Тыткескень VI, курган № 14).

Среди находок из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол особую социальную значимость имеет бронзовая гривна в полтора витка, покрытая золотой фольгой (рис. 6, *2*). Ее диаметр 14,2 см, толщина 0,7 см. Важно обратить внимание на то, что основа гривны у «пазырыкцев» могла изготавливаться не только из бронзы, но и из дерева, железа, а после этого покрываться золотой фольгой. В погребениях могильника Ханкаринский дол обнаружено восемь гривен. При этом в настоящее время в курганах скифского времени известно ок. 60 экз., в т.ч. 20 металлических [Степанова, 2001, с. 90; Кубарев, 2005]. Если учесть, что в Горном Алтае раскопано более 600 погребений пазырыкского периода, то захоронения с гривнами составляют меньше 10%, а с металлическими – менее 3%. В то же время на могильнике Ханкаринский дол таких погребений 28%. При этом гривны обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях. Такая особенность в совокупности с другими показателями погребального обряда (топографическое и планиграфическое расположение могильника в пределах Чинетинского микрорайона, высокий процент сопроводительных захоронений лошадей, нахождение головных уборов и др.) свидетельствует о том, что кочевники, погребенные на могильнике Ханкаринский дол, в т.ч. в кургане № 25, занимали достаточно высокое социальное положение по отношению к остальному населению бассейна р. Ини.

Бронзовый нож из рассматриваемого кургана может быть отнесен к типу прямых пластинчатых, с прямой спинкой, без навершия (рис. 2, *5*). Длина лезвия составляет 11,3 см. Ножи такого типа были достаточно широко распространены на всем протяжении существования пазырыкской культуры [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 70–71; Кубарев, 1987, с. 52–54; 1991, с. 69–70; 1992, с. 53–54; Суразаков, 1988, с. 16–23; и др.].

Таким образом, анализ особенностей погребального обряда и сопроводительного инвентаря свидетельствует, что курган № 25 могильника Ханкаринский дол является одним самых ранних среди исследованных курганов пазырыкской культуры не только Чинетинского археологического микрорайона, но и в целом Северо-Западного Алтая [Дашковский, 2017**а, б**; 2018; 2019]. Учитывая результаты археологического анализа инвентаря, данный объект можно предварительно датировать второй половиной, возможно, концом VI – началом V в. до н.э. Дальнейшее всестороннее

изучение материалов, полученных при раскопках кургана № 25 могильника Ханкаринский дол, позволит дополнить выводы относительно хронологии и социальной интерпретации объекта.

Изучение памятника и его датировка произведена в рамках выполнения проекта РФФИ и Администрации Алтайского края «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона» (№19-49-220002). Культурно-хронологическая интерпретация артефактов выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002).

Литература

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. Вып. IX. С. 42-66.

Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017**а**. Вып. XIII. С. 83-87.

Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017**б**. С. 112-116.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени на могильнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 9-23.

Дашковский П.К. Радиоуглеродное датирование кургана пазырыкской культуры с предметами китайского импорта из могильника Чинета-II (Алтай) // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 147-158.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 642 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д. Диадемы и гривны из курганов Алтая // АЭАЕ. 2005. № 1. С. 55-69.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. С. 90-109.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 270 с.

Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. М.: Наука, 1970. 118 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. С. 3-39.

Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. 1993. № 2. С. 21-31.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 162 с. (МИА; № 101).

Сорокин С.С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 62-91.

Степанова Н.Ф. Гривны из погребений скифского времени Горного Алтая // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. № 7. С. 89-94.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. 165 с. 49 ил.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1993. С. 25–45.

Д. Б. Дуйсенбай, Н. Ш. Джуманазаров, И. К. Ахияров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ БАЛАКУНГЕЙ-2

В статье рассматриваются краткие итоги раскопок, проведенных на поселении Балакунгей-2 (Кербулакский р-н, Алматинская обл.). В 2018 г. на территории старой казахской зимовки Балакунгей-2 был заложен разведочный шурф с целью выявления признаков поселений эпохи раннего железа. Разведочный шурф имел параметры 3,4× 2 м. В ходе раскопа шурф был доведен до глубины 1,7 м в южной части и 1,9 м в северной части. В результате работ было обнаружено два фрагмента литейной формы, 70 фрагментов керамики, из них 16 венчиков, 15 каменных орудий, среди которых скребки, орудия для растирания растительности, орудия по металлообработке. По одному образцу костного материала была получена радиоуглеродная дата в Канаде. По археологическим и радиоуглеродным данным нижний слой памятника предварительно отнесен к началу VIII - второй половине VI в. до н.э.

Ключевые слова: Жетысу, ранний железный век, поселения, зимовки

Балакүнгей-2 қонысындағы археологиялық зерттеулер

Мақалада Балакүнгей-2 (Алматы облысы, Кербұлақ ауданы) қонысында жүргізілген қазба жұмыстарының қысқаша нәтижелері баяндандалады. 2018 жылы ерте темір дәуіріндегі қоныстардың белгілерін анықтау мақсатында Балакүнгей-2 атты ескі қазақ қыстауы аумағында барлау шұңқыры салынды. Барлау шұңқырының аумағы 3,4×2 м. Қазу барысында шұңқырдың тереңдігі оңтүстік бөлігінде 1,7 метрге дейін, солтүстік бөлігінде 1,9 м жеткізілді. Жұмыстың нәтижесінде құю қалыбының екі фрагменті, керамиканың 70 фрагменті, оның 16-сы ернеулер, 15 тас құралы, олардың арысында қырғыштар, өсімдіктерді ұнтақтауға арналған құралдар, метал өңдеу құралдары табылды. Сүйек материалының бір үлгісі бойынша радиокөміртекті мерзім Канадада анықталды. Археологиялық және радиокөміртекті зерттеулердің нәтижелеріне сәйкес ескерткіштің төменгі қабаты алдын ала шамамен б.д.д. VIII ғасырдың басы – VI ғасырдың екінші жартысына жатқызылады.

Түйін сөздер: Жетісу, ерте темір дәуірі, қоныс, қыстаулар

Archaeological researches at the settlement of Balakungey-2

The article presents brief results of excavations carried out at the settlement of Balakungey-2 (Kerbulak district, Almaty region). In 2018 an exploration pit was built in the territory of an ancient Kazakh wintering Balakungey-2 to identify the signs of the Early Iron

© **Данияр Б. Дуйсенбай,** *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан;* daniar_db88@mail.ru
Нурлан Ш. Джуманазаров, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* jumanazarov_90@mail.ru
Ислам К. Ахияров, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* islam.akhiyarov@mail.ru

Age settlements. The exploration pit had parameters of 3.4×2 m. During the excavation, the pit was dug to a depth of 1.7 m in the southern part and 1.9 m in the northern part. Through this process, two fragments of casting molds and 70 fragments of ceramics were discovered, including 16 corollas, 15 stone tools, as well as scrapers, tools for grinding vegetation, metal processing tools. Analysis of bone fragments was held in Canada. According to archaeological and radiocarbon dating, the lower layer of the monument is supposedly attributed to the beginning of the VIII – second half of the VI centuries BC.

Keywords: Jetysu, Early Iron Age, settlements, wintering

Бассейн реки Биже/Быжы в Джунгарском/Жетысуском Алатау долгое время оставался неизученным, несмотря на то, что здесь фиксируется огромное количество памятников древности. Основным фактором развития данного микрорайона является река Быжы, которая, в свою очередь, является притоком более полноводной реки Жетысу – Каратал. Долину реки Быжы окружает ландшафт, испещренный буграми и увалами, по склонам и ущельям которых протекают ее многочисленные притоки [Джумабекова и др., 2018].

Наличие обильных водных ресурсов имеет основополагающую роль в интенсивном заселении данного микрорайона людьми прошлого. Как следствие, ими были оставлены сотни объектов, представляющих историческую ценность, что обусловило интерес археологов в активном изучении данного микрорайона. Отсюда происходит клад ранеесакского времени, введенный в научный оборот К. А. и А. К. Акишевыми [1978]. Полномасштабные поисково-разведывательные работы памятников раннего железного века были выполнены Талдыкурганской экспедицией Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова в 2009 г. [Бейсенов и др., 2018].

Впоследствии археологические работы в данном районе были продолжены. В 2011 г. А. З. Бейсеновым были осмотрены памятники Когалы, Куренбеля, Каспана, Коянкуза. В течение последующих трех лет в регионе проводились совместные казахстанско-итальянские исследования. Были произведены раскопки ряда погребальных объектов раннесакского времени, результаты которых нашли отражение в научных публикациях [Бейсенов и др., 2015; Джумабекова и др., 2017; Базарбаева, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2018; 2019; Jumabekova, Bazarbaeva, 2016; Beisenov and etc., 2017].

В 2016, 2018 годах исследования были продолжены. В частности, под руководством Г.С. Джумабековой были проведены дополнительные поисково-разведочные работы в районе бассейна р. Быжы. Были осмотрены районы гор и увалов Балакунгей, Жалды, Аркалык и др. [Джумабекова и др., 2018].

Учитывая имеющийся потенциал местности, а также некоторые «белые пятна» в вопросах миграции племен в раннесакский период, встал вопрос об актуализации изучения поселенческих комплексов Жетысу. Прежде всего, работы авторов направлены на расширение базы знаний по поселенческим комплексам, а затем и по поминально-погребальным комплексам раннего этапа сакской культуры в данном микрорайоне. Для этого предполагается разбивка нескольких шурфов на различных точках для последующего отбора объекта исследований. Данные работы являются первым шагом для успешной реализации поставленных задач.

При проведении исследований использовалась методика поиска и нахождения поселенческих комплексов в Центральном Казахстане, сформулированная А. З. Бейсеновым в ряде публикаций [Бейсенов, 2014; 2015]. Метод предполагает поиск возможных древних поселений на верхних склонах возвышенностей, под слоями казахских зимовок, либо в непосредственной близости к ним.

На примере поселений раннего железного века Центрального Казахстана А. З. Бейсенов акцентирует внимание на том, что они расположены на пологих склонах холмов, имеют южную и юго-восточную экспозицию. Зачастую строения тыльной стороной обращены в сторону вершин, а выходами - к подножию. Близ поселений, как правило, расположены родники либо сухие русла. Для построек характерна так называемая «скученная» планиграфия, предполагающая нахождение в одном комплексе как жилых, так и хозяйственных помещений.

В 2018 г., следуя данной методике, была предпринята разбивка шурфа на площади зимовки Балакунгей-2 с целью выявления признаков возможных культурных слоев, в том числе раннего железного века. Зимовка расположена в 4,7 км к югу от с. Каспан (Каспанский с/о, Кербулакский р-н, Алматинская обл.) (рис. 1).

Рис. 1. Карта расположения поселения Балакунгей-2

Памятник имеет юго-западную экспозицию на пологих склонах увалов Балакунгей, которые протянуты с юго-востока на северо-запад (рис. 2). С двух сторон памятник окружен скальными выступами. Лишь с юго-восточной стороны имеется подступ к зимовке. Отсюда открывается вид на просторную равнину, где находятся курганные могильники эпохи ранних кочевников, в наше время она используется под пашни. К юго-востоку от зимовки находится место слияния двух русел сухих ручьев, которые вероятно имеют сезонную активность. Первый из них протекает с северных вершин увалов в южном направлении, далее поверх скального выступа, ограничивающего территорию памятника с севера.

Второй ручей течет с вершин увалов на востоке в западном направлении. Оба русла соединяются в одно к югу от памятника. Далее единое русло растянулось в западном направлении на расстояние более 1,5 км.

Сам комплекс сильно задернован и порос кустарником. Развалы стен едва заметны, по видимым каменным основаниям можно прийти к выводу, что зимовка состоит из одного большого многосекторного цельного сооружения и малого, возможно, хозяйственного строения в восточной части комплекса.

Ранее авторами уже давались предварительное описание зимовки и параметров заложенного шурфа [Джумабекова и др., 2018]. Проведённый в 2019 г. новый осмотр объекта позволил сделать ряд уточнений.

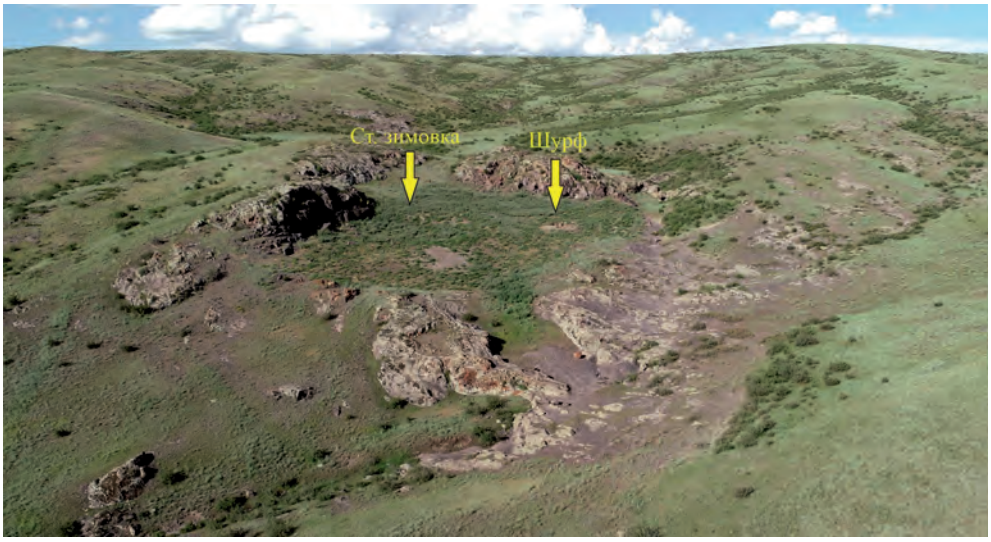

Рис. 2. Вид на зимовку Балакунгей-2 с юго-запада

Зимовка имеет усадебный тип, то есть одну большую цельную постройку, разделенную на несколько секторов. Прослеживаются фрагменты стены, проходящей с юго-запада на северо-восток, которая делит строение пополам, на северную и южную половины. Северная представляет собой основную часть комплекса, тогда как южная, видимо, выполняла функцию пристройки.

По фрагментарным остаткам внутренних стен основной части зимовки можно предположить, что северо-восточную половину занимают жилые помещения со средними параметрами от 3×3 до 8×8 м. Тогда как северо-западная половина представлена открытым пространством с западиной в центре, в диаметре достигающей 12 м. В этом же секторе прослеживается выход, направленный в юго-западную сторону.

В пристройке сохранился участок южной стены, в западной и восточной сторонах камней обнаружено не было. Все видимые участки стен сохранились в виде одного ряда крупных камней или двух рядов камней малых размеров,

плотно прижатых друг к другу. Ширина рядов варьируется в пределах 0,2–0,5 м, высота достигает до 0,3–0,4 м. Остатки зимовки занимают площадь около 400 кв. м.

В 10 м к юго-востоку от пристройки расположено еще одно сооружение, пристроенное к скальному выступу, ограничивающему территорию памятника с севера. В отличие от других, данная конструкция полностью видна. Стены сложены из крупных камней. Параметры самого сооружения составляют 12×6,5 м, ширина не выходит за пределы 0,3–0,6 м, высота в пределах 0,2–0,4 м.

На территории памятника был обнаружен подъемный материал в виде фарфоровой посуды фабрик М. С. Кузнецова и древней лепной керамики. Предварительно, зимовка относится к концу XIX – началу XX в.

В 2018 г. был заложен разведочный шурф на южном участке стены пристройки. Шурф имел параметры 3,4×2 м, длинной стороной вытянут с юга на север. Раскоп был доведен до глубины 1,7 м в южной части и до 1,9 м - в северной части шурфа. Сначала был снят дерново-гумусовый слой, мощность которого составила 0,2 м. За ним следовал слой светло-серого суглинка мощностью до 0,3 м. В этом слое были обнаружены камни со средними параметрами 0,2×0,5×0,4 м, возможно, остатки старой зимовки. Камни пролегали по направлению с востока на запад, таким образом деля шурф на две половины.

В южной половине, как указано выше, был слой светло-серого суглинка, тогда как в северной половине - светло-серый золистая супесь мощностью до 0,5 м. На данном уровне было обнаружено малое количество фрагментов керамики (рис. 3). Найдены также каменные орудия (рис. 4) и многочисленные фрагменты костей животных, преимущественно в центральной части шурфа.

Далее следовал уровень светло-коричневого суглинка мощностью до 0,2 м на всей площади слоя. В центре данного слоя можно обнаружить контуры ямы, расположенные под остатками каменных конструкции из предыдущего слоя. Заполнение ямы диаметром 0,9 м состоит из коричневого суглинка. В некоторых местах данный слой перемешивается с последующим слоем. В данном слое было обнаружено небольшое количество каменных орудий (рис. 4) и фрагментов керамики (рис. 3), по количеству сопоставимое с находками

Рис. 3. Балакунгей-2. Фрагменты литейной формы

Рис. 4. Балакунгей-2. Фрагменты керамики

из предыдущего слоя. Также было обнаружено большое количество костей животных, по большей части в северо-западном углу.

Особенной находкой данного уровня можно считать два фрагмента одной литейной формы (рис. 5). В отверстии выпора литейной формы, диаметром 3,3 мм, сохранился остаток бронзы.

Следующим был слой коричневого суглинка мощностью до 0,5 м. В ходе раскопа была обнаружена вершина камня-валуна, который, как оказалось впоследствии, являлся фрагментом каменной стены. Также в данном слое было найдено значительное количество костей животных и самое малое количество фрагментов керамики (рис. 3).

Последний слой – темно-коричневый суглинок мощностью до 0,5 м. В данном слое были обнаружены остатки фрагмента возможной каменной стены. Камни вытянуты по всей длине шурфа с юга на север, в северной половине представляют из себя крупные валуны средними параметрами 0,9×0,5–0,6×0,4–0,5 м. В южной половине камни имеют средние параметры 0,3×0,3×0,1 м. Здесь было найдено самое большое скопление керамических фрагментов (рис. 3). Также было найдено каменное орудие (рис. 4) и многочисленные кости животных.

В общей сложности было найдено 70 фрагментов керамики (рис. 3), среди которых 16 венчиков и 54 фрагмента боковин сосудов. Среди венчиков 12 фрагментов отнесены к отдельным сосудам, четыре оставшихся фрагмента - обломки от них. Из всех слоев была собрана древняя лепная керамика.

Также было найдено 15 каменных орудий (рис. 4), среди которых преобладают скребки (7 – здесь и далее в скобках указано количество – прим. авт.), в меньших количествах представлены орудия для растирания растительности (5) в виде терочников (2), песта (1), комбинации песта и терочного камня (1) и зернотерки (1). В малых количествах представлены орудия по металлообра-

ботке (3), среди которых кузнечный молот (2), фрагмент наковальни (1). Также были найдены фрагменты литейной формы (2) (рис. 5) и многочисленные кости животных. Определение каменных орудий и фрагментов литейной формы было выполнено И. В. Горащуком (г. Самара).

Рис. 5. Балакунгей-2. Каменные орудия

По материалам шурфа можно заключить, что посуда состояла из горшков и банок. Среди банок превалируют фрагменты закрытого типа, случаи открытых типов банок единичны. Среди горшков имеется лишь два типа: с намечающейся шейкой, плавно переходящей к слабораздутому тулову и короткой прямой или слегка вогнутой шейкой, плавно переходящей к тулову. Большая часть венчиков уплощенная, также имеется несколько фрагментов округлых венчиков.

Из всего найденного набора керамики лишь один фрагмент имел декор в виде «жемчужины». Орнамент был выдавлен изнутри в виде ямочки с использованием круглой палочки. Такой тип керамики имеет прямые аналогии среди материалов раннесакских поселений восточных районов Центрального Казахстана: Едирей-1, Керегетас-2, Кызылсуир-2, Абылай и др. [Бейсенов, Ломан, 2009; 2011; Ломан, 2011; Бейсенов и др., 2017]. Однако для понимания ситуации необходимо увеличить коллекцию керамики в ходе дальнейших раскопок.

Для проведения радиоуглеродного анализа исследователями на глубине 1,4–1,7 м был взят фрагмент кости животного, то есть из самого нижнего слоя темно-коричневого суглинка. Анализ был проведен в лаборатории ускорительной масс-спектрометрии им. Андре Э. Лалонде при Университете Оттавы в Канаде (табл. 1).

Таблица 1 – Результаты AMS 14C датирования образца из поселения Балакунгей-2. Лаборатория им. Андре Э. Лалонде. Оттава, Канада

Код	Конвенциональный возраст	±	F14C	±	Календарный возраст (до н.э. – н.э.) (калиброванный)	Памятник	Материал	Этикетка
JKaz-77	2497	29	0.7328	0.0026	785-536 cal BC (95.4%)	Поселение Балакунгей-2	Кость	Разведочный шурф Глубина 140–170 см

По результатам исследования археологического шурфа на территории поселения Балакунгей-2 предварительно можно говорить о наличии двух исторических периодов заселения данного места. Ранний период относится раннему железному веку и в рамках полученных результатов радиоуглеродного анализа датируется в пределах VIII – второй половины VI в. до н.э. Поздний период использования данной территории относится к концу XIX – началу XX в., во время которой была построена зимовка Балакунгей-2. Полученные данные по итогам раскопочных работ немногочисленны. Тем не менее, в совокупности, они дают нам определенное основание судить о характере поселений раннего этапа сакского времени в Жетысу.

В Жетысу исследователями и ранее были открыты поселения раннего железного века. Несмотря на то, что по ним были получены значительные данные [Байпаков, 2008; Горячев, 2011а; 2011б; Горячев, Егорова, 2015; Горячев Сараев, 2017; Джумабекова, Базарбаева, 2018], материалов по поселениям раннего этапа сакского времени довольно мало. В связи с этим поселение Балакунгей-2 представляет особую важность, и есть необходимость в проведении полноценных археологических раскопок на территории памятника. Ряд других предполагаемых поселений в районе села Каспан, относимых авторами к раннесакскому периоду, так же представляют особый интерес. Полноценные раскопки на поселениях, а также на объектах погребально-поминального комплекса позволили бы проследить пути расселения людей в раннесакское время в регионе.

Литература

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. С. 38-64.

Базарбаева Г.А. Памятники сакского времени Жетысу // Казахстан в сакскую эпоху: коллективная монография. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 157–178.

Байпаков К.М. Город и степь в древности. Оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1 (254). С. 3–25.

Бейсенов А.З. Поселение раннесакского времени Центрального Казахстана // Записки Института истории материальной культуры. 2014. № 9. С. 92-102.

Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6, ч. 2. С. 22-31.

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Баринова Е., Крешиоли Л. Археологические исследования могильника Каспан-6 в Жетысу // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 59–70.

Бейсенов А.З., Дуйсенбай Д.Б., Китов Е.П., Кулькова М.А. Исследование сакских курганов в урочище Каспан в Жетысу // ТиПАИ. 2018. № 3 (23). С. 138–162.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. 264 с.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Керамика раннесакского времени из поселения Шидертинское-2 (Центральный Казахстан) // Маргулановские чтения – 2011: матер. междунар. археол. конф. (г. Астана, 20–22 апреля 2011 г.). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 405-410.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.

Горячев А.А. Поселение и могильник раннего железного века археологического комплекса Тургень II // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011**а**. Вып. 3. С. 325-341.

Горячев А.А. Археологический комплекс Тургень. Эволюция древних культур // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, 12–15 декабря 2011 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011**б**. Т. 1. С. 256-266.

Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90-99.

Горячев А.А., Сараев В.В. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле-Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 125-134.

Джумабекова Г.С., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б., Джуманазаров Н.Ш., Базарбаева Г.А. Предварительные итоги археологических исследований бассейна реки Быжы (участок «Каспан» Жетысуский Алатау) // Отан тарихы. 2018. № 3. С. 43-57.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Нигматова С.А. Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 135–143.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. О раннем железном веке Жетысу: некоторые итоги систематизации данных // Археология и давняя история Украины. 2018. Вып. 2 (27). С. 469–484.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Нарушенные женские погребения сакского времени в Жетысу: по материалам могильника Каспан-6 // Маргулановские чтения-2019: матер. Междунар. археолог. научно-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19-20 апреля 2019 г.). Нур-Султан, 2019. С. 260-270.

Ломан В.Г. Керамические комплексы поселений раннего железного века Центрального Казахстана: типологический и технологический аспекты изучения // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Караганды, 2011. С. 174-178.

Beisenov A.Z., Kreshioli L., Jumabekova G.S., Bazarbayeva G.A., Barinova E. The early iron age burial ground Kaspan-6 in Jetusy // ТиПАИ. 2017. № 2 (18). С. 97–108.

Jumabekova G., Bazarbayeva G. Stelae in Funeral rites of the Kazakhstan Early Nomads. Cultural Exchange on Silk Road and Altaic World (Asian Academic Research Series, vol. 7. Altaic Studies Series, vol. 3. Kim Seon Ja et all. YOUKRACK.). Korea. Gachon University, 2016. P. 199–213.

М. Н. Дуйсенгали, А. М. Мамедов, Н. М. Баиров, Б. М. Мелисов

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА СОРЛАКМОЛА II

Статья посвящена публикации материалов раскопок одного из крупных некрополей Западного Казахстана эпохи поздних сарматов (II–IV вв. н.э.), относящегося к бассейну р. Уил. Археологические разведки и раскопки объектов показывают, что степи запада казахских земель были территорией сосредоточия крупных племенных объединений, носителей поздесарматской культуры. По результатам исследования могильника Сорлакмола II можно говорить о том, что для позднесарматской культуры по сравнению с предыдущим среднесарматским периодом характерно усложнение погребального обряда – появляются новые типы намогильных сооружений. В это время видоизменяются святилища, обретая различные формы, воздвигаются «гантелевидные» и валообразные сооружения и т.д. Разведочные работы и картография памятников Актюбинской области показывает, что могильники, включающие вышеуказанные сооружения идут широкой полосой с востока на запад и являются свидетельством крупных миграций населения во II–IV вв. н.э.

Ключевые слова: погребальный обряд, кочевники, позднесарматская культура

Сорлақмола II қорымындағы археологиялық зерттеу нәтижелері

Мақала Ойыл өзенінің бассейніне жататын Батыс Қазақстанның соңғы сарматтар дәуіріндегі (б.д. II–IV ғғ.) ірі қорымдардың бірінің қазба материалдарын жариялауға арналған. Ескерткіштерге жүргізілген археологиялық барлау және қазба жұмыстары қазақ жерлерінің Батыс өңірлерінде ірі тайпалық бірлестіктер, кейінгі сармат мәдениетінің өкілдері шоғырланған аумақ болғанын көрсетіп отыр. Сорлақмола II қорымын зерттеу нәтижесі кейінгі сарматтық мәдениетке тән жерлеу салтының күрделеніп, жерлеу құрылыстарының жаңа түрлері пайда болғанын байқатады. Аталған кезеңде ғибадатханалар өзгеріске ұшырап, құрылыс пішіндері түрлене бастаған. Ақтөбе облысындағы барлау жұмыстары мен картографиялық мәліметтер ескерткіштердің шығыстан батысқа қарай орналасып, б.д. II–IV ғасырларда халықтардың ірі миграциясы болғанын растайды.

Түйін сөздер: жерлеу ғұрпы, көшпенділер, кейінгі сармат мәдениеті

Results of archaeological research of the Sorlakmola II burial ground

The article is devoted to the publication of materials of excavations of one of the major necropolises of Western Kazakhstan of the late Sarmatian era (II–IV centuries AD), related to the Uil River basin. Archaeological surveys and excavations of objects show that the steppes of the West of the Kazakh lands were the territory of concentration of large tribal associations, carriers of the late-Sarmatian culture. According to the study of burial

© **Мейрам Н. Дуйсенгали, Аслан М. Мамедов, Нурсултан М. Баиров, Баубек М. Мелисов,** *Актюбинский областной историко-краеведческий музей, г. Актобе, Казахстан;* mamedovaslan@mail.ru

Sorlakmola II can say that for the late Sarmatian culture in comparison with the previous mid period is characterized by the complexity of the burial rite – there are new types of gravestone structures. At this time, various forms of shrines are being modified, «dumbbell-like» and rampart-like structures are being erected, etc. Exploration and mapping of monuments shows that they run in a wide band, going from East to West, and as it were «hint» at large movements of the population in the II-IV centuries AD.

Keywords: funeral ceremony, the nomads, the late Sarmatian culture

В 2019 г. Актюбинским областным историко-краеведческим музеем была организована научно-исследовательская археологическая экспедиция на территории Уилского района Актюбинской области. Работы проходили согласно внутреннему плану по проекту «Пространственный анализ и архитектоника памятников гунно-сарматского периода Актюбинской области».

Основная цель экспедиции - выявление и исследование погребально-поминальных комплексов позднесарматской культуры (II–IV вв. н.э.). Основная работа экспедиции проходила на памятниках бассейна реки Уил и его притоков. Исследования 2019 г. были логическим продолжением работ по вышеуказанному проекту, в результате реализации которого в Хобдинском и Уилском районах Актюбинской области было выявлено более сотни памятников II–IV вв. н.э. Могильники этого времени, как правило, располагаются на водоразделах рек, увалах, на участках между саями и образуют достаточно большие курганные группы, включающие до 250 разнообразных объектов.

Могильник Сорлакмола II расположен в 2,3 км к СЗ от села Шикудук Саралжинского сельского округа (Уилский р-н). Состоит из около 200 погребально-поминальных объектов, сооруженных на юго-восточной оконечности водораздела реки Киыл (правобережный приток реки Уил). Место расположения памятника представляет собой относительно ровный участок, пересеченный небольшими саями и имеющий небольшой уклон в сторону реки. Название памятнику дано по наименованию казахского некрополя, размещенного северо-восточнее.

Могильник Сорлакмола II включает различные по форме и размерам объекты, образующих несколько групп. Насыпи сооружений земляные и выстроены цепочкой, как правило, по направлению саев. По территории памятника пролегают по направлению СЗ–ЮВ и ССЗ–ЮЮВ две грунтовые дороги, которые деформируют насыпи некоторых объектов (рис. 1).

В 2019 г. раскопкам были подвергнуты три объекта на могильнике Сорлакмола II с детальной топо- и аэросмъемкой. Объекты различны по форме и конструкции. Курганы, как правило, земляные, вокруг некоторых из них наблюдаются рвы или западины. Под насыпями выявлено по одной могильной яме подпрямоугольной формы, ориентированной по оси С–Ю с небольшими отклонениями. Большинство погребений были ограблены в древности. Для сохранившихся погребений характерно трупоположение вытянуто на спине, головой на север. Из инвентаря до нас дошли керамические сосуды или их фрагменты, пряслица, зеркало, пряжки и т.д. Исследованные погребения относятся к позднесарматской эпохе.

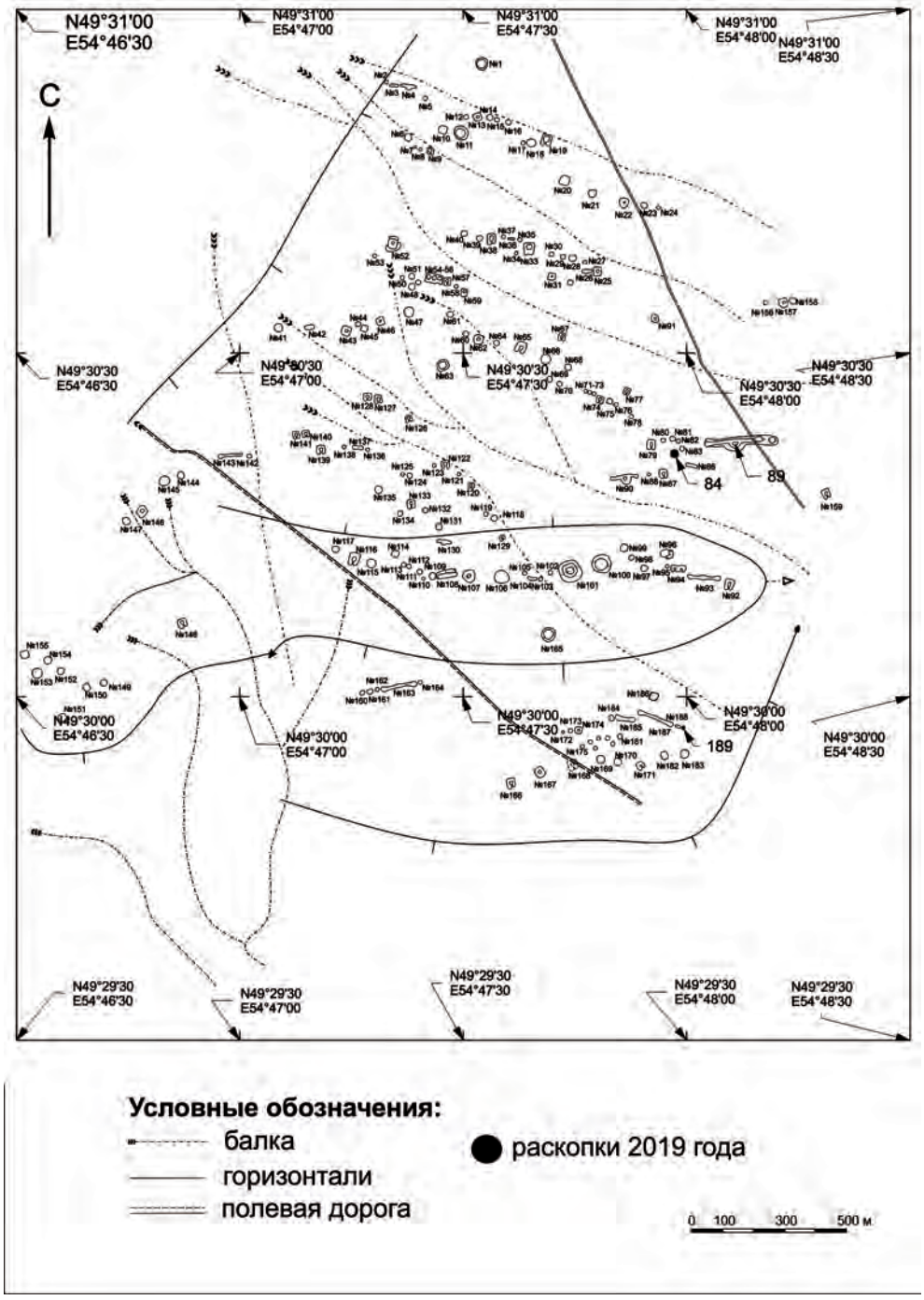

Рис. 1. План могильника Сорлакмола II

Для раскопок на могильнике были выбраны три объекта, два в центральной группе (курган 84 и объект 89), один – в южной (курган 198).

Курган 84. Расположен в юго-восточной части центральной цепочки (рис. 1). На уровне современной дневной поверхности курган выделялся окружающей ее полынью. Насыпь земляная, слабозадернована, в плане округлой формы. Диаметр кургана 14–16 м, высота от уровня материка 0,73 м.

Раскоп кургана производился вручную с оставлением двух перпендикулярных бровок по оси С–Ю и З–В. Ширина бровок 0,5 м. В процессе раскопок в юго-западном секторе, в 6,4 м к юго-западу от нулевой отметки, был найден фрагмент кости животного, возможно, мелкого рогатого скота (рис. 2).

После снятия насыпи выявлена одна могильная яма, отмеченная как погребение 1. Погребение располагалось по центру кургана, выделялось в виде пятна темно-коричневого цвета. На уровне материка могильная яма имела подпрямоугольную форму, ориентированную по оси С–Ю с небольшим отклонением к западу. Длина ямы 2,48 м, ширина 1,0 м. Стенки отвесные, с небольшими уклонами (рис. 3, *1*).

Погребение ограблено. Кости скелета и находки были разбросаны по всей площади могильной ямы и на различных глубинах. В заполнении могилы, у юго-восточного угла на глубине 1,44 м* (*Глубина находок и дна могильной ямы даны от нулевой отметки – современной вершины кургана), лежали человеческие ребра, тазовые кости, фрагменты дерева с окислами бронзы. На этом уровне могильная яма сужалась и имела размеры: длину 2,2 м, ширину 0,72–0,82 м. Ниже на глубине 1,82 м, в центральной части ямы, у восточной стенки и юго-восточного угла находились череп, ребра и трубчатые кости. Череп имеет слабую кольцевую деформацию, принадлежит подростку.

Дно могильной ямы было выявлено на глубине 2,13 м. На этом уровне яма приобрела форму неправильного прямоугольника длиной 2,05 м, шириной до 0,64 м. На дне могилы вдоль восточной стенки in situ находились кости нижних конечностей правой ноги человека, судя по которым погребенный был уложен головой на север (рис. 3, *2*). На данном горизонте находки были выявлены в разных местах могильной ямы. У костей нижних конечностей и западной стенкой находились железные пряжки и фрагменты железных изделий. Первая пряжка представляла собой в плане округлой формы рамку диаметром 3,3 см. Она изготовлена из округлого в сечении прута диаметром 0,7–0,9 см. Язычок имеет небольшой прогиб (рис. 3, *3*). Вторая в плане подовальной формы размерами 3,3×3,7 см (рис. 3, *4*).

Между восточной стенкой и костями конечностей были обнаружены два кольцевидных изделия и один железный прут. Кольцевидные изделия, возможно, являются псалиями, имеют плохую сохранность (рис. 3, *5–6*). Удалось восстановить один из них. Он изготовлен из круглого в сечений прута, образующего кольцо диаметром 5,7 см. Диаметр прута – 1–1,2 см. Третье изделие представляет собой слабоизогнутый прут, один конец которого загнут и немного округлен. Сохранившаяся длина прута 8,8 см, диаметр – 0,7 см. Вероятно, находка является одним звеном удил (рис. 3, *7*).

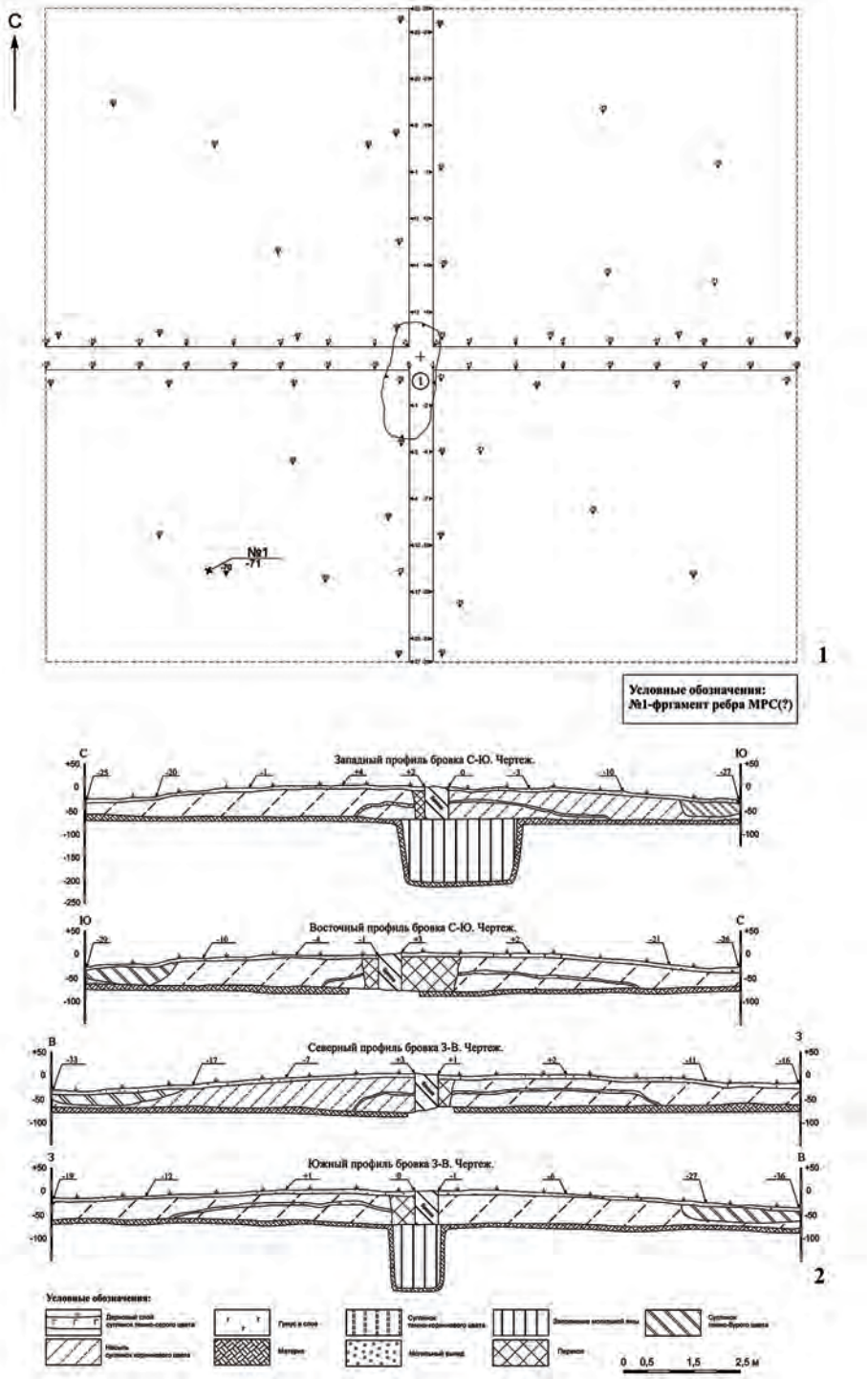

Рис. 2. Могильник Сорлакмола II, курган 84: 1 – план кургана; 2 – разрезы осевых бровок

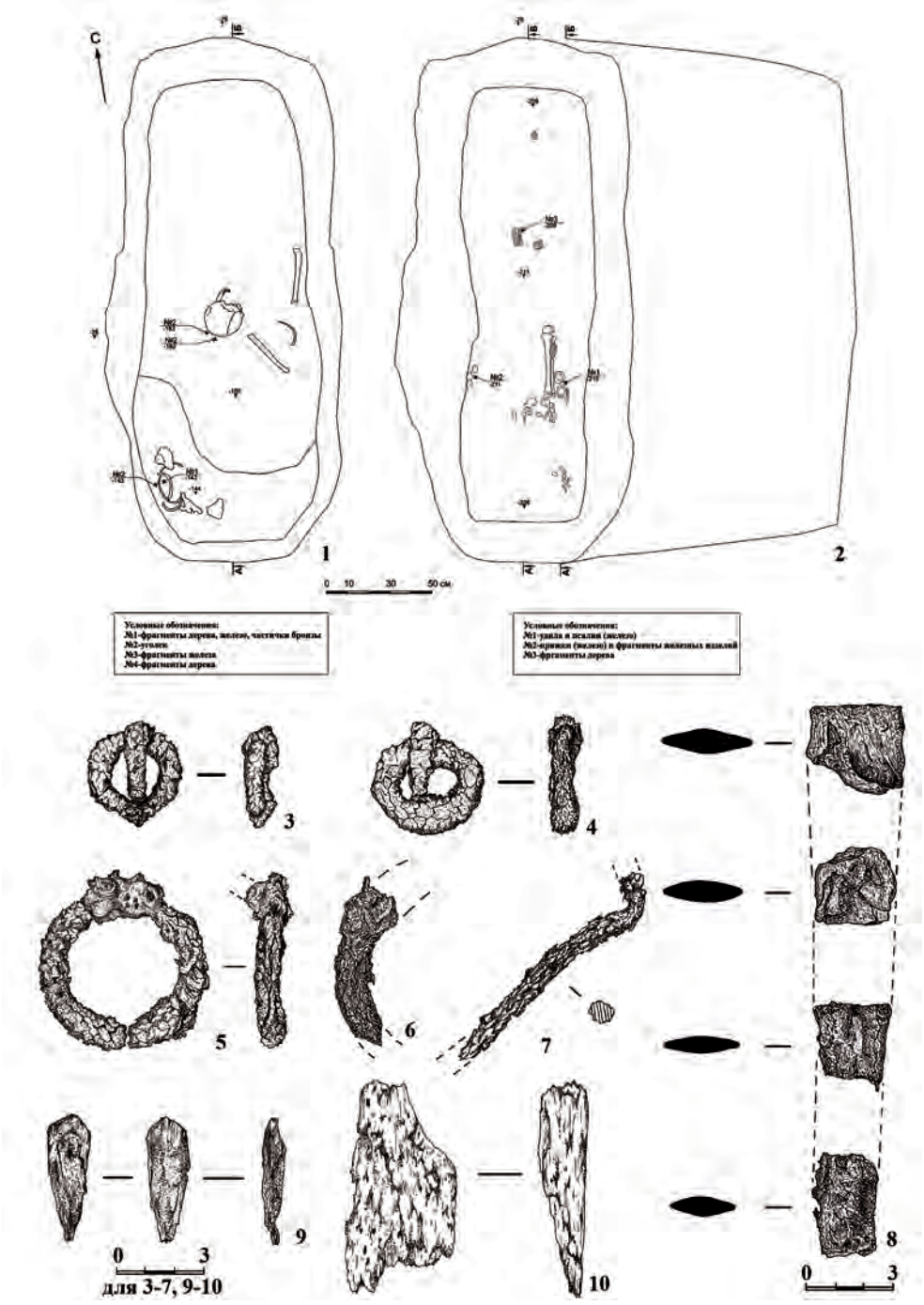

Рис. 3. Могильник Сорлакмола II, курган 84: 1–2 – план и разрез погребения 1; 3–10 – погребальный инвентарь. 3–4 – железные пряжки; 5–6 – железные псалии; 7 – звено железных удил; 8 – фрагменты железного меча; 9–10 – фрагменты дерева

В засыпи и на дне могилы также были найдены железные пластины, фрагменты дерева, угольки (рис. 3, *8*). Железные пластины, скорее всего, от кинжала или меча.

Объект 89. Расположен в восточной части цепочки (рис. 1). Представляет собой сложное, вытянутое в направлении ЗЮЗ–ВСВ, архитектурное сооружение. Его основу составляет длинный земляной вал длиной примерно 156 м, высотой 0,6 м и шириной 8–8,5 м. На обоих концах вала имеются земляные насыпи небольших размеров. Восточный конец вала и примыкающая к нему насыпь сильно деформированы грунтовой дорогой. С юга к центральной части вала примыкает подквадратное сооружение (рис. 4, *1*).

Раскопом на объекте были охвачены западная насыпь и примыкающее с юга сооружение. Снятие производился послойно вручную. Насыпь представляет собой небольшое земляное всхолмление диаметром около 11 м и высотой 0,7 м от уровня материка. Сама насыпь по структуре представлена суглинком коричневого цвета. Под насыпью никаких находок и могильных ям не было обнаружено (рис. 4, *2*).

Подвкадратное сооружение являет собой площадку, окруженную земляным валом шириной 4,35 м и высотой 0,5 м. Общий размер сооружения по внешнему периметру – 19×25 м. Раскоп был разделен на 12 секторов, ориентированных по линии ССЗ–ЮЮВ. В процессе снятия раскопом были охвачены сооружение и прилегающая с севера часть вала. Сектора с запада на восток условно обозначены А1-А3, Б1-Б3, В1-В3 и Г1-Г3 (рис. 4, *1*; 5, *1*).

После снятия насыпи в северо-западной части раскопа в квадрате А1 было обнаружено пятно могильной ямы, выделявшееся суглинком темно-коричневого цвета. Могильная яма, обозначенная как погребение 1, на уровне материка имела форму вытянутого неправильного прямоугольника, ориентированного по оси ССЗ–ЮЮВ. Ее длина 3,39 м, ширина 1,5–1,8 м, глубина 2,23 м. Стенки немного скошены, дно имеет небольшой уклон с севера на юг (рис. 5, *2*).

Погребение ограблено. Основная масса костей погребенного была разбросана в северной половине могильной ямы. Вместе с костями были найдены: костяная рукоять, фрагменты деревянных и бронзовых изделий, бронзовая накладка (?). Костяная рукоять в сечении округлая диаметром около 1,9 см, длиной 6,4 см. Внутри нее находится железный штырь. Рукоять имеет плохую сохранность, окончание практически не сохранилось, второй конец вогнут (рис. 5, *4*). Фрагменты дерева, возможно, представляют собой детали разных изделий. Один из них в сечении круглый, имеет углубление на одном конце со следами бронзовой окиси. Его длина 4,1 см, диаметр 1,3–1,5 см. Вероятно, находка является рукоятью шила. На поверхности сохранились следы красной краски (рис. 5, *5*). Вторая находка неправильной формы длиной 2,2 см, имеет сквозное продольное отверстие с бронзовым налетом (рис. 5, *6*). Третий артефакт в плане подовальной формы длиной 2,2 см, шириной 1,9 см и толщиной 1 см. По центру его находится бронзовый штифт (рис. 5, *7*). Рядом с костями, у западной стенки, лежал меч или кинжал, от которого во фрагментах

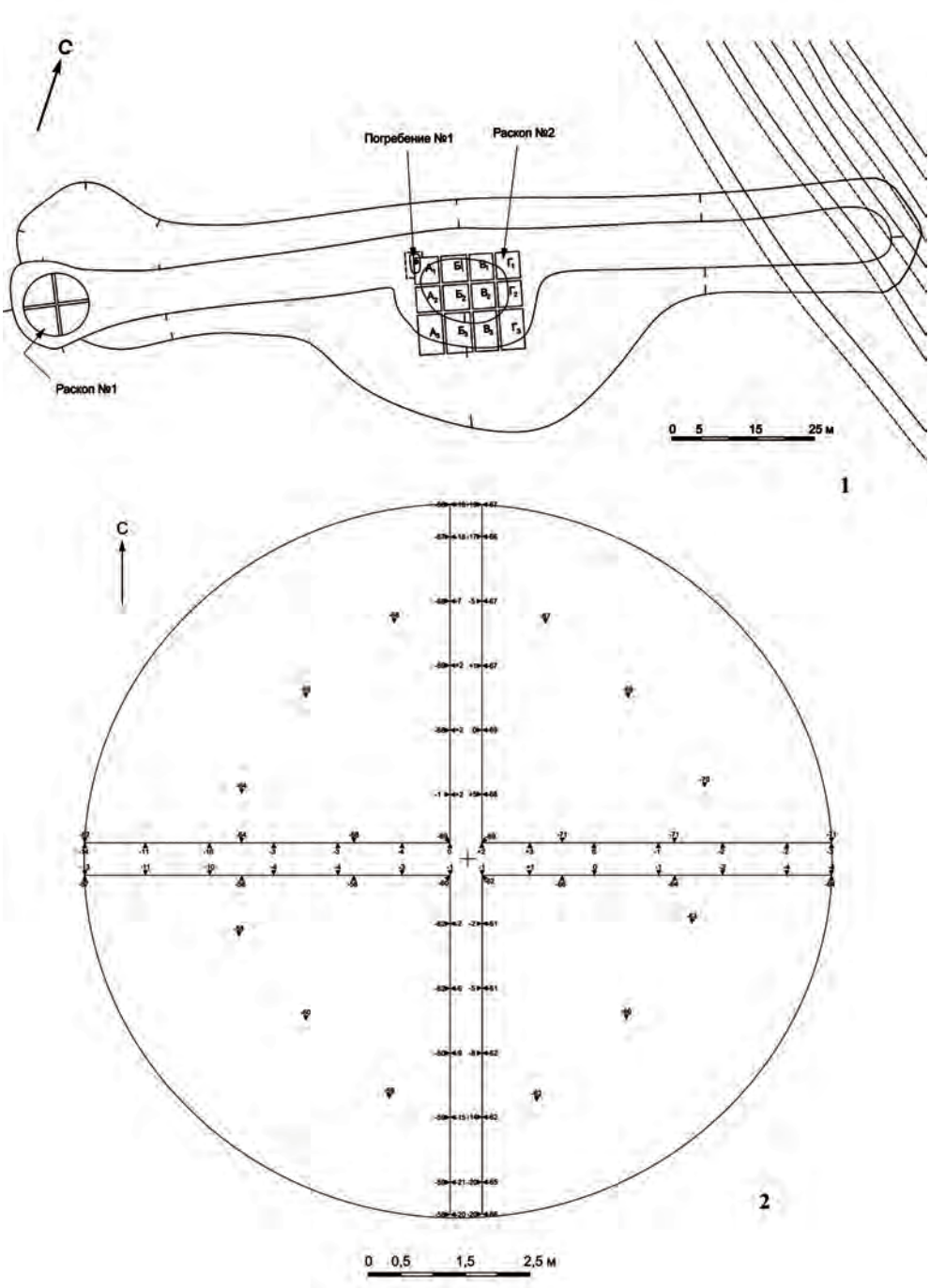

Рис. 4. Могильник Сорлакмола II, объекта 89: 1 – план объекта и раскопов; 2 – план раскопа западной насыпи

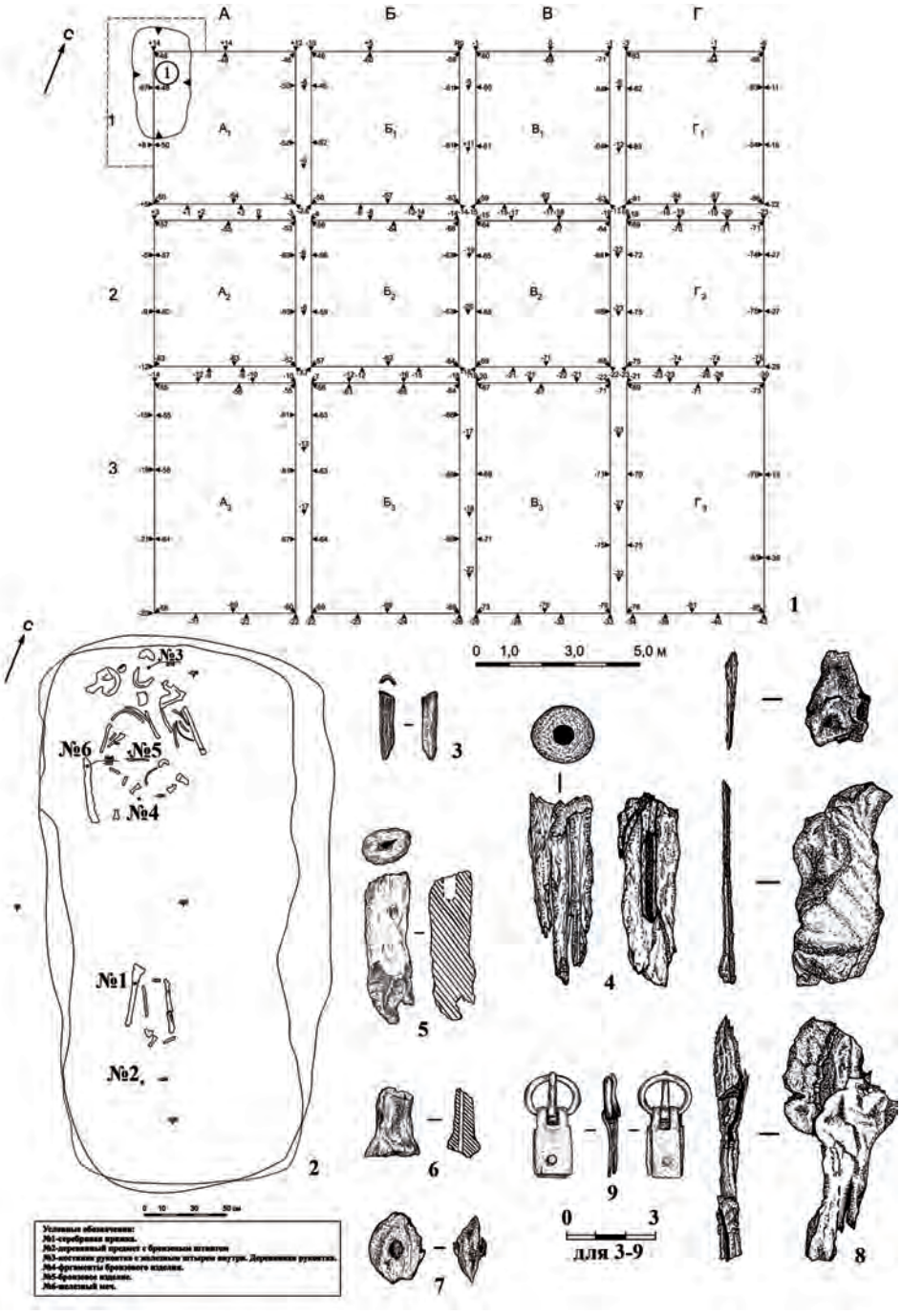

Рис. 5. Могильник Сорлакмола II, объект 89: 1 – план раскопа подквадратного сооружения («святилища»); 2 – план погребения 1; 3–9 – погребальный инвентарь. 3 – бронзовая накладка; 4 – костяная рукоятка; 5 – деревянная рукоятка; 6–7 – фрагменты деревянных изделий; 8 – фрагменты железного меча; 9 – серебряная пряжка

сохранился только клинок и часть рукояти. Длина сохранившейся части около 35 см (рис. 5, *8*).

Ближе к центральной части in situ покоились кости нижних конечностей (кроме правой бедренной). Судя по ним, погребенный был уложен на спине, головой на ССЗ (рис. 5, *2*). На костях была обнаружена серебряная пряжка с овальной, незначительно утолщенной в передней части рамкой и прямоугольными щитками. Язычок прогнут в средней части, у основания имеет уступ. На боковых сторонах щитков и на язычке наблюдается незначительное фасетирование (рис. 5, *9*).

Курган 198. Находился в юго-восточной части могильника (рис. 1). Насыпь кургана на уровне современной дневной поверхности практически не выделялся. Ее поверхность слабо задернована, не имеет следов разрушений, кроме центральной части, где наблюдается слабое понижение, образовавшееся, возможно, в результате проседания грунта могильной ямы. Диаметр кургана 6,85 м, высота от уровня материка – 0,5 м (рис. 6, *1*).

Расчистка кургана на уровне поверхности материка показала, что насыпь с восточной стороны окружает ров, заполоненный суглинком темно-бурого цвета. Во рву, с северо-восточной стороны на глубине 0,45 м от уровня современной дневной поверхности был найден фрагмент кости. При зачистке рва к северо-западу от нее, на глубине 0,5–0,55 м, лежали фрагменты керамики. Глубина рва от уровня материка достигала 12–15 см. Вероятно, фрагменты представляют собой развал целого сосуда (рис. 6, *3*).

Погребение 1. После расчистки материка под насыпью кургана была обнаружена одна могильная яма, расположенная в юго-западном секторе, северная часть уходила под бровку З–В (рис. 6, *1*). Могильное пятно на уровне материка выделялось суглинком темно-коричневого цвета.

В плане могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, ориентированную по оси С–Ю. Длина могилы 2,24 м, ширина – 0,85 м, глубина – 1,47–1,49 м. На дне могильной ямы, ближе к западной стенке лежал скелет взрослого человека, предположительно женщины, вытянуто на спине, головой на север. Кости рук согнуты в локтях, кисти покоились на поясе. Ноги вытянуты. Над скелетом прослеживалась органика растительного происхождения (рис. 6, *2*). На некоторых костях и находках прослеживаются следы органики, возможно, от одежды или погребального савана. Над скелетом фиксировалась тонкая прослойка органического тлена растительного происхождения коричневого цвета (камыш?).

У черепа погребенного находились бронзовые подвески. С левой стороны подвеска представляла собой разомкнутое кольцо диаметром 3,2 см. На одном конце имеется приемник в виде закрученной бронзовой проволоки. Подвеска с правой стороны имеет диаметр 3,3 см, без приемника, один конец заострен (рис. 6, *4*).

На шее были найдены ожерелье из одной костяной (зуб?), 12 круглых стеклянных и пяти 14-тигранных сердоликовых(?) бусин. Часть бусин, возможно, были нанизаны на спирально скрученную тонкую бронзовую и серебряную проволоку (рис. 6, *5*).

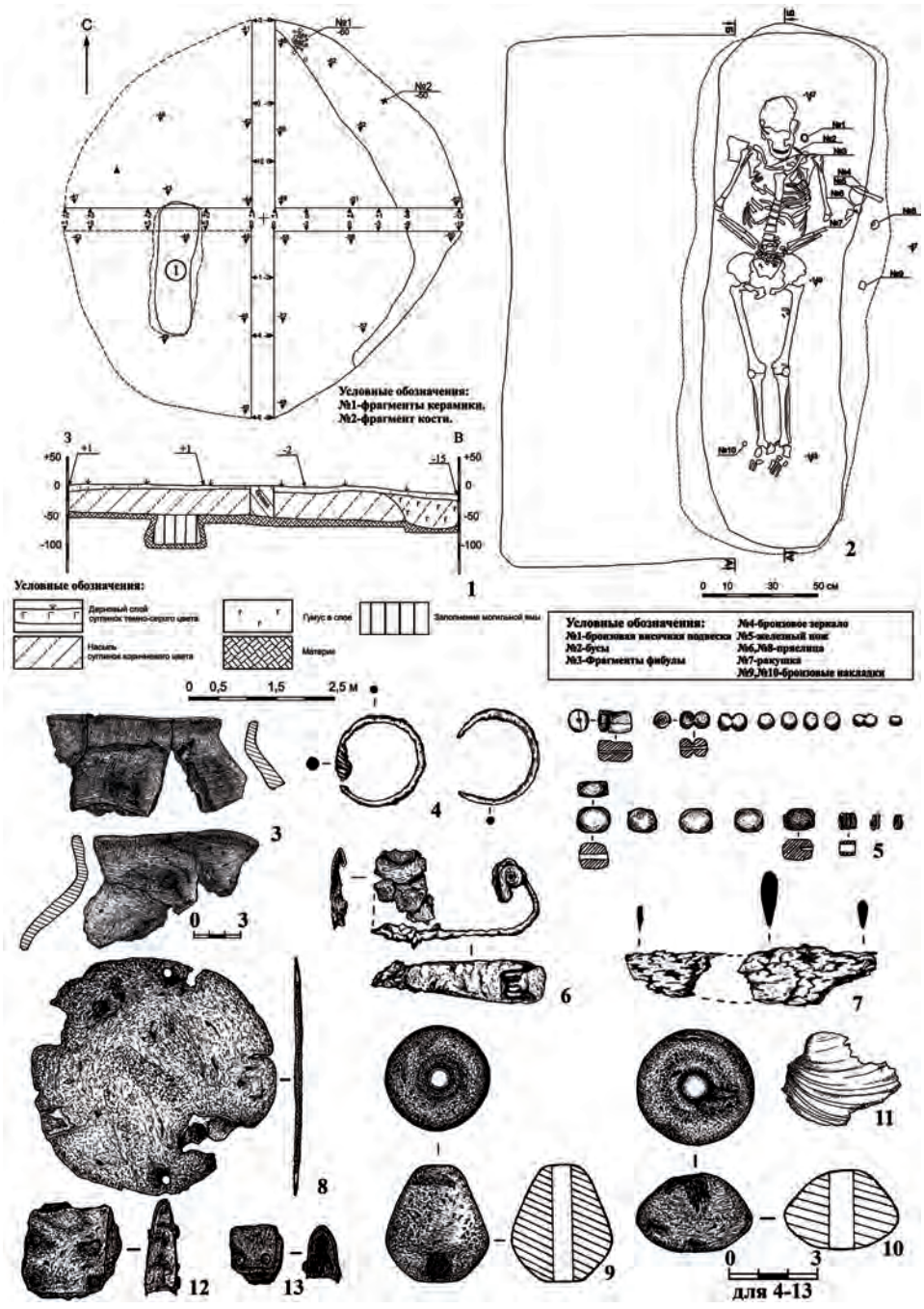

Рис. 6. Могильник Сорлакмола II, курган 198: 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрез погребения 1; 3–13 – погребальный инвентарь. 3 – фрагменты керамики из заполнения рва; 4 – височные подвески; 5 – бусы; 6 – железная фибула; 7 – железный нож; 8 – бронзовое зеркало; 9–10 – глиняные пряслица; 11 – раковина; 12–13 – бронзовые накладки

На костях грудной клетки лежала железная пружинная фибула со слабоизогнутой широкой пластинчатой спинкой с завитком и сплошным высоким приемником (рис. 6, *6*).

Основная часть находок была сконцентрирована у левого предплечья. Здесь находились железный нож, бронзовое зеркало, два пряслица, раковина беззубки обыкновенной (Anadonta cygnea) и неопределимая кость. Нож железный, имеет короткий черешок и прямую спинку. Лезвие ножа плоское, ближе к черешку приобретает подтреугольную форму, сломано в средней части. Его длина около 7,5 см (рис. 6, *7*). Зеркало представляет собой диск диаметром 8–8,5 см. По краю диска находятся расположенные напротив друг к другу два отверстия диаметром 4 мм (рис. 6, *8*). Пряслица глиняные, биконической формы, высотой 3,8 и 2,4 см (рис. 6, *9–10*).

Слева от костяка, напротив тазовых костей, была найдена бронзовая накладка от венчика деревянного сосуда. Накладка изготовлена из тонкой, согнутой пополам пластины. В качестве крепления использовались четыре бронзовых штифта. Внутри оковки сохранился фрагмент дерева (рис. 6, *12*).

Еще одна бронзовая накладка от венчика деревянного сосуда лежала в ногах погребенного, у левой ступни. Накладка изготовлена из тонкой, согнутой пополам пластины и крепилась двумя бронзовыми штифтами. Внутри оковки сохранился фрагмент дерева (рис. 6, *13*).

Исследованные объекты могильника Сорлакмола II датируются в рамках II–IV вв. н.э. и являются однородными в культурно-хронологическом плане. Сам могильник представляет собой один из крупных некрополей, начало функционирования которого, вероятно, относится к середине–второй половине I тыс. до н.э.

Погребальный обряд исследованных курганов и объектов достаточно однороден. Насыпи курганов земляные, по форме в плане округлые и незначительных размеров. Под курганами, как правило, находится одна могильная яма. Все захоронения совершены в узких грунтовых ямах прямоугольной формы, не имеют дополнительных конструкций. Могилы индивидуальны, погребенные уложены вытянуто на спине, головой в северную сторону.

Погребальный инвентарь достаточно разнообразен. Дата кургана 84 определяется предположительно II–IV вв. н.э. по железным удилам и кольчатым псалиям. Хронология таких находок довольно широка. У двух железных пряжек без металлических щитков язычки короткие, практически не доходят до середины сечения рамки и имеют прогиб, что предположительно можно датировать второй половиной II – первой половиной III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 51].

Объект 89, представляющий собой «гантелевидное» сооружение, предположительно был сооружен во второй половине III в. н.э. В могильной яме была обнаружена серебряная пряжка с прямоугольным щитком. Пряжку отличает наличие уступа у основания язычка, небольшое фасетирование его и боковых сторон щитка. По мнению В. Ю. Малашева, эта особенность

характерна для пряжек второй половины III в. н.э. [Малашев, 2000, с. 209, рис. 1; Малашев, Яблонский, 2008, с. 51, рис. 203, *1, 2*].

Хронологическую позицию кургана 198 определяет железная пружинная фибула со слабоизогнутой широкой пластинчатой спинкой и сплошным высоким приемником. Аналогичные находки с коленчато-изогнутой спинкой (по классификации А. К. Амброза фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника) являются самыми распространенными в степях Южного Приуралья. М. Г. Мошкова допускает возможность появления их на рассматриваемой территории со второй половины II в. н.э. и применения до середины IV в. н.э. [Мошкова, 2000, с. 188, 191]. Дату комплекса уточняют и 14-тигранные бусы. М. Г. Мошкова время появления их определяет примерно с середины I и II в. н.э. [Мошкова, 1989, с. 202]. А. С. Скрипкин датирует в рамках второй половины II – начала III в. н.э. [Скрипкин, 1984, с. 51;]. Такие находки нашли широкое применение в кочевой среде и происходят с таких памятников, как Покровка 10, Кызылжар VI [Малашев, Яблонский, 2008, с. 50; Бисембаев, Гуцалов, 2009, с. 375]. Стоит отметить, что вместе с 14-тигранными бусами были найдены спиралевидные пронизи из серебряной и бронзовой проволоки. Сочетание таких бусин, нанизанных на проволоку, датируется III в. н.э. [Малашев, Яблонский, 2008, с. 64, рис. 164, *2*, 180, *1*].

Населению II–IV вв. н.э. были известны сосуды открытого типа (миски). В кургане 198 были обнаружены две бронзовые накладки, прикреплявшиеся к устью миски при помощи штифтов. Такие находки довольно широко известны в погребальных памятниках Южного Приуралья и имеют широкий хронологический диапазон использования. Авторам известно несколько находок, происходящих с могильников Покровка 10, Кызылжар VI [Малашев, Яблонский, 2008; Бисембаев, Гуцалов, 2009, с. 374, рис. 7, 4].

Таким образом, могильник Сорлакмола II можно отнести к разряду одного из крупных некрополей Западного Казахстана и Южного Приуралья. Его размеры и концентрация только в одном могильном поле большого количества разнообразных курганов и сооружений («гантелевидные» сооружения, святилища и т.д.) могут приравнивать его с такими памятниками как Лебедевка, Покровка 10. Дешифровка космоснимков, аэрофотосъемка и раскопки объектов могильника показывает, что во II-IV вв. н.э. Западный Казахстан стал территорией расселения крупных племенных объединений, оставивших яркую самобытную культуру, именуемую как позднесарматская.

Картография памятников Актюбинской области показывает, что основная масса памятников этого времени, причем включающих «гантелевидные» сооружения и святилища, расположены неравномерно. Они образуют широкую полосу, тянущуюся от тургайских степей [Логвин и др., 2018, с. 8, 19, рис. 1, *16*] до западных границ Актюбинской области и далее на запад. Интересным фактом является то, что в северных и южных районах области их количество немного уменьшается и курганы не образуют самостоятельных групп. В настоящее время в Актюбинской области можно выделить несколько микрорайонов сосредоточия памятников II-IV вв. н.э.

Литература

Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Лебедевский археологический микрорайон: итоги и перспективы изучения // Нижневолжский археологический вестник. 2009. Вып. 10. С. 372-384.

ЛогвинА.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: лаборатория археологических исследований Костанайского гос. ун-та им. А. Байтурсынова, 2018. 132 с.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур поздесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону: «Терра», 2000. С. 194-232.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М.: Вост. лит., 2008. 365 с.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 191-202.

Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 186-200.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1984. 149 с.

М. Д. Калменов, М. К. Сейткалиев

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КОМПЛЕКСЕ ЛЕБЕДЕВКА I (СЕГИЗСАЙ) (предварительное сообщение)

Статья посвящена предварительным результатам археологических раскопок кургана № 1 комплекса Лебедевка I (Сегизсай). Раскопки проводились под руководством М. Д. Калменова в 2018 г. Под насыпью кургана выявлено три погребения. В работе рассматривается погребальный обряд племен, оставивших памятник. Сопровождающий материал позволяет датировать все три захоронения кургана концом VI–V в. до н.э. В пользу этой даты свидетельствуют многочисленные аналогии предметов вооружения (наконечники стрел), костяная ложечка, выполненная в зверином стиле, флакон для косметики, так называемый kohl-tubes из финикийского стекла, а также предметы культа.

Ключевые слова: Южное Приуралье, курганный комплекс Лебедевка I (Сегизсай), ранний железный век, сарматы, миниатюрный керамический сосуд, сосуд из финикийского стекла, наконечники стрел

Лебедевка I (Сегізсай) кешеніндегі жаңа зерттеу жұмыстары (алдын ала хабарлама)

Ұсынылып отырған мақала Лебедевка I (Сегізсай) кешеніндегі № 1 оба үйіндісінде жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының алдын-ала нәтижелеріне арналған. Ескерткішке зерттеу жұмыстары 2018 ж. далалық маусымында М. Д. Қалменовтың жетекшілігінде жүргізіледі. Оба үйіндісінің астынан үш жерлеу орны анықталады. Қазба жұмыстары нәтижесінде табылған жәдігерлер көшпелі тайпалар – сарматтардың жерлеу дәстүріне жататыны белгілі болды. Зерттелген жерлеу орындарынан табылған материалдар б.д.д. VI ғ. соңы –V ғ. жатады. Мұндай тұжырымға келуімізге табылған жәдігерлер – қару-жарақтың түрлері (жебе ұштары), аң стиліндегі сүйектен жасалған қасық, ғылымда kohl-tubes деп аталатын финикиялық шыныдан жасалған флакон және жерлеу орнынан табылған басқа да заттардың ұқсастығы дәлел бола алады.

Түйін сөздер: Оңтүстік Орал өңірі, Лебедевка (Сегізсай) обалар кешені, ерте темір дәуірі, сарматтар, миниатюралық қыш ыдыс, финикиялық шыныдан жасалған ыдыс, жебе ұштары

© **Мурат Д. Калменов,** *Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет, г. Уральск, Казахстан*; kalmenoff@mail.ru;
Мейрам К. Сейткалиев, *ТОО «Археологические исследования», г. Караганды, Казахстан;* m.sarmat@mail.ru

В 2006 г. по решению комиссии по ономастики Шынгырлауского района ЗКО, название поселка Лебедевка было изменено на Сегизсай.

New searching on the Lebedevka I (Segizsay) bural ground (preliminary report)

The article is devoted to the preliminary results of the archaeological excavations of the mound № 1 on the complex Lebedevka I (Segizsay) The excavation of the monument was carried out under the direction of M. D. Kalmenov in 2018. Under the mound embankment there were three burial pits. The inventory and the burial rite of nomadic tribes - Sarmatians are considered. The accompanying material allows you to date all three burial mounds to the end of VI-V century BC. Numerous analogies to armaments (arrowheads), bone spoon made in animal style, bottle for cosmetics, so-called kohl-tubes from Phoenician glass, and cult objects (first of all - stone marching altar) testify to this date.

Keywords: Southern Ural, barrow complex Lebedevka (Segizsai), early Iron Age, Sarmatians, a miniature ceramic vessel, a vessel made of Phoenician glass, arrowheads

Лебедевский (Сегизсайский) погребальный комплекс занимает особое место среди курганных древностей Южного Приуралья. В указанном районе сконцентрировано около 300 курганных насыпей [Железчиков и др., 2006]. Курганы могильника Лебедевка (Сегизсай), расположенные на ровном плато между степными речками Калдыгайты и Утва, привлекали к себе внимание исследователей еще в 1960–1970 годы. После ряда замечательных находок, полученных в ходе раскопок курганов экспедицией Уральского пединститута под руководством Г. И. Багрикова [Багриков и др., 1968], исследователи в полной мере оценили, какое важное место среди памятников скифо-сарматского времени региона занимает открытый могильник (рис. 1). Для его изучения организуется совместная экспедиция Уральского педагогического института и Института археологии АН СССР под руководством Г. А. Кушаева и М. Г. Мошковой [Мошкова, Кушаев, 1973]. Дальнейшие раскопки на памятнике

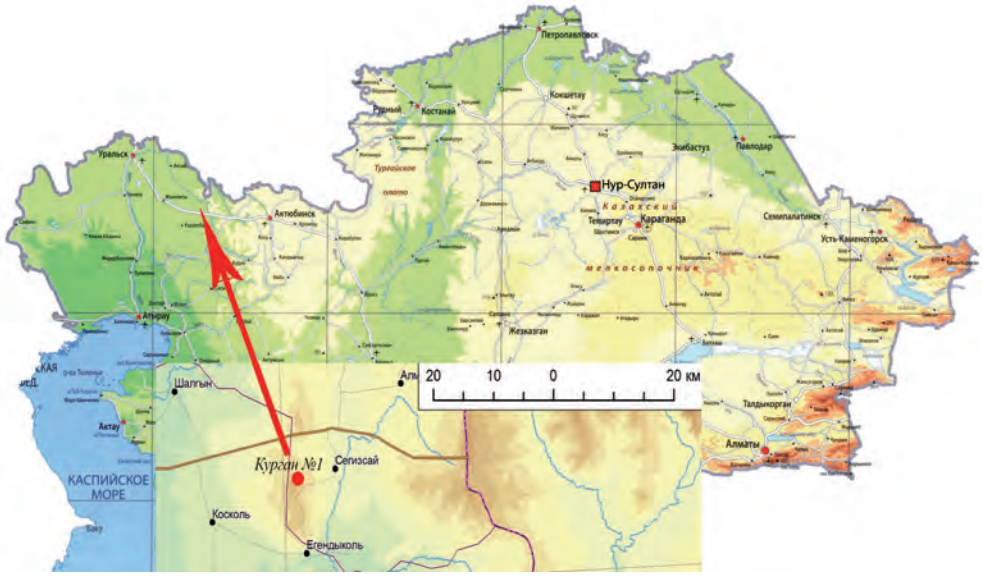

Рис. 1. Местоположение комплекса Лебедевка I (Сегизсай)

связаны с активной работой Б. Ф. Железчикова, при его участии и позже под его руководством в 1977–1981 гг. было исследовано 160 курганов [Железчиков и др., 2006, с. 8]. После его переезда в Волгоград исследования на могильнике были прекращены. После приостановки исследований на некоторое время к раскопкам на памятнике в 2002 г. приступил ученик Б. Ф. Железчикова С. Ю. Гуцалов.

С. Ю. Гуцаловым совместно с А. А. Бисембаевым было раскопано 10 курганов [Гуцалов, 2008, с. 38–39]. Несмотря на информативный и весьма примечательный материал, полученный в ходе работ, в исследовании могильника снова наступает затишье. Раскопки на памятнике возобновляются летом 2018 г. автором статьи. Подробное описание курганных групп могильника, составленное Б. Ф. Железчиковым [Железчиков и др., 2006, с. 8–9], избавляет нас от необходимости повторно приводить его в настоящей работе, поэтому сразу перейдем к объекту исследования.

Для исследования был выбран аварийный курган № 1 (рис. 2). Предполагаемый диаметр земляной насыпи составлял 18 м, при высоте 1 м. На момент раскопок курган был сильно снивелирован ежегодной распашкой. Восточная и западная полы кургана были растащены бороной практически до уровня материка. По этой причине было принято решение отойти от общепринятой методики исследования и раскопать сохранившуюся часть кургана широкой траншеей, ориентированной по линии С–Ю. Насыпь

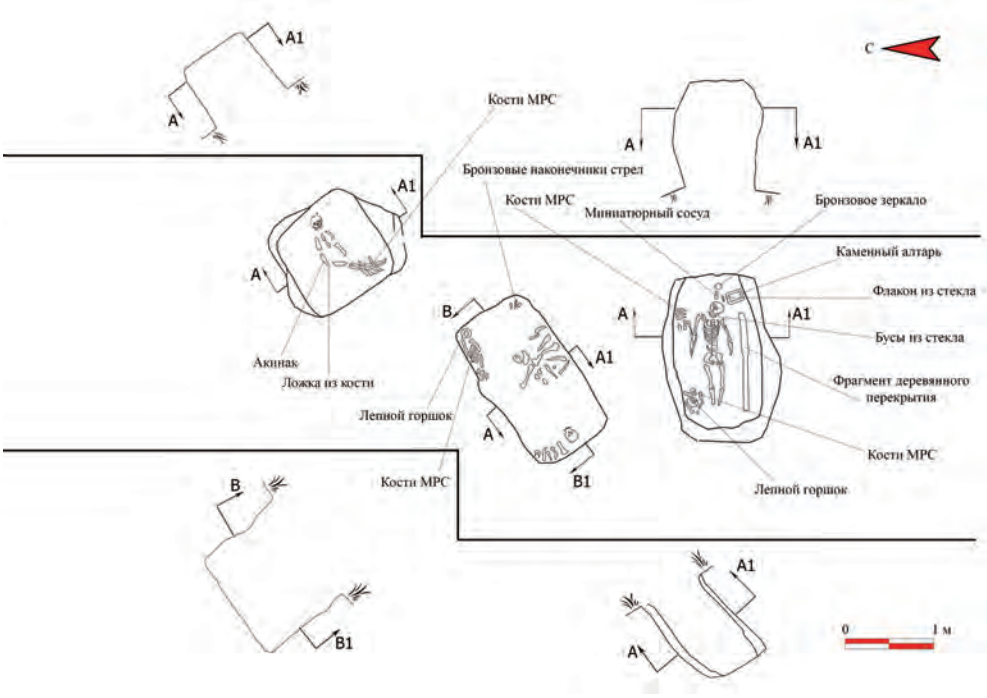

Рис. 2. Расположение погребений в кургане №1, комплекс Лебедевка I (Сегизсай)

исследовалась вручную, под снос. После снятия кургана в его центральной части, на уровне материка, выявлены три могильные ямы. Нумерация погребений дана по очередности их выявления, ниже приведено их описание.

Погребение 1 обнаружено в центральной части кургана. Могильная яма размерами 2,2×1,3 м, прямоугольной в плане формы, ориентирована длинными стенками по линии СВ–ЮЗ. Погребение разграблено. По сохранившимся отдельным in situ костям установлено, что погребенный был уложен по центру могилы, на спину, головой на ЮЗ. На дне (глубина 2,3 м), в северо-восточном углу ямы, уложены, возможно, лопатка и ребра МРС, рядом с ними расчищен развал керамического сосуда. Горшок с бомбовидным туловом, плавно переходящим в прямую шейку, венчик прямой отогнут наружу, дно уплощенное. Поверхность сосуда шероховатая, светло-коричневого цвета. В тесте фиксируются органика и шамот. Высота сосуда – 17 см. В северо-восточном углу могилы найдено 12 бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел. Из них четыре имели скрытую втулку (рис. 3, *5*).

Погребение 2 выявлено в 1 м к СВ от первого. Могильная яма размерами 2×2,3 м, подквадратной в плане формы, ориентирована углами по сторонам света. Поверх ямы был уложен бревенчатый настил. На дне могилы (глубина 1,5 м) расчищен скелет (по-видимому, скелет принадлежал подростку)

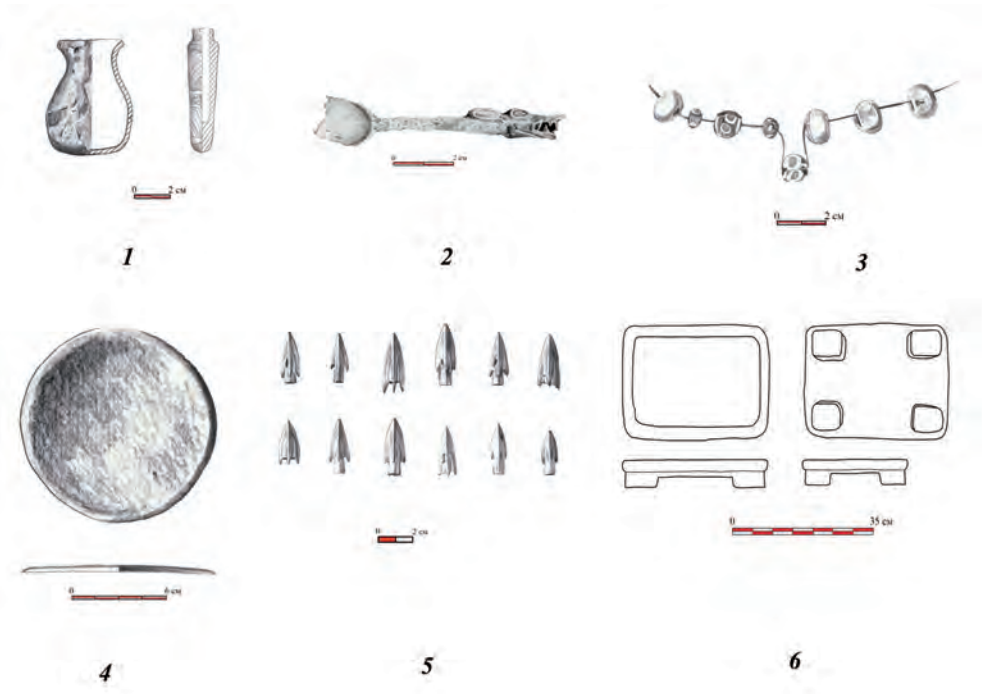

Рис. 3. Комплекс Лебедевка I (Сегизсай), к. 1. Находки из погребений:
1 – флакон kohl-tubes и миниатюрный керамический сосуд; 2 – костяная ложечка;
3 – стеклянные бусины; 4 – бронзовое зеркало; 5 – бронзовые наконечники стрел;
6 – каменный жертвенник. 1, 3, 4, 6 – п. 3; 2 – п. 2; 5 – п. 1

человека, уложенного по центру ямы, на спину, головой на СВ. У правого бедра найден сильно коррозированый железный кинжал с прямым перекрестием и волютообразным навершием. Общая длина меча составляет 41 см, ширина перекрестия – 4,5 см. Недалеко от клинка находилась костяная ложечка с зооморфно оформленным окончанием в виде изображения оскалившегося волка (рис. 3, *2*). Длина ложечки – 11,6 см. В юго-западном углу могилы уложены ребра и кости ног МРС.

Погребение 3 обнаружено в 0,8 м к югу от первого. Могильная яма размерами 2,3×1 м, прямоугольной в плане формы, ориентирована длинными стенками по линии В–З. Как и в предыдущем случае, поверх ямы был уложен бревенчатый настил, на который, в свою очередь, уложили слой коры и, возможно, тростника. На дне могилы (глубина 1,8 м), расчищен скелет человека, уложенного по центру ямы, на спину, головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. У северного угла могилы уложены ребра МРС. Возле погребенного найден многочисленный инвентарь. В районе шейных позвонков расчищена низка из 11 стеклянных бусин двух типов (рис. 3, *3*). Первый тип представлен пятью бусинами, изготовленными из стекла синего цвета, уплощенно-сферической формы, с крупными глазками в виде белых окружностей, в центре которых располагается синяя точка. Диаметр – 8–10 мм. Бусины второго типа более крупные и изготовлены из белой стеклянной массы, глазки оформлены как и в первом случае. Диаметр – 12–15 мм. Возле головы поставлен миниатюрный лепной сосуд. Горшок с вытянуто-бомбовидным туловом, плавно переходящим в прямую шейку, венчик слегка отогнут наружу, дно уплощенное. Поверхность сосуда шероховатая, светло-коричневого цвета. В тесте фиксируется органика и шамот. Высота сосуда – 7,4 см (рис. 3, *1*). Рядом с сосудом находилось дисковое бронзовое зеркало без ручки (рис. 3, *4*). По внешнему краю зеркала имеется валик толщиной 3–4 мм. Диаметр диска составляет 12,5 см. Тут же найден косметический сосудик-флакон, изготовленный из стекла синего цвета. Флакон имеет вытянутое тулово, с короткой прямой шейкой, резко переходящей в кольцевой венчик. Поверхность сосудика богато декорирована. Тулово разделено тремя поясками желтого цвета, образованное таким образом пространство заполнено чередующимися зигзагообразными линиями белого цвета. Размеры сосудика составляют: длина – 7 см; ширина 2 см (рис. 3, *1*). Вплотную к стене могилы стоял каменный жертвенник, вырезанный из крупнозернистого песчаника бурого цвета. Блюдо жертвенника прямоугольной формы, с невысоким бортиком по краю. На тыльной стороне предмета по углам столика вырезаны четыре квадратной формы невысокие ножки. Одна из них была отколота в древности. Размеры жертвенника составляют: длина – 35 см; ширина – 25 см; высота – 6 см (рис. 3, *6*).

Предварительный анализ материала. Итак, в ходе раскопок кургана 1 было исследовано три основных погребения, совершенных если не одновременно, то в очень короткий промежуток времени. Планиграфия могил позволяет предположить, что под насыпью кургана захоронены члены одной

семьи. В целом, все захоронения типичны для Южного Приуралья и довольно четко укладываются в рамки конца VI–V вв. до н.э. В пользу предложенной даты говорит как погребальный обряд, так и весьма информативный сопровождающий инвентарь. Выявленные могильные ямы являются близкими по своей форме и размерам к приуральским аналогам. Наличие перекрытия, а также заупокойной пищи в виде частей МРС характерно для комплексов изучаемого времени Южного Приуралья [Гуцалов, 2004, с. 94]. Ориентировка погребенных в кургане демонстрирует некоторую вариативность, что также отмечают исследователи для погребений региона конца VI–V в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 96].

Для уточнения хронологической позиции исследованных погребений обратимся к анализу сопровождающего инвентаря. Дата погребения 1 определяется набором стрел, относящихся к концу VI–V в. до н.э. [Гуцалов, 2004, табл. 12]. К этому же времени можно отнести и погребение 2. Костяная ложечка из этого захоронения находит массу аналогий в погребениях Южного Приуралья конца VI–V вв. до н.э. [Смирнов, 1964, рис. 32]. Несомненный интерес вызывает клинок, найденный в погребении. Рассматриваемый тип меча резко выделяется своей малочисленностью. В настоящее время известно не более 50 клинков, происходящих из различных уголков Евразии, и в большинстве своем они относятся к II до н.э. – II–III вв. н.э. [Сейткалиев, 2014, с. 228]. Однако наиболее ранние образцы клинков этого типа происходят с территории Южного Приуралья и относятся к V (?) – IV вв. до н.э. [Яблонский, 2013, с. 196; Сейткалиев, 2014, с. 229]. Если принять во внимание верхнюю границу датировки костяной ложечки, то вполне допустимо отнести рассматриваемый меч к V в. до н.э.

Особый интерес вызывает среди исследованных захоронений кургана погребение 3. В первую очередь, обращает на себя внимание находка косметического сосудика, так называемого – *kohl-tubes.* Несмотря на то, что находки сосудиков разнообразных форм из «финикийского» стекла в Южном Приуралье и Западном Казахстане продолжают расти, датируемые в достаточно широком временном диапазоне – от конца VI до IV в. до н.э. [Трейстер, 2012, с. 112–114], обнаружение *kohl-tubes* представляет безусловный интерес. На сегодняшний день это третья находка подобного сосудика в регионе, от которых отличается ее форма, декор и техника изготовления [Сейткалиев, 2010, с. 49; Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 232–235]. Жертвенник из этого погребения по своей морфологии также относится к редким типам. Как правило, каменные жертвенники этого времени выполнялись в зооморфном стиле. Предметы, близкие по своей форме к рассматриваемому типу, найдены в комплексах конца VI–V в. до н.э. [Смирнов, 1964, рис. 18; Кадырбаев, 1977, рис. 1; Железчиков и др., 2006, рис. 44]. Набор бус из погребения 3 также находит массу аналогий в могильниках VI–IV вв. до н.э. Южного Приуралья и Западного Казахстана [Самашев и др., 2007, с. 158; Яблонский, 2013, с. 97]. Зеркало из рассматриваемого комплекса относится к X типу по классификации, предложенной К.Ф. Смирновым, и характерно для памятников IV в. до н.э.,

но исследователь допускает, что данный тип мог сформироваться на основе местных образцов уже во второй половине V в. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 159].

Таким образом, анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря позволяет уверенно отнести исследованные погребения кургана 1 к концу VI–V в. до н.э. или даже к V в. до н.э. В целом, рассмотренные захоронения не выделяются из общей массы исследованных погребений этого времени могильника, что указывает на родственное отношение погребенных в этой части к захороненным в других группах комплекса Лебедевки I (Сегизсай).

Литература

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 2. С. 63-76.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья в VII–I вв. до н.э. Уральск: «Полиграфсервис», 2004. 136 с.

Гуцалов С.Ю. Материалы раскопок курганов могильника Лебедевка II в 2002 г. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материю межд. науч. конф. «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 38-46.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Восточная литература, 2006. 159 с.

Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из Северо-Западного Казахстана // СА. 1977. № 3. С. 204-212.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 72-74.

Самашев З., Кошербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Древние сокровища Устюрта и Мангыстау. Алматы: Археология, 2007. 400 с.

Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Ранние кочевники Западного Казахстана. Уральск: Полиграфсервис, 2013. 292 б. (на каз., рус. и англ. яз.).

Сейткалиев М.К. Кинжал из разрушенного погребения в северо-восточном Прикаспии // Всадники Великой степи: традиции и новации. Труды ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 226-236.

Сейткалиев М.К. Раннепрохороские впускные погребения в курганах некрополя Кырык-Оба II // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 46-56.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Трейстер М.Ю. Стеклянные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. Т. 1. С. 106-114.

Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.: ил.

Я. А. Лукпанова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА ЖАЙЫК-1 (предварительное сообщение)

В статье приводятся предварительные результаты археологического изучения кургана 1 могильника Жайык-1, проводившегося в полевом сезоне 2019 г. отрядом Западно-Казахстанского центра истории и археологии. Время начала сооружения памятника относится VI–V вв. до н.э.; часть исследованных погребений датируется IV в. до н.э, III–I вв. до н.э.

Ключевые слова: Жайык, сарматы, курган, городище, конструкция, ров, блок, погребение, колчан

Жайық-1 қорымының 1 обасындағы археологиялық зерттеулер (алдын-ала хабарлама)

Мақалада 2019 жылы далалық маусымда Батыс Қазақстан тарих және археология орталығының отрядының Жайық-1 қорымындағы бірінші обаға жүргізген археологиялық зерттеулерінің алдын-ала нәтижелері беріледі. Ескерткіш құрылысының басталу уақыты б.д.д VI–V ғғ. жатады; зерттелген жерлеу орнының бір бөлігі б.д.д. IV ғ., б.д.д. III–I ғғ. мерзімделеді.

Түйін сөздер: Жайық, сарматтар, оба, қалашық, құрылым, ор, блок, жерлеу орны, қорамсақ

Archaeological research of mound 1 of Zhayik-1 burial ground (preliminary message)

The article presents preliminary results of archaeological research of mound 1, burial ground Zhayik-1, carried out in the field season of 2019 by a detachment of the West Kazakhstan Center for History and Archeology. The start time for the construction of the monument dates back to the 6th – 5th centuries BC; part of the investigated burials dates back to the 4th century BC, 3rd – 1st centuries BC.

Keywords: Zhayik, Sarmatians, mound, ancient settlement, construction, moat, block, burial, quiver

Курганный комплекс Жайык-1 расположен в 13,0 км юго-западнее г. Уральск, при въезде на территорию городища Жайык, севернее некрополя городища (рис. 1) [Лукпанова, 2020]. Состоит из четырех курганных насыпей. Курган 1 является одним из больших курганов комплекса. Насыпь его разрушена и находится в аварийном состоянии. В начале 2000-х годов на кургане были проведены первые исследования. О том, кто раскапывал этот

© Яна А. Лукпанова, *Западно-Казахстанский центр истории и археологии, г. Уральск, Казахстан;* lukpanovayana@gmail.com

курган, и почему он был оставлен неизвестно, но доисследовать и завершить раскопки было необходимо, чтобы он не бросал тень на археологов и науку в целом. Курган раскапывался с применением техники, центральная часть

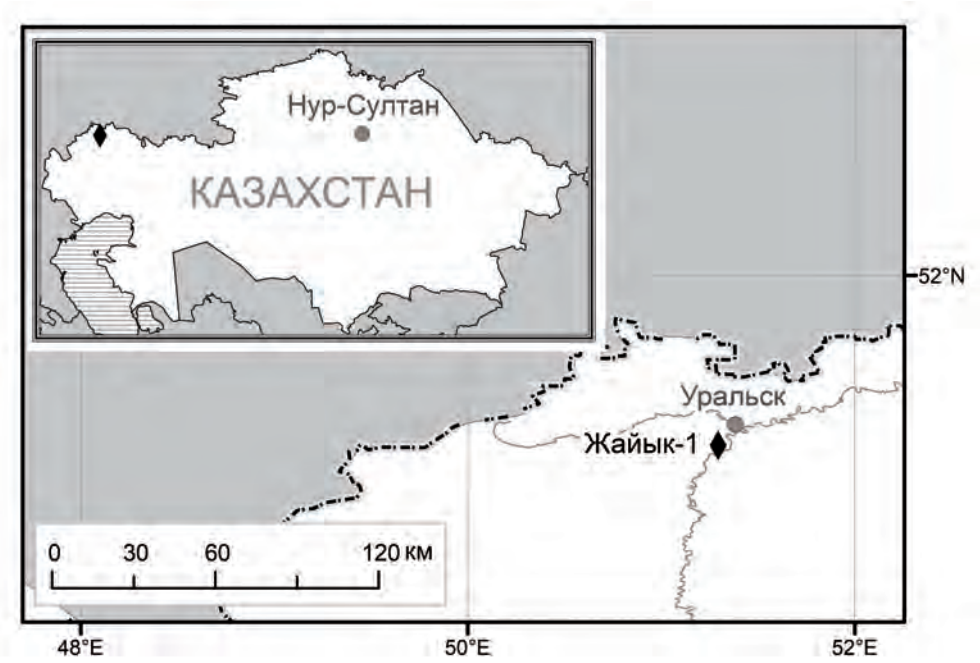

Рис. 1. Локализация могильника Жайык-1 на карте Казахстана. Карту подготовил М.А. Антонов

кургана была снесена, после чего осталась глубокая двухметровая траншея шириной 7,0 м. На западной периферии кургана по линии З–В также была оставлена траншея.

В мае 2019 г. отрядом Западно-Казахстанского центра истории и археологии под руководством автора были возобновлены раскопки на кургане, совместно со студентами исторического факультета ЗКГУ им. М. Утемисова. Раскопки велись до 15 августа. В данной статье представлены предварительные результаты раскопок.

До начала исследований курган имел диаметр 42,0 м, высоту 1,8 м; представлял собой округлую насыпь, центральная часть, как отмечалось выше, была снесена бульдозером. При раскопках кургана были оставлены три параллельные бровки, вытянутые по направлению С–Ю. Расстояние между профилями 7,0 м. Курган раскапывался с применением автогрейдера методом снятия слоя земли толщиной 5,0 см.

При раскопках насыпи кургана на разных глубинах были выявлены кости разных животных, фрагменты жертвенников округлой формы, мел, камни, фрагменты черепа, фрагменты зеркала, лепных сосудов, фрагмент удил и каменная плита для растирания.

Под насыпью кургана была выявлена сожженная бревенчатая конструкция, сооруженная над центральной ямой, и кольцевой вал из блоков и бревен. По краю первоначальной насыпи кургана выявлен кольцевой ров со входом с южной стороны. Ширина рва неодинаковая, варьировалась от 0,50 м до 1,5 м. Глубина рва доходила до 2,5 м. Период раннего сооружения кургана относится к V–IV вв. до н.э. и кольцевой ров является частью конструкции

Рис. 2. Жайык-1, к. 1. Общий вид кургана

первоначального сооружения кургана. Позже курган неоднократно досыпался и дополнялся более поздними впускными захоронениями (рис. 2).

Всего в кургане было выявлено 14 погребений. Все погребения по составу инвентаря в погребальных ямах, расположению скелетов относятся, предположительно, к раннесарматскому и среднесарматскому периоду, исключением является погребение, выполненное в центральной яме и позже ограбленное, кости человека встречаются на всех уровнях ямы 1, фрагменты черепа были выявлены в насыпи кургана.

Погребение 1 обнаружено в центре кугана, западнее центрального репера. Могильное пятно размерами 3,7×4,75 м, прямоугольной формы, длинными сторонами ориентировано по оси С–Ю. Заполнение ямы – забутованный перемес с фрагментами угля шлаков, золы. В СВ углу ямы был обнаружен

уступ в виде ступеньки на глубине 1,80 м, но это, вероятнее всего, остатки дна первой ямы, над которой сооружали первоначальную насыпь. Позже яма была ограблена, а дно пробито для совершения более позднего погребения. Стены ямы сужались ко дну, дно ямы было зафиксировано на глубине 3,14 м от древнего горизонта. Ее размеры по дну 2,85×1,70 м.

На дне ямы было выявлено захоронение, предположительно, женщины, ограбленное в древности, кости разбросаны. В яме глубиной 4,5 м обнаружены гешировые ромбовидные бусины, 60 стеклянных бусин с внутренней позолотой, шайбовидные гешировые бусины, фрагменты деревянного гребня с орнаментом, керамическая миска, орнаментированная четырехлепестковой розеткой и поясом вертикальной зигзагообразной линией по дну и придонной части, обрезанный шлак, фрагмент четырехугольного предмета из камня, фрагменты гончарного сосуда. У восточной стенки ямы зафикисрован отпечаток меча, с прямым перекрестьем и серповидным навершием.

Погребение 2 было выявлено к северу от центральной ямы, длинными сторонами ориентировано по направлению З–В, глубина ямы от уровня материка 0,15 м, дно ямы неровное, с восточной стороны и с западной фиксируется небольшой подъем, глубина соответственно уменьшается до 0,5 см. В яме обнаружен скелет взрослого человека, предположительно мужчины, головой ориентированного на З с легким отклонением на С. Череп разбит, кости плохой сохранности, голова лежит на левом плече, руки вытянуты вдоль корпуса, кисть левой руки находится на бедренной кости. Ноги вытянуты. Отсутствуют кости нижних конечностей, часть берцовой кости, плюсны, предплюсны, берцовые кости раздроблены. Скелет покрыт органикой. С левой стороны, на уровне средней части берцовой кости, выявлены два трехлопастных наконечника стрелы, без черешка и втулки. С левой стороны погребенного у северной стенки ямы на уровне локтевых костей найдены ребро, лопатка, передняя конечность барана.

Погребение 3. Яма овальной формы, расположена в 8,5 м северо-восточнее центрального погребения, между центральной и восточной бровками. Длинными сторонами ориентирована по оси ЮВ–СЗ. Длина ямы 2,20 м, глубина ямы -1,0 м. Заполнение ямы однородное, темно-серого цвета с фрагментами дерева. В заполнении встречаются кости зверей (барсук? лиса?), в восточном, западном, южном углах ямы на уровне уступов были обнаружены норы. Стенки ямы прямые, обложены корой. С СВ и ЮЗ сторон ямы были зафиксированы уступы шириной 0,18–0,20 м на глубине 0,44–0,45 м. На уступах обнаружены фрагменты дерева, вероятно, остатки перекрытия погребения.

На дне ямы на органической подстилке выявлено погребение взрослого человека, предположительно мужчины. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой был ориентирован на ЮВ. Руки сложены вдоль корпуса, череп сдвинут зверями и лежал в грудной части на ребрах погребенного. В западном углу ямы находились кости барана, среди которых был найден черешковый нож. Возле левой ноги в районе бедренной кости обнаружено 11 трехлопастных наконечников стрел с древками.

Погребение 4 располагалось в 5,25 м северо-восточнее центрального погребения, между центральной и восточной бровкой. Яма прямоугольной

формы с округлыми углами, длинными сторонами ориентирована по оси ЮВ–СЗ. Заполнение ямы представляло собой темно-серую гумусированную супесь с вкраплениями материкового грунта. В заполнении ямы выявлены берцовые кости человека, фрагменты черепа. Стенки ямы прямые. Длина ямы 2,40 м, глубина ямы 0,55–0,62 м. Дно ямы неровное, с подъемом к СЗ. На дне ямы на органической подстилке светло-серого цвета обнаружены разбросанные кости человека, яма была ограблена в древности. В центральной части ямы обнаружен фрагмент органической подстилки, на которой сохранился фрагмент правой лопатки, бедренная кость левой ноги, с левой стороны кости обнаружены округлые фаланги пальцев, три бусины с внутренней позолотой in situ. В южном углу ямы лежали фрагменты разбитого лепного сосуда. Восточный угол ямы разрушен глубокой норой (барсук). Глубина норы от дна ямы - 0,30 м.

Погребение 5 было зафиксировано в 8,7 м к СЗ от центрального погребения, оно было совершено в подбое. Могильное пятно подпрямоугольной формы, длинными сторонами ориентированное по оси СВ–ЮЗ. Входная яма позже будет использована для погребения 6. Заполнение ямы представляло собой темно-серый суглинок с примесями материковой глины, в заполнении на всех уровнях встречаются конечности человека, фрагменты зеркала, бронзовый браслет, нож черешковый.

С восточной стороны входной ямы на глубине 1,69 м был обнаружен подбой, длинными сторонами ориентирован по оси С–Ю. Длина подбоя 2,40 м. Длина скелета – 1,70 м. Погребение принадлежало предположительно женщине, она лежала в вытянутом положении на спине, головой ориентирована на юг с некоторым отклонением на запад, на глубине – 3,69 м от R. Череп погребенной покоился на шейных позвонках. Под скелетом прослежен тонкий слой черного цвета с меловым содержанием. У северной стенки выявлены кости крупного животного, ребра и мелкие позвонки животного. Вокруг шейных позвонков были найдены шесть нашивных бляшек в виде жуков из желтого металла, вероятно, декор воротника одежды, на запястье левой руки был надет бронзовый браслет из литого прута, под костями заупокойной пищи лежал черешковый нож, с левой стороны плеча женщины найдены два фрагмента лепного сосуда. Важным моментом в данном погребении является то, что скелет потревожен, у него отсутствуют правая берцовая кость, правая рука и ребра с правой стороны, левая рука лежит ладонью вниз. Все кости женщины были обнаружены в заполнении входной ямы. По всей видимости, в данном случае мы сталкиваемся с обрядом расчленения, так как кости встречались не в разбросанном, а в целом виде. В области запястья правой руки женщины был обнаружен бронзовый браслет аналогичный браслету на левой руке.

Погребение 6 было выполнено во входной яме погребения 5, дно ямы зафиксировано на глубине 2,72 м (рис. 3). Яма была углублена, границы удлинены к югу, это более позднее захоронение и, предположительно, по составу предметов, найденных в могиле, принадлежало женщине.

В четырех углах ямы были зафиксированы остатки столбов, в самой яме была сооружена конструкция с перекрытием над погребением. Высота столба в СВ углу 1,14 м, диаметр - 0,22 м, высота СЗ столба - 1,1 м, диаметр - 0,22 м,

Рис. 3. Жайык-1, погребение 6

расстояние между столбами - 0,42 м. Высота столба в ЮВ углу - 1,18 м, диаметр - 0,21 м, в ЮЗ углу высота столба 1,18 м, диаметр 0,18 м.

Головой она была ориентирована на юг, с легким отклонением на ЮЗ. Руки вытянуты вдоль корпуса, кисти вдоль тазовых костей, левая нога согнута в колене, пятки соединены. Под двумя бедренными костями обнаружены конечности мелкого животного, возможно барана. Под черепом обнаружено бронзовое зеркало диаметром 19,0 см с валиком по окружности и с боковой ручкой, на зеркале найдена сережка, витая в 1,5 оборота из желтого металла, вокруг шейных позвонков обнаружено 56 бусин и каменная подвеска. На левом запястье погребенной было обнаружено 36 бусин, на правом – 31 бусина. У изголовья погребенной обнаружен бронзовый литой котел на высокой конической ножке и трехлопастной железный наконечник стрелы. С правой стороны погребенной у ног найдены железные дротики, нож. На ногах женщины в области берцовых костей лежал лепной сосуд на конической ножке, в котором были найдены каменные молоточки. С левой стороны погребенной, в области плеча зафиксировано пряслице из мела. Погребенная покоилась на органическом тлене.

Погребение 7 подбойное. Яма длинными сторонами ориентирована по оси С–Ю. Размеры могильного пятна 1,95×0,72 м, глубина ямы -0,90 м. С восточной стороны ямы был зафиксирован подбой, в котором обнаружен костяк взрослого человека, предположительно, женщины, головой ориентированной на юг. Скелет лежит лицом вниз, анатомически сложен, руки согнуты в локтях, кисти на уровне поясницы. Ноги вытянуты прямо, у ног выявлены кости МРС.

Между левой рукой и ребрами обнаружено пряслице биконической формы, усеченное с двух сторон, на поверхность которого нанесены вертикальные линии, в ногах разбитый лепной сосуд, плечо сосуда орнаментировано горизонтальной волнистой линией и обработанный камень.

Северная стенка ямы соприкасается с ямой погребения 6, вдоль западной стены обнаружено тонкое бревно диаметром 10 см.

Погребение 8. Яма глубиной от материковой поверхности 0,18 м, от R -2,19 м, прямоугольной формы. Размеры ямы 1,40×0,65 м. Юго-восточные границы ямы выходят за пределы рва, северо-западная часть ямы заходит на ров. Кольцевой ров был сооружён раньше. Дно ямы не ровное, с подъемом к югу.

В яме выявлено захоронение, предположительно, девочки, скелет в плохом состоянии, кости потревожены грызунами, череп разбит. Головой ориентирована на юг. Вокруг шейных позвонков девочки обнаружено 28 бусин (бисер), с левой стороны черепа зафиксирован лепной кувшин с ручкой.

Погребение 9 зафиксировано в восточной части кургана, основная часть ямы оказалась под бровкой, в 9,0 м северо-восточнее от центрального репера, по восточной бровке в 4,5 м к северу от нуля. Яма длинными сторонами ориентирована по оси С–Ю с некоторым отклонением на ЮВ–СЗ. Размеры могильного пятна 2,40×10,5 м. Заполнение представляло собой плотный гумус светло-коричневого цвета.

С восточной стороны ямы зафиксирована ступенька 8,0×3,75 м на глубине -0,73 м от древней поверхности. Дно ямы зафиксировано на глубине -3,50 м от R.

На дне ямы, на черном органическом тлене обнаружено погребение мужчины, головой ориентированного на ЮВ с некоторым отклонением на юг. Руки вытянуты вдоль корпуса, правая и левая кисти лежат ладонью вниз, ноги вытянуты, левая нога вывернута влево. Голова повернута вправо. На правой бедренной кости и на левой кисти лежит короткий меч с навершием в виде двух загнутых когтевидных окончаний, перекрестье бабочковидное.

В ЮВ углу ямы у изголовья погребенного выявлена тризна в виде лопатки и левой конечности барана, рядом выложен колчан, на кожухе которого сохранились фрагменты шкуры животного. В колчане наконечники стрел и два длинных шила. Рядом с колчаном найден колчанный крючок. Южнее этих предметов чуть выше черепа обнаружен плоскодонный лепной сосуд с коротким горлышком, плоским дном, шаровидным туловом.

Погребение 10 было выявлено в 10,5 м к северу и в 9,5 м к востоку от R на уровне древнего горизонта на поверхности рва. Предположительно, оно принадлежало мужчине, головой ориентированного на ЮВ, руки вытянуты вдоль корпуса, ноги вытянуты, голова повернута на север. С левой стороны черепа выявлен камень треугольной формы, с левой стороны на уровне тазовых костей - два фрагмента керамики. Кости плохой сохранности.

Погребение 11 (рис. 4) находилось в восточной периферии кургана за границами кольцевого рва, в 12,5 м к востоку от R. Яма округлой формы длинными сторонами ориентирована по оси С–Ю. Западная стенка ямы заходит в стенку рва. Длина ямы 2,17 м, ширина ямы –1,25 м. Заполнение

ямы неоднородное, оно представляло собой мягкий гумус черного цвета, ниже в заполнении встречались камни, мел, фрагменты дерева, перемес с материковой супесью. Дно ямы было зафиксировано на уровне -3,54 от R. Погребение принадлежит взрослому человеку, он погребен лицом вниз, головой ориентирован на юг, череп слегка повернут на запад, руки вытянуты вдоль корпуса, ноги вытянуты, пятки соединены. Вдоль западной стенки лежат кости барана с лопаткой. На дне ямы фиксируются остатки органики, вероятно, от дерева; были зафиксированы фрагменты дерева и кости. На костях были обнаружены фрагменты коры. Инвентарь отсутствует.

Погребение 12. Могильная яма расположена во рву, погребение впускное, примыкает восточной стенкой к яме погребения 11 (рис. 3). Размеры ямы

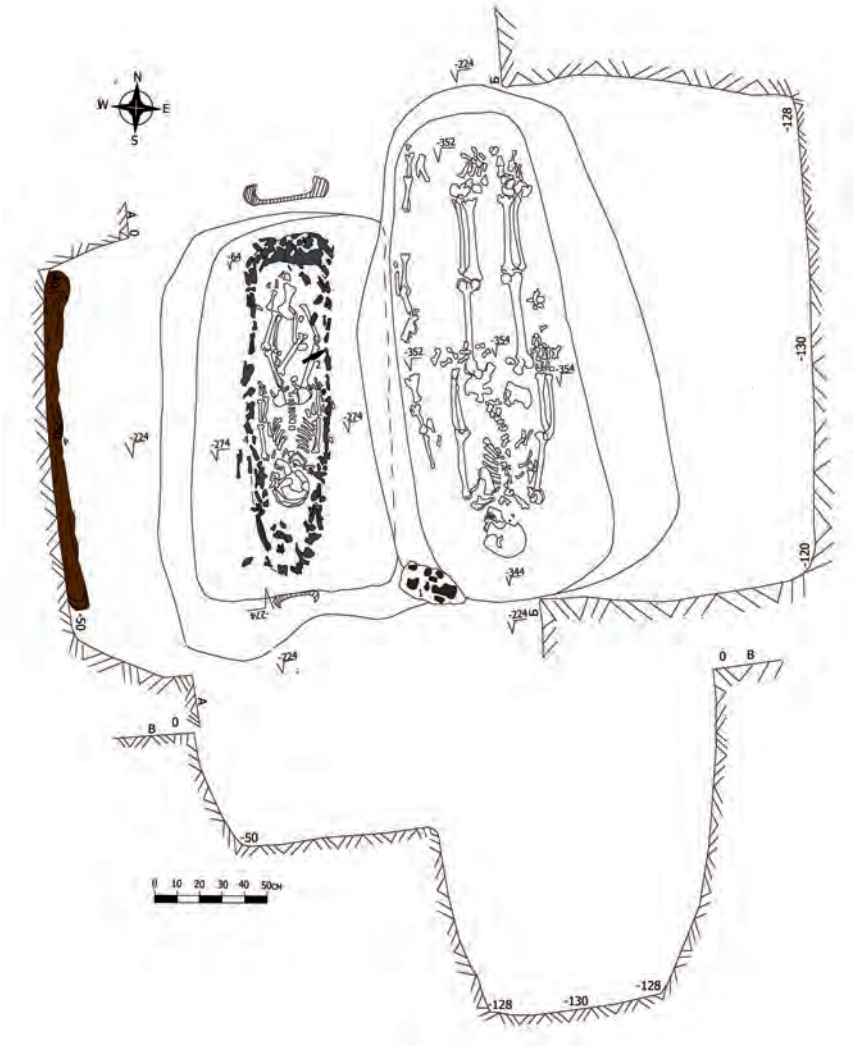

Рис. 4. Жайык-1, погребения 11, 12

1,75×0,85 м. Дно ямы было зафиксирован на уровне -2,74 м от R. Яма вытянута длиными сторонами по оси С–Ю. Заполнение ямы - черный гумус. В заполнении встречались куски мела, камни. На дне ямы была обнаружена деревянная колода, вырезанная из бревна дерева. Длина её 1,40 м, ширина 0,35 м. Внутри колоды выявлен скелет ребенка в позе всадника, головой ориентированного на юг, руки вытянуты вдоль корпуса, ноги согнуты в коленях. Между ногами выявлены кости овцы: тазовая кость, конечности. Вдоль бедренной кости правой ноги обнаружен железный обоюдоострый черешковый нож, под правым запястьем руки выявлена округлая бусина коричневого цвета, центральная часть бусины выделена зоной из двух полосок белого цвета, по центру которой проходит белая волнистая линия.

Погребение 13 обнаружено на дне рва в 16,0 м к северу, в 1,8 м к востоку от условного центра в северной периферии кургана, между центральной и восточной бровками. Погребение принадлежит, предположительно, мужчине, он покоился на тонком слое органики коричневого цвета. Скелет вытянут по оси З–В, ноги прямые, вытянуты параллельно друг к другу, руки вытянуты вдоль корпуса, череп погребенного покоился на кисти правой руки, череп перевернут, нижняя челюсть лежит близ черепа с шейными позвонками. Инвентарь не обнаружен, в заполнении рва были найдены кости лошади, камни, мел. В ребрах обнаружен наконечник стрелы.

Погребение 14. Могильная яма расположена в 5,0 м к северу и в 1,5 м к западу от условного нуля, находится на одной линии с центральным погребением и погребением 2. Яма примыкает к северному рву, ее размеры 2,0×0,85 м, вытянута по оси З–В. Дно ямы было зафиксировано на уровне – 2,53 м от R, её северная сторона примыкает ко рву. В яме обнаружен череп взрослого человека плохой сохранности, лежащий на челюсти овцы, фрагмент жертвенника, нож черешковый. Вероятно, погребение разграблено.

Таким образом, в полевом сезоне 2019 г. был раскопан курган 1 комплекса Жайык-1. Исследовано 14 погребений раннего железного века. Курган имеет сложное строение насыпи, в значительной мере нарушен грабительскими ямами и перерыт грызунами. Время начала сооружения памятника предположительно относится к VI–IV вв. до н.э. Под насыпью была выявлена конструкция из грунтовых блоков, сооруженная над центральным погребением. Всю конструкцию окружал кольцевой ров. Вход был выполнен с южной стороны. Над ямой обнаружены деревянные плахи шириной 10–20 см. Вся конструкция сгорела, дерево обуглилось. Вероятно, центральное погребение принадлежало представителю элиты [Кадырбаев, 1984, с. 85; Смирнов, 1964, с. 88, 89]. Основная часть погребений, выявленных в кургане 1, ориентированы головой на Ю, ЮЗ, ЮВ. Типы могильных ям - неширокие прямоугольные, подбойные, с заплечиками. Они относятся к IV в. до н.э. и часть погребений относится к III–I вв. до н.э.

Это подтверждает и анализ вещевого комплекса, так, например, зеркала с валиком и ручкой-штырем появляются и получают широкое распространение в IV–III вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 71], по типологии, составленной С. Ю. Гуцаловым, они относяся к III–I вв. до н.э. Гончарная посуда встречается

в погребениях в III–I вв. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 37], как правило, это среднеазиатский импорт. Курильницы в виде чашечек с конусовидным поддоном с примесью талька датируются IV–III вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 54].

В погребении 6 была обнаружена спиралевидная серьга-подвеска с заходящими друг на друга концами или спирали в 1,5 оборота диаметром 1,5 см. М. Г. Мошкова подобные украшения датировала последней четвертью IV–III вв. до н.э. [1963, с. 44], в пользу этой даты могут выступать и короткоцилиндрические дисковидные гагатовые бусины [Клепиков, 2002, с. 93], и бусы с внутренней позолотой [Железчиков и др., 2006, с. 39].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что курган первоначально сооружался в V–IV вв. до н.э. От первоначальной насыпи сохранилась подкурганная конструкция, характерная для этого периода и кольцевой ров. Позже центральная могила была разграблена, конструкция местами была разрушена, а в самом кургане совершены впускные захоронения, курган досыпался, а границы насыпи расширились. На этом процесс изменения насыпи кургана не закончился, так как более поздние захоронения предварительно датируются III–I вв. до н.э., насыпь кургана снова досыпается, а в заполнениях впускных захоронений более позднего периода фиксируются фрагменты надмогильной конструкции V–IV вв. до н.э. Безусловно, это предварительные выводы по датировке кургана, отдельных погребений. Тщательный анализ артефактов, предстоящие прикладные исследования позволят получить более развернутые результаты, что позволит полностью проанализировать материалы данного памятника.

Литература

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: «Полиграфсервис», 2004. 136 с.

Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.) / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит., 2006. 159 с.: ил.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 84–93.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2002. 216 с.

Лукпанова Я.А. Женские погребения из кургана 1 могильника Жайык-1 в Западном Казахстане // ТиПАИ. 2020. № 2 (30). С. 111–127. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-08

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. 1963. Д. 1-10. 56 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 377 с.

А. В. Логвин, И. В. Шевнина, А. М. Сеитов

ПОГРЕБЕНИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА КАРАТОМАР

Статья посвящена анализу впускных погребений (№ 5 и 5А) кургана 1 могильника синташтинского времени Каратомар, расположенного в районе им. Беимбета Майлина Костанайской области, на левом берегу Тобольского рукава Каратомарского водохранилища. Среди находок погребения № 5: керамический сосуд, бронзовые наконечники стрел, костяная ложечка, железный нож и каменное изделие. Погребение относится к савроматскому времени в рамках второй половины V–IV вв. до н.э. В яме № 5А инвентарь представлен железным мечом, наконечниками и ложковидным изделием. Яркой находкой является бронзовая пряжка с изображением нападения пантеры на верблюда. Погребение относится к раннесарматской культуре II–I вв. до н.э.

Ключевые слова: Тургай, могильник Каратомар, савроматское время, раннесарматская культура

Ерте көшпелілердің Қаратомар қорымындағы 1 обадағы жерлеу орны

Мақала Қостанай облысы Бейімбет Майлин ауданы, Тобылдың сол жақ жағалауында, Қаратомар су қоймасының жағасында орналасқан Синташты уақытына жататын Қаратомар қорымындағы 1 обаның жерлеу орнын (№ 5 және 5А ж.ш.) талдау мәселесіне арналады. № 5 жерлеу орнынан табылған бұйымдардың арасында қыш ыдыс, қола жебе ұштары, сүйек қасық, темір пышақ пен тас бұйым бар. Жерлеу орны б.д.д. V–IV ғ. екінші жартысы шеңберіндегі савроматтық уақытқа жатады. № 5А шұңқырдан табылған жерлеу мүлікінің ішінде темір қылыш, жебе ұштары мен қасық тәрізді бұйымдар бар. Табылған бұйымдардың ішіндегі таңғаларлық бұйым – бұл түйеге шабуылдаған жолбарыс бейнеленген қола тоға. Жерлеу орны б.д.д II–I ғғ. ерте сармат мәдениетіне жатады.

Түйін сөздер: Торғай, Қаратомар қорымы, савромат уақыты, ерте сарматтық мәдениет

The early nomads' burials of kurgan 1 of Karatomar burial ground

The article is devoted to the inlet burials of the kurgan 1 of Sintashty burial ground Karatomar, located in the district named after Beyimbet Mailin of the Kostanay region (North-Western Kazakhstan), on the left bank of the Tobol branch of the Karatomar reservoir.

© Андрей В. Логвин, Ирина В. Шевнина, Абай М. Сеитов, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова, лаборатория археологических исследований, г. Костанай, Казахстан;* logvin_a@mail.ru; shevnina_i@mail.ru; sajrim@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131573

The studies were conducted by the Turgay archaeological expedition in the summer of 2017. The diameter of the kurgan is 30 m and 0,9 m in height. In the mound were recorded two pits, № 5 and 5A. The pit 5A cuts through the eastern part of pit 5. In pit № 5, human leg bones were found lying in situ. Among the burial goods, there are ceramic pot, bronze arrowheads, bone spoon, iron knife and stone product. The burial is related to Sauromatian time in the range of second half of 5th–4th centuries BC. In pit No. 5 A, the deceased was in an extended position, with his head to the south, in a wooden stretcher. Among the burial goods, there are iron sword, arrowheads and spoon-shaped artifact. The bright finding is a bronze buckle with image of a panther attacking a camel. The burial is related to early Sarmatian culture of 2nd–1st centuries BC.

Keywords: Turgai, Karatomar burial ground, Sauromatian time, early Sarmatian culture.

Могильник Каратомар находится на левом берегу тобольского рукава Каратомарского водохранилища у северо-восточной окраины разрушенного поселка Халвай, в 5,5 км к ЮЗ от курганов Халвай 3 и 5 (район Беимбета Майлина, Костанайская область). Могильник состоит из шести курганов. Летом 2017 г. Тургайской археологической экспедицией были начаты раскопки синташтинского кургана № 1, датируемого XVIII–XVII вв. до н.э. [Шевнина и др., 2019, с. 234–237] (рис. 1).

Курган диаметром 25 м, высотой 0,9 м. На глубине 1 м в северной части кургана было зафиксировано два погребения № 5 и 5А, которые расположены перпендикулярно друг другу, при этом яма № 5А прорезает восточную часть ямы № 5 (рис. 2).

Погребение № 5А является более поздним захоронением, чем № 5. Поскольку материалы погребения 5А уже были авторами ранее опубликованы, остановимся лишь на его краткой характеристике [Логвин А.В. и др., 2019, с. 316–327]. *Яма № 5А* овальной формы, размеры 2,55×0,85 м, глубина – 0,4 м. Ориентирована по линии С–Ю. Яма сильно нарушена норой грызуна. Часть костяка отсутствует. Части черепа находились на тазу, часть ноги - в норе. Костяк находился в вытянутом положении головой на юг. Пол и возраст погребенного человека установить не удалось. Погребенный находился на деревянных носилках, остатки которых фиксировались по краям ямы. Вдоль ноги у восточной стенки были положены две части железного поломанного меча без навершия и перекрестия, кончик лезвия находился в ногах человека, у северного торца ямы (рис. 5, *4*). С западной стороны вдоль тела находился колчан с 6–7 железными черешковыми трехлопастными наконечниками с древками и ложковидное изделие из железа (рис. 5, *2–3*). В восточной стенке, на глубине 0,3 м, за носилками зафиксирована бронзовая пряжка прямоугольной формы, ажурная, с изображением нападения пантеры на верблюда (рис. 5, *1*). Совокупный анализ погребального обряда и инвентаря позволяет отнести погребение № 5А к концу раннесарматской культуры в диапазоне II–I вв. до н.э.

Яма № 5 овальной формы, размерами 2,1×0,95 м, глубиной 0,2 м, ориентирована по линии З–В с небольшим отклонением (рис. 2). В яме были зафиксированы кости ног человека. Верхняя часть костяка отсутствовала.

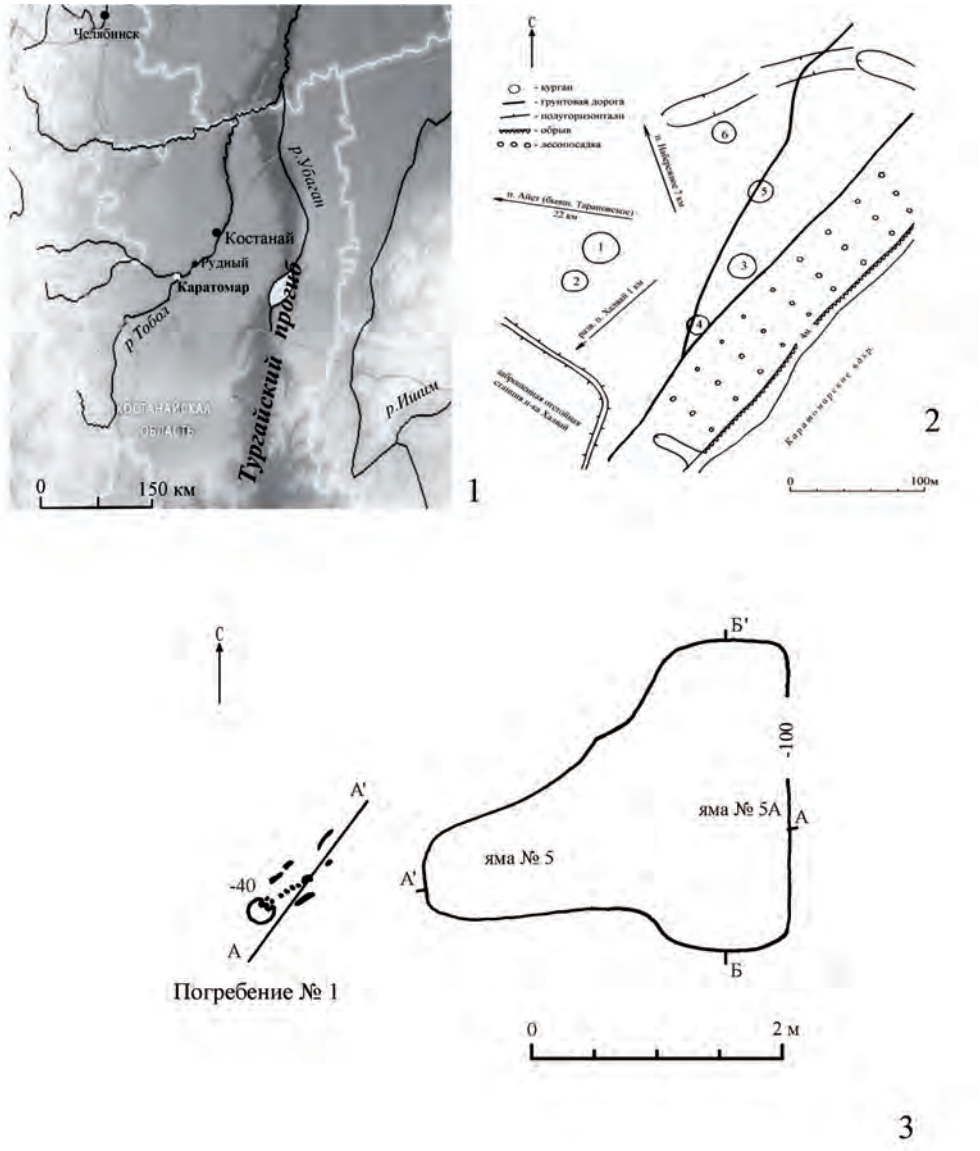

Рис. 1. Могильник Каратомар: 1 – карта-схема; 2 – ситуационный план, 3 – план раскопа

Следует отметить, что в насыпи, выше и западнее ямы № 5, на глубине 0,4 м от дневной поверхности, была обнаружена верхняя часть скелета мужчины до 30 лет (определения А. В. Колбиной). По всей видимости, части скелета, найденные в раскопе и в яме, принадлежат одному человеку. Нарушение погребения № 5 могло произойти в процессе сооружения ямы № 5А либо вследствие жизнедеятельности крупного животного (барсук?), чьей норой было значительно потревожено погребение в яме № 5А. Судя по

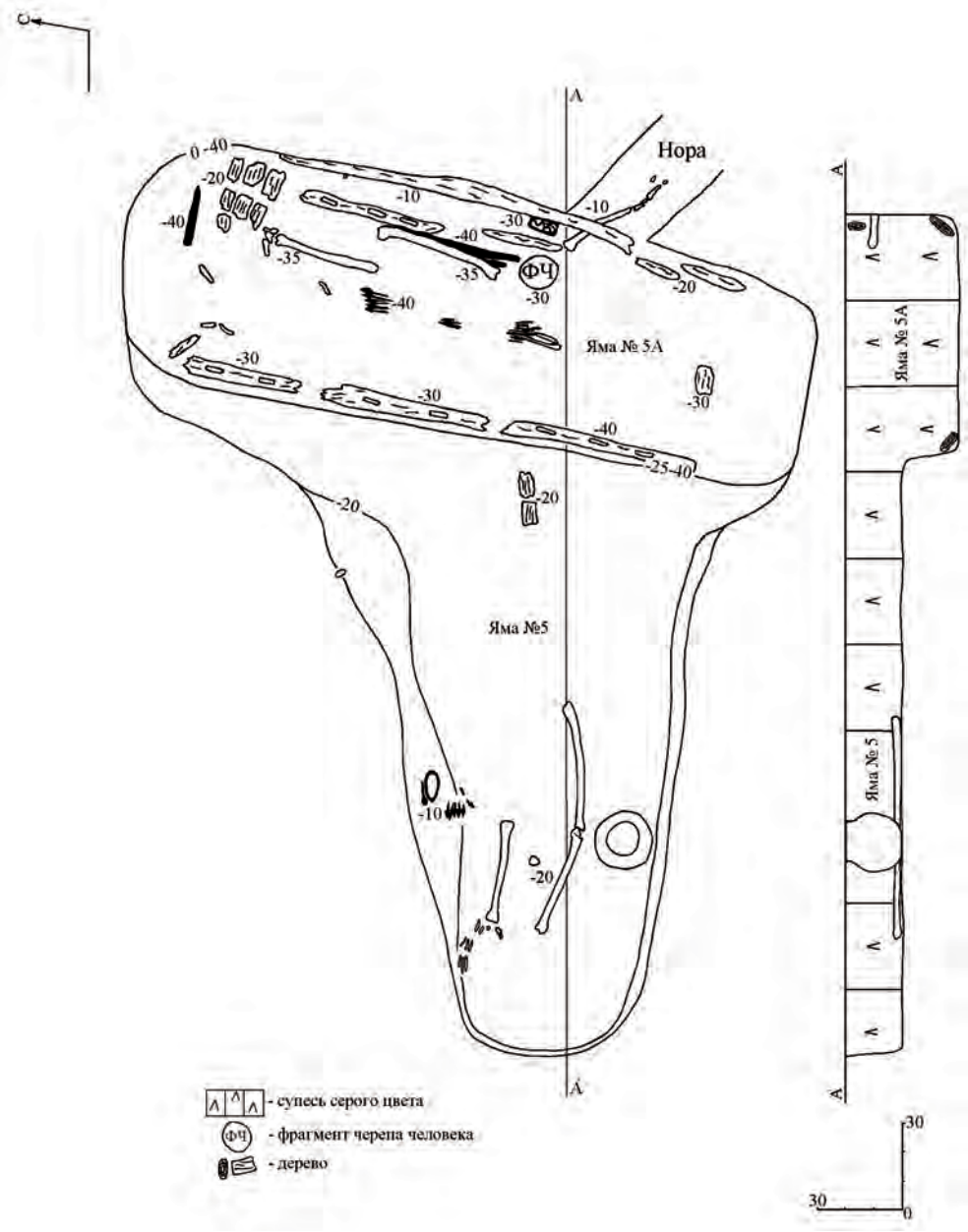

Рис. 2. Могильник Каратомар, к. 1, ямы № 5, 5А. План и профиль могильных ям

расположению ног, погребенный в яме № 5 был уложен вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением к северу. У южной стенки ямы, в районе левого колена человека, был найден керамический сосуд (рис. 4, *3*). У правого колена обнаружены бронзовые наконечники стрел (16 экз.), костяная ложечка и каменное изделие (рис. 3, *1–16*; 4, *1, 4)*. По-видимому,

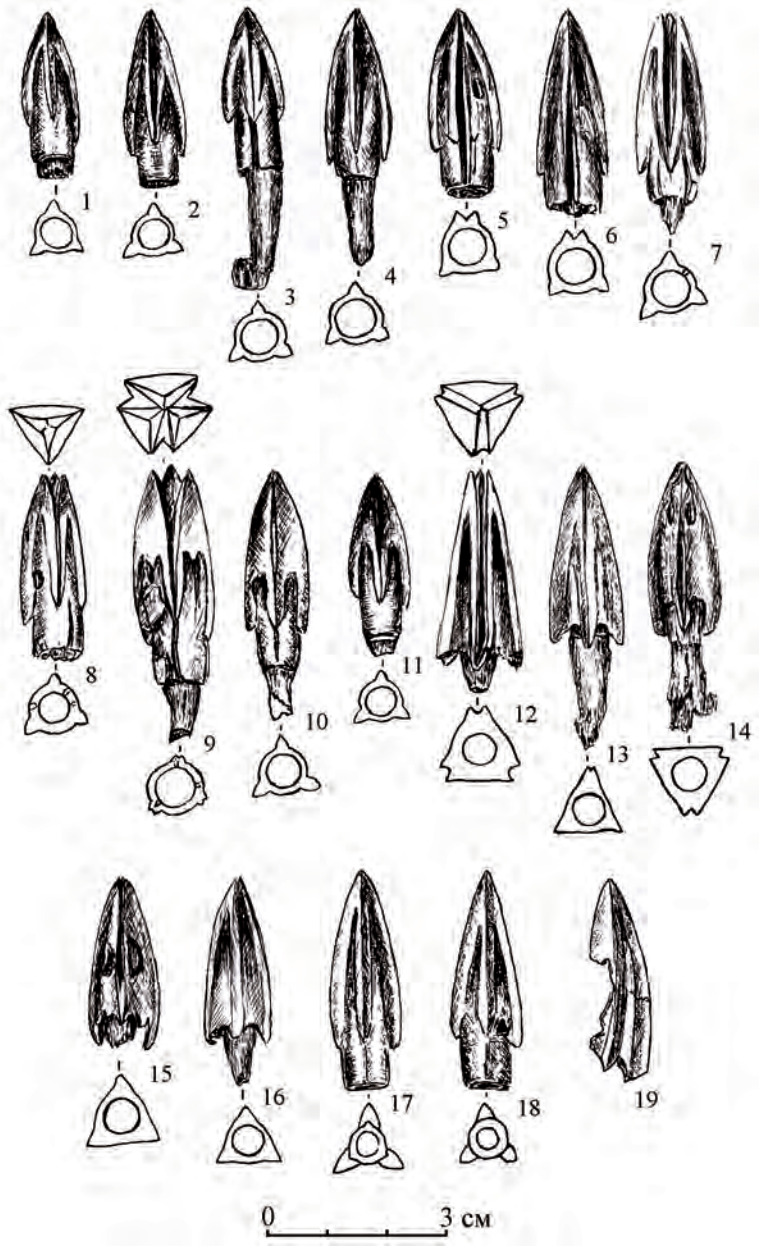

Рис. 3. Могильник Каратомар, к. 1, яма № 5.
Бронзовые наконечники стрел

изначально эти вещи находились в колчане или горите, который не сохранился. Бронзовые наконечники лежали остриями к стопам умершего, на их древках находился обломок железного ножа (рис. 4, *2*). Кроме того, в процессе зачистки подкурганной площадки рядом с ямой № 5 были обнаружены три бронзовых

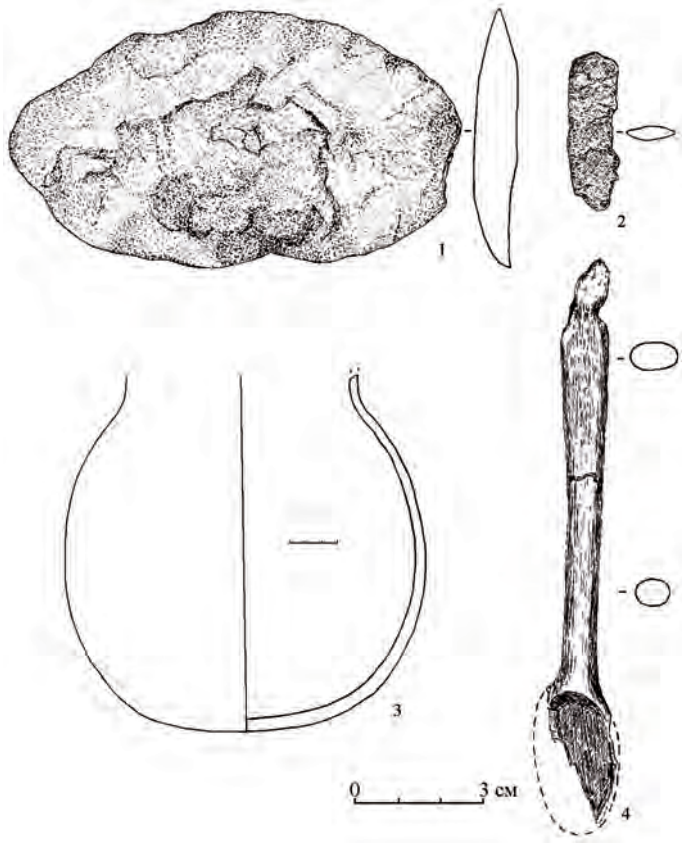

Рис. 4. Могильник Каратомар, к. 1, яма № 5:
1 – каменное изделие (точило?); 2 –нож; 3 –сосуд; 4 –ложечка.
1 – камень, 2 – железо, 3 – керамика, 4 – кость

наконечника, которые, скорее всего, относятся к данному погребению (рис. 3, *17–19*).

Бронзовые наконечники стрел (19 экз.) плохой сохранности, имеют в разной степени расслоившиеся головки. Места расслоения приходятся на лопасти и грани таким образом, что головки распадаются на три продольные части. Тринадцать наконечников с выступающей втулкой, шесть – с внутренней. Среди наконечников с выступающей втулкой девять экземпляров имеют трехлопастную сводчатую, один – треугольную головку с лопастями, края которых срезаны под острым углом к втулке. Их общая длина от 2,6 см до 3,6 см, ширина от 1 см до 1,3 см (рис. 3, *1–8, 17–18*). Остальные три наконечника с выступающей втулкой имеют трехгранную сводчатую головку, в срединной части переходящую в лопасти. Из них два экземпляра имеют прямоугольный вырез на гранях головки, один – вильчатый вырез. Общая длина от 2,9 см до 3,8 см, ширина от 1 см до 1,2 см (рис. 3, *9–11*). Шесть наконечников – трехлопастные с внутренней втулкой и опущенными вниз шипами. Из них пять

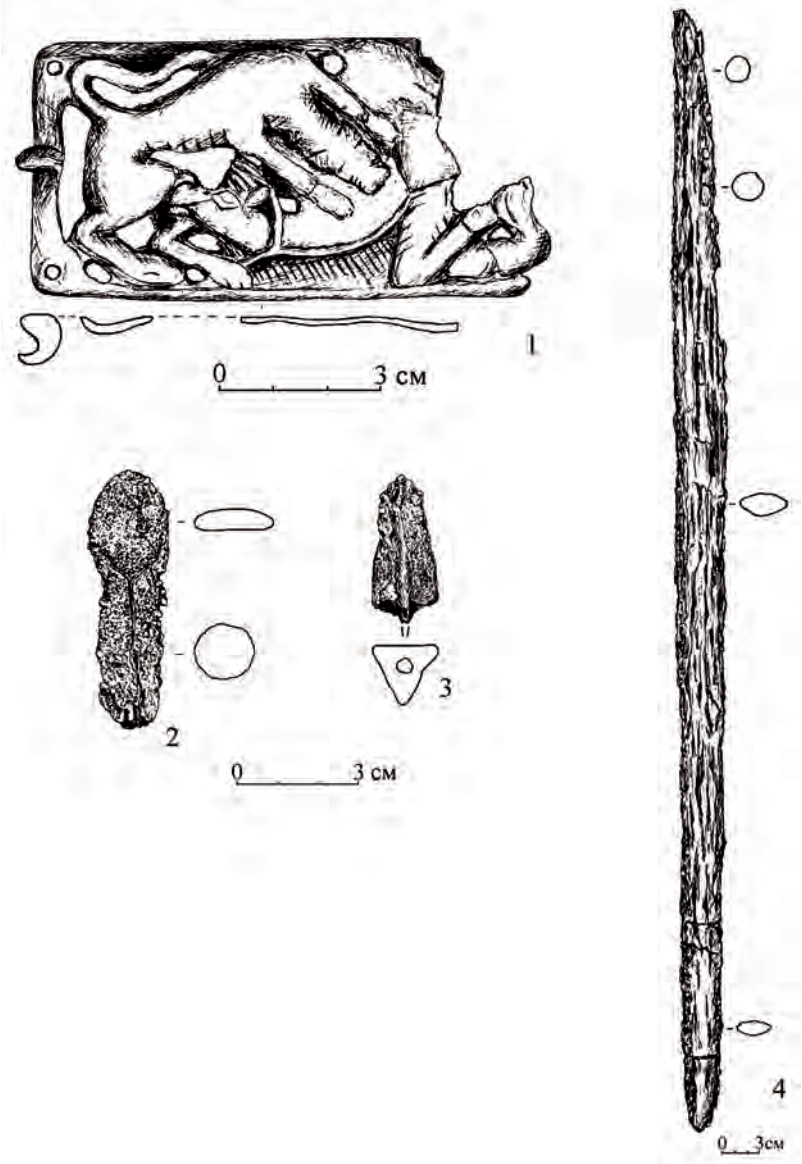

Рис. 5. Могильник Каратомар, к. 1, яма № 5А: 1 – пряжка; 2 – ложковидное изделие; 3 – наконечник стрелы; 4 – меч. 1 – бронза, 2–4 – железо

экземпляров сводчатые, один – треугольный. Длина от 2,9 см до 3,5 см (рис. 3, *12–16, 19*).

Каменное изделие из мелкозернистого песчаника белого цвета, неправильной овальной формы, длиной – 10,4 см, шириной – 6 см, толщиной – 1,1 см. Одна сторона изделия имеет следы заглаженности (рис. 4, *1*).

Костяная ложечка (рис. 4, *4*). Длиной 14 см, имеет рабочую часть (ложку) и ручку. Ложка толщиной – 0,3 см, сохранилась не полностью, по всей

видимости, имела овальную форму. Ручка длиной 10,4 см, толщиной 0,6–0,7 см, в сечении овальной формы. Ширина ручки от 0,8 до 1,1 см. Окончание ручки имеет глубокие боковые выемки, отделяющие ее от основной части. Изделие заполировано.

Обломок железного двулезвийного ножа, сильно коррозированный, длиной – 3,8 см, шириной – 1,1 см, толщиной – 0,3–0,4 см. Сечение линзовидное (рис. 4, *2*).

Керамический сосуд плавной профилировки с округлым туловом и дном, без орнамента. Шейка сосуда слегка отогнута, верхняя ее часть отсутствует. Наибольший диаметр тулова – 23 см. Диаметр по горловине – 15 см. Толщина стенок сосуда – 0,5–0,8 см. Тесто рыхлое (рис. 4, *3*).

Наконечники стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой (тип 6; здесь и далее по типологии К. Ф. Смирнова), широко использовались ранними кочевниками Урало-Поволжья в VI–IV вв. до н.э. К концу данного периода они отливались в основном мелкими, небрежными, приближающимися по форме к треугольным [Смирнов, 1961, с. 46–47, табл. II].

Наконечники стрел с внутренней втулкой, сводчатой и треугольной головками с опущенными вниз шипами (типы 12 и 13), были наиболее всего присущи кочевникам Южного Урала [Смирнов, 1961, с. 50; Очир-Горяева, 2014, с. 273]. Стрелы типа 12 начинают бытовать с VI в. до н.э., достигая своего расцвета в V в. до н.э. Экземпляры типа 13 в основном характерны для IV–III вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 50–51, табл. III].

Нередко в колчанах ранних кочевников савроматского времени встречаются наконечники с выделенной втулкой, трехгранной головкой и ребрами, заканчивающимися лопастями [Смирнов, 1961, с. 52–53, табл. IV]. М. А. Очир-Горяева такие экземпляры относит к отделу трехгранно-трехлопастных [Очир-Горяева, 2014, с. 267–268]. Стрелы этого типа делятся на несколько вариантов (тип 5 А–Г). Наконечники с прямым вырезом головки (типа 5В) чаще всего встречаются в колчанах VI–V вв. до н.э. Экземпляры с вилкообразным вырезом головки (тип 5Г) известны в VII–IV вв. до н.э., но преимущественно бытовали в пределах V в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 52–53, табл. IV].

По форме *каратомарский сосуд* имеет аналогии с круглодонной керамикой Южного Урала. Там наиболее ранние экземпляры встречаются со второй половины VI–V вв. до н.э., получив широкое распространение с IV в. до н.э. [Гуцалов, 2004, с. 34–35; Смирнов, 1964, с. 115, рис. 67; 68]. В тургайских степях круглодонные сосуды происходят из нескольких погребений V–IV вв. до н.э. Из кургана Халвай 5 [Логвин А.В. и др., 2017, с. 135, рис. 1, *4*], могильника Белкарагай 2 [Сеитов, 2015, с. 186, рис. 1, *5*] и погребения № 103 могильника Бестамак [Логвин А.В. и др., 2008, с. 156, рис. 2, *1*].

Костяные ложечки встречаются в погребениях ранних кочевников от Урала на востоке до Дона на западе в VI–II вв. до н.э., где они часто находятся вместе с наконечниками стрел [Федоров, 2013, с. 44]. Вначале считалось, что костяные ложечки – это атрибут женского инвентаря [Смирнов, 1964,

с. 160–161], однако частое обнаружение их вместе с наконечниками стрел свидетельствует, преимущественно, о мужской воинской принадлежности этих вещей [Мышкин, 2001, с. 147]. Вопрос о назначении костяных ложечек, до сих пор можно считать открытым. К. Ф. Смирнов относил их к категории женского косметического обихода [Смирнов, 1964, с. 160–161]. В последнее время их связывают с погребальными ритуалами, в частности жертвоприношением огню [Лукьяшко, 1997, с. 136–137; Федоров, 2013, с. 58–59]. Каратомарская ложечка по форме наиболее близка экземпляру из погребения 6 кургана 5 могильника Брюховецкая II на Кубани, датированного IV–III вв. до н.э. [Федоров, 2013, с. 44, рис. 2, *4*].

Каменное изделие, возможно, использовалось в качестве точила. Железные ножи составляют широко распространенную категорию погребального инвентаря у древних кочевников и нередко встречаются вместе с наконечниками стрел, являясь необходимым инструментарием воинов [Багаутдинов, Мышкин, 2013, с. 45–46].

Анализ сопутствующего инвентаря позволяет отнести рассматриваемое погребение к савроматскому времени второй половины V–IV вв. до н.э. Этому не противоречат и признаки погребального обряда (захоронение в овальной яме широтной ориентировки, вытянутое положение умершего на спине головой на восток), сопоставимые с погребальной традицией кочевников южноуральских степей. При этом отметим, что ориентировка на восток не являлась ведущей для «савроматов» и встречается в основном в Южном Зауралье [Смирнов, 1964, с. 81, 91–92]. Схожая ориентировка отмечена и в тургайских степях, в ряде захоронений синхронного и немного раннего периода. Так, во впускном погребении савроматского времени кургана 2 могильника Перелески II, умерший лежал головой на восток [Евдокимов, Логвин В.Н., 1972, с. 288]. Впускное погребение № 3 кургана Халвай 5 (V–IV вв. до н.э.) и погребение кургана 2 могильника Карсакбас (конец VI– начало V в. до н.э.) имели северо-восточную ориентировку умерших [Логвин А.В. и др., 2017, с. 135; Таиров, Боталов, 1996, с. 165].

Таким образом, впускные погребения ранних кочевников кургана 1 могильника Каратомар относятся к разным периодам эпохи раннего железного века Урало-Казахстанских степей. Погребение № 5 является более ранним (вторая половина V–IV вв. до н.э.) и должно быть включено в круг «савроматских» памятников, а погребение № 5А относится к концу раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.).

Литература

Багаутдинов Р.С., Мышкин В.Н. Мужской и женский наборы вещей у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Вестник СамГУ. 2013. № 2 (103). С. 44-48.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004. 136 с.

Евдокимов В.В., Логвин В.Н. Исследования в Кустанайской области // АО–1971. М.: Наука, 1972. С. 287-289.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Сарматские материалы на могильнике Бестамак // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 155-169.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Колбина А.В. Курган Халвай 5 – комплекс синташтинской культуры из Северного Казахстана // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 131-138.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 316-327.

Лукьяшко С.И. Об изображениях на культовых предметах скифо-сарматского мира (к проблеме культурных взаимодействий) // Донские древности. Сарматы и скифия. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. Вып. 5. С. 134-142.

Мышкин В.Н. Воинский инвентарь в «савроматских» погребениях Самаро-Уральского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: ВолГУ. 2001. Вып. 1. Т. 1. С. 142-160.

Очир-Горяева М.А. Колчанные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: матер. Междунар. науч. конф. памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 265–281.

Сеитов А.М. Могильник Белкарагай-2 // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: сб. науч. ст., посвящ. 70-летнему юбилею В.Н. Логвина. Костанай; Алматы, 2015. С. 186-188.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Наука, 1961. 162 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.

Таиров А.Д., Боталов С.Г. Могильник Карсакбас // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Актюбинская областная Государственная инспекция историко-культурного наследия, 1996. С. 164-175.

Федоров В.К. Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // РА. 2013. № 2. С. 44-61.

Шевнина И.В., Логвин А.В., Панюшкина И.П. Новые синташтинские материалы Тургая // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в Евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): матер. Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.). Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 234-337.

Ж. Құрманқұлов, Ж. Утубаев, М. Сүйндікова Ә. Қасенова

ШІРІК 4 КЕШЕНІНЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ (2017 жылғы қазба негізінде)

Мақалада ерте темір дәуіріне жататын Шірік 4 ескерткішіне жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері беріледі. Ескерткіш Қызылорда облысы, Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан. Ол, топырақ үйіндісінен тұратын жеті оба және пішіні жағынан шаршыға ұқсас болып келетін үйінді тәріздес қоршауы бар жерлеу кешені болып табылады. Қазіргі таңда ескерткіштің орталық обасы қазылып зерттелінді. Археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде шырағдан, темір жебе ұштары, сүйек қасық, моншақтар, қапсырма, керамика және т.б. анықталды. Жерлеу құрылыстары мен табылған бұйымдары Шығыс Арал маңындағы басқа да жерлеу кешендерімен, соның ішінде б.д.д. V–II ғғ. мерзімделетін Шірік-Рабат жерлеулеріне ұқсас келеді.

Түйін сөздер: Шығыс Арал маңы, Сырдария, Шірік-Рабат, ерте темір дәуірі, қорған, қоршау, жерлеу рәсімі, жерлеу, стратиграфия, бағана шұңқырлар, қола, темір, керамика, сүйек, моншақ

Некоторые результаты исследования на комплексе Чирик 4 (по материалам раскопок 2017 года)

В статье представлены результаты раскопок нового памятника раннего железного века Чирик 4, расположенного в нижнем течении р. Сырдарья в Кызылординской области. Памятник представляет собой погребальный комплекс, состоящий из семи земляных курганов и валообразной оградки по форме в плане приближенной к квадрату. К настоящему времени на памятнике раскопан центральный курган. В результате раскопок выявлены предметы: курильницы, железный наконечник, ложечка, бусины, нашивные бляшки, керамика и т.д. Зафиксированные на памятнике погребальные сооружения и инвентарь имеют прямые аналогии в других погребальных комплексах Восточного Приаралья, в частности, среди погребений Чирик-Рабат, датирующихся V–II вв. до н.э.

Ключевые слова: Восточное Приаралье; Сырдарья; Чирик-Рабат; ранний железный век; курган; оградок; погребальный обряд; захоронение, стратиграфия; столбовые ямы; бронза; железо; керамика; кости; бусы

Some results of the study on the Chirik 4 complex (based on the materials of the 2017 excavations)

The article presents the results of excavations from the new monument of the early Iron Age Chirik 4, located in the lower reaches of the river Syr Darya in the Kyzylorda region. The monument is a funerary complex consisting of 7 earthen mounds and a swell-

© **Жолдасбек Құрманқұлов, Жанболат Утубаев, Мақпал Сүйіндікова, Әсемгүл Қасенова,** *Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;* utubaev_z@mail.ru

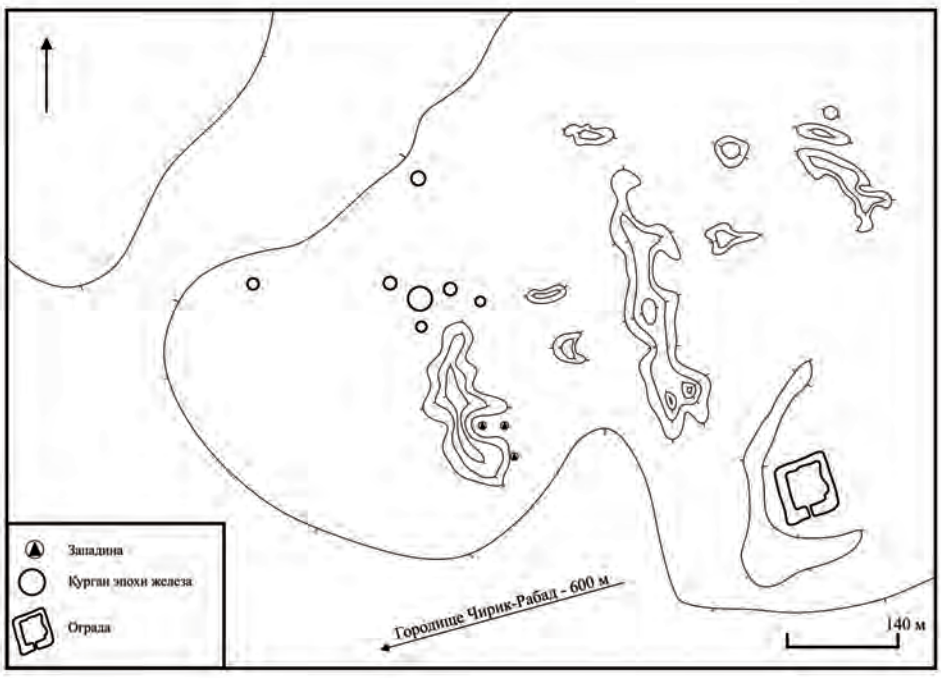
shaped fence in shape in terms of approximations to the square. To date, the central mound has been excavated at the monument. Excavations revealed incense burner objects, an iron tip, a spoon, beads, a sewn plaque, ceramics, etc. The burial structures and implements fixed on the monument have direct analogies in other funeral complexes of the Eastern Aral Sea region, in particular, among Chirik-rabat materials dating back to 5th– 2nd centuries BC.

Keywords: Eastern Aral Sea region; Syr Darya; Chirik-Rabat; early iron age; mound; fences; funeral rite; burial, stratigraphy; pole holes; bronze; iron; ceramics; bones; beads

Шірік Рабат ескерткіші айналасына 2017 ж. жүргізілген барлау жұмыстарының нәтижесінде бірнеше ескерткіш анықталған болатын. Олар, обалар тобынан тұратын жерлеу кешені мен қоршаулар тобы.

Ескерткіш, Шірік Рабат қалашығынан солтүстік, солтүстік-шығысқа қарай 600 м, Жаңадария арнасының сол жағалауында орналасқан. Оған Шірік 4 жерлеу кешені деген атау берілді. Ескерткіштер тобына жеті оба мен топырақ үйіндісінен тұрғызылған қоршау және тұрақ орындарын жатқызамыз (1-сур.).

Топырақ үйіндісінен тұрғызылған обалар тобы биіктеу алаңқайға салынған. Олар қандайда бір тәртіппен емес шашыраңқы күйде жүйесіз орналасқан. Үйінділер үстіне ұсақ өсімдіктер мен сексеуілдер өскендіктен олардың оба екендігін ажырату қиындыққа соқты. Көлемі жағынан үлкен № 1-ші оба орталық оба болып саналады. Қалғандары үлкенді-кішілі шұңқыр, ойпаттар сияқты болып көрініп жатыр. Олар, орталық обаның шығысында үш

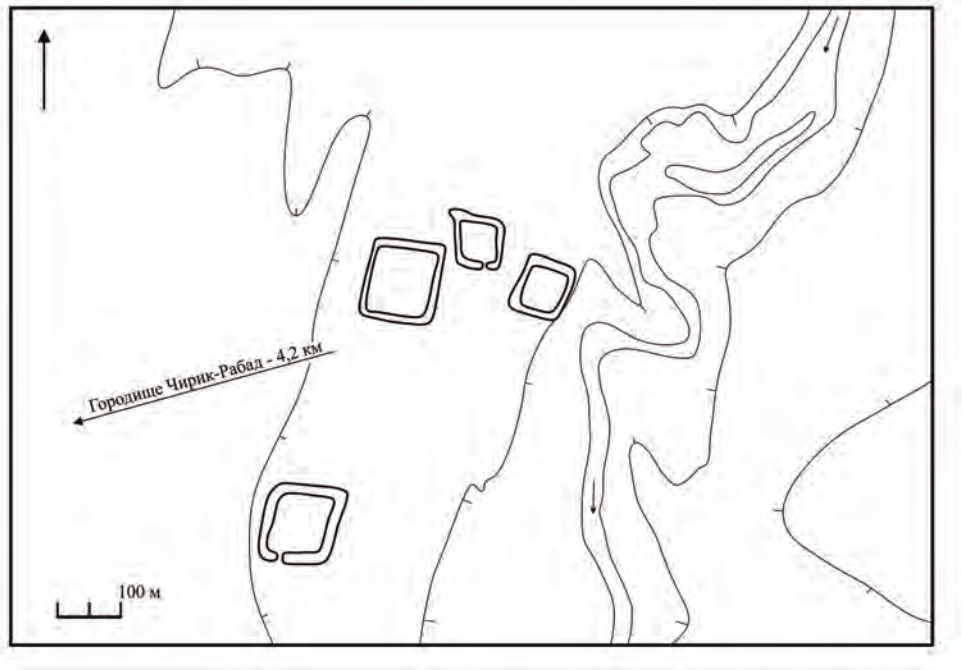
1-сур. Шірік 4 кешенінің топографиялық жоспары

оба, қалғандары батыс және солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан. Қазіргі кезде олардың диаметрлері 11–30 м болса, сақталған биіктіктері 0,20–1 м.

Аталған обалардан оңтүстік-шығысқа қарай биік төбенің шығыс бетінде аумағы киіз үйдің орнындай болатын (8–15 м) үш тұрақ анықталды. Бірақ, тұрақтан оны мерзімдейтіндей шақпақ тастардан өзге материалдар табылмады. Ал, оңтүстік-шығысында жобасы төртбұрышты келетін қоршау орналасқан. Көлемі 55×55 м, биіктігі 0,80–1 м болатын бұл қоршау топырақтан тұрғызылған. Қоршау ішінен құрылыс іздері анықталмады. Осыған ұқсас, Шірік рабат қалашығынан шығысқа қарай 4,5 км қашықтықтан, көлемдері 50×50×100 м, биіктігі 0,30–0,50 м болатын төрт қоршау табылды (2-сур.).

Қазіргі уақытта бізге жерлеу ескерткіштерінің айналасында күрделі қорғаныс құрылыстарының салыну себебін түсіндіру қиын. Алайда, Шірік Рабат қалашығының маңындағы Сенгір-там, Түгіскен, Аққыр және Бестам жерлеу кешендерінде орналасқан қоршаулар бар екенін ескеру қажет. Сенгір қорымында алты қоршау, Түгіскенде екі қоршау болса, Аққыр мен Бестам кешендерінде бір-бірден бар. Қоршаулар көбінесе меридианалды бағытта орналасқан және олардың көлемдері 80×45×50 м шеңберінен аспайды. Обалар тізбегі болса қоршаулардың жанына орналасқан.

Осыған ұқсас қоршауларды К. Ф. Смирнов анықтаған Липовка селосындағы Шихан обалар тобындағы дөңгелек және тікбұрышты түрлерінен кездестіреміз [Смирнов, Попов, 1969, с. 210]. Бұл құрылыстар «от ғибадатханасы» ретінде түсіндіріледі [Смирнов, Попов, 1972, с. 3–4].

2-сур. Шірік 4. Қоршаулар тобының топографиялық жоспары

Жалпы қоршаулардың салыну себебін олардың жерлеу рәсімдерімен қарым-қатынасын көптеген зерттеушілер (М. А. Итина, Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская, К. Ф. Смирнов) айтқан гипотезамен байланыстыруға болады. Кейінгі қола дәуірінде Еуразия кеңістігінде дуал тәріздес қоршаулардың таралуы жергілікті мәдениеттердің біртекті бейнесін көрсетеді.

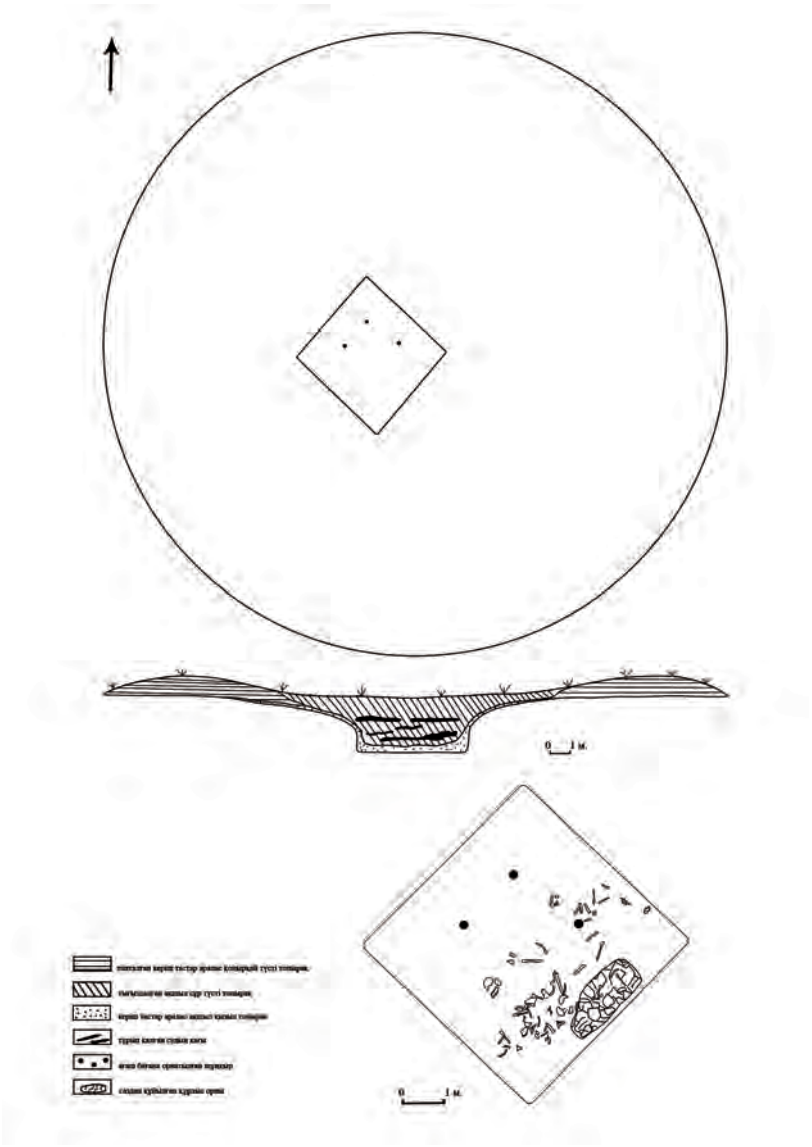
М. А. Итинаның айтуынша, бұл ұқсастықтар тек шығу тегі бірыңғай индоирандық (андрондық) негізбен байланысты идеологиялық түсініктерді ғана емес, сонымен қатар Оңтүстік Орал өңірінің савроматтары мен Арал маңының сақтары арасындағы тікелей қарым-қатынасты да куәландырады [Итина, 1984, с. 78–84]. Мысалы, Чаш-тепе жерлеу кешеніндегі құрлыстар біздің қоршаулармен тікелей жақын ұқсастықтарын табады (б.д. I мыңж. бірінші жартысы). Чаш-тепе қоршаулар құрылымы мен салыну тәсілі бойынша жоғарыда аталған (Сенгір-там, Аққыр және т.б.) ескерткіштерге ұқсас. Олардың орналасу тәртібі СБ–ОШ осімен бағытталған, бірақ қоршаудың ішіне екі жағынан кіретін есіктермен ерекшеленеді [Рапопорт, Трудновская, 1979, с. 155–156].

Археологиялық қазба-зерттеу жұмыстары Шірік 4 жерлеу кешеніндегі орталық оба болып саналатын № 1-ші обаға жүргізілді. Оның диаметрі 30 м, биіктігі 0,50–1,30 м, керіш аралас топырақтан тұрғызылған. Ортасында диаметрі 17 м, тереңдігі 1 м болатын шұңқыр бар. Осы шұңқырға 20×3 м болатын барлау траншеясы салынып кейін, қазба көлемі 10×10 м-ге кеңейтілді.

Қазба барысында беткі қабатындағы борпылдақ ақшыл сұр түсті топырақ алынған соң, төмен қарай сарғыш түсті құммен толтырылғандығы белгілі болды. Қазба төмендеген сайын шұңқыр тарыла түсті. Кейін, жерлеу камерасының толық контуры пайда болды. Бұрыштары дүниенің төрт бұрышына бағытталған шұңқырдың көлемі 5,25×5,30–5,25×5,40 м (3-сур.).

Шұңқыр іші керіш тастар аралас қызыл түсті топырақпен толтырылған. Қабырғаға жақын жерлердің керіш тастары қалың. Кейбір қабаттардан судың қақтары кездесті, оны қазбаның қимасынан көруге болады. Соған қарағанда, тонау кезінде жерлеу шұңқыры біраз уақыт беті ашық болып, жауын-шашын салдарынан су жиналған болуы мүмкін. Табанына жетпей, 2,35 м тереңдіктен саздан құйылған құрылыс орны аршылды. Ол, СШ–ОБ бағытталған. Ұзындығы 2 м, ені 90 см. Құйылған саздың қалыңдығы 3 см кей жерлері 6 см-ге дейін жетеді. Кейін, 2,70 м тереңдіктен жерлеу шұңқырының едені пайда болды. Одан ағаш бағана қойылған үш шұңқыр анықталды. Орналасу тәртібіне келетін болсақ, үстінен қарағанда үш бұрышты, ара қашықтары бір-бірінен 1,70×1,85×2,52 м болса, диаметрлері 20×22 см. Тереңдіктері 20–25 см-ге дейін.

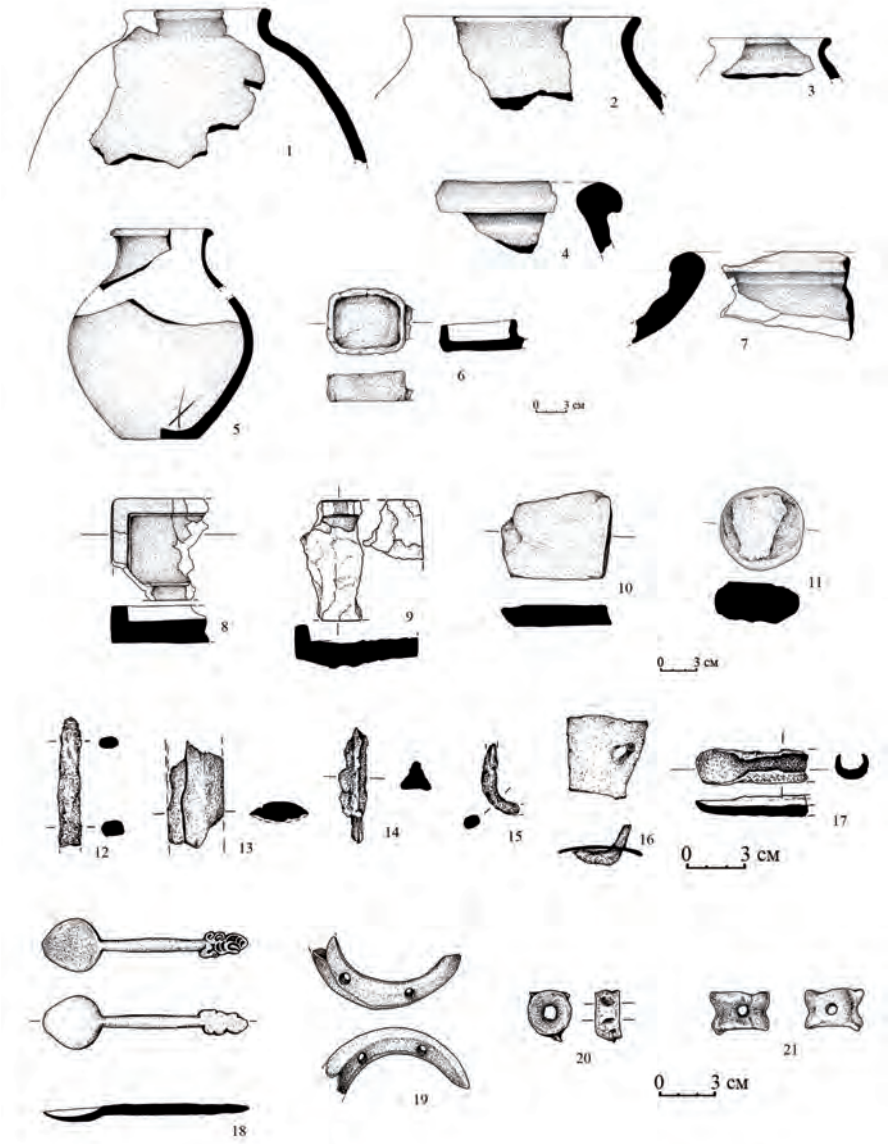
Әр тереңдіктен кісі сүйектері мен жанына қойылған бұйымдары кездесті. Шұңқырды толық тазалау барысында оның тоналғандығы белгілі болды. Алайда, тоналғанына қарамастан бірнеше адам сүйектері мен кісі жанына қойылған бұйымдары (керамика, моншақтар, металдан жасалған әшекейлер, қару-жарақтар, ғұрыптық ыдыстар т.б.) табылды. Арасынан ұсақ малдың сүйектері мен жыртқыш аңның жақ сүйегі кездесті.

3-сур. Шірік 4. № 1-ші обаның жоспары мен қималық сызбасы

Табылған заттар. Жоғарыда, кісі сүйектерімен бірге түрлі бұйымдар табылды деп айтқан болатынбыз. Олар, қыш ыдыстар, әртүрлі моншақтар, қару сынықтары, жебе ұшы, ғұрыптық ыдыстар, сүйектен және түрлі металдан жасалған бұйымдар (4-сур.).

Қыш ыдыстар екі әдіспен шарықта және жапсырма әдісімен жасалған. Жапсырмалы әдіспен бүйірі шығыңқы, ауызына қарай тарыла түскен құмыра мен ернеулері сәл сыртқа иілген көзелер жасалған (4-сур., *1–3*). Бұл топтағы ыдыстардың түсі ашық қызыл, сарғыш түсті орта тұсы сұр, қою қара болып келген. Ыдыс бөліктеріндегі екі немесе үш түстілік сапасыз күйдірілгендігін

4-сур. Шірік 4. Табылған археологиялық олжалар: 1–7 керамика; 8–11 – тас; 12–17 – темір; 18–21 – сүйек

көрсетеді. Саздың қоспасына көп мөлшерде шамот және майдаланған тас араластырылған. Ал, шарықта жасалғандардың ішінде құмыра және үлкен екі ыдыс (хум) кездеседі (4-сур., *4–6*). Сапалы күйдірілген ыдыстардың сазына гипс қосылған. Түстері қызғылт қоңыр, сыртқы бетіне қанық қызыл ангоб жағылған. Алмұрт тәріздес құмыраның түп жағынан «Х» белгісін байқауға

болады (4-сур., *6*). Осыған ұқсас «Н» таңба тәріздес белгілері бар ыдыстар Шірік Рабат кешеніндегі № 1 және 3 нысандарынан (жерлеу орны) табылған болатын [Курманкулов и др., 2005, с. 249–251].

Таңба-белгілерге байланысты, С.А. Яценко ежелгі Хорезмдегі Жигербент қалашығынан жиналған керамикалардағы белгілерді екі жағдайда пайдаланылуы мүмкін деп болжам жасайды. Ол, белгілі бір ыдыстар жиынын санау мақсатында десе, екіншісін шебердің өзіндік қолтаңбасы деп тұжырымдайды [Яценко, 2001, с. 24–25].

Ғұрыптық бұйымдар. Жерлеу орнынан ғұрыптық бұйымдарға тән 3 дана шырағдан табылды. Жапсырма әдісімен жасалған, төртбұрыш пішінді шырағданның ұзындығы 7,5 см, ені 6,3 см, биіктігі 2,5 см (4-сур., *7*). Ернеу жиегі және түбі тегіс келген. Бүйірінде ұстауға арналған тұтқаның орны бар.

Пішіндері ұқсас тастан жасалған шырағдандардың өлшемдері: ұзындығы 8,5–10 см, ені 8 см, биіктігі 2,5 см. Олардың пішіні тіктөртбұрышты болып келген, түбі тегіс, ернеу жиегі жайпақ (4-сур., *8, 9*).

Көптеген зерттеушілер шырағдандарды әйел адамның жерлеу орнымен байланыстырады. Оларды күн мен ошақ және от анасы секілді ерекше ғұрыптық белгілермен қарастыру қажет деген пікірлерді айтады [Кадырбаев, 1977, с. 211]. Кейбір ғалымдар, шырағдандарды дала халықтарының жерлеу ғұрыптарындағы белгілі бір дәстүрлердің бірі болуы мүмкін дейді [Итина, Яблонский, 1997, с. 42–43]. Ал, Смирнов болса, оларды жерлеу ғұрпымен отқа деген құрметпен байланыстырады [1964, с. 170].

Қару жарақтар. Ескерткіштегі қару-жарақ қатысты олжалардың қорамсақ ілмегі, жебе ұшы және т.б. табылуы жерлеу орнының ерекшелігін көрсетеді.

Қорамсақ ілмегі. Қимасында дөңгелек, иілген, бір ұшы үшкірлене келген оның ұзындығы 4 см, қалыңдығы 0,5 см (4-сур., *16*).

Жебе ұшы. Темірден жасалған жебе ұшы үш қанатты және шегелі болып келген. Биіктігі 5,5 см, ені 1,5 см (4-сур., *15*). С. А. Трудновская Шірік рабат қалашығынан табылған осы түрдегі үш қанатты шегелі жебе ұштарын б.д.д. IV–III ғғ. мерзімдейді [Трудновская, 1963, с. 210, рис. 8]. Бұл түрдегі жебелерге жан-жақты талдау жүргізген Б.А. Литвинский оларды б.д.д. III–II ғасырларға жатқызады [Литвинский, 2001, с. 92–97].

Сонымен қатар, қылыштың болмаса қанжардың бөліктері табылды. Темірден жасалған олардың жүздері екі жаққа қайралған (1-сур., *13, 14*).

Еңбек құралдар. Аталмыш нысаннан қайрақтас, үйкеуіш және темірден жасалған еңбек құралдары табылды (4-сур., *10, 11, 18*).

Қайрақтас. Ұзындығы 9 см, ені 6,5 см. Пішіні төртбұрыш тәріздес. Түсі ашық қоңыр.

Үйкеуіш. Пішіні дөңгеленіп келген үйкеуіштің диаметрі 5,5 см, қалыңдығы 3 см. Ашық қоңыр түсті. Бір жақ беті жұмыс жасауға арналған.

Сонымен қатар, темірден жасалған еңбек құралының сақталған бөлігінің ұзындығы 5,7 см. Ұшы доғалдана келген құралдың жиектері саптауға арналып қайрылған.

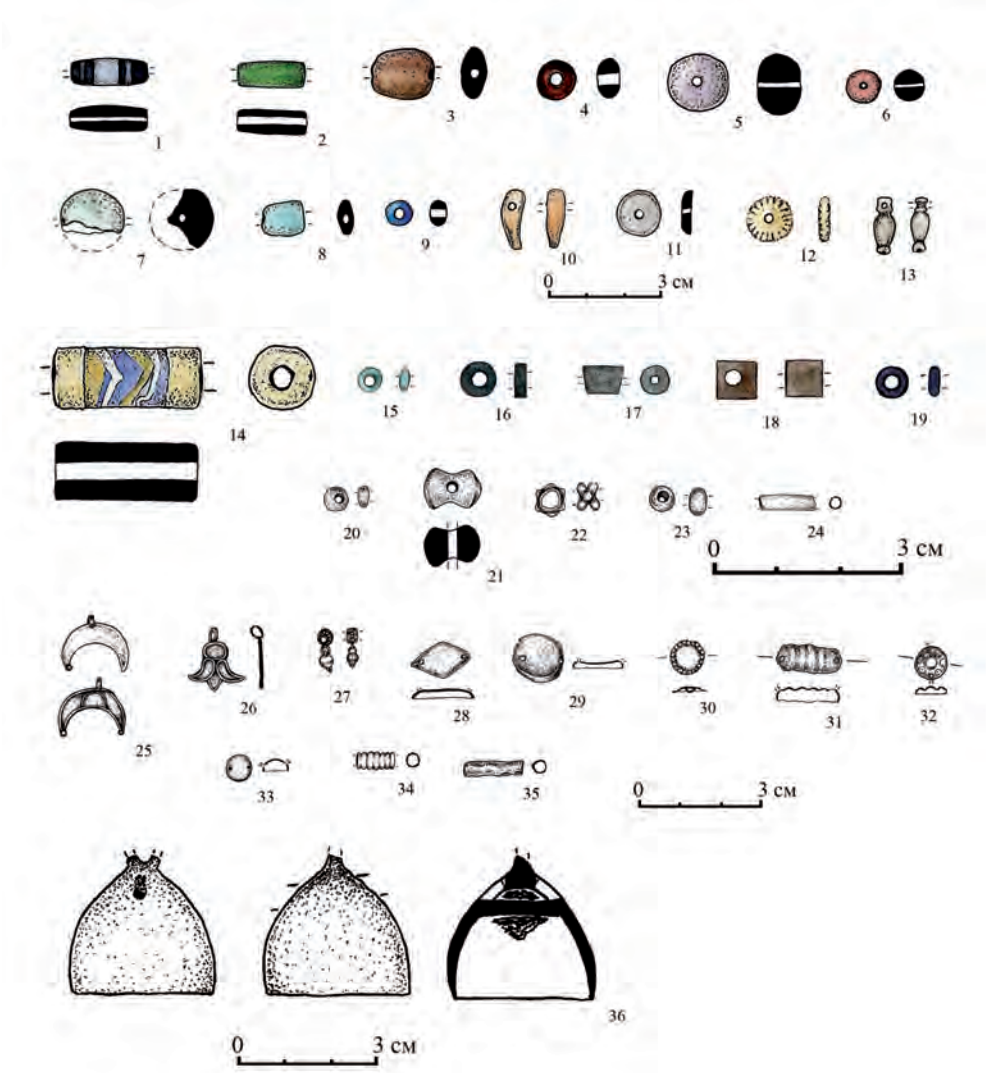
Әшекейлер. Сүйектен жасалған қасық. Шірік Рабат мәдениетінің жерлеу орындарынан табылған сүйек қасықтар құнды әрі маңызды олжалардың бірі болып табылады (4-сур., *18*). Ұқыпты істелген қасықтың ұзындығы 11 см, ені 3 см. Сабының ұшы зооморфты стильде (ақбөкен?) ойылып өрнектелген. Зооморфты стильде бейнеленуі ұқсас қасық Ақтөбе облысы, Сынтас қорымынан табылған. Зерттеушілер киіктің басы бейнеленген барельефті қасықты б.д.д. VI–V ғасырлармен мерзімдейді [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 154–155]. Ал, Еділ бойындағы Прохоров мәдениетіне жататын сабы зооморфты стильде (аю, қасқыр, бүркіт және т.б.) бедерленген қасықтарды б.д.д. VI ғасырға жатқызады [Смирнов, 1964, с. 160–161, рис. 10]. Зерттеушілер, сүйек қасықтардың пішімі мен өлшеміне қарап оларды асханалық еместігін айтады. Қасықтар бояғыш заттарды ұнтақтау, араластыру мақсатында пайдаланылған деп санайды [Мошкова, 1962, с. 206–242].

Қабан тісі. Доға тәрізді иілген тістің ұзындығы 6,5 см, ені 2 см, қалыңдығы 0,9 см. Бойында диаметрі 0,5 см болатын екі саңылауы бар (4-сур., *19*). Жыртқыш аң тістері негізінен бойтұмар мақсатында пайдаланылып, ол аңшының батылдығы мен мықтылығын ерекшелейтін белгі ретінде қызмет атқарған. Сонымен қатар, оны аңның күші менептілігін адамға берілетін зат ретінде қабылдап, аңшылық сиқырмен байланыстырады [Курманкулов, Торежанова, 2014, с. 210–217].

Асық. Ұсақ малдың сүйегі. Ұзындығы 3 см, ені 1,7 см. Орта бөлігінде диаметрі 0,5 см болатын саңылау бар (4-сур., *21*). С.П. Толстов қазба барысында табылған асықтарды ежелгі ойын түрлерімен және ғұрыптық рәсімдермен байланыстырса, тесігі немесе саңылау бар асықтар бәле-жаладан, жаман күштерден қорғайтын бойтұмар қызметтерін атқарған дейді [Толстов, Вайнберг, 1967, с. 157–158]. Сондай-ақ, зерттеушілер 2018 ж. Бәбіш мола ескерткішінен жиналған тесігі бар ақбөкен асықтарын жіпке тізу әрекетімен байланыстырып, ғұрыптық рәсімдерде пайдаланылды деп тұжырымдайды [Шагирбаев, Утубаев, 2019, с. 105–108].

Қоңырауша. Қоладан жасалған. Биіктігі 3,5 см, ұзындығы 3 см (5-сур., *36*). Жоғарғы бөлігіндегі ілуге арналған бөлігі сынық. Ішкі жағында темірден істелген тілінің орны сақталған.

Моншақтар. Қазба барысында моншақтың бірнеше түрлері табылды (5-сур., *1–24*). Олар, цилиндр пішінді моншақтар (5-сур., *1, 2*). Бұл түрдегі моншақтар Мешітсай қорымы 7 обадағы № 3 және 8 жерлеу орындарынан табылған [Смирнов, 1975, с. 95–96, рис. 31а]. Қимасында сопақша келген моншақтар (5-сур., *3*), пішіні дөңгелек болып келген моншақтар (5-сур., *4–7*), төртбұрыш тәрізді, қимасында сопақша келген моншақтар (5-сур., *8*), түстері қара, сұр және ашық көк майда моншақтар (5-сур., *9, 15, 19, 20, 23*). Шыны моншақтардың ішіндегі көп тараған түрлерінің бірі майда моншақтар. Олар б.д.д. I мыңжылдық пен б.д. I мыңжылдығында Орта Азиядан Қырымға дейінгі аралықты қамтыған. Орта Азиядағы ежелгі Хорезмнің Жанбасқала (б.д.д. III ғ. – б.д. II ғ.), Аязқала (б.д. I–II ғ.ғ.), Топрақ-қала (б.д. III ғ.), Қырымдағы

5-сур. Шірік 4. Табылған археологиялық олжалар: 1–24 – түрлі моншақтар; 25–35 – алтын; 36 – қола

Керчи ауданындағы (б.д. I–II ғ.ғ. Глинище) ескерткіштеріне жүргізілген қазба барысында көптеп табылған [Курманкулов, Торежанова, 2014, с. 210–217].

Бойтұмар секілді ұзын, сопақша келген моншақ (5-сур., *10*), шеңбер тәрізді моншақтар (5-сур., *11, 12*). Кейбіреуінің жиектері тілік сызықтармен өрнектелген. Құмыра тәрізді моншақ (5-сур., *13*). Түсі ашық қоңыр. Ұқсас моншақтар Мешітсай қорымы 8 обадағы № 1 және 2 жерлеу орындарынан кездеседі [Смирнов, 1975, с. 96–97, рис. 31б]. Түтікше және таблетка тәрізді моншақтар (5-сур., *16, 17*), тікбұрыш тәрізді моншақ (5-сур., *18*), 8 саны тәріздес моншақ (5-сур., *21*), гүл пішінде жасалған моншақ (5-сур., *22*).

Сыртқы беті майда шар тәрізді дөңгелектермен безендірілген. Бұлыңғыр ақ түсті, цилиндр пішінді моншақ (5-сур., *24*). Бұл түрдегі моншақтар 2004–2007 жылдары Шірік Рабат жерлеу орындарынан табылған [Курманкулов и др., 2007, с. 88–91]. Табылған моншақтардың көбісінің ұқсастықтарын Еділ бойы, Оңтүстік Орал өңірі, Оралдың арғы беті мен Солтүстік Қаратеңіз жағалауынан табамыз.

Сонымен қатар, цилиндр формалы моншақ табылды. Ұзындығы 2,3 см, ені 0,9 мм. Ортасы қуыс. Екі шеті алтын қаңылтырмен қапталған. Орта бөлігі күлгін және сары бояулармен әсем безендірілген (5-сур., *14*).

Салпыншақтар. Тағанемесеайшықтүріндежәнегүлпішінде(қызғалдақ) қалыпталған алтын сырғаның салпыншақтары табылды (5-сур., *15, 26*). Жоғарғы бөліктерінде дөңгелек тәрізді ілгек және бірінің ұштарында шар тәрізді дөңгелектер дәнекерленген. Сонымен қатар, шар тәріздес салпыншақ кездесті. Оның түбіне майда төрт шар тәрізді дөңгелектер дәнекерленсе жоғарғы бөлігіне шағын шеңбер тәріздес екі ілгекке цилиндр пішіндес ортасы қуыс үзбе жалғанған. Ол майда шарлармен әсем бүршіктелген (5-сур., *27*). Осы түрдегі сырғалардың салпыншақтары Шірік рабат ескерткіштерінен табылған [Толстов, 1962, с. 138–139, рис. 8].

Жапсырмалар. Қиық түрінде жасалған (5-сур., *28*), шеңбер пішінді (5-сур., *29*), цилиндр формалы, бұдырланған (5-сур., *31*), жеті күлтелі гүл тәрізді дөңгелек (5-сур., *32*), жарты шар пішінінде жасалған кішкентай (5-сур., *33*), ортасы шар тәрізді, оның жан-жағы майда дөңгелектермен безендірілген ілгегі ішкі бетіне дәнекерленген жапсырмалар (2-сур., *30*). Жоғарыда көрсетілген әр түрлі пішіндегі жапсырмалардың екі шеттерінде киімге ілуге арналған саңылаулары бар.

Үзбелер. Ортасы қуыс, бұдырлана өрнектелген цилиндр пішінді үзбе (5-сур., *34*), түтікше тәрізді ширатыла жасалған үзбе (5-сур., *35*). Бұл түрдегі алтын үзбелер Шірік Рабат ескерткіштерінің қазбаларында анықталған болатын. Сонымен қатар көптеген әшекейлер оның ішінде моншақтар төменгі Еділ бойы және Оңтүстік Орал маңындағы ерте сармат (прохоров) кезеңіндегі жерлеу орындарынан табылған археологиялық жәдігерлерге ұқсас әрі өте жақын.

Қорытынды және кейбір мәселелер. Қазба барысында ескерткіштің бірнеше рет тоналғандығы белгілі болды. Қазба қимасынан байқағанымыздай бірнеше қабаттан жиналған судың қақтары кездесті және жоғарыда анықтама бергендей кісі сүйектері бірнеше қабатта жатыр.

Жерлеу шұңқырының үлкендігі қабірге бірнеше кісінің қойылғандығын білдіреді. Оған бірнеше адам сүйектерінің табылуы негіз бола алады. Ескерткіштің салыну құрылысы жағынан Шірік Рабат қала ішіндегі патша обаларына ұқсас келеді [Толстов и др., 1960, с. 25–27; Толстов и др., 1963, с. 53–56; Курманкулов и др., 2007, с. 135].

Қорытындылай келе, обаның құрлысы мен одан табылған жәдігерлерді Шірік рабат мәдениетімен мерзімдейміз. Сонымен қатар мақаламызға арқау

болған Шірік 4 жерлеу кешеніндегі № 1 оба, онан табылған бай әрі құнды жәдігерлерді ғылыми айналымға енгізу келешекте Шірік Рабат мәдениетін зерттеуге жаңа серпін берері анық.

Әдебиет

Итина М.А. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 78-84

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.

Кадырбаев М.К. Каменные алтари-жертвенники из северо-западного Казахстана // СА. 1977. № 3. С. 204-212.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137-156.

Курманкулов Ж., Торежанова Н.Ж. Палитра бус. Городище Чирик-Рабат (Новые поступления в археологический фонд ЦГМ РК) // Маргулановские чтения – 2014: матер. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию академика А. Х. Маргулана (г. Павлодар, 3–5 декабря, 2014 г.). Алматы; Павлодар, 2014. С. 210-217.

Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Байтілеу Д., Искаков А., Утубаев Ж. Археологические исследования памятника Чирик-Рабат и прилегающих районов // Отчет об археологичских исследованиях по государственной программе «Культурное наследие – 2005». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2006. С. 249-251.

Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Искаков А. Археологические исследования памятников городища Чирик-рабат // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 88-91.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Восточная литература. 2001. Т. 2. 528 с.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М., 1962. С. 206-242.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1979. С. 151-166.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 380 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 210-217.

Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 3-27.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: изд-во Вост. лит., 1962. 322 с.

Толстов С.П., Вайнберг Б.И. Койкырылган-кала памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М.: Наука, 1967. 350 с.

Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. М.: изд-во АН СССР, 1960. Вып. 4. С. 3-63.

Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. М.: изд-во АН СССР, 1963. Вып. 6. С. 53-56.

Трудновская С.А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат // МХЭ. М.: изд-во АН СССР,1963. Вып. 6. С. 201-214.

Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019. № 4 (6). С. 79-116.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 190 с.

Е. А. Купцов, П. В. Харламов

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ I КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛА АНДРЕЕВКА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

В публикации представлены предварительные итоги исследований I курганного могильника у с. Андреевка в Саракташском районе Оренбургской области, проведенных отрядом Оренбургской археологической экспедиции в течение полевого сезона 2019 г.

Ключевые слова: савроматская культура, средневековые кочевники, могильник, погребальный обряд, кенотаф, бронзовые зеркала

Орталық Орынбордағы Андреевка ауылында орналасқан I қорымда жүргізілген зерттеулердің алдын ала қорытындылары

Мақалада 2019 жылы Орынбор археологиялық экспедициясының Орынбор облысы Сарақташ ауданы Андреевка ауылындағы I қорымға жүргізген зерттеулердің алдын ала қорытындылары беріледі.

Түйін сөздер: Сармат мәдениеті, ортағасырлық көшпенділер, қорым, жерлеу ғұрпы, кенотаф, қола айналар

Preliminary results of studies of the I mound grave near the village of Andreevka in Central Orenburg region

The publication presents preliminary results of studies of the Andreevka I burial mound in the Saraktash district of the Orenburg region conducted by a team of the Orenburg archaeological expedition during the field season of 2019.

Keywords: Savromatian culture, medieval nomads, burial ground, burial rite, cenotaph, bronze mirrors

Состоящий из двух насыпей I курганный могильник у с. Андреевка (Саракташский р-н, Оренбургская обл.) был выявлен в 2008 г. разведочным отрядом Оренбургской археологической экспедиции [Купцова, 2009, с. 10–11]. Памятник располагался в 3,5 км к ССЗ от села, в левобережье р. Большой Ик (левобережный приток р. Сакмара, Уральский речной бассейн) на одной из вершин юго-западных предгорий Уральских гор, именуемой местными жителями «Шишка» (рис. 1, *1, 2*).

© Евгений А. Купцов, Павел В. Харламов, *Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация;* e-kuptsov@mail.ru

Работы проводись в рамках реализации проекта РФФИ №40031 Древности «Межкультурное взаимодействие и специфика археологических культур Южного Приуралья от энеолита до средневековья: комплексный подход к изучению древней истории региона»

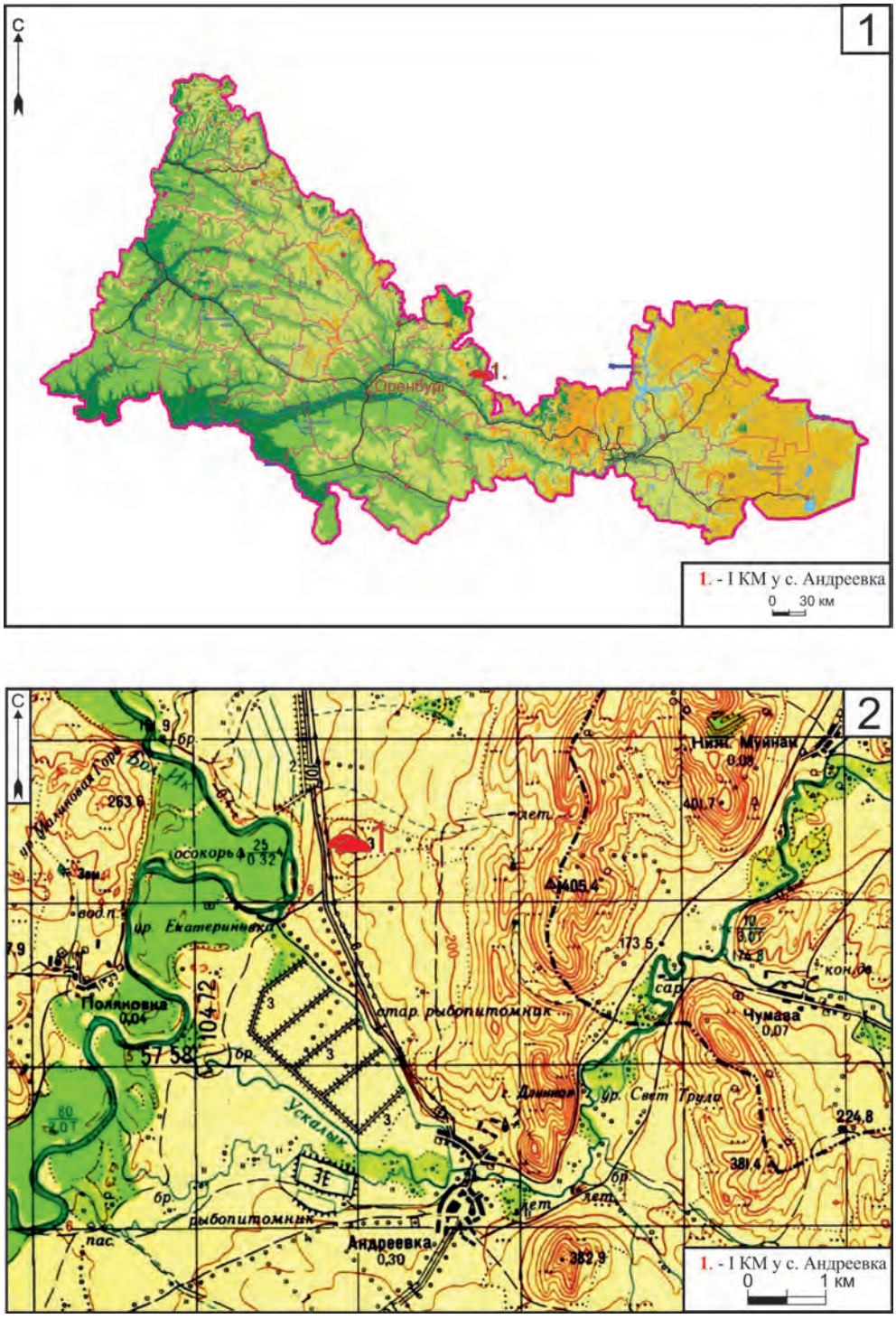

Рис. 1. I курганный могильник у с. Андреевка:
1, 2 – обзорные карты расположения памятника

В начале июля 2019 г. в процессе съемки уточняющего инструментального плана могильника, осуществляемой в ходе подготовки памятника к предстоящим археологическим раскопкам, сотрудниками археологической лаборатории ОГПУ между курганными насыпями № 1 и 2 была выявлена ранее неучтенная насыпь кургана № 3[1].

В июле–августе 2019 г. все три насыпи I курганного могильника у с. Андреевка были изучены полностью. Полевые исследования осуществлялись без применения тяжелой техники, вручную. В ходе работ велась постоянная аэрофотосъемка процесса исследования курганного могильника с помощью квадрокоптера (рис. 2, *1*).

Курганы могильника располагались цепочкой, вытянутой по линии ЮВ–СЗ. Насыпи курганов, округлые в плане, были задернованы и покрыты степной растительностью, но отличались по своему строению. Насыпь кургана № 1 была сформирована из чернозема и супеси с обильной примесью ПГС (здесь и далее ПГС – песчано-гравийная смесь), при этом, в центральной и юго-восточной ее частях, еще до начала исследований, фиксировались несколько небольших каменных набросок. Курган № 2 был целиком сложен из природного камня различных размеров, а вокруг него были зафиксированы несколько каменных выкладок, очевидно, каким-то образом связанных с данным курганом (рис. 2, *2*). Насыпь кургана № 3, по своей структуре напоминавшая насыпь кургана № 1, была также сформирована из чернозема и супеси с обильным включением ПГС, но на ее поверхности каменные выкладки отсутствовали.

Курган № 1. Самый южный курган могильника. Располагался на краю площадки, на естественном возвышении на вершине горы «Шишка». Его диаметр составил 12 м при максимальной высоте (с запада) – 56 см.

В ходе снятия насыпи, в разных ее местах были встречены скопления камней, разрозненные кости человека и животных[2], а также бронзовое зеркало с небольшой закраиной по краю и отломанной в древности рукоятью. На диске зеркала зафиксированы остатки кожаного чехла.

Кроме того, в центральной части насыпи были выявлены остатки подтрапециевидной в плане конструкции, представленной фрагментами пяти стоящих вертикально бревен, современный диаметр которых составлял от 5 до 15,5 см, а высота – 17–29 см.

Согласно данным, полученным от местных жителей, на этом месте еще в 1950-х гг. находилась пожарная вышка с вестовым колоколом, принадлежавшая расположенному неподалеку и ныне несуществующему селу Екатериновка.

Под насыпью кургана № 1 располагалось несколько разновременных захоронений.

Погребение 1 было выявлено на периферии юго-восточного сектора курганной насыпи на уровне материка, при разборе каменной конструкции. Оно представляло собой ориентированную по линии З–В узкую обложенную вертикально стоящими камнями яму, перекрытую сверху несколькими слоями плоских камней. После разбора камней горизонтального перекрытия могилы в засыпи могильной ямы были зафиксированы две лежащие параллельно друг

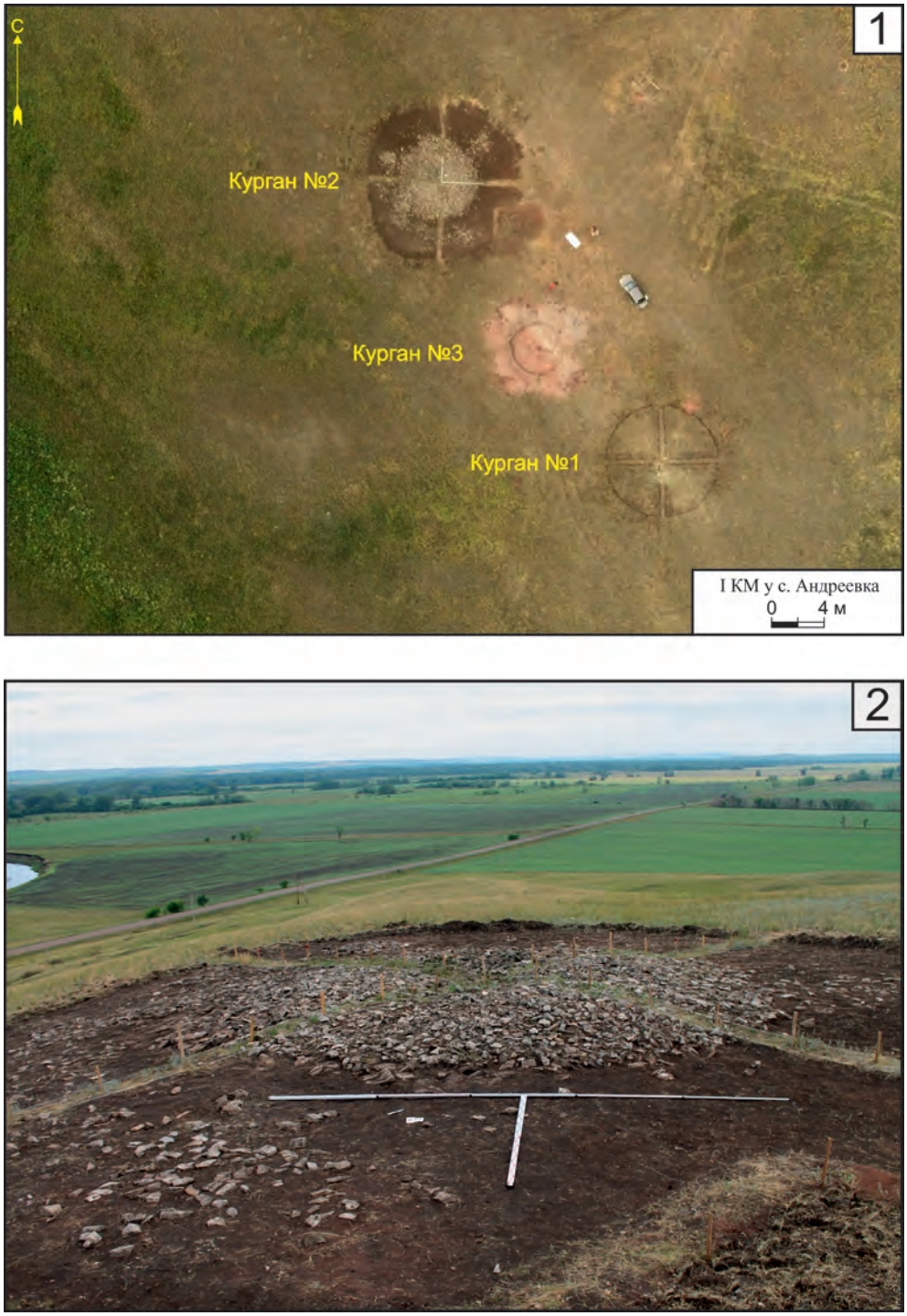

Рис. 2. I курганный могильник у с. Андреевка: 1 – процесс исследования памятника (фото с квадрокоптера), 2 – к. 2, вид с юго-востока

другу деревянные плахи длиной 145 и 135 см и диаметром 3–4 см, вероятно, являвшиеся остатками погребальных носилок. Костяк погребенного подростка или молодого мужчины располагался вытянуто на спине, головой на запад. Кости скелета были сильно потревожены грызунами (рис. 3, *1*).

Инвентарь погребения представлен двумя концевыми костяными накладками лука, небольшим железным ножом и набором альчиков МРС. По особенностям погребального обряда погребение может быть предварительно датировано XII–XIV вв.

В центральной части кургана выявлено два погребения (№ 2 и 3). Над обоими погребениями, на уровне материка, зафиксированы небольшие бесформенные каменные выкладки. Причем камни выкладки над погребением № 3 были сильно обожжены, а в заполнении могильной ямы встречалась зола и мелкие угольки.

Погребение 2 обнаружено под центральным репером кургана. Могила оказалась частично прорезана чуть более поздним погребением 3, поэтому интерпретация формы могильной ямы несколько затруднена. Вероятно, она имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, размерами около 170×130 см и длинной осью ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В северо-западном углу могильной ямы, на небольшой ступеньке, размещались остатки напутственной пищи в виде костей крупного животного (вероятно, лошади). Неполный скелет человека (берцовые кости и кости стоп отсутствовали) располагался по диагонали могильной ямы, вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В области шеи костяка найдены одна костяная и несколько зеленых и белых пастовых бусин, а в районе правого плеча – железная Г-образная проколка. Судя по инвентарю и состоянию черепа, в погребении была захоронена девочка-подросток или молодая девушка. Видимо, именно с этим погребением связана находка бронзового зеркала в кожаном чехле из насыпи кургана № 1.

Погребение 3, частично прорезавшее погребение 2, выявлено вблизи центра кургана, в юго-восточном секторе. Оно было совершено в широкой могильной яме подпрямоугольной формы, со сторонами около 270×140 см, длинной осью ориентированной по линии ЮВ–СЗ. Погребение полностью уничтожено в результате ограбления. Судя по состоянию сохранившихся фрагментов черепов, в нем было захоронено не менее трех человек, из которых один – пожилой и два ребенка (подростка?). По расположению сохранившихся в погребении костей, с большой долей вероятности можно предполагать юго-западную ориентировку покойных. В заполнении могильной ямы встречены фрагмент бронзового предмета неясного назначения и три бронзовых трехлопастных наконечника стрел с выступающей втулкой (тип VI по классификации К. Ф. Смирнова) [Смирнов, 1961, с. 46–48, табл. II]. Кроме того, здесь же найдена уплощенная стеклянная бусина с полихромным глазчатым орнаментом, египетского или итальянского происхождения [Аникеева, 2016, с. 21, 24]. На территории Оренбургской области аналогичные находки известны, например, по материалам исследований I Новокумакского курганного могильника [Мошкова, 1962, с. 213, 221, рис. 8, *2, 4*; 1972, с. 37–38, рис. 5.*4а*].

Рис. 3. I курганный могильник у с. Андреевка: 1 – к. 1, п. 1 (после разбора каменного перекрытия); 2 – к. 2, кенотаф (остатки колчана, кинжал, поясной набор); 3 – к. 3, п. 1 (фрагмент)

Судя по погребальному обряду и инвентарю (зеркало, наконечники стрел, набор бус), погребения 2 и 3 соотносятся с савроматским временем и датируются в пределах V в. до н.э.

Курган № 2 – самый северный курган могильника. Располагался на краю площадки, на склоне. Его диаметр составил 12 м при максимальной высоте 30 см. Насыпь кургана была сложена из природного камня, по ее краям зафиксированы и расчищены четыре небольшие каменные выкладки. В центре кургана имелась небольшая грабительская воронка.

При разборе каменных выкладок никаких находок обнаружено не было.

В ходе расчистки и разборки каменной конструкции кургана № 2 найдено несколько уплощенных и фигурных железных наконечников стрел, а также железные детали от крепления колчана. Под каменной насыпью, на уровне погребенной почвы, выявлено большое количество костей животных, вероятно, являвшихся остатками поминальной тризны. Под грабительской воронкой, на уровне погребенной почвы, зафиксировано небольшое кострище.

После снятия каменной конструкции кургана на уровне материка расчищены остатки колчана в виде накладных пластин из белого металла и деталей портупейного подвеса. Здесь же зафиксированы остатки поясного набора, состоявшего из блях, также изготовленных из белого металла. Следов могильной ямы с обрядом трупоположения не обнаружено.

В колчан был вложен длинный, однолезвийный железный кинжал в ножнах. Лезвие кинжала слегка изогнуто, рукоять сабельная, с легким наклоном в сторону лезвия (рис. 3, *2*).

Судя по аналогиям наконечников стрел и поясных блях, обнаруженных в средневековых памятниках Приуралья и Волго-Камского междуречья, относящихся к ранневенгерским племенам, время сооружения кургана № 2 можно предварительно отнести к VIII–IX вв. [Мажитов, 1977, с. 213, 221, табл. 1. рис. 153, 293, 294, 296; Халикова, Халиков, 2018, с. 58, табл. XX, XXIII].

Курган № 3 – располагался между курганами № 1 и 2, на краю площадки. Его диаметр составлял 6 м, а максимальная высота (с запада) – 29 см.

В процессе разбора насыпи никаких находок обнаружено не было.

Единственное погребение располагалось в юго-восточном секторе кургана. Узкая могильная яма простой формы была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ и содержала останки одного человека (вероятно, пожилой женщины), в сопровождении различного погребального инвентаря (рис. 3, *3*).

Костяк располагался вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Череп немного завален в северную сторону. Руки полусогнуты в локтях, кисти находились на тазовых костях. Кости стоп ног завалены в северную сторону, лежат плотно (вероятно, погребенная была захоронена в обуви, которая не сохранилась). У левого плеча и на костях запястья левой руки зафиксированы фрагменты ткани желтого или светло-коричневого цвета, на одном из которых сохранился фрагмент узкой и короткой металлической полоски (накладки?).

Наиболее интересной находкой в погребении является уникальное зеркало (предположительно, из сплава меди и серебра) с небольшим бортиком

по краю, помещенное в кожаный чехол. В чехле также находились семена растений, видовая принадлежность которых в настоящее время не определена. Орнаментальная композиция зеркала представляет собой изображенного в китайском стиле свернувшегося полукольцом крылатого огнедышащего дракона. Дополнительно зеркало украшено растительным орнаментом. Изображенный на зеркале сюжет, до настоящего времени, не имеет аналогий в кочевнических памятниках степной полосы России, датируемых XIII–XIV вв.

Кроме зеркала в погребении обнаружены двустворчатые железные ножницы плохой сохранности. В районе головы расчищены бусы из перламутра и стекла. Судя по расположению, данные бусы украшали головной убор или накосник. Отдельного упоминания заслуживает грушевидная бусина из бирюзового стекла, ближайшей аналогией которой является бусина из Нижнего Поволжья, датированная монетным комплексом в пределах первой половины XIV в. [Мыськов, 2015, с. 168–169; табл. XXIX, *11*].

Таким образом, в ходе полевого сезона 2019 г. I курганный могильник у с. Андреевка полностью исследован.

Под насыпями курганного могильника выявлено четыре разновременных погребения и одно погребально-культовое сооружение. Погребения 2 и 3 кургана № 1 относятся к савроматскому этапу культуры ранних кочевников Южного Приуралья и датируются V в. до н.э. Погребения 1 кургана 1, являвшийся культово-погребальным сооружением (кенотафом) курган № 2 и погребение 1 кургана № 3 относятся к эпохе средневековья.

Обнаруженный в ходе исследований вещевой инвентарь, в сочетании с особенностями погребального обряда, расширяют наши представления об экономической и социальной жизни ранних и средневековых кочевников Волго-Уралья. Полученный антропологический материал, в дальнейшем, дополнит имеющиеся данные об этническом составе населения проживавшего в регионе в хронологических рамках от эпохи раннего железа до развитого средневековья.

Отдельного исследования с последующей реконструкцией и реставрацией требуют зеркало с изображением крылатого огнедышащего дракона из кургана № 3 и колчан из кургана № 2, которые, по ряду особенностей, не имеют известных аналогий в средневековых памятниках степного пояса Евразии.

Примечания

1 – работы проводились под руководством сотрудника археологической лаборатории ОГПУ Павла Викторовича Харламова на основании Открытого листа № 0836-2019 (Приказ Министерства культуры Российской Федерации № 829 от 24.06.2019 г.).

2 – антропологические и остеологические коллекции I курганного могильника у с. Андреевка переданы на обработку в Волго-Уральский центр палеоантропологических исследований и археологическую лабораторию СГСПУ (г. Самара). В настоящей публикации предварительная интерпретация костных останков людей и животных из курганов № 1, 3 приводится на основании полевых наблюдений и находок сопутствующего погребального инвентаря.

Литература

Аникеева О.В. Закономерности появления наборов бус из погребений ранних кочевников Южного Урала (конец VI – II вв. до н.э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: матер. IX Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. 100-летию со дня рождения К. Ф. Смирнова / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 20-31.

Купцова Л.В. Отчет об археологической разведке в Саракташском районе Оренбургской области по Открытому листу № 200. Оренбург: ОГПУ, 2009. 56 с. // Архив ИА РАН.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 188 с.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА СССР. № 115. М.: АН СССР, 1962. С. 204-241.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири. М.: Наука, 1972. С. 27-48.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА СССР. № 101. М.: АН СССР, 1961. 162 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. 2018. Вып. 25. 144 с.

А. Е. Чотбаев, З. Самашев

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ ТАУТЕКЕЛИ в КАЗАХСКОМ АЛТАЕ в 2019 году

Статья посвящена предварительным результатам археологических исследований, проведенных на могильнике Таутекели в полевом сезоне 2019 г. Могильник Таутекели находится на труднодоступном высокогорном плато Казахского Алтая. Памятник известен еще с XIX в. Здесь обнаружены интересные материалы относительно культуры населения раннесакского периода. Археологические исследования проводились в разные годы прошлого столетия, материалы осмыслены и введены в научный оборот, после исследования на этом могильнике приостановились и лишь в 2006 г. были проведены работы по топографии памятников Курту-Таутекелийского междуречья совместно с учеными из Гентского университета (Бельгия). В 2019 г. был изучен один курган, материалы, полученные из раскопанного кургана, интересны в плане изучения становления пазырыкской культуры. Данная эпоха является все еще малоизученной в казахстанской археологической науке, поэтому изучение данного могильника актуально.

Ключевые слова: Казахский Алтай, археология, пазырыкская культура, курган, погребение, конское снаряжение, саки

Қазақ Алтайындағы Таутекелі қорымында 2019 жылы жүргізілген археологиялық зерттеулер

Мақала Таутекелі қорымында 2019 жылы ҚР БжҒ министрлігінің гранттық жобасы аясында жүргізілген зерттеу жұмыстарына арналады. Таутекелі қорымы Қазақ Алтайының биік таулы жерінде орналасқан. Аталмыш қорым ғылымға XIX ғасырдан белгілі, бұл кезеңде жүргізілген зерттеулердің нәтижесінде ерте сақ кезеңіне қатысты жәдігерлер табылған. Зерттеу жұмыстары 1960 жылдары жалғасын тауып, табылған жәдігерлер ғылыми айналымға енгізілді, бірақ, кейінгі жылдары ескерткіште қазба жұмыстары айтарлықтай уақытқа тоқтап, тек 2006 жылы қорымда ескерткіштердің топографиясын түсіру жұмыстары басталады. Топографиялық жұмыстар Гент (Бельгия) университетінің ғалымдарымен бірлесе жүзеге асырылды. Ал, ескерткішті археологиялық зерттеу, арада 50–60 жыл салып, 2019 жылы қайта қолға алынды. Өткен 2019 жылғы жұмыстардың нәтижесінде Таутекелі 1 қорымындағы № 2 оба зерттелді. Зерттеудің нәтижесінде, ерте темір дәуіріндегі пазырық мәдениетінің пайда болу мәселесін зерттеуге мүмкіндік беретін жаңа жәдігерлер табылды.

© Айдос Е. Чотбаев, *Институт археологии им. А. Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* archtopmail@mail.ru
Зайнолла Самашев, *Историко-культурный музей-заповедник Берел с. Катонкарагай, Казахстан;* archaeology_kz@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта №AP05133484

Пазырық мәдениетінің пайда болуы мәселесі толық қанды шешілмеген мәселелердің қатарына жатады, сол себепті қарастырып отырған қорымды зерттеу ерекше мәнге ие.

Түйін сөздер: Қазақ Алтайы, археология, пазырық мәдениеті, қорған, жерлеу орны, ат әбзелдері, сақтар

Archaeological research on the Tautekeli in Kazakh Altai in 2019

The article is devoted to preliminary results of archaeological research conducted at the Tautekeli burial ground in the 2019 field season. The work was carried out as part of a grant project of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. The Tautekeli burial ground is located on the inaccessible highland plateau of the Kazakh Altai. The site has been known since the 19th century; interesting materials have been discovered here regarding the population of the Early Saka period of the region. Archaeological research was carried out in different years of the last century, the materials were comprehended and put into scientific circulation after research at this cemetery stopped and only in 2006 work on the topography of sites of the Kurtu-Tautekeli interfluve was carried out together with scientists from the University of Ghent (Belgium). Field studies after 50–60 years were resumed last season.

In 2019, one mound was studied, the materials obtained from the excavated mound are of interest in terms of studying the formation of the Pazyryk culture. This era is still poorly studied in Kazakhstan archaeological science, therefore, it is worth paying attention to the study of this burial ground

Keywords: Kazakh Altai, archeology, Pazyryk culture, barrow, burial, horse equipment, Saka

Казахский Алтай с благоприятными для жизни климатическими условиями, а так же богатыми залежами полезных ископаемых, всегда актуален в изучении памятников широкого хронологического круга.

Археологические памятники края стали итересны ученым еще с XVIII в, когда на рассматриваемой территории начались активные работы по поиску богатых месторождений различной руды. Здесь необходимо упамянуть и о так называемых «бугровщиках», которые добывали золото из древних памятников, тем самым разрушая их. К изучению памятников имели непосредственное отношение и местные краеведы, интересовавшиеся историей края.

Археологические исследования в контексте научного осмысления проведены в регионе еще в дореволюционое время и продолжаются до сегодняшнего дня. В результате исследований, проводимых вот уже третье столетие, мы имеем богатую источниковедческую базу археологического материала и солидную литературу, посвященную различным аспектам жизнидеятельности древнего населения региона. Тем не менее, археологическими исследованиями охвачена не вся территория интересующего нас региона, чувствуется нехватка материала по некоторым проблемам, касающимся, в основном, становления археологических культур раннего железного века, в этом свете интересны памятники верхнего течения реки Бухтарма, особенно участок Курту-Таутекелийского междуречья, где сосредоточены памятники от начала раннего железного века до этнографического времени. Первые исследования здесь начались в 1960 годах Южно-Алтайской археологической экспедицией. С. С. Сорокин проводил рекогносцировочные

работы вдоль Бухтармы от Катон-Карагая до реки Курту, в результате которых обнаружено 15 памятников, одним из которых является могильник Курту. Этот могильник был разделен автором на шесть групп, сделан план. План, скорее всего, сделан без применения топографических приборов, так как в результате сравнения с современной ситуацией выявилась значительная разница в расположении групп курганов. По сообщению С. С. Сорокина, в 1961 году в пяти группах могильника Курту были раскопаны 12 погребальных памятников, в результате были получены материалы по раннему периоду раннего железного века [1966, с. 41]. После исследований С. С. Сорокина работы на памятнике прекратились и лишь спустя полувека они были возобновлены в 2019 г.

Ниже остановимся на предварительных результатах археологического изучения некрополя Таутекели. Название могильник получил от одноименной речки. Здесь, как нам кажется, необходимо дать пояснение, чтобы не получилась путаница. Данный могильник в археологической науке известен как Курту, исследованный в свое время С. С. Сорокиным. Территория Курту-Таутекелийского участка тянется на 10–15 км, где памятники расположены группами, состоящими от 10 до более 40 объектов. По нашему мнению, для тщательного изучения тополандшафтной организации памятников широкого хронологического круга необходимо разделить данный могильник на Курту и Таутекели, границу провести на участке горного выноса, где долина сужается до р. Бухтарма, тем более данный участок находится на центральной части плато. Так же они различаются и растительностью: долина за так называемой границей ближе к р. Курту покрыта низким травостоем, кустарники почти отсутствуют, таутекелийский же участок богат различными видами трав, ягод и кустарников.

Таким образом, исследуемый нами могильник мы назвали Таутекели.

Могильник Таутекели находится в 11 км к ЮВ от села Аршаты (Катон-Карагайский р-н, ВКО). Памятник расположен на узком горном плато, ограниченном с севера р. Бухтарма, с юга – горным хребтом, с востока – р. Курту и с запада – р. Таутекели. Долина между реками Таутекели и Курту узкая, равнинная, шириной 400–500 м длиной 7,5–8 км, местами сужается горными выносами (рис. 1). В долине зафиксировано несколько курганных групп разных эпох. Памятники, относящиеся к раннему железному веку, расположены в цепочку, ориентированную по линии С–Ю. Памятники более позднего периода тяготеют к погребениям эпохи железа и расположены в основном с восточной и западной стороны. Курганы данного времени доминируют в размерах, которые варьируют от 15×15 м до 20×20 м при высоте до 0,5 м. По форме курганы округлые, а памятники более позднего периода имеют подквадратную форму.

Площадь могильника Таутекели составляет более 500 га. К настоящему времени здесь выявлено более 100 погребально-поминальных сооружений от эпохи ранних кочевников до раннесредневекового времени. Могильник Таутекели образован несколькими цепочками курганов, вытянутыми в общем направлении С–Ю с небольшими отклонениями, и группами отдельных погребально-поминальных сооружений.

Рис. 1. Таутекели: 1 – локализация района исследований;
2 – долина верховьев р. Бухтарма, Курту-Таутекелийский микрорайон

Самая большая по количеству курганов цепочка на могильнике обозначена № I, вытянута с юга на север, расположена у подножья горы и занимает доминирующее положение среди памятников всего могильника. Судя по планиграфии и параметрам наземных конструкций курганов, формирование цепочки происходило с севера на юг.

Вторая группа курганов находится примерно в 350 м западнее, состоит из 10 раннекочевнических объектов. Круглые в плане курганы с мощными крепидами из валунов и плит, облицованными мелким плитняком и галечником, расположены близко друг к другу, некоторые впритык, что возможно свидетельствует о принадлежности погребенных к одной династии или близости их родственных связей.

К третьей группе памятников относятся 10 курганов эпохи ранних кочевников, расположенных в 500 м западнее от предыдущей группы.

Группа курганов Таутекели 1, исследованная в 2019 г., расположена в восточной части долины Таутекели на ровной местности, отделенной от остальной части долины небольшими горными выносами, и находится на третьей надпойменной террасе правого берега р. Бухтарма (рис. 2). Некрополь состоит из более 20 объектов, которые по внешним признакам относятся к разным хронологическим периодам, начиная от раннего железного века до раннего средневековья. Объекты более раннего периода располагаются в цепочку, ориентированную по линий С–Ю, состоят из шести каменных объектов разных размеров. Более крупный находится севернее, т.е. является начальным с северной стороны. Курганы данной цепочки относительно

Рис. 2. Могильник Таутекели 1. Вид с высоты 50 м

невысокие, максимальная высота 0,5 м от современной поверхности. По форме они идентичны. Курганы округлые в плане, по краям четко фиксируются камни крепиды. Визуально курганы сооружены из окатанных речных камней разной формы и размеров. Наземная конструкция покрыта тонким гумусированным слоем с редким и низким травянистым покровом. На западной стороне впритык к наземным конструкциям фиксируются (на всех объектах) небольшие возвышения округлой формы диаметром 1×1 м, высотой 0,3 м. На центральных участках курганов имеются западины, у некоторых они глубокие, иногда достигают 0,7 м.

С запада и с востока от данной группы на расстоянии 10–20 м расположены каменные оградки, в плане прямоугольные и небольших размеров. Наземная конструкция их так же возведена из речных окатанных камней различной формы и размеров.

Ниже приведем параметры объектов данного могильника.

Курган № 1 диаметром 7 м, высотой 0,1 м. Визуально на поверхности фиксируется как округлая каменная конструкция. Поверхность плоская, сильно задернованная, в центральной части фиксируется небольшая западина глубиной 0,1 м, диаметром 2×2 м. Камни наземной конструкции окатанные, фиксируются по периметру в один ряд в количестве 9 шт. Размеры камней 50×30×10 см. Камни центральной части более мелкие, встречаются и колотые горные породы, плитняки разного размера.

Курган № 2 высотой 0,3 м, диаметром 15×15 м. Визуально курган просматривается как каменная конструкция округлой в плане формы. Поверхность задернована, покрыта низким травянистым покровом, а в центре – фиксируется кустарник.

Наземная конструкция сооружена из окатанных камней с небольшим присутствием горного плитняка. По краям насыпи, по периметру фиксируются подобранные по размеру и форме валуны, поставленные в ряд и плотно, в основном с западной стороны, за крепидой фиксируются вертикально поставленные плиты. В некоторых местах данные плиты наклонены к центру, некоторые наклонены наружу. Размеры плит – 50×30×10 см. В центральной части наземной конструкции имеется углубление глубиной до 0,2 м, диаметром 2,5×2 м, округлое в плане.

Курган № 3 диаметром 15×15 м, высотой 0,2 м. Визуально на поверхности фиксируется невысокая каменная структура. Наземная конструкция в плане округлая, сооруженная из окатанных камней. В центральной части наземной конструкции имеется западина диаметром 2,5×2 м, при глубине 0,2 м.

По периметру наземной конструкции фиксируются крупные валуны, поставленные в один ряд. В западной части просматриваются четыре крупные плиты, поставленные вертикально. Размеры плит 50×50×10 см.

Курган № 4. Наземная конструкция сооружена из окатанных камней разного размера с небольшим присутствием колотого горного плитняка, причем плитняк использовался для заполнения пустот, образованных между крупными камнями. Центральная часть охвачена неглубокой в плане прямоугольной

формы западиной с размерами: длина – 2 м, ширина – 0,7 м, глубина до 0,2 м. В восточной части западины, на ее краю, фиксируется небольшой навал из камней вперемешку с грунтом. Наземная конструкция окаймлена валунами, установленными плотно в один ряд. За данными камнями на некоторых участках фиксируется развал камней. В разных местах визуально просматриваются вертикально поставленные камни, которые расположены за рядом валунов.

Курган № 5. Наземная часть памятника сооружена из окатанных камней разного размера, встречаются и горный колотый плитняк более мелкого размара, чем окатаные камни. Диаметр объекта – 20×20 м, высота – 0,5 м. В центральной части имеется округлая в плане западина, глубиной до 0,4 м, диаметром – 2×2 м. Южная сторона насыпи за центральной западиной возвышается - здесь фиксируется каменный завал. Каменная конструкция ограничена по внешнему периметру окатанными камнями, положенными плотно и в один ряд. В юго-восточной части, охватывая камни крепиды, фиксируется западина глубиной до 0,3 м, диаметром 1,5×1,5 м.

В 1 метре к югу от края насыпи кургана фиксируется небольшая оградка, в плане округлая, диаметром 2×2 м, глубиной до 0,5 м. Стенки оградки сооружены из окатанных камней.

Курган № 6. Наземная конструкция сооружена из окатанных камней с небольшой массой горного плитняка, диаметром 15×15 м, высотой – 0,3 м. Насыпь ограничена крепидой, сооруженной из плотно врытых в один ряд окатанных камней. На некоторых участках, а особенно на южной стороне, фиксируются вертикально стоящие плиты, поставленные за валунами крепиды. Центральная часть насыпи охвачена западиной овальной формы, диаметром 5×6 м, глубиной до 0,4 м.

С западной стороны к цепочке курганов ранних кочевников примыкают на расстоянии 20 м более шести объектов. При визуальной фиксации, судя по строению наземной структуры, можно предположить, что данные объекты относятся к памятникам древнетюркского периода. С восточной же стороны визуально фиксируются пять объектов с аналогичным строением наземной конструкции. Нумерация объектов раннесредневековых кочевников была продолжена от курганов ранних кочевников.

Объект № 7 расположен с восточной стороны цепочки ближе к кургану № 3. Данный объект находится с северной стороны системы погребений древнетюркского времени, расположенных с восточной стороны курганов РЖВ. Наземная конструкция сооружена из окатанных камней, в плане прямоугольной формы. По периметру фиксируется окатанные камни, положенные в ряд, образуя меридианально ориентированную прямоугольную ограду. Размеры стен: В–З – 5 м, С–Ю – 4 м. С восточной стены фиксируется примыкающая конструкция, напоминающая коридор.

Объекты № 8–11 по форме и размерам идентичны вышеописанному.

Объект № 12 расположен южнее кургана № 11. Наземная конструкция в плане прямоугольной формы. Длина стен: С–Ю – 5 м, В–З – 6 м. С восточной стороны фиксируется небольшая пристройка. Внутреннее пространство

забутовано камнями, которые фиксируется на поверхности. Камни разные по размерам и форме, среди окатанных имеется небольшое количество колотого сланца.

В полевом сезоне 2019 г. раскопками изучен один курган (№ 2) (рис. 3). Визуально курган просматривается как каменная структура округлой в

Рис. 3. Мог. Таутекели 1, к. 2. Вид до раскопок

плане формы, высотой 0,3 м, диаметром 15×15 м. Поверхность задернована, покрыта низким травянистым покровом, а в центре конструкции фиксируется кустарник.

Наземная конструкция сооружена из окатанных камней с небольшим присутствием горного плитняка. В центральной части наземной конструкции имеется углубление глубиной до 0,2 м, диаметром 2,5×2 м, округлое в плане. После удаления грунтового слоя и полной зачистки стала хорошо прослеживаться общая структура данного объекта (рис. 4). По краям насыпи по периметру фиксируются подобранные по размеру и форме валуны, стоящие в ряд плотно, образуя крепиду насыпи, на некоторых участках, в основном с западной стороны, за камнями крепиды фиксируются вертикально поставленные плиты, которые наклонены к центру, несколько из них накренены наружу (рис. 5). Размеры плит – 50×30×10 см. Вероятней всего, по всему периметру с наружной стороны внешнего ряда валунов устанавливали каменные плиты вертикально с небольшим наклоном во внутренюю сторону наземной конструкции.

Рис. 4. Мог. Таутекели 1, к. 2. Вид с высоты птичьего полета

Возможно, эти плиты устанавливались для укрепления валунов, локализуя каменный слой наземной конструкции, со временем вследствие воздействия внешних факторов они наклоняются, а в некоторых местах даже теряются. После полной зачистки отчетливо читается округлая планиграфия кургана, возведенного в основном из окатанных речных камней. С внутренней стороны камней валунов прослеживается прослойка из горной сланцевой породы, которая фиксируется в основном в южной половине наземной конструкции. Промежутки между крупными камнями забутованы речным галечником с небольшой долей колотого плитняка. В северо-западном секторе фиксируется небольшое возвышение, образованное из разных камней, видимо, это выкид из центральной части, где отсутствует каменная насыпь.

Судя по картине, полученной из стратиграфических разрезов, наземная часть памятника сооружена из камней разных размеров (рис. 5). Наземную конструкцию кургана возводили в 2–3 слоя, на некоторых участках фиксируется четвертый слой. В результате поэтапной выборки камней выяснилось, что камни были положены, образуя некую систему. Крупные камни были

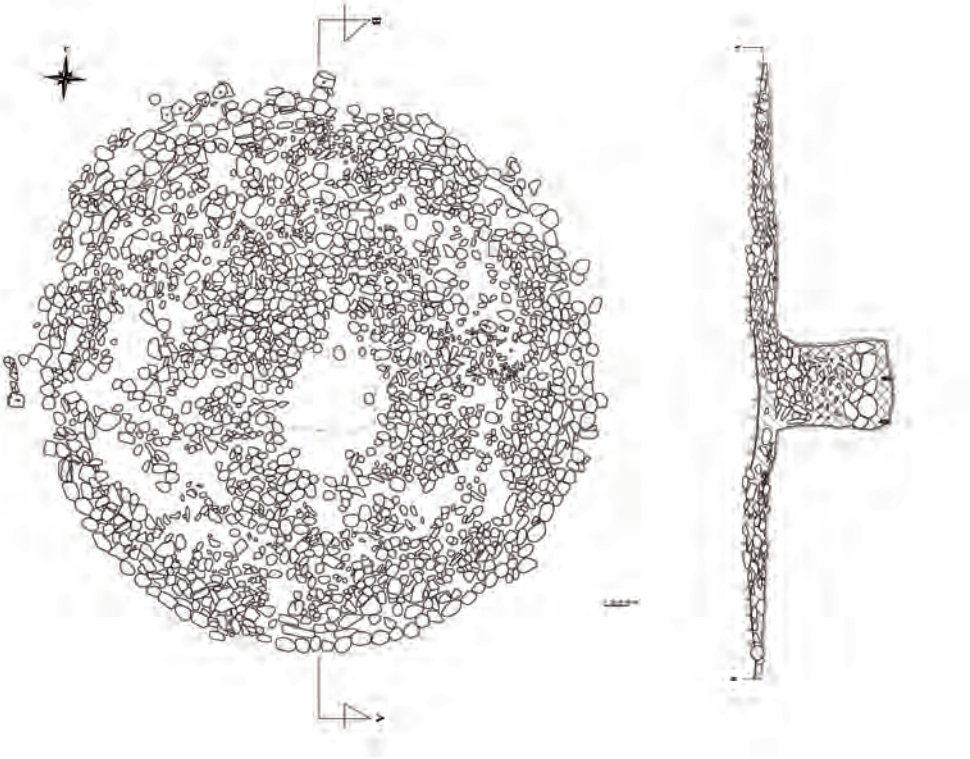

Рис. 5. Мог. Таутекели 1, к. 2. План и разрез

уложены впритык, образуя трехярусное кольцо, и таких колец зафиксировано три, причем ярусы постепенно уменьшаются к краю. Пространство между кольцами заполнено более мелкими камнями, крайнее же кольцо является крепидой. Максимальная высота насыпи 0,6 м, края насыпи на уровне современной поверхности. В ходе удаленя камней была выявлена могильная яма в виде скопления камней, которые фиксируются с небольшим углублением в центральной части, понижение от древнего горизонта примерно на 0,2 м. Как выяснилось позже, данные камни оказались забутовкой самой могильной ямы. Начало забутовки и характер связки с камнями наземной конструкции выявить не удалось, так как яма подвергалась грабительским раскопкам еще в древности. Ограбление, по видимому, имело ритуальный характер.

Могильная яма размерами 3×2 м, ориентирована длинной осью по линии В–З. Внутреннее пространство могильной ямы, как мы говорили выше, забутовано различными камнями до глубины 0,8–0,9 м, далее до глубины 1,6–1,8 м от дневной поверхности идет смешанный слой, затем были положены крупные валуны (рис. 6). Окатанные, большие камни (50×45×40 см; 60×50×55 см; 50×50×45 см; 40×38×35 см) были положены впритык в три ряда.

Рис. 6. Мог. Таутекели 1, к. 2. Забутовка могильной ямы из больших валунов

Глубина могильной ямы 2,45 м, вдоль южной стенки фиксируются фрагментированные остатки дерева. Сохранность древесины плохая, в некоторых местах следы от нее еле заметны. В центральной части фиксируется еще один фрагмент древесины, лежащий длинной осью по линии В–З, но сохранность еще хуже, форму и размеры можно фиксировать лишь по едва заметным пятнам. Так же вдоль восточной стенки между продольными южными и северными стенками фиксируются остатки древесины, это, видимо, стенки сруба или деревянного ящика.

Внутреннее пространство, предположительно, деревянного ящика было пустым, останков погребенного человека не зафиксировано.

Вдоль северной стенки ямы за деревянным ящиком расположен костяк лошади, сохранность костей удовлетворительная (рис. 7). Лошадь уложена на правый бок, шея вытянута, череп так же находится на правом боку. Погребение коня ориентировано головой на восток, ногами на север. На черепе и в области груди лошади фиксируются элементы сбруи, изготовленные из бронзы. Уздечка и нагрудная повязка сделаны из органического материала, возможно, из кожи и были дополнены функционально расположенными бронзовыми бляшками различной формы. Судя по расположению фурнитуры, сбруя состоит из самой узды и седла с нагрудным и подпружным ремнями. От нагрудного ремня сохранились различные бляшки, распределители, от подпружного же ремня осталась лишь костяная пряжка, которая расположена близко к ребрам

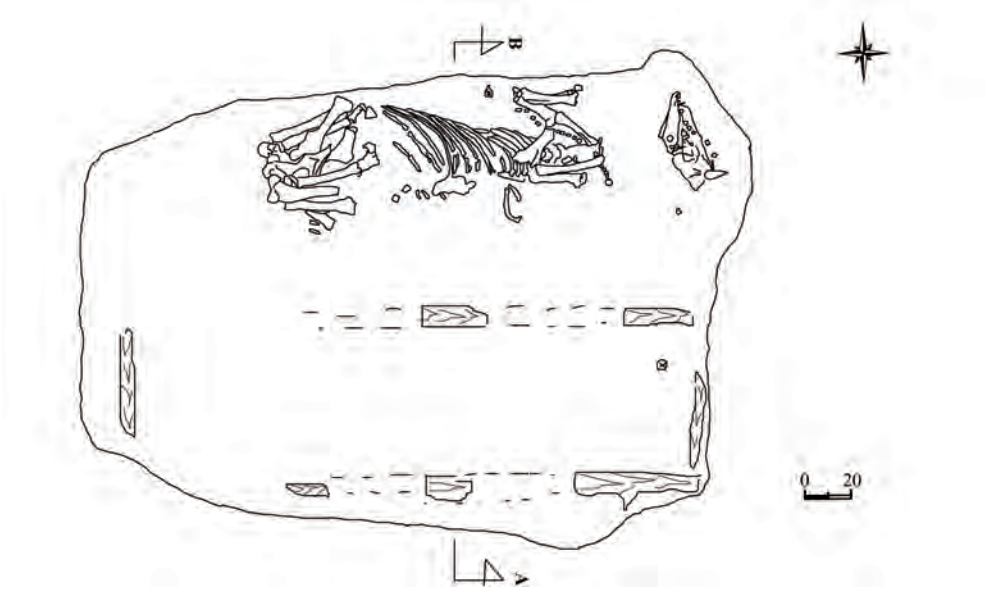

Рис. 7. Мог. Таутекели 1, к. 2. План могильной ямы

Рис. 8. Мог. Таутекели 1, к. 2. Костяная подпружная пряжка

в районе брюха лошади. Костяная пряжка подтраециевидной формы имеет две поперечные прорези для крепления ремня (верхняя чуть шире) и «выступающий носик» (рис. 8).

Узда дополнена функциональными бронзовыми распределителями, бляшками, а так же украшена налобной и наносной подвесками, причем эти подвески идентичны. Бляшки с овальным верхом и заостренным нижней частью, на тыльной стороне верхней овальной части имеется небольшая петля. Близкая по форме аналогия данной подвески происходит из берелского кургана № 36, расположенного в 30 км западнее от изучаемого могильника, но есть разница в материале и креплении к ремню [Самашев, 2018, с. 86, рис. 52]. В ходе расчистки и удаления черепа на тыльной (правой) стороне черепа зафиксировали фрагменты деревянного псалия (рис. 9). По причине плохой сохранности форму его определить не-

Рис. 9. Мог. Таутекели 1, к. 2. Фурнитура узды с остатками деревянного псалия

возможно, удалось зафиксировать лишь одно сквозное отверстие. Удила железные, сильно коррозированы, поэтому определить форму сложно.

Близкие аналогии, происходят из памятников сопредельных регионов [Шульга, 2008]. Элементы узды из Таутекели не противоречат их датировке, но необходимо уточнить верхнюю дату, так как, здесь в комплексе с бронзовой фурнитурой была использована костяная подпружная пряжка.

Таким образом, исследованное погребение можно датировать VI–V вв. до н.э., этой дате не противоречит и костяная подпружная пряжка, которая широко бытовала в пазарыкской культуре.

Литература

Самашев З. Берел. Тридцать шестой курган. Материалы и исследования по культурному наследию. Т. XIII. Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы. 2018. 332 с. (на каз., рус. и англ. яз.).

Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 3-60.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. 1: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

А. Оңғарұлы

КЕГЕН ӨЗЕНІ АҢҒАРЫНДАҒЫ ҒҰН ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕСІНЕ

Мақалада автор Қазақстанның ғұн-сарматтық кезеңіне қатысты соңғы жылдардағы негізгі ашылымдарды қысқаша сипаттай отырып, Жетісудағы Кеген өзені аңғарындағы «ғұн» ескерткіштерінің зерттеліну деңгейі мен өзектілігін қарастырған.

Түйін сөздер: Жетісу, Кеген, ғұн-сармат кезеңі, ғұндар, обалар

К изучению памятников гуннской эпохи в долине реки Кеген

В статье автор подводя краткий итог новых открытий последних лет по так называемому гунно-сарматскому периоду Казахстана, рассматривает актуальность и степень изученности памятников «гуннов» Кегенской долины Жетысу.

Ключевые слова: Жетысу, Кеген, гунно-сарматский период, гунны, курганы

To the study of the monuments of Hun epoch in the Kegen river valley

In the article, the author summarizes the recent discoveries of last year on the so-called Hun-Sarmatian period of Kazakhstan, examines the relevance and degree of study of the monuments of the “Huns” of the Kegen valley of Jetysu.

Keywords: Jetysu, Kegen, Hun-Sarmatian period, Huns, mounds

Еуразияның Хангайдан Дунайга дейінгі белдеуінде әр тарихи кезеңдерде этно-әлеуметтік, саяси, мәдени-тарихи үрдістердің әсерінен халықтардың Ұлы қоныс аударулары орын алғаны анық. Сондай әлемдік тарихтың жарқын беттерінің біріне айналған қоныс аударулар б.д.д. II ғ. мен б.д. V ғ. дейінгі аралықты қамтыған, тарихта «ғұн-сарматтар» деп аталатын кезеңмен тікелей байланысты.

Б.д.д. II ғ. ортасынан бастап алдыңғы кезең ескерткіштеріне қарағанда түбегейлі басқаша, бірақ белгілі бір сабақтастықты сақтаған ескерткіштер тарала бастайды. Мәдени келбет те өзгереді. Әшекей заттары, қару-жарақ және ат әбзелдерінің бөлшектері полихромды стильде безендірілді. Бәлкім, бұл стильдегі әшекейлер Қазақстан аумағында б.д.д. II ғ. бастап пайда болып, ал ғұндардың енген уақытында өркендеуі мүмкін. Өнердегі бұл стиль әртүрлі этникалық топтардың және олардың алдындағы мәдениеттердің негізінде қалыптасты.

Ғұн-сарматтық мәдени көкжиекті зерттеу Қазақстан тарихында күрделі саналады және әлі күнге дейін ақтаңдаққа толы. Жаңа II мыңж. басына дейін

© **Ақан Оңғарұлы,** *ҚР Ұлттық музейінің «Халық қазынасы» ҒЗИ, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;* onggaruly.a@gmail.com

тек бірен-саран жартас жерлеулер (Қарғалы, Бурабай), обалық қорымдар (Қызылқайнартөбе, Қанаттас, Қарағаш, Лебедевка, қорғантас типіндегі обалар) мен «асарлар» ғана белгілі болды. Өткен ғасырдың 20–30 жылдары ерекше назар аударар жерлеу түрі – жартастағы жерлеулерден құнды материалдар алынды. Оған тегі «үйсіндік» деп аталатын Алматы қ. маңындағы Қарғалы өзені бойындағы Мыңошақты тау шатқалындағы жартаста басына аңдар, құстар мен адам бейнеленген диадема киген, қолына екі өркешті түйенің мүсіндік бейнелері бар екі жүзік тағынған, киімі алтын әшекейлермен безендірілген абыз әйелдің жерлеу орны (б.д.д. I ғ. – б.д. I–II ғғ.) жатады [Бернштам, 1940, 23–31-бб.; Культура саков и усуней Казахстана..., 2011, 175–176-бб.]. Б.д. IV–V ғғ. мерзімделетін тағы бір бай әйелдің жартастағы жерлеу орны Ақмола облысындағы Бурабай көлінің маңындағы қалың қарағай орман арасынан кездейсоқ табылды. Олжалардың ішінде қола қазан, құстың басы түріндегі тоға, найза, жеті жебе, бүршіктелген және түрлі-түсті тастары бар алтын тілімшелер, тас пен бүршіктері бар медальондар, моншақтар мен т.б. бар [Бернштам, 1951, 216–229-бб.].

Өздерін хуннулардың тікелей мұрагері санайтын моңғол елінде соңғы ширек ғасырда хуннулардың Ноин-уул сияқты элитарлық жерлеу ескерткіштерінің 80 астамы ашылса [Хүннүгийн түүх, соёл, 2011; Encyclopaedia Xiongnu, 2013; Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннүгийн язгууртны булшны судалгаа, 2015], Н. Н. Крадин және тағы басқа зерттеушілер тобы Моңғолиядағы хуннулардың «қалалары» (Гуадов, Заан-хошуу-1–2, Барс-хот-2) мен ашық қоныстарын (Дурены, Бороо) жаңаша анықтап, далалық зерттеу жұмыстарын бастап кетті [Крадин, 2018, 194–196-бб.].

Қазақстанның әр өңірінде соңғы 15 жылда, жоғарыда аталған мерзімдік шеңберге жататын тың ашылымдар жасалынуда [Ұлы Дала: тарих пен мәдениет..., 2019].

Торғай ойпатынан 2007 ж. жергілікті өлкетанушы Д. Дей ашып, кейіннен кәсіби түрде И. В. Шевнина мен А. В. Логвин зерттеуді бастаған, б.д.д. I ғ. мен б.д. V ғ. жататын 95 геометриялық жер бетіндегі ірі киелі ғұрыптық құрылыстар – «геоглифтер» ерекше қызығушылық тудырады [Логвин және т.б., 2018].

Каспий теңізінің жағалауынан археологтар А. Е. Астафьев пен Е. С. Богдановтың б.д. V ғ. екінші жартысы – VI ғ. басына жататын, екі жүзден астам ескерткішті Алтынқазған ғұрыптық-жерлеу кешені мен б.д. III–V ғғ. мерзімделетін Қарақабақ атты қалалық типтегі қонысты ашып зерттеуі Еуразия археологиясы үшін тосын жаңалық болды [Астафьев, Богданов, 2018; 2019].

Осындай кездейсоқ түрдегі олжалар – полихромды стильде жасалынған алтын бұйымдар б.д. III–IV ғғ. жататын ақсүйек жерлеу орнынан 2018 ж. Ақтөбе қ. маңынан бұзылған түрде табылды. Бұған қоса ақтөбелік археологтар 2007, 2017 жылдан бері мақсатты түрде ғұн-сармат кезеңіне жататын ескерткіштерді жүйелі іздестіру, жаңаша құжаттау мен қазып зерттеу жұмыстарын бастап та кетті [Бисембаев, Дуйсенгали, 2008; Бисембаев, 2019]. Дегенмен де Батыс Қазақстандағы аталған кезеңнің ең көп қазылған ескерткішіне – Лебедевка қорымы енеді. Алынған материалдар Қаратеңізді мекен еткен халықтармен байланыстың өте тығыз болғандығын аңғартады.

Шығыс Қазақстанда С. С. Черников у-гэ жұртына тән деп болжанатын құлажорға мәдениеті (б.д.д. IV–III ғғ. – б.д. I–II ғғ.) ескерткіштерін ашып, олардың таралу аймағын анықтаса [Черников, 1948], соңғы жылдары З. Самашев құлажорға мәдениеті – жеке археологиялық мәдениет болмаған, оның алғашқы мерзімдік тобын пазырықтықтардың қатардағы жұрты қалдырды, ал екінші топ ескерткіштері (тас жәшіксіз, басын батысқа қаратып жерлеу тәсілі) Жетісудағы үйсін ескерткіштерімен ұқсас деген пікір ұсынуда [Самашев, 2011, 200-б.]. Зерттеуші бүгінде Берел қорымынан «сяньбийлік» қабатты ашып зерттеуде [Самашев, 2018].

Жоғарыда қысқаша тоқталып өткен әр ашылым еліміздегі б.д.д. II ғ. мен б.д. V ғ. жататын ескерткіштерді зерттеуде жаңа заманауи әдіс пен әдістемені қолдану қажеттілігі мен алынған мағлұматтарды пәнаралық деңгейде көршілес өлкелермен салыстыра терең зерделеуді қажет етеді.

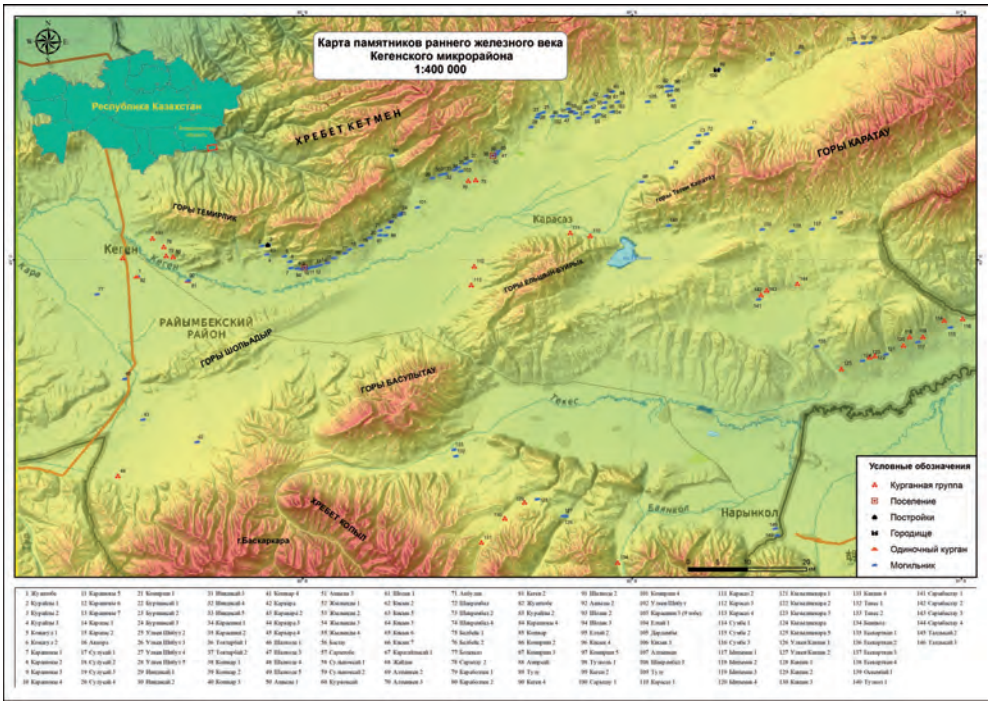
Хуннулар Қазақстан аумағына хунну шаньюйі Чжи-Чжидің үйсіндерге қарсы қаңлылармен одақ құрған кезінде (б.д.д. I ғ. екінші жартысы) және хунну державалары ыдырағаннан кейін (б.д. I ғ. ортасы) екінші рет қоныс аударды [Боталов, 2008, 248-б.].

Халықтардың қоныс аудару бағытының бірі – Жетісу, оның ішінде Тәңіртаудың солтүстігіндегі Кеген өзені аңғары болған деген болжам бар. Далалықтардың жанына жайлы, тұмса табиғатты бұл аңғар Жетісу «патшалық» сақтарының төрт ірі эпицентрінің бірі, құтты мекені болғандығы белгілі (1-сур.).

А. М. Досымбаеваның санағы бойынша, Жетісуда б.д.д. II ғ. – б.д. V ғ. жататын зерттелінген 54 қорым, 3930 жерлеу-ғұрыптық құрылымдар бар делінген [2013, 557-б.]. Алайда этникалық тегі жағынан жергілікті сақ және үйсін ескерткіштерінің ара-жігін ажырататын нақты белгілер жоқ. Ғалымдар арасында бір ортақ байлам бар, ол – лақатты-катакомбалы жерлеулер ғұндарға тиесілі [Бернштам, 1940, 27-б.; Заднепровский, 1992, 83–84-бб.].

Жетісуда б.д.д. I ғ. – б.д. IV ғ. жататын Ақтас, Әмірсай, Беріктас I атты үш қорым қазылды. К. А. Ақышев пен М. К. Хабдулина Беріктас I қорымын зерттей келе, олардың ғұндарға қатысы бар деп қорытындылады [Хабдулина, 1999, 196-б.; Хабдулина, Акишев, 2000, 316–328-бб.]. Ал Кегендегі 1962–1966 жылдары К. А. Ақышев жетекшілік еткен Жетісу археологиялық экспедициясының Ақтас 1–8 қорымында жүргізілген қазба нәтижелері (полихромдық стильде жасалған Ақтас маңдай әшекейі – колттан басқа) мен Ә. Ақышевтің өткен ғасырдың 90-шы жылдары 50 астам обалы Әмірсай қорымында жасаған зерттеу жұмыстары мен алынған материалдары әлі толық жарияланған жоқ. Диаметрлері 5–20 м, биіктіктері 0,2–2 м болатын, тас-топырақ үйінділі, жүйесіз келген обалары бар қорым тау ішіндегі екі жағы терең құз (бір жағында тау бұлағы ағуда), үсті тегіс келген алаңқайда орналасқан.

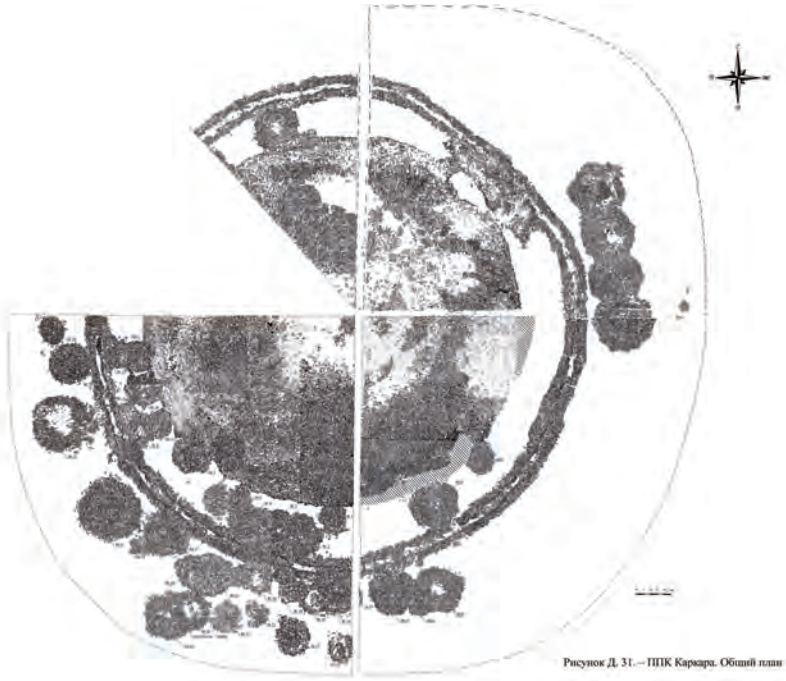
2009 ж. қазақ-герман бірлескен экспедициясы Кеген өзенінің сол жағасындағы қыратта орналасқан Кеген IV қорымында бірнеше обалар (№ 17, 27) зерттеді [Самашев және т.б., 2012, 226-б.]. Кеген IV қорымы аттас ауылдан солтүстік-шығыста 9–10 шақырымда, өзеннің шетіндегі қырда орналасқан.

Сур. 1. Кеген шағын ауданындағы ерте темір дәуірі ескерткіштерінің орналасу картасы (2019 ж. мәліметтер бойынша)

Өлшемдері 10–30 м, биіктіктері 0,5–2,5 м болатын 30 астам ретсіз түрде бірі-біріне жанаса орналасқан топырақ обалардан тұрады. Лақатты-катакомбалы жерлеу түріне жататын Кеген IV қорымының қазылған обалары б.д. III–V ғғ. мерзімделді. Бір қызығы, № 27 обадағы беткі жерлеу орындарының біріндегі мәйіттің бассүйек сақинасы тірі кезінде деформацияланғандығы анықталды. Б.д.д. I мыңж. соңында пайда болып, б.д. III–V ғғ. кең таралған бассүйекті деформациялау салтының этномәдени шығу тегі әлі беймәлім.

Біздің тараптан 2012–2015 жж. аралығында Кеген аңғарындағы Қарқара жайлауындағы таудың етегінде орналасқан ертесақтық Қарқара жерлеу-ғұрыптық кешенінің оба маңы кеңістігінде диаметрі 3,5-тен 9 м-ге дейін, сопақша пішінді 45 тас оба-қоршаулар зерттелінді (2-сур.). Қоршаудың ортасында, терең емес шұңқырда басы солтүстік, солтүстік-батысқа қарай бағытталып, арқасымен жатқызылған адам жерленген (3-сур.). Бір жағдайда шұңқырда жамбас сүйектерінен жоғары жерде үш қалақты темір жебе табылса, бірнеше жерлеу орындарында жерленген адамның желке және маңдайы тұсынан қола негізді, алтын жұқалтырмен қапталған, зигзаг пішінді бас киімнің әшекейлері ашылды. Жерленген адамның жатысы, бағыты мен табылған заттарға қарап, бұл оба-қоршаулар б.д.д. II–I ғғ. – б.д. II ғ. мерзімделеді. Алдын-ала нәтижелер үлкен сақ обасының төңірегіндегі кеңістік аумағы 5–6 ғасырдан кейін жерлеу қорымы ретінде пайдаланылғандығын көрсетсе керек [Оңғар және т.б., 2014].

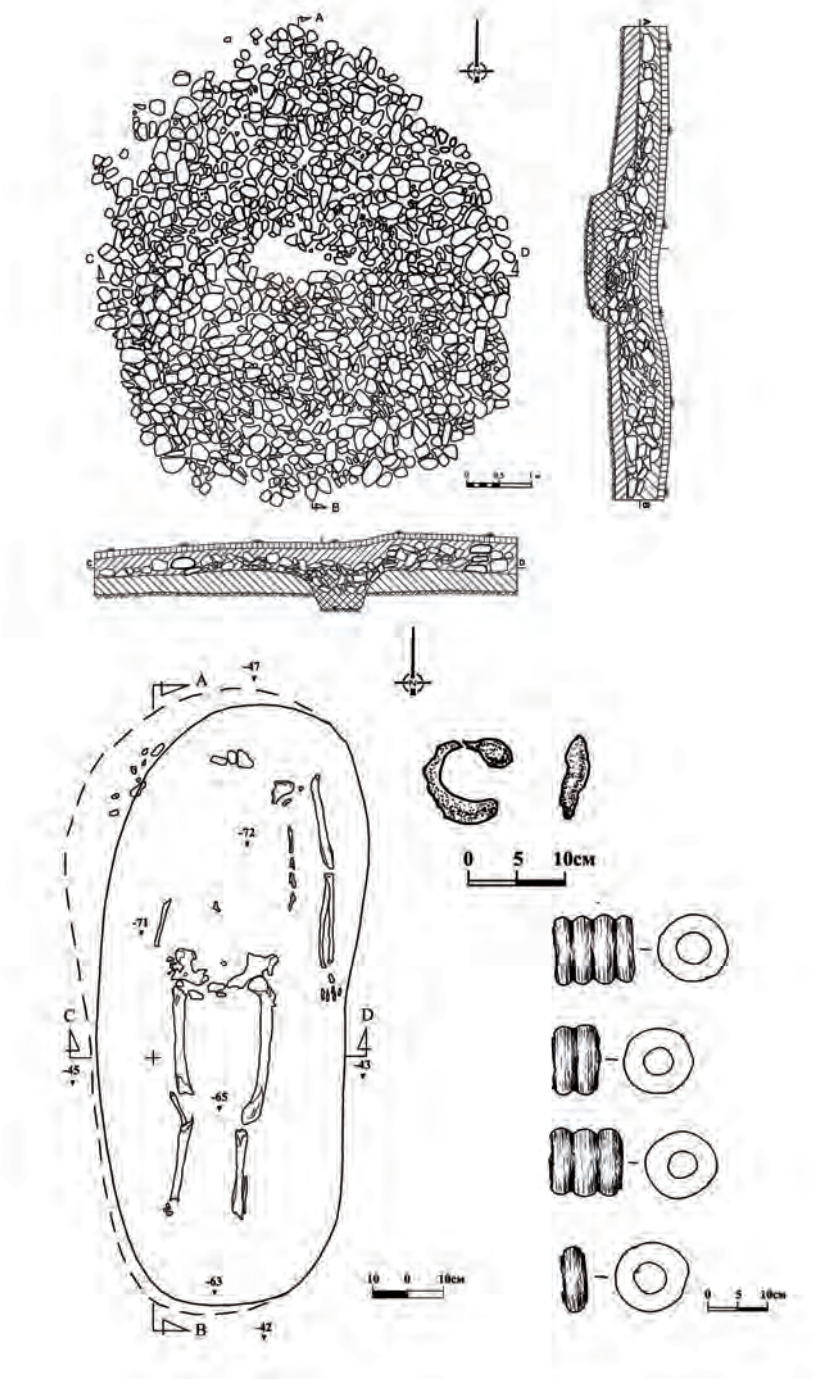

Сур. 2. Қарқара жерлеу-ғұрыптық кешенінің жалпы жоспары

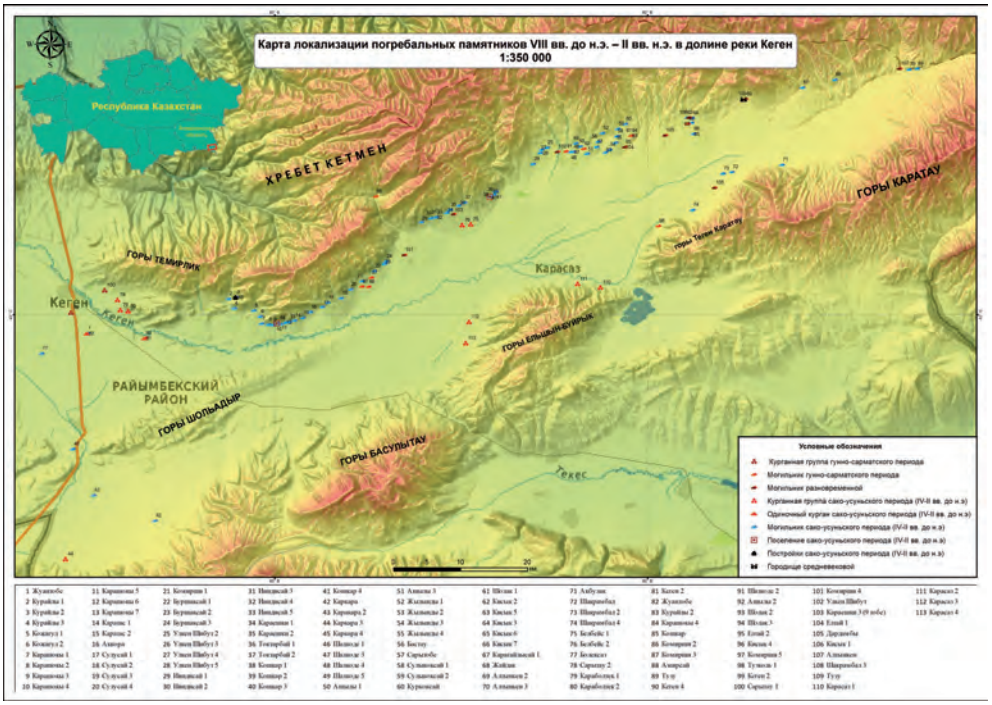
Кеген өзені аңғарын алғаш зерттеуді бастаған 1961 ж. бері Жетісу археологиялық экспедициясы, 1984 ж. Алматы археологиялық экспедициясы және 2011 ж. «Археологиялық экспертиза» ЖШС-нің Райымбек барлау отрядтары ескерткіштерді анықтап, құжаттады.

2015 ж. бері Шәлкөде жайлауындағы сақтардың Қатартөбе қорымында қазақ-корей бірлескен экспедициясы үзбей қазба жұмыстарын жасап, алғашқы нәтижелерін жариялады [카자흐스탄 제티수지역의 고분문화 (Ancient tombs in Zhetisu Kazakhstan), 2019]. Аталмыш экспедиция 2018 ж. Кеген өзені аңғарындағы б.д.д. VI–V ғ. – б.д. V ғ. жататын жерлеу-ғұрыптық ескерткіштерді барлау-іздестіру жұмыстарын мұрағаттық деректермен салыстырмалы түрде жүргізді. Нәтижесінде 113 обалар тобы мен қорымдарды тіркеді, орналасу картасын жасады (4-сур.). Табылған ескерткіштер сыртқы белгілеріне қарай үш негізгі кезеңге бөліне қарастырылды: ертесақ кезеңі (б.д.д. VII–VI ғғ.), сақ-үйсін кезеңі (б.д.д. V–II ғғ.) және «ғұн» кезеңі (б.д.д. II ғ. – б.д. V ғ.). Сонымен қатар ертетемір дәуірінен бастап ортағасырларға дейінгі уақытты қамтыған әр кезең ескерткіштері де жеке алынды. Солардың ішіндегі «ғұн» кезеңі ескерткіштерін қысқаша сипаттайық:

Елтай I қорымы (5-сур.) тау баурайындағы, жан-жағын өзендер бөлектеп тұрған биік беткейде орналасқан. Обалары топырақ үйінділі, бірі-біріне жанаса, ретсіз жайғасқан қорым екі бөліктен тұрады: оңтүстігінде дөңгелек пішінді, диаметрлері 6–25 м, биіктіктері 0,25–1,6 м 38 оба тобы мен солтүстігінде

Сур. 3. Қарқара жерлеу-ғұрыптық кешені. Оба маңы кеңістігі. № 27 оба-қоршау. Жоспарлар, қималар және табылған заттар

Сур. 4. Кеген өзені аңғарындағы б.д.д. VIII ғ. мен б.д. II ғ. жататын жерлеу ескерткіштерінің орналасу картасы

төртбұрыш пішінді, өлшемдері 12×12 м, 14×14 м, биіктіктері 0,3 м, 47 обалы топ. Оңтүстік топта шетінде оры бар ірі обалар тізбектеле жатыр. Қырық шақты тас-топырақ үйінділі *Елтай II қорымы* Шолақ өзенінен оңтүстік-шығыста 300 м жерде ретсіз орналасқан. Үйінділердің диаметрлері 5–15 м, биіктіктері 0,3–1,4 м болады.

Қырықтан астам обалы *Қисық I қорымы* (6-сур.) екі тау өзенінің қосылар сағасындағы жайпақ төбеде орналасқан. Топырақ-тас үйінділі, солтүстіктен оңтүстікке қарай созыла, бірі-біріне жанаса орналасқан облаардың диаметрлері 7–25 м, биіктіктері 0,15–0,8 м. Үйінді шетінде тас қоршауы бар обалар да кездеседі. Қорымда айналасында ені 3 м, тереңдігі 0,1 м болатын оры бар квадрат пішінді топырақ обалар да бар. Олардың өлшемдері 18×18 м, ал биіктігі 0,6 м. *Қисық IV қорымы* аттас өзеннің оң жағында, Қисық I қорымынан оңтүстікте бір шақырым жерде жайғасқан. Нысандар топырақ, тас-топырақ үйінділі және төртбұрыш пішінді. Беті тегіс, квадрат пішінді объектілердің өлшемдері 10×10×0,4 м, 12×12×0,5 м. Айналасында ені 3 м, тереңдігі 0,10–0,15 м орлар бар.

Таудан шыға беріс етегінде орналасқан *Түзу қорымында* (7-сур.) диаметрлері 5–27 м, биіктіктері 0,2–1,2 м болатын, ретсіз жатқан 50 астам топырақ үйінділі обалар бар. Қорымның батысына жанаса қарахандық бектік ортағасырлық қала жұрты бар.

Сур. 5. Елтай I қорымы. Төбеден қарағандағы көрініс

Сур. 6. Қисық I қорымы. Оңтүстіктен қарағандағы көрініс

Сур. 7. Жанында қарахан кезеңінің төртқүлі бар Түзу қорымы. Төбеден қарағандағы көрініс

Сур. 8. Көмірші V қорымы. Төбеден қарағандағы көрініс

Көмірші II қорымы диаметрлері 8–26 м, биіктіктері 0,2–2,5 м болатын 25 топырақ үйінділі, жүйесіз орналасқан обалардан тұрады. Кейбір обалардың етегі, ортасы мен үстінде ірі тастан қоршаулар байқалады. Төрт обаның шетінде ені 1,5–2 м орлар болды.

Ортасын автожол кесіп өтетін *Көмірші III қорымында* диаметрлері 6–15 м, биіктіктері 0,2–1,5 м болатын, жүйесіз жатқан 17 топырақ үйінділі обалар бар. Обалардың шетінде ені 1,5–2 м орлар да кездеседі.

Көмірші V қорымы (8-сур.) Көмірші ауылынан оңтүстік-шығыста 7 шақырым, қыстаудан солтүстік, солтүстік-батыста 400 м жерде тегіс жазықта орналасқан. Қорымдағы нысандардың негізгі бөлігі – топырақ үйінділі обалар жүйесіз орналасса, солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай бір түзу бойымен созылған обалар да бар. Обалардың диаметрлері 8–22 м, биіктіктері 0,3–1 м. Кейбір обаларда ені 2–4 м, тереңдігі 0,05–0,15 м орлар кездеседі.

Қырықтан астам тас-топырақ үйінділі обалардан тұратын *Тұзкөл I қорымы* аттас ауылдың оңтүстік-батысында 50 м жерде, таудың етегінде шашыраңқы түрде орналасқан. Үйінділердің диаметрлері 14–18 м, биіктіктері 0,3–0,8 м. Төбеде жүйесіз орналасқан *Шолақ III қорымы* 20 топырақ-тас үйінділі обалардан тұрады.

Қорытындыласақ, мақалада Қазақстандағы соңғы жылдардағы б.д.д. II ғ. мен б.д. V ғ. дейінгі уақытты қамтитын ашылымдарды қарастыра отырып, Жетісудың, соның ішінде Кеген аңғарындағы «ғұн» ескерткіштерінің зерттелуіне шолу жасауға тырыстық. Кеген аңғарындағы біздің 2012 ж. бергі үзбей жасап келе жатқан зерттеу жұмыстарымыз сақтардың элитарлық обаларымен қоса ғұн-сарматтық мәдени көкжиегінің ескерткіштерін де зерттеп зерделеу жұмыстарын жалғастыру қажеттілігін көрсетуде. Еуразияның алғашқы киіз туырлықты дала империясы атанған ғұн дәуірі мәдениетінің үлкен қабатын ашу мен зерделеуде орны бөлек, келешегі зор бағыт болып табылады.

Әдебиет

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Ритуальные сооружения гуннского времени на Мангышлаке // Stratum plus. 2018. № 4. С. 347-369.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // Stratum plus. 2019. № 4. С. 17-38.

Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинка // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л.: [б.и.], 1940. 34 с.

Бернштам А.Н. Находки у оз. Борового в Казахстане // СМАЭ. 1951. Т. XIII. С. 216-229.

Бисембаев А.А. Гунны у границ Европы // Великая степь: история и культура. Т. IV. Великое кочевание: наследие гуннов и сарматов в вещах и идеях. Каталог выставки. Под ред. А. Онгарулы. Нур-Султан: Национальный музей РК, 2019. С. 85-90.

Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н. Новые материалы гуннского времени с территории Актюбинской области // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 99-101.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). Челябинск: ООО «ЦИКР «Рифей»», 2008. 672 с.

Досымбаева А.М. Усуньский археокультурный аспект в истории гуннов и тюрков Центральной Евразии // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. статей. Челябинск: изд. центр ЮУрГУ, 2013. С. 545-629.

Заднепровский Ю.А. Семиречье, Тянь-Шань, Фергана и Памир. Усуньский период // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР в 20-ти томах. М.: Наука, 1992. Т. 10. С. 73-101.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1959. Т. 8. С. 162-203.

Козырев А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.

Крадин Н.Н. Динамика урбанизационных процессов в империях Внутренней Азии // 2018 Asian Archaeology 국제학술심포지엄 –유라시아의 고대문화 최신 발굴성과- Daejon, 2018. С. 194-196.

Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Алматы: «Өнер», 2011. С. 175-196.

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М., Нетета А.В. Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая. Костанай: лаборатория археологических исследований Костанайского госуниверситета им. А. Байтурсынова, 2018. 132 с.

Онгар А., Киясбек Г., Хасенова Б., Бесетаев Б., Кожахметов Б. Новые результаты исследования погребально-поминального комплекса Каркара (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Всадники Великой Степи: традиции и новации. Астана: ФИА, 2014. С. 29-58.

Самашев З., Парцингер Г., Наглер А., Кариев Е., Чотбаев А., Навrот М., Боровка Р., Хойсснер А. Предварительные результаты исследований казахстанско-германской экспедиции в 2009 г. // Маргулановские чтения–2012: матер. ежегодн. науч.-практ. конф. Астана: ФИА, 2012. С. 226-240.

Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Самашев З. Выкладки-оградки периода Сяньби на Береле // Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі. Өскемен, 2018. С. 8-14.

Ұлы Дала: тарих пен мәдениет. IV-том. Ұлы көш: бұйымдар мен идеялардағы ғұндар мен сарматтардың мұралары. Көрме каталогы. The Great Steppe: history and culture. Vol. IV. The Great Navigation: heritage of the hunes and sarmates in things and ideas. The exhibition catalogue. Великая степь: история и культура. Т. IV. Великое кочевание: наследие гуннов и сарматов в вещах и идеях. Каталог выставки. Под ред. А. Онгарулы. Нур-Султан: Национальный музей РК, 2019. 308 б.

Хабдулина М.К. Хуннские могильники на пути миграции на запад // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. Челябинск: ЧелГУ, 1999. С. 195-198.

Хабдулина М.К., Акишев А.К. Хуннский могильник Бериктас I // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М.: «ГЕОС», 2000. С. 316-328.

Черников С.С. Отчет об археологических исследованиях на территории ВКО за 1948 г. // Арив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 1123, л. 1–7.

Балгасын тал дахь Гол Мод-2-ын хүннүгийн язгуртны булшны судалгаа. Улаанбаатар, 2015. 255 т.

Хүннүгийн түүх, соёл (хамтын бүтээл, хянан нягталсан Ж. Болдбаатар, П. Дэлгэржаргал). Улаанбаатар: ШУА-гийн Түүхийн хүрээлэн, МУИСийн Түүхийн тэнхим. Улаан-баатар, 2011. 410 т.

Encyclopaedia Xiongnu. Ulaanbaatar: Institute of archaeology, Mongolian Academy science, 2013. 288 p.

카자흐스탄 제티수지역의 고분문화 (Ancient tombs in Zhetisu Kazakhstan). Daejeon: National Research Institute of Cultural Heritage, National Museum of the Republic of Kazakhstan, 2019. 400 p. (in Korean).

Б. А. Байтанаев, А. А. Ергешбаев, А. Х. Шаяхметов, Н. Б. Бейсенов, Ж. Ж. Сулейменова, А. Б. Байтанаева, Е. Б. Байтанаев

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ИСПИДЖАБСКОГО ОКРУГА в 2019 году

Целью данной работы является освещение изучения памятников Караултобе Испиджабского округа и отрезка «длинной стены» Испиджаба. В работе приведены результаты разведочных и раскопочных археологических работ за 2019 г. Для обследования памятников использовались методы наземной и воздушной разведки. В ходе раскопок применялись стратиграфические шурфы и раскопы. Объектами исследования являлись памятники в виде сооружений оборонительного характера. Стратиграфические данные показали, что исследуемые объекты представляют собой искусственно возведенные сооружения.

Ключевые слова: Караултобе, длинные стены, стратиграфия, разведочные работы, раскопочные работы, средневековье, археология

2019 жылы Испиджаб аймағындағы қорғаныс құрылыстарға жүргізілген зерттеулер

Аталмыш жұмыстың мақсаты Испиджаб аумағындағы Қарауылтөбе тектес ескерткіштердің және Испиджабтың ұзын қорғанды қабырғаларының зерттелуін ғылыми айналымға енгізу болып табылады. Мұнда 2019 жылғы жүргізілген барлау және қазба жұмыстарының нәтижелері баяндалған. Ескерткіштерді зерттеу жұмыстары жерден және әуеден барлау әдісі бойынша жүргізілді. Қазба жұмысының барысында стратиграфиялық кесінділер мен қазбалар қолданылды. Зерттеу нысаны ретінде қорғаныс сипаты бар құрылымдар негізге алынды. Стратиграфиялық мәліметтер

© Бауыржан А.Байтанаев, Азамат А. Ергешбаев, Анатолий Х. Шаяхметов, Нуржан Б. Бейсенов, Жанна Ж. Сулейменова, Асель Б. Байтанаева, Елнар Б. Байтанаев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан; aza.kz.85@mail.ru; toliktommy@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05133957

зерттеліп отырған нысандардың әртүрлі өлшемде салынған құрылыстар екендігін көрсетіп отыр.

Түйін сөздер: Қарауылтөбе, «ұзын қорғанды» қабырғалар, стратиграфия, барлау жұмыстары, қазба жұмыстары, орта ғасыр, археология

Research of fortified structures of Ispijab district in 2019

The purpose of this work is to cover the study of the monuments of Karaultobe of the Ispijab district and the section of the “long wall” of Ispijab. The work contains the results of exploration and excavation archaeological works for 2019. Ground and air reconnaissance techniques were used to survey the monuments. Stratigraphic test pits and diggings were used during excavations. The objects of the study were monuments in the form of defensive structures. Stratigraphic data showed that the objects under study were artificially erected structures of different sizes.

Keywords: Karaultobe, long walls, stratigraphy, exploration, excavation, Middle Ages, archaeology

Совсем недавно было начато археологическое изучение памятников типа Караултобе в Испиджабском историко-культурном округе на территории Туркестанской области. В результате проведенных исследований в 2018–2019 гг. было выявлено 65 памятников типа Караултобе и сторожевых башен. В процессе изучения памятников типа Караултобе и сторожевых башен возник вопрос о способе их функционирования в общей системе обороны округа Испиджаб.

Развитие фортификационных сооружений в Испиджабском округе произошло в результате часто меняющейся политической ситуации в регионе в эпоху раннего и развитого средневековья. Важную роль играло очень близкое положение Испиджабского оазиса по отношению к Великой степи. Кочевники были большой и опасной силой во время конфликтов, против них возводились стены и укрепления, но в то же время создавались и торговые фактории. Степь с их жителями была не только большим и ценным рынком сбыта товаров различного назначения, но и поставщиком дорогой и массовой продукции. Дальнейшей модернизации фортификационных сооружений способствовала в основном сменяющаяся в зависимости от места географическая среда: имелись обширные территории с открытыми пространствами и плодородные долины рек с плохим обзором.

В начале исследования возник вопрос о принципах формирования городской застройки в Средней Азии и их взаимодействия с фортификационными сооружениями. Полная информация о данном процессе была получена при изучении Шашского историко-культурного округа, соседнего Испиджабскому. Общеизвестно, что средневековый город Средней Азии имел составные части. Исторически, в период X–XI вв., меняется принцип формирования городов и городской застройки. Для раннесредневекового города характерно двухчастное деление – цитадель, то есть резиденция правителя и, собственно, сам город с населением. С приходом в регион ислама и наместников халифата черты города меняются. Появляется трехчастное деление за счет обведения стенами пригорода – рабада. Новое деление подразумевало наличие цитадели

– кухендиза, внутреннего города – медины (шахристана) и рабада с торгово-ремесленными точками [Филанович, 2007, с. 69]. Подобное деление характерно и для городов Испиджабского историко-культурного округа. Изменение городской топографии и необходимость наличия мощных фортификационных сооружений связано с историческими процессами на данной территории. Для защиты городов вне их территории в средневековый период, по мнению В. А. Лаврова, использовались три типа оборонительных сооружений: рибаты с небольшим гарнизоном из местного населения, которые были усилены стенами, караван-сараи со строениями вдоль стен и хисны, защищавшие подступы к городу [1950, с. 79]. Понятно, что в результате стремительных политических событий, часто приводящих к войнам, городские центры имели вблизи от своих границ специальные поселения с гарнизонами – рибаты. В общих чертах развитие города происходило в результате увеличения количества населения и производящих сил, что приводило к увеличению и составных частей. Таким образом, проходил процесс урбанизации города и возникновения городских центров региона.

Длинные стены нынешней Туркестанской области также изучались исследователями в прошлом. Н. П. Остроумов еще в 1867 г. первым среди исследователей зарегистрировал длинные стены вокруг городища Сайрам [Кожемяко, 1959, с. 170]. Исследования, проведенные на городище Сайрам П. П. Ивановым и М. Е. Массоном в начале XX в., показали на тот момент наличие длинных стен у южной окраины поселка [Иванов, 1927, с. 157-158; Массон, 1928, с. 39-40]. Во время работы над докторской диссертацией Б. А. Байтанаевым были собраны опросные сведения местного населения вблизи Сайрама. Выяснилось, что непосредственно из правого берега Сайрамсу строго на север через Мартобе ранее проходила древняя внешняя стена городища Сайрам, которая огибала сады и посевы поселка по высотам. Можно предположить, планировка уже сформировавшегося в период средневековья бугра была осуществлена во время строительства внешней стены городища Сайрам, так как аналогичная ситуация зафиксирована по отношению к поселению Улыктобе [Байтанаев, 2008, с. 140].

Регион средней Сырдарьи и, в частности, Испиджабский историко-культурный округ был присоединен к халифату относительно поздно. С середины IX в. арабские наместники в Хорасане предпринимают активные военные и экономические меры на северных границах покоренных территорий. В этих местах сосредоточились отряды газиев – борцов за веру ислама. В присырдарьинской зоне возникают укрепленные форты – рабаты. Способствовал продвижению арабо-мусульманской культуры, с точкой отсчета в 840 г., поход Нуха ибн Асада в Испиджаб [Бартольд, 1963, с. 268]. Благодаря источникам известно, что в процессе проникновения ислама в Среднюю Азию некоторые города были обнесены длинными стенами. По утверждениям ряда арабских географов, Испиджаб становится великой пограничной крепостью и местом войны за веру [Волин, 1949, с. 187]. Известный средневековый ученый Ал-Белазури утверждал, что Нух ибн Асад после карательного похода

против тюрков окружил Испиджаб и его рабады длинной стеной в IX в. [Волин, 1949, с. 176]. Авторы позднего средневековья в своих трудах отмечают неприступность Испиджаба. В ходе внутренней борьбы у шейбанидов между Абдаллах-ханом II и Баба-султаном Хафиз Тыныш, следовавший вместе с Абдаллах-ханом в походе на Сайрам, пишет: «Сайрам, который в исторических сочинениях пишется Испиджаб, был крепостью, укрепленной до такой степени, что мысль была бессильной предоставить себе завоевать ее…» [Материалы по истории…, 1969, с. 252–257].

Археологической разведкой 2019 г. были обнаружены памятники Караултобе, среди них выделяются Караултобе Сайрам-2 и серия Караултобе Кызылсу (рис. 1). Очень важным было нахождение еще одного Караултобе в непосредственной близости к Испиджабу-Сайраму. Караултобе Сайрам-1 был обнаружен ранее и на нем были проведены исследовательские работы, о которых упоминается выше. Караултобе Сайрам-2 является единым комплексом системы предупреждения городища Сайрам вместе с Караултобе Сайрам-1. Данная система предупреждения находилась с северной стороны от городища Сайрам.

Караултобе Сайрам-2 был обнаружен в северо-восточной части бывшего поселка Сайрам, ныне входящего в состав города Шымкент. Караултобе находится на высокой террасе древнего русла реки. Караултобе Сайрам-2 сильно потревожен современной хозяйственной деятельностью. Диаметр Караултобе 30–40 м. Высота – около 3 м. Южная и западная части пологие. Северный и северо-восточный склоны крутые, с наибольшей высотой. С южной стороны в топографии фиксируется своеобразный пандус.

Серия Караултобе Кызылсу состоит из шести памятников. Караултобе Кызылсу-1 был обнаружен в ходе разведок левой надпойменной террасы арыка Кызылсу. Находится Караултобе на правой террасе древнего русла, в нескольких километрах от Караултобе Сайрам-2. Диаметр Караултобе 30–35 м. Высота – 3 м. Памятник имеет форму неправильного многоугольника. Памятник имеет форму трапеции. Большая часть Караултобе в северной стороне имеет крутой склон. К северо-востоку, в 1 км от памятника, в долине присутствует поселение средневекового периода. Караултобе Кызылсу-2 находится в глубине террасы, на одном из обрывов. Памятник Караултобе Кызылсу-2 имеет форму неправильного многоугольника. Караултобе был возведен в 350 м к западу от Караултобе Кызылсу-1. В профиле Караултобе имеет форму трапеции. Северный край памятника более крутой. Караултобе находится на территории между двумя усадьбами средневекового периода. Высота памятника 2–2,3 м. Диаметр – 35 м. Караултобе Кызылсу-3 расположен в 500 м к западу от Кызылсу-1. Караултобе находится на террасе, которую с севера окаймляет овраг, а с юга - долина древнего русла. Караултобе имеет трапециевидную форму с крутым северным склоном. Высота памятника – 3 м. Диаметр – около 30 м. Южный склон открыт в сторону Караултобе Сайрам-1, 2. Караултобе Кызылсу-4 расположен в 650 м к западу от Караултобе Кызылсу-3. Караултобе по форме прямоугольный, ближе к трапеции. Северный склон у памятника более крутой.

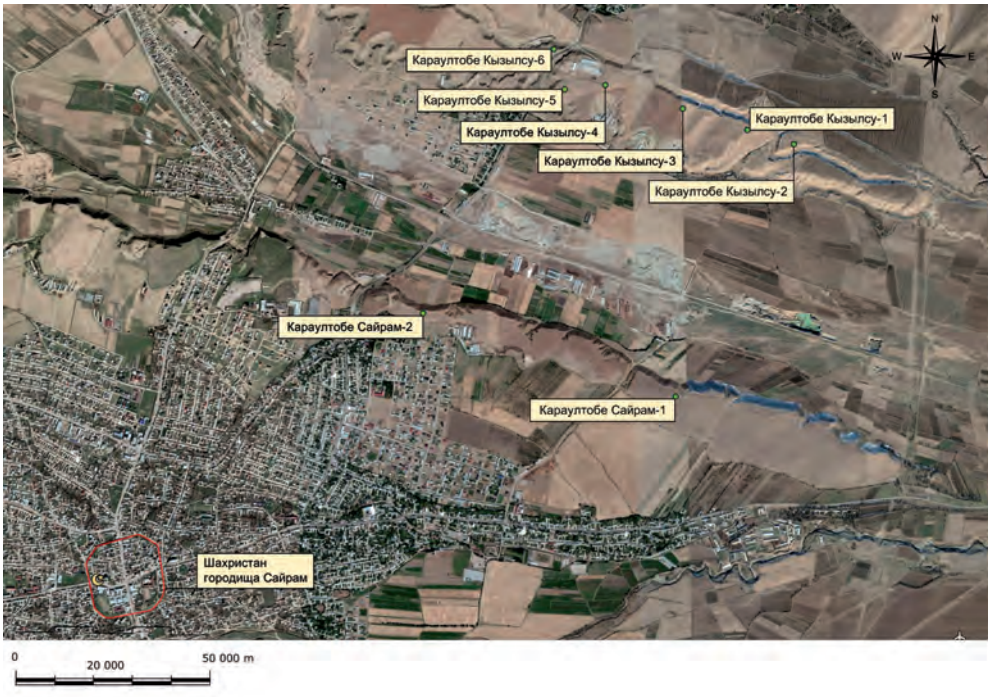

Рис. 1. Карта Караултобе Сайрам 1-2 и Кызылсу 1-6

Высота Караултобе – 2,5–3 м. Диаметр около 35 м. Следующие два Караултобе в комплексе Кызылсу представлены малыми дозорными пунктами. Данные памятники были воздвигнуты с целью охвата большей территории наблюдения в овражистой местности. Караултобе Кызылсу-5 имеет направление, схожее с предыдущими памятниками. Расположен памятник на террасе, выше древнего русла. Возведение Караултобе похоже на вторичное использование кургана. Верхняя площадка выполнена в виде многоугольника. Диаметр данного Караултобе – 25–30 м. Высота около 1,5 м. Караултобе Кызылсу-6 расположен на соседней гряде. Гряды разделяет существующая автодорога. Памятник представляет собой дозорный пункт, который воздвигнут с целью просмотра труднодоступной овражной местности. Караултобе имеет форму неправильного многоугольника, чуть приплюснутую сверху. Северный склон чуть круче, нежели южный. Высота 1,2–1,5 м. Диаметр около 20 м.

Следующим этапом изучения памятников оборонительного характера вблизи Сайрама-Испиджаба стали раскопочные работы. Археологические раскопки проводились на трех Караултобе и на северном отрезке длинной стены. Памятник типа Караултобе Сайрам-2, как уже выше упоминалось, расположен на краю террасы правого рукава реки Сайрамсу. Река огибает современный жилой массив «Сайрам», в городе Шымкент. К югу, в 1,5–2 км, расположена насыпь шахристана городища Сайрам. На Караултобе Сайрам-2 был заложен шурф в северо-восточной части. Эта часть Караултобе распахана

меньше всего и имеет максимальную сохранность. Шурф в ходе работ был углублен до уровня середины VIII яруса - 3,7–3,8 м от верхней точки. Во время раскопок были зафиксированы профили, в которых имеются разнообразные по своей характеристике слои (рис. 2).

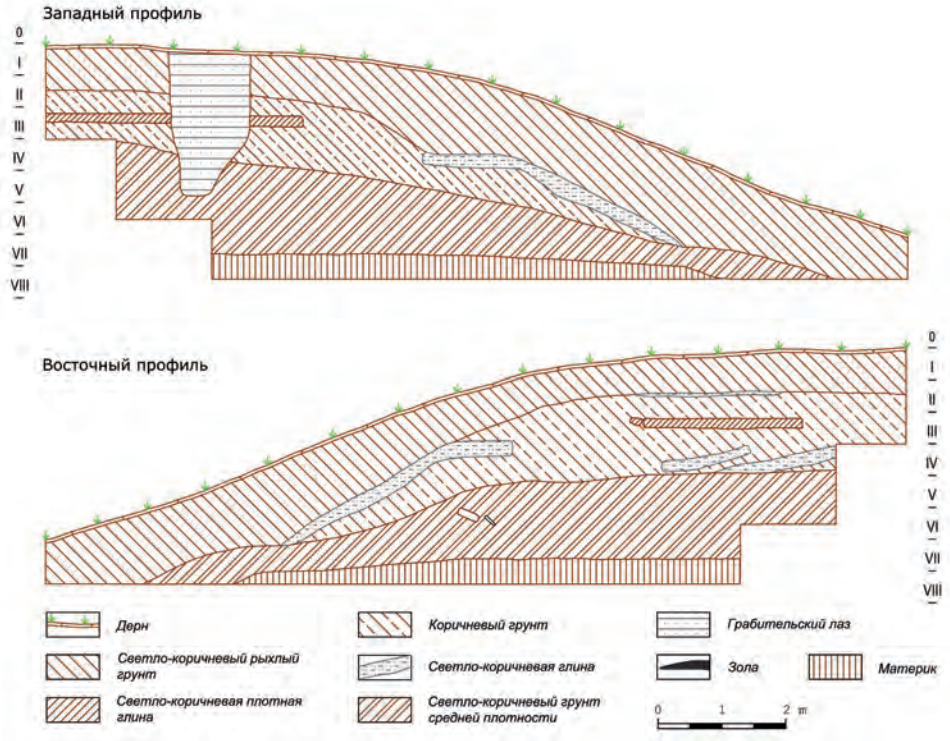

Рис. 2. Стратиграфия Караултобе Сайрам-2

Профили характеризуются следующими наслоениями: дерн, плодородный слой, глиняный «панцирь-рубашка», условный слой нивелировки, насыпной слой, условный материк. Дерн фиксируется по склону, толщиной не более 0,1 м с высоким травостоем на момент раскопок. Надувной плодородный грунт продолжается по уровню II яруса. Надувной грунт состоял из двух прослоек разной фактуры. Верхняя прослойка – коричневый грунт рыхлый по структуре. Ниже – светло-коричневый грунт средней плотности. С начала III яруса имеется усиление насыпи в виде прослойки, состоящей из глиняных блоков с последующей трамбовкой. Толщина данного слоя – около 0,4 м, но не более 0,5 м. В начале IV яруса имеются следы нивелировки насыпи перед усилением, возможно с трамбовкой под глиняные блоки. Толщина данной прослойки – 0,25–0,3 м. По уровню V яруса – середины VII яруса тянется насыпной грунт средний по плотности с включением примесей карбонатов и кальцитов. Во второй половине VII яруса – начала VIII яруса тянется материковый грунт. В самой высокой части в западном профиле на глубине 1 м и до глубины

2,3 м фиксируется грабительский лаз в виде заполнения коричневым грунтом средней плотности. «Рубашка-панцирь» в западной части чуть толще – около 1 м. Стоит отметить ступенчатость всего северного склона Караултобе.

Выше отмечалось, что в предместьях городища Испиджаб, в северной его оконечности, был обнаружен отрезок стены, который окаймлял внешние границы значительно расширенного рабада. Этот отрезок стены находился непосредственно рядом с Караултобе Сайрам-2. Восточнее данного Караултобе присутствовали вытянутые всхолмления по краю обрыва террасы. Изначально предполагалось, что данные возвышения – это либо отвалы от распашки поля, либо остатки длинных стен. Части изучаемого объекта вытянуты по оси З–В от Караултобе Сайрам-2 в сторону Караултобе Сайрам-1. Для подтверждения наличия стен были заложены стратиграфические шурфы (рис. 3). Шурфы разрезали предполагаемую стену в направлении С–Ю. Шурф-1 был заложен

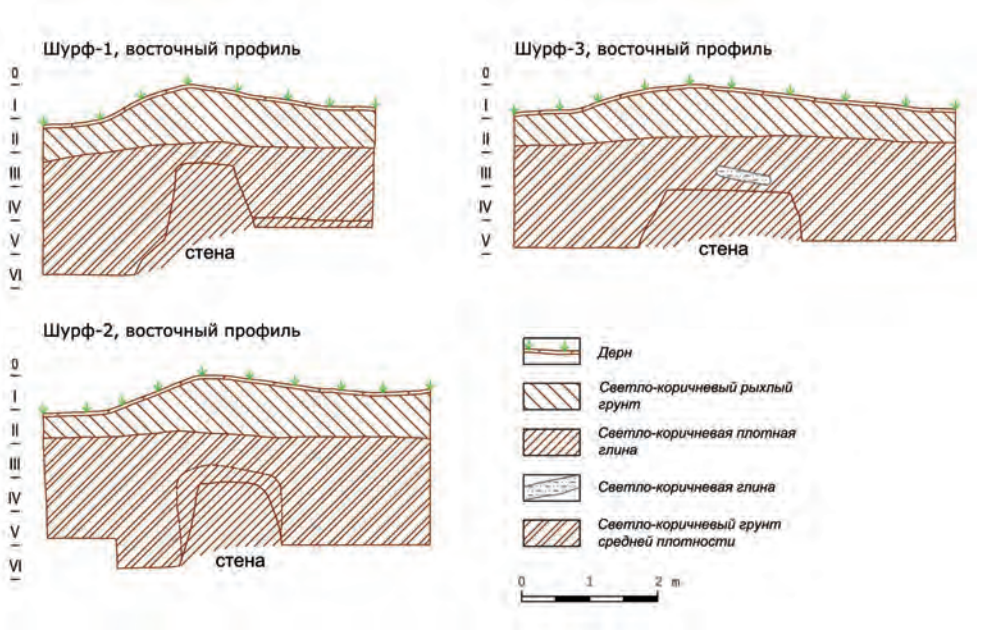

Рис. 3. Стратиграфия северного отрезка длинной стены

восточнее Караултобе Сайрам-2. Расположен шурф на вершине увала, на месте предполагаемой стены. В шурфе обнаружена глинобитная стена высокой плотности, точнее, обнажен ее отрезок. Стена в верхней части имеет ширину 1–1,2 м, книзу стена расширяется. С юга к стене примыкала площадка, возможно, оборонительного характера. Шурф-2 был заложен восточнее шурфа-1. Шурф также расположен на вершине увала. На глубине чуть более 1 м от дневной поверхности обнаружена конструкция стены, которая имеет высоту, как минимум, 1 м с северной стороны. Шурф-3 расположен в непосредственной близости к Караултобе Сайрам-2, в 25–30 м к востоку от него. В шурфе на глубине 1,5 м обнаружены остатки длинной стены шириной около 2 м. Стена

в разрезе имеет форму неправильного четырехугольника – трапеции. В итоге становится понятно, что толщина стены на северном ее отрезке не очень большая – 1,5–2 м. Высота стен имеет плохую сохранность, в связи с расположением по краю сельскохозяйственных участков. Фиксируемая высота стен – около 1 м. Недавние работы на участке длинной стены около городища Караспан показали, что на относительно ровной местности толщина стены и ее высота были значительными – конструкция около 7 м в ширину и высотой с сохранностью чуть менее 2 м [Ергешбаев, 2010, с. 166]. Структура же длинной стены Испиджаба пока что представляется в виде укрепленной глинобитной конструкции с площадкой, примыкавшей к стене с внутренней южной стороны. Северная сторона стены находится практически у обрыва. Мы можем предположить, что стена на этом отрезке, в отличие от стены на равнинной местности, и не должна была быть очень высокой и обладать большой толщиной. Именно расположение стены вдоль обрывистого склона делало ее еще более неприступной, а наличие в системе караульных сооружений позволяло в короткие сроки собрать силы для обороны определенного участка.

Раскопочные работы на Караултобе Кызылсу-3 предполагали закладку стратиграфического шурфа в северной части. Шурф разрезал северный край памятника в направлении Ю–С. Длина шурфа – 11 м. Ширина шурфа – 1,8 м. Шурф был углублен до начала IX яруса. Фиксируется общая развертка слоев стратиграфии. Имеются восточный, западный и южный профили. Самый презентабельный и информационно насыщенный профиль – западный и южный. Отметим, что в восточном профиле по уровню I–V ярусов в центральной части имелась грабительская воронка, оставленная недавно на территории памятника. Стратиграфическая характеристика памятника такова:

I ярус в верхней части – дерн толщиной менее 0,1 м. Ниже до уровня конца III яруса имеется однородный слой коричневого грунта – надувной слой (слой распахан). С конца III и до конца VII яруса тянется рукотворная конструкция Караултобе в виде прослоек по 0,5 м в толщину. Первая прослойка в виде тонкого слоя уплотненного светло-коричневого грунта толщиной около 0,1–0,2 м. Ниже – слой темно-коричневого грунта толщиной около 0,4–0,5 м. В нем имеются фрагменты светло-коричневого грунта. Еще ниже – слой темно-коричневого грунта, который условно разделен на два участка по 0,5 м в связи с наличием светлых прослоек в верхней его части. Ниже и до конца шурфа тянется слой материкового (условного материка, стерильного по состоянию) слоя. Также был обнаружен костяк по уровню IV яруса и фрагменты угля по уровню VI яруса.

Раскопочные работы на Караултобе Кызылсу-4 предполагали закладку шурфа по северному краю холма. Площадь шурфа – 9,5×2 м. Фиксируется профиль, состоящий из трех отрезков: восточного, южного и западного. Наслоения в данном месте просты по структуре. Восточный профиль и западный профиль по структуре идентичны. Верхний слой – дерн толщиной не более 5 см. Ниже залегает слой однородный по структуре с I по конец III яруса.

В начале IV яруса фиксируются блоки из уплотненного грунта. Толщина данной прослойки – 0,2–0,25 м. Фиксируется она только в средней части восточного профиля на 1 м. Ниже, на середине IV яруса, начинается слой уплотненного грунта светлого цвета толщиной около 0,2–0,3 м. Тянется данный слой вниз по склону до конца V – начала VI яруса. С VI по VIII ярусы имеется слой – заполнение. Самые нижние слои скорее всего связаны с насыпью кургана. С начала VII яруса начинается условный материковый слой. С уровня VIII яруса начинается условный материк. Южный профиль представлен невыразительно. Верхний слой в шурфе – рыхлый. Нижний – средней плотности. В средней части – значительное уплотнение. В восточном профиле в верхней части VI яруса имеются тонкие прослойки светлого по цвету грунта.

Памятник типа Караултобе Сайрам-1 был ранее исследован в ходе непродолжительной экспедиции в 2007 г. С целью скорректировать результаты и полностью изучить стратиграфию данного памятника, а также собрать коллекцию находок, раскопки было решено возобновить. На памятнике был заложен шурф в северной части (рис. 4). Направление шурфа – С–Ю. Стратиграфическая характеристика памятника представлена довольно-таки мощными напластованиями. По склону фиксируется дерн, под которым имелся надувной слой толщиной 1–1,5 м. Под надувным слоем – слой уплотнения. Данный слой в восточном профиле фиксируется до V яруса. По уровню VI–VII яруса начинают фиксироваться тонкие прослойки темно-коричневого цвета

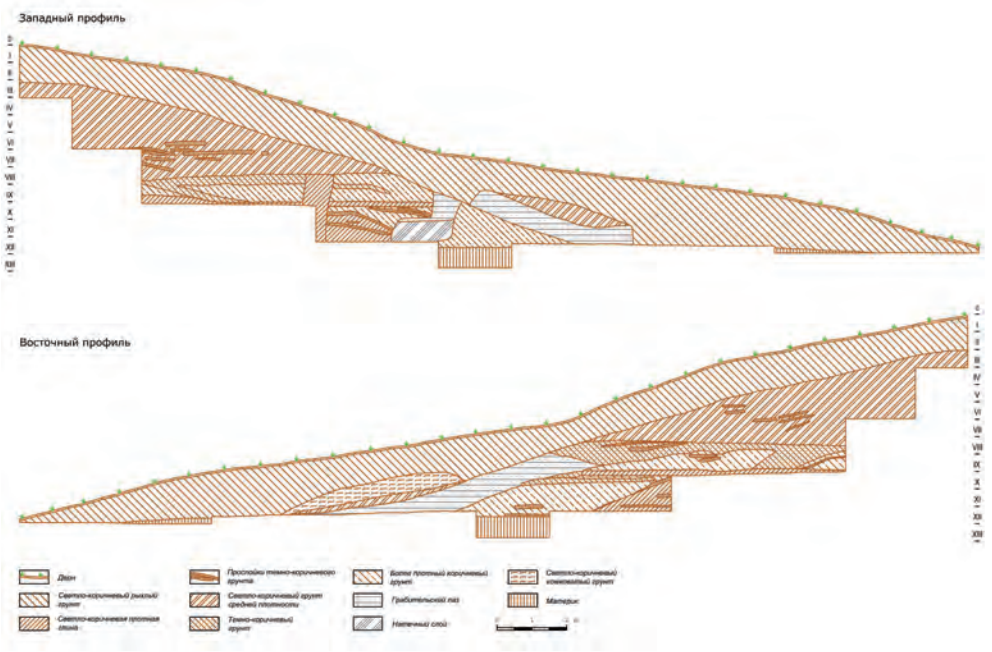

Рис. 4. Стратиграфия Караултобе Сайрам-1

в уплотнении. Начиная с I и до начала VIII яруса, фиксируется один слой коричневого грунта, рыхлого в верхней части и уплотненного в нижней части. Начиная с середины VIII яруса, ближе к центру, фиксируется изменение цвета грунта и его фактура. До конца IX яруса в центральной части фиксируется потемнение прослоек. Ближе к краю в районе потемнения грунта фиксируется подобие выравненной платформы. Начиная с X яруса, в восточном профиле фиксируется забутовка в виде глиняных блоков толщиной около 25 см. Ниже фиксируются перемешанные повторяющиеся слои темного и светлого цветов с уплотнением. В западном профиле, в отличие от восточного, фиксируется уплотнение по уровню VII–VIII ярусов. Ближе к краю платформы фиксируется «тумба» по уровню IX–X ярусов. Данная конструкция, скорее всего, предназначалась для укрепления толщи грунта, своего рода свая из глины. За тумбой в северную сторону фиксируется натечный слой. Далее еще севернее в профиле фиксируется грабительский раскоп по уровню X–XI ярусов. Ниже, по уровню XII яруса фиксируется предматериковый грунт. Сравнительный анализ результатов работ с изученными холмами, таких как Караултобе Сайрама и Шымкента, показывает, что при возведении этих холмов предварительно была подготовлена основа. Она представляла собой отдельные прослойки, между которыми шел плотный утрамбованный слой-горизонт [Байтанаев, Ергешбаев, 2010]. Чередуя эти слои, добивались определенной высоты. Важно отметить, что в насыпи холмов выделяются этапы строительства. Это довольно плотная заготовка, поверх которой идет насыпной грунт, образовавший общие контуры будущего бугра памятника.

Археологические находки с Караултобе Сайрам-2, участка длинной стены и Караултобе Кызылсу-3, 4 представлены изделиями из металла – наконечники стрел, ножи, украшения.

Наконечники стрел с территории, прилегающей к отрезку длинной стены, обнаружены в количестве более 15 экз. Все наконечники черешковые, выполнены из железа. Были определены четыре группы наконечников. Самой массовой группой являются четырехгранные наконечники (рис. 5, *1–10*). Наконечники выделяются различными размерами и, соответственно, разными массами. Длина наконечников колеблется от 4 до 8 см. Встречено два подтипа подобных наконечников – ромбовидные и квадратные. По назначению данные наконечники – бронебойные. Также встречены наконечники с тремя гранями (рис. 5, *11–13*). Подобные наконечники также предназначались для поражения противника в броне. Имеется наконечник с тремя лопастями (рис. 5, *14*). Подобные наконечники предназначались для поражения умелыми стрелками одиночных целей. Наконечники этого типа являлись сложными в изготовлении. Также имеется один плоский наконечник (рис. 5, *15*). Наконечники этого типа использовались при массированной атаке сгруппированных целей. Представленные наконечники стрел в Центральной Азии использовались на протяжении нескольких столетий. Трехлопастные наконечники были в обиходе в IX–X вв. Особенно интересными являются бронебойные экземпляры с ромбической и треугольной монолитной головкой. Эти наконечники состояли на вооружении вплоть до XI–XII вв. [Худяков, 1980, с. 99–101].

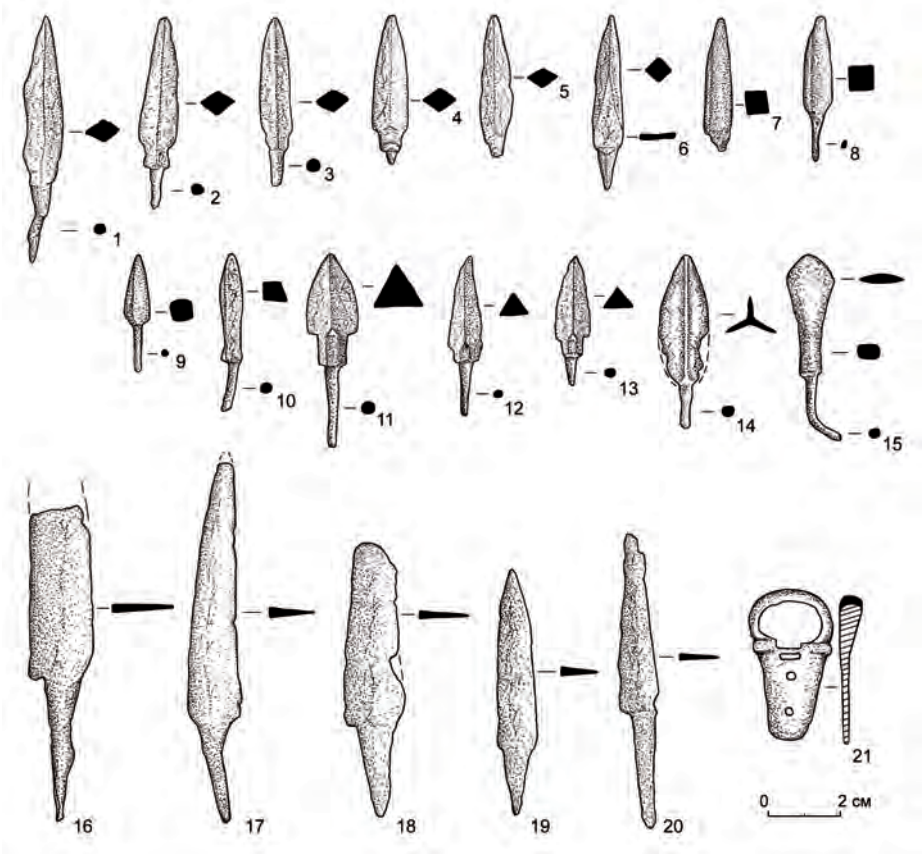

Рис. 5. Металлические находки, обнаруженные южнее северного отрезка длинной стены

Ножи представлены 5 экз. (рис. 5, *16–20*). Сделаны данные ножи из железа, заточка в виде клина. Первый нож – имел длину более 12 см, но большая часть ножа была утеряна. Толщина спинки – около 3 мм. Второй нож – длиной около 8 см и с толщиной спинки в 4 мм. Третий нож имел длину более 10 см, сохранился он также не полностью. Толщина спинки у данного ножа – около 3 мм. Четвертый обнаруженный клинок имеет длину около 6 см и толщину спинки – 4 мм. Пятый нож имеет длину 5,5 см и толщину спинки около 3 мм. Для монгольского времени размеры боевого ножа условно приняты с длиной клинка более 10 см [Акматов, 2017, с. 82]. В случае с первым и третьим ножом можно утверждать, что они использовались в качестве универсальных, как боевых, так и хозяйственных. Три остальных ножа с небольшим, но утолщенным лезвием использовались в качестве хозяйственных. Также имеется фрагмент железной пряжки (рис. 5, *21*). Подобные пряжки с язычками и закругленным концом применялись для крепления подпруг лошади либо седельных сумок. Размеры данной пряжки небольшие – 4,5×2 см.

Керамики на раскопанных территориях не много, в основном небольшое количество фрагментов, характерных для средневековой эпохи – X–XII и XIII–XIV вв. Из слоев Караултобе Сайрам-2 было выявлено несколько фрагментов керамики. На уровне III яруса в шурфе обнаружен фрагмент донца водоносного кувшина. Данный фрагмент имеет дисковидный поддон. Керамика станковая. На внешней поверхности имеются следы ангоба коричневого цвета (рис. 6, *1*). Также в самих слоях этого Караултобе обнаружен фрагмент чаши с белым фоном.

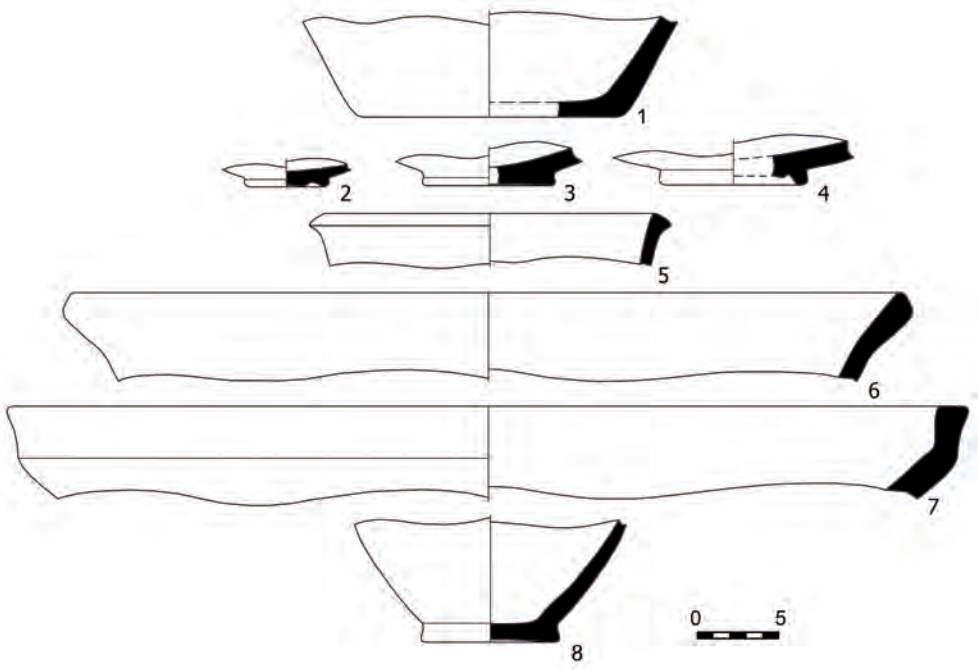

Рис. 6. Керамический материал с Караултобе Сайрам-2, северного отрезка длинной стены и Караултобе Кызылсу 3 и 4

Вокруг Караултобе собран обширный подъемный материал. Найдены как фрагменты глазурованной, так и неглазурованной керамики. Глазурованные фрагменты в большинстве своем представлены несколькими обломками столовой посуды – чаш и блюд с белым и зеленоватым фоном. На некоторых из фрагментов присутствует орнамент коричневыми красками. Подобные керамические наборы характерны для данного региона в период с X по XII вв. [Брусенко, 1986, с. 47]. Неглазурованная керамика также имеется вокруг Караултобе. В основном это обломки кувшинов, кружек и небольших тарных сосудов.

Керамический материал с северного отрезка длинной стены Сайрама был собран в ходе исследовательских работ. В шурфе-2 по уровню I яруса обнаружены фрагменты как глазурованной, так и неглазурованной керамики. В основном – неглазурованная. Один фрагмент обломка белофонной чашечки

выделяется из всего комплекса. Остальные фрагменты – разрозненные части кувшинов и горшков. Подъемный материал с места расположения длинной стены представлен несколькими фрагментами. Имеются глазурованные и неглазурованные части сосудов. Вся керамика станковая. Первый фрагмент глазурованного блюдца – донце, имеет белый фон по внутренней поверхности. Снаружи имеются следы белой грунтовки. Сам поддон в виде диска с концентрической бороздой (рис. 6, *2*). Второй фрагмент – часть донца тарелки. Фрагмент имеет белый фон по внутренней поверхности и следы от гончарного инструмента – подставки-сепоя. Снаружи фрагмент покрыт белой грунтовкой. Донце по форме дисковидное (рис. 6, *3*). Еще один фрагмент тарелки также белофонный как изнутри, так и снаружи. По донцу проведена концентрическая бороздка (рис. 6, *4*). Эти фрагменты характерны для периода караханидов. Также встречен фрагмент донца столовой посуды с характерной орнаментацией в виде размытой зеленой и желтой краски, характерной для тимуридской эпохи. Фрагмент имеет кольцевой поддон [Акишев и др., 1987, с. 165–167]. Неглазурованная керамика представлена небольшим количеством материалов. Первый фрагмент – часть венчика горшка с треугольным в сечении венчиком. Данный фрагмент имел вертикальную горловину (рис. 6, *5*). Фрагмент котла сохранился очень плохо. Данный черепок – часть венчика с треугольной в сечении закраиной. Тесто у данного фрагмента красноватое с примесью толченного песка. Фрагмент тазика-тагора имеет отогнутые наружу венчик и тулово. Венчик данного фрагмента – треугольный. Изнутри сосуд по краю имеет концентрический орнамент в виде волны в два ряда, разделенный горизонтальной линией. Когда-то поверхность данного тазика-тагора была покрыта ангобом красноватого оттенка (рис. 6, *6*). Фрагмент массивной миски имеет вертикальный, трапециевидный в разрезе венчик. Фрагмент имеет уплощенную верхнюю поверхность (рис. 6, *7*).

На поверхности Караултобе Кызылсу-3 был обнаружен небольшой фрагмент керамики средневекового периода. Фрагмент имеет плохую сохранность и, скорее всего, являлся частью боковины кувшина, выполненного на гончарном круге. В слоях Караултобе Кызылсу-4 встречено несколько фрагментов одного керамического сосуда с уровня I яруса. Сохранились фрагменты стенок и дна. Сосуд – часть кувшина. Данный сосуд имеет уплощенное дно. Выполнен он на гончарном круге. Тесто фрагмента – серое, по структуре хорошо отмученное. Черепок легкий и при воздействии издает звонкий характерный для хорошо обожженного, качественного сосуда звук (рис. 6, *8*). По уровню IV яруса был обнаружен фрагмент керамики – часть боковины кувшина, выполненного на гончарном круге быстрого вращения. Данный фрагмент сохранился очень плохо.

Сооружениям типа Караултобе в средневековой фортификации отводилась роль сторожевых и сигнальных сооружений, которые размещались по оазису в пределах видимости из города и соседних возвышений. Имеются отдельные упоминания раннесредневековых Караултобе (Караултепа) у В. А. Нильсена, но не приводится характеристика сооружения, говорится

только о назначении – сторожевой характер [1966, с. 111]. Из этого можно сделать выводы, что название Караултобе имеет местное для Туркестанской области значение, так как подобных названий средневековых памятников в других местах нет. Наряду с длинными валами, высокими стенами, как это наблюдается в ряде памятников Южного Казахстана, эти объекты являлись неотъемлемой частью обороны.

В 2018 г., исследуя памятники Караултобе, были созданы основы типологической классификации. По внешним признакам исследуемых объектов выделены два типа, названные как базовые и дозорные Караултобе. Базовые Караултобе, как правило, отличаются внушительными размерами, четкой трапециевидной формой, что придает холму отличную видимость на горизонте. Диаметр их достигает до 130 м, высота от 8 до 18 м. Второй тип – дозорные Караултобе имеют сравнительно небольшие размеры, их диаметр у основания составляет около 50 м, высота обычно не превышает 4,5–5 м. Однако этих параметров было достаточно, чтобы они функционировали вокруг определённых центров, так как в качестве места для дозорных пунктов выбирались естественные возвышенности [Baitanayev et al., 2019]. Отдельным является понятие именно «сторожевой башни». Данные сооружения обнаружены на краю округа в северо-восточной горной части и по структуре несколько отличаются от базовых и дозорных Караултобе. Судя по топографии этих памятников, они имеют большую высоту, трапециевидную форму, в центре возвышается бугор. В то же время эти памятники располагались на участках, где имеется отличный обзор прилегающей местности. Рассматривая расположение памятников относительно друг друга, можно предположить, что они являлись автономными пунктами, которые сами себя обслуживали в течение длительного времени.

Исследовательские работы показали, что Караултобе Сайрам-2 является промежуточным дозорным пунктом. Данный памятник является связующим звеном между средневековым Сайрамом – Испиджабом и нескольких Караултобе Кызылсу, которые расположены по правому берегу правого рукава реки Сайрамсу, в овражистой местности. Видимость на север с Караултобе Сайрам-2 в долине – около 150–160°, то есть практически охватывает весь северный край долины. С запада обзор ограничен холмом с некрополем, с востока – возвышением террасы с курганом. Данный Караултобе расположен в естественной седловине. Вполне возможно, Караултобе являлся «секретным», так как видимость его из долины усложнена особенностью рельефа.

Серия Караултобе Кызылсу состоит из шести дозорных пунктов. Данные Караултобе отличаются различными параметрами: размеры, расположение на местности. Возведены данные Караултобе были в качестве промежуточных пунктов на местности. Караултобе Кызылсу находятся в овражистой местности, на небольших возвышениях. Крупные Караултобе Сайрам-1, 2 не имеют прямой видимости за грядой через русло, для чего и были воздвигнуты данные пункты.

Обнаруженные в ходе исследовательских работ многочисленные наконечники стрел и фрагменты холодного оружия дают нам понять об

активности обороны даже небольшого участка стены в целой системе. Наличие малого количества керамики и прочих находок объясняется отсутствием жилой застройки в непосредственной близости к длинной стене и Караултобе. Основные материалы, обнаруженные в ходе исследований на Караултобе Сайрам-2, Кызылсу 3, 4, а также на промежутке северного отрезка длинной стены, относятся к средневековому периоду. Функционирование данных элементов фортификации происходило на протяжении нескольких сотен лет до монгольского нашествия, с конца IX до начала XII в. Но мы определяем окончание использования элементов фортификации с событиями, произошедшими за несколько лет до монгольского нашествия. Связано это с уничтожением караханидского государства Хорезмшахом Мухамедом и разрушением большинства сооружений. Во время и после монгольского нашествия территория периферии города, его агломерация была в запустении, только территория шахристана Сайрама использовалась для жизни [Байтанаев, 2007, с. 79]. Территория около длинной стены и Караултобе не использовалась по первоначальному назначению и вовсе.

В целом, Сайрам–Испиджаб имел сложную систему обороны и предупреждения. Каждый из памятников в системе выполнял свою роль. Обнаружение стены вблизи Караултобе Сайрам-2 является логичным, так как оборонительная система и система предупреждения должны были работать в единой структуре. Сторожевые башни Караултобе находясь вблизи памятника, на его границах и вдоль важных путей, вовремя давали информацию о приближающемся неприятеле. Длинные стены Сайрама–Испиджаба, расположенные на выгодных участках местности, делали округу города неприступной. В результате исследований Караултобе Испиджабского историко-культурного округа были выявлены несколько типов памятников, имеющих различную структуру. Караултобе являлись важнейшими элементами системы предупреждения городов. Археологические материалы, обнаруженные на памятниках Караултобе Испиджабского историко-культурного округа, в большинстве своем датируются X–XII вв. В небольшом количестве обнаружены и ранние находки, появившиеся на Караултобе, расположенные в непосредственной близости к раннесредневековым городищам и поселениям. Раскопки некоторых из памятников дали результаты, на основании которых можно с уверенностью говорить о больших трудовых затратах и продолжительном использовании Караултобе по назначению.

Литература

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.

Байтанаев Б.А. Древний и средневековый Испиджаб: дис. … докт. ист. наук. Алматы, 2008. 305 с.

Байтанаев Б.А. К вопросу о топографии и стратиграфии городища Сайрам // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 62-81.

Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А. Стратиграфия и хронология Караултобе Сайрама // Кадырбаевские чтения–2010: матер. II Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–29 октября 2010 г.). Актобе: Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2010. С. 124-128.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: «Восточная литература», 1963. Т. 1. 763 с.

Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII вв. Ташкент: «Фан». 1986. 122 с.

Волин С. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Материалы и исследования по археологии Казахской ССР: труды Семиреченской археологической экспедиции: Таласская долина / Ред. А.А. Бернштам. Алма-Ата: АН КазССР, 1949. Т. I. С. 174-198.

Ергешбаев А. К вопросу о хронологии длинных стен городища Караспан (Предварительные итоги) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 165-168.

Иванов П.П. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама // В.В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент: КазГИЗ, 1927. С. 151-165.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1959. 186 с.

Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950. 179 с.

Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия Средазкомстариса. 1928. № 3. С. 23-42.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. 651 с.

Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент: Наука Узбекской ССР, 1966. 336 с.

Филанович М.И. Шаш – Ташкент и развитие мусульманской культуры в Сырдарьинском регионе в IX–XII вв. // Вестник МИЦАИ. 2007. № 6. С. 67-72.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: «Наука», 1980. 176 с.

Baitanayev B.A., Yergeshbayev A.A., Shayakhmetov A.Kh. "Watchtowers" of Ispidzhab // News of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. 2019. Vol. 2 (324). P. 175-184.

М. Елеуов, Қ. Арынов, С. Есенов

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚЫШҚАЛАДА 2019 ЖЫЛЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ

Мақалада ортағасырлық Қышқала қаласының қысқаша зерттелу тарихы мен 2019 жылы жүргізілген ғылыми зерттеулердің нәтижесі баяндалған. Сонымен қатар археологиялық зерттеулер барысында ашылған құрылыс нысандары, атап айтқанда ортағасырлық медресе, қыш күйдіретін пеш және жерлеу орындарының сипаттамалары берілген. Ашылған нысандарға байланысты алғашқы болжамды тұжырымдар айтылған.

Түйін сөздер: Ортағасырлық қала, құрылыс, медресе, пеш, жерлеу орны

Об археологических исследованиях 2019 г. на средневековом городище Кышкала

В статье представлена краткая история изучения средневекового городища Кышкала и результаты научных исследований 2019 года. Описаны особенности строительных сооружений, таких как средневековое медресе, гончарная печь и места захоронений, обнаруженные в ходе археологических исследований. Изложены первые гипотезы о найденных объектах.

Ключевые слова: средневековый город, сооружение, медресе, печь, захоронение

About archaeological research in 2019 on the medieval town of Kyshkala

The article presents a brief history of the study of the medieval city Kyshkala and the results of scientific research in 2019. It also describes the features of building structures such as a medieval medrese, a pottery kiln and burial sites discovered during archaeological research. The first hypotheses about the found objects are stated.

Keywords: medieval city, construction, medrese, furnace, burial

Ортағасырлық Қышқала қалашығы Қызылорда облысының Сырдария ауданындағы Қоғалыкөл ауылынан оңтүстікке қарай 2 шақырым жерде, Томарөткелге іргелес орналасқан. Ортағасырлық ескерткіш жайлы алғашқы ғылыми жазба деректің бірін 1889 ж. Перовск уезінде барлау жұмыстарын жүргізген В. А. Каллаур жазып қалдырған. Ол осы қаланы«Қышқала» (Гышқала) немесе «Тасқала» деп атап, оның Перовскден шығып Хиуа мен Бұқараға

© **Мадияр Елеуов,** *әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы қ., Қазақстан;* madiareleyov@mail.ru
Қуаныш Арынов, *Қожа Ахмет Ясауи ат. Халықаралық қазақ-түрік университеті, Археология ғылыми-зерттеу институты, Түркістан қ., Қазақстан;* kuanish_85@mail.ru
Сырым Есенов, *Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;* syrym.e@mail.ru

баратын жолдың 25–30 верстінде орналасқаны туралы жазған [Каллаур, 2011, с. 211].

1946 жылы С. П. Толстов басқарған Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясы (ХАЭЭ) Қышқалада (С.П. Толстов бойынша Кыш-төбе) болып оның үстінде шашылып жатқан ыдыс сынықтарын жинап, ескерткіштің орналасқан жерін картаға түсірген. Аталған картада Қыштөбенің ортағасырлық Асанаспен Женттің аралығында орналасқанын көрсеткен [Толстов, 1948, с. 60].

1960 жылы Ә. Қоңыратбаев, Ғ. Мұсабаев Қышқалада зерттеу жұмыстарын жүргізген. Қала туралы Ә. Қоңыратбаев былай деп жазған: «Қышқала демектің мағынасы онда қыштан салынған кішігірім Сарай (орда) болған.... 1960 жылы біздер бірер метр жерін қазып, күйдірілген кірпіштен жасалған бармақтай сырлы құмыра таптық. Ішіне 25 грамм су кетеді, тұтқасы сынған. Осы төбенің астынан күміс ақша табылған. Сол жерден 1960 жылы мен сор бетіне шығып қалған алтын теңге таптым» [Қоңыратбаев, 2004, 151 б.]. Сонымен қатар Ә. Қоңыратбаев Қышқаладағы моладан адамның, аттың сүйектері, сырланған көзелердің сынығы табылғанын айта келіп: «Бірақ бұл жерде қамалдың ізі жоқ... «Қышқала» деген атау ел аузында жүрген кейінгі сөздер болса керек. Сыр бойында ондай қаланың аты жоқ» – дейді [Қоңыратбаев, 1987, 336 б.].

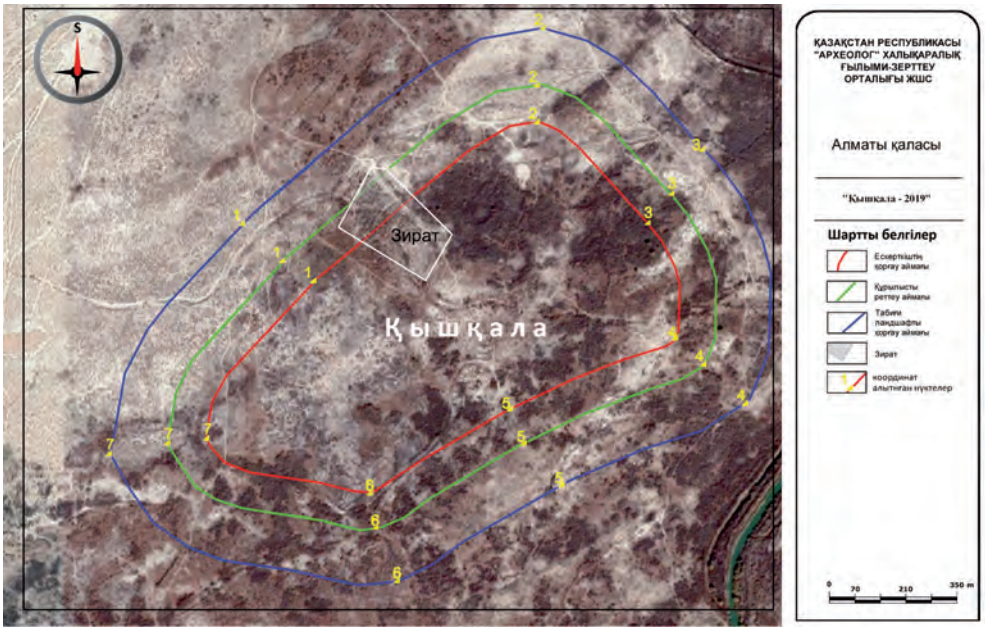
Қышқалада алғашқы археологиялық қазба жұмыстарын 1990 ж. Қызылорда мемлекеттік педагогикалық институттың Т. Мәмиев басқарған студенттер тобы мен әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің археолог мамандары М. Елеуов пен Д. Талеевтің қатысуымен жүргізілген [Мәмиев, 2000, 27 б].

1990 жылдарда Қышқалада жүргізілген қазба жұмыстарының барысы, онан ашылған құрылыстар, табылған археологиялық заттар Т. Мәмиевтің «Кейінгі ортағасырдағы Арал өңірінің қалалары (XIII–XVIII ғғ.)» тақырыбындағы тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін жазған диссертациялық жұмысында қысқаша баяндалған. Жұмыста қаланың жобасы, жүргізілген қазбалардың жобалары, кесінділері және олардан табылған сырлы қаптаманың суреті берілген [Мәмиев, 1999, 64–69 бб.].

2018 ж. Қызылорда облыстық әкімдігінің қолдауымен Қышқала қаласында археологиялық зерттеу жұмыстары қолға алынды. Зерттеу барысында бірнеше құрылыс қалдықтары ашыла бастаған болатын. 2019 ж. археологиялық зерттеу жұмыстары қайта жалғастырылып, оның нәтижесінде қаланың алып жатқан жер көлемі, топографиялық құрылымы, қорғау, құрылысты реттеу және табиғи ландшафты қорғау аймақтары анықталды.

Ортағасырлық Қышқала қаласының тарихи топографиялық құрылымы орталық бөліктен және шаруашылық аймағынан тұрады. Қаланың орталық бөлігінің көлемі 450×350 м, биіктігі 0,5–2,5 м. Орталық бөліктің шығыс шетінде орналасқан су қоймасының көлемі 18×21 м. Қаланың орталық (негізгі) бөлігінің шығыс жағында, әртүрлі құрылыс қалдықтары сақталған, олардың көлемі 30×30 м, 40×40 м, 40×50 м, 60×150 м. Қалны қоршап жатқан қамалдың немесе ордың ізі байқалмайды. Тек жер бетінен 0,5–2 м биіктіктегі құрлыс

қалдықтарының орындары сақталған. Осы құрлыс қалдықтарының аумағына қарай қаланың шекарасы анықталып қорғау аймақтары белгіленді. Қорғау аймағы 70 га, құрылысты реттеу аймағы 110 га,табиғи ландшафты қорғау аймағы 180 га құрайды (сур. 1).

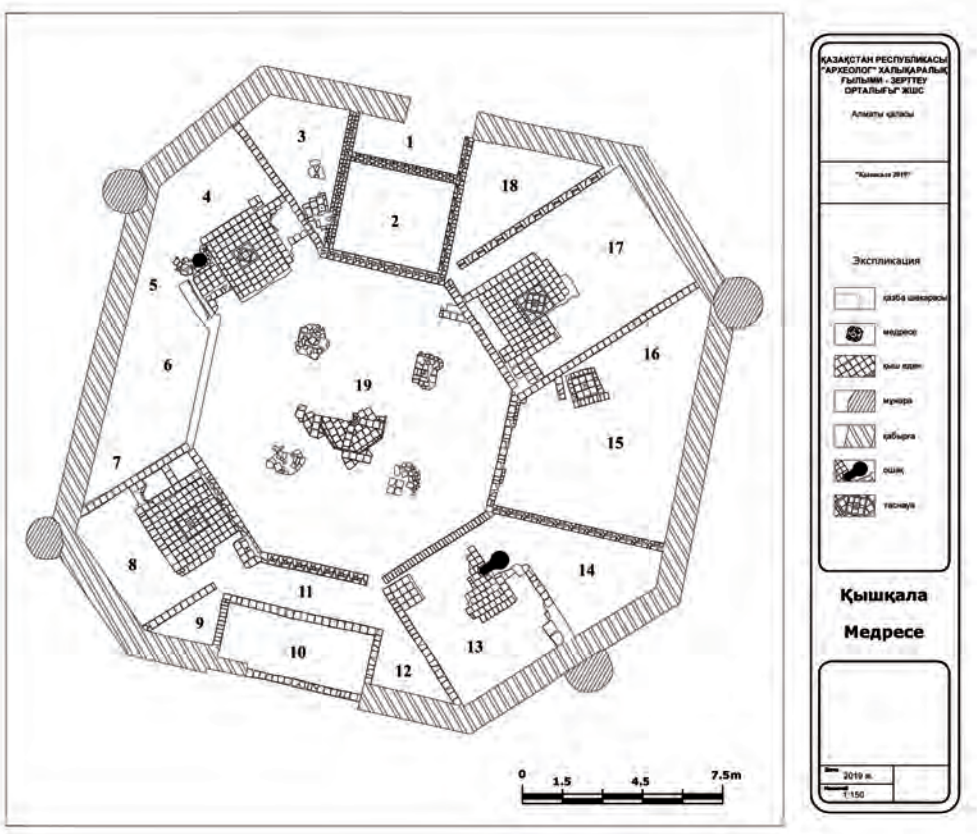

Сур. 1. Қышқаланың қорғау аймағы

Қаланың шаруашылығы мен мәдени қабаттарын анықтау мақсатында бірнеше жерден қазба салынды. 2018 ж. жазғы археологиялық зерттеулер кезінде ашыла бастаған сегіз қырлы құрылысты толық ашу жұмыстары жүргізілді. Қазба қала шахристанының шығыс бөлігінде, қазіргі ауыл тұрғындарының қорымы орналасқан жерден 0,6 км шығыста орналасқан осы аумақтағы ең биік төбелердің біріне салынған. Осы төбенің негізгі аумағын түгел қамтыған қазбаның жалпы көлемі 28×25 м, тереңдігі 1–1,2 м құрайды. Ашылған нысанның сыртқы құрылысы әртүрлі ұзындықтағы сегіз қабырға мен төрт мұнарадан тұрады (сур. 2; 3). Төменгі жағы 27×27×6; 26×26×5 см көлемдегі күйдірілген кесектен қаланған сыртқы қабырғалардың ені 1 м, сақталған биіктіктері 10–60 см.

Құрылыстың барлық қабырғаларының ішкі-сыртқы жиектері күйдірілген бүтін кесектерден өріліп, ортасы кесек сынықтарымен, қою лай араластыра отырып толтырылған.

Құрылыстың төрт бұрышынан тұрғызылған аумағы 1,6–1,9 м келетін дөңгелек және жартылай қабырғаға жапсарлас өрілген мұнаралары бар. Барлық мұнаралардың сыртқы жиектері арнайы дайындалған көлемі 20×20×10 см келетін, жартылай иіліп күйдірілген кесектермен өріліп, ортасы кесек сынықтармен толтырылған. Арнайы дайындалған кесектер үшбұрышты

Сур. 2. Қазба 2-нің 2019 жылғы жобасы

қалыпта және бір қырын доғалдау қылып шеңбер тәрізді құрылысты өруге ыңғайлы етіп құйылған.

Ашылған нысанның қабырғаларына ішкі жағынан жапсарлас етіп салынған бірнеше бөлменің нобайы көріне бастады. Сонымен қатар құрылыс нысанының тең ортасында аумағы шамамен 12×12 м келетін сегіз қырлы алаң және осы алаңның құрылысына ұқсас келетін аумағы 2,5×2,5 м күйдірілген кесектен төселген сегіз қырлы еденнің орны ашыла бастаған болатын.

2019 ж. археологиялық қазба барысында құрылыстың ішкі бөлігін қамтитын 19 бөлме мен орталық алаң толығымен ашылып, қатты бүлінген бөліктері қайта қалпына келтірілді. Бөлмелер құрылыстың сыртқы қабырғаларын жиектей орналасқан. Бөлменің барлық бұрыштары мен қабырғаларынан бірдей қашықтықта орналасқан 4 бағанның орындары сақталған. Бағандар бөлме қабырғаларынан 2,5 м аралықта симметриялы түрде қойылған. Бағандардың сақталған көлемі 1,5–1,6 м, биіктігі 10–15 см. Бұл бағандар аумағы үлкен бөлменің төбесін тіреу үшін арнайы тұрғызылған болуы ықтимал. Осы қазбаны жүргізу барысында әртүрлі көлемдегі күйдірілген қыш кесектер және өзгеде тұрмыстық заттар табылды.

Сур. 3. Қазба 2-нің батыстан көрінісі

Жалпы 2018–2019 жылдары жүргізілген 2-қазба барысында ашылған құрылыс нысанының ішкі 4, 8, 13 және 17-бөлмелеріндегі ташнау, пеш пен сыпаның болуы, сонымен қатар құрылыстың төрт бұрышында бір-біріне қарама-қарсы (4 пен 13, 8 бен 17-бөлмелер) орналасуы нысанның негізгі архитектуралық ерекшелігін айқындайды. Себебі, Қазақстан аумағында жүргізілген зерттеулер барысында дәл бұған ұқсас құрылыс нысандары кездеспеген.

Құрылыстың ішкі бөлмелеріндегі пеш, ташнау мен оның айналасындағы шағын бөлмелердің қолданылу мақсатына қарай ашылған құрылыс нысаны медресе болуы мүмкін деген жорамал жасауға болады. Олай болған жағдайда құрылыстың орталық алаңы ретіндегі сегіз қырлы оқу бөлмесі болса керек.

Орталық Азияда медресе туралы алғашқы жазба дерек Наршахидің «Бұхара тарихы» еңбегінде кездеседі. Онда 937 ж. Бұхара қаласында болған үлкен өрт кезінде Фараджек медресесінің опат болғаны туралы айтылған [Хмельницкий, 1992, с. 243]. Алғашқы медресе құрылыстары Шығыс Иранда және Бұхарада IX ғасырдың соңында, X ғасырдың басында салына бастаған [Зиливинская, 2014, с. 57]. Медресенің кең таралған кезі селжүктердің кезіне тұстас келді. Осы кезде медреселер жеке мектептен мемлекеттік мекемелерге ауысқан. Жазба деректерге қарағанда XI ғ. ортасында Нишапурде 38 медресе болған делінеді [Hillenbrand, 1994, p. 173–174].

Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық қалаларында салынған медресе туралы жазба деректерде XIV ғ. алғашқы онжылдығынан бастап кездеседі.

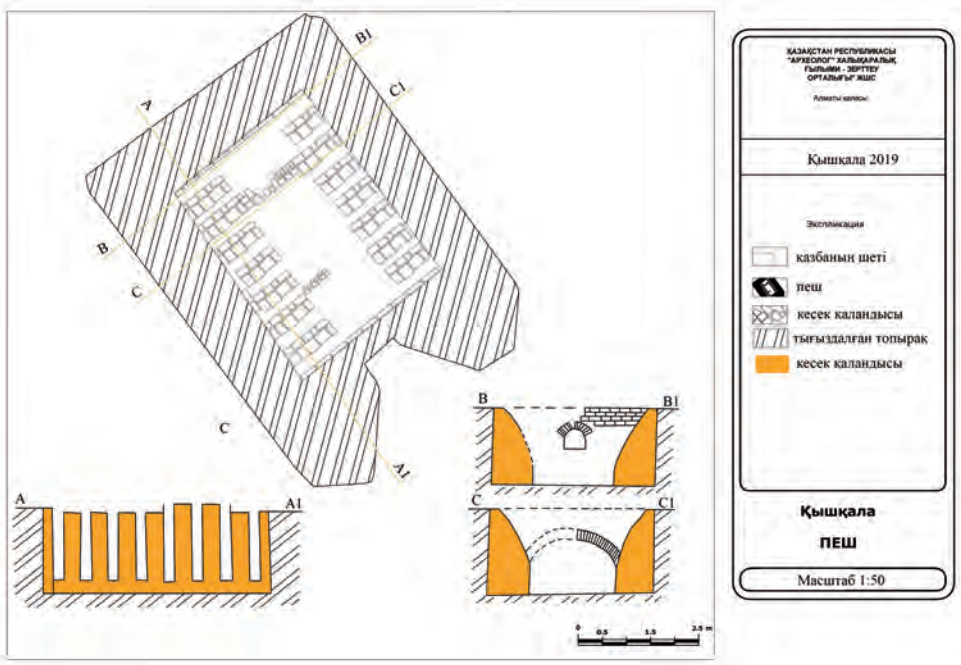
«Аноним Искандера» атты деректе Ерзенхан салдырған медреселер туралы: «... он был царем крайне умным, праведным, превосходным, богобоязненным, медресе, ханака, мечети и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауане и Барчкенде, устроил он» - делінген [Тизенгаузен, 1941, с. 129]. Сауран қаласындағы медресе туралы XVI ғ. авторы Заинаддин Васифиде кездеседі.

1514–1515 жылдарда Сауран қаласында болған ол қаладағы медреседегі қозғалып тұратын екі минарет туралы: «На плечах его айвана поставлены два высоких минарета необычайной высоты и крайнего благородства, так что один из поэтов того медересе уподобил тот айван Заххаку со змеями. У гульдасты тех минаретов прикреплена цепь, а под куполами куба каждого минарета пристроено бревно (чуб) так, что когда кто-либо с силой приводит бревно в движение цепь колеблется, и тому, кто находится на противоположенном минарете, представляется, что минарет рухнет, и это одно из чудес мира» - деп жазған. Сонымен қатар, мәтінде медресе басшысын тағайындауға арналған салтанатты жиынға медреседе тұратын 50 аса студент шақырылғаны туралы айтылған [Болдырев, 1957, с. 161–162]. Ортағасырлық Сауран қаласының орталық бөлігінде жүргізілген қазба жұмыстары барысында бір-біріне іргелес екі медресенің қалдықтары ашылған. Жобасында төртбұрышты келген 1-медресенің көлемі 31,5×28 м қос айванды, 2- медресенің алып жатқан жер көлемі 62×32 м, құрылыстар XVI–XVII ғасырларға жатады [Байпаков, 2014, с. 462–478]. Қышқаладан ашылған медресеге ұқсас құрылыс нысандары Орталық Азия мен Қазақстан аумағында кездескен жоқ.

Қаланың шығыс бөлігінде орналасқан құрылыс нысандарын анықтау мақсатында 2018 ж. ашыла бастаған 2-қазбаның яғни сегіз қырлы медресенің солтүстік-шығыс жағында 30 м аралықта орналасқан аумағы 18×21 м, биіктігі 1,8 м төбенің үстінен салынды. Қазбаның жалпы көлемі 14×16 м. Таңдап алынған төбенің қазбаға дейінгі суреті мен топографиялық жобасы түсірілді (сур. 4; 5).

Қазбаны тереңдету барысында жобасы төртбұрышты, сыртқы ұзындығы 5,6 м, ені 4 м қыш күйдіруге арналған пеш ашылды. Пеш қазба 2-ден 30 м солтүстік-шығыста орналасқан аумағы 18×21 м, биіктігі 1,8 м құм төбенің үстінен қазылған көлемі 4×5,2 м келетін шұңқырға салынған. Пештің сыртқы қабырғаларының қалыңдығы 1 м, олар көлемдері 44–46×24–26×8 см күйдірілмеген кесектен қаланған, сақталған биіктігі 1,8–2 м. Ашылған пеш оттық пен күйдіру камераларынан тұрады. Оттық камераның қабырғалары тік оның үстін жауып тұрған сегіз арканың иығына дейінгі биіктігі 1,2 м. Осы камераның табанында қалыңдығы 0,2 м күл басып жатыр, ал оның үстінде жатқан құландының құрамында бүтін, сынған қыш кесектер, қожға айналған қыш кесектер, бос топырақ басып жатыр.

Оттық камераның үстін жауып тұрған аркада ыстық ауа жүруге арналған 7 қуыс (канал) бар, олардың табаны төменнен жоғары қарай (сыртқа) қиғаш етіп қаланған. Жүргізілген қазба жұмыстарының барысында ыстық ауа жүретін қуыстың (каналдың) арасын бөліп тұрған қабырғалардың сақталған бөліктері ашылды.

Сур. 4. Қазба 3. Жобасы мен кесінділері

Пештің екі басында да ауыз және ортасында 7 қатарлы қуысы бар күрделі құрылыс нысаны болып табылады. Қабырға сыртындағы сылағы жақсы сақталған және қалыңдығы 4–5 см. Пештің қабырғасында бірнеше рет жөндеу жұмыстары жүргізілген. Пештің еденнен жоғары қарай 1–1,2 м биіктікке дейін ішкі беті қатты күйіп қожға айналып кеткен. От қызуымен осы аралықта төмен қарай сылақтың аққан іздері анық байқалып тұр. Ал жоғарғы бөлігі қатты күйгендіктен ақшыл көк түске айналған.

Пештің екі жақ басында көлемі 50×50 см болып келетін есігі бар. Есіктің төбесінен қыштарды тігінен қалап, арка етіп қалаған. Есіктің астыңғы бөлігі еденнен 1 м биіктікте орналасқан. Есіктің аузын күйдірілген кесектермен қалап, жауып қойған.

Жобасы мен көлемдері жағынан осыған ұқсас пештер (XII–XV ғғ. кезіндегі) Сарайшық [Пацевич, 1957, с. 111–114] және Жайық қаласынан ашылып зерттелген [Байпаков, Смағұлов, Ахатов, 2005, 29–30 бб]. Осы үлгідегі қыш күйдіретін пештер XIII–XV ғғ. Отырардан, Құйрықтөбеден де ашылған [Акишев и др., 1987, с. 178–184].

Ескерткіштің шығыс бөлігіндегі құрылыс қалдықтарын анықтау мақсатында 3-қазбаның шығыс жағынан 50 м қашықтықта аумағы 15×15 м келетін қазба салынып, топографиялық жобасы түсірілді. Қазбаның жоғарғы қабатындағы бос топырақ құландыларын тазарту барысында қыш кесектен қаланған шағын құрылыс нысаны мен қыш ыдыс сынықтары, сырланған әрлеу кесегінің сынығы және өңделген сүйек табылды. Қазбаның төменгі екінші

Сур. 5. Пештің жалпы көрінісі

қабатын аршу барысында бірнеше жерлеу орындары шыға бастады. Қазбаның солтүстік-шығыс бөлігінен еденіне күйдірілген қыш кесек төселген бөлме ашыла бастады. Бөлменің оңтүстік бөлігі қазбаның ашылмаған бөлігінің астына қарай өткендіктен толық анықталған жоқ. Осы қазбаны тазарту барысында бірнеше деңгейде көмілген адам мүрделері кездесті. Сонымен қатар қазбаның ең төменгі деңгейінде қабірі арнайы кесекпен қаланған ортағасырлық жерлеу орындары да бар. Соған қарағанда бұл аумақ қорымның орны болса керек. Ал кейінгі уақыттарда ескі қорымның үстіне де ретсіз жерленген адам қаңқалары кездеседі.

Қазбаның беткі қабаты бос топырақ құландысына көміліп қалған. Тек 1–1,2 м тереңдіктен 8 жерлеу орындары ашылды. Жерлеу орындарындағы адамдардың басы солтүстік бағытқа қарата орналасқан. Алғашқы анықталған бес жерлеу орны қазба алаңының солтүстік-батысында бір қатарда шығыстан батысқа қарай тізбектеліп орналасқан.

Қазба алаңының орталық және оңтүстік-батыс бөлігінде 0,8–1 м тереңдіктен қам кесектен және қыш кесектен қаланған бөлме ашыла бастады. Бөлменің көлемі 3,4×3,4 м, қабырғалары кесектен қаланған. Осы бөлменің батыс бөлігінен жартылай сақталған № 2-бөлменің орны анықталып, ашылды. Анықталған бөлменің аумағы 4,4×6,4 м. Бөлменің орталық және оңтүстік-батыс бөлігінде шағын көлемді екі жас баланың жерлеу орыны анықталды.

Ескерткіштің батыс бөлігіндегі мәдени қабаттарды анықтау үшін кесік салынды. Кесік салынған төбе ескерткіштің оңтүстік-батыс бөлігінде, қазіргі заманғы қорымның оңтүстік-батыс жағында 250 м аралықта орналасқан.

Көлемі 36×30 м, биіктігі 1,8 м төбе бұрыштары доғалданып келген төртбұрыш тәрізді, ол ұзын жағымен солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытталған. Осы төбенің стратиграфиясын анықтау мақсатында оның солтүстік-батыс жиегінен ұзындығы 8 м, ені 2,5 м кесік салынды. Кесікті тереңдетіп тазарту барысында қыш кесектен қаланған құрылыстың үш қабырғасы анықталды. Кесіктің оңтүстік бұрышынан 1 м тереңдіктен ашылған ұзындығы 0,7–0,9 м, ені 1,45 м келетін қыштан қаланған қабырға шыға бастады.

2019 ж. жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында ескерткіштің көлемі мен мәдени қабаттарына және қалыптасу тарихына қатысты алғашқы салыстырмалы қорытындылар айтылып, алдағы уақыттағы ғылыми қорытындылар жасауға мүмкіндіктер беретін тың деректерге қол жеткізді деп есептеуге болады.

Әдебиет

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата: Наука, 1987. 256 с.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. По материалам Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции. Кн. III. Ч. 2. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV–XVIII в. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 534 с.

Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ғ.А. Ортағасырлық Жайық қала жұрты. Алматы: Credo, 2005. 221 б.

Болдырев А.Н. Зайнаддин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (опыт творческой биографии). Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. 356 с.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с. + 220 с. ил.

Каллаур В.А. Дервние города Сыганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис ханом в 1219 году // Протоколы заседаний и сообщений членов ТКЛА. Историко-культурные памятники Казахстан / Авт. предисл. и сост.: Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: «Туран», 2011. 447 с.: ил.

Қоңыратбаев Ә. Қазақ эпосы және Туркология. Алматы: Ғылым, 1987. 368 б.

Қоңыратбаев Ә. Жент және Баршынкент // Қоңыратбаев Ә. Көп томдық щығармалар жинағы. Алматы: Мер Сал Баспа үйі, 2004. Т. 2. 518 б.

Мәмиев Т. Кейінгі орта ғасырлардағы Арал өңірінің қалалары (XIII–XVIII ғғ.): тарих ғыл. канд. ... дис. Алматы, 1999. 151 б.

Мәмиев Т. Қызылорда облысының археологиялық ескерткіштері. Алматы: Жабық акционерлік қоғамының редакциялық баспа орталығы, 2000. 48 б.

Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 111-114.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 308 с.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1948, 323 (6) с.

Хмельницкий С.Г. Между арабами и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин; Рига: GAMAJUN, 1992. 344 с.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York: Columbia University Press, 1994. 173 p.

Е. Ш. Ақымбек, М. С. Шағырбаев

2019 жылы ШУ ӨҢІРІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРГЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Мақалада 2019 жылы Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Шу археологиялық отрядының Шу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерге жүргізген далалық зерттеу жұмыстарының қысқаша сипаттамасы беріледі. Далалық зерттеу жұмыстары негізінен қазба және барлау жұмыстарынан тұрады. Дегенмен аталған еңбекте қазбаға байланысты жұмыстар ескерткіштердің қақпаларындағы қазба, қабырға жалдарындағы траншея-қазба, ішкі бөлігіндегі шурф-қазба нәтижелері қарастырылады. Жазық және Қоскұдық ескерткіштерінің қақпа орындарына қазба, Сарғау, Дөкей, Талдыбұлақ төрткүлдерінің қабырға-жалдарына траншея-қазба, Ынталы, Аққайнар Маханды ескерткіштерінің ішкі бөлігіне шурф-қазба жұмыстары жүргізіледі. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде қарахан дәуіріне (X–XII ғ.ғ.) жататын аталған ескерткіштердің қақпаларының құрылысы мен жоспары, сыртқы қорғаныс қабырғаларының қалыңдығы мен сақталған биіктігі, ішкі құрылыстарының мәдени қабатының қалыңдығы және де құрылыс материалдары анықталады.

Түйін сөздер: Шу өңірі, археология, орта ғасыр, төрткүл, қақпа, Қоскұдық, Жазық

Исследование средневековых памятников Шуской долины в 2019 г.

В статье дается краткое описание полевых исследований на средневековых памятниках Шуской долины, проведенных в 2019 г. Шуским археологическим отрядом Института археологии им. А.Х. Маргулана. Полевые исследования заключались в проведении археологических раскопок и разведок. В данной статье рассматриваются результаты проведенных: раскопок на месте локализации ворот средневековых памятников; траншеи, заложенной над внешними стенами; серии шурфов. Были проведены раскопки на руинированных остатках ворот памятников Жазык и Коскудук, заложены траншеи на валах памятников Саргау, Докей, Талдыбулак, заложены шурфы на внутренних частях памятников Ынталы, Аккайнар, Маханды. В результате исследований определены планировка и конструкция ворот; мощность и сохранившаяся высота оборонительных стен; толщина культурного слоя во внутреннем пространстве объектов, а также типы строительных материалов этих памятников, относящихся к эпохе Караханидов (X–XII вв.).

Ключевые слова: Шуская долина, средние века, торткуль, ворота, Коскудык, Жазык

© Ералы Ш. Ақымбек, Мәмбет С. Шағырбаев, *Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;* eraly_a@mail.ru, mambet__87@mail.ru

Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруы бойынша № AP05132457 «Шу өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдер (топографиясы, стратиграфиясы, хронологиясы)» жобасы аясында орындалды.

Research on the 2019 Shu River Valley Medieval Monuments

The article provides a brief description of field research on the medieval sites of the Shu River Valley that conducted in 2019 by the Shu Archaeological Unit of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology. Field research consisted of excavations and exploration. This article considers the results of conducted archaeological researchers on the site of localization of the gates of medieval urban sites, trenches above the walls, test pits on the interior part of the sites. Excavations were carried out over the ruins of the gates of sites Zhazyk and Koskuduk, archaeological trenches were laid on the shafts (walls) of sites Sargau, Dokei, Taldybulak, test shurfs were explored on the inner parts of the sites of Yntaly, Akkaynar and Mahandy. As a result of the research, the plans and structures of the gate, the thickness and preserved height of the defensive walls, the thickness of the cultural layer of the interior, as well as the types of construction materials of these sites which dates back to the Karakhanid era (X–XI centuries) have been determined.

Keywords: Shu River Valley, Middle Ages, tortkul, gates, Koskudyk, Zhazyk

Кіріспе. Қабырғалары немесе бұрыштары әлемнің төрт тарабына қараған, үйінді жал болып жатқан қабырғаларының бойында және бұрыштарында мұнара іздері бар, жоспары бойынша тікбұрышты немесе шаршылы келген ескерткіш – төрткүлдердің қиранды орындары Шу өңірінде көптеп кездеседі. Шу өзенінің орта және төменгі ағысы және оған сол жағынан келіп құятын үлкен өзендер: Сарғау, Ақсу, Қарабалта, Қарақатты (Қорағаты) өзендерінің бойы мен олардың сағаларының алқабында орналасқан төрткүлдерді археологиялық зерттеу бойынша өңірде жұмыстар жүргізіліп келеді. Ескерткіштің осы түрінің қай уақыттарда қалыптасып, өмір сүргендігі, мәдени қабаты мен құрылысы туралы жан-жақты жазылған еңбектер жоқтың қасы. Сондықтан 2019 жылы Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Шу археологиялық отряды (жетекшісі: Е. Ш. Ақымбек) Шу өңірдегі ортағасырлық төрткүлдерге барлау және қазба (шурф, траншея) жұмыстарын жүргізді. Зерттеу жұмыстарын жүргізу орта ғасырлардағы қалалық мәдениетті түсіну үшін өзекті болып табылады.

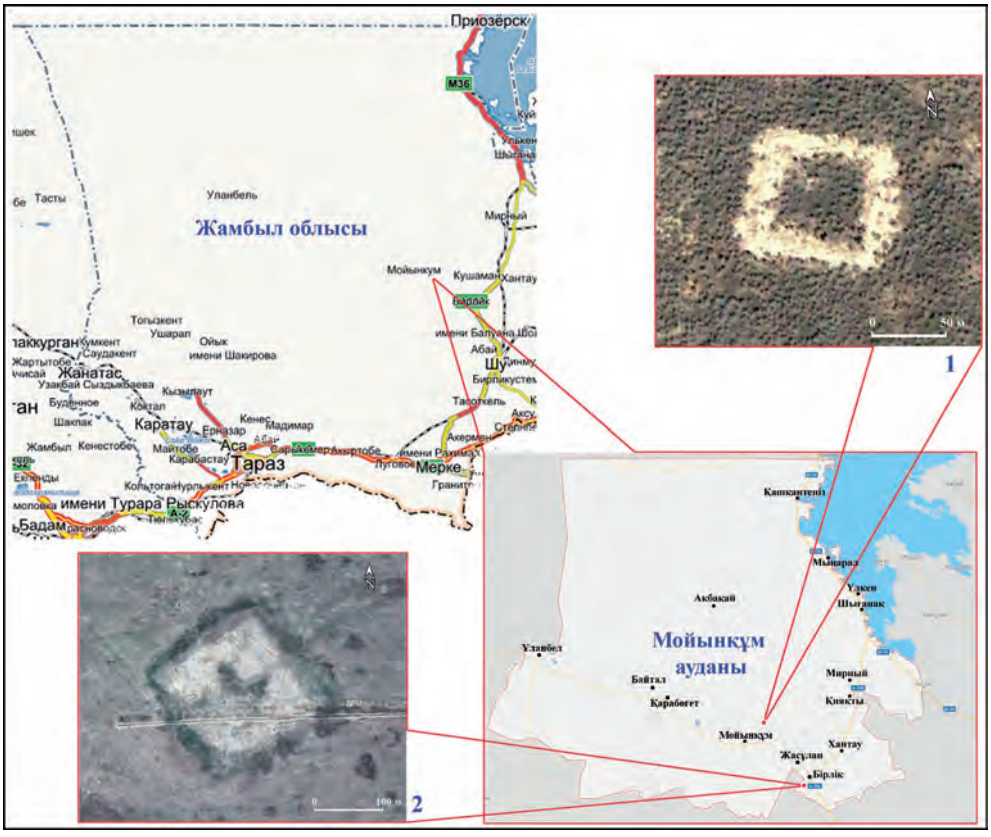
Төрткүлдерге жүргізілген шурф, траншея және қазба жұмыстары арқылы мәдени қабаттарының қалыңдығы, қабырғаларының қалыңдықтары мен сақталған биіктіктері, құрылыс материалдарын анықтауға болады. Осыған байланысты 2019 ж. далалық маусымда Шу өңіріндегі (Шу, Мойынқұм, Мерке және Т. Рысқұлов аудандары көлеміндегі) Жазық, Қоскұдық, Сарғау, Дөкей, Талдыбұлақ, Ынталы, Аққайнар және Маханды ескерткіштеріне археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізілді. Оларға шурф, траншея және қақпасына қазба жұмыстары жүргізіліп, стратиграфиясына, мәдени қабаты мен құрылысына, қақпаларының орналасу ерекшеліктеріне, құрылыс материалдарының құрамына, қорғаныс жүйесіне және хронологиясына қатысты құнды материалдар алынды. Аталған ескерткіштерге осы күнге дейін ешқандай қазба жұмыстары жүргізілмеген. Тек облыстық және аудандық тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағында ескерткіштердің қысқаша сыртқы сипаттамалары ғана берілген. Тек Талдыбұлақ төрткүлі 2019 ж. барлау кезінде анықталды. Осы Талдыбұлақ төрткүлінен мерзімін біршама анықтауға көмектесетін материалдар өте аз шыққандықтан, нақты уақытын белгілеу мүмкін болмады.

Қалған ескерткіштердің барлығы X–XII ғ.ғ. жатады. Зерттеу жұмыстары барысында аталған ескерткіштердің барлығының жоспары түсіріліп, әуеден суреті алынды.

Зерттеу әдістері. Шу өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдерге 2019 ж. далалық зерттеу барысы негізінен қазба және барлау жұмыстарынан тұрды. Төрткүлдерді далалық зерттеудегі қазбаға байланысты жұмыстар үш бағытта жүргізілді: қақпаларындағы қазба, траншея-қазба, шурф-қазба.

1. Қазба жұмыстары Шу өңірінде, нақтырақ айтсақ Мойынқұм ауданында, Шу өзенінің ескі арналарының бірінің бойында орналасқан Жазық төрткүлі мен Шу өзенінің сол жағалауындағы Қоскұдық қаласының (төрткүл) қақпа орындарында жүргізілді (сур. 1).

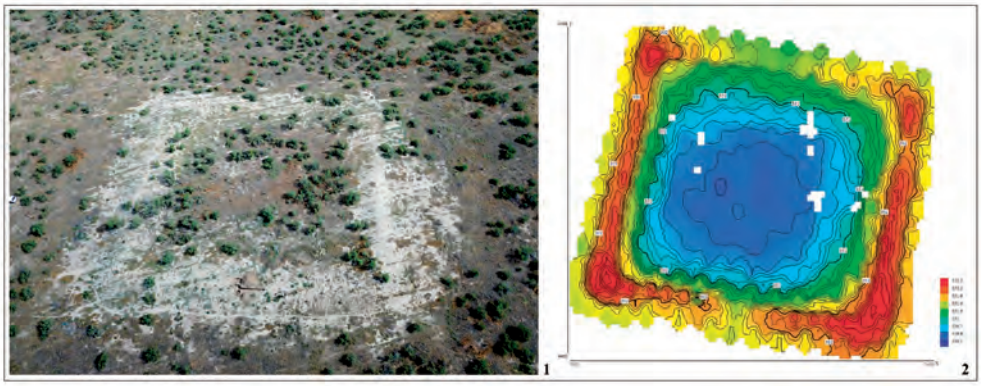
Жазық төрткүлі Жамбыл облысы Мойынқұм ауданы Жамбыл ауылынан солтүстік-шығыста 9 км жерде, Шу өзенінің ескі арналарының бірінің оң жағалауында орналасқан. Ескерткіш 2018 ж. Шу отрядының барлау жұмыстары барысында анықталады [Ақымбек, 2018, б. 41]. Қабырғалары әлемнің төрт

Сур. 1. Жамбыл облысы және Мойынқұм ауданының картасы:
1 – Жазық төрткүлінің ғарыштан түсірілген суреті; 2 – Қоскұдық қаласының ғарыштан түсірілген суреті

тарабымен бағыттас келген төрткүлдің пішіні шаршылы, көлемі 75×75 м (сур. 2). Жал болып жатқан қабырғаларының ені 15–25 м, биіктігі, сыртын айнала қоршап жатқан, білінер-білінбес ордың табынан есептегенде 0,5–1,2 м аралығында ауытқиды. Төрткүлдің ішкі бөлігі сыртына қарағанда 0,2–0,5 м төмен. Оңтүстік қабырғасының ортасы сай болып жатыр. Ені 10 м, тереңдігі екі жағындағы қабырға жалынан 0,5 м, төмен жатқан сай ескерткіштің сыртқы жер бетімен бір деңгейде жатса, ішкі бөлігіне қарай төмендеп кетеді. Осы сай қақпа құрылысының қалдығы болуы мүмкін деген оймен далалық зерттеу жұмыстары жүргізілді.

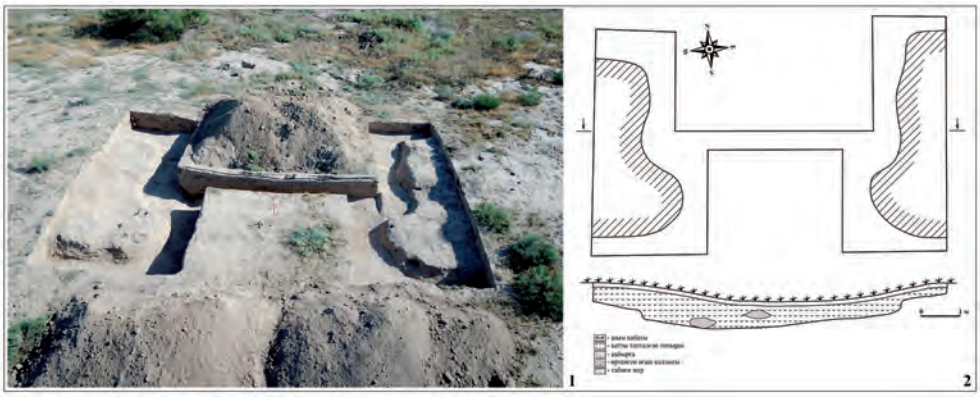
Археологиялық қазба жұмыстары батыстан шығысқа қарай созылып жатқан оңтүстік қабырғасының ортасына, бастапқыда ұзындығы 6,5 м, ені 0,5 м, тереңдігі 0,25–0,9 м траншея-қазба ретінде жүргізілді. Қазба барысында қақпаның екі жағындағы қабырға (мұнара) қалдықтары және ішіне қарай

Сур. 2. Жазық төрткүлі: 1 – әуеден түсірілген суреті; 2 – топографиялық жоспары

өтетін жолдың табаны анықталды. Қабырға қалдықтары анықталған шығыс жағындағы қабырға бөлігіне көлемі 6×1,9–2,7 м, ал батыс жағындағы қабырға бөлігіне көлемі 5,8×2–3 м қазба салынды. Нәтижесінде қақпаның екі жақтауындағы, пақсадан тұрғызылған қабырға қалдықтары толығымен анықталды (сур. 3). Екі жағындағы қабырғалардың алдыңғы жағы жартылай дөңгеленіп мұнара секілді болып ортаға қарай шыққан. Шығыс бөлігіндегі қабырғаның қалыңдығы 5,3 м, батыс қабырғасының қалыңдығы 4,6 м, сақталған биіктіктері 0,2–0,5 м. Қақпаның ең тар бөлігінің ені 4,8 м, ішкі жағының ені 6,3 м. Қақпаны құланды қабырға қалдықтары мен шайынды топырақ қабаты басып қалған. Қақпаның орта тұсынан, 0,25 м тереңдіктен, және батыс жағынан, жолдың үстінен өртенген ағаштың қалдықтары анықталды. Бұл өртенген ағаш қалдықтары қақпаның бөлшектері болуы мүмкін. Бірақ қақпа тіреулерінің орны табылмады.

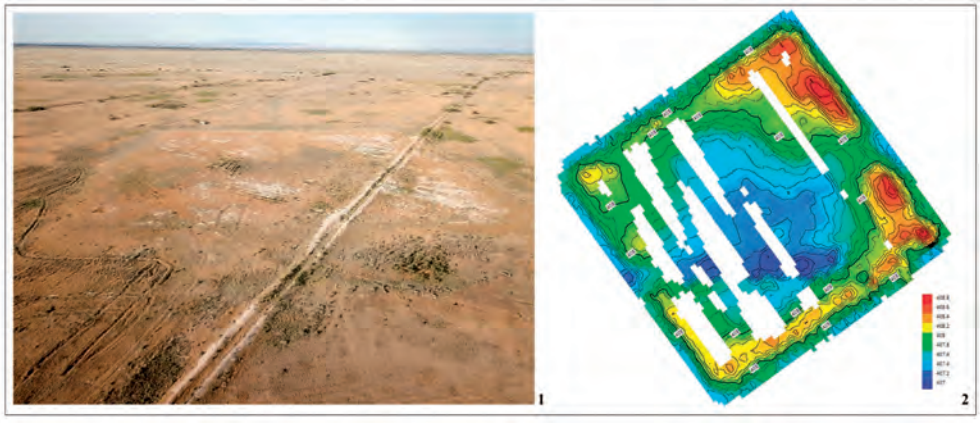
Жазық төрткүлінің қақпасына жүргізілген қазба жұмыстары барысында санаулы ғана археологиялық материалдар мен жануарлардың сүйектері шықты.

Сур. 3. Жазық төрткүлі: 1 – қақпа орны; 2 – қақпаның жоспары

Қоскұдық қаласы Жамбыл облысы Мойынқұм ауданы Бірлік ауылынан 9 км оңтүстікте, Шу ауданы Ақтөбе ауылынан 17 км солтүстік-батыста, Шуға Қорағаты (Қарақатты) өзенінің құяр жеріне жақын, Шу өзенінен 4,5 км сол жағасындағы тегіс келген құмды жерде орналасқан. Көлемі 200×200 м келген (сур. 4), бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған қаланың қатты шөгіп кеткен қабырғаларынан қалған жалының биіктігі, сыртындағы орынан есептегенде 0,8–1,8 м, ішкі жағынан 0,1–0,5 м биік жатыр. Бұрыштары мен қабырғаларының бойынан мұнара іздері байқалады. Қабырға сыртын айнала ор қоршаған. Ордың ені 15–20 м, тереңдігі 0,1–0,3 м. Ескерткіштің солтүстік-шығыс қабырғасы басқа жақтарына қарағанда биіктеу және қабырғасының орта жағы сай болып жатыр. Білінер-білінбес келген сай ескерткіштің солтүстік-шығыс қабырғасынан оңтүстік-батыс қабырғасы бағытында өткен. Бұл сай ескерткіштен солтүстік-шығыс бағытта, Шу өзеніне қарай кеткен.

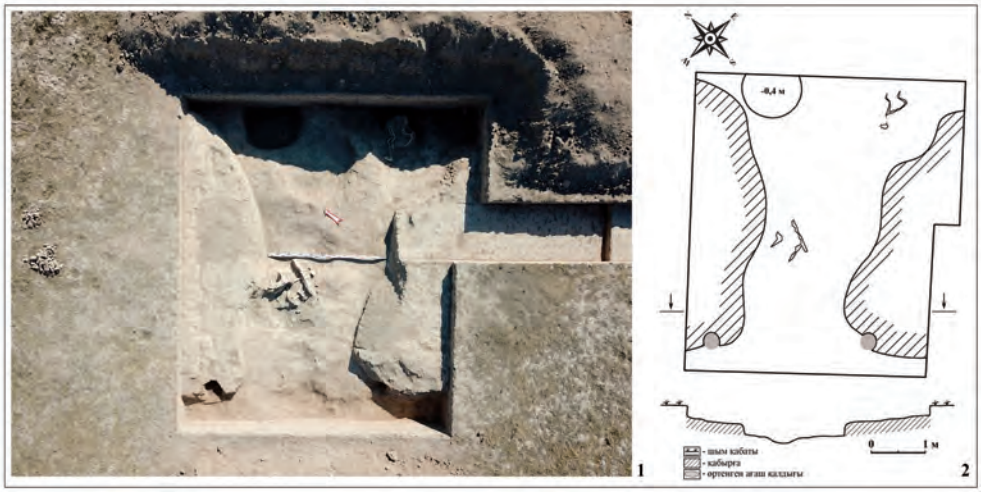
2018 ж. Шу археологиялық отряды ескерткіштің ішкі бөлігіне, шығыс жағының мәдени қабатын анықтау мақсатында шурф-қазба жұмыстарын

Сур. 4. Қоскұдық қаласы: 1 – әуеден түсірілген суреті; 2 – топографиялық жоспары

жүргізеді. Қазба жұмыстары барысында ескерткіштің осы жағында 1,35 м мәдени қабат бары анықталады [Ақымбек, 2018, б. 18–19].

2019 жылғы далалық маусымда ескерткіштің солтүстік-шығыс қабырғасының орта жағындағы ой болып жатқан жер ортағасырлық қақпа, ал сай жолдың орны болуы мүмкін деген оймен зерттеу жұмыстары жүргізілді. Алғашында қақпа орны болуы мүмкін деген тұсына қабырға бойымен, сайдың орта жағына ұзындығы 10,5 м, ені 1 м траншея-қазба жүргізілді. Нәтижесінде, шым қабатының астынан, яғни 0,2–0,3 м тереңдіктен сайдың екі жағынан қабырға қалдықтары, 0,5–0,6 м тереңдіктен жолдың табаны анықтала бастады. Осыған байланысты қақпа орнын толық ашу мақсатында қазба жұмыстары жалғасып, көлемі кеңейтілді. Солтүстік-шығыстан оңтүстік-батыс бағытында сайдың бойымен салынған қазбаның көлемі: 10,5×4,5–5 м. Нәтижесінде қала ішіне қарай өткен жол және оның екі жағынан пақсадан салынған қақпа қабырғалары мен қақпа тіреулерінің орны толығымен анықталды (сур. 5).

Сур. 5. Қосқұдық қаласы: 1 – қақпа орны; 2 – қақпаның жоспары

Қақпаның екі жақтауындағы қабырғалар бірдей дәрежеде болмашы иреленде орналасқандықтан, жол да соған икемделіп, қиғаш өткен. Қабырғаларының қалыңдығы, оңтүстік-шығысындағысы – 4,5 м, солтүстік-батысындағысы – 5 м, қабырғаларының сақталған биіктігі 0,25–0,35 м. Жолдың ең тар тұсының ені 1,9 м. Қақпаның екі жағындағы, өртеніп кеткен тіреулерінің орны қақпа жолының ішкі жағынан, қақпа қабырғаларының ішкі бұрышына таман анықталды. Өртенген қақпаның екі тіреуінің ізі қабырға бұрыштарынан анық байқалса, өртенген ағаш қалдықтары оның айналасында және қақпа жолының ортасына таман жатыр. Қабырғаға жартылай кіріп тұрған қақпа тіреулерінің арасы 2,6 м. Солтүстік-батысындағы тіреу орнының диаметрі – 30×34 см, қабырғадағы ізінің сақталған биіктігі 28 см, оңтүстік-шығысындағы қақпа тіреуінің диаметрі – 28×30 см, сақталған биіктігі 20 см.

Қақпаның екі жақтауындағы тіреулер, шамасы жуан бөренелер болған, бірақ олар қозғалмай бір орнында тұрған секілді. Себебі тіреудің астына ешқандай қатты зат қойылмаған. Бөренелер қабырға ішіне, жалпы басым бөлігі кіріп тұрған болуы керек. Қақпа есігі топса арқылы бекітілгенге ұқсайды. Дегенмен, қақпаның айналасынан темір бұйымдар шықпады.

Қақпаның солтүстік-батыс қабырғасының сыртқы бұрышынан анықталған шұңқырдың диаметрі – 1,05 м, тереңдігі 0,4 м. Шұңқырдың іші азғана күл аралас бос топыраққа толған.

Қақпаның алдынан, еден деңгейінен иттің анатомиялық қаңқа элементтері толық сақталған күйі және қақпа жолының орта тұсынан жылқының қаңқа қалдықтары шықты. Аяқтары қақпа сыртына қарай созылып жатқан иттің қаңқаларына қарағанда, оны арнайы жерлегенге ұқсайды. Жылқының негізінен омыртқа сүйектерінің басым бөлігі ретімен жатуы да қызық жағдай.

Қазба барысында әртүрлі археологиялық материалдар табылды.

2. Траншея-қазба жұмыстары Шу өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдердің сыртқы қабырғаларының құрылыстық және қорғаныстық ерекшеліктерін, қабырғаларының қалыңдығын, құрылыс материалдарын, қабырғаның іші мен сыртындағы мәдени қабаттарын анықтау мақсатында төрткүлдердің бірқатарының жал болып жатқан қабырғаларына жүргізілді. Олар: Сарғау, Дөкей, Талдыбұлақ төрткүлдері.

Сарғау төрткүлі Жамбыл облысы Шу ауданы Оразалы батыр аулынан 2,5 км оңтүстікте, Шу өзеніне құятын Сарғау (Шорго) өзенінің оң жағалауында, ауылға тартылған каналдың оң жағасында орналасқан [Елеуов, 2002в, б. 327-328]. Жоспары бойынша төртбұрышты келген, қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталған, төрткүлдің көлемі 60×60 м, болмашы ғана бедерленіп жатқан қабырға-жалдарының ені 5-6 м, биіктігі 0,2-0,5 м. Ескерткіштің үстінен ешқандай материалдар кездеспейді. Сонымен қатар жалдары да ортағасырлық қабырғаның орны болуы күмән туғызады. Сондықтан, төрткүлдің батыс қабырғасын және мәдени қабатын анықтау бойынша траншея-қазба жұмыстары жүргізілді. Шығыстан батысқа бағытталған ұзындығы 12,4 м, ені 0,5 м, тереңдігі 0,5-0,9 м болатын траншея-қазбадан қатты бұзылып кеткен құрылыстың қалдықтары шыққанымен, нақты қабырға орнын анықтау мүмкін болмады. Дегенмен қазбаның, топырағы біршама қаттылау келген орта тұсынан 0,55 м тереңдіктен өртенген ағаш пен күлдің қалдықтары анықталды.

Дөкей төрткүлі Жамбыл облысы Меркі ауданы Сұрат ауылынан 4 км оңтүстікте, Сұрат шатқалының аузында, өзеннің сол жақ тепсеңінде орналасқан. Ескерткіш орналасқан шатқалдың аузынан алқапты көз жетер жерге дейін көруге болады. Жоспары бойынша бұрыштары сәл ғана ауытқып әлемнің төрт тарабына бағытталып жатқан төрткүлдің көлемі 45×45 м, жайылып кеткен қабырға-жалдарының ені 2–10 м, биіктігі 0,2–0,8 м. Оңтүстік қабырғасының ішкі жағы сыртымен салыстырғанда төмен жатыр. 1988 ж. осы оңтүстік қабырғаға жақын, ішкі жағының мәдени қабатын анықтау мақсатында ҚазМУ-дің археологиялық экспедициясы (М. Елеуов) шурф салады. Нәтижесінде 0,4 м сары топырақты қабат қазылып, қыш ыдыстардың сынығын анықтайды [Елеуов,

2002**а**, б. 225]. 2019 ж. осы оңтүстік қабырғасының қалыңдығын, құрылыс материалын, сақталған биіктігін анықтау мақсатында зерттеу жүргізілді. Қабырғаға солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай бағытталған қазба салынды. Ұзындығы 10,6 м, ені 5 м болатын қазба 0,5–0,75 м тереңдікке дейін қазылды. Нәтижесінде жалдың биіктеу болып жатқан тұсының астынан, 0,25 м тереңдіктен пақсадан салынған қабырға қалдығы анықталды. Қабырғаның ені 3,4 м, сақталған биіктігі 0,55 м. Қабырғаның ішкі және сыртқы жағынан, ішкі жағынан тарихи жер деңгейінен, сыртынан әртүрлі деңгейден бірлі-жарым тастар шықты. Соған қарағанда ескерткіш табиғи сәл беткейлеу жерге салынғанға ұқсайды. Қабырғаның ішкі жағынан құрылыс қалдықтары немесе мәдени қабат анықталмады. Төрткүлге салынған траншея-қазба нәтижесінде керамикалық материалдар табылды.

Талдыбұлақ төрткүлі Жамбыл облысы Меркі ауданы Талдыбұлақ ауылынан 3 км оңтүстік-батыста, шатқалдың аузына жақын, өзеннің сол жағындағы тау алды биік адырдың үстінде орналасқан. Солтүстігінде алқапты көзін жеткен жерге дейін көруге болады. Бұрын ғылымға белгісіз болып келген ескерткіштің жоспары бойынша төртбұрышты, бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Көлемі 43×40 м, қабырғасының ені 4–5 м, биіктігі сыртымен есептегенде 0,8–1 м, ішімен есептегенде 0,4–0,5 м. Сыртын айнала ор қоршап жатыр. Орының ені 2–3 м, тереңдігі 0,2–0,5 м. Солтүстік-шығыс қабырғасының ортасында ені 4 м болатын жер сай болып жатыр. Соған қарағанда қақпа орны осы жағында болғанға ұқсайды. Себебі, осы тұсында оры да тегіс жатыр. Құрылыстың қабырғаларының ерекшеліктерін, қалыңдығын, материалын анықтау бойынша солтүстік-шығыс қабырға ортасындағы қақпа орнының батыс жағына қазба салынды. Қазба қабырғаға солтүстік-шығыстан оңтүстік-батыс бағытында жүргізілді. Ұзындығы 7,75 м, ені 0,5 м болатын траншея 0,2–0,8 м тереңдікке дейін жүргізілді. Нәтижесінде жалдың астынан 0,2–0,3 м тереңдіктен пақсадан салынған қабырға анықталды. Қабырғаның қалыңдығы 3,3 м, сақталған биіктігі ішімен есептегенде 0,5 м, сыртындағы орынан бастап есептегенде 1,5 м. Қабырғаның ішкі және сыртқы жағының мәдени қабаты бірдей. Ежелгі жер беті қабатының үстінде 0,15–0,25 м қатты тапталған сары топырақты қабат жатыр. Оның үстінің кей жерлеріне 0,1–0,2 м шірінді қабат жапқан. Бұл қабаттың үстін, толығымен 0,1–0,3 м болатын бос топырақты қабат жауып жатыр. Талдыбұлақ төрткүлінің қабырғасына салынған қазба барысында 1 керамика сынығы және сүйек материалдар табылды.

3. Шурф-қазба жұмыстары Шу өңіріндегі бірқатар төрткүлдерге, ішкі бөлігінде мәдени қабаттары бар деп есептелген, яғни сыртын қоршап жатқан қабырға-жалдарының сыртынан ішкі жағы биіктеу жатқандарына жүргізілді. Олардың қатарында Шу өзенінің ескі арналарының бірінің бойында орналасқан Ынталы, Алатаудың тау алды тегістігінде орналасқан Аққайнар, сазды жерде орналасқан Маханды төрткүлдері бар.

Ынталы төрткүлі Жамбыл облысы Мойынқұм ауданы Ынталы ауылынан 9 км шығыста, Жамбыл ауылынан 10,4 км солтүстікте, Шудың ескі арналары бірінің оң жағалауында, құмды жерде орналасқан. Оған ортағасырлық Аяқ Ақтөбе, Бала Ақтөбе ескерткіштері жақын жайғасқан. Төрткүлдің пішіні

тік төртбұрышты, бұрыштары әлемнің төрт тарабымен бағыттас. Араларын қабырға-жалы бөліп жатқан екі бөліктен тұратын төрткүлдің жалпы көлемі: 125×82 м, батыс бөлігінің көлемі үлкендеу 80×80 м, шығыс бөлігінің көлемі: 80×45 м, қабырғаларының биіктігі сыртын айнала қоршап жатқан, біршама сайланған ордың табынан есептегенде 1,3–2,4 м аралығында ауытқиды. Бұрыштары мен қабырға бойынан мұнара іздерінің орны байқалады.

Қабырға сыртындағы жер деңгейінен біршама (шамамен 0,7–1,3 м) биік жатқан ішкі бөлігінің мәдени қабатын анықтау мақсатында ескерткіштің батыс, негізгі бөлігіне зерттеу жұмыстары жүргізілді. Төрткүлдің шығыс қабырғасына жақын жерден (шамамен қабырғадан 8 м қашықтықтан) көлемі 1×1 м, тереңдігі 0,7 м шурф-қазба жүргізілді. Нәтижесінде 0,65 м мәдени қабаты анықталды. Табиғи жердің бетіне, яғни қазбаның түбіндегі қалыңдығы 10–15 см, арасында өртенген ағаш қалдықтары бар қара топырақты қабаттың бетіндегі қалыңдығы 25 см болатын қабаттан үй жануарларының сүйектері аралас бос топырақ қабаты анықталды. Оның бетін бос топырақ қабаты жауып қалған. Мәдени қабаты тым жұқа болғанымен, қазба жұмыстары барысында керамика сынықтары сирек кездескенімен, жануарлардың сүйектері көп шықты.

Аққайнар төрткүлі Жамбыл облысы Меркі ауданындағы өзі аттас ауылдың батыс жақ ішінде, Т. Рысқұлов көшесі 58, 60, 62 үйлері бақшасының аяғында орналасқан. Ескерткішті 1988 ж. ҚазМУ-дің археологиялық экспедициясы (М. Елеуов) ашқанымен [Елеуов, 2002**б**, б. 225], кейінгі ескерткіштер жинағына енбей қалған. Шамасы, ескерткіш көрші – Сұрат ауылының батыс жағында деп көрсетілгендіктен, кейінгі экспедиция таба алмаған болуы керек. Оның үстіне, төрткүл бұрынғы мәлімет бойынша ауылдың батыс шетінде емес, ішінде қалып қойған.

Ескерткіш жоспары бойынша шаршылы, қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Көлемі 75×75 м, айнала қоршап жатқан қабырға-жалдарының ені 8–10 м, биіктігі 1,8–2 м. Ішкі жағының деңгейі сыртындағы жер бетінен біршама биік жатыр. Ішкі бөлігіне, бір кездері бақша егіп, ішін суға толтырып, үй құстарын да өсірген.

Ішкі бөлігінің мәдени қабатының қалыңдығын және құрылыс қалдықтарын анықтау үшін, солтүстік-шығыс бөлігіне таман көлемі 1×1 м, тереңдігі 0,5 м қазба салынды. Қазба барысында ешқандай да құрылыс қалдықтары анықталмады, тек біркелкі қатты, қиыршық тас араласқан топырақ қабаты шықты. Аққайнар төрткүліне салынған шурфтан жалпы 3 дана керамика сынықтары және 1 дана тас сынығы табылды. Керамикалар ыдыстың қабырға сынықтары болып табылады.

Маханды төрткүлі Жамбыл облысы Меркі ауданы Мыңқазан ауылының шетінен 1,4 км солтүстік-шығыста, Маханды өзенінің сол жағалауында, қамысты жерде орналасқан. Ескерткішті 1977 ж. Жамбыл облысының тарихи-өлкетану музейінің экспедициясы ашқан [Алипчеев, Байбосынов, 1982, с. 128].

Жоспары бойынша шаршылы келген ескерткіштің қабырғалары әлемнің төрт тарабына қараған. Көлемі 100×100 м, айнала қоршап жатқан қабырға-жалдарының ені 8–10 м, биіктіктері сыртынан есептегенде 2–2,4 м, ішінен

есептегенде 1–1,5 м. Бұрыштарынан және қабырға бойынан мұнаралардың ізі байқалады. Бұрыштарындағы мұнаралары қабырға сызығынан сыртқа қарай шығып тұр. Қабырға сыртын айнала ор қоршап жатыр. Орының ені 5–10 м, тереңдігі 0,2–0,4 м, шығыс жағынан ор байқалмайды, себебі осы жағынан өзен ағып өткендіктен, қабырға өзенге қарай бірқалыпты ылдилап кетеді. Қалаға кіретін қақпа оңтүстік қабырға ортасында орналасқанға ұқсайды. Қабырғаның сай болып жатуы мен ордың осы тұста тегіс болып келуі мұны дәлелдей түседі.

Ескерткіштің ішкі мәдени қабаты өте қалың екендігі көзбен шолу барысында да анық байқалады. Осы мәдени қабатының қалыңдығын, ескерткіштің қанша құрылыс горизонтынан тұратындығын анықтау бойынша зерттеу жұмыстары жүргізілді. Оңтүстік қақпа орнынан батысқа қарай, қабырғадан 10 м ішкері көлемі 1×1 м болатын шурф-қазба 1,35 м тереңдікке, табиғи жерге дейін жүргізілді. Нәтижесінде бетіне қамыс өсіп кеткен шым қабатының астынан екі құрылыс горизонты анықталды. Ең төменгі ортағасырлық жер бетіне топырақ қабаты қатты тапталған (5–10 см), бұл сол уақыттағы адамдар ары-бері жүрген жолы немесе бір ғимараттың едені болса керек. Оның үстін арасында құланды қабырға қалдықтары бар қалыңдығы 30–35 см күл аралас топырақ қабаты жапқан. Кей жерлеріне шоғырланған күл қабаты сақталған. Мұның бетінде кей жерінде жіңішке сары топырақты (1,5–2 см) қабат (еден?) сақталса, қалған бөлігінде осы деңгейде өртенген ағаш қалдықтары бір сызық (1,5–2 см) болып жатыр. Осы қабаттың үстіне арасында құланды қабырға қалдықтары жатқан бос топырақты қабат 0,8–1 м қалыңдықта қабатталған.

Шурф салынған жер орта ғасырларда ғимараттың іші немесе сырты болғандығын, шағын қазба болғандықтан анықтау қиындық туғызды. Ескерткіштің бірінші, алғашқы құрылысы қатты өрттің салдарынан қираған ұқсайды. Екінші, кейінгі құрылысы уақыт өте қираған. Қазба барысында керамика сынықтары мен жануарлардың сүйектері шықты.

Талдау жұмыстары. Ортағасырлық ескерткіштердің ішінде бүгінгі күнге дейін көп зерттелген ескерткіштер – негізінен үлкен қалалардың орны. Бірқатар қалаларға кешенді және ұзақ жылдық қазба жұмыстары жүргізілу барысында ортағасырлық қалалық мәдениет туралы айтарлықтай материалдар қордаланып, жарыққа шықты. Олардың ортағасырлық деректердің негізінде локализациясы анықталып, кейбіреуі бұрынғы атауларымен аталып жүр. Қалалар орта ғасырларда Ұлы Жібек жолының немесе керуен жолдарының бойында орналасып, ірі саяси-экономикалық орталық болғандығы анықталды. Тек жекелеген ортағасырлық төрткүлдерге ғана бақылау қазба жұмыстары жүргізіліп, сипаттамалары берілгенімен, олардың құрылысы мен құрылымы, яғни мәдени қабаты, жоспарлануы мен орналасу ерекшеліктері, қандай қызмет атқарғандығы туралы мәселелер бүгінгі күнге дейін шешімін таппай келді. Бұл өте күрделі мәселе.

2019 ж. жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында өңірде алғаш рет төртбұрышты немесе шаршылы келген төрткүл типтес ескерткіштердің

(Қоскұдық, Жазық) қақпа орындары ашылды. Қазба жұмыстары ескерткіштердің қақпа орындары айтарлықтай күрделі құрылыстан тұратындығын көрсетті. Қақпаның екі жағы шамалы мұнараланған қабырғаларға жалғасқандығы, қақпаның жақтаулары немесе тіреулері ағаштан болғандығы белгілі болды. Қақпаның екі жағындағы қабырғаларының қалыңдығы орта есеппен 5 м барса, қақпа жолдары тар (Қоскұдық – 1,9 м), әрі кең (Жазық – орта есеппен 5,5 м). Қоскұдық қаласының көлемі үлкен болғанымен қақпа жолының тар болып келуі қызықты жағдай. Бұл ескерткіштің атқарған қызметіне байланысты болуы мүмкін.

Төртқұлдердің сыртқы қабырға-жалдарына жүргізілген траншея-қазба жұмыстарының барысында Дөкей, Талдыбұлақ төртқұлдерінің қабырға құрылысының қалыңдықтары, орта есеппен 3,4 м, сақталған биіктіктері 0,5 м екендігі анықталды. Қабырға құрылысы материалы ретінде пакса блоктарын немесе соқпа сазды пайдаланған. Екі ескерткіш те шатқалдың аузында не шатқалға жақын орналасқандықтан, бұлар Алатауды асу жолдарының бойында немесе жоғарғы жақтан етекті бақылап тұратын орын қызметтерін атқаруы да мүмкін. Дегенмен, Талдыбұлақ төртқұлі судан біршама алшақ (0,3 км) әрі биік адырдың үстінде орналасуы, сонымен бірге айналасын ор қоршап жатуы қорғаныс жүйесімен немесе етектегі мекендерге белгі берумен байланысты болуы мүмкін.

Қабырға-жалдары енді әрі биік және ішкі мәдени қабаты да біршама қалың болып келген Ыналы, Маханды ескерткіштерінің ішкі жағына салынған шурф-қазба жұмыстары мәдени қабаттары бір және екі құрылыс горизонтынан тұратындығын көрсетті. Екеуі де үлкен қалаларға жақын орналасқан. Ыналы төртқұлінің мәдени қабаты 0,65 м, Маханды қаласының мәдени қабаты 1,35 м. Маханды ескерткішінің бірінші құрылыс горизонтындағы өртенген ағаш қалдықтарының еден деңгейінде жатуы қалада өрттің болғандығын көрсетеді. Дегенмен, қала одан кейін де өмір сүруін жалғастырғандығын екінші құрылыс горизонтының мәдени қабаты анықтап берді.

Аққайнар төртқұліне салынған шурф жұмысы көрсеткендей, қиыршық тас аралас қалыңдығы 0,5 м қабат анықталды. Жалпы, шурф 1×1 м. көлемде ғана болғандықтан, оның қандай құрылысқа түскендігін анықтау мүмкін болмады. Себебі, ішкі бөлігінен біркелкі қатты қабаттың анықталуын үлкен бір қабырғаның үстіне түсуі мүмкін деп болжауға болады. Ескерткіштің үстін қалың өсімдік қабаты жапқандықтан, жер бедері де анық байқалмады. Дегенмен, Алатаудың тау алды тегістігіндегі осы белдеуде басқа да ескерткіштер кездеседі.

Қорытынды. Шу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерге жүргізілген қазба, траншея-қазба, шурф-қазба жұмыстарының барысында өңірдегі бірқатар төртқұл типтес ескерткіштердің жоспары, орналасу ерекшеліктері, қақпа орындары, қабырғаларының қалыңдықтары мен сақталған биіктіктері, мәдени қабатының қалыңдықтары мен сипаты, құрылыс материалдары анықталды. Ескерткіштердің стратиграфиясы мен топографиясы туралы құнды материалдар жиналды. Өңірдегі төртқұл типтес ескерткіштердің ішінде

алғашқылардың бірі болып Жазық және Қоскұдық ескерткіштерінің қақпа құрылысы ашылды. Қақпа орындарынан анықталған өрт іздеріне қарағанда аталған екі ескерткіш те қатты өрттің салдарынан өмір сүруін тоқтатқандығы белгілі болды. Сарғау, Дөкей, Талдыбұлақ төрткүлдерінің қорғаныс қабырғаларының қалыңдығы мен биіктіктері белгілі болса, Ыналы, Аққайнар, Маханды төрткүлдерінің мәдени қабаттарының қалыңдықтары мен құрылымы анықталды. Өңірдегі төрткүл типтес ескерткіштерді келешекте ары қарай зерттеу ортағасырлық қалалық мәдениеттің пайда болуы, дамуы, құлдырауы туралы мәліметтерді толықтыра түсері анық.

Әдебиет

Ақымбек Е.Ш. Ғылыми-зерттеу жұмысы жөніндегі есеп «Шу өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдер (топографиясы, стратиграфиясы, хронологиясы)». Алматы, 2018 // Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының архиві, қ. 11, т. 60, іс 3351, 76 б.

Алипчиев С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: Джамбулский областной историко-краеведческий музей, 1982. 208 с.

Елеуов М. Дөкей қалашығы // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштері Жиынтығы. Жамбыл облысы. Алматы: РМК «ММЕ ҒЗЖИ», 2002**а**. Т. 2. Б. 225.

Елеуов М. Қалашық // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштері Жиынтығы. Жамбыл облысы. Алматы: РМК «ММЕ ҒЗЖИ», 2002**б**. Т. 2. Б. 225.

Елеуов М. Сарғау қалашығы // Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштері Жиынтығы. Жамбыл облысы. Алматы: РМК «ММЕ ҒЗЖИ», 2002**в**. Т. 2. Б. 327–328.

Т. В. Савельева, И. Р. Камалдинов, О. В. Кузнецова

ВЪЕЗДНОЙ КОМПЛЕКС КАРАВАН-САРАЯ ШЕНГЕЛЬДЫ

Статья посвящена результатам раскопок караван-сарая Шенгельды, проведенных в 2018–2019 гг. В северо-западной части караван-сарая, на оплывшем возвышении был заложен раскоп, где были выявлены крепостные стены и вход (ворота). Вход обрамляют два пилона подпрямоугольной формы, выдвинутые наружу на 2,2 м, ширина пилонов 2,5 м, сохранились они на высоту 2,2 м. Расстояние между пилонами (ширина прохода) – 2,6 м, толщина крепостных стен – 2,2 м. Площадь раскопа составляет 355 кв. м, глубина 2,5–2,7 м. В верхнем строительном горизонте были выявлены позднесредневековые погребения и остатки зимовки. Архитектурная особенность памятника – квадрат размером по внешнему обводу 85×85 м и внутреннее устройство, археологические материалы из раскопов свидетельствует о том, что караван-сарай, существовал в X – начале XIII в. на одном из центральных направлений Великого Шелкового пути.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, Шенгельды, караван-сарай, въездной комплекс, стены, помещения, керамика

Шеңгелді керуен сарайының қақпа кешені

Мақалада 2018–2019 жылдары Шеңгелді керуен сарайына жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері баяндалады. Керуен сарайдың солтүстік-батыс бөлігіндегі сыртқы қабырғаның биік бөлігіне қазба салынды. Қазба барысында қорғаныс қабырғасының бір бөлігі мен сыртқы қақпаның орны ашылды. Сыртқы қақпа екі тікбұрышты пилонмен қоршалған. Қабырға бойынан 2,2 м сыртқа қарай шығыңқы тұрғызылған пилондардың ені 2,5 м, сақталған биіктігі 2,2 м. Пилондардың арасы (өтетін жолының ені) – 2,6 м, қорғаныс қабырғасының қалыңдығы – 2,2 м. Қазбаның жалпы көлемі 355 м² тереңдігі 2,5–2,7 м. Қазбаның жоғарғы құрылыс қабатынан кейінгі ортағасырлық жерлеу орны мен қыстаудың қалдығы ашылды. Ескерткіштің архитектуралық ерекшелігі – сырты бойынша 85×85 м көлемде шаршылы келген және ішкі құрылысы мен қазбадан алынған археологиялық материалдар керуен сарай X–XIII ғ. басында Ұлы Жібек жолының орталық бағыттарының бірінің бойында өмір сүргендігін дәлелдейді.

Түйін сөздер: Ұлы Жібек жолы, Шеңгелді, керуен сарай, қақпа кешені, қабырға, бөлме, керамика

© **Тамара В. Савельева, Ильяр Р. Камалдинов, Ольга В. Кузнецова,** *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;* tsavelieva.mail.ru; kamaldinov-ilyar@mail.ru; olga_kuznetsova@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

Shengeldy caravanserai entrance complex

The article is devoted to the results of excavations of Shengeldy caravanserai conducted in 2018–2019 under the Program-targeted funding «Culture of Kazakhstan's population from the Stone Age to the ethnographic modernity by archaeological sources». In the northwestern part of the caravanserai, an excavation was laid on a floating hill, where fortress walls and the entrance (gate) were discovered. The entrance is framed by two pylons of rectangular shape, 2.2 m outward, 2.5 m wide and 2.2 m high. The distance between the pylons (aisle width) – 2.6 m, thickness of the fortress walls – 2.2 m. The area of the excavation is 355 sq.m., depth is 2.5–2.7 m. Late medieval burials and wintering remains were found in the upper construction horizon. Architectural feature of the monument – a square 85×85 m in size on the outer bypass and the internal structure, archaeological materials from the excavations indicate that this is a caravanserai, which existed in the X – beginning of XIII century on one of the central directions of the Great Silk Road.

Keywords: the Great Silk Road, Shengeldy, caravanserai, entrance complex, walls, premises, ceramics

О памятнике. Караван-сарай Шенгельды/Чингельды находится в 90 км от г. Алматы (Капшагайский р-н, Алматинская обл.). Памятник находится в центре современного села Шенгелды (рис. 1), на правом берегу одноименной речки, в районе средней школы. Это четырехугольный в плане участок, окруженный крепостными стенами с башнями по углам размером тортколя 85×85 м.

Первым о городище Чингельды в путевом дневнике поездки на Иссык-Куль написал Ч. Ч. Валиханов в 1856 г. Он видел холм и рядом водопровод из глиняных труб. [Валиханов, 1958, с. 89]. Позднее о городище писали Н. А. Абрамов [Абрамов, 1867, с. 255–258] и Н. Н. Пантусов.

Рис. 1. Караван-сарай Шенгельды. Космоснимок

Археолог А. Н. Бернштам предложил отождествить городище Чингельды с городом Еки-Огуз [1948, с. 12–13], о котором писал в XI в. Махмуд Кашгарский, или с Эквиусом, как называл этот город Гильом де Рубрук, побывавший в этих краях в середине XIII в. [Бернштам, 1939, с. 42–48]. Но вряд ли небольшое городище, каковым является Шенгельды, соответствует большому городу.

В Средней Азии в эпоху средних веков на торговых путях возводились караван-сараи, укрепленные как крепости. Они служили убежищем для торговых караванов в ночное время как придорожные постоялые дворы, состоящие из жилищ, складов, конюшен. Внутри укрепленного квадрата по периметру двора устраивались сводчатые айваны или галереи. К стенам изнутри примыкал ряд жилых комнат, обращенных в сторону двора, а также хозяйственные помещения – склады для товаров и запасов фуража.

К X–XII вв. караван-сараев уже было достаточно много. В караханидскую эпоху стали возводиться новые караван-сараи с использованием жженых кирпичей и новых приемов строительства – арочных и купольных конструкций, одновременно перестраивались старые. В декоративном убранстве появился резной ганч, шлифованный кирпич. Богатый декор из резного ганча, многоцветные росписи, кирпичные кладки украшали сооружение. Но сохранились от того далекого времени, даже в руинах, лишь единицы.

Средневековые караван-сараи напрямую были связаны с организацией городской торговли. Караван-сараи были не только местом, где останавливались караваны с товарами и где находились торговые склады, комнаты для приезжих купцов, там же находились деловые конторы крупных местных купцов и предпринимателей. Там совершались сделки и сидели доверенные лица хозяев, писцы и менялы. Вдоль стены караван-сараев, обращенной к улице, располагались торговые лавки, на которых в базарные дни торговцы раскладывали свои товары. Некоторые караван-сараи играли также роль биржи труда, куда приходили желающие нанять работника. Словом, в караван-сараях постоянно было многолюдно.

Среди известных и достаточно хорошо изученных аналогичных памятников такого рода в Средней Азии караван-сарай в Шенгельды с его небольшими размерами относится к типу дорожных станций. Несмотря на то, что памятник находится в центре современного поселка, основная его территория не была разрушена современным строительством или другой хозяйственной деятельностью. Возможно, сохранению памятника способствовал довольно высокий вал оплывших крепостных стен, окружающий его со всех сторон. Топография памятника позволяет определить основные параметры четырехугольного сооружения, ограниченного мощными стенами.

О караван-сарае в Шенгельды, находившемся на трассе Великого Шелкового пути на Тянь-Шанском отрезке, сообщается в дневнике путешествия Гильома де Рубрука – посла французского короля Людовика IX к хану Мунке, где он подробно описывал свой маршрут (1253–1254 гг.) [Рубрук, 1993, с. 110–111].

Поселок Шенгельды в средние века представлял собой торговое поселение и торговую точку на одной из основных трасс Великого Шелкового пути, пересекающего Илейскую долину. Жители торговых поселений занимались торговлей и сельским хозяйством, обслуживали постояльцев караван-сарая. Большое количество железных изделий, найденных в раскопах караван-сарая, свидетельствует о том, что в средневековом поселении Шенгельды было развито кузнечное ремесло. Найденные предметы оружия, сельскохозяйственных орудий и других видов кузнечных изделий – продукция местных производителей. «Особый уклад жизни был присущ селениям, расположенным по большим караванным дорогам и важным путям сообщения. Их жители обслуживали караваны: были погонщиками верблюдов, проводниками в горах, при переходах через горные перевалы» [Сухарева, Турсунов, 1982, с. 35–36].

Однозначно можно говорить о том, что караван-сарай Шенгельды подвергался перестройке в XI–XII вв. Об этом свидетельствуют жженые кирпичи, найденные в раскопах и разрезе крепостной стены. Кирпич начали применять в строительстве жилых и общественных сооружений [Савельева, Камалдинов, 2019, с. 94-98].

Описание раскопа. Целью исследования 2018–2019 годов было изучение северо-западной части караван-сарая. Раскоп был заложен в том месте, где отчетливо прослеживалось максимальное возвышение (рис. 2): там был снят верхний слой дерна по верху и внешнему фасу крепостной стены.

Рис. 2. Вид участка перед началом раскопок

Для выявления конструкции верхнего строительного горизонта был заложен раскоп общей площадью 1400 кв.м. Далее центральная часть раскопа площадью 300 кв. м была углублена для расчистки конструкции ворот и прилегающих к ним крепостных стен и помещений.

Поле снятия верхнего слоя толщиной 30 см со всей площади раскопа, работы были сосредоточены в центральной, наиболее возвышенной части исследуемого участка северо-западной части караван-сарая.

После тщательной зачистки центральной части раскопа были выявлены, предположительно, конструкции от плохо сохранившейся поздней зимовки. Рядом был найден круглый каменный дисковидный жернов диаметром 1,1 м.

На глубине 40 см от дневной поверхности в центральной части (ближе к юго-западу) раскопа было выявлено несколько впускных поздних погребений. Могилы имеют овально-вытянутую форму и ориентированы по линии СЗ–ЮВ. Длина могил 1,7–1,8 м, ширина 0,7–0,8 м, глубина 0,4–0,5 м. Погребенные были уложены вытянуто на спине, головой ориентированы на СЗ, череп лицевой частью обращен на ЮЗ. Погребения совершены по мусульманскому обряду.

Далее раскопки были продолжены в центральной, наиболее возвышающейся части раскопа – площадке размером 16×16 м. На этом участке были выявлены крепостные стены и ворота караван-сарая. Ворота обрамляют два пилона подпрямоугольной формы, выступающие наружу на 2,2 м, ширина пилонов 2,5 м, сохранились на высоту до 2,2 м. Расстояние между пилонами

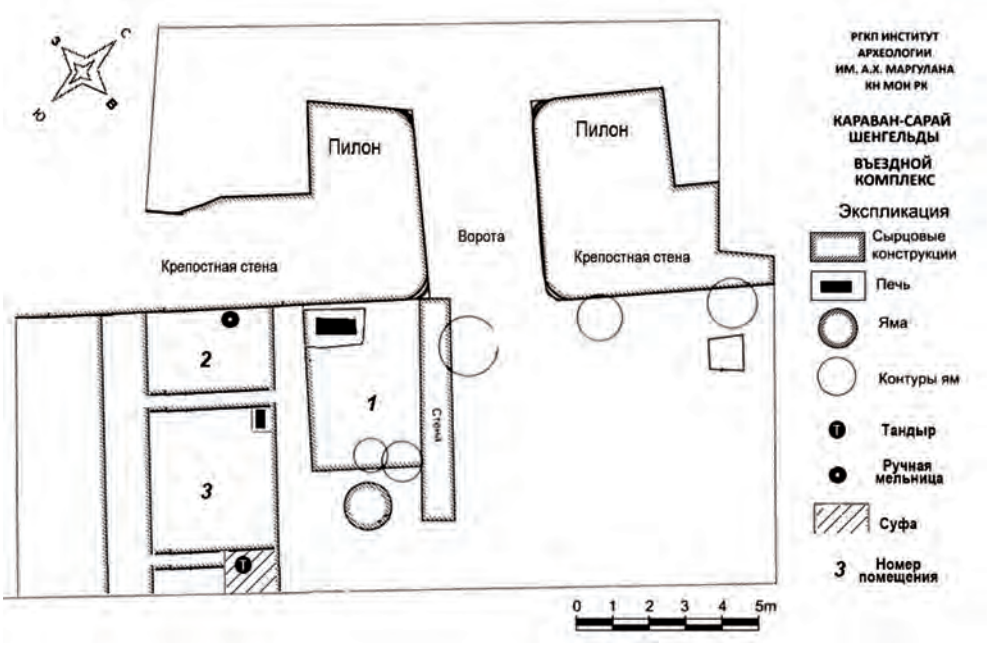

Рис. 3. План раскопа (Въездной комплекс)

(ширина прохода) – 2,6 м. Толщина крепостной стены в проеме ворот – 2,2 м (рис. 3).

Несколько мусорных ям (диаметром 0,7–1,1 м) выявлено северо-восточнее ворот внутри караван-сарая. Заполнение ям состояло из рыхлого грунта с вкраплениями золы, фрагментов керамики и костей животных (кухонные остатки).

На территории караван-сарая перед воротами зафиксирован зольный слой толщиной 0,1–0,2 м.

В южной части раскопа в 5 м от крепостной стены была выявлена часть помещения, относящаяся к первому строительному горизонту. Была расчищена суфа со встроенным в нее тандыром (рис. 4). Суфа размером 1,4×1,2 м, высотой 0,4 м. Впущенный в суфу тандыр в плане круглой формы: диаметр устья – 45 см, диаметр дна – 55 см, сохранившаяся высота – 45 см. Стенки тандыра толщиной 5,6 см прокалены до красного обжига со следами сажи и копоти. Внутренняя плоскость тандыра украшена комбинацией из прямых и волнистых вертикальных врезных линий, прочерченных трехзубчатой

Рис. 4. Въездной комплекс. Вид на юго-восток

гребенкой глубиной до 0,5 см. С восточной стороны в тандыре у дна находится поддувало размером 7×14 см.

Слева от ворот ко внутренней стороне крепостной стены были пристроены помещения, три из них были расчищены. Помещения относятся ко второму строительному горизонту (X – начало XII в.).

Помещение № 1 размером 4,5×2,6 м вытянуто с СЗ на ЮВ. Северо-западной стеной помещение примыкает к крепостной стене. Стены помещения сложены из пахсовых блоков, толщина стен 0,75 м, сохранились на высоту 0,8 м. В западном углу помещения впритык к крепостной стене была расчищена печь прямоугольной формы. Печь располагалась на возвышении – подиуме высотой 0,4 м. Внутренняя часть печи была заполнена золой, ее дно и стенки прокалены. Размер печи по внешним стенкам – 1,5×1,2 м, по внутренним – 0,8×0,7 м, сохранившаяся высота печи – 0,6 м.

Помещение № 2 расположено юго-западнее помещения 1, также пристроено к крепостной стене. В плане помещение прямоугольное размером 2,8×1,8 м (рис. 5). В заполнении припольного слоя были найдены фрагменты керамики кухонной посуды, фрагмент каменного жернова и кольцо (перстень) из металла. Юго-западная стена помещения сохранилась на высоту 1,3 м, толщина стены 1,2 м. На стене частично сохранилась штукатурка-обмазка толщиной 2–5 см, нанесенная в несколько слоев. Северо-восточная стена сохранилась на высоту 0,8–1 м, толщина стены – 0,95 см. Стена является общей для помещений № 1 и 2. Юго-восточная стена помещения общая с помещением № 3, она сохранилась на высоту 0,3–0,4 м, толщина стены – 0,4 м. Северо-западной стеной помещение пристроено к крепостной стене. Высота стены от пола – 2,3 м. Вдоль стены на полу видны следы пожара, здесь же найден верхний диск каменного жернова (дермен). Диск круглый диаметром 34 см, толщиной 2 см, в центре сквозное отверстие диаметром 5 см.

Рис. 5. Помещение (№ 2) у въездного комплекса

Помещение № 3 размером 3,5×2,8 м находится к ЮВ от помещения 2 и к ЮЗ от помещения 1. В северном углу помещения расчищены остатки напольного очага прямоугольной формы: размеры по внутренним стенкам 50×30 см, толщина обкладки печи 15 см. Печь сложена из сырцового кирпича размером 36×22×10 см, сохранившаяся высота стенок печи 22 см. Юго-восточная стена помещения толщиной 80 см, сохранилась на высоту 0,2–0,3 м. Стены возведены способом ленточной заливки из глины с землей (толщина лент 10, 15, 20 см). Юго-западную стенку помещения прорезает мусорная яма верхнего строительного горизонта, относящегося к середине XII – началу XIII в. Яма диаметром 1,2 м и глубиной 0,4–0,5 м. Заполнение ямы было представлено рыхлым грунтом, линзами золы, фрагментами керамики и костями животных. В ходе расчистки пола помещения было найдено множество фрагментов неполивной керамики и кости животных.

Находки. Керамический комплекс из раскопок представлен фрагментами сосудов, которые по функциональному назначению могут быть отнесены к кухонной посуде. Это преимущественно котлы с налепными ручками и горшки безручные, хумы – сосуды хозяйственного назначения и посуда специального назначения – светильники-чираги, мелкоразмерная посуда, возможно, детская.

Небольшого размера переносной керамический светильник – чираг (рис. 6, *1*) с длинным носиком и небольшим резервуаром цилиндрической формы. Чираг имел также петлевидную ручку, которая была утрачена (обломана). Длина носика светильника 12 см, диаметр резервуара 6,5 см, высота 4,5 см.

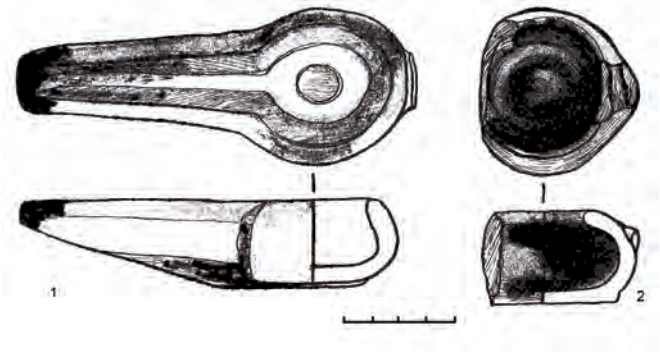

Рис. 6. Керамические светильники – чираги

Анализ сырья, использовавшегося для изготовления посуды, показал, что основная масса керамических изделий была изготовлена из запесоченной ожелезненной глины. Изучение технологии изготовления посуды показало, что она в основном изготовлена ручной лепкой. Выделены фрагменты со следами отпечатков папиллярных линий пальцев в виде параллельных узких бороздок. Эти следы образовывали несколько неравномерных по ширине бордюров и вероятно являлись результатом заглаживания поверхности сосуда руками мастера. Снаружи сосуды покрывались светлым ангобом.

Для обжига керамики характерно использование окислительного режима с открытым доступом воздуха, что влияет на окраску черепка от светло-

коричневого до кирпично-коричневого оттенков. В коллекции керамики большое количество составляют черепки, имеющие характерную слоистость окраски в изломе: светлая полоса с наружной и внутренней части и серая, иногда темно-серая, в центре излома, свидетельствующие о неполном обжиге.

Металлические изделия из раскопок представлены сельскохозяйственными орудиями: топор, фрагмент кетменя, полотно ножа, фрагменты предметов от снаряжения лошадей, и наконечник шила, фрагменты стенок котлов и кольцо со вставкой (перстень).

Очень часто при консервации и реставрации археологических предметов можно наблюдать следы ремонта на керамической и металлической посуде. Это свидетельствует о том, что владельцы, возможно, были не зажиточными и бережно относились к посуде, ремонтировали ее и продолжали пользоваться.

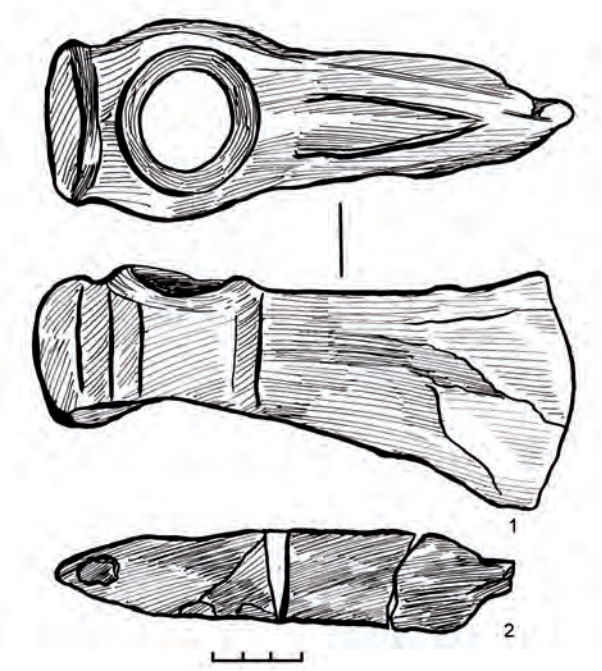

Рис. 7. Изделия из металла:
1 – топор; 2 – нож

Топор железный: длина 17 см, ширина лезвия 8 см, диаметр отверстия под деревянную рукоять 4 см, металл коррозирован (рис. 7, *1*).

Железный нож: длина полотна – 19 см, длина лезвия – 16 см, ширина – 2,8 см, толщина 0,5 см с коррозийным покрытием (рис. 7, *2*).

Выводы. В результате раскопок караван-сарая Шенгельды в полевом сезоне 2018–2019 гг. был вскрыт въездной комплекс (ворота) и находящиеся справа от него помещения. Выяснены: устройство въезда и параметры въездных конструкций, использованные строительные материалы и технология возведения крепостных стен, пилонов и входной группы. Караван-сарай Шенгельды относится к постройке традиционного вида – один вход, прямоугольный двор в центре и размещением жилых помещений с двух сторон непосредственно у стен. Датируется караван-сарай Шенгельды X – началом XIII в., что подтверждается керамикой и металлическими изделиями **[**Савельева, Камалдинов, 2019].

Литература

Абрамов Н.А. Алматы или укрепление Верное с его окрестностями // Записки РГО по общей географии (отделениям географии физической и математической) / под ред. Н. Семенова. СПб.: типография В. Безобразова и комп. Вас. Ос., 1867. Т. 1. С. 255-268.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Семиречье // КСИИМК. 1939. Вып. 4. С. 42-48.

Бернштам А.Н. Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1948. 17 с.

Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.). Ч.Ч. Валиханов. Собр. Соч. в 5 тт. Т. I. Алма-Ата: гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1984. 432 с.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Сер.: Путешествия. Открытия. Приключения. Алматы: Гылым, 1993. 248 с.

Савельева Т., Камалдинов И. Караван-сарай Шенгельды // Промышленность Казахстана. 2019. № 3 (107). С. 94-98.

Сухарева О.А., Турсунов Н.О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии второй половины XIX – начала XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1982. С. 10-48.

Е. А. Смагулов [Э], Д. Ә. Талеев

ҚАРАТӨБЕ ҚАЛАШЫҒЫНЫҢ ШЫҒЫС ҚАБЫРҒАСЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕСІ

Мақалада Қаратөбе қалашығы цитаделінің қорғаныс қабырғасының шығыс шетіне 2019 ж. салынған стратиграфиялық кесіктің нәтижелері жайлы айтылады. Салынған стратиграфиялық кесіктің ені 1 м, ұзындығы 26 м, биіктігі 4 метрден асады. Кесіктің мақсаты: қабырғаның құрылымын, негізгі сипатын зерттеп материкке дейін қазған кезде осы жерде болған қаланың қалыптасқан уақытын анықтау. Осы бөлікте жүргізілген археологиялық ізденістер қорғаныс қабырғасының құрамын, оның құрылымын және түзілімі мен салыну уақытын анықтауға бағытталды. Қазба барысында қорғаныс қабырғасының ішкі және сыртқы қырларын анықтау, оның құрылымын зерттеу, сақталу деңгейін байқау секілді нәтижелер күтілген. Жоғарғы және екінші құрылыс қабаттары кезінде сыртқы қорғаныс қабырғаның үстінен тұрғын үй жайлар түскен. Құрылыс қабаттарын бірнеше жерінен қоқыс шұңқырлары кесіп өткен. Ал төменгі қабатта қабырғаның сыртқы жағынан бірнеше үй жай орындары ашылды. Бұл қала құрылысының жобасын анықтауға жаңа өзгерістер беретін алғашқы да қызықты бақылау деуге болады. Қаратөбе қалашығы цитаделінің қорғаныс қабырғасындағы зерттеу жұмыстары енді ғана басталды. Сондықтан қандайда бір тарихи тұжырым жасауға әлі ерте.

Түйін сөздер: Қаратөбе, қала, зерттеу, қазба, кесік, статиграфия, мерзімдеу

Результаты исследований восточной стены городища Каратобе

В статье приводятся результаты изучения стратиграфического разреза, заложенного в 2019 г. в восточной части оборонительной стены цитадели городища Каратобе. Ширина разреза 1 м, длина 26 м, высота более 4 м. Археологическое изучение этого участка позволит установить наличие оборонительных сооружений, их конструкцию и основные строительные и, вероятно, хронологические периоды в строительстве крепостной стены. Результаты раскопок показали что, в верхнем (втором) строительном горизонте крепостная стена была застроена жилыми постройками, ее тело прорезали несколько мусорных ям, а внизу за стеной к её наружному фасу были пристроены стены каких-то жилых строений. Это самое первое и самое интересное наблюдение, которое, вероятно, может внести существенные корректировки в реконструкцию истории города. Работы по исследованию крепостной стены цитадели Каратобе только начаты, и делать исторические выводы еще преждевременно.

Ключевые слова: Каратобе, город, исследование, раскоп, разрез, стратиграфия, хронология

© Ербулат А. Смагулов [Э], Докей Ә. Талеев, *Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан;*doc19_59@mail.ru

Ғылыми жұмыс ҚР Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруымен орындалды, жоба ЖТН AP05133405.

Results of research on the Eastern wall of the Karatobe settlement

The article describes the results of a stratigraphic section laid in 2019 to the Eastern edge of the defensive wall of the citadel of Karatobe. The width of the stratigraphic section is 1 m, the length is 26 m, and the height is more than 4 meters. The purpose of the section: to study its structure and main characteristics, as well as, having reached the mainland, to identify the period of origin of the city that existed in this place. The archaeological study of this site will allow us to establish the presence of fortifications, their construction and the main construction and probably chronological periods in the construction of the fortress wall.

The results of the excavation showed that, on the upper 2 construction horizon, the fortress wall was built up with residential buildings, its body was cut through several garbage pits, and at the bottom of the wall, the walls of some residential buildings were attached to its outer facade. This is the first and most interesting observation that can probably make significant adjustments to the reconstruction of the city's history. Research on the fortress wall of the Karatobe citadel has only just begun, and it is too early to draw historical conclusions.

Keywords: Karatobe, city, research, excavation, section, stratigraphy, chronology

Қаратөбенің археологиялық зерттелуі

Ежелгі Сауран қаласының орнын анықтау мәселесі ғылымда көпке дейін шешімін таппай келді. Өйткені осы күнгі Сауранның мәдени қабаты XIII–XIV ғасырлардан әрі аспайды. Ал қаланың аты жазба деректерде жоқ дегенде IX ғ. бастап белгілі. Көпке дейін Ежелгі Сауранның бастапқы орны жайлы түрлі болжамдар айтылып жүрді. Тіпті осы тұста бірақ, Сырдарияның сол жағында орналасқан Мейрамтөбе қалашығы болуы мүмкін деген де пікір болды [Байпаков, 1986, с. 27]. Өткен ғасырдың 50-жылдары Сауран қалашығының оңтүстігінде 3 шақырым жердегі Қаратөбеде зерттеу жұмыстарын алғаш Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы жүргізді. Сол кезде Қаратөбенің Сауранмен байланысы бары туралы алғаш болжам жасалған болатын [Агеева, Пацевич, 1958, с. 107].

1986 ж. қалашықта қайта зерттеу жүргізген Ескерткіштерді тізімдеу экспедициясы оның мәдени қабатының қыртысын анықтау барысында Қаратөбе ежелгі Сауранның орны екендігін анықтаған. Осылайша 1994 ж. жарық көрген Оңтүстік Қазақстан ескерткіштері жинағының картасында Қаратөбе ежелгі Сауранның орны ретінде көрсетілді [Свод..., 1994, с. 307]. Ал, 1997 жылы екі қалашыққа қатар стратиграфиялық қазба шұңқырын салған Түркістан археологиялық экспедициясы (Е.А. Смагулов) Қаратөбе мен Сауранның тарихи сабақтастығын толық растады [Бурнашева, Смагулов, 2006, с. 11]. Яғни, Қаратөбе ежелгі Сауран, ал Сауран қалашығы Алтын Ордадан бері қарай өмір сүрген Сауранның орны екендігін дәлелдеді.

2004 жылдан бастап Сауранда Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы қаржыландыруымен кең көлемдегі қазба жұмыстарын бастады. Қаланың қоғамдық және діни ғимараттарының (жұма мешіт, медіресе, ханака, т.б.) орындары, солтүстік қақпасы, мешіт-намазгох және қала маңындағы бірнеше үй жайлары қазылды.

Бірақ, Қаратөбе қалашығы ол бағдарламаға кірмеді. Сондықтан қалашықта үлкен қазба жұмыстары жүрмеді. Тек 2006–2008 жылдары «Өлкетану қоғамдық қорының» қаржыландыруымен қазба жұмыстары жүргізілді.

Қазба жұмыстарының сипаты (сур. 1–3)

Қаланың эволюциясын зерттеу үшін, фортификациялық құрылыстардың тарихын, олардың құрылымын, әсіресе, қорғаныс құрылыс элементтерінің іргелес тұрғын үй құрылыстарымен хронологиялық және жобалық қатынасын анықтау аса маңызды. Бірінші қазбаға жақын орналасқан фортификациялық элемент цитадельдің оңтүстік-шығыс бұрышындағы бекініс қабырғаларының учаскелері және бұрыштағы мұнараның орны ретінде болжанатын бөлік болып табылады. Алға қойылған тапсырманы жүзеге асыру мақсатында қазба I шығыс бағыттағы беткейге дейін және одан әрі цитадель қабырғасының ең төменгі табанына дейін кеңейтілді. Бұл ретте қазба барысында қабырғаның сыртқы және ішкі қырлары анықталып, оның құрылымы, сақталу дәрежесі және т.б. зерттелді. Жоғарғы және екінші құрылыс қабатындағы үй құрылыстары бекініс қабырғасының үстіңгі жағынан түскен, оның бойын бірнеше қоқыс шұңқырларын кесіп өткен, ал оның төменгі жағындағы сыртқы қабатына қандай да бір тұрғын үй құрылыстарының қабырғалары жапсырылған. Бұл қала тарихын қайта жаңғыртуға елеулі түзетулер енгізе алатын ең бірінші және ең қызықты бақылау. Қаратөбе цитаделінің бекініс қабырғасын зерттеу жұмыстары енді басталды және тарихи қорытынды жасау келешектің еншісінде болмақ.

Сур. 1. Бөлме 3. Төртінші құрылыс қабаты

Қазбаның шегінде жеке үйлерге біріктірілген бөлмелер жобасы анықталды. Бірінші тұрғын үй төрт жеке бөліктен құралған. Өз кезегінде әр бөлік бір немесе екі бөлмеден құралған. Алғашқы тұрғын үй бөлігі үш бөлмеден (2, 3 және 3а) тұрады. Ені 0,8 м, ұзындығы 5,2 м болатын бөлме 3 шығыс жағында кеңейіп, кішігірім ауыз бөлмеге ұласады. Көлемі 2×1,6 м болатын осы бөлменің едені алғашқысынан 20 см жоғары жатыр. Бұл бөлік шамасы жататын сыпаның қызметін атқаруы мүмкін.

Шаруашылық-тұрғын үй-жайға кіреберістерден оңтүстік-батыс бұрышында орналасқан ені 0,9 м өту жолы апарады. № 2 бөлме көлемі 4,5×3,6 м болатын тік бұрышты. Солтүстік және шығыс қабырғаны бойлай Г тәріздес сыпа орналасқан. Оның солтүстік қабырға жағындағы жалпақтығы 1,3 м, ал шығыс қабырғасы бойындағысы 2,2 м, сыпаның сақталған биіктігі 50 см. Солтүстік қабырға бойындағы сыпада орналасқан тандырдың диаметрі 60 см, тереңдігі 45 см, жоғарғы бөлігі дөңгелек, диаметрі 14 см, төменгі деңгейі еденнен сәл жоғары. Тандырдың жоғарғы ернеулері сақталмады.

Солтүстік, шығыс және Оңтүстік қабырғалары пахсадан, ені 60-тан 70 см-ге дейін. Қабырғаларының сақталған бөлігінің биіктігі 60 тан 80 см дейінгі аралықта. Қабырғаларында сабан араластырылған балшықтан сыланған қызғылт түсті бірнеше қабат сылақтар байқалады. Үй-жайдың едені жақсы тапталған, онда ұсақ көмір түйіршіктері кездеседі.

Екінші бөлік екі бөлмеден (1,4) тұрады. Мұндағы № 1 бөлменің көлемі 5,6×4,2 м. оның шығыс және солтүстік қабырғаларының қалыңдығы 0,7–0,9 м аралығында. Бірінші бөлменің ішкі жағы екі деңгейлі, «П-тәріздес» сыпамен жабдықталған. Жалпақтығы 1,3 м болатын батыс шеттегі сыпа шығыс және солтүстік қабырғалар бойындағы сыпалардан 20 см биік. Солтүстік қабырғадағы сыпаның жалпақтығы 3,3 м, ал шығыс қабырға бойындағысы 1,7 м. Батыс шеттегі сыпаның үстіндегі тандыр толық сақталған. Жоғарғы ернеуінің диаметрі 55 см, табанының ішкі жағының диаметрі 65 см, тандырдың төменгі жағынан басталатын төрт бұрышты түтіндігі 20×20 см. Тандырдың тереңдігі 55 см. Сыпаның биіктігі 60 см, төменгісі 36 см. Солтүстік сыпаны ені 60 см, тереңдігі 1,2 м дөңгелек шұңқыр кесіп өткен. Еденнің бос бөлігінің көлемі 2,9×1,6 м. Батыс сыпаның оңтүстік бүйіріндегі беті есік қуысына тіреледі. Ені 0,7 м есік қуысы № 4 бөлмеге жалғасады. Төрт бұрышты бұл бөлменің көлемі 6,2×2,4 м. Үй жайдың сыртқы қабырғасы саналатын батыс қабырғаның ені 0,8 м, пахсадан соғылған. Оның сақталған биіктігі 40 тан 60 см аралығы. Оңтүстік қабырғасы № 1, 4 және 3 бөлмелерге ортақ. Қабырғаның қалыңдығы 0, м, сақталған биіктігі 0,5 м. Төртінші бөлмеде екі есік қуысы бар: біреуі № 1 бөлмеге өтсе, екіншісі бөлмені ауыз бөлмеге (3) және әрі қарай бөлмелерге ортақ ауыз үйге жалғасады.

Үшінші тұрғын үй бөлігі оңтүстік-батыс бұрышы қырланып келген төртбұрышты (көлемі 6,5×3,4 м) жеке бөлме № 5 тен тұрады. Бөлменің шығыс қабырғасының ұзындығы 6,2 м, ал батыс қабырғасы 7 м. Солтүстік және шығыс қабырғаларын бойлай «Г-тәріздес сыпа салынған. Сыпаның солтүстік бөлігінің жалпақтығы 2 м, шығыс шетінің жалпақтығы 1,8 м, екі сыпаның

үстінде де тандыр бар. Олардың диаметрі 70 см, биіктігі 50 см. Сыпаның биіктігі де осыған сәйкес 50 см. Шығыс сыпаның үстіндегі тандырдың түтін қуысы оның еденінен басталады. Түтін қуысының ені 20 см, биіктігі 10 см, жоғарғы жағы арка тәріздес етіп жасалған.

Бастапқыда солтүстік сыпаның ені 1,8 м болған. Сол кезде тандыр салынған. Сосын сыпа 20 см кеңейтіліп, жалпы жалпақтығы 2 м жеткен. Осылайша бастапқы сыпаның үстінде болған тандыр қалдығын кейінгі сыпа жауып қалған және сыпаның беті көтерме төсек қызметін атқарған. Еденнің бос бөлігінің көлемі 4,2×1,5 м. Батыс қабырғаның орта тұсында орналасқан ені 0,9 м болатын есік қуысы ұзындығы 2,2 м шамасындағы ауыз бөлме тәрізденіп, бесінші жіне оныншы бөлмелерді жалғайды. Оныншы бөлмеге өтетін табалдырыққа диаметрі 10 см кеспелтек ағаш қойылған.

Төртінші бөлік № 8 және 9 бөлмелерді біріктіреді. Тоғызыншы бөлме тік бұрышты, көлемі 3,5×3,5 м. Бөлменің солтүстік-батыс бөлігін алып жатқан сыпаның ұзындығы 2,9 м, ені 1,2 м, сыпаның үстіндегі тандырдың диаметрі 60 см. Тандырдың жоғарғы бөлігі сақталмаған, түтін шығаратын қуысы тандырдың табанынан басталады. Бөлменің солтүстік-батыс бұрышындағы № 8 бөлмеге өтетін есік қуысының ені 1,2 м. Трапеция тәріздес бұл бөлменің көлемі 2,3×1,5 м, ауыз бөлме қызметін атқарған. Бөлме арқылы № 10 бөлмеге өтуге болады. Төртбұрышты келген оныншы бөлменің көлемі 7,2×5 м. Бұл үй иелігінің төрт бөлігін бір біріменжалғап тұрған бөлме. Бөлменің шығыс қабырғасына жалғастыра салынған сыпаның жалпақтығы 1,7 м, оңтүстік қабырғасының еденінде шамасы жылжымалы ошақтың орнында қалған отқа

Сур. 2. Екінші бөлік. Бөлме 1

күйген қызғылт дақ байқалады. Ал батыс қабырғаның орта тұсындағы ені 1 м есік қуысы сыртқа шығады. Бөлме ішінде бес шұңқыр тазартылды. Олардың барлығын да бетін жоғарғы құрылыс қабаттың едені жауып қалған.

№ 1 үй жайда екі құрылыс кезеңі анықталды. Бастапқыда үй бес үлкен бөлмеден тұрған. Олар 1, 2, 5, 9, 10-шы бөлмелер. Соңғы бөлме сыпасы жоқ қонақхана. Онда тандыр жеке тақшаға салынған. Отбасының көбеюіне қарай бөлмелер аздап өзгертілген. № 1-ші бөлме екіге бөлініп, жаңа пайда болған бөлменің батыс қабырғасын бойлай сыпа мен тандыр салынған. № 10-шы бөлмеге қосымша тұрғызылған қабырға бірінші мен екінші бөлмелерді жалғастырған ұзын ауыз үйге айналады.

№ 8-ші бөлменің жеке бөлігіне айналған шығыс қабырғаның бойында қосымша сыпа пайда болады. Оның жанынан текше үстіндегі тандыр түседі. Ортақ үлкен бөлме кішкене тарылады. Енді ол бөлме қонақ қабылдайтын және үлкен патриархалды отбасы мүшелері жиналатын салтанатты орынға айналады. Бірінші мен екінші құрылыс кезеңі едендерінің арақашықтығы 20–30 см шамасында.

Алғашқысының оң қапталындағы екінші үй жай № 6, 7, 12-ші бөлмелерден тұрады. Бұл бөлмелердің барлығыда қазба аумағында жартылай ашылды. Бөлмелердің бір бөлігі төбенің шеткі аймағында орналасқандығынан олардың жоғарғы мәдени қабаттың жуылып кетуіне әкелген. № 6-шы бөлме жобасы тікбұрышты, көлемі 4,2×3,2 м, батыс қабырғасын жағалай ені 1 м сыпа салынған. Сыпаның солтүстік бөлігін едәуір кейін қазылған шұңқыр бұзып өткен. Оны тазалау барысында уақыт анықтауға көмегі тиер ешқандай материал кездеспеді. Сыпаның қабырғасынан қызылмен боялған сылақ іздері аңғарылады. Есік қуысының орны анықталмады. Шамасы ол бөлменің солтүстік-шығыс бұрышында болса керек. Бөлме қабырғасының осы бөлігін едәуір кейінгі шұңқыр бұзып кеткен. № 7-ші бөлме бұл жолы жартылай ғана ашылды. Оның көлемі шамамен 4,0×2,5 м бұл бөлменің де шығыс бөлігін едәуір

Сур. 3. Кесіктегі қорғаныс қабырғасының қабаттары

кейін қазылған шұңқыр бұзып кеткен. Ал № 11 және 12-ші бөлмелердің шеткі бөліктері ғана ашылды. № 12 бөлменің оңтүстік шетінен тікбұрышты, көлемі 3,5×1,5 м бөлме жартылай ашылды. Оның сыртқы қорғаныс қабырғасына тақап салынған шығыс қабырғасының ені 50 см. Бөлменің үш қабырғасын бойлай 30 см биіктікте сақталған сыпа салынған. Қақ ортасында балшықтан тұрғызылған, отқа әбден күйгендіктен қып-қызыл болып кеткен ғұрыптық ошақтың орны ашылды. Оның ішкі жағы аздап ойылған. Қабырғалары қатты температурадан күйіп үгітілген.

Жоғарғы және екінші құрылыс қабатының үйлерін тұрғызған құрылыс материалы ретінде пахса немесе балшық домбаз пайдаланылған. Сыпалар мен бөлгіш қабырғалар көлемі 40–41×18–20×8–10 см қам кесектермен қаланған. Үй жайдың төбесі тегіс етіп жабылса керек, үлкен бөлмелердің еденінен шатырды тіреген бөренелердің астына төселген жалпақ тас тұғырлар шықты.

Бірінші үй иелігі есіктері ортақ үлкен бөлмеге (10) шығатын төрт жеке бөлікті біріктірген. Шамасы үйде үлкен бір патриархалды жанұя тұрған. Бөлмелердің ішкі құрылыстары үстіне от жағатын аузы мен түтін шығар мұржасы бар тандырлар салынған сыпалармен жабдықталған. Тандырлардың беткі ауыз жағы жалпақ келген және арнайы қақпақпен жабылған. Тандырлардың ішкі жағына жапсырған нан түсіп қалмас үшін жасалатын кесіп салынған арнайы өрнектер нақышының алуан түрлі нұсқаларының кездесуі қала тұрғындарының эстетикалық талғамының жоғары болғандығынан хабар береді. Өрнектер түрлі геометриялық сызықтардың сан алуан нұсқаларын құрайды. Жоғарғы және ортаңғы құрылыс қабатынан табылған жиырмадан астам тандырлардың ішкі өрнектері бір-бірін қайталамайды. Дегенмен ішкі өрнектерінің сәйкестігіне қарай тандырларды екі топқа бөлуге болады.

Тандырлардың бірінші тобына ішкі өрнектерін тістерінің саны әртүрлі тарақ секілді құралмен түрлі бағытта салғандары жатады. Олар тік, қиғаш, көлденең бағыттарда сызылған түзулердің қиылысуынан тұратын төрт-алты-сегіз қатарлы сызықтар түрінде.

Екінші топты тарақ тәрізді құралмен түрлі бағытта салынған түзу сызықтар мен толқын тәріздес сызықтардан тұратын өрнектері бар тандырлар құрайды. Бұларда да толқын тәріздес сызықтардың түрлері саны мен бағыттары әртүрлі. Олар үлкен толқынды немесе тік бұрылатын болмаса ұсақ толқынды болып келеді. Тандыр ішіне салынған суреттердің көпшілігі сырланбаған ыдыстарға салынған өрнектерге ұқсас болып келеді. Ерекшелігі ыдыстарға өрнектер тарақ тәріздес құралмен емес үшкір таяқшаның көмегімен тырнап салынады. Жарты доғалардың түрлі қосылыстарынан тұратын өрнектер ыдыстардың қақпақтарына салынатын суреттерге келеді. Ал спирал тәріздес орамдағы түрлері боялған ыдыстарда кездеседі. Осының барлығы Қаратөбедегі өрнектердің стильдік біртұтастығы мен тұрақтылығын аңғартқандай.

Қорғаныс қабырғасының шығыс бөлігіне салынған кесік

Цитадельдің оңтүстік-шығыс бөлігіне салынған кесіктің негізгі мақсаты: осы шеттегі қорғаныс қабырғасының структурасы мен негізгі сипатын, сондай-ақ табиғи қабатқа жеткен кезде қаланың осы бөлігінің қалыптасқан уақытын зерттеу болатын. Осы бөлікте жүргізілетін археологиялық зерттеулер

мұндағы қорғаныс қабырғасының қаншалықтылығын, олардың құрылымын, құрылысты салудағы негізгі кезеңдері мен мерзімдерін анықтауға мүмкіндік береді.

2019 жылы 2006–2008 жылдары салынған кесік одан әрі тереңдетілді. Кесік қазбаның бетінен алғанда 1,36 м тереңдікте белгіленген нөлдік нүктеден (R_0) алынып, 2 м түсірілді, яғни 10-шы ярусқа дейін. Цитадельдің мәдени қыртысы қалыптасқан бөліктегі кесіктің ұзындығы 12 м, ені 1 м. Кесік сыртқы қабырғаның орнында қалыптасқан еңістен әрі қарай тағы да 10 м ұзартылды. Кесіктің бағыты шығыстан батысқа қарай салынғандықтан бұдан әрі кесіктің басын шығыс, аяғын батыс, деп атап, екі бетін сипаттағанда оларды солтүстік және оңтүстік деп айтуды ұйғардық. Сыртқы қабырғаға салынған кесік профилін талдау мен бақылау барысы бірқатар алдынала тұжырымдар жасауға мүмкіндік береді. Кесіктің батыс бөлігінде 4 ярус деңгейінен (R_1) бастап сұр кірпіштен қаланған мықты құрылыс байқала бастады. Кесіктің оңтүстік профилінде жоғарғы құрылыс қабатынан (әрі қарай ЖҚҚ) екінші және үшінші құрылыс қабаттарына дейінге аралықта сырты сыланған қабырғаның қыры анықталды. Оның жалпы биіктігі 2,5 м. Сылақтың бет жағы біткен. Бұл көрініс осы жерде ертеортағасыр (X ғ. дейін) кезінде монументальды ғимарат болғанын байқатады. Ғимараттың қабырғалары көлемі 40×42×22×9–10 см қам қыштармен тұрғызылған. Қабырғаның қыштары сарғыш ал оларды дәнекерлеген балшығы қарақоңыр түсті. Шығыс қабырғаның ені 1,4 м, жоғарғы жағы 1,67 м. Қабырғаның құрылымын екі бөлікке бөлуге болады. Бір бөлікті бір кірпіш (42 см, сылақ 3 см, барлығы 45 см) жалпақтығындағы қаланды, оған жалғасатын 90 см қосымша қаланды қабырға. Шамасы, бұл сводтың төменгі жағы болуы мүмкін. Қабырғаның биіктігі 2,9 м ғимарат екі қабатты болған деп болжауға келеді. Екінші қабаттың қабырғалары 1,5 м биіктікте сақталған. 1,5 м тереңдіктен екі қатар етіп қыш төселген еденнің үгітілген беті ашылды. Шамасы еденнің бетіне қам қыш төселсе керек. Екі қабаттың аралығы қалай жабылғаны әзірге белгісіз. Төменгі қабаттың қабырғаларының ішке қарай сүйірленіп келуі жоғарғы қабаттың болғанын білдіреді. Қыш төселген еденнің астынғы жағында 1,4 м тереңдікке дейін жалғасқан тегіс қабырға байқалады.

Осы бөлмеден шыққан қыш ыдыстар арнайы шарықта және қолдан жапсырып жасалған. Солардың қатарында бір тұтқалы, алқымы кең жапсырма әдіспен жасалған құмыра. Оның тұтқасында «шырша» тәріздес өрнек салынған. Құты тәріздес ыдыстардың бүйір және денесінің, тегіс түбінің сынықтары. Жануардың мүйізі, солардың бірінің ішінде дөңгелек тесігі бар. Табылған ыдыс сынықтарын шартты түрде ерте ортағасырмен (VII–VIII ғғ.) мерзімдеуге болады.

Бұл бөлменің жоғарғы жағын жоғарғы және екінші құрылыс қабаттары жауып жатқан. Қорғаныс қабырғасына жалғастырыла тұрғызған қабырғаның қай кезде тұрғызылғандығын анықтайтын мүмкіндік әзірге жоқ. Қабырғаның қыртысынан қыш ыдыстардың сынықтары табылмады, дегенмен, қабырғалар өзінің қорғаныстық мағынасын XI ғ. басынан бастап жоғалта бастағаны

түсінікті бола бастады. Үй құрылыстарының сыртқы қабырғалары негізінен «пахса» блоктарынан тұрғызылған.

Алдыға қойылған мақсатты жүзеге асыру ниетінде 2006–2008 жылдары қазылған № 1 қазбаның шығым шеті цитадельдің қорғаныс қабырғасының шетіне дейін одан әрі қабырға құландысының табанына дейін ұзартылды. Цитадель қабырғасының оңтүстік-шығыс бұрышындағы мұнараның солтүстік шетінен түскен осы кесіктің жалпы ұзындығы 26 м жетті. Біздің алдымызда цитадельді қоршаған сыртқы қорғаныс қабырғасын анықтап, осы маңда болуға тиіс тік бұрылысты табу міндеті қойылды. Осымен бір мезгілде төбенің шығысындағы беткейден оңтүстік-шығысқа қарай 24 м жерге салынған кесіктің мақсатына сыртқы қорғаныс қабырғасының құрылымын, қорғаныс қабырғасының уақыты мен салыну кезеңдерін анықтау кірді.

Жоғарғы құрылыс қабатындағы үй жайлардың бірқатары сол кезде бұзылып жатқан бұрынғы қорғаныс қабырғасының үстінен түскендігі байқалады. Қазба салынған аумақтан жеке үй жайға біріккен бөлмелердің жобасы ашылды. Осы бөлікте қабырғаға жалғаса түскен тағы да екі құрылыс қабаты қазылып, оның биіктігі 4,7 м жетті. Осы биіктіктің тұтас кесіндісінде бір-біріне қабаттасып түскен қам қыштар мен пахса блоктарынан түзілген қабырғаның жалпақтығы 9,6 м жетеді. Олардың тұрғызылу реті кесікті материкке дейін жеткізген кезде анықталуы мүмкін.

Сыртқы қабырға төңірегіне салынған құрылыстардың қабырғалары пахса мен қам қыштардан кезектесіп қаланып тұрғызылған. Олардың жобалары 3-ші құрылыс қабатындағы үй жобаларын қайталайды. Тек 5-ші құрылыс қабатындағы 1-ші бөлме орнына ұзынша келген жіңішке бөлме пайда болады. Осы деңгейдегі құрылыстар ерте ортағасырлық қалың қабырғалы сипаттағы кейіпте көрінеді.

Қорғаныс құрылысын тұрғызу төмендегідей болған:

Алғашқы кезеңде қалыңдығы 1 м болатын пахса блогынан құралған қабырға тұрғызылған. Ол 4–8 ярустарда ашылған бекіністің сыртқы қабырғасына тақап тұрғызған. Екеуінің арасындағы қашықтық 15 см. Ол қабырға 1,5 м биіктікте сақталған. Төменгі жағында осы екі қабырға 20 см дейін кеңейіп барып, табанында қайта қосылады. Пахса блоктардың жалпақтығы 44–45 см, биіктігі әзірге белгісіз. Қабырғаның шығыс шетінің сыртқы қырының төменгі жағында бір баспалдақ бар.

Екінші кезеңде бастапқы қабырғаның шығыс шетінен 3,1 қашықтықтан қалыңдығы 90 см екінші қабырға тұрғызылған. Пахса блоктарынан салынған бұл қабырға алғашқысының қаптамасы іспеттес. Екі қабырғаның аралығы пахса түйіршіктері және қыш сынықтарымен толтырылған. Осылайша қорғаныс қабырғасының қалыңдығы 6 м жетеді.

Үшінші құрылыс кезеңінде екінші қабырғадан 1,2 м қашықтықтан тағы да бір пахсалы қабырға тұрғызылады. Оның қалыңдығы 2,5 м және оның төменгі жағы едәуір жалпақ. Екінші мен үшінші қабырғалардың арасындағы 1,2 м қуыс тағы да бос топырақпен толтырылған. Осы аралық қуыс бір кезде жіңішке коридор болуы мүмкін деген пікір туғызады. Дегенмен, бұл әзірге

болжам ғана, қорытынды тұжырымды қабырғаға салынған кесікті түбіне дейін жеткізгенде ғана айтуға болады.

Осылайша әртүрлі уақыт аралығында салынған қорғаныс қабырғасының жалпы жалпақтығы 10 м қалыңдыққа дейін жеткен.

Қазба барысында қорғаныс қабырғасының ішкі және сыртқы қырларын анықтау, оның құрылымын зерттеу, сақталу деңгейін байқау секілді нәтижелер күтілген. Жоғарғы және екінші құрылыс қабаттары кезінде сыртқы қорғаныс қабырғаның үстінен тұрғын үй жайлар түскен. Құрылыс қабаттарын бірнеше жерінен қоқыс шұңқырлары кесіп өткен. Ал төменгі қабатта қабырғаның сыртқы жағынан бірнеше үй-жай орындары ашылды. Бұл қала құрылысының жобасын анықтауға жаңа өзгерістер беретін алғашқы да қызықты бақылау деуге болады. Қаратөбе қалашығы цитаделінің қорғаныс қабырғасындағы зерттеу жұмыстары енді ғана басталды. Сондықтан қандайда бір тарихи тұжырым жасауға әлі ерте.

Әдебиет

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ Ан КазССР. 1958. Т. 5. С. 6-215.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы: Баур, 2006. 204 с.: ил.

Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1994. 368 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2010. 358 с.: ил.

Д. Ә. Талеев

ҚАРАТӨБЕ ҚАЛАСЫНДА 2019 жылы ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Мақалада Ежелгі Сауран қаласының орны – Қаратөбеде 2019 ж. жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесі жайлы баяндалады. Қала қамалының шығыс шетінде орналасқан айт мешітінің (намазгох) орны болуы мүмкін деген бөлікке қазба салынады. Қазбаның жоғарғы қабатынан жеке усадьбаның бір бөлігі ашылады. Көлемі 13×13 м, тереңдігі 1,4–2,1 м қазба 148 ш.м жерді қамтыды. Қазылған үй құрылыстарының ерекшелігі, ішкі интерьерлері, қазбадан табылған археологиялық заттардың сипаты ашылған усадьбаның XII–XIII ғасырларға, яғни монғол шапқыншылығына дейінгі уақытқа жататындығын көрсетеді. Қазбаға РҒА Этнология және антропология институтының жетекші ғылыми қызметкері, т.ғ.д. Э.Д. Зиливинская қатысты.

Кілт сөздер: Сауран, Қаратөбе, зерттеу, қазба, мешіт, керамика, мерзімдеу

Археологические исследование на городище Каратобе в 2019 году

В статье освещены результаты раскопок древнего города Сауран – городища Каратобе, проведенных в 2019 г. На восточной окраине города, у крепостной стены, был заложен раскоп, где предположительно располагалось место намазгоха. В верхнем строительном горизонте раскопа была открыта часть отдельной усадьбы. Площадь раскопа 13×13 м, глубина 1,4–2,1 м. Архитектурная особенность домостроений, внутренний интерьер, характер археологических материалов из раскопа свидетельствует о том, что усадьба относится к XII–XIII векам, то есть ко времени до монгольского нашествия. В раскопе приняли участие ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, д.и.н. Э.Д. Зиливинская.

Ключевые слова: Сауран, Каратобе, исследование, раскопки, мечеть, керамика, хронология

Archaeological research on the Karatobe settlement in 2019

The article highlights the results of the excavations of the ancient city of Sauran-Karatobe settlement, conducted in 2019. On the Eastern outskirts of the city, an excavation was laid near the fortress wall, where the place of musalla was presumably located. Part of a separate estate was discovered in the upper construction horizon of the excavation. The area of the excavation is 13×13 m, the depth of 1.4-2.1 m is 148 sq. m. The architectural feature of the buildings, the interior, the nature of the archaeological materials from the excavation

---

Докей Ә. Талеев, *Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан;* doc19_59@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

indicates that the manor belongs to the XII-XIII centuries, that is, to the time before the Mongol invasion. The excavation was attended by a leading researcher of the Institute of Ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences E. D. Zilivinskaya.

Keywords: Sauran, Karatobe, research, excavation, mosque, ceramics, periodization

Ескерткішке қысқаша шолу

Қазіргі кездегі тарихи-топографиялық, археологиялық зерттеулер көрсеткендей ортағасырлық тарихи қала Сауранның қираған орны екі жерде – Қаратөбе және Сауранның өзінде сақталған. Олар өзін қоршаған жеке усадьбалар, агро-иригациялық суғару жүйелері, жерлеу орындары, қала сыртындағы бау-бақша кешендерімен «Сауран археологиялық кешенінің» негізін құрайды [Смагулов, 2007, с. 126]. Сауран қаласының орны екі жерде болған деген тұжырымға зерттеушілер бірден келген жоқ. Бастапқыда қаланың орны қазіргі Сауран деген сенім болған. Бірақ, Е.А. Смагуловтың Сауран қалашығының бірнеше жерінен салған арнайы барлау шұңқырлары оның мәдени қабаты XIII–XIV ғғ. басталатындығын анықтады [Смагулов, 2010, с. 8]. Ал жазба деректерде Сауран VIII ғ. бастап белгілі [Муминов, 2003, с. 138–140]. Өткен ғасырдың 50-жылдары алғаш рет екі қалашықта қатар зерттеу жүргізген Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының мүшелері Қаратөбені Сауранның тарихымен байланыстырмады. Олар тарихи қала Сауранның орны қазіргі Сауран қалашығы деген пікірді ұстанды [Агеева, 1958, с. 107]. Тек көпті көрген, тәжірибесі мол, сұңғыла экспедиция басшысы А.Н. Бернштам ежелгі Сауранның орны Қаратөбе болуы мүмкін деген пікір білдірген [Берштам, 1949, с. 83–84].

1986 ж. қалашықта қайта зерттеу жүргізген Ескерткіштерді тізімдеу экспедициясы оның мәдени қабатының қыртысын анықтау барысында А.Н. Бернштамның пікірін қайта жандандырды. Осылайша 1994 ж. жарық көрген Оңтүстік Қазақстан ескерткіштері жинағының картасында Қаратөбе ежелгі Сауранның орны ретінде көрсетілді [Свод, 1994, с. 307; Байпаков, 1999, с. 85]. Ал, 1997 жылы екі қалашыққа қатар стратиграфиялық қазба шұңқырын салған Түркістан археологиялық экспедициясы (Е.А. Смагулов) Қаратөбе мен Сауранның тарихи сабақтастығын анықтады [Бурнашева и др., 2006, с. 11]. Яғни, Қаратөбе ежелгі Сауран, ал Сауран қалашығы Алтын Ордадан бері қарай өмір сүрген Сауранның орны екендігін дәлелдеді.

2006 жылдан бастап осы күнге дейін Түркістан археологиялық экспедициясы (Е.А. Смагулов) әртүрлі қаржы көздерінің («Өлкетану» қоғамдық қоры, «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарлама, жеке грант) көмегімен Қаратөбеде үздіксіз зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді. Көп жылдар бойы жүргізілген зерттеулер нәтижесі Қаратөбедегі ежелгі мекеннің орнында VIII ғ. бастап Сауран қала ретінде қалыптасқанын көрсетті. Монғол шапқыншылығы қарсаңында Сауран өзінің көлемі жағынан Ежелгі Отырармен пара-пар келетін үлкен мәдени, сауда-экономикалық орталық

болған. Қаланың бірінің сыртынан бірі қоршаған үш қорғаныс қабырғасының болғаны да анықталды. Қаланың рабадын қоршаған сыртқы қабырғасының жалпы ұзындығы 4 шақырымға жуық. Ішкі қала, Шахристанды 2,2 шақырым қабырға қоршаған. Орта тұста орналасқан сопақша келген цитаделді қоршаған қабырғаның ұзындығы 1 шақырым [Смагулов, 2010, с. 7–11]. Қабырғалары кей тұста түзу, кейде тік бұрылған, аракідік доғаланып қаланған дұрыс шеңберге ұқсас. Қорғаныс қабырғасының кейбір тұстарының бедері қарапайым, көзге анық байқалмайды бірақ, әуеден көлбеу түсірілген фото суретте олардың іздері анық байқалады. Сыртқы қорғаныс қабырғалардың бойында күзет мұнараларының болмауы ерекше назар аудартады. Есесіне көпшілік жерінде қабырғалардың тік бұрылатын сипаты жергілікті жер бедерінің ерекшелігіне үйлеспейді. Шамасы, мұнда едәуір жауапты аймақты бақылауға бағытталған арнайы фортификациялық әдістің қапталдық қорғаныс тәсілі қолданылған. Қорғаныс қабырғалар теориясында «меандрлар» немесе «тістер» түріндегі қабырғалар тұрғызу тәсілі антикалық дәуірден белгілі. Осындай әдісті қолдану тәжірибесінің Ортаазиялық нұсқасы алғаш Пенжикент қаласының ертедегі қабырғасын тұрғызуда қолданылған [Смагулов, 2010, с. 30].

Қазбаның мақсаты

Күнтізбелік жоспар бойынша 2019 ж. маусымда ежелгі Сауран (Қаратөбе) қалашығында далалық зерттеу жұмыстары марқұм Ерболат ағаның ұсынысы бойынша басталған еді. Оның пікірінше, Қаратөбе қалашығы ондағы зерттеу жұмыстарының едәуір жемісті жүргізілгеніне қарамастан, әлі де болса ашылмаған құпиялары мол ескерткіш. Мысалы: Қалашықтың топографиясы жарияланған бірқатар басылымдарда оның сыртқы қорғаныс қабырғасының солтүстік-шығыс бөлігіндегі төртбұрышты дуал қоршаған ерекше бедерлі бөлік сипатталған. Осы бөлікте жергілікті тұрғындар Жалаулы ата деп атайтын ежелгі кесене қирандысы сақталған. Оның айналасын, шамамен 1–2 га жерді қамтитын жерлеу қабірлерінен тұратын мазар қоршап жатыр. Бұл бөлік қалашықтың орталық төбесінен 850 м солтүстікте. Жалаулы ата аңыз бойынша VIII ғ. Сырдария аймағын жаулап алған мұсылман әскерлері қолбасшыларының бірі – Зеңгі бабаның ту ұстаушысы болған. Бұл күнде қираған орны ғана сақталған Жалаулы ата кесенесінің солтүстік-шығыс бөлігінде көлемі 200×200 м болатын төртбұрышты шаршы жатыр. Осы шаршының батыс және оңтүстік бөлігіндегі қабырға құландыларының бедері анық байқалады. Ал шығыс және солтүстік бөлігінің бедері егін салу барысында бұзылып кетсе керек. Бұл шеттегі қабырғалардың іздері әуеден түсірілген фотода байқалады. Осы жерде қала сыртында орналасқан айт мешіті «намазгох» болған деген пікір бар. Оның сәулеткерлік бөліктері бетінде араб графикасы кездесетін тас колонналардан тұрған. Мазарды алдын ала шолу барысында тас колонналардың бөліктері, бір беті сырланған күйдірілген кірпіштердің сынықтары және қабір үстін безендірген жалпақ керамика тақташалары табылды. Ішінара бір бетіне қима өрнектер салынған тақташалар да кездесті. Айтылған айт мешіттің орнын анықтау 2019 ж. қазбаның негізгі мақсаты болды.

Қазбаның барысы

Қаратөбе қалашығының сыртқы қорғаныс қабырғасының солтүстік-шығыс шетінде орналасқан көлемі 200×200 м келетін төртбұрышты бедерлі нысанның оңтүстік бұрышында орналасқан диаметрі 25 м болатын төбеге қазба салынды (сур. 1). Қазба Ерболат Смағұловтың арнайы шақыруы бойынша Мәскеуден келген белгілі археолог, РҒА Этнология және антропология институтының жетекші ғылыми қызметкері, т.ғ.д. Э.Д. Зиливинская қатысумен жүргізілді. Қазбаның жалпы көлемі 13×13 м, тереңдігі жердің бетінен 1,4–2,1 (148 ш.м) аралығында. Жоғарғы қабаты бір күрек бойы алынған кезде қазбаның бетінен қам кесектен қаланған қабырғалардың іздері байқала бастады. Екі күрек бойы түскен кезде жеке бөлмелердің сұлбасы анықтала бастады (сур. 2). Қазба барысында ортасын ауыз бөлме бөліп жатқан екі құрылыс орны ашылды. Шамасы, ашылған құрылыс орындары жеке усадьбаның қирандысы болуы мүмкін. Оңтүстік бөлікте орналасқан бірінші құрылыс орны жеке тұрғын

Сур. 1. Қаратобе, қазба I. Қазбаның орналасқан жері

Сур. 2. Қаратобе, қазба I. Қазбаның алғашқы екі штыктан кейінгі көрінісі

үйдің бөлмелерінен, оған қарсы солтүстік бөліктегі құрылыстың басым бөлігі қазбаның сыртында қалғандықтан, оның қандай құрылыс болғандығы және алғашқысымен байланысы қандай екендігі анықталмады. Тұрғын үй орнының екі бөлмесі (бірінші және екінші бөлмелер) толық, тағы да екі бөлмесі (үшінші және төртінші бөлмелер) жартылай ашылды (сур. 3).

Қазбаның басым бөлігін бірінші бөлік құрайды. Оның бөлмелер іштері тығыз және борпылдақ топыраққа көмілген. Кейбір тұстарда жанған оттың іздері байқалады. Бөлмелердің ішін тазарту барысында отқа күйген қыш

Сур. 3. Қаратобе. Қазбаның құс ұшатын биіктіктен түсірілген суреті

сынықтары да кездесті. Сонымен қатар қабырғалар мен еден беттерінде де отқа күйген сылақ қалдықтары табылды.

Бөлме I қазбаның оңтүстік-батыс шетінде орналасқан (сур. 4). Көлемі 4,0–4,2×6,0–6,15 м. Бөлменің солтүстік-батыс қабырғаларының жалпақтығы 95 см, еденнің бетінен есептегендегі сақталған биіктігі 85 см. Қабырғаның сыртқы,

Сур. 4. Қаратобе, қазба I. Бөлме I

ауыз үй жағынан бір кірпіш қалыңдығындағы қабырға жалғастыра қаланған. Қабырғаның ішкі жағында үш қабатты сылақ қалдықтары сақталған. Қабырға қаптама түрінде, екі шеті ұзынынан жатқызылып қойылған кірпіштерден қаланып ортасы сынық кірпіштермен толтырылған. Бөлмеге кіретін есігі солтүстік-шығыс қабырғасының шығыс бұрышында. Есіктің ені 115–120 см киреберіс табалдырықтың екі шетіндегі қабырғада есіктің ағаш жақтауынан қалған іздері анық байқалады. Есік қуысының екі шетіндегі қабырғалардың еденінен диаметрі 25–30 см, тереңдігі 5 см болатын есік жақтауы орнатылған шұңқыр орындары табылды. Қабырғаларының көпшілік жерінде беті оттан күйген сылақтары сақталған. Сылақтар сабан араластырып иленген сары балшықпен сыланыпты. Бөлменің үш қабырғасын (шығыс, оңтүстік және батыс) бойлай сыпа салынған. Бөлмеге кірген жердегі көлденең қабырғаға жалғастыра салынған сыпа шығыс қабырғаны бойлай жатқан сыпаның ұзындығы 2,8, ені 1,2 м, биіктігі 45 см. Батыс қабырғаның бойындағы сыпа басқаларынан жіңішкелеу келген. Оның ұзындығы 2,4, ені 0,9 м. Осы екі сыпаны оңтүстік шетінде қосып жатқан үшінші сыпаның ұзындығы 1,8, жалпақтығы 2 м. Сыпалардың барлығының биіктігі бірдей 45 см. Батыс қабырғаның орта тұсында тандыр орналасқан. Тандыр жылуды (ыстықты) ұзақ сақтау мақсатында сыртынан ескі тандырдың сынық бөліктері мен құмыра сынықтарымен қапталған. Тандырдың ішкі диаметрі 60 см, оны сыртынан қаптаған қаптамасымен қоса есептегенде 70 см. Тереңдігі 60 см. Сыпаның тандыр орналасқан бөлігінің шығыс шеті бұзылған. Оңтүстік бөліктегі сыпаның үстінде екінші тандыр орналасқан. Оның да солтүстік шеті бұзылған жоғарғы жағындағы диаметрі 45 см, бүйірінде 65 см,

тереңлігі 60 см. Тандырдың өз қалыңдығы 2,5 см. Ішкі өрнегі үш тісті тарақпен жоғарыдан төмен қарай салынған түзу сызық пен толқын сызықтардың қайталануынан түзілген. Сыпалар сырт жағынан 40×22×9 см көлемдегі жарты кірпіш қаландыларынан қапталып, ішкі жағы топырақ пен сынық қыштармен толтырылған. Батыс қабырғаның бойындағы сыпаның солтүстік шетіндегі еден деңгейінен төмен қарата қазылған ұраның орны ашылды. Картоп, сәбіз, пияз секілді азықтарды сақтауға арналған бұл ұраның ұзындығы 0,8, ені 0,4, тереңдігі 0,4 м, қабырғаларының ернеуі қам кесектермен шектелген.

Бөлме II алғашқысының солтүстік-шығыс шетіне жалғасып жатыр (сур. 6). Көлемі 2,6×2,4×6,5 м. Қабырғалары әртүрлі биіктікте сақталған. Ең биік жерінде 1,9–2 м, ең төмен солтүстік қабырғаның сақталған биіктігі 1 м қабырғалардың қалыңдығы 0,8–1 м аралығында. Бөлменің оңтүстік-батыс қабырғасы бірінші бөлмемен ортақ. Көпшілік жерінде сақталған сылақтарында өрттен қалған күйе мен жалынның іздері анық байқалады. Осы бөлме оңтүстік қабырғасынан 1,4 м жерден бір қатар қаланған қам кесектермен бөлінген. Нәтижесінде бөлменің

Сур. 5. Қаратобе, қазба I. Ауыз бөлме

Сур. 6. Қаратобе, қазба I. Бөлме II

оңтүстік шетінен кішкене бөлмеше жасалған. Қабырғаның сапасы өте нашар және жартыкеш қам кесектермен қаланған. Тіпті ішкі жағында сылақтың іздері де байқалмайды. Бөлменің кіреберіс есігі қабырғаның солтүстік-шығыс бұрышында. Есікті кейіннен қалап тастаған. Есіктің алдындағы еденде жанған оттан әбден күйген, ошақтың орны байқалады. Оның ені 0,7 м. Осы есіктен оңтүстікке қарай 0,3 м жерде шығыс қабырғаны ойып жасалған қуыс ашылды. Оның ені 60, биіктігі 90, тереңдігі 80 см. Жоғарғы жағы сүйірленіп келген. Екінші бөлмеге кіретін есік солтүстік қабырғаның шығыс шетінде. Оның ені 1,2 м мұнда да есіктің ағаш жақтауының іздері еркін байқалады. Есіктен кірген жердегі 0,5 м жерден тосқауыл қабырға соғылған. Шамасы бөлме ішіне айналып кіру мақсатында қойылған қабырға болса керек. Бірақ қабырғаның сақталу сапасы өте нашар және жоғарғы жағы бұзылып кеткен. Осы қабырғаның батыс шетінде тігінен қойылған қам кесектердің үстіне көлденең қаланған кесектермен салынған қандайда бір құрылыстың құлаған бөлігі ашылды. Құлағаннан қалған бөліктен бұның қандай құрылыстың орны екенін болжау қиын. Оңтүстік-шығыс қабырғасының басым бөлігі қазбаның сыртқы жағында қалды.

Бөлме II-нің солтүстік-шығыс шетіндегі бөлме жартылай ашылды. Оның басым бөлігі қазбаның сыртында қалды. Осы бөлмеге өтетін есік қуысы екінші бөлменің шығыс қабырғасының орта тұсында. Оның ені 1 м. Шамасы кейінгі кезде бұл есік арнайы бекітілген. Есік қуысының төменгі жағында

арнайы қаланған қам кесектердің қаландысы сақталыпты. Осы бөлменің батыс қабырғасының есікке дейінгі ұзындығы 2,1 м, жалпақтығы 0,9 м. Үшінші бөлменің солтүстік бөлігінде болған тағы бір бөлменің шеті байқалады. Бірақ, ол бөлменің басым бөлігі қазба сыртында қалған.

Бірінші және екінші құрылыстарды бөліп жатқан ауыз бөлменің ұзындығы 5,7 м, ені 90–100 см. Оның қабырғалары бірінші және екінші құрылыстардың қабырғаларын құрайды (сур. 5). Ауыз бөлменің солтүстік-шығыс шеті төртінші бөлмемен жалғасады. Төртінші бөлме кішкене, көлемі 2,5×3,5 м солтүстік-шығыс бұрышы қазбаның сыртында қалды. Бөлменің солтүстік-батыс бұрышындағы шұңқырдың диаметрі 0,8, тереңдігі 0,7 м. Шұңқыр ішінен қарахан дәуіріне тән сырланған және сырланбаған ыдыстардың түрлі сынықтары шықты. Солтүстік шеттегі 4×6 м көлемдегі екінші құрылыс орнының бет жағы ғана ашылды.

Қорытынды

2019 ж. жүргізілген қазба барысында ешқандай мешіттің орны анықталмады. Біз салған қазба жеке иеліктегі үй орнына түсті. Бірақ, үй орнының астыңғы жағында қазылмаған төменгі құрылыс қабаты бары белгілі болды. Ол құрылыс қабатының қандай ғимараттың орны екендігін анықтау келешекте жүргізілетін қазбаның еншісіне қалды. Біз іздеген мешіттің орны жоғарыда аталған шаршының едәуір бұрынғы құрылыс қабатында немесе басқа бөлігінде жатуы да мүмкін.

Әдебиет

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3-215.

Байпаков К.М. Городище Каратобе // Свод памятников истории и культуры. Южно-Казахстанская область. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1994. С. 307.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН Каз ССР, № 67, сер. археология. Вып. 2, 1949. С. 59-99.

Бурнашева Р.З., Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Клады и монеты Туркестана. Алматы: Баур, 2006. 204 с, ил.

Муминов А.К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святих и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.: «Вост. Лит.», 2007. С. 117-154.

Смагулов Е.А. Сауранский археологический комплекс: дефиниция, содержение, границы // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 126-136.

Смагулов Е.А. Некоторые итоги исследования Древнего Саурана (городище Каратобе) // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2008. С. 284-288.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: изд-во АО «АБДИ Компани», 2010, 358 с.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследование Древнего Саурана // Известия МОН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 236-256.

Э.Д. Зиливинская, А. А. Ержигитова

РАСКОПКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ГОРОДИЩА КАРАТОБЕ в 2019 году

Статья является публикацией раскопок в окрестностях городища Каратобе, которое соотносится с древним Саураном. При топографических исследованиях памятника прослежены три линии укреплений. К северо-востоку от цитадели, снаружи от внешней стены, был выявлен прямоугольный участок размерами 220×228 м, окруженный стенами. Е. А. Смагуловым была выдвинута гипотеза о существовании здесь загородной мечети-намазгох. Для проверки этой гипотезы на южном углу сооружения, который представлял собой холм высотой 2,5 м, был заложен раскоп. В результате раскопок выявлены остатки большого многокомнатного здания из сырцового кирпича. Полностью было раскопано два помещения и коридор, отделяющий это сооружение от соседнего. Одно из помещений было жилым, с суфой, пристроенной к трем стенам и двумя тандырами в суфах. Во втором помещении были найдены остатки печи и стенка, перегораживающая его. В одной из внешних стен расчищена ниша. Здание относится к верхнему строительному горизонту, а стык стен прямоугольного сооружения (мечети), вероятно, находится под ним. Для поиска остатков стены в 50 м к северо-востоку от раскопа была заложена траншея. При зачистке ее борта был выявлен разрез стены из пахсовых блоков. Ширина ее 2 м, что свидетельствует в пользу гипотезы о нахождении здесь загородной мечети.

Ключевые слова: средневековье, домонгольский период, Каратобе, мечеть-намазгох, усадебное здание, сырцовый кирпич, суфа, тандыр, лепная керамика, гончарная керамика, поливная керамика

2019 жылы Қаратөбе қалашығы аймағында жүргізілген қазба жұмыстары

Мақалада ежелгі Сауранмен сәйкес келетін Қаратөбе қалашығының төңірегіндегі қазба жұмыстары жарияланып отыр. Топографиялық зерттеулер кезінде ескерткіштен үш бекіністің ізі анықталды. Цитадельден солтүстік-шығысқа қарай, ішкі қабырғаның сыртынан көлемі 220×228 м болатын қабырғалармен қоршалған тікбұрышты құрылыс орны белгілі болды. Е. А. Смағұлов оны қала сыртындағы мешіт-намазгох болуы мүмкін деп болжаған болатын. Осы болжамды тексеру үшін құрылыстың оңтүстік бұрышындағы биіктігі 2,5 м болатын төбешікке қазба салынады. Қазба жұмыстарының нәтижесінде шикі кірпіштен тұрғызылған көп бөлмеден тұратын ірі ғимараттың орны

© Эмма Д. Зиливинская, *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия;* eziliv@mail.ru
Айсулу А. Ержигитова, *Туркестанский областной историко-краеведческий музей, г. Шымкент, Казахстан;* aisulu6767@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565. Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

анықталды. Қазба барысында бұл құрылысты көрші құрылыстан бөліп тұрған екі бөлме мен дәліз толығымен ашылды. Бөлмелердің бірі – үш қабырғаға жапсарлас салынған суфасы мен екі тандыр ошағы бар тұрғын жай. Екінші бөлмеден пештің қалдықтары және оларды бөліп тұрған қабырғалардың орындары табылды. Сыртқы қабырғалардың бірінен ниша тазаланды. Ғимарат жоғарғы құрылыс қабатына сәйкес келсе, ал тікбұрышты құрылыс (мешіт) төменгі қабатта болуы мүмкін. Қабырға қалдықтарын анықтау мақсатында солтүстік-шығысқа қарай 50 м траншея салынды. Оны тазалау барысында пахса блоктарынан тұрғызылған қабырғаның қимасы анықталды. Оның ені 2 м. Бұл құрылыс қала сыртында мешіт болғандығын растайды.

Түйін сөздер: орта ғасыр, моңғолдарға дейінгі кезең, Қаратөбе, мешіт-намазгох, үй-жай ғимараты, шикі кірпіш, суфа, тандыр, жапсырмалы керамика, көзелік керамика, сырлы керамика

Excavations in the suburbs of Karatobe settlement in 2019

The article is a publication of excavations in the suburbs of the Karatobe settlement, which correlates with the ancient Sauran. During topographic studies of the archaeological site, three lines of fortifications were traced. To the north-east of the citadel, outside of the outer wall, a rectangular section 220×228 m in size was found, surrounded by walls. E. A. Smagulov put forward a hypothesis about the existence of a suburban mosque-musalla here. To test this hypothesis, an excavation area was laid at the southern corner of the structure, which was a hill 2.5 meters high. Excavations revealed the remains of a large multi-room building of mud brick. Two rooms and a corridor separating this structure from the neighboring one were completely excavated. One of the premises is intended for housing. It had an earthenware bed, attached to three walls and two tandoor ovens. In the second room, the remains of a furnace and a wall blocking it were found. A niche has been cleared in one of the outer walls. The building belongs to the upper construction horizon, and the angle between the walls of the rectangular structure (mosque) is probably located under it. A trench was laid to search for the remains of the wall 50 meters northeast of the excavation area. A wall of clay blocks 2 m wide was revealed in its wall. This testifies in favor of the hypothesis that a suburban mosque was located there.

Keywords: Middle Ages, pre-Mongol period, Karatobe, mosque-musalla, manor building, mud brick, sufa, tandoor, hand-made ceramics, pottery ceramics, glazed ceramics

Эта статья является публикацией результатов последних совместных работ с Ербулатом Акижановичем Смагуловым. Он был моим коллегой и другом, и я принимала участие в его раскопках на городищах Каратобе, Сауран, Сидак, Культобе, Шойтобе. У нас было много проектов, совместных работ. Одним из них была проверка гипотезы о существовании в окрестностях городища Каратобе загородной мечети-намазгох. Судьба распорядилась так, что вместе поработать на этом объекте удалось только один сезон.

Э.Д. Зиливинская

В полевом сезоне 2019 г. Туркестанская археологическая экспедиция (ТАЭ) института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством Е. А. Смагулова проводила раскопки в окрестностях городища Каратобе. Памятник находится в 3 км к югу от городища Сауран (Туркестанская область). Исследования ТАЭ 1998 г. и последующих лет убедительно доказали, что городище Каратобе является остатками древнего домонгольского Саурана, а в XIII в. город переместился к северу [Байпаков, Смагулов, 2005, с. 64–66; Смагулов, 2011, с. 8–10].

Впервые городище Каратобе было обследовано в 1950-х гг. Южно-Казахстанской экспедицией [Бернштам, 1949; Агеева, Пацевич, 1958], а в 1986 г. экспедицией Свода памятников [Байпаков, 1994, с. 307]. В 2006–2008 гг. Туркестанской археологической экспедицией под руководством Е. А. Смагулова на городище были проведены широкомасштабные раскопки, результаты которых опубликованы в чрезвычайно подробной и содержательной монографии [Смагулов, 2011]. В последующие годы здесь проводились раскопки отдельных объектов, но уже не в столь значительных масштабах, в частности были изучены некрополи Жалаулы ата и Садуакас-ата, расположенные в пределах внешней крепостной стены [Смагулов, 2011, с. 35–39].

Тщательные топографические исследования показали, что городище окружают три ряда крепостных стен. Первая наружная стена охватывает площадь более 2,5 кв. км и имеет протяженность около 3 км. Внутренний город ограничен стеной длиной 2200 м, которая образует почти правильный квадрат площадью 33,3 га. В центре находится овальная в плане цитадель площадью 7,2 га, которую окружает стена длиной около 1000 м [Смагулов, 2011, с. 35]. На снимках из космоса заметно, что в примерно в 810 м к СВ от стены цитадели к внешней стене города примыкает прямоугольный участок размерами около 220×228 м, также окруженный стеной (рис. 1). На местности хорошо видна юго-восточная стена с поворотом к северо-западу и южная часть юго-западной

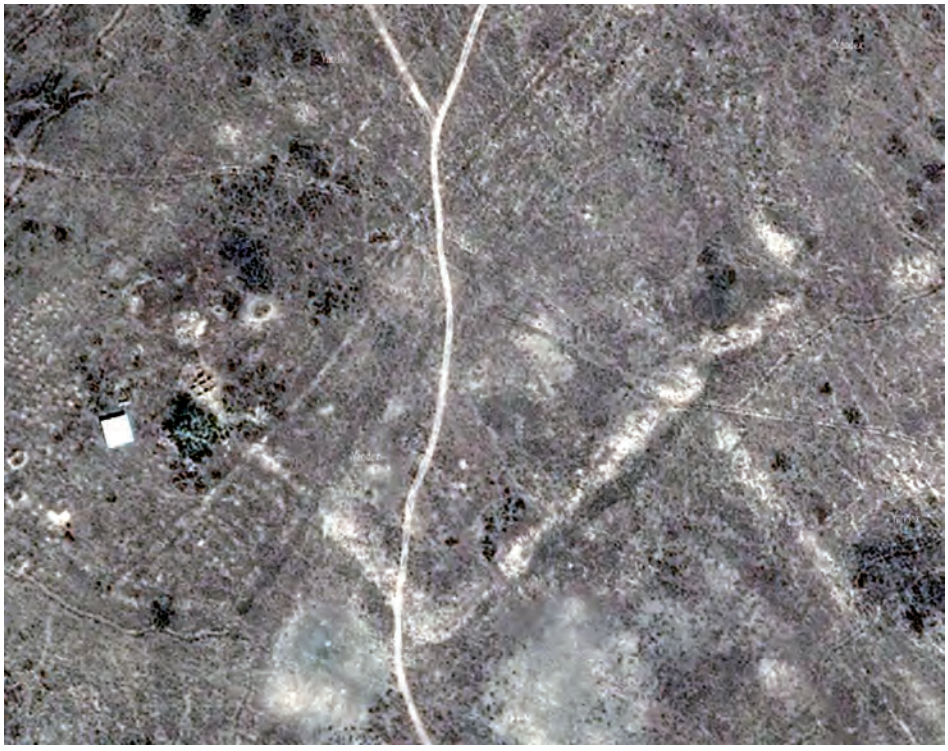

Рис. 1. Прямоугольная конструкция в окрестностях Каратобе. Космоснимок

Рис. 2. Е. А. Смагулов на раскопках Каратобе в 2019 г.

стены. Западная часть юго-западной стены разрушена могильником Жалаулы ата. На углах этой конструкции прослеживаются массивные оплывшие холмы. Е.А. Смагуловым было высказано предположение, что здесь расположены остатки большой загородной мечети «намазгох». К этой мечети, по его мнению, относятся каменные колонны с арабографичными надписями, найденные при раскопках могильника Жалаулы ата [Смагулов, 2011, с. 36].

В 2019 г. для проверки этой гипотезы по инициативе Е. А. Смагулова был заложен раскоп на южном углу сооружения. Раскопки вела Э.Д. Зиливинская при участии Д. А. Талеева. Угол этого квадрата представлял собой холм высотой 2,5 м диаметром примерно 25 м. На нем был разбит раскоп 1, общая площадь которого в процессе работ достигла 148 кв. м. После снятия I штыка на площади раскопа стали появляться стены сооружения из сырцового кирпича. На уровне II штыка были выявлены контуры помещений. Предположительно, в раскоп попала часть усадьбы с жилыми помещениями. Стены усадьбы построены из большеформатного сырцового кирпича. Основную площадь раскопа занимало сооружение 1, расположенное в его юго-восточной части (рис. 3; 4). В сооружении полностью расчищены два помещения (1 и 2) и намечены два помещения (3 и 5), расположенные к северо-востоку. В северо-западной части раскопа находится сооружение 2, которое в основном выходит

Рис. 3. Раскоп 1, аэрофотоснимок

за пределы раскопа. Поэтому оно было оконтурено и оставлено до следующего сезона. Сооружения разделяет узкий коридор 1, который предположительно в северо-восточном конце соединяется с помещением 4, которое вошло в раскоп частично.

Разрез по линии СВ–ЮЗ показал, что внутри помещений сооружения 1 находятся плотные и рыхлые завалы сырца. Кое-где встречаются горелые прослойки, свидетельствующие о том, что в какой-то момент в здании был пожар. При расчистке помещений также были найдены фрагменты прокаленной до красно-коричневого цвета глиняной обмазки и следы прокаленности на стенах и полах. Верхнюю часть профиля составляют лессовые отложения.

В 2019 г. полностью расчищены два помещения сооружения 1. Помещение 1, расположенное в юго-западной части раскопа (рис. 4), имело размеры 4,0–4,2×6,05–6,15 м. Северо-западная стена помещения имеет толщину 95 см. Высота ее 85 см от уровня пола помещения и коридора. Снаружи, со стороны коридора к ней вплотную пристроена стенка толщиной в один кирпич. Северо-восточный и юго-западный концы стенки выше, средняя

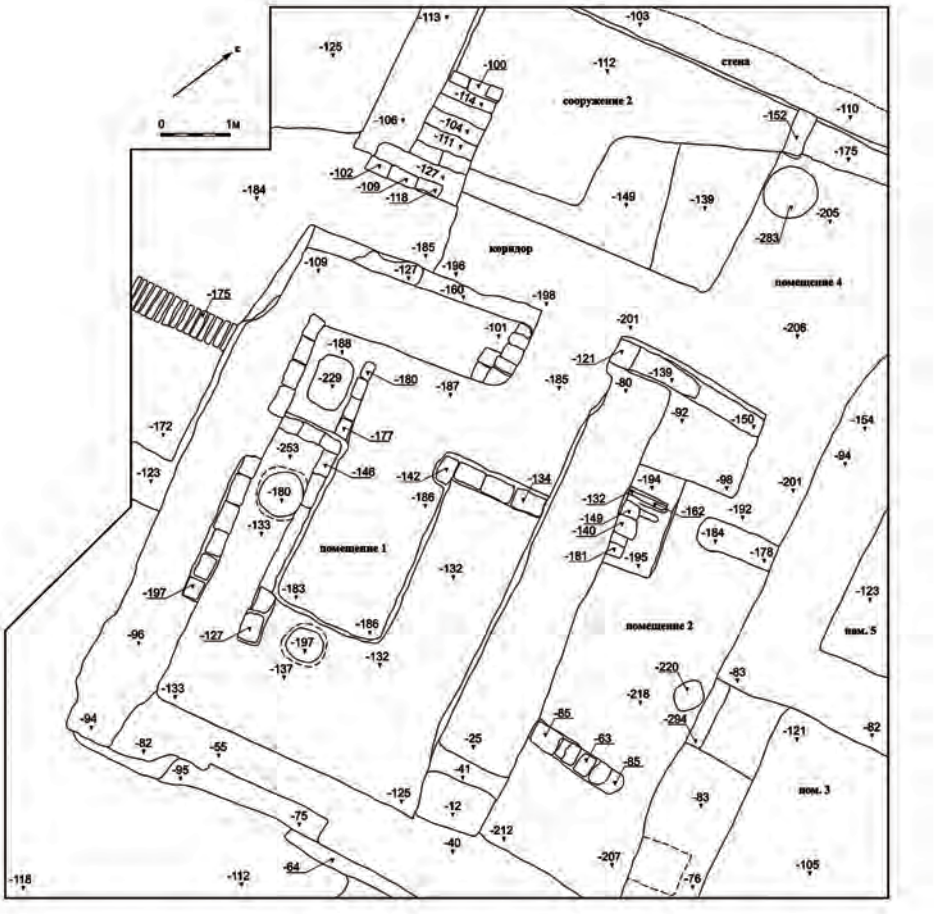

Рис. 4. Раскоп 1, план

часть имеет высоту 30 см и образует как бы скамью длиной 110–115 см. Вертикальная поверхность стены оштукатурена глиняной обмазкой в три слоя общей толщиной 6 см. Кладка стены, скорее всего панцирная: фасы сложены из целых кирпичей (в ложок), середина заложена сырцами беспорядочно. Торец стены, образующий проход сложен кирпичами, лежащими, в тычок. Размеры кирпичей 20×30 см. В стене сделан скользящий проход вдоль северо-восточной стены. Ширина его 115–120 см. Внутренний угол торца стены, образующего проход, закруглен. Со стороны коридора проход оформлен пилонами шириной 35–40 см, выступающими на 35 см за плоскость основной стены. В дверном проеме в полу у стенок прохода обнаружены две ямки от крепления дверей диаметром 25–30 см и глубиной 5 см.

Юго-западная стена имеет толщину 95–100 см. В высоту сохранилась на 90 см от уровня пола помещения. Юго-западный край стены не ровный, штукатурка на нем сохранилась фрагментарно. Северо-восточный край сложен из кирпичей в ложок. Размеры кирпичей 23×30–40 см. Внешний край стены

сложен из кирпичей в тычок. Снаружи в 180 см от южного угла перпендикулярно идет стена шириной 45 см, сложенная из кирпичей, поставленных на ребро. В 190 см от нее прослежена стенка, которая не расчищена и большей частью уходит под борт.

Юго-восточная стена была толщиной 50 см. Высота стены 130 см. Снаружи к ней пристроена стенка толщиной 40–50 см, в которой сделана выемка, как бы скамья, длиной 160 см и шириной 40–50 см. Снаружи сама стена и стенка «скамьи» были оштукатурены. Штукатурка в два слоя толщиной 5–6 см.

Северо-восточная стена, разделявшая помещения 1 и 2, толщиной 80 см, сохранилась в высоту (над уровнем пола) от 105 см в северо-западной части до 174 см в юго-восточной части. Оба фасада стены покрыты штукатуркой в два слоя общей толщиной в 3 см.

В помещении 1 вдоль трех стен была сооружена суфа (рис. 4; 5). Вдоль юго-западной стены суфа имела ширину 85 см. Подпорная стенка ее была шириной 20 см и высотой 50–60 см. Длина суфы – 4,5 м. Скорее всего, эта часть суфы первоначальная (I период), остальные были пристроены позднее (II период). В толще юго-западной суфы, в 80 см от ее северо-западного края встроен тандыр 1. Диаметр его 55–60 см, высота стенок 45 см. Дно тандыра прокалено. На стенках внутри – беспорядочный орнамент в виде зигзагообразных и прямых перекрещивающихся неглубоких расчесов, сделанных многозубцовой гребенкой. Тандыр 1 вставлен в другой, более ранний большего диаметра.

Рис. 5. Сооружение 1, помещение 1, вид с северо-запада

Рис. 6. Сооружение 1, помещение 2, вид с северо-запада

Юго-восточная суфа имела ширину 210 см и высоту 50 см. Подпорная стенка – шириной 20 см. В 35 см от угла с юго-западной суфой был встроен тандыр 2 диаметром 40–45 см и высотой 60 см. Дно тандыра прокалено. На стенках – расчесы в виде волнистых и прямых пучков линий, сделанных трехзубцовой гребенкой. В северо-западной стенке, в нижней части, имеется круглое отверстие (продух) диаметром 10–12 см. Наружу отверстие не выходит.

Северо-восточная суфа имела высоту 55 см и ширину 140 см. Западный угол ее оформлен выступом (пилоном) размерами 20×30 см. Стенки суфы покрыты штукатуркой в три слоя общей толщиной в 3 см.

Рис. 7. Ниша в северо-восточной стене помещения 2, вид с юго-запада

Рис. 8. Конструкция у юго-западной стены помещения 2, вид с северо-востока

В западном углу помещения находилась яма № 2 (погребок). Яма прямоугольная в плане размерами 85×45 см и глубиной 40 см. От пола яму отделяет стенка в 1 кирпич шириной (20 см) и высотой в один слой кирпича.

Помещение 2 примыкает с северо-востока к помещению 1 (рис. 4). Размеры его 2,6–2,4×6,5 м. Юго-западная стена его является общей с помещением 1. Северо-западная стена имела толщину 95 см и высоту 103–108 см. Снаружи к ней пристроена стенка шириной 35 см и высотой 70 см. Северный край ее выше (80 см) и образует пилон входа в помещение 1. На стене снаружи (со стороны коридора) штукатурка в два слоя общей толщиной в 5 см. В ней сделан скользящий вдоль северо-восточной стены помещения 2 проход шириной 110 см, соединяющий комнату с коридором.

Северо-восточная стена была толщиной 95 см и высотой 105–125 см. Северо-западный конец ее имеет продолжение в виде уступа высотой 45 см, который уходит под борт раскопа. В 3,5 м от края стены в ней был сделан проход шириной 100 см. Впоследствии он был заложен сырцовыми кирпичами. На полу перед проходом обнаружено круглое прокаленное пятно от очага диаметром 46 см и глубиной 2 см. В 6,4 м от края стены в ней сделана ниша с полукруглым завершением (рис. 7). Дно ее находится на уровне пола. Ширина ниши 60 см в нижней части и 50 см в верхней, высота 100 см, а глубина 80 см. Задняя стенка ниши заложена кирпичом. Со стороны помещения стена покрыта штукатуркой

в два слоя, причем нижний слой прокален до красно-коричневого цвета. Общая толщина штукатурки 2,5 см: нижний слой толщиной 2 см, а верхний – 0,5 см. Юго-восточная стена комнаты большей частью уходит под борт раскопа.

В северо-западной части помещения на полу стоит стенка в один кирпич шириной 30 см и длиной 160 см. Она отгораживает более глубокий пол (на 17–18 см глубже). Высота стенки с северо-запада – 10 см, с юго-востока – 30 см. К юго-западу от нее находится конструкция из кирпичей, лежащих плоско и поставленных на ребро (рис. 8). Она стоит на прямоугольной платформе размерами 70×110 см и высотой 20 см. Северо-западный край ее образует стенка из кирпичей, поставленных на ребро. Ширина ее 10 см, длина 30–40 см, высота – 60 см. Снаружи стенка оштукатурена, штукатурка в два слоя толщиной 1 см. Наружный слой прокален. Далее в кладке имеется разрыв шириной 10 см. К юго-востоку от него два плоско лежащих кирпича положены на кирпич, стоящий на ребре. У юго-восточного края на них положен еще один кирпич в один слой. Размер кирпича 30×20 см. Дальше к юго-востоку на платформе положены два кирпича в два слоя длинной осью вдоль стены. Возможно, эта конструкция является остатками какой-то печи или камина.

В восточном углу комнаты находится яма № 3 размерами 35×80–100 см глубиной 26 см. В 4,25 м от северо-западной стены комнату перегораживает стенка в один кирпич толщиной 30 см и длиной 160 см (рис. 4; 6). Высота ее 1,55 м от уровня пола (13 слоев кладки). Между торцом этой стены и северо-восточной стеной комнаты остался проход шириной 60–80 см. Стенка оштукатурена с северо-восточной стороны, а с юго-восточной штукатурки нет. В 75 см к северо-западу от этой стенки в полу была сделана яма № 4 круглая в плане диаметром 60 см. Стенки и дно ямы ровные. Глубина ямы 80 см.

К северо-востоку от помещения 2 находятся помещения 3 и 5, которые большей частью выходят за пределы раскопа.

Между сооружениями 1 и 2 находился коридор длиной 5,7 м и шириной 90–100 см (рис. 4; 9). Стены его образуют соответственно северо-западная стена сооружения 1 и юго-восточная стена сооружения 2. Северо-восточный конец коридора выходит в помещение 4, большая часть которого находится за пределами раскопа.

В северо-западной части раскопа было обнаружено сооружение 2, которое большей частью уходит за пределы раскопа. Контур сооружения обнаружился на уровне II штыка. Сооружение вскрыто до этого уровня и оставлено до следующего года (рис. 4). Предположительные размеры его по оси С–Ю – 3,8 м, по оси В–З – 5,7 м.

Северо-западная сооружения стена толщиной 80 см уходит под борт раскопа. С внутренней стороны на ней прослежена глиняная обмазка общей толщиной 10 см. В срезе прослеживаются два слоя обмазки, на которые положена плотная штукатурка 2,5–3 см толщиной. Юго-западная стена толщиной 65 см также была покрыта с внутренней стороны обмазкой общей толщиной 12 см. Со стороны помещения прослеживается плотная штукатурка толщиной 3 см.

Рис. 9. Коридор, вид с северо-востока

К юго-западной стене изнутри примыкает прямоугольная конструкция размерами 90 (В–З) ×170 (С–Ю) см. Она состоит из нескольких параллельных стенок длиной 90 см, сложенных из сырцовых кирпичей в один ряд. Всего прослежено пять стенок толщиной 18–20 см. Между стенками находилось свободное пространство, своеобразные «каналы» шириной 20 см. Стенки сложены из кирпичей размерами 16×30×5–6 см. Самая южная стенка стоит на приставке к основной юго-восточной стене. Ширина ее 18 см. «Канал» между ней и предыдущей 30 см шириной.

Юго-восточная и северо-восточная стены выявлены только с внешней стороны. Юго-восточная стена имела высоту 60–65 см, толщина пока не известна. С северо-западного конца к ней пристроена стенка шириной 15 см и длиной 130 см. Снаружи стена оштукатурена в два слоя. Толщина штукатурки 6 см. Северо-восточная стена имеет такое же строение.

В северо-западном углу раскопа несколько стенок образуют ступени, строение которых пока не понятно. Перед ними в глиняном полу прослежена яма № 1, круглая в плане диаметром 80–85 см. Ко дну стенки ямы слегка расширяются. Глубина ее – 70 см. Заполнение состояло из рыхлой супеси. В заполнении найдены фрагменты лепной, гончарной и поливной керамики.

Находки с раскопа представлены преимущественно фрагментами керамики. Найдены фрагменты черноглиняных и желтоглиняных лепных кухонных горшков с ручками, фрагменты столовой посуды в виде гончарных желтоглиняных и красноглиняных мисок, крышек, кувшинов, в том числе и с росписью ангобом. Из помещения 2 происходит красноглиняный двуручный широкогорлый горшок, инкрустированный капельками глазури (рис. 10). Также встречаются керамические изделия в виде пряслиц, чирагов, дастарханов. Достаточно

представительна коллекция поливной керамики XI–XIII вв. В целом керамический материал с раскопа соответствует верхнему строительному горизонту городища Каратобе [Смагулов, 2011, с. 354–399].

Рис. 10. Красноглиняный сосуд с инкрустацией глазурью

Таким образом, раскоп, разбитый на южном углу пересечения предполагаемых стен и вскрытый пока на уровне верхнего строительного горизонта, не смог подтвердить гипотезу о существовании здесь мечети намазгох. Для поиска стены мечети в 50 м к северо-востоку от раскопа была заложена поисковая траншея, ориентированная перпендикулярно длинному всхолмлению, возможно, являющемуся остатками этой стены. В результате в борту раскопа был обнаружен разрез стены из пахсовых блоков шириной около 2 м и высотой более 1 м.

Хотелось бы надеяться, что работы в окрестностях Каратобе, начатые под руководством Е.А. Смагулова, будут продолжены в последующие годы.

Литература

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3-215.

Байпақов К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Sauran. Алматы: Credo, 2005. 204 с.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 83-84.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ компани», 2011. 436 с.

А. Досымбаева, М. Бондарев

ТЮРКИ-МЕТАЛЛУРГИ ПО ДАННЫМ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ В ХАНТАУ

В статье приведены результаты археологических исследований, произведенных на одном из объектов средневекового поселения, расположенного на территории долины реки Чу/Шу, в Мойынкумском районе Жамбылской области, в предгорье хребта Хантау. В процессе раскопок одной из металлургических печей получены информативные сведения об устройстве конструкции, служившей в качестве производственного сооружения для выплавки железа. Среди артефактов из металлургической печи обнаружены фрагменты многочисленных керамических изделий различных форм, оказавшиеся в конструкции после производственного цикла и при повторном использовании ее в качестве мусорной ямы. Результаты анализа конструкции, артефактов из раскопок, подъемного материала со всей территории локализации поселения послужили основанием для выводов о том, что объект изучения функционировал в качестве производственного металлургического центра в эпоху средневековья. Полученные заключения позволяют подтвердить информацию из средневековых письменных источников о тюрках, населявших предгорья хребта Хантау, описанных как «плавильщиков железа» и металлургах.

Ключевые слова: тюрки, металлургия, конструкция, артефакт, керамика, водоснабжение, аэрофото.

Түрік-метал өндірушелері Хантаудағы қоныстың қазба мәліметтерінде

Мақалада, Жамбыл облысы Мойынқұм ауданы, Хантау жотасының етегіндегі Шу өзенінің аңғарында орналасқан ортағасырлық елді мекенде жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижелері келтірілген. Металл балқытатын пештің бірін қазу кезінде, темір балқытудың өнеркәсіптік құрылымы ретінде қызмет ететін құрылыс туралы мәліметтер алынды. Метал балқытатын пештен алынған жәдігерлердің ішінде өндірістік циклден кейін қоқыс шұңқыры ретінде қайта пайдалануда пайда болған әртүрлі пішіндегі керамикалық бұйымдардың сынықтары табылды. Зерттеу нысанын орта ғасырларда металл балқытудың өндірістік орталығы ретінде жұмыс істеді деп тұжырым жасауға негіз бар. Анықталған мәліметтер бізге ортағасырлық жазбаша деректерде «темір балқытушылар» ретінде сипатталған Хантау жотасының етегінде түріктер туралы ақпараттарды растауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Түріктер, металлургия, құрылыс, артефакт, керамика, сумен жабдықтау, аэрофотосурет

Turkic metallurgists according to excavations of a settlement in Khantau

The article presents the results of archaeological research carried out at one of the objects of a medieval settlement located on the territory of the Shu River Valley, in the

© Айман Досымбаева, Михаил Бондарев, *Таразский государственный университет им. М.Х. Дулати, Алматы–Тараз, Казахстан*; aiman_dos@inbox.ru

Muyunkum district of the Jambyl region, in the foothills of the Khantau ridge. During the excavation of one of the metallurgical furnaces, informative data was obtained about the structure that served as an industrial structure for iron smelting. Among the artifacts from the metallurgical furnace, fragments of numerous ceramic products of various shapes were found that appeared in the structure after the production cycle and when reused as a garbage pit. The results of the analysis of the structure, artefacts from the excavation, lifting material from the entire territory of the settlement's localization served as the basis for the conclusions that the object of study functioned as a production metallurgical center in the middle Ages. The findings allow us to confirm information from medieval written sources about the Turks inhabiting the foothills of the Khantau ridge, described as "iron smelters" and metallurgists.

Keywords: Turks, metallurgy, construction, artifact, ceramics, water supply, aerial photo.

Поселение металлургов локализовано на территории Мойынкумского района Жамбылской области, в 3 км к югу от аула Бирлик, в восточной части террасы правого берега реки Чу/Шу, в предгорной зоне хребта Хантау. Археологические работы экспедиции проводились под руководством А. Досымбаевой в период с 8 по 20 июля 2019 г., с участием студентов-практикантов исторического факультета Таразского государственного университета им. М.Х. Дулати под руководством Е. Серикбаева.

Поселение занимает территорию на правобережной террасе реки Шу с северо-востока на юго-запад. Определение общей площади произведено по выраженным остаткам различных строений в форме невысоких возвышенностей, на территории которых обнаружены артефакты в виде многочисленных керамических, каменных изделий, остатков шлаков – продуктов металлургического производства.

В процессе аэрофотосъемки территории поселения обнаружены следы множества строений овальной, прямоугольной и подпрямоугольной формы, организованных в кварталы (рис. 1). Аэрофотосъемка поселения позволила выявить, каким образом производился забор воды для жизнеобеспечения населения из реки Шу, выявить развитую систему ирригации через центральный канал к полям и садам, подачу воды через систему арыков к жилым и производственным строениям. Центральный канал направлен на юго-восток, в сторону основных строений. По наблюдениям А. Бондарева, подтвержденным в результате аэрофотосъемки, в самой широкой части реки течение воды было умеренным, что позволило жителям производить забор воды способом постройки дополнительных сооружений, следы которых видны на общем плане поселения. По данным аэрофотографической съемки прослеживается центральная дорога, ведущая в город с запада на восток, и вторая, объездная дорога, опоясывающая его снаружи с северо-запада на юго-восток.

Наряду со строениями, которые зафиксированы преимущественно в северо-западной части поселения, в юго-восточной части фиксируется большая возвышенность, именуемая нами центральным бугром с размерами сторон с востока на запад 164,2 м и с севера на юг – 434,8 м (рис. 1, *2*).

Археологические исследования произведены на раскопах 1 и 2, определенных в процессе визуального обследования территории локализации

Рис. 1. Поселение металлургов: 1 – план поселения на местности; 2 – аэрофото. План центральной части поселения

поселения. Раскоп № 1 расположен в западной части поселения и в период осмотра выглядел в форме небольшой ямы, вскрытой грызунами (рис. 2, *1*). В центре раскопа размерами 4×4 м выявлена округлая в плане яма, диаметром 1,6 м (рис. 2). В процессе раскопок установлено, что по всему периметру до глубины 1,2 м стенки ямы были обложены кирпичом и обмазаны огнеупорной

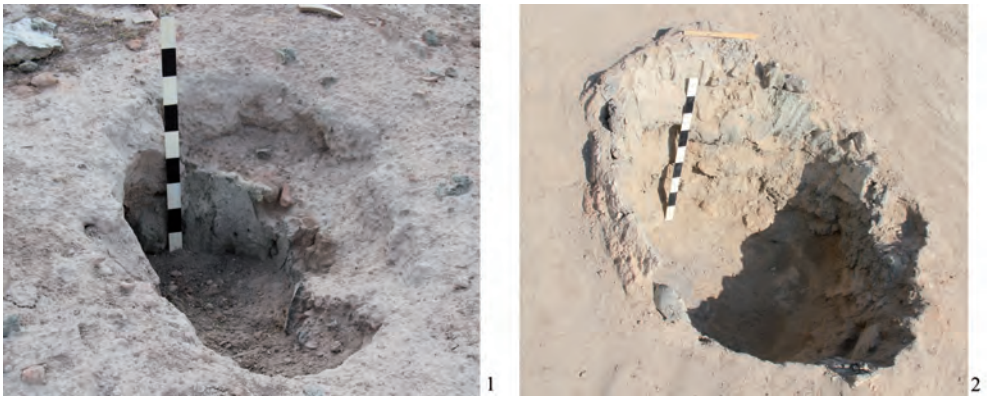

Рис. 2. Поселение металлургов: 1 – вид на остатки металлургической печи до проведения раскопок; 2 – металлургическая печь после проведения археологического изучения

глиной. Толщина стенок составляет от 15 до 20 см. Следы воздействия огнем высокой температуры устанавливаются по наблюдениям оплавленных стенок, находкам большого количества шлаков, остатков продуктов горения в форме углистых слоев, золистых веществ и каплевидных остатков металла. Не вызывает сомнения, что нами была обнаружена металлургическая печь, которую длительный период времени использовали для выплавки железистой руды. В яме обнаружены углистый и золистый слои, которые являются остатками огня со времени использования ее в качестве металлургической печи (рис. 2, *2*).

Находки большого количества керамических фрагментов от различных сосудов, других керамических изделий и части каменного рудодробильного орудия находились на дне ямы, выше остатков угольно-золистого слоя. Описанное залегание слоев находок может свидетельствовать о том, что после производственного цикла, т.е. после использования описываемой конструкции в качестве металлургической печи, она в последующем была использована как мусорная яма. Артефакты из ямы позволяют сделать выводы об использовании конструкции жителями поселения в период ее активной жизнедеятельности и бытования во время производственной деятельности.

Раскоп № 2 площадью 10×8 м, ориентированный с севера на юг, был заложен к северо-западу от центрального бугра, в 0,7 км от первого раскопа, на одном из возвышенных участков, что свидетельствовало о наличии ранее какого-либо строения. При визуальном осмотре, до проведения раскопочных работ, на поверхности возвышенности зафиксировано большое количество ошлакованных артефактов и фрагменты керамических изделий. В процессе исследований по всей площади раскопа были обнаружены артефакты в виде шлаков, фрагментов керамических изделий, пряслица. На глубине 0,8 м обнаружены стенки строений, выложенные из сырцового кирпича. Один из фрагментов венчика хума содержал надпись на арабском языке (рис. 3, *3*). Венчики хумов и донце одного из них украшены волнообразным пальцевым орнаментом (рис. 3, *4, 8*). Представляет интерес наблюдение о том, что один

Рис. 3. Поселение металлургов: 1 – фрагмент горловины кувшина с ручкой; 2 – фрагмент горшковидного сосуда с ручкой; 3 – фрагмент венчика хума с надписью; 4 – донце горшка с орнаментом в форме пальцевидных вдавлений; 5 – чашевидный сосуд на поддоне; 6 – горшок с отогнутым венчиком; 7 – орнаментированные фрагменты сосудов

Рис. 3. Поселение металлургов: 8 – орнаментированные венчики сосудов; 9 – керамические пряслица; 10 – фрагменты остатков металлургического производства со дна металлургической печи

из арыков, идущий от центрального канала в восточном направлении, доходит прямо до строения, изучение которого начато и проводились на раскопе № 2. Наличие большого количества металлических шлаков на исследуемом участке также свидетельствует о его назначении как одного из объектов металлургической деятельности людей, населявших эту территорию (рис. 3, *10*). Дальнейшие планируемые исследования позволят произвести детальную реконструкцию производственной деятельности населения долины реки Шу.

Результаты аэрофотосъемки западной части поселения, позволившие выявить прямоугольные участки, к которым ведут многочисленные арыки, свидетельствуют о наличии орошаемых площадей, используемых под возделывание сельскохозяйственных культур. В процессе изучения и визуального

осмотра территории поселения было выявлено большое количество пряслиц, послужившие основанием для выводов о развитии прядильного производства в целях обеспечения себя одеждой и другими видами продукции, служившей полноценной жизненной деятельности человека.

Находки остатков, полуфабрикатов стекла и целых фрагментов стекол на территории поселения могут быть свидетельствами развития на поселении и стекольного производства. Стекольное производство могло быть одним из направлений, которое, вероятно, наряду с металлургическим, гончарным, сельскохозяйственным и другими формами деятельности населения, также получило развитие в средневековом городе мастеров. Размеры занимаемой площади свидетельствуют об его пространстве, превышающем размеры обычного поселения. Раскопки одной из печей для выплавки руды и наличие большого количества шлаков на всей площади поселения указывает. что металлургическое производство представляло собой одно из основных направлений экономической деятельности населения описываемого региона долины реки Шу.

Многочисленные ошлакованные образцы, присутствующие на объектах, подвергнутых археологическому изучению и обнаруженные на всей площади поселения, согласно предварительному анализу, являются продуктами производственной металлургической деятельности населения. Находки в виде ошлакованных изделий, углей, образцы обмазок огнеупорной глиной, остатков металлургической плавки и др. отправлены на спектральный анализ с целью уточнения их состава, температуры воздействия и других дополнительных данных.

Основным индикатором, позволяющим определить период функционирования города мастеров, является керамический материал, общая характеристика которого свидетельствует, что исследуемый памятник представлял собой развитый средневековый производственный центр. Артефакты из исследуемых раскопками объектов представлены различными видами находок, среди которых присутствуют фрагменты керамических сосудов, часть которых поддается частичному восстановлению. Керамические пряслица также представляют собой один из видов артефактов, которые были обнаружены как во время раскопок, так и в качестве находок на территории поселения. Каменные орудия в форме овальных, округлых изделий со следами отверстий и углублений в центре обнаружены на раскопе 1, на дне металлургической печи и среди случайных находок на территории поселения.

Керамические сосуды представлены разновидностями больших и малых хумов, основная часть которых по периметру венчика украшена орнаментом в форме пальцевых вдавлений (рис. 3). Отдельные типы хумов имеют отверстия в придонной части и вероятно предназначались для хранения жидких веществ.

Формы кувшинов устанавливаются по образцам удлиненных горловин сосудов, среди которых представлены и фрагменты с ручками (рис. 3, *1*).

Чаши различных форм являются одной из самых представительных разновидностей изделий среди керамической коллекции из поселения. Одной из интересных форм является форма чаши на невысоком поддоне, обнаруженная на дне металлургической печи, к тому времени служившая в качестве мусорной ямы (рис. 3, *5*). На дне описываемой конструкции обнаружена часть каменного орудия с небольшим углублением в центре, вероятно, служившая для дробления мелкой руды.

Фрагменты миниатюрных сосудов в виде боковин, венчиков и донцев представлены в большом количестве. Обнаружены фрагменты орнаментированных сосудов. Орнаментация представлена в виде зигзагообразных, ломаных линий, ветвистых, колоскообразных и простых волнистых линий, нанесенных по тулову сосудов. Обнаружены образцы керамики светлого цвета с треугольным орнаментом, нанесенным по периметру тулова сосуда. Распространенным видом орнаментации являются пальцевые вдавления, нанесенные по венчикам и донцам крупных сосудов (рис. 3, *7, 8*). Все образцы керамических изделий изготовлены на гончарном круге. Образцы донцев сосудов представлены плоскими доньями.

Ошлакованные изделия из металлургической печи и из раскопа 2 представлены несколькими образцами, которые взяты для проведения спектрального, химического анализа. Среди образцов шлаков из металлургической печи присутствуют образцы с примесью меди, бронзы, железистой руды. На дне печи собраны каплевидные образцы, сходные с оплавленной продукцией, готовой к использованию (рис. 3, *10*). На дне печи зафиксированы углистый и золистый слои, образцы которых также отобраны для проведения естественно-научных анализов на предмет их состава как предметов, использованных в качестве продуктов горения, с помощью которых достигалась необходимая температура для выплавки руды.

В процессе исследований на раскопе 2, наряду с многочисленными керамическими изделиями, обнаружены фрагменты в форме обломков от двух разных железных котлов. Первый фрагмент представлен боковиной сосуда с венчиком размером 12,5×17 см, толщиной стенки 0,5 см, с шириной венчика – 1,5 см. Венчик котла выступает и отогнут наружу, образуя с внутренней стороны котла уступ, вероятно, предназначенный для крышки котла. Второй фрагмент 12×11 см, толщиной стенки 0,3 см, имеет в верхней части боковины отверстие идеальной круглой формы, диаметром 0,3 см.

В целом, предварительные выводы о характерных особенностях всех типов, видов и форм артефактов из раскопок, раскопанных и изучаемых конструкций, свидетельствуют о том, что археологической экспедицией начато изучение крупного производственного центра. Большое количество ошлакованных изделий на территории всего поселения и обнаруженных в процессе раскопок свидетельствуют, что основной формой деятельности населения являлось металлургическое производство. Предварительный анализ керамических изделий и других артефактов позволяет сделать выводы и о

периоде функционирования памятника в средневековый период. Несмотря на основное направление производственной деятельности, жизнь населения поселения могла функционировать и в других направлениях, таких как развитая ремесленная деятельность, сельское хозяйство, в которых садоводство и огородоводство занимало определенное место.

В связи с изучением вопросов историко-культурной интерпретации материалов металлургического производства у средневекового населения в регионе хребта Хантау и долины реки Шу, необходимо вспомнить, что тюрки вышли на историческую арену с лаконичным определением как «плавильщики железа». В истории становления государственности тюрков, согласно сведениям ранних средневековых китайских источников, первый каган Тюркского каганата Бумынь, со своим народом плавивший железо для жуань-жуаней (аваров в европейских источниках), посватался к кагану Анахуаню в 545 г. Ответ Анахуаня был следующего содержания: «Как ты, мой плавильщик железа посмел просить руки моей дочери?». Получив отказ, Бумынь, предварительно заручившись поддержкой китайского императора, пошел войной на жуань-жуаней, одержал победу, вследствие которого вождя аваров Анахуаня постигает печальная участь [Бичурин, 1950, с. 226, 228]. Последующие многочисленные события свидетельствуют о создании государства тюрков, расширения его влияния по всей широкой полосе Евразии и выходе на международную арену. Заявив о себе как о равных партнерах ведущих мировых держав эпохи: Ирана, Византии и других государств, тюрки принимают послов в Таразе, посылают свои представительства в эти страны. В описываемый период активно пульсирует международная торговля по Великому Шелковому пути.

В связи с изучением средневекового поселения металлургов, представляет интерес и информация из сирийских источников, о том, что в период с 568 по 576 гг. в город Тараз – экономическую и политическую столицу Тюркского каганата прибывает четыре посольства из Византии. Демонстрацию своего могущества тюрки иллюстрируют своеобразной выставкой достижений. Источники описывают, что во время первого приема посольств, когда одновременно в Тараз прибыли послы из Ирана и Византии, для них устроили показательную выставку богатств. На выставке были показаны образцы почти всех доступных для зрителей достижений тюрков, на которой кроме животных, продукции животноводства, ювелирных и других изделий, видное место занимали предметы вооружения и образцы руды [Пигулевская, 1941, с. 76-78]. Последний фактор указывал на обладание своими сырьевыми запасами, а наряду с информацией о том, что тюрки являются плавильщиками железа, факты свидетельствовали и о развитом металлургическом производстве. Описываемые фрагменты истории из жизни населения Западного Тюркского каганата имели свое продолжение и в последующие периоды развития.

Непосредственно с историей средневековых племен, локализовавшихся на землях казахских степей, связана и история Огузов. Первое упоминание Огузов и Тогузогузов появляется на эпитафиях в честь Культегина, Бильге кагана

и Тоньюкука с использованием определений «бодун» или «свой собственный народ». С этим же периодом связана фраза о том, что Огузы «стали нашими врагами» (717 г.). Огузские племена также были вовлечены в межплеменные конфликты, охватившие степь после развала Второго Тюркского каганата и фигурируют в качестве оппонентов уйгуров. После событий 744 г. Огузы совместно с карлуками становятся обладателями титулов правого и левого ябгу, во вновь образованных тюркских государствах [Golden, 1972, p. 51]. В период 766 г. источники свидетельствуют о переселении карлуков на земли народа десяти стрел/он ок будун в Жетысу.

В русле описываемых событий представляет интерес точка зрения исследователя Ф. Шумера о семантической связи понятий Он ок, Боз ок и Уч ок среди поздних огузов, что может указывать на действительную взаимную связь Огузов с союзом племен Он ок [Sumer, 1967, с. 24–25, 35]. В реальной действительности существование родства между племенами Он ок и племен, составивших ядро Огузской конфедерации, может разъяснить этноисторическую ситуацию с движением части племен народа Он ок на Сырдарью, после захвата их земель карлуками и создание ими на новой территории государства, известного в истории как государство Огузских Ябгу. Однако миграция племен, видимо, не была полной и часть огузов по-прежнему жила на территории прежнего обитания. Согласно историко-географическим сведениям Идриси («Китаб Руджар») «в X в. одна из групп огузских племен кочевала в долине реки Шу и Таласском Алатау. Идриси называет Огузов Шуйской долины хандагами, т.е. тюрками хантаускими. Эти огузские племена отличались своей храбростью и независимостью. Главной резиденцией их предводителей была крепость Хийам, лежавшая на правом берегу реки Шу. Обращает на себя внимание то, что эти племена населяли «внутренние» области земель огузов» [Агаджанов, 1969, с. 74]. Автор считает также, что и «в X в. восточные границы огузских кочевий и небольших крепостей простирались до нижнего течения реки Или. Жившим на южном побережье Балхаша огузам, вероятно, принадлежала крепость Горгуз. Местные огузские племена назывались хангакишами и ханга-гузами отличались своей воинственностью, а их страна на картах Идриси называется Хангакет» [Агаджанов, 1969, с. 72]. Содержащиеся в «Китаб Руджар» историко-географические сведения позволяют установить максимальные пределы земель огузов в X в. Огузские племена, согласно данным Идриси, обитали в степной полосе нынешней Средней Азии от Южного Прибалхашья до низовий Волги. Огузы населяли также Приаралье, долину Сырдарьи, предгорья Каратау, обитали в долине реки Шу, в Таласском Алатау, в низовьях реки Или. Огузские племена, населявшие Южное Прибалхашье и побережья реки Шу, были независимыми и имели своих вождей. В X в. восточные границы огузских кочевий и небольших крепостей простирались до нижнего течения реки Или [Агаджанов, 1969, с. 72–73, прим. 1].

Последовательное развитие истории культуры тюркского населения на описываемых территориях указывает что регион Южного Прибалхашья, совместно с землями долины реки Шу, районы хребтов Хантау, Кіндіктас представляли собой исторические центры, основным развитием производственной деятельности которых являлась развитая металлургия. Именно металлургическая деятельность, наряду с другими формами производств, обеспечивала военную мощь государств тюркских народов.

Предварительная датировка памятника VI–XI века.

Литература

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен IX–XI вв. Ашхабад: Изд-во. «Ылым». 1969. 294 с.

Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1941. 171 с.

Golden P. The migrations of the Oguz // Archivum Ottomanicum IV. Burlington. The Hague 1972. P. 45-84.

Golden P. Nomads and their Neighbours in the Russian Steppe. Turks, Khazars and Qipchaqs. Ashgate. Variorum, 2003. 372 c.

Sumer F. Oguzlar. Istanbul – Türk Dünyasi Araştirmalari Vakfi. 1999. 484 c.

**А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, С. У. Билалов,
Ж. К. Султанжанов, К. А. Шарапова**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ДЖАНКЕНТ в 2019 году

В статье приведены результаты комплексных археологических исследований Джанкентской археологической экспедиции, проводившихся на средневековом городище Джанкент в низовьях Сырдарьи в 2019 г. Городище является одним из ключевых памятников при изучении истории средневековых огузов. В полевом сезоне 2019 г. археологические работы были проведены на раскопе № 1 – жилищно-хозяйственном комплексе, расположенном в восточной части городища. Здесь были вскрыты несколько строительных горизонтов и жилые помещения. Раскоп № 2 был заложен на оборонительных сооружениях городища, где был расчищен северный фас стены и башня № 3 цитадели городища; раскоп № 7 – на центральных воротах городища в восточной стене, которая имеет лабиринтообразный проход. Наряду с археологическими раскопками проводились также работы по профилактической консервации, результаты которых показывают свою высокую эффективность, демонстрируют хорошую сохранность сырцовых конструкций на памятнике.

Ключевые слова: низовья р. Сырдарья, средневековье, городище Джанкент, раскопки, консервационные работы

2019 жылы Жанкент қалашығында жүргізілген археологиялық зерттеулер

Мақалада «Жанкент археологиялық экспедициясының» 2019 ж. Сырдарияның төменгі ағысындағы ортағасырлық Жанкент қалашығында жүргізген кешенді

© Азилхан А. Тажекеев, *Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан*; azik8484@mail.ru
Рустем Т. Дарменов, *Национальный музей Республики Казахстан г. Нур-Султан, Казахстан*; darmenov_rustem@mail.ru
Сейдалы У. Билалов, *Казахский национальный университет им. аль-Фараби г. Алматы, Казахстан*; seidaly.bilalov@mail.ru
Жетесби К. Султанжанов, *Тюбингенский университет Эберхарда-Карла, г. Тюбинген, Германия*; zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru
Кызгалдак А. Шарапова, *Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан;* kizgal-93.01@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131086 (раскоп 1), а также акимата Кызылординской области по теме «Археологические исследования городища Джанкент Казалинского района, Кызылординской области». Договор № 36 от 29 мая 2019 г. (раскоп 2).

зерттеулерінің нәтижелері беріледі. Жанкент – ортағасырлық оғыздардың тарихын зерттеудегі негізгі ескерткіштердің бірі болып табылады.

2019 ж. маусымдық зерттеу жұмыстары ескерткіштің шығыс бөлігіндегі тұрғын үй кешенінде (№ 1 қазба) жүргізіледі. Бұл жерден тұрғын бөлмелер мен бірнеше құрылыс қабаты аршылады; № 2 қазба – қалашықтың солтүстік бекініс қабырғасына салынып, цитадель қабырғасының солтүстік фасады және № 3 мұнарасы тазартылады; № 7 қазба – қалашықтың шығыс қабырғасындағы лабиринтті өткелі бар орталық қақпасына салынады. Археологиялық қазба жұмыстарымен қатар, профилактикалық консервация жұмыстары да жүргізіледі. Осы атқарылған жұмыстардың нәтижесі қалашықтағы шикі кірпіштен салынған құрылыстардың жақсы сақталатындығын, жоғарғы дәрежеде тиімділігін көрсетті.

Түйін сөздер: Сырдарияның төменгі ағысы, орта ғасыр, Жанкент қалашығы, қазба жұмыстары, профилактикалық консервация жұмыстары

Archaeological Research on Jankent settlement in 2019

The article presents the results of complex archaeological research of the Jankent Archaeological Expedition on the medieval site of Jankent in the lower Syrdarya in 2019. The Jankent is one of the key sites in the study of the history of medieval Oghuzes.

In 2019, archaeological work was carried out at excavation no. 1, a housing complex in the eastern part of the town. Here several construction horizons and living quarters were opened; excavation no. 2 was laid on the fortifications of the town, where the northern face of the wall and tower no. 3 of the citadel were cleared; excavation no. 7 was laid on the central gate of the fortification in the eastern wall, which has a labyrinthine passage. Along with archaeological excavations, preventive conservation work was also carried out, the results of which show their high efficiency, demonstrating the good preservation of the raw structures at the site.

Keywords: lower Syrdarya river, the Middle Ages, the medieval town of Jankent, excavations, conservation work

Городище Джанкент расположено в 1,5 км к югу от села Жанкент, в низовьях р. Сырдарья (Казалинский р-н, Кызылординская обл.). Городище имеет форму, близкую к прямоугольной, общая площадь составляет около 16 га. Оно обведено стенами со встроенными в них башнями, выступающими полукругом с внешней стороны стен. Фортификационные сооружения возведены из пахсовых блоков. Хорошо сохранилась восточная стена, в середине которой находятся ворота с двумя выносными башнями. На топографическом плане городища, отснятом Б. В. Андриановом и Н. И. Игониным в 1963 г. [Аржанцева, Рузанова, 2010, рис. 9], обозначено углубление, возможно указывающее на местонахождение западных ворот. Как видно на аэрофотоснимках, город делится центральной улицей на две равные части. По обе стороны улицы расположен «шахристан», в северо-западной части городища находится цитадель размерами 110×110 м. Современные исследователи Джанкента, основываясь на типологии городищ Г. В. Шишкиной и О. Н. Иневаткиной, отнесли Джанкент к типу I.2 «город, укрепленный цитаделью в черте городской ограды» [Аржанцева и др., 2014, с. 293].

С 2005 г. в течение 14 полевых сезонов (с небольшими перерывами в 2008 и 2010 гг.) стационарные археологические работы на городище ведет

Жанкентская/Джанкентская археологическая экспедиция (ЖАЭ). К настоящему времени исследовано более 2000 кв. м территории памятника.

В 2019 г. археологические работы были проведены на раскопах № 1, 2 и 7. Надо отметить, что наряду с раскопками велись работы по сохранению и консервации сырцовых сооружений (помещения, очаги, суфы) (рис. 1).

Рис. 1. Джанкент. Каркас, сооруженный над жилыми помещениями жилищно-хозяйственного комплекса (Р1)

Раскоп № 1

В полевом сезоне 2019 г. основные работы были направлены на выявление стратиграфии и ранней планировки жилищно-хозяйственного комплекса. Здесь были вскрыты и зачищены помещения, исследованные в сезонах – 2004–2006, 2016–2018 гг. Как показали предыдущие работы, верхний строительный горизонт раскопа № 1 (Р1) имел два периода существования. В это время планиграфия в пределах Р1 не изменялась. В верхнем строительном периоде были дома с одно- или двухкомнатными жилыми помещениями: № 6, 15, 32, 33а, 34, 53 (рис. 2). Их стены сложены из сырцового кирпича размерами 31,5×21,5×6 см и 20,7×22×5 см. В нижних строительных горизонтах размеры кирпичей несколько больше – 39–40×20–21×6–7 см.

Помещение № 6 (работы начаты в 2006 г.). Было расчищено повторно и покрыто сверху защитным слоем самана и перекрыто каркасно-деревянной конструкцией от дождя. Помещение в плане трапециевидное. Длина помещения достигает 6 м. В северной части ширина 4,4 м, а в южной более узкая – 3,6 м.

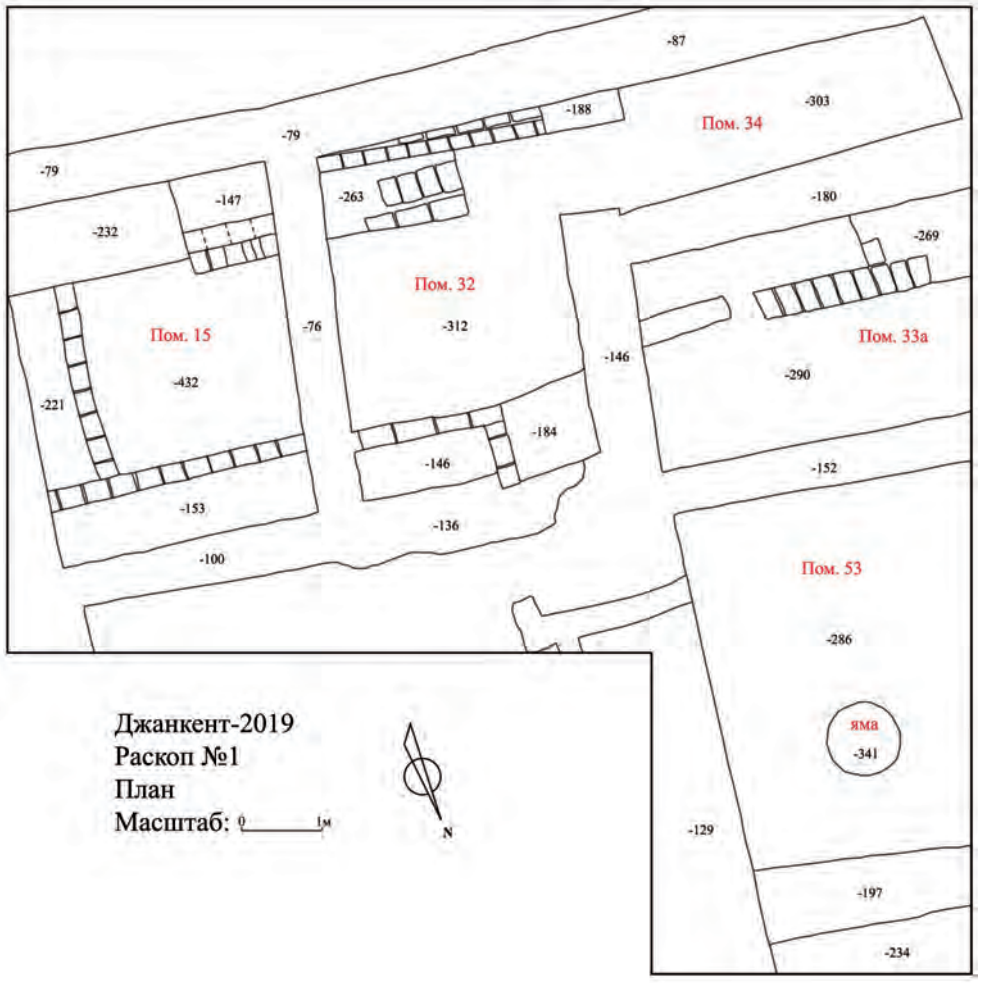

Рис. 2. Джанкент. План Р1 2019 г.

Вдоль северной и западной стен помещения была пристроена суфа шириной 1 м и высотой 50 см. Юго-западный угол суфы, пристроенный к западной стене, был оформлен в виде тумбы размерами 60×70 см, как в помещениях восточной части. По центру помещения на глинобитном полу ее был сооружен прямоугольный открытый очаг. Очаг имеет такую же конструкцию, как и в других помещениях: узкий невысокий бортик окружал пространство пола размерами 1,7×1,1 м. Почти вплотную к южной стенке очага была сделана подставка из сырцовых кирпичей, возможно для котла. На ряд сырцов, положенных на расстоянии 40 см друг от друга, были поставлены два кирпича вертикально с небольшим наклоном наружу. С северной стороны вплотную к этой конструкции была приставлена керамическая очажная подставка в виде стилизованного изображения барана с двумя головами. Длина подставки – 45 см, высота – 40 см. Поверхность этой

фигурки покрыта оттиснутым орнаментом в виде геометрических узоров и растительных побегов. Аналогичное скульптурное изображение было найдено при раскопках цитадели Джанкента в 2007 г., известны такие фигурки на Кескен-Куюк-кала и на других памятниках.

Проход в помещение № 6 находился в южной стене. Ширина прохода – 90 см. К западной стене помещения снаружи была пристроена прямоугольная (3,0×0,6 м) суфа, которая, возможно, служила для хозяйственных целей.

Помещение № 15 (работы начаты в 2016 г.). Точные размеры помещения № 15 определить невозможно, так как восточная стена помещения полностью уходит под южную бровку. Южная и западная стены помещения сохранились на высоту 8–10 рядов сырцовых кирпичей размерами 30×20×6 см. Толщина южной стены помещения 60 см, сложена в 1,5 ряда, каждый следующий ряд чередуется по противоположенной последовательности (тычок–ложок). Длина южной стены составляет 2,8 м. Западная стена помещения также сложена по строительной методике тычок–ложок, толщина стены 60 см (-90 см от ▼), сохранилась на высоту 10 рядов. В юго-западном углу помещения вскрыта вымостка из сырцовых кирпичей [Зиливинская и др., 2011, с. 24-26].

Шурф 1 (2017; 2019 гг.). В полевом сезоне 2017 года в центральной части Р1 был заложен шурф, в 2019 г. он был продолжен и расширен. Целью закладки шурфа является выявить нижние слои городища, а также установить до какой глубины залегают культурные слои памятника. По мере углубления нами было прослежено несколько строительных горизонтов, перекрывающих друг друга.

Шурф был заложен на месте помещения № 15, он был вскрыт в полевом сезоне 2016 г. В полевом сезоне 2017 г. опустились на глубину -345 см от основного репера. В 2019 г. шурф был расширен и углублен до глубины -432 см от ▼.

Профиль восточного фаса (рис. 3) проложен вдоль осевой стены С–Ю, которая делила жилищно-хозяйственный комплекс (Р1) на восточную и западную части. В шурф попал фрагмент стены длиной 460 см. Верхние 17–18 рядов кирпичной кладки высотой около 130 см являются восточной стеной в верхнем строительном горизонте. В восточном углу на отметке -190 см от ▼ был вскрыт тандыр диаметром 45–50 см, стенка тандыра толстая, 2–3 см, цельно-керамическая, высота сохранилась до 25–30 см. На стенке тандыра ближе ко дну прикреплена трубка диаметром 12–15 см. И тандыр, и суфа, вскрытые на данном участке, относятся к верхнему строительному горизонту (I с.г.). Тандыр перерезал второй строительный горизонт, который имеет толщины до 0,5 м. Здесь мы имеем сильно потревоженную и деформированную кирпичную стену. Внешнюю стену обкладывали кирпичами, лежащими плашмя.

Далее слой от отметки -220, -230 см от ▼ до глубины -280 см от ▼ относится к третьему строительному горизонту (III с.г.). С восточной стороны к стене пристроена суфа шириной 90 см и высотой 30 см. Размеры кирпичей стандартны для периода бытования памятника (IX–X вв.): 39–40×20–21×6–7 см. Ниже идет мощный слой забутовки до отметки -420 см от ▼.

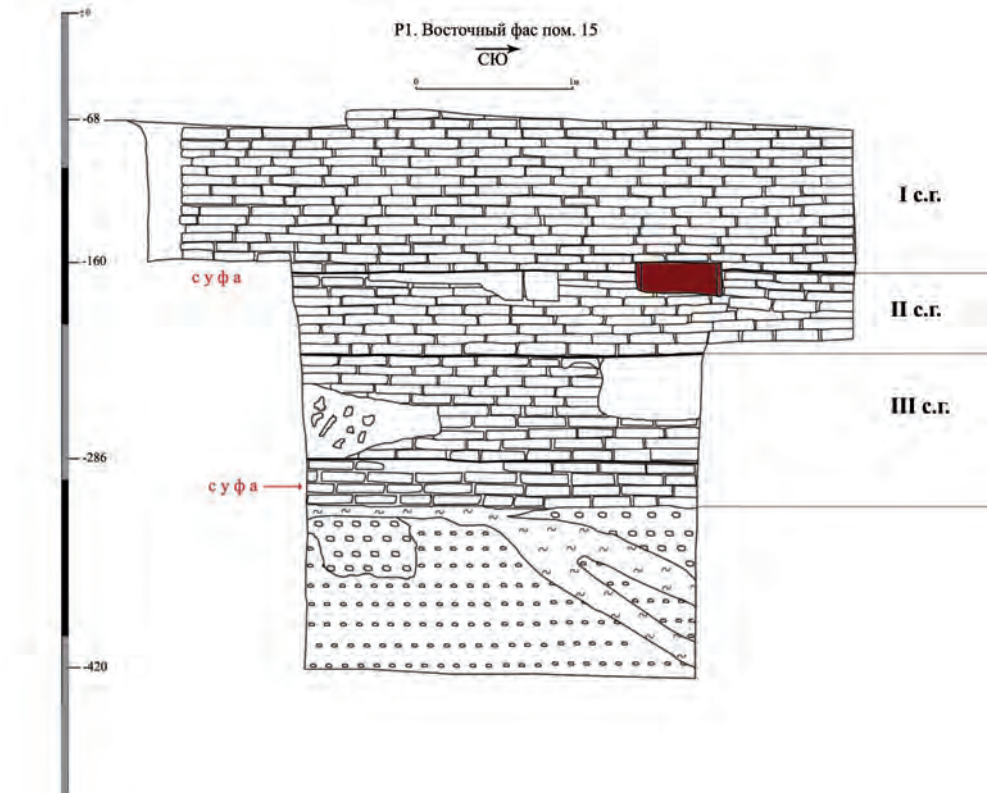

Рис. 3. Джанкент. Раскоп 1. Шурф 1. Профиль восточного фаса

Помещение № 32 (работы начаты в 2016 г.) С западной стороны помещения № 15 примыкает помещение № 32. Это прямоугольное в плане помещение размерами 4,5×3,5 м входило, скорее всего, в комплекс домов с западной стороны Р1, так как входная дверь или проход в помещение находился в северо-западном углу. Слева от входа к северной стене была пристроена суфа размерами 90×210×40 см. Суфа была облицована сырцовыми кирпичами, установленными вертикально, однако облицовка сохранилась на высоту 15–20 см. Стенка суфы сложена из сырцовых кирпичей размерами 30×20×6 см в один ряд.

Пол помещения был полностью залит глиной в несколько слоев. В западной части помещения вскрыт плотный завал, возможно, от упавшего сводчатого перекрытия. Упавшие сырцовые кирпичи лежат ребром в горизонтальном положении в 4–5 рядов, расчистка завала произведена не полностью до уровня полов, это препятствует возможности визуально охватить комнату полностью. По этой причине также не можем говорить о наличии очага в помещении.

Южная стена помещения № 32 является продолжением южной стены помещения № 15. Стена начинается в квадратах 109/102 и уходит под южную

бровку в квадратах 110/98. Длина стены 10 м. В пределах помещения № 15 (около 3,2 м) толщина стены 60 см, далее становится шире и достигает толщины 90 см. Вдоль данной южной стены вскрыты три помещения. Западную стену помещения № 32 можно обозначить дважды, первая часть (пристроенная к помещению № 33) составляет в длину 1,8 м, толщиной 55 см; далее стена поворачивает на запад под 90°, образуя небольшой угол в 50 см, вторая часть имеет длину 3 м, толщину также 55 см. Восточная стена помещения разделяет ее с помещением № 15, толщина 90 см. Северная стена по общему плану является несущей, начинается в квадратах 107/102 и достигает длины 10-11 м. Очень плохо сохранилась верхняя часть стены, ниже, на уровне -150, -160 см от ▼, она достигает толщины 80–90 см [Тажекеев, 2016, с. 28–30].

В полевом сезоне 2019 г. помещение № 32 попало в стратиграфический раскоп, здесь после снятия первого строительного горизонта были вскрыты жилые помещения более раннего периода, охватывающие два строительных горизонта. Необходимо отметить, что внутренний интерьер и размеры помещения не менялись в это время. Верхний строительный горизонт можно условно поделить на два периода, которые видны только в виде обмазок и следов ремонта на стенах. Внутреннее заполнение помещения скудное и представлено битой керамикой, костями МРС. Как показали работы, помещение в раннем периоде было входным помещением – айваном.

Помещение № 32 во втором строительном горизонте ориентировалось по оси С–Ю. Жилой пол выявлен на глубине -263 см от ▼. Пол сложен из сырцовых кирпичей, размерами 30×20×6 см, расположенных в несколько рядов. Расчистка помещения не позволила выявить элементы интерьера, отсутствуют даже очаги и печи в виде хумов. Здесь в западной стене во втором строительном горизонте расположен проход на улицу, который был заложен при ремонте здания в более поздний период. Проход шириной до 1 м был заложен кирпичами размерами 30×20×6 см. От входа отходит длинный коридор, сложенный из крупных сырцовых блоков, лежавших под помещением № 34.

Помещение № 33 (работы начаты в 2016 г.). Небольшая по размерам комната, вероятно, была подсобным помещением, так как под завалами было обнаружено несколько хумов в состоянии in situ. Фрагменты хумов показывают, что они были раздавлены упавшим грузом. Помещение не расчищено до уровня полов, однако размещение обнаруженных предметов дает возможность предположить, что они находились на полу. Керамические изделия (хумы) ручной лепки плохого обжига, при изъятии сильно рассыпаются. Размеры помещения 2,05×2,50 м. Толщина западной стены 60 см. В северной части помещения расчищен небольшой участок пола (1,5×0,7 м), он был залит глиной, либо обмазан глиной в несколько слоев. В юго-западном углу помещения был найден фрагмент сосуда, внутри которого был череп МРС.

В ходе полевых работ 2016 г. также было вскрыто помещение № 35. Оно примыкает с северной стороны к помещению № 33. В Р1 попала только малая часть помещения, ее ширина в восточной части равны 2,5 м. Помещение не

расчищено до пола. В центральной части видны следы тандыра, в западном профиле отчетливо читаются следы забутовки с вкраплениями угольков и комьев глины.

Расчистка нижних слоев в 2019 г. показала, что в более ранний период помещения № 33 и 35 были одним помещением. В связи с этим выявленное помещение наименовано как помещение № 33а. Возможно, оно также было подсобным. Здесь нами не было выявлено каких-либо следов элементов интерьера. Это прямоугольной формы помещение, сложенное из крупных пахсовых блоков размерами 80×100 см. Отметим, что западная стена помещения осталась за западным фасом раскопа, что не дало возможности определить полный размер помещения. На отметке -269 см от ▼ сохранились несколько рядов сырцовых кирпичей.

Помещение № 34 (работы начаты в 2016 г). Это узкая, но довольно длинная комната. Размеры 1,50×4,10 м. Помещение расчищено до уровня пола, -129 см от ▼. Пол залит глиной светло-серого цвета в несколько слоев, он, вероятно, периодически замазывался. В центре помещения был обнаружен керамический дастархан диаметром 60 см, он был обнаружен в перевернутом состоянии. Его фрагменты показывают, что дастархан стоял на полу, затем был разбит под тяжестью упавшего завала (стены), поверхность пола находилась на небольшой глубине от дневной поверхности и обнаруженная сухая глина, скорее всего, является наносным слоем. Рядом с дастарханом обнаружен небольшой красноглиняный керамический сосуд, который лежал in situ. Южная сторона узкого помещения уходит под бровку.

В 2019 г. при расчистке нижних слоев выявлено, что под жилым помещением в раннем строительном горизонте был узкий коридор. Стены коридора сложены из пахсовых блоков размером 80–100 см, длиной – 5 м. Коридор соединял жилые помещения с улицей. Внутреннее заполнение коридора состоит из сезонных (по всей видимости, зимних) отходов в виде органики, золы и угольков. Слои заполнения размещены послойно вперемежку с землей.

Помещение № 53 расположено в западной части раскопа, примыкая к борту раскопа № 1. Размеры помещения – 5×2,40 м. Часть комнаты уходит за бровку раскопа. Здесь до раскопа визуально прослеживались поврежденные стены жилого помещения, имеюшие слабый уклон в сторону улицы. Расчистка показала, что уровень первого строительного горизонта фиксируется не полностью, сохранились лишь небольшие остатки стен. В нижних слоях под стенами жилого помещения выявлен уровень обживания, это плотный слой утоптанной глины с примесью органики. Здесь по центру выявлена хозяйственная яма диаметром 80 см. Глубина выявлена на отметке -341 см от ▼.

Раскоп № 2

В полевом сезоне 2019 г. консервационные работы также проводились на участке раскопа № 2 (Р2), где были вскрыты оборонительные башни северной

Рис. 4. Джанкент. Раскоп 2. Башня № 3. Вид с севера

обводной стены цитадели городища. В этом сезоне была открыта башня № 3 (рис. 4), диаметр башни – 7 м. Размеры зачистки 4×17 м, то есть длина между башнями № 2 и 3 составила 17 м.

Отметим, что в ходе расчистки участка между башнями № 2 и 3 на верхнем наносном слое были найдены дигири. Внутри этих керамических сосудов была обнаружена яичная скорлупа, на поверхности которой фиксировались надписи (возможно, на арабском языке). В настоящее время они доставлены на базу НИЦ «Археология и этнография» Кызылординского государственного университета им. Коркыт Ата. Планируется дальнейшее исследование этих находок в лаборатории со специалистами реставраторами и филологами.

Раскоп № 7

В полевом сезоне 2019 г. раскоп № 7 (Р7) был расширен в южном направлении. Была заложена прирезка с южной стороны размерами 9×8 м. Общая площадь Р7 составила 198 кв. м (рис. 5; 6). В нынешнем полевом сезоне было принято решение разделить раскоп на квадраты 2×2 м и обозначить их цифровой нумерацией.

После снятия верхнего наносного слоя в квадратах 104-108/100 начало проявляться «тело» обводной стены, то есть верхние ряды пахсовых блоков. Блоки светло-голубого цвета, на вскрытом участке высота верхнего ряда достигает 60–70 см, длина блоков варьирует от 75 до 110 см. Плотные серовато-голубые блоки выложены на нивелировочный слой из светло-желтоватой глины.

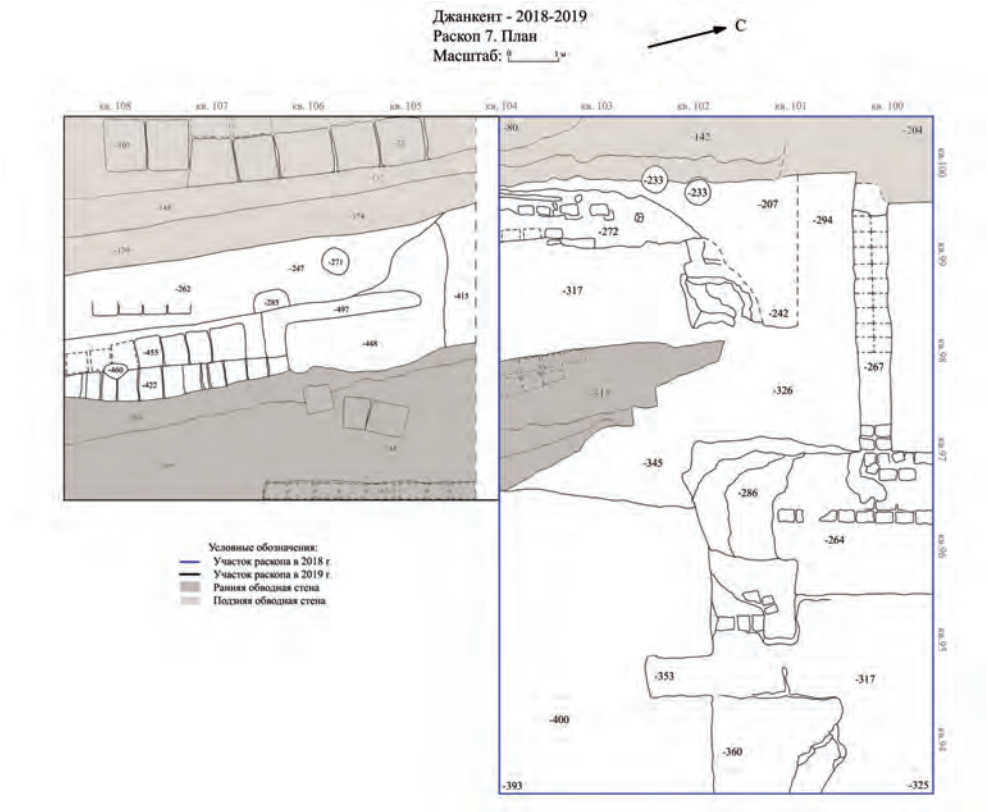

Рис. 5. Джанкент. Раскоп 7. План 2018–2019 гг.

Спускаясь по склону вала, в квадратах 105-108/99 был расчищен следующий, второй ряд пахсовых блоков под нивелировочным слоем. Между нивелировочным слоем и вторым рядом блоков уложена камышовая (тростниковая) прослойка. На Джанкенте тростник при строительстве оборонительных сооружений использовался повсеместно как гидроизолирующий и армирующий материал.

Второй нижний ряд блоков так же выложен на слое нивелировки. Сохранность блоков второго ряда позволяет определить высоту и длину блоков, но, так же как и с верхними рядами, невозможно измерить ширину блоков. В профиль блоки имеют размеры 65–70×140–150 см.

Нивелировочные слои между рядами блоков достигают в ширине до 20–25 см, слои светло-желтого цвета, возможно, глина смешивалась с мелкодисперсным песком с берегов древних русел.

Под вторым рядом пахсовых блоков так же обнаружен нивелировочный слой. Однако он в кв. 107-108/99-98 был заполнен строительным мусором из жженого кирпича большого формата, размерами 31×29–30×5 см. Жженые

Рис. 6. Джанкент. Раскоп 7. Общий вид вид раскопа, 2018–2019 гг.

кирпичи такого формата во множестве были обнаружены на раскопках цитадели городища на Р-2 и Р-6. На Р-2 во внутреннем северо-восточном углу цитадели, в кв. 93-94/99 на глубине -58 см от основного репера зафиксирована ритуальная вымостка и облицованный внутренний фасад северной стены цитадели [Аржанцева и др. 2014, с. 20, 56–58].

Жженые кирпичи большого формата были использованы так же при строительстве объектов первого строительного горизонта на Р-1 в центральной части городища [Аржанцева и др., 2010, с. 23–24, 108–109].

После расчистки слоя строительного мусора, на глубине -250 см от основного репера, вскрыт участок выкладки из сырцовых кирпичей, уложенный в один ряд. Ширина выкладки 105 см, размеры сырцовых кирпичей стандартны для периода существования памятника - 35×30×5,5 см. Возможно, кирпичная выкладка в один ряд укладывалась под каждым нивелировочным слоем, однако в верхних рядах она не сохранилась. Длина выкладки составляет 5,5–6 м, она выложена прямо на следующий нижний слой забутовки или нивелировки. В верхней части ранняя стена сохранилась шириной до 2 м. Однако спускаясь вниз, она резко расширяется. Стена была выложена их пахсовых блоков, высота блоков не превышает 80–90 см (возможно, этот ряд был самым нижним рядом ранней стены, так как под рядом пахсовых блоков выложены два ряда нивелировки с прослойками тростника). Ранняя стена, так же как и поздняя, возможно, была воздвигнута ступенчатым образом. Возможно, между рядами

блоков выкладывали ряд из сырцовых кирпичей квадратной формы, однако, на вскрытом участке не удалось зафиксировать кирпичи из-за плохой сохранности глиняных форм. Участок находится на пологой поверхности, по которой стекали природные осадки.

На глубине -440 см от ▼ вдоль ранней стены вскрыт слой нивелировки под пахсовыми блоками. Возможно, кладка из сырцовых кирпичей или блоков малого размера, сверху слоя уложена прослойка тростника. Ширина слоя за верхним рядом больших блоков составляет 60 см, высота 30 см. Вероятно, прежде чем выкладывать пахсовые блоки, укладывался слой желтоватой глины в мокром виде, сверху стелили слой тростника, затем укладывались блоки.

Под нивелировочным слоем желтого цвета на глубине -465, -470 см от ▼ обнаружен следующий (нижний) слой нивелировки, ее толщина так же выступает за толщину верхнего слоя на 30–40 см. Слой так же желтоватого цвета с прослойкой камыша (тростника) сверху. На отметке -494 см от ▼ археологические работы были остановлены. Основание ранней стены, нивелировочные слои, уходят под западный профиль. Западный профиль (слои под поздней обводной стеной) был расчищен вертикально для стратиграфического анализа.

В целом, изучение истории средневековых огузов, их политического объединения сопряжено с задачей археологического изучения городища Джанкент в низовьях р. Сырдарья. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: в результате полевых работ 2019 г. были вскрыты новые жилые помещения и более ранние строительные горизонты (№ 15, 32–35). Раскопки показали, что жилищно-хозяйственный квартал перестраивался неоднократно, установлено три строительных горизонта. Однако нам не удалось выявить материковый слой, раскоп был остановлен на отметке – 420 см от репера. Постепенно расчищаются оборонительные башни, фасад северной стены цитадели городища, и вскрывается структура центральных ворот городища. Продолжение археологических работ на обозначенных раскопах предполагается в следующих полевых сезонах.

Результаты работ 2019 г. подтверждают, ранее высказанное мнение о том, что в восточной части памятника крепостная стена возводилась на позднем этапе существования городища Джанкент в X–XI вв. Вопрос о соотношении восточной стены с другими крепостными стенами городища остается нерешенным.

Литература

Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда: «Компас Кызылорда», 2010. 162 с.

Аржанцева И.А., Рузанова С.А. Городище Джанкент и проблема «болотных городищ» // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура:

матер. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Г.В. Шишкиной. М.: Государственый музей Востока, 2010. С. 11-13.

Аржанцева И.А., Харке Г., Таҗекеев А.А. Итоги и перспективы изучения городища Джанкент. Проблемы интерпретации полученных материалов // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.). Алматы: «Арыс», 2014. С. 293-295.

Зиливинская Э.Д., Билялов С.У., Сыдыкова Ж.Т. Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 27-39.

Таҗекеев А.А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Археологические исследования на городище Джанкент, Казалинского района Кызылординской области в 2016 г. Фонд ГКУ «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области, управления культуры, архивов и документации Кызылординской области». Кызылорда, 2016. 96 с.

Г. Т. Амиргалина

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА ДЖАНКЕНТ ЗА ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2019 года

В статье представлен археологический материал, найденный на средневековом городище Джанкент в полевом сезоне 2019 г., большая часть которого характеризуется керамикой, есть изделия из металла и кости. В работе дано краткое описание керамических изделий, впервые зафиксированных на памятнике. За 15-летнюю историю изучения городища Джанкент получена представительная коллекция костяных изделий. В полевом сезоне прошлого года найдено значимое количество альчиков, в том числе орнаментированных.

Ключевые слова: городище Джанкент, керамика, анализ керамического материала

2019 жылғы далалық маусымда Жанкент қалашығынан табылған археологиялық жәдігерлер

Мақалада 2019 жылы ортағасырлық Жанкент қалашығынан табылған археологиялық жәдігерлер қарастырылады. Табылған материалдың басым бөлігі – керамика, металл бұйымдар, сонымен қатар сүйектен жасалған бұйымдар да кездеседі. Мақалада осы уақытқа дейін ескерткіште кездеспеген кейбір қызықты керамикалық бұйымдар ұсынылып, олардың қысқаша сипаттамасы беріледі. Он бес жылдық зерттеу жұмыстарының нәтижелерінде Жанкент қаласынан көптеген қызықты сүйектен жасалған бұйымдар табылды. Өткен жылғы далалық маусымда көптеген асықтар табылды, олардың ішінде ою-өрнектермен безендірілгендері де кездеседі.

Түйін сөздер: Жанкент қалашығы, керамика, қыш бұйымдарды талдау

Archaeological material found in the Jankent fort in the field season of 2019

This article presents archaeological material found on the medieval settlement of Jankent in the field season of 2019. Most of the material found is characterized by ceramics, there are metal and bone products. The work presents some interesting ceramic products that were not previously seen on the monument, their brief descriptions are given. The results of a fifteen-year study of the Jankent settlement made it possible to identify interesting bone products here. And in the field season of last year, a significant number of alchiks were found, including ornamented ones.

Keywords: ancient settlement Jankent, ceramics, analysis of ceramic material

---

© Гульмира Т. Амиргалина, *Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата Казахстан, Кызылорда. Тюбингенский университет Эберхарда-Карла Германия, Тюбинген*; amirgalina81@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131086

Археологические исследования средневекового городища Джанкент (Казалинский р-н, Кызылординская обл.), проводятся уже на протяжении 15 лет. В полевом сезоне 2019 г. исследование памятника было продолжено. Изучались следующие объекты: жилой комплекс (раскоп 1 – далее Р1), участок у ворот на восточной стене городища (раскоп 7 – далее Р7) и были начаты работы на одной из башен оборонительной стены вблизи разреза внешней обводной стены (раскоп 2 – далее Р2). Археологические находки, найденные здесь, представлены керамикой, изделиями из металла и кости. В числе индивидуальных находок насчитывается 66 предметов, из которых 37 керамические изделия, пять являются фрагментами металлических предметов, более 20 единиц – костяные альчики.

Найденный керамический материал по большей части фрагментирован, он фиксируется в слоях вскрытых площадей на Р1 и Р7.

На Р1 расчищены помещения 15, 32–34, 53 и полностью вскрыты раннее исследуемые помещения 6 и 25. Наиболее интересный керамический материал выявлен в пределах двух строительных горизонтов. Так, в помещениях 33 на уровне -150–250 см от дневной поверхности, а также 34 на уровне -200–270 см и 53 на уровне -190–245 см фиксируются фрагменты кухонных горшков ручной лепки с нагаром на внешней поверхности (рис. 2, *3–4, 9, 10*), сковород (рис. 2, *2*), хумов ручной и станковой лепки (рис. 2, *5*), кувшинов с ручками (рис. 2, *7*), кружек (рис. 2, *1*), крышек (рис. 1, *6, 9*), пряслиц (рис. 1, *8*), фрагменты очажных подставок (рис. 2, *8*).

На Р7 выявленный керамический материал происходит из межстенных и межблочных пространств, специально заполняемых бытовым мусором. Результаты проведенных на сегодняшний день раскопок на Р7 показывают, что в случае обветшания какого-либо участка стены параллельно ему укладывали дополнительную линию стены, а пространство между ними заполняли бытовым и строительным мусором [Тажекеев, 2019, с. 18–19]. Стены, как правило, сооружали из крупных пахсовых блоков, а пространство между блочными линиями заполняли нивелировочным слоем из того же бытового мусора. В связи с этим весь керамический материал на данном объекте представлен фрагментарно. Наибольшее скопление керамики зафиксировано в заполнениях квадрата 106/98 на уровне -300–440 см, меньшее количество материала фиксируется в заполнении квадратов 107/97, 106/97, 108/98 на уровнях -310–430 см.

В полевом сезоне 2019 г. были начаты исследования одной из башен внешней обводной стены. Это третья расчищаемая башня. Раннее уже были расчищены две башни в целях выявления их конструкции [Тажекеев, 2019, с. 40–42]. В ходе раскопочных работ на третьей башне были параллельно сняты верхние слои на участке между второй и третьей башнями. В результате на глубине -129 см от дневной поверхности выявлены один фрагмент керамики с голубой поливой и два дигиря – сосуды для черпания воды от чигиря – устройства для добычи воды.

Рис. 1. Керамика Джанкента, жилой квартал (Раскоп 1)

Ниже представлены наиболее интересные археологические находки, выявленные в ходе полевых работ 2019 г. на городище Джанкент.

Археологически целый кухонный горшок ручной лепки со следами нагара на внешней поверхности зафиксирован на Р1 в помещении 33, глубина на -164 см (рис. 1, *1*). Сосуд зафиксирован почти в состоянии in situ в одном из южных углов указанного помещения. На момент фиксации посуда была сломана пополам почти по вертикальной линии, одна из половинок оставалась в горизонтальном положении, другая фрагментированная половина лежала на полу. В пространстве между ними на полу лежал череп барана. По-видимому, горшок был раздавлен под тяжестью грунта верхнего строительного горизонта. Приблизительная высота сосуда около 22 см. Горшок имеет яйцевидную форму, диаметр тулова больше диаметра устья. Горловина горшка прямая, невысокая, венчик оформлен в виде округлого валика. Диаметр венчика – 14,8 см, диаметр наиболее расширенной части тулова – 11 см, диаметр дна – 10,2 см, высота горловины – 4 см. На внешней поверхности сосуда в области горловины прослеживается полосчатое лощение, ангоб отсутствует. Орнамент присутствует на внешней поверхности венчика в виде сплошной горизонтальной линии и линейных ямочных вдавлений по тулову. Цвет черепка темно-серый, местами с переходом в кирпично-красный цвет. В составе формовочной массы прослеживается шамот.

Археологически целый сосуд с одной налепной ручкой по внешним признакам напоминающий кружку, обнаружен на Р1 в помещении 33 на глубине -154 см (рис. 1, *5*). Сосуд приземистой шаровидной формы с короткой горловиной. Венчик оформлен в виде округлого валика, с внешней стороны которого имеется профилированный желобок, с резными косыми насечками поверху. Диаметр венчика 6,5 см, диаметр наиболее расширенной части тулова – 7,5 см, диаметр дна – 4 см. Общая высота кружки – 8,3 см, высота горловины – 3 см. На внешней поверхности кружки следов ангоба не обнаружено. Орнамент представлен насечками на венчике и резной елочкой, которая нанесена вертикальными столбцами, а на одном участке тулова столбцы резной елки нанесены горизонтальными линиями. Цвет черепка темно-серый, местами с переходом в кирпично-красный цвет. В составе формовочной массы прослеживается шамот и дресва.

В верхнем строительном горизонте Р1 в помещении 6 раскопан целый сосуд с производственным браком (рис. 1, *2*). Сосуд был зафиксирован здесь еще в предыдущие полевые сезоны [Аржанцева и др., 2010, с. 111, рис. 78]. Он был вкопан в пол данного помещения перед очагом и до сих пор оставался нетронутым. В целях выявления типа сосуда было решено раскопать его. Сосуд сформован ручной лепкой с доработкой на круге. Горшок имеет высокое горло, яйцевидное тулово и две противоположно налепленные ручки. Горловина отделена от тулова специальным уступчиком. Венчик оформлен в виде манжеты с заостренным верхним краем. Диаметр венчика 14,3 см, диаметр наиболее расширенной части сосуда – 16,5 см. Общая высота горшка – 21 см, высота горловины – 6 см. На внешней поверхности фрагмента следов обработки не прослеживается, орнамент отсутствует. Цвет черепка от темно-серого до

Рис. 2. Керамика Джанкента, жилой квартал (Раскоп 1)

буро-коричневого. На одной из сторон сосуда имеется вертикальная трещина вдоль всей его высоты, шириной более чем 1 см. Это является следствием некачественного обжига, как неправильное соблюдение температурного режима и относится к производственному браку. В составе формовочной массы прослеживается шамот и известь.

На Р1 в помещении 33 на глубине -211 см обнаружена археологически целая столовая кружка, слепленная вручную (рис. 1, *3*). Кружка имеет прямую цилиндрическую форму с прямой горловиной, край которой расширен. Диаметр горловины – 7 см, диаметр дна – 3,7 см. Общая высота сосуда – 9,5 см. На внешней и внутренней поверхности кружки присутствует красный ангоб. Орнамент отсутствует. Цвет черепка кирпично-красный. В составе формовочной массы прослеживается сухая глина, известь и органика.

Археологически целый сосуд с одной налепной ручкой, внешне напоминающий кружку обнаружен на Р1 в помещении 34 на глубине -200 см (рис. 1, *4*). Сосуд вытянутой формы с невысокой горловиной. Ручка прикреплена одним концом к краю устья, другим – к плечику. Венчик оформлен в виде округлого валика, с внешней стороны которого имеется профилированный желобок, с резными косыми насечками поверх. Диаметр венчика – 9,2 см, диаметр наиболее расширенной части тулова – 10,3 см, диаметр дна – 7,5 см. Общая высота кружки – 12,5 см, высота горловины – 3 см. На внешней поверхности кружки следов ангоба не обнаружено. Орнамент представлен насечками на венчике и обмазкой с пальцевыми разводами по тулову и дну. Цвет черепка кирпично-красный. В составе формовочной массы прослеживается шамот и сухая глина.

Одной из интересных находок является археологически целый предмет, сформованный на гончарном круге, обнаруженный на Р1 в помещении 53 на глубине -242 см (рис. 3, *1*). Изделие имеет усеченно-коническую форму с налепленной к верхнему краю горизонтально вытянутой ручкой, с массивным основанием, во внутренней части которого прослеживается глубокий желобок. Снаружи у основания изделия имеются два дисковидных налепа, расположенных рядом. Диаметр по верхнему краю – 15 см, диаметр по основанию – 16 см, налепы диаметром от 2 до 2,5 см. Приблизительная высота предмета около 28 см. На поверхности изделия следов обработки не прослеживается. Цвет изделия светлый. В составе формовочной массы прослеживается шамот, известь и органика.

На Р1 на уровне 2 строительного горизонта, на глубине -151 см, обнаружен фрагмент глазурованного керамического блюда, сформованного на гончарном круге. Диаметр блюда около 30 см (рис. 1, *7*). Подглазурной основой посуды является белый ангоб, нанесенный с обеих поверхностей блюда. Во внутренней части на белый ангоб коричневым и болотно-зеленым цветом нанесен расписной орнамент, поверх все полито прозрачной глазурью. Изделие сформовано из белого кашина. Аналогии таким блюдам можно проследить среди афрасиабской поливной керамики (раннесредневековая керамика Узбекистана), датируемой X–XI вв. [Гюль, 2017, с. 781].

Среди керамического материала с Р7 наиболее часто встречаются фрагменты крупных кружек с расширенным туловом и ручкой (рис. 3, *8,10–11*), крышек (рис. 3, *1–2*), кухонных горшков (рис. 3, *3*) и сковород (рис. 3, *4*). Встречаются фрагменты поливной керамики (рис. 3, *5*).

Рис. 3. Керамика Джанкента. Участок у восточных стен (Раскоп 7)

Наиболее интересным керамическим изделием из этого комплекса являются фрагмент котла с горизонтальными ушками на внутреннем крае горловины, обнаруженный на глубине -396 см. Посуда сформована вручную (рис. 3, *7*). Профиль посуды прямой, расширенный в верхней части. Венчик не оформлен. Диаметр венчика более 30 см, высота сохранившейся части стенки посуды до 10 см. Вся внешняя поверхность посуды покрыта ангобом и горизонтальным полосчатым лощением. Следов обработки нет. Орнамент отсутствует. Цвет черепка кирпично-красный. В составе формовочной массы прослеживается шамот.

На этом же раскопе найден еще один фрагмент сосуда открытой формы, сформованный на гончарном круге (рис. 3, *9*). На внешнем крае венчика имеются горизонтальные налепы, в виде волнистых ручек. Венчик прямой прямоугольный в сечении. Диаметр венчика – более 30 см. Внутренняя поверхность сосуда покрыта красным ангобом, на внешнюю поверхность нанесены брызги и потеки красного ангоба. Орнамент отсутствует. Цвет черепка кирпично-красный. В составе формовочной массы прослеживается сухая глина и органика.

На объектах Р1 и Р2 неоднократно найдены фрагменты овальных или прямоугольных подставок. На Р7 на глубине -425 см обнаружен фрагмент прямоугольной керамической подставки (рис. 3, *6*), внешняя часть которой покрыта резным растительным и геометрическим орнаментом. Цвет черепка кирпично-красный. В составе формовочной массы прослеживается сухая глина и шамот.

Интересный керамический материал был обнаружен при исследовании участка между башнями у Р2. Здесь на глубине -129 см от дневной поверхности были зафиксированы два дигиря, сформованных на гончарном круге (рис. 4, *2–3*). Изделия имеют удлиненную тюльпанообразную форму с налепленной ручкой в верхней части, зауженной придонной частью. В одном случае дигирь практически целый, утеряны лишь несколько фрагментов горловины. Общая его высота около 54 см. Диаметр по верхнему краю более 12 см, диаметр наиболее расширенной части тулова – 19 см, диаметр дна у обоих сосудов – 7 см. Ручки ленточной формы, налеплены несколько небрежно по косой линии. Во втором случае сохранилась лишь донная часть сосуда, вся верхняя часть дигиря утеряна. На поверхности изделия следов обработки не прослеживается, кроме придонной части, которая срезана острым предметом по вертикальной линии. Цвет изделий светлый. В составе формовочных масс видимых примесей не прослеживается.

Внутренняя часть обоих дигирей была заполнена грунтом. В процессе очищения грунта в каждом из сосудов были обнаружены по одному яйцу, по всей видимости, куриных (?), внутренняя часть которых, конечно же, была высохшей и заполнена землей. Внешняя поверхность яиц была расписана арабской вязью с помощью черной краски (рис. 4, *4*). Сохранность надписей пока лишь фрагментарная, некоторые знаки размыты. На данный момент совершенно очевидно можно сказать, что эти предметы не относятся непосредственно к

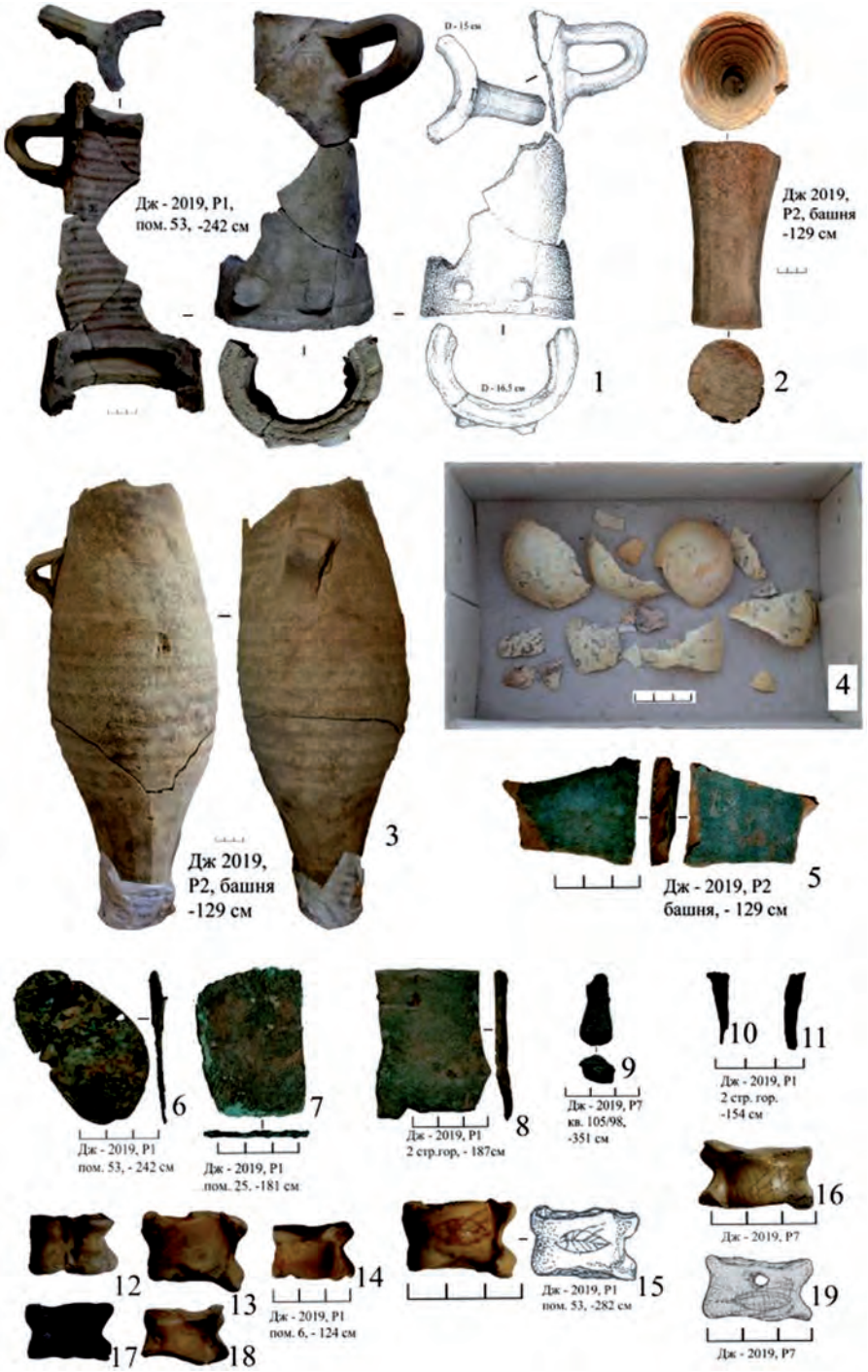

Рис. 4. Джанкент. Находки: 1–5 – керамика, участок у башен (Раскоп 2); 6–11 – металл; 12–19 – альчики

периоду существования самого города Джанкент (IX–XI вв.). Аргументируется это следующими фактами: дигири были обнаружены не в культурных слоях раскапываемых объектов; раннее выявленные на городище дигири имеют иную форму, чем рассматриваемые сосуды. Дигири из раскапываемых культурных слоев городища Джанкент с широким дном, диаметр которых около – 12–13 см, ручки для них не характерны, вместо них имеются соскообразные налепы [Комплексные..., 2014, с. 237, рис. 50–51]. То есть, это более ранние формы дигирей. А дигири с суженным дном, с петлеобразной ручкой на горловине – это более поздние формы. Рядом с дигирями был обнаружен фрагмент поливной посуды с голубой глазурью, которая аналогична материалам городища Мынтобе, расположенного близ Джанкента и датируемого примерно XIII–XIV вв. [Зиливинская и др., 2011, с. 28]. Возможно, время захоронения дигирей с положенными в них яйцами хронологически связаны с этим периодом, а сам обряд их захоронения мог иметь магический смысл. Такие действия были характерны для народов Средней Азии в средние века [Пигарев, 2013, с. 180–181], а яйца с надписями могли быть оберегами от сглаза или некой молитвой.

Грунт из одного дигиря был удален, а скорлупа расчищена. Второй дигирь, с нетронутым яйцом внутри, был плотно упакован и оба яйца были переданы специалистам для реставрационных работ.

Таким образом, керамический материал выявленный за полевой сезон 2019 г. в пределах Р1, Р7 в целом типичен для коллекции керамики Джанкента, она идентична керамике предыдущих лет [Комплексные..., 2014, с. 188–241]. Исключение составляют выявленные новые формы индивидуальной керамики. В их числе полый предмет из Р1 (рис. 4, *1*), который, возможно, является подставкой для чего-либо. Аналогов ему пока не удалось найти. По внешним признакам, составу формовочной массы он более всего близок к импортированной хорезмской керамике, которая присутствует на Джанкенте.

Не менее интересным объектом для дальнейших исследований является горшок с производственным браком из помещения 6 с Р1 (рис. 1, *2*), который в перспективе позволит получить некоторые сравнительные характеристики о технологии обжига температурном режиме керамики Джанкента.

Некоторые фрагменты горшка из помещения 33 с Р1 (рис. 1, *1*) планируется включить в состав керамики для проведения анализов на выявление пищевых остатков. Это позволит также раскрыть некоторые вопросы о культуре пищи у жителей жилого комплекса Джанкента.

В ходе раскопок 2019 г. выявлено значимое количество фрагментов кухонных горшков, а именно их профилирующих частей, что уже позволяет говорить о серии такой посуды и вывести их приблизительную статистику, выделить ее типологию.

В целом в коллекции керамики Джанкента полевого сезона 2019 г. количественно превалирует керамика, сформованная вручную, меньше фрагментов круговой керамики (рис. 2, *11*). Это уже характерный показатель для керамики Джанкента в целом [Комплексные…, 2014, с. 188–241]. Визуальный анализ керамики нынешнего сезона дает такой рецепт формовочной массы

– глина с добавлением шамота и органики (Г+Ш+О), есть фрагменты с наличием примеси к глине в виде шамота и дресвы (Г+Ш+Д) или органики (Г+Ш+О). Причем в большинстве случаев использована высокоожелезненная глина, о чем говорит кирпично-красный цвет черепков. Реже использована слабоожелезненная глина. Обжиг керамики чаще качественный, за исключением фрагментов от кухонной посуды или очажных подставок (рис. 1, *8*). Поверхность керамики имеет обработку, некоторые поверхности кухонных горшков и кружек (рис. 5). Фрагменты от столовых горшков или кружек покрытых ангобом (красным и темно-коричневым) (рис. 1, *6*), есть фрагменты (фрагмент котла, возможно столового?), на которых поверх ангоба имеется горизонтальное полосчатое лощение (рис. 2, *6*), есть фрагменты со сплошным зеркальным лощением без ангоба. Встречаются фрагменты с обмазкой внешней поверхности густой глиной в виде пальцевых разводов. Орнаментация на данной коллекции керамики Джанкента хорошо представлена – в основном это резной орнамент из прямых и волнистых линий, есть геометрический резной или штампованный, встречаются штампы.

Изделия из металла, выявленные в нынешнем полевом сезоне на городище Джанкент не отмечаются особой выразительностью. Это предметы найденные в нескольких помещениях Р1 на уровнях первого и второго строительного горизонтов и в слоях Р7. К их числу относятся: бронзовая пластинка овальной формы со сквозным отверстием (рис. 4, *6*), фрагменты бронзовых изделий, размерами до 3 см, один из которых напоминает гвоздь, имеет шляпку и ось (рис. 4, *10–11*), фрагмент сосуда бронзового котла (рис. 4, *8*), фрагмент плоского бронзового предмета (рис. 4, *7),* фрагмент коррозированного бронзового изделия в виде кулона (Р7), состоящего из двух симметричных половинок (рис. 4, *9*).

Большое количество альчиков было обнаружено на городище Джанкент и в нынешнем полевом сезоне на Р1 и Р7. Так на Р1 обнаружено скопление из пяти альчиков, один из которых окрашен в черный цвет (рис. 4, *17*). На одном из альчиков с Р1 имеется резной орнамент в виде лепестка (рис. 4, *15*). Скопление из 20 альчиков обнаружено в Р7, на двух из них имеется резной орнамент в виде сетки и лепестка (рисунок 4, *16, 19*).

Коллекция металлических и костяных изделий, найденных на городище Джанкент в полевом сезоне 2019 г., передана для анализов в Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, результаты исследований которых будут представлены в перспективе.

Литература

Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда, 2010. 164 с.

Гюль Э.Ф. Поливная керамика Узбекистана: этапы развития // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X—XVIII вв. Кишинев: Stratum Plus: Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. Сер. «Археологические источники Восточной Европы». Т. 2. С. 779-793.

Зиливинская Э.Д., Билалов С.У., Сыдыкова Ж.Т. Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Астрахань: Астраханский университет, 2011. С. 27-39.

Комплексные археологические исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост.: Аржанцева И.А., Тажекеев А.А. Алматы: изд-во «Арыс», 2014. 320 с.

Пигарев Е.М. Находки скорлупы птичьих яиц на средневековом могильнике «Маячий бугор» // РА. 2013. № 1. С. 179-182.

Тажекеев А.А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Археологические исследования на городище Джанкент, Казалинского района Кызылординской области в 2019 г. Фонд ГКУ «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области, управления культуры, архивов и документации Кызылординской области».

**А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, С. У. Билалов,
И. С. Курманиязов, Ж. К. Султанжанов**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ СОРТОБЕ 1 в 2019 году

В статье представлены результаты комплексных археологических исследований Сортобинского отряда Жанкентской/Джанкентской археологической экспедиции на средневековом укрепленном поселении Сортобе 1, проводившихся в 2019 г. (Кармакшинский р-н, Кызылординская обл.). В данное время памятник находится в аварийном состоянии, 2/3 части его разрушены. В 2019 г. археологические работы были проведены на двух основных объектах: расширен участок раскопа № 1, заложенный для определения стратиграфии памятника, где были вскрыты четыре строительных горизонта и жилые помещения; в юго-западной части городища был заложен раскоп № 2. Здесь вскрыты жилые помещения, улица и двор. Также ведутся работы по профилактической консервации на сырцовых конструкциях раскопа № 2, открытых в 2017–2018 гг.

Ключевые слова: низовья р. Сырдарьи, средневековье, городище Сортобе 1, раскопки, консервационные работы

2019 жылы Сортөбе 1 қалашығында жүргізілген археологиялық зерттеулер

Мақалада «Жанкент археологиялық экспедициясы» Сортөбе тобының 2019 ж. Сырдарияның төменгі ағысындағы ортағасырлық Сортөбе 1 қалашығында жүргізген кешенді зерттеулерінің нәтижелері беріледі. Сортөбе 1 – үштен екі бөлігін су шайып кеткен, апатты жағдайда тұрған ескерткіш.

2019 ж. маусымдық зерттеу жұмыстары ескерткіштегі негізгі екі нысанда жүргізіледі. № 1 қазба нысаны – қалашықтың суға жақын орналасқан шығыс бөлігіне, ескерткіштің стратиграфиясын анықтау мақсатында салынады. Бұл жерден тұрғын бөлмелер мен төрт құрылыс қабаты аршылады. № 2 қазба – қалашықтың оңтүстік-батыс бұрышына салынып, ол жерден бірнеше тұрғын бөлменің, көшенің, ауланың орындары аршылады. Сонымен қатар № 2 қазба нысанында 2017–2018 жж. аршылған тұрғын бөлмелерге профилактикалық консервация жұмыстары жүргізіледі.

© Азилхан А. Тажекеев, *Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан;* azik8484@mail.ru
Рустем Т. Дарменов, *Национальный музей Республики Казахстан г. Нур-Султан, Казахстан;* darmenov_rustem@mail.ru
Сейдалы У. Билалов, Ислам С. Курманиязов, *Казахский национальный университет им. аль-Фараби г. Алматы, Казахстан;* seidaly.bilalov@mail.ru; egypet.993@mail.ru
Жетесби К. Султанжанов, *Тюбингенский университет Эберхарда-Карла, г. Тюбинген, Германия;* zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

Работа выполнена благодаря финансированию акимата Кызылординской области по теме «Археологические исследования городища Сортобе Кармакчинского района, Кызылординской области». Договор № 37 от 29 мая 2019 г.

Түйін сөздер: Сырдарияның төменгі ағысы, орта ғасыр, Сортөбе 1 қалашығы, қазба жұмыстары, профилактикалық консервация жұмыстары

Archaeological research of the settlement of Sortobe 1 in 2019

The article presents the results of complex archaeological research of the Sortobe team of the Jankent Archaeological Expedition on the medieval settlement of Sortobe 1 in 2019. Sortobe 1 is located in Karmakshy district, Kyzylorda region. Currently, this site is in disrepair, 2/3 of its destroyed.

In 2019, archaeological work was carried out at two main excavations: Excavation No. 1 was expanded, which was laid to determine the stratigraphy of the site, where four construction horizons and residential premises were uncovered. Excavation No. 2 – was laid in the southwestern part of the settlement. Residential premises, a street and a courtyard were opened here. Preventive conservation work is also underway on the raw structures of excavation No. 2, opened in the field seasons of 2017–2018.

Keywords: lower Syrdarya river, the Middle Ages, the medieval settlement of Sortobe 1, excavations, conservation work

Археологические работы на памятнике Сортобе ведутся при помощи Научно-методологического совета по охране и использованию историко-культурного наследия Кызылординской области и Акимата Кызылординской области с 2017 г. Работы проводит Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата совместно с научными сотрудниками Национального музея РК и Государственного музея Востока (г. Москва).

В 2017–2019 годы на городище Сортобе 1 археологическим раскопом вскрыты два участка общей сложностью более 500 кв. м. [Билалов и др., 2017; Тажекеев и др., 2019].

Раскоп № 1 (далее Р1). Заложен в восточной части городища у кромки реки Сырдарья для выявления стратиграфии памятника (рис. 1). Выявлено, что памятник обживался длительное время и имеет четыре строительных горизонта. В настоящее время на Р1 вскрыто 160 кв. м. Здесь на уровне II строительного горизонта (верхний слой не учитывается, так как он не сохранился, видны только следы обживания) выявлены остатки семи жилых помещений второго строительного горизонта. Второй строительный горизонт представлен несколькими разновременными полами, но с единой планировкой и небольшими перестройками. На уровне нижнего пола (-129–151 см от уровня репера) зафиксированы остатки помещений, тандыров, хозяйственных ям (рис. 2). Жилые помещения квадратной или прямоугольной формы размерами 4–3×3–1,5 м, стены сложены из сырцовых кирпичей 34-36×20-22×10 см, имели толщину 60–80 см. Интерьер помещений, как и в раскопе № 2, представлен суфами Г- и П-образной формы, очагами по центру пола.

Раскоп № 2 расположен в ЗЮЗ углу городища Сортобе 1 (рис. 3). Археологическими раскопками была вскрыта планировка многокомнатного здания, которое являлось частью квартала города. Здание перекрывалось слоем разрушения в виде плотных и рыхлых завалов сырцового кирпича и наносных слоев песка и супеси. Существовало оно довольно долго, вскрыты три

Рис. 1. Городище Сортобе 1. Аэроснимок P1

строительных горизонта, причем на каждом этапе прослеживаются периоды перестроек и ремонта. Археологический раскоп был остановлен на отметке – 238 см от репера. В настоящее время на раскопе исследуются горизонты, относящиеся к раннему периоду существования городища, поздний, верхний, горизонт не прослеживается в культурном слое, видны только впускные хозяйственные ямы, которые прорезают два нижних горизонта. Верхний горизонт хорошо фиксируется на раскопе 1 в восточной части городища Сортобе. Следы огня, обгорелые балки и прокаленные куски глиняной обмазки потолка, перекрывающие второй горизонт, показывают, что город мог быть разрушен в результате пожара. Стены построек были сложены из сырцового кирпича, размеры которого 34–36×20–22×10 см. Капитальные стены имели толщину от 80–85 до 100 см. Крыша здания имела, по всей видимости, плоскую кровлю, так как не везде возможно было проследить остатки крыши, а только в некоторых комнатах, которые не пострадали от поздних перестроек, крыша была сложена из жердей и камыша (отпечатки стеблей видны на глиняных завалах). Данная архитектурная конструкция крыши существовала в большинстве домов в аулах Средней Азии и Казахстана до настоящего времени.

Здание ориентировано по сторонам света. Здесь было вскрыто около девяти помещений разных строительных горизонтов. Планировка построек идентичная, состоит из жилых секций и хозяйственных кладовок, выход шел через длинный коридор, ориентированный на север. В настоящее время вскрыто три жилых секции с кладовками, две из них полностью раскопаны. Каждая секция жилого помещения состояла из лежанки-суфы Г- или П-образной

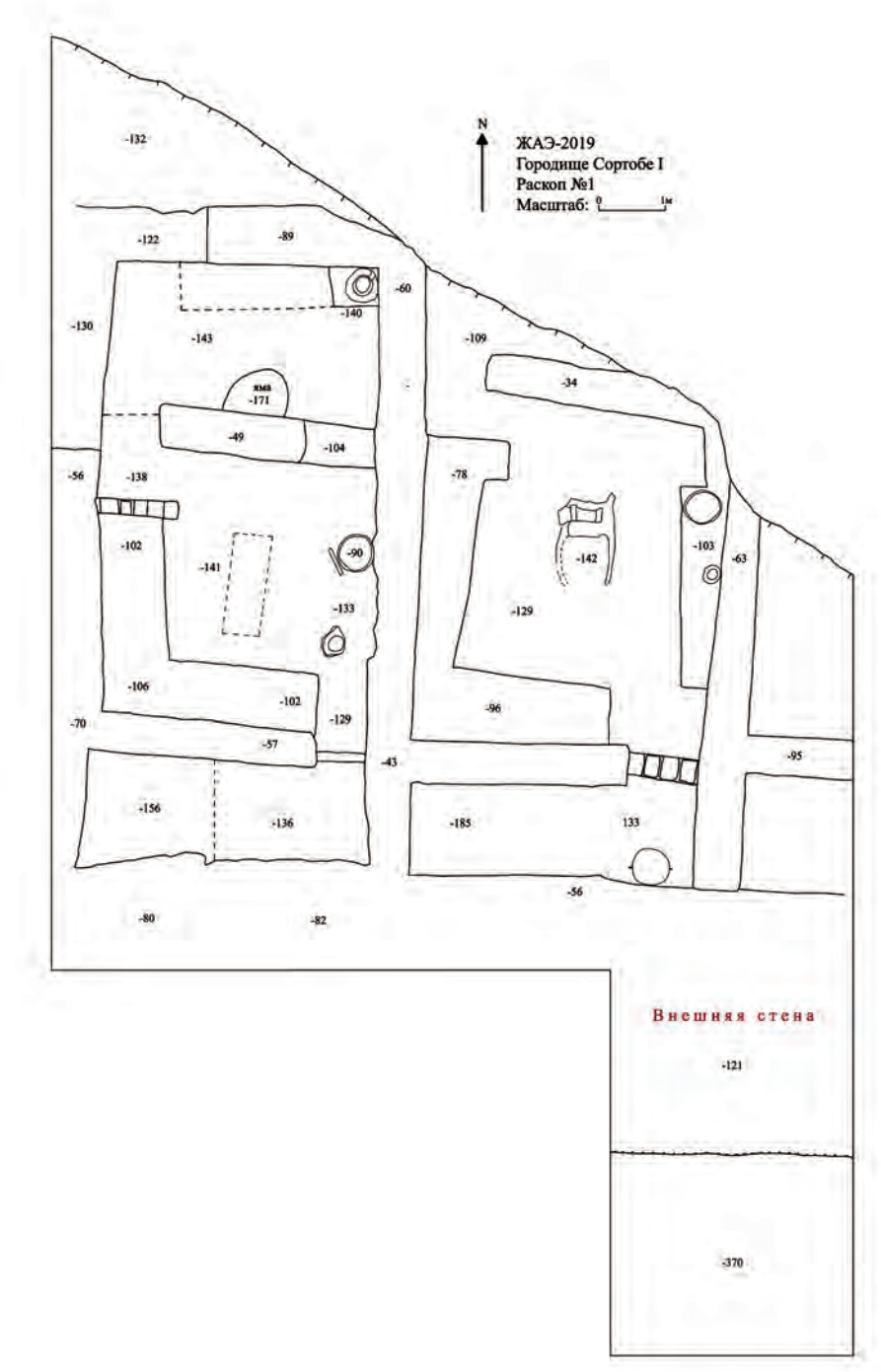

Рис. 2. Городище Сортобе 1. Общий план Р1

Рис. 3. Городище Сортобе 1. Аэроснимок Р1

формы, очага по центру пола. Аналогии данной планировки мы находим на близлежащем памятнике Джанкент, где были вскрыты жилые секции, идентичные сортобинским. Также близкие аналоги встречаются в поселениях Хорезма средневекового периода, например, в усадьбах 1, 16, 20, 21 в оазисе Кават-кала.

К северу от жилого здания в 2018–2019 гг. была вскрыта улица с обширным двором, который существовал во втором и третьем строительных горизонтах. Улица шириной 3 м шла симметрично жилому дому и стенам-дувалам двора. Здесь нами выявлен проход-пиштак, выполненный в виде арачного проема, отделяющий юго-западную часть городища и двор (рис. 4).

Из двух раскопов получены многочисленные материалы, позволяющие по-новому взглянуть на генезис городской культуры Приаралья. В коллекции представлены различные категории керамических изделий, аналогии которым мы находим на городище Джанкент (IX–XI вв.) [Амиргалина, 2014], на городищах комплекса асарской культуры [Левина, 1971] (конец I тыс. н.э.), на городище Сауран [Смагулов, 2011]. Найденная посуда, преимущественно, тарного типа – хумы, кувшины, тандыры. Есть фрагменты кухонной посуды – сковороды, горшки, корыта. В отличие от керамических находок предыдущих годов в нынешнем полевом сезоне было выявлено немало светильников, как фрагментированных, так и целых. Особенно следует отметить помещения № 5–7 городища Сортобе 1 (Р1), где выявлены около 10 светильников, представленных несколькими формами. Остальные категории керамических изделий (кружки,

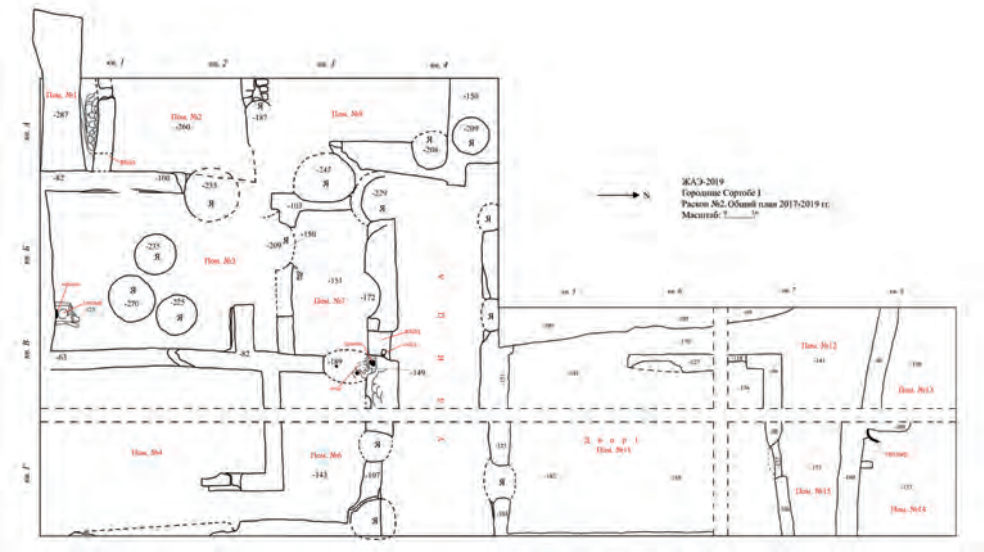

Рис. 4. Городище Сортобе 1. Общий план Р2

кувшины, крышки; бытовые изделия – чигири, сфероконусы, пряслица, изваяния, очаги-подставки в виде голов баранов) тоже встречаются, но в более меньшем количестве. Цвет керамики достаточно разнообразен – от красного до красновато-коричневого, от светло-серого до темно-серого, от бледно-желтого до кирпично-красного. Поверхность большинства керамических изделий имеет определенную обработку. Причем обработана поверхность лепных изделий способами простого или специального заглаживания, покрытия ангобом или лощением, замазыванием слоем глины или орнаментированием. Часто встречаются фрагменты хумов, покрытые черным ангобом.

Декор на керамических изделиях менее разнообразен, чем, к примеру, на керамике с городища Джанкент. Он не отличается большим разнообразием как в технике нанесения, так и в тематике рисунков, эта ситуация прослеживалась и на керамике, выявленной на Сортобе в 2017–2018 гг. Наиболее характерные способы нанесения рисунков – это резьба краем острого предмета по сырой глине, имеются налепы, обмазка сырой глиной и пальцевые разводы поверх сырой глины, часто косыми и прямые насечками на венчиках и плечиках сосудов. Наиболее характерный орнаментальный декор на изделиях – геометрический. Это треугольные вдавления, нанесенные техникой штампа, и прямоугольники, образованные резными линиями. На фрагментах дастарханов встречается штампованный орнамент из кругов и пальцевых разводов. Встречается налепной орнамент, представленный на фрагментах чигирей в виде шишечек или антропоморфный орнамент на тулове хумов. Интересными являются резные тамги на внешней поверхности дна тарных сосудов. Ранее на городище Сортобе такие тамги встречались на дне кружек.

Большая часть керамики изготовлена ручной лепкой, сформована из высокоожелезненной глины с добавлением шамота, органики, дресвы и реже песка. Гончарной керамики встречается немного. В поперечном изломе фрагментов часто прослеживается двухслойность и трехслойность, внешняя и внутренняя поверхности посуды часто с наличием крупных темно-серых пятен. Все это является признаками некачественного обжига.

Керамический комплекс городища Сортобе сложный и неоднородный по своему составу. Прежде всего, он находит широкие аналогии среди материалов средневекового городища Джанкент, о чем уже неоднократно говорилось в ходе анализа керамики предыдущих лет [Амиргалина, 2014; 2019]. Сходство проявляется в коллекции посуды, изготовленной ручным способом. Параллели можно провести между кухонными горшками, сковородами, кружками Сортобе и Джанкента. Схожесть проявляется в сковородах на обоих городищах, только на сортобинских сковородах на дне посуды не прослеживаются следы зерновых подсыпок, что характерно для джанкентских сковород. Для сортобинских сковород в качестве подсыпок при формовке использовались сухая глина и шамот, об этом можно судить по результатам находок нынешнего года.

Археологические исследования на городище Сортобе I начаты недавно. Однако мы можем резюмировать следующее: верхние слои памятника датируются VIII–IX вв. и его жизнедеятельность была связана с рекой Сырдарья. В это время вдоль всего присырдарьинского региона шел Великий Шелковый путь, по которому кроме торговли, шли этнические и культурные процессы, затронувшие как кочевые, так и земледельческие племена и народы. Городище Сортобе находилось на одном из путей, соединявших степные районы Казахстана и земледельческие оазисы Средней Азии.

В этот период происходит полное прекращения стока воды по древним руслам Сырдарьи – Куандарье и Ескидарье, и оседлое население покидает этот район. Однако исследование показывает, что в восточной части Джетыасарского урочища (Жалагашский и Сырдарьинский р-ны, Кызылординская обл.), в северной части урочища и на современном русле Сырдарьи в районе городищ Сортобе I, II, жизнь продолжается. В это же время в восточной части Аральского моря, в прибрежной дельтовой зоне, возникают города «гузов» - Джанкент, Кескен-куюк-кала и Куюк-кала.

Литература

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: «Арыс», 2014. С. 188-240.

Амиргалина Г.Т. Керамика со знаками с городищ Сортобе и Джанкент // Маргулановские чтения–2019: матер. междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 418-428.

Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Археологические исследования средневекового городища Сортобе // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. 2017. № 4 (87). С. 62-75.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Труды ХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII. 251 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: «АБДИ», 2011. 401 с.

Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. Археологические работы на городище Сортобе // Маргулановские чтения – 2019: матер. междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 592-603.

А. А. Тажекеев, С. Б. Болелов, Р. Т. Дарменов, Б. К. Шораев, К. А. Шарапова, Ж. К. Султанжанов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ СОРТОБЕ 2 в 2019 году

В статье приведены результаты комплексных археологических исследований Жанкентской/Джанкентской археологической экспедиции, проводившихся на средневековом городище Сортобе 2 в 2019 г. Городище является одним из ключевых памятников при изучении истории средневековых городищ. В полевом сезоне 2019 г. археологические работы были проведены на раскопе № 1 – цитадели городища. Здесь были вскрыты несколько строительных горизонтов и жилые помещения; раскоп № 5 был заложен на надгробных сооружениях городища; шурф был заложен на участке «рабада» размерами 3×4 м.

Ключевые слова: Сырдарья, Приаралье, археология, история, огузы, городище, средневековые жилища

2019 жылы Сортөбе 2 қалашығында жүргізілген археологиялық зерттеулер

Мақалада «Жанкент археологиялық экспедициясының» 2019 ж. ортағасырлық Сортөбе 2 қалашығында жүргізген кешенді зерттеулерінің нәтижелері беріледі. Сортөбе 2 – ортағасырлық қалаларды зерттеудегі маңызды ескерткіштердің бірі болып табылады.

2019 жылғы далалық маусымда негізгі археологиялық қазба жұмыстары қалашықтың цитаделінде (қазба № 1) жүргізіледі. Мұнда бірнеше құрылыс қабаттары мен тұрғын үй-жайлар ашылады; №5 қазба қалашықтың қабір үстіндегі құрылыстарына салынады; шурф көлемі 3×4 м (12 шаршы метр) болатын қалашықтың «рабад» бөлігінде салынады.

© **Азилхан А. Тажекеев,** *Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан;*azik8484@mail.ru
Сергей Б. Болелов, *Государственный музей Востока, г. Москва, Россия;* bsb1958@yandex.ru
Рустем Т. Дарменов, *Национальный музей Республики Казахстан г. Нур-Султан, Казахстан;* darmenov_rustem@mail.ru
Баглан К. Шораев, *Университет Докуз Эйлюль, г. Измир, Турция;* baglan_shoraev@mail.ru
Кызгалдак А. Шарапова, *Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата, г. Кызылорда, Казахстан;* kizgal-93.01@mail.ru
Жетесби К. Султанжанов, *Тюбингенский университет Эберхарда-Карла, г. Тюбинген, Германия;* zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

Работа выполнена по финансированию акимата Кызылординской области по теме «Археологические исследования городища Сортобе Кармакчинского района, Кызылординской области». Договор №37 от 29 мая 2019 г.

Түйін сөздер: Археология, тарих, оғыздар, қалашық, Сырдария, Арал маңы, ортағасырлық тұрғын үй

Archaeological Research on Sortobe 2 settlement in 2019

The article presents the results of complex archaeological research of Jankent archaeological expedition on the medieval settlement Sortobe 2 in 2019. the Settlement is one of the key monuments in the study of the history of medieval settlements. In the field season of 2019, archaeological work was carried out at the excavation site No. 1 – the citadel of the settlement. Several construction horizons and residential premises were opened here; excavation No. 5 was laid on the tombstone structures of the settlement; the pit was laid on the "rabad" area of 3×4 m.

Keywords: archeology, history, Oghuz, settlement, Syr Darya, Aral sea, medieval dwellings

Низовья Сырдарьи в I тыс. н.э. являлись местом сложения своеобразной культуры – джетыасарской. В период Джетыасар I и II (в первой половине I тыс.) происходит ее интенсивное взаимодействие с культурами среднего течения Сырдарьи (отраро-каратауской, каунчинской). Благоприятный климат и обилие вод в низовьях Сырдарьи повлияли на увеличение населения, что привело к переселению некоторой части его на вновь обводнённые территории на правом берегу Амударьи и в районы нижней дельты реки. Однако научные исследования показывают, что в период Джетыасар III (VI–VII вв.) во многих памятниках Джетыасарского урочища жизнь прекращается [Левина, 1987; Левина, 1996, с. 438].

В конце третьего периода сток воды по урочищу Джетыасар полностью прекращается, и население покидает этот район. Однако исследования показывают, что в восточной части Джетыасарского урочища (Жалагашский и Сырдарьинский р-ны, Кызылординская обл.), в северной части урочища и на современном русле Сырдарьи в районе городищ Сортобе I и II, жизнь на памятниках продолжается. В это же время в восточной части Аральского моря в прибрежной дельтовой зоне возникают города «гузов» - Жанкент, Кескен-куюк-кала и Куюк-кала.

Городище Сортобе 1. В 2007 г. отдельным разведочным отрядом Чирикрабатской археологической экспедиции под руководством Ж. Курманкулова (нач. отряда А. А. Тажекеев) и международным научным центром «Археолог» (директор М. Елеуов) на памятнике были проведены совместные работы: были сделаны обмеры, собран подъемный материал и установлено, что памятник находится в аварийном состоянии [Курманкулов и др., 2007; Елеуов, Құрманқұлов, 2008, б. 93].

В 2017–2019 гг. при поддержке акимата Кызылординской области проводятся комплексные археологические исследования памятников Сортобе 1 и 2. В августе–сентябре 2019 г. Джанкентской археологической экспедицией были продолжены археологические работы на памятнике Сортобе 2. Объектами исследования данного сезона явились: раскоп № 1, раскоп № 5, «мавзолей», шурф-2019.

Сортобе 2 представляет собой небольшое трехчастное городище на левом берегу древнего руслового протока Сырдарьи. Укрепленная часть городища представляет собой почти правильный квадрат со стороной 150–160 м. Крепостные стены, фланкированные башнями на 2–2,5 м, возвышаются над современной дневной поверхностью. В северо-восточном углу укрепленной части, которую с полным основанием можно считать шахристаном, в современном рельефе четко выделяется небольшое по площади (50×35–40 м) возвышение, которое можно считать цитаделью города. Территория, примыкающая к шахристану Сортобе 2, также обживалась в древности. В современном рельефе прослеживаются небольшие всхолмления, не более 1 м над современной дневной поверхностью. Фрагменты керамики в окрестностях укрепленной части городища встречаются на площади 360×350 кв. м. Эту территорию с полным основанием можно считать рабатом города. Таким образом, площадь городища Сортобе 2 в период интенсивного обживания памятника была не менее 12 га. Следует также отметить, что в 200–250 м к югу от крепостной стены шахристана расположен комплекс погребальных сооружений – некрополь. В настоящее время в современном рельефе прослеживается не менее 14 невысоких холмов, которые, возможно, являются прямоугольными или квадратными погребальными сооружениями. Одно из них было полностью раскопано в полевом сезоне 2018 г. [Билалов и др., 2019].

В 2018 г. на Сортобе 2 был заложен стратиграфический раскоп площадью 48 кв. м (6×8 м) в северо-восточной части городища, где в рельефе достаточно хорошо выделяется возвышение. Таким образом, можно было предполагать здесь остатки сравнительно хорошо сохранившегося здания. Раскоп ориентирован почти строго по линии Ю–С с небольшим отклонением на восток. Он был разбит с таким расчетом, чтобы в его пределы попадала внешняя оборонительная стена городища, которая отчетливо прослеживается по всему периметру памятника. Практически сразу же после снятия верхнего надувного слоя, который к тому же сильно просолен, в центральной и в северо-восточной части раскопа были выявлены архитектурные остатки, относящиеся, надо полагать, к заключительному этапу жизни городища. Также практически сразу же после снятия верхней корки сильно просоленного грунта была выявлена внутренняя грань крепостной оборонительной стены (рис. 1).

В 2019 г. основные раскопочные работы проводились на цитадели городища. Здесь был продолжен раскоп № 1, который был начат в 2018 г. В прошлом году на цитадели был раскопан участок площадью 48 кв. м. Кроме того, с целью выяснения мощности культурного слоя за пределами крепостных стен был заложен шурф, доведенный до основания крепостной стены шахристана с внешней стороны.

В результате раскопок 2018 г. выявлено четыре относительно разновременных периода существования памятника. К первому, самому позднему периоду, строительные конструкции которого в пределах раскопа пока не выявлены, относятся остатки каких-то, возможно, производственных конструкций. Они выражены на поверхности развалами сильно обожженных

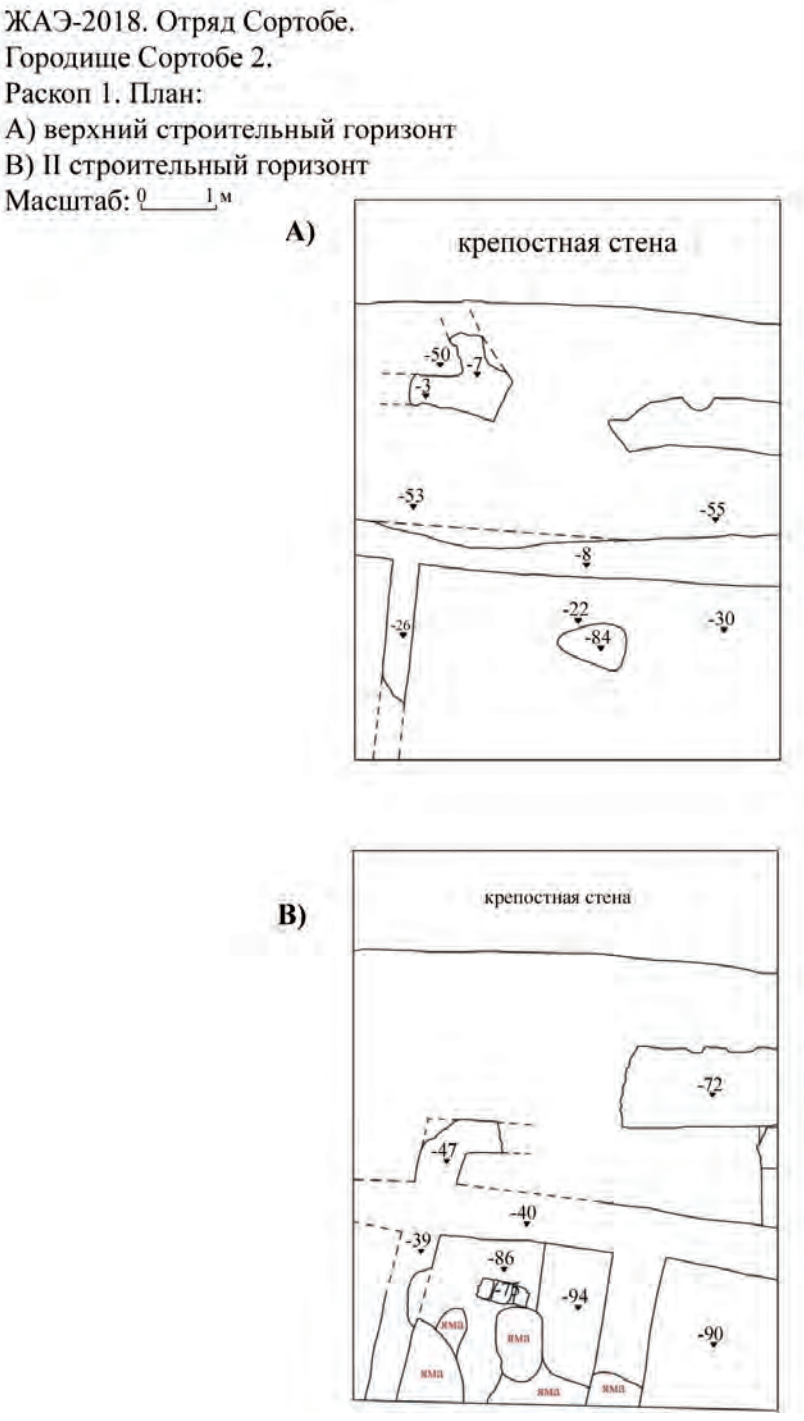

Рис. 1. Городище Сортобе 2. Раскоп № 1. План верхнего и второго строительных горизонтов. 2018 г.

глиняных обмазок и обожженных до красно-оранжевого цвета фрагментов сырцовых кирпичей. Кроме того, к этому периоду относятся многочисленные ямы, особенно в западной части раскопа, заполнение которых представляет собой слои рыхлой пылевидной супеси с высоким содержанием золы, с включениями глиняной крошки, фрагментов обожженной глинянной обмазки и обожженных кирпичей, среди которых довольно часто встречаются целые размерами 24–25×24–25×4–5 см.

Ко второму периоду относятся строительные конструкции и часть помещений, выявленные в западной и центральной части раскопа. Стены шириной 37–40 см сложены из квадратного сырцового кирпича размерами 25×25×4–5 см довольно небрежно, часто в кладке встречаются половинки или фрагменты обожженных кирпичей.

К третьему периоду относятся помещения, вскрытые частично в южной части раскопа 2018 г. Они сложены также из квадратного сырцового кирпича размерами 25–24×25–24×4–5 см на глиняном растворе. Ширина стен – 50–53 см. В отличие от построек второго периода кладка стен третьего периода отличается качеством. Стены покрыты несколькими слоями тонкой лессовой штукатурки.

К четвертому периоду относятся значительно разрушенные еще в древности мощные пахсовые стены, выявленные в северной части раскопа 2018 г., в пределах так называемой «военной улицы», ширина которой во второй период существования памятника была 3,4–3,5 м.

В 2019 г. с целью выяснения характера застройки и планировки выявленных ранее зданий раскоп значительно был расширен к востоку. Таким образом, площадь его достигла 138 кв. м.

На современном уровне исследования городище Сортобе 2 пока нет оснований для серьезных выводов о планировке и характере застройки наиболее раннего, пока, периода существования памятника. В пределах так называемой «военной улицы» в северной части раскопа открыта часть мощной пахсовой стены, прослеженной на расстоянии 7,5 м по линии З–В. Ширина стены – 1,2–1,4 м определяется весьма условно, так северный ее фас был основательно разрушен еще в древности, не исключено что произошло это в процессе строительства здания третьего строительного горизонта. Верх сохранившихся участков этой стены зафиксирован на отметках -72–99 см от ▼ в зависимости от сохранности. Примечательно, что на отдельных участках ранней стены прослеживаются контуры судя по всему прямоугольных сырцовых кирпичей длиной 37–43 см и толщиной не менее 7–8 см. В центральной части раскопа выявлен небольшой участок пахсовой стены, под прямым углом примыкающей к стене четвертого строительного горизонта. Толщину этой стены определить пока невозможно, так как она перекрыта более поздними слоями третьего строительного горизонта. Таким образом, можно предполагать, что еще до строительства крупного здания третьего строительного горизонта на месте городища Сортобе 2 было какое-то монументальное сооружение, может быть замок или крепость, на развалинах которого и возводились постройки третьего

строительного горизонта, которые, в свою очередь, послужили фундаментом для помещений или зданий второго строительного горизонта (рис. 2).

В полевом сезоне 2017 г. во время рекогносцировочных работ на городище Сортобе 2 в его юго-восточной стороне были обнаружены остатки нескольких ранних строений размерами приблизительно 10×10 м из сырцовых кирпичей, возвышающихся над дневной поверхностью на 20–50 см.

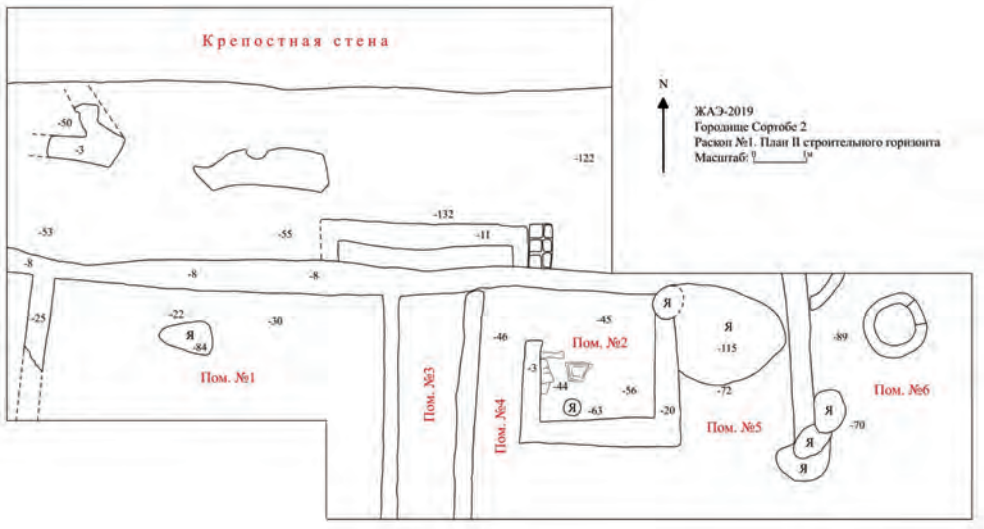

Рис. 2. Городище Сортобе 2. Раскоп № 1. План II строительного горизонта

Большинство строений в плане имели прямоугольную форму. Предположительно данные строения могли быть мавзолеями или надгробными сооружениями раннесредневековых племен, населявших городища Сортобе 1 и 2.

В полевом сезоне 2018 г. было принято решение заложить раскоп на одном из вышеупомянутых строений. Во время обследования участка (южная сторона Сортобе 2) были выявлены 14 похожих объектов. В 2019 г. были проведены археологические работы еще на одном из надгробных сооружений. Был заложен раскоп № 5 (далее Р-5) площадью 10×7 м. Объект в плане имеет прямоугольную, вытянутую с севера на юг форму. Предварительно раскоп был разделен на два больших квадрата в центральной части технической бровкой.

После снятия наносного слоя и затвердевшей «корки» такырных отложений начали проявляться стены, сложенные из сырцовых кирпичей. Размеры объекта 5,94×6,93 м, западная и восточная стены сохранились на толщину от 60 до 75 см. Ширина сохранившийся части северной стены 110–120 см. Размеры сырцовых кирпичей 33×14×5 см. Высота сохранившихся стен варьирует от 12 до 15 см на западной стороне и доходит до 15–20 см в северной стороне объекта. Отметим, что сохранность восточный стены очень плохая.

Внутренняя часть объекта размерами 430×490 см расчищена до уровня полов с внутренней стороны стен. В центральной части южной стены обнаружен проход в объект. Ширина прохода 110 см снаружи вдоль прохода с двух сторон сложены выступы шириной 95–100 см. Во время расчистки внутри объекта прямо у входа в западной части были обнаружены следы двух погребальных ям. Границы погребальных ям обложены сырцовыми кирпичами размерами 36×22×5 см. Размеры ям составляют в длину 180 см и в ширину 95 см (рис. 3; 4). Далее погребальные ямы были расчищены до материка. Они оказались пустыми. Глубина ям – до -136 см от ▼. Необходимо отметить, что в ходе археологических работ не были обнаружены материалы, которые могли бы указать на время функционирования этого объекта. Единственным, но весьма ненадежным хронологическим индикатором может быть размер сырцовых кирпичей, так как использованные здесь сырцовые кирпичи аналогичны материалам второго строительного горизонта Р-1.

Рис. 3. Городище Сортобе 2. Раскоп № 5. Общий вид раскопа

Шурф-2019. В 2019 г. на городище Сортобе 2 на участке «рабада» был заложен шурф площадью 12 кв. м. Все борта шурфа ориентированы по сторонам света. Шурф показал сложную структуру культурного слоя на этом участке. Возможно, здесь был открытый участок, куда бросали продукты хозяйственной деятельности (фрагменты керамики, кости животных, зола, органика). Основной образующий культурный слой – суглинок серо-желтого цвета, перемешанный с зольными прослойками. Отметим, что в северо-

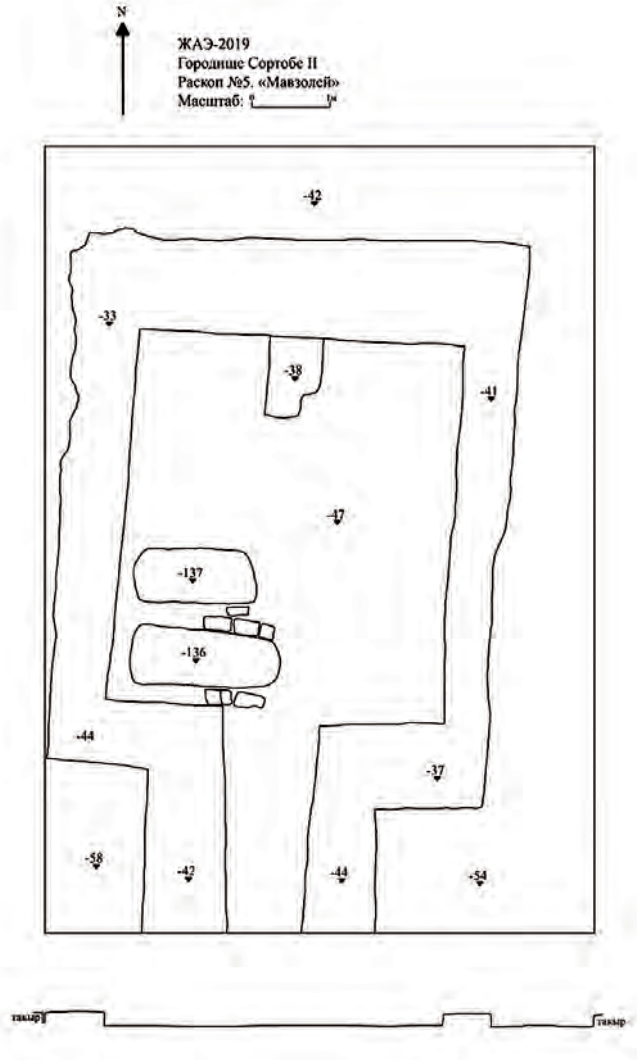

Рис. 4. Городище Сортобе 2. Раскоп № 5. План раскопа

восточном углу участка на отметке -137 см от ▼ были обнаружены фрагменты бронзового котла и пряслица. Материковый лессовый слой был выявлен на уровне -371 см от ▼.

Северный профиль. Общая длина профиля составляет 3 м. Уровень дневной поверхности колеблется от -115 до -118 см от ▼. Верхний слой прослеживается только в южном углу профиля, который состоит из рыхлого грунта (наносного слоя) и имеет мощность 8–10 см. Ниже залегает слой рыхлой супеси серого цвета с фрагментами керамики и костей животных, который более плотный в западной части и менее - в восточной. Под ней также залегает слой рыхлой супеси серого цвета, однако перемещанный с зольными прослойками мощностью от 3 до 8 м. Далее до материка идет слой плотного

суглинка желтого цвета с фрагментами керамики и костей животных. Этот слой на отметках -164 см, -236 см, -369 см от ▼ разделяется линзами черной обожженной золы, имеющими толщину 2–11 см.

Восточный профиль. Общая длина профиля – 4 м. Уровень дневной поверхности колеблется от -109 до -115 см от ▼. Верхний слой состоит из рыхлого грунта и имеет мощность от 10 (северная часть профиля) до 28 см (южная часть профиля). Ниже залегает слой рыхлой супеси с фрагментами керамики и костей животных на толщину 38–49 см. С восточной части профиля на протяжении 142 см продолжается линза обожженной золы, которая фиксируется в восточном профиле шурфа. Ниже также залегает плотный суглинок желтого цвета с фрагментами керамики и костей животных. Как и на восточном профиле шурфа, здесь прослеживаются линзы черной обожженной золы, имеющие толщину 2–5 см. На отметке -165 см от ▼ в центральной части наблюдается понижение линзы обожженной золы (рис. 5; 6).

На городище Сортобе 2 были зафиксированы четыре строительных горизонта и относящие к ним жилые помещения. На раскопе № 1, заложенном на цитадели памятника, открыто девять помещений, из них шесть относится ко второму строительному горизонту, а три – к третьему.

В шурфе, заложенном на территории неукрепленной части городища, вскрыт культурный слой мощностью не менее 3 м, что дает основание говорить, что ближайшая округа шахристана обживалась на протяжении длительного времени.

Рис. 5. Городище Сортобе 2. Шурф-2019. Вид с юго-запада

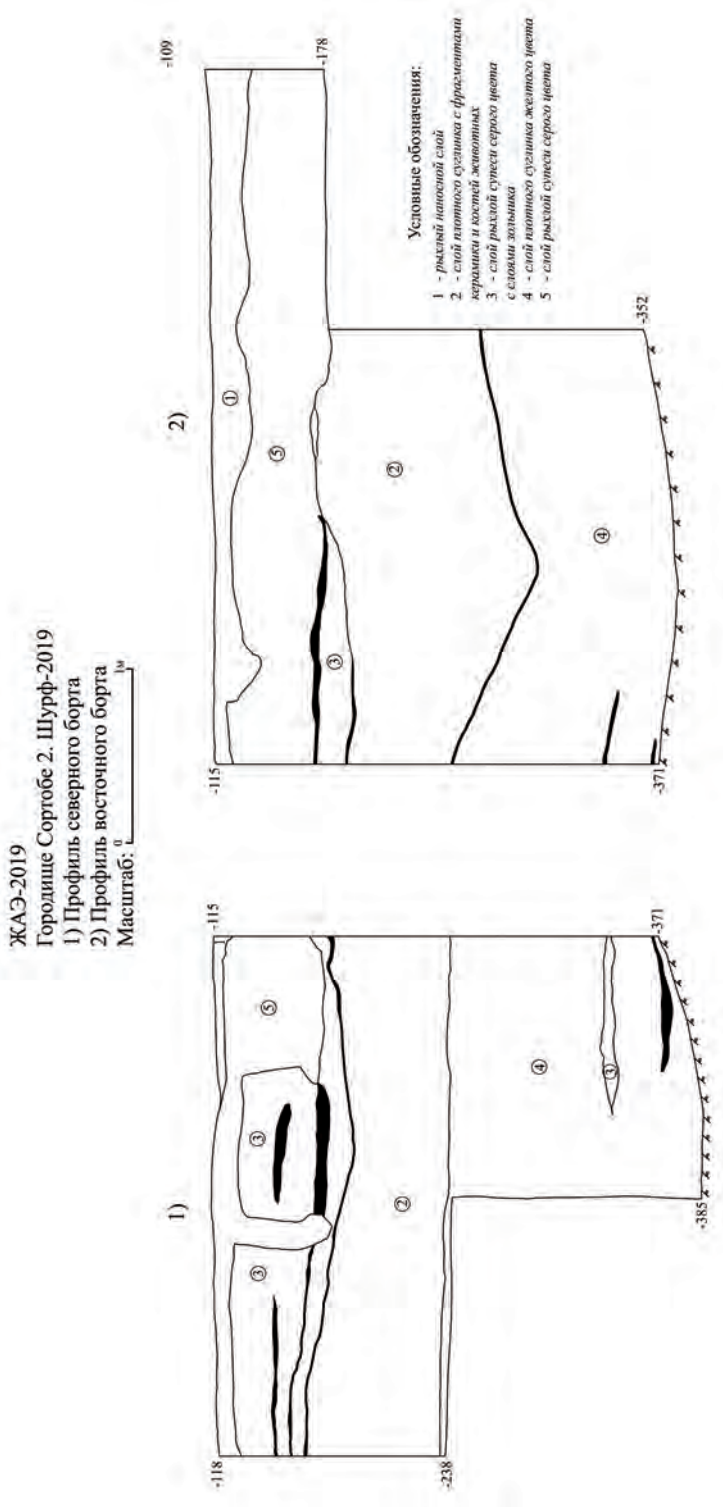

Рис. 6. Городище Сортобе 2. Шурф-2019. Профили северного и восточного бортов

В ходе раскопок на Сортобе 2 получен сравнительно не многочисленный, но достаточно характерный стратифицированный археологический комплекс. Артефактов, которые можно было бы рассматривать как твердые хронологические индикаторы, пока не найдено. Единственным и наиболее многочисленным материалом, по которому можно судить о времени существования памятника является керамика. Прежде всего, следует отметить, что в целом керамический комплекс Сортобе 2 значительно отличается от керамического комплекса, полученного из верхних культурных слоев Сортобе 1, которые, судя по всему, синхронны верхним слоям Джанкента и предварительно датируются не позднее X в. По некоторым признакам керамику из слоев 2-го и 3-го строительного горизонта Сортобе 2 следует, по всей видимости, датировать более поздним временем. Прежде всего, следует отметить сравнительно большое количество серо-глиняной посуды в комплексе. В первую очередь обращают на себя внимание фрагменты крупных водоносных узкогорлых серо-глиняных кувшинов с массивной боковой округлой в сечении ручкой. Подобная форма является одной из наиболее характерных в керамических комплексах хорезмшахского времени на территории Хорезма [Вактурская, 1959, с. 304, рис. 21]. Кроме того, следует отметить весьма характерный декоративный признак на большинстве хозяйственных и кухонных сосудах, как красноглиняных, так и серо-глиняных, а именно четко выраженный налепной валик украшенный пальцевыми защипами под венчиком или на нижней части горловины сосуда. Этот декоративный прием хорошо известен на территории Хорезма уже начиная с IX–X вв., а наиболее широкое распространение он получает позднее, в хорезмшахский период – XI–XII вв. В группе хозяйственной тарной посуды выделяются серо-глиняные хумы и крупные сосуды открытых форм (тагора) с массивным уплощенным в верхней горизонтальной плоскости венчиком (в археологической литературе такой вид венчика иногда называется «полочковидным»). Крупные тарные сосуды этого типа также широко были распространены на территории средневекового Хорезма в XI – начале XIII в. К сожалению, в комплексе практически не представлена глазурованная посуда. Несколько небольших фрагментов столовой керамики, среди которой выделяются изделия из кашина, покрытые глухой зеленой или голубовато-бирюзовой оловянной поливой, которую гончары Средней Азии начинают применять не ранее конца XI–XII в. [Вактурская, 1979, с. 129], происходят из слоев верхнего строительного горизонта. Формы сосудов неизвестны. Только по типу глазури их осторожно можно предварительно датировать хорезмшахским и ранним золотоордынским периодом – XI–XIV вв. [Вактурская, 1959, с. 324, рис. 34].

Работы на городище Сортобе 2 только начаты и пока, на основании полученного материала, мы можем только предварительно датировать верхние строительные горизонты в довольно широких временных рамках: не ранее X в. и не позднее XIV в. По всей видимости, основной и наиболее интенсивный период обживания памятника приходится на хорезмшахский период времени – XI–XII вв. Вместе с тем, на памятнике выявлен нижний, наиболее ранний

строительный горизонт. По данным стратиграфии установлено, что он предшествовал строительству крупного здания 2-го строительного горизонта. Также по стратиграфическим данным установлено, что между этими строительными горизонтами был некоторый временной перерыв, во время которого монументальные стены раннего здания были частично разрушены. Это обстоятельство позволяет предполагать, что первое укрепленное поселение на месте Сортобе 2 возникло несколько раньше указанного выше периода, однако абсолютную его дату пока установить не представляется возможным, ввиду отсутствия сколько-нибудь выразительного материала из нижних слоев городища.

Литература

Билалов С.У., Болелов С.Б., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Археологические работы на могильнике средневекового городища Сортобе 2 // Вестник ЕНУ. 2019. № 2 (127). С. 56-70.

Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв). // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. Т. IV. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 260-342.

Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 127-133.

Елеуов М., Құрманқұлов Ж. Сортөбе, Жанкент және Жент. Түркістан: Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті; Тұран баспаханасы, 2008. 93 б.

Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т. Городище Сортобе II // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. 376 с.

Левина Л.М. Джетыасарская культура низовий Сырдарьи – контакт скотоводческих и земледельческих культур Средней Азии и Казахстана // Взаимодействие кочевых культур) и древних цивилизаций: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР; ЛО ИА АН СССР, 1987. С. 175-182.

Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья I тыс. до.н.э – I тыс. н.э. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Г. К. Омаров, Б. Б. Бесетаев

О РЕЗУЛЬТАТАХ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ в 2019 г.

В полевом сезоне 2019 г. были произведены археологические разведки на территории Курчумского и Зайсанского районов ВКО. В результате открыты поселенческие и погребальные комплексы эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Зафиксировано новое местонахождение петроглифов эпохи раннего железа. Анализ топографии показал, что древнейшие некрополи были расположены в пойменной части реки; памятники эпохи бронзы расположены обособленно от других памятников региона. Поселения локализуются на ровных площадках урочищ, как правило, у подножия сопок. Согласно топографическому анализу, некоторые памятники эпохи железа по конструкции совпадают с такими поздними памятниками, как Дуаналы. Обнаружено новое средневековое городище у с. Жинишкесу (Зайсанский р-н, ВКО). По предварительному анализу подъемного керамического материала памятник датируется VII–IX вв.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, поселения, поселение городского типа, могильники, петроглифы

Шығыс Қазақстандағы 2019 ж. барлау жұмыстарының нәтижелері

2018 жылғы жазғы маусымда археологиялық барлау жұмыстары ШҚО Күршім және Зайсан аудандары территорияларында жүргізілді. Нәтижесінде қола, ерте темір және ерте орта ғасырларға жататын қоныстар мен қорымдардың орындары ашылып отыр. Сонымен бірге, ерте темір кезеңімен мерзімделетін петроглифтер анықталды. Ескерткіштердің орналасу топографиясын ескере отырып, ежелгі қорымдар уақытша су арналарының төменгі бөліктерінде орналасқандығын байқаймыз. Соның ішінде қола дәуірінің ескерткіштері негізінен ерте немесе кейінгі кезеңдердің жерлеу ескерткіштерінің маңында орналасқандығын байқауға болады. Қоныстардың орналасу ерекшеліктеріне келер болсақ, тау жоталарының жазық жерлерінде кездеседі. Ескерткіштердің арасында ерте темір және кейінгі уақытпен мерзімделетін Дуаналы қонысын жатқызуға болады. Барлау барысында Зайсан ауданына қарасты Жіңішкесу ауылының маңынан ортағасырлық қалашық типіндегі қоныс анықталды. Жинақталған қыштан жасалған көтерме материалдардың сараптамасы негізінде ескерткіш VII–IX ғғ. мерзімделеді.

Түйін сөздер: Жоғарғы Ертіс, қоныстар, қалашық типтес қоныс, қорымдар, петроглифтер

© Гани К. Омаров, Бауыржан Б. Бесетаев, *Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан*; besetaev86@mail.ru

Работа частично выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, ИРН проекта AP05134378.

Results of archaeological exploration in East Kazakhstan in 2019

In the field season of 2019, archaeological explorations were carried out on the territory of the Kurchum and Zaysan regions of the East Kazakhstan region. As a result, settlement and burial complexes of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages were discovered. A new location of the petroglyphs of the Early Iron Age was recorded. An analysis of the topography showed that the oldest necropolises were located in the floodplain of the river; monuments of the Bronze Age are located separately from other monuments of the region. Settlements are localized on flat areas of tracts, as a rule, at the foot of hills. According to topographic analysis, some monuments of the Iron Age coincide in design with such late monuments as the Duanaly. A new medieval urban settlement was discovered near the village of Zhinishkesu (Zaysan district, East Kazakhstan region). According to the preliminary analysis of the lifting ceramic material, the monument dates back by the 7th–9th centuries.

Keywords: Upper Irtysh region, settlements, urban-type settlement, burial grounds, petroglyphs

В полевом сезоне 2019 г. Алтайской археологической экспедицией КазНУ им. аль-Фараби были проведены поисковые работы на территории Курчумского и Зайсанского районов ВКО. В результате разведок открыты: одно средневековое городище; два поселения раннего железного века; восемь могильников предварительно датируемые от эпохи бронзы до раннего средневековья и одно местонахождение петроглифов (рис. 1).

Поселение-зимовка Дуаналы расположено в 2 км к ЮЗ от зимовки Кабыргатал в скалистом ущелье (рис. 2). Памятник представляет собой примыкающие друг к другу каменные сооружения размерами 4×4, 5×6, 8×8 и 7×10 м. В местности зафиксировано семь отдельно расположенных строений, количество помещений в которых варьируется от трех до семи. Стены построек состоят из параллельных каменных кладок. Промежутки между кладками заполнялись щебнем вперемежку с камнями, таким образом, образуя монолитную стену толщиной 1,5–2 м. Предварительно обозначенный объект № 4 состоит из шести округлых сооружений, которые могут относиться к более ранним памятникам (рис. 2), возможно к эпохе бронзы (?).

Поселенческие комплексы сакского времени хорошо изучены А. З. Бейсеновым в Центральном Казахстане. По мнению исследователя, конструкция строения жилищ с широкими стенами в два ряда и топографическое расположение на небольших участках в районах возвышенностей обусловлено суровыми климатическими условиями региона [Бейсенов, 2015, с. 24–25]. Подобные жилища встречаются на поселениях-зимовках сакского времени Керегетас-2, Сарыбуйрат, Тагыбайбулак в Центральном Казахстане [Бейсенов и др., 2017, с. 44–45].

Основная масса подъемного материала представлена керамикой: фрагментами стенок сосудов красно-коричневого, темно-коричневого, светло-коричневого оттенков. Качество обжига у обломков разное. Предварительный анализ керамики показывает, что в керамике наблюдаются следующие примеси: крупно- и мелкозернистый песок, глина, реже кварц. Предположительно,

фрагменты происходят от столовой и кухонной посуды. Толщина стенок варьирует от 4,4 мм до 9,2–10,2–10,4 мм. На некоторых обломках прослеживается тонкий слой ангоба светло-красного цвета.

На основании имеющегося подъемного материала, а также конструктивных особенностей памятник, вероятно, относится к раннему железному веку.

Помимо вышеуказанного, были обнаружены фрагменты каменных орудий, предметы из бронзы, куски железа (предназначение которых не определено), а также кости МРС. Сооружения, скорее всего, функционировали и в этнографическое время, о чем свидетельствуют обнаруженные фрагменты посуды, стекла и др.

Поселение Кабыргатал расположено в 800 м к югу от одноименной зимовки. Сооружение состоит из двух помещений, которые примыкают друг к другу и находятся в западной части основного – большого строения. Размеры помещений основного сооружения составляют 17,5×12 м, малого – 5,2×4 м. Как и на предыдущем поселении, стены построек сооружены в виде

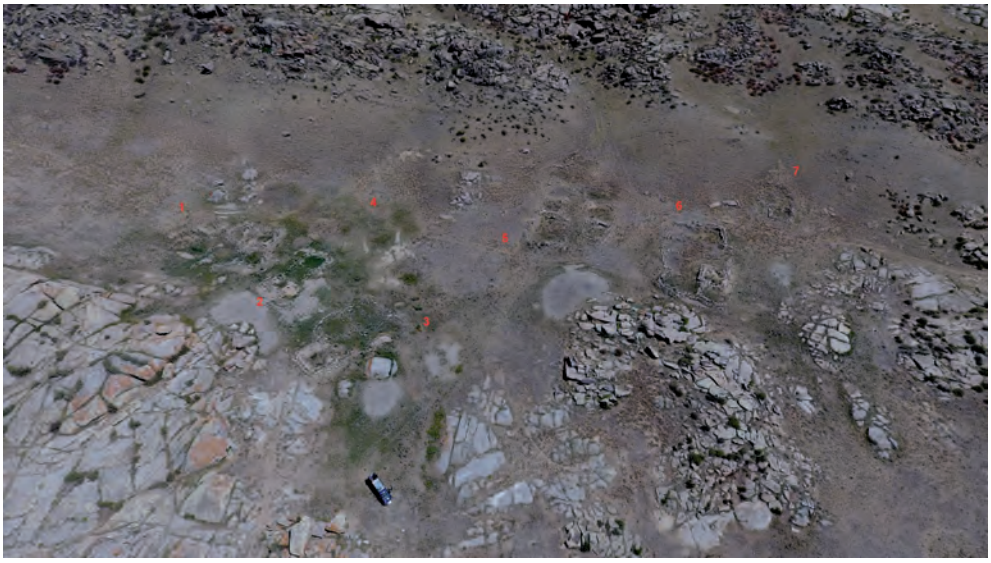

Рис. 2. Топографическое расположение объектов поселения Дуаналы

двухрядной каменной кладки. Камни стен расположены преимущественно в горизонтальном положении. В юго-восточной части камни внутренней стенки расположены вертикально. Толщина стен в среднем составляет около 1,5 м. Предположительно памятник относится к раннему железному веку.

Поселенческие комплексы Восточного Казахстана малоизучены. В последующих полевых сезонах планируется заложить раскоп для определения конструктивных особенностей и точной датировки памятника, что является новым направлением в казахстанской археологии относительно данного региона.

Поселение городского типа Жинишкесу расположено в 200 м к востоку от одноименного села в Зайсанском районе (примерно в 30 км от г. Зайсан) (рис. 3). Памятник, площадь которого составляет 13,5 га, растянут вдоль небольшой реки. Он состоит из небольших песчаных возвышенностей – дюн высотой от 1,5 до 1,8 м. В результате обследования территории явных признаков фортификационных сооружений не выявлено. Также было собрано значительное количество подъемного материала: фрагменты керамики (рис. 4), обломок зернотерки, фрагмент каменного орудия, железные крицы (смесь рыхлой железной руды и несгоревшего угля). Был проведен технический анализ подъемного материала из городища поселенческого типа научными сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана* (*Пользуясь случаем, выражаем признательность Е. Ш. Акымбеку и М. С. Шагырбаеву за оказанную помощь).

Керамику по функциональному назначению принято делить на три группы: кухонная, столовая, хозяйственно-бытовая. Условное выделение последней группы связано с неясностью назначения и фрагментарностью

Рис. 3. Поселение городского типа Жинишкесу

имеющегося керамического материала. Среди подъемного материала к кухонной посуде относятся фрагменты горловин, донышек и обломки разных частей. Столовая посуда представлена фрагментами венчиков, донышек и некоторых фрагментов тулова.

Фрагменты венчиков (кухонные) (рис. 4, *1–6*). Качественный обжиг придал материалу оттенки желтого, красноватого и серого цвета. Приблизительные диаметры венчиков составляют от 12 до 19 см. По технологии изготовления и морфологии сосудов, можно предположить, что обломки являются фрагментами казана и чашеобразной посуды. Один из фрагментов имеет рельефную вертикальную линию. При изготовлении венчиков применялась технология ручной лепки.

Фрагменты венчиков столового назначения (рис. 4, *7–14*) преимущественно темно-серого цвета как следствие качественного обжига, диаметр венчиков варьирует от 35 до 41 см, толщина стенок – от 10,2 до 16,6 мм. В тесте присутствуют примеси речной глины, песка, мелкого шпата и местами – кварца. Горловина сосуда с отогнутым наружу венчиком. Другие отогнуты наружу на 90°, имеют малозаметную выпуклость. Схожие по технологии изготовления сосуды встречаются в материалах городищ киданьского времени Северной Монголии [Харинский, 2015, с. 326, 329, рис. 3, *15–16*]. К этому моменту вернемся ниже.

Размеры и морфология пяти фрагментов позволяют предположить, что они относятся к днищу одного сосуда (рис. 4, *15–22*). Обжиг среднего качества (500–600°С), о чем свидетельствуют множественные пузырьки

Рис. 4. Поселение Жинишкесу. Керамика: 1–6 – фрагменты сосудов кухонного назначения; 7–14 – фрагменты сосудов столового назначения; 15–22 – фрагменты придонных частей сосудов

воздуха на обломках. Диаметр донца составляет 10–11 см, толщина стенок – от 7,3 до 8,2 мм. В изготовлении сосуда была применена техника ручной лепки с использованием в качестве примесей крупнозернистого песка, глины, кварца и шпата.

Толщина стенок еще одного донца сосуда сероватого цвета составляет от 11,2 до 12,7 мм. Обжиг произведен качественно, о чем свидетельствует отсутствие пузырьков воздуха на фрагментах.

Цвет другого донца красно-коричневый, в качестве сырья использовались мелкозернистый песок, глина, примеси шпата и кварца. Обжиг среднего качества, при более высокой температуре обожжены преимущественно стенки посуды. На поверхности фрагментов зафиксированы следы ангоба желтого цвета.

Обжиг донцев произведен качественно, о чем говорят красноватые и сероватые оттенки керамики. В качестве сырья использовались мелкозернистый песок и глина, была применена технология ручной лепки.

Некоторые сосуды выполнены станковым способом, цвет серый, обжиг качественный, несмотря на имеющиеся пузырьки воздуха. В месте соединения ручки и горловины есть следы вдавления пальцами. Толщина стенок варьирует от 7,7 до 10,2 мм.

Фрагменты тулова по форме, технологии изготовления и цвету подразделяются на четыре группы. Первая группа обломков красно-желтого цвета изготовлена из примесей крупнозернистого песка, гравийного песка, глины и кварца. Толщина стенок варьирует от 7,2 до 9,2 мм. Ко второй группе фрагментов относятся обломки желтого цвета, изготовленные из гравийного песка, глины желтого цвета и шпата. Технология изготовления керамической посуды – станковая, отличительной чертой которой является высокое качество обжига. Поверхность наружной части ангобирована желтой глиной. Фрагменты третьей группы происходят от одного изделия. Отличительной чертой третьей группы является качественный обжиг, при котором керамические изделия приобрели темно-серые и серые оттенки. Последняя группа фрагментов желтого цвета выполнена с применением технологии ручной лепки. Сырьевой материал представлен мелкозернистым песком и глиной желтого цвета. Поверхность наружной части фрагмента ангобирована тонким слоем желтой глины.

Орнаментированные фрагменты керамики столового назначения подразделены нами по форме, характеристике и технологии нанесения орнамента на пять групп (рис. 5).

К *первой группе* относятся два черепка с параллельно идущими линиями на тулове (рис. 5, *1–2*). По всей поверхности черепка прочерчены линии, нанесенные поверх ангоба темно-серого цвета. Амплитуда промежутков между линиями составляет от 0,12 до 0,98 мм. Посуда выполнена с применением технологии ручной лепки.

Во *второй группе* фрагментов орнаментация нанесена до обжига (рис. 5, *3–7*). На один из фрагментов желто-красного цвета нанесен волнообразный орнамент, расположенный горизонтально, поверх светло-желтой глины. Второй, третий и четвертый фрагменты аналогичны первому по технологии нанесения орнаментов. Отличие состоит лишь в разности оттенков керамического материала. Ширина плоской линии варьирует от 0,7 до 1,1 см.

Третья группа выделяется фрагментами с вдавленным волнообразным орнаментом, нанесенным на горловину (рис. 5, *8*). Отличается темно-серым оттенком и качественным обжигом. Керамическая посуда выполнена по технологии ручной лепки.

Все фрагменты керамики *четвертой группы* выполнены по технологии ручной лепки с нанесенным геометрическим орнаментом. Орнаменты пяти фрагментов повторяют друг друга (рис. 5, *9–13*). Горизонтальная линия является своеобразным основанием геометрических или волнообразных линий.

Рис. 5. Поселение Жинишкесу. Орнаментированные фрагменты керамики

Возможно, они имели две параллельные полосы, между которыми помещались декоративные мотивы (?). Геометрическая орнаментация нанесена способом вдавливания с использованием специального инструмента. Орнаментация одного из фрагментов отлична от вышеназванных. Орнаментальный мотив нанесен способом вдавливания нескольких рядов дополнительных диагональных линий (рис. 5, *14*). Некоторые мотивы выполнены способом вдавливания штампа, образующего растительный орнамент.

Орнамент на фрагменте керамики *пятой группы* выполнен в виде трех горизонтальных линий на 1,2 см ниже края венчика (рис. 4, *4*). Амплитуда промежутков между линиями составляет от 0,8 до 0,9 см. Горловина цилиндрической формы, венчик слегка отогнут наружу. Отличается красно-коричневым цветом. Керамическая посуда выполнена по технологии ручной лепки.

Схожие по орнаментации керамические фрагменты были обнаружены на памятнике уйгурского времени Сангийн Толгой в Монголии [Баяр, Худяков, 2002, с. 107–117, рис. 3].

Разнообразие орнаментации керамической посуды на поселении городского типа Жинишкесу дает основание предполагать ее отнесение к самостоятельному центру ремесленного производства в рамках раннесредневековой культурной традиции, имеющего некоторые отличия в сравнении с основными соседними центрами, не исключая факт влияния особенностей культур с территории Монголии и Северного Китая [Кызласов, 1960, с. 58–60].

Изготовление керамической посуды и отработанной технологии в средневековых кочевых культурах считается важным показателем высокого уровня гончарного ремесленного производства.

Зернотерка (обломок) закруглена, изготовлена из гранита, материал имеет зернистую структуру и красно-желтый цвет. Размеры сохранившегося фрагмента 14×11×8 см.

Каменное орудие (обломок) размерами 5×5,6×2,1 см имеет темно-серый цвет, обработан с трех сторон, края орудия закруглены. Одна из сторон имеет плоскую поверхность. Функциональное предназначение орудия неясно.

При обследовании территории памятника были взяты *образцы крицы*. Вес образца составляет от 300 до 420 г. Из-за необработанности материала, предполагается, что крица была отделена при изготовлении неопределенного предмета.

Подобный памятник с нехарактерным для региона керамическим комплексом встречается впервые. Памятник не имеет четко выраженных фортификационных сооружений. По предварительному анализу подъемного керамического материала памятник датируется VII–IX вв. Возможно, выявленный памятник является одним из кимакских городищ. Ал-Идриси в своем описании 16 кимакских городов упоминает, что 12 городов расположены к северо-востоку от хребта Гиргир (Тарбагатай), восемь из них на берегу р. Гамаш (Иртыш), который являлся основной территорией кимаков [Кумеков, 1972, с. 76–77].

Могильник Кабыргатал расположен в 250 м к западу от одноименного зимника на низком участке ложбины. Памятник представляет собой одиночную прямоугольную в плане ограду размерами 7×5 м. Камни ограды уложены плашмя в два ряда. В центральной части имеется невысокое (0,3 м) преимущественно грунтовое возвышение. По конструктивным особенностям и топографическому расположению памятник предварительно датируется эпохой бронзы.

Могильник Себепбай расположен к северу в 2,5 км от с. Терискей Бокенбай в ущелье р. Терисайрык, рядом с одноименным зимником. Памятник представлен тремя округлыми оградками диаметром 7×7 и 8×8,5 м. На меньшем из них обнаружен каменный ящик. Третий объект был разрушен в результате хозяйственных работ. Подобные округлые каменные ограды с ящиком в центральной части встречаются в могильниках Койтас и Баймурат в Восточном Казахстане, которые относятся к андроновской культуре и датируются XVIII–XIV вв. до н.э. [Оразбаев, Омаров, 1998, с. 10–22].

Могильник Алушы расположен на относительно небольшой по площади долине, которую окружают невысокие горные гряды в 1,7 км от с. Терискей Бокенбай рядом с одноименным родником. На памятнике насчитывается около 30 каменных курганов и округлых оградок. Объекты расположены преимущественно вдоль ручья. Нами была исследована одна ограда эпохи раннего железа. Ввиду разграбленного состояния погребения, удалось обнаружить лишь одну золотую серьгу, имеющую конусообразную форму [Омаров и др., 2020, с. 151, рис. 5].

Могильник Койтас расположен на небольшой возвышенности в 1,3 км к северу от с. Терискей Бокенбай. Могильник состоит из четырех небольших каменных курганов, имеющих высоту 0,3–0,5 м и диаметр от 4,5×5 до 7×7 м. Объекты расположены хаотично. Один из них имеет воронку размером 1,2×1,5 м. По конструктивным особенностям и топографии расположения объектов памятник, предположительно, относится к древнетюркскому времени.

Следующие объекты расположены в горной долине, в 20 км к северу, в южных отрогах Курчумского хребта на высоте 1500 м над уровнем моря. Относительная задернованность, а также густая растительность в указанной местности вызывает сложность при обнаружении и выявлении памятников.

Могильник Майкапшагай расположен на северо-восточной окраине долины возле одноименной речки. При обследовании территории была обнаружена вертикально врытая в грунт каменная стела, высота которой составляет 0,9 м. Нами был заложен шурф площадью 2×2 м, в результате которого был определен восточный край памятника, сооруженный из вертикально врытых плит. Определение культурно-хронологических рамок по конструктивным особенностям представляется затруднительным.

Могильник Карабура 1 расположен недалеко от родника Ортенбулак. Памятник состоит из семи объектов, расположенных бессистемно. Наземная конструкция погребальных сооружений представлена каменными курганами диаметром от 3 до 5 м и высотой около 0,3 м; прямоугольными оградами с каменным ящиком в центральной части, размеры которых составляют от 2×2 до 3×3 м. По конструктивным особенностям каменные курганы, предположительно, датируются древнетюркским временем, каменные ограды – эпохой бронзы.

Могильник Карабура 2 расположен в 0,6 км от памятника Карабура 1 на небольшой возвышенности. Памятник состоит из шести каменных курганов высотой от 0,3 до 1,5 м, диаметром от 4 до 12 м. На одном из них имеется неглубокая воронка размером 0,9×0,8 м. По конструктивным особенностям памятник относится к эпохе средневековья.

Могильник Сынтас расположен на относительной возвышенности в центральной части долины неподалеку от р. Томарбулак. На могильнике насчитывается более 20 каменных курганов высотой от 0,3 до 1,2 м, диаметром от 6 до 16,5 м. Курганы разделены на три группы, где основная группа расположена цепочкой по линии С–Ю. На одном из них расположена вертикально вкопанная стела у основания западной части высотой 1 м. На другом могильнике

обнаружены две параллельно лежащие с восточной стороны каменные стелы. Предполагается, что изначальное положение каменных стел было вертикальным. Для выделения конструктивных особенностей курганного сооружения у основания с восточной стороны был заложен шурф площадью 2,5×2 м. Обнаружена каменная плита размерами 155×110×15 см. Анализ топографии памятника позволяет датировать его ранним железным веком.

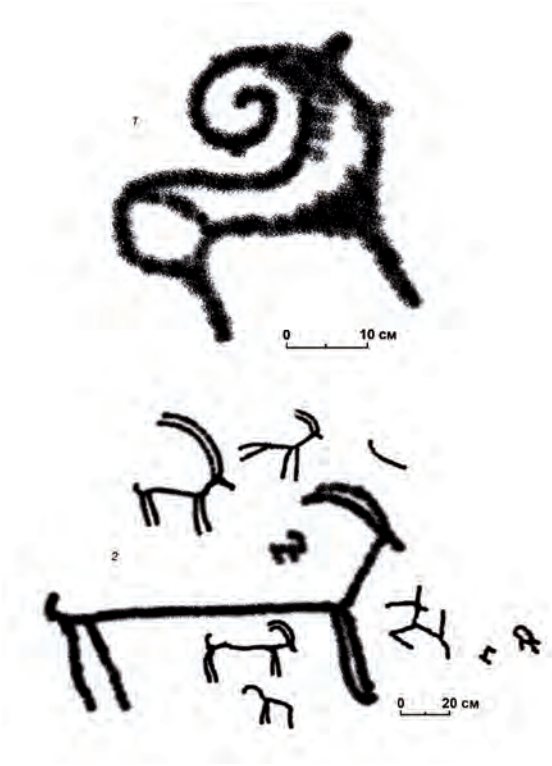

Рис. 6. Наскальные изображения Дуаналы: 1 – изображение архара в скифо-сакском зверином стиле; 2 – многофигурная композиция

Местонахождение петроглифов Дуаналы расположено в ущелье гранитных скал на берегу временного водотока, недалеко от одноименного поселенческого памятника, который был описан выше. Все изображения были выполнены способом выбивания как на горизонтальных, так и на вертикальных плоскостях. Из-за отсутствия плоских плит, большинство рисунков выполнено сжато, они сильно сгруппированы. Преобладают изображения горного козла, реже оленей, показанные как одиночно (рис. 6, *1*), так и в составе композиций (рис. 6, *2*). Петроглифы преимущественно выполнены в скифо-сакском зверином стиле. Из-за денудационных процессов изображения не отчетливы.

Наскальные изображения региона подробно рассмотрены З. С. Самашевым. Аналогичные изображения известны в материалах местонахождений Нарбота и Окей, датируемых автором раннесакским временем [Самашев, 1992, с. 171–173, рис. 178–179]. В целом, изображения горных козлов в наскальных изображениях относятся к числу так называемых сквозных сюжетов. Тем не менее, во многих случаях по стилистическим особенностям можно определить их хронологический период. Это касается рисунков, выполненных в типично скифо-сакском зверином стиле [Самашев, 2010, с. 144].

Случайная находка. Черешковый ромбический в сечении с удлиненно-ромбической формой пера *железный наконечник стрелы* (рис. 7) был найден Ж. К. Бокеншиевым в 2017 г. возле зимовки Таласбай, неподалеку от с. Терискей Бокенбай. Общая длина наконечника составляет 16 см, длина пера 3,8 см с

заточенным острием и выступающим упором, линия наибольшего расширения приходится на его середину.

В раннем средневековье подобные наконечники стрел имелись на вооружении у древних тюрок в Центральной Азии (VII–VIII вв.) [Тетерин, 2004, с. 46–47, рис. 65]. Железные стрелы с плоским в сечении пером вошли в употребление у воинов центрально-азиатских народов еще в хуннское время (II в. до н.э. – V в. н.э.) [Худяков, 1986, с. 31–33, 38]. В дальнейшем подобные стрелы активно использовались сяньбийцами, у которых на вооружении имелись плоские наконечники с асимметрично-ромбическим, удлиненно-ромбическим, вильчатым, секторным пером [Худяков, 2016, с. 106–107]. Наконечники стрел подробно рассмотрены в книге Ф.Х. Арслановой [Арсланова, 2013, с. 62]. Они появились в конце I тыс. н.э., однако наибольшее распространение получили в первой половине II тыс. [Бобров, Худяков, 2008, с. 101–102, рис. 19, *20–23*].

Рис. 7. Зим. Таласбай. Случайная находка железного наконечника стрелы

Таким образом, в ходе археологической разведки в Курчумском и Зайсанском районах были выявлены новые объекты. Часть из них представляет собой одиночные или многочисленные объекты (курганы, оградки, выкладки, стелы). Некоторые из них находятся в аварийном состоянии, определенная часть разрушены или разграблены в недалеком прошлом.

Актуальность и научная значимость изучения данного региона требует дальнейшего комплексного исследования памятников от эпохи бронзы до периода развитого средневековья.

Литература

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3. Под общей редакцией З. Самашева; составитель Б.М. Хасенова. Астана: издат. группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. 405 с.

Баяр Д., Худяков Ю.С. Коллекция Уйгурской керамики с памятника Сангийн Толгой в Монголии // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. № 9. С. 107-117.

Бейсенов А.З. Центральный Казахстан в раннем железном веке // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №6. Ч. 2. С. 22-31.

Бейсенов А.З., Шульга П.И., Ломан В.Г. Поселения сакской эпохи: коллективная монография. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филфак СпбГУ, 2008. 776 с. с ил.

Кумеков Б.Е. Государство кимаков XI–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. 156 с.

Кызласов Л.Р. О южных границах государства древних хакасов в IX–XII вв. // Ученые записки. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1960. Вып. VIII. С. 56-77.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сагындыкова С.Т. Археологические изыскания Алтайской археологической экспедиции в 2019 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер.: Историч. науки. 2020. № 1 (96). С. 144-154.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: сб. науч. ст. Алматы: КазНУ им. аль Фараби, 1998. С. 9-70.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Самашев З. Наскальные изображения Казахстана как исторический источник: дис. … докт. ист. наук. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2010. 355 с.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 1. С. 37-82.

Харинский А.В. Северное пограничье империи Ляо // Вестник ИрГТУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (105). С. 323-331.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел с Западного Памира // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 104-110.

Б. А. Байтанаев, А. А. Горячев, М. А. Чернов

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЙ И ПЕЩЕРЫ ТУТТЫБУЛАК-1 В ДОЛИНЕ РЕКИ БОРАЛДАЙ

Настоящая работа посвящена результатам исследований древних и средневековых поселений и металлургической мастерской пещеры Туттыбулак-1 одноименного левого притока р. Боралдай, где в полевых сезонах 2018–2019 гг. получена коллекция металлических изделий – инструментов кузнечного ремесла, орудий труда, оружия и предметов быта, широко известных в материалах Южного Казахстана и Жетысу от эпохи бронзы и раннего железного века и до раннего средневековья и монгольского времени.

Находки значительного количества железорудных шлаков, фрагментов металлических изделий, инструментов, как на рядовых поселениях, так и внутри пещеры, расширяют наши представления об их функциональном назначении. Полный набор металлических изделий, в который входят фрагмент удил, ножи различных форм, гвозди, долота, стамески и другие инструменты мастеров кузнечного ремесла, позволяет предполагать, что с караханидского и монгольского периодов средневековой эпохи поселения и пещера служили не только в качестве производственных мастерских по выплавке металла, но и как локальные центры по изготовлению орудий труда и оружия.

Ключевые слова: ущелье Боралдай, ручей Туттыбулак, эпоха бронзы, ранний железный век, раннее средневековье, монгольский период, поселение, пещера, металлургия, мастерская, кузнечное ремесло, бронза, железо, орудия труда, наконечники стрел

Боралдай өзені алқабындағы Тұттыбұлақ-1 үңгірі мен қонысының археологиялық материалдарындағы темір бұйымдар

Аталған жұмыста Боралдай өзенінің сол жағасынан құятын Тұттыбұлақ деп аталатын саласының бойында орналасқан Тұттыбұлақ-1 ежелгі және ортағасырлық қонысы мен металургиялық шеберхана үңгірінде жүргізілген зерттеулердің нәтижелері қарастырылады. Бұл жерден 2018–2019 жж. далалық маусымда қола дәуірі мен ерте темір кезеңінен бастап ерте орта ғасырлар мен монғол кезеңіне дейінгі Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу материалдарында кең танымал металл бұйымдардың коллекциясы – ұста қолөнерінің құрал-саймандары, еңбек құралдары, қару-жарақ және тұрмыстық заттар табылады.

Темір кені шлактарының, метал бұйымдардың фрагменттерінің, құралдардың қоныстан және үңгірдің ішінен көптеп табылуы олардың функционалдық мақсаты

© Бауыржан А. Байтанаев, Александр А. Горячев, Михаил А. Чернов, *Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан;* aga.2805@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

туралы біздің түсінігімізді кеңейте түседі. Ауыздықтың сынығы, әр түрлі пішіндегі пышақтар, шегелер, қашау және ұсталық қолөнер шеберлерінің басқа да құрал-саймандары кіретін темір бұйымдарының толық жинағы орта ғасырлардағы қарахан және монғол кезеңдерінде қоныс пен үңгір тек темір балқытатын өндірістік шеберхана ғана емес, еңбек құралдары мен қару жасайтын жергілікті орталық қызметін атқарған деген болжам жасауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Боралдай шатқалы, Тұттыбұлақ бұлағы, қола дәуірі, ерте темір ғасыры, ерте орта ғасыр, монғол кезеңі, қоныс, үңгір, металургия, шеберхана, ұсталық қолөнер, қола, темір, еңбек құралы, жебе ұштары

Iron tools from archeological materials of the settlements and the cave Tuttybulak-1 in Boraldai gorge

Results of researches of Ancient and Medieval settlements and metallurgical workshop in cave Tuttybulak-1 on the bank of a flowing of the river Boraldai in field seasons 2018-2019 are in this article. Set of metal products - blacksmithing tools, tools, weapons and household items, widely popular in materials from South Kazakhstan and Jetysu from Bronze Age and the Early Iron Age until Early Middle Ages and period of Mongol invasion.

Discoveries of a significant amount of iron ore slags, fragments of metal products, tools both on ordinary settlements and inside the cave expand our view of their functional purpose. Full set of metal tools, which includes a fragment of bits, knives of various shapes, nails, chisels, slicks and other tools of blacksmith craft, let us consider that these settlements and the cave used to be not only production workshops for metal smelting, but also they were local centers for the manufacture of tools and weapons from the Karakhanid state period and period of Mongol invasion in Middle Ages.

Keywords: gorge Boraldai, stream Tuttybulak, settlement, cave, metallurgy, workshop, blacksmith craft, bronze, iron, tools, arrowheads, Bronze Age, the Early Iron Age, Early Middle Ages, period of Mongol invasion

Изучение археологического комплекса горной части долины реки Боралдай ведется авторами статьи с 2015 г. За этот период здесь обнаружено 26 погребальных комплексов и свыше 20 поселений разных эпох, а также три пещеры со следами хозяйственной деятельности населения микрорайона в древности и средневековье [Байтанаев, Горячев и др., 2017, с. 76–108]. Было выяснено, что жители региона использовали имеющиеся природные ресурсы таким образом, что горная зона становится одним из центров металлургического производства на протяжении нескольких исторических периодов. Подобная ситуация закономерно поставила ряд новых исследовательских задач, одной из важнейших среди них является характеристика производственных процессов и материалов кузнечного ремесла долины реки Боралдай древности и средневековья.

Одним из ключевых материалов для атрибуции и классификации древних и средневековых памятников Казахстана служит металлический инвентарь. Детальный анализ технологии изготовления и морфологии металлических инструментов, предметов быта и оружия позволяет определить не только характер и технологический уровень кузнечного ремесла, но и выяснить структуру и особенности хозяйственно-экономических отношений на различных исторических этапах. В результате полевых исследований 2018–2019 гг. в материалах древних и средневековых поселений и пещеры

Туттыбулак-1 обнаружена серия металлических изделий [Байтанаев, Горячев и др., 2018, с. 282–284]. Собранная коллекция позволяет сделать первичный анализ имеющихся инструментов, орудий труда, оружия и предметов быта, полученных как на поселениях древних и средневековых мастеров кузнечного ремесла, так и в производственной мастерской, роль которой выполняла пещера Туттыбулак-1. Результатам этих исследований посвящена данная публикация.

Коллекция металлического инвентаря из археологических раскопок в горной части долины реки Боралдай, в том числе и в пещере Туттыбулак-1, составляет около 70 изделий. Большая часть предметов (свыше 50) была обнаружена в качестве подъемного материала на поселенческих комплексах Туттыбулак-2, Улькентура-2 и в районе средневекового караултобе в местности Тараз в междуречье Кошкараты и Боралдая. Другая группа металлических изделий зафиксирована в различных слоях при раскопках поселения и пещеры Туттыбулак-1.

Поселение Тутыбулак-1. Раскопки на поселении Туттыбулак-1 представляли собой два контрольных шурфа, размерами 4×4 м, произведенные внутри одного из жилищ и на площадке перед ним. Находки шлаков, как отхода выплавки железа, крицы, металлических изделий и инструментов указывают, что оно являлось поселком ремесленников, отделившихся от крупных селений земледельцев местной округи. Металлические изделия, обнаруженные в ходе раскопок, происходят из второго шурфа и немногочисленны – 4 предмета. Различаются они и хронологически.

К наиболее древним периодам поселения относится железное изделие, зафиксированное на глубине 70 см. Инструмент имеет вытянутую форму, лезвие с клиновидным окончанием. Длина 12 см, ширина около 1 см. Сечение лезвия имеет прямоугольную форму. Хвостовик на конце несколько изогнут. Вся поверхность изделия покрыта плотной ржавчиной (рис. 1, *1, 2*). Особенности формы позволяют отнести его к VII–VI вв. до н.э. и вплоть до III в. до н.э. [Байтанаев, 2011, с. 67–68; Самашев и др., 2005, с. 122].

Остальные изделия обнаружены в верхних слоях раскопа на глубине 20–40 см, что стратиграфически соответствует средневековым этапам данного поселка. К ним относятся фрагменты посеребренного с одной стороны бронзового диска, железного, предположительно, кузнечного инструмента и орудие труда для обработки почвы (тиш для омача) [Сараев, 2011, с. 128–131].

Фрагмент посеребренного бронзового диска (рис. 1, *3, 4*), окружность по краю которого при реконструкции дает диаметр около 10 см. Линии скола имеют радиальное направление, к центру часть выломалась. На лицевой поверхности диска выгравирован ряд полос в виде восьми концентрических окружностей. Функциональное назначение диска представляется как декоративное зеркало для ритуальных церемоний. Изначально предмет имел равномерную толщину по всей поверхности. Его задачей было отражение солнечного или другого света, для чего лицевая поверхность полировалась. Со временем она теряла отражающие свойства ввиду окислительных процессов. Приведение в рабочее состояние достигалось постоянными полировками лицевой поверхности,

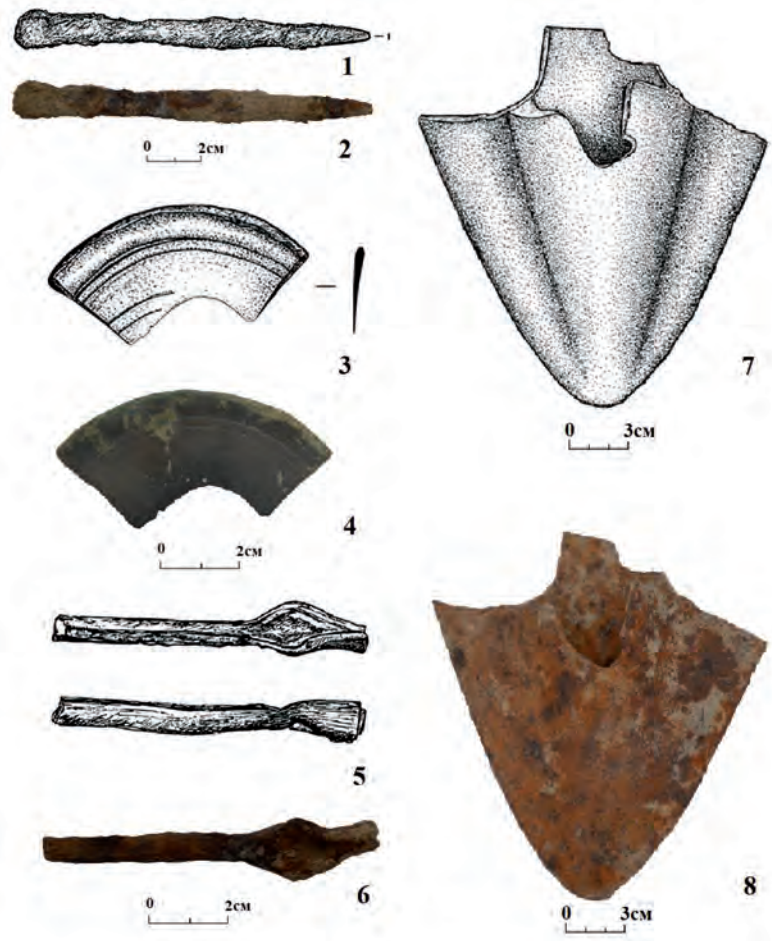

Рис. 1. Металлические изделия и инструменты из поселения Туттыбулак-1

что приводило к истончению и в итоге изделие утратило рабочие качества. В центре оборотной стороны диска, вероятнее всего, имелась металлическая скоба для крепления, напаянная или отлитая вместе с диском. При истончении срединной части скоба отломилась, оставив угловатый слом на пластине.

Здесь же найдена деталь средневекового железного, предположительно, кузнечного инструмента. Длина его чуть меньше 9 см. Изделие изготовлено из стержня квадратного сечения. Один конец стержня имел глубокую рассечку. Стенки стержня и его края на конце вновь сведены вместе и сплюснуты друг с другом под воздействием ударного инструмента. Таким образом, была сформирована небольшая ложкоподобная емкость. Назначение инструмента остается неясным ввиду его фрагментарности (рис. 1, *5, 6*).

В верхних слоях данного горизонта был обнаружен железный наконечник пахотного орудия, позднесредневекового либо этнографического времени

(тиш для омача). Изделие имеет стреловидную форму с чуть закругленным концом, а основание лемеха - втульчатую. Верхний край втулки и большая часть режущего края лемеха отломаны. В ходе эксплуатации, видимо, изделие пришло в негодность и в мастерскую по металлообработке попало в качестве лома для утилизации. Размеры фрагмента орудия в длину – 19 см, по ширине 17 см (рис. 1, *7, 8*).

Пещера Туттыбулак-1. Пещера находится вверх по течению ручья Туттыбулак в 300 м от поселения по северо-восточному склону горы Улькентура. Исследования пещеры в 2016–2019 гг. позволили выявить фрагменты конструкций и материалы древнего и средневекового металлургического производства (очажные ямы, дымоходы, шлаки, крицу и т.д.). Обширный вещевой и керамический материал позволил определить время функционирования пещеры как производственной мастерской по выплавке железа от раннего железного века (III в. до н.э. – III в. н.э.) до раннего и позднего средневековья (IV–XVII вв.). В эпоху бронзы она служила в качестве временной стоянки для охотников и собирателей [Байтанаев, Горячев и др., 2018, с. 272–287].

Коллекция металлического инвентаря пещеры представлена железными изделиями и инструментами различных эпох, а также железными и бронзовым наконечниками стрел. Два сильно фрагментированных железных наконечника и один бронзовый относятся к древним периодам ее функционирования [Байтанаев, Горячев и др., 2018, с. 282–283]. Наиболее древние изделия были обнаружены под каменным завалом в квадрате Б-5 на глубине 120–150 см (рис. 2).

Бронзовый наконечник стрелы черешковый, листовидной формы, по продольной оси имеет двустороннее ребро жесткости, которое придаёт сечению узкую ромбовидную форму (рис. 2, *1, 2*). Наконечник изготовлен методом литья в двухстворчатую форму, с последующей доводкой методом ковки. Размеры изделия: длина 5,5 см, диаметр 1,3 см, размеры отверстия 1×0,7 см. Подобные

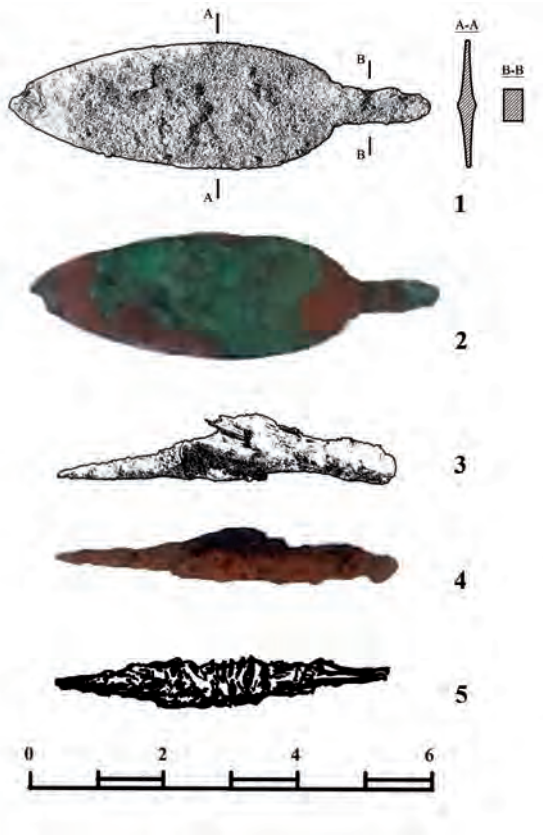

Рис. 2. Наконечники стрел эпохи бронзы и раннего железного века из пещеры Туттыбулак-1

наконечники стрел характерны для общности культур валиковой керамики поздней бронзы Центральной и Средней Азии [Аванесова, 1991, рис. 8, *22, 23*]. Датировка материалов позднебронзовым и финальным этапом эпохи бронзы приемлема и для других находок бронзового века из пещеры Туттыбулак-1.

Железные наконечники стрел были обнаружены неподалеку от бронзового в квадрате Б-5 на глубине 100 см (рис. 2, *3–5*). Оба изделия в первоначальном виде были отлиты в форме с последующей проковкой. Изделия покрыты толстым слоем коррозии. Хорошо прочитываются только формы хвостовиков, которые сведены к узкому конусу, толщиной 0,3–0,5 мм. Собственно, наконечники, предположительно, имели форму трех- или четырехгранной пирамиды. Общая длина их 52–54 мм, пера 31–34 мм и хвостовика 20–21 мм. Для культур Северного Притяньшанья подобные наконечники определяются в пределах VI–V вв. до н.э. [Иванов, 2017, с. 45].

Остальной металлический инвентарь в раскопе зафиксирован в слоях, где доминируют материалы средневековой эпохи. В частности, два изделия найдены на глубине 40–50 см в квадратах А-3 и А-4 (рис. 3). Это два наконечника метательного оружия, от которых сохранились только сильно коррозированные ромбовидные пластины без хвостовиков (рис. 3, *1–4*). Изделия были выполнены

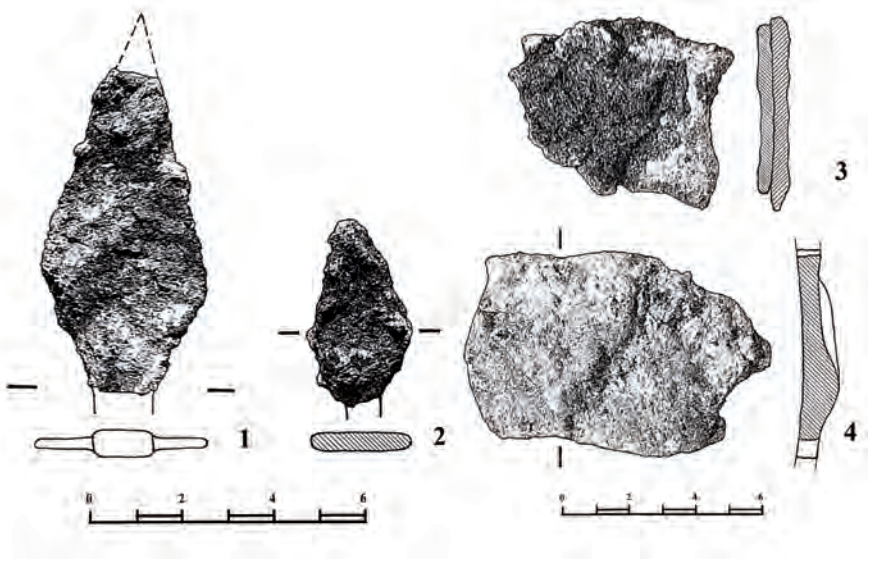

Рис. 3. Средневековые железные наконечники стрел и пластины из пещеры Туттыбулак-1

в виде плоских металлических листов достаточной толщины, размерами 7,5 (8) см и 4,2 (4,5) см. Их форма наиболее типична именно для средневековой эпохи Южного Казахстана и Жетысу [Савельева и др., 1998, табл. 28; Байпаков и др., 2005, с. 90]. Несмотря на некоторую типологическую разницу, эта группа наконечников стрел может относиться к монгольскому периоду, что косвенно подтверждается обнаруженным поблизости керамическим материалом.

В процессе раскопок заполнения пещеры на этом же уровне обнаружены две металлические пластины. Пластины имеют толщину от 2 до 4 мм. Судя по форме, они представляли собой заготовку для создания каких-либо изделий. Одна из них состоит из двух пластин железа, сросшихся посредством коррозийного слоя в единую массу (рис. 3, *б*), размерами 64×52 мм. Вторая тоже имеет неопределённую форму, но, в отличие от первой, может быть квалифицирована как фрагмент изделия. Пластина имеет размеры 91×58 мм, равномерную толщину и лёгкую изогнутость. Под слоем коррозии на пластине просматриваются декоративные элементы – рельефный V-образный элемент и сферическая выпуклость, что может указывать на литейный способ производства изделия.

Остальные металлические изделия были обнаружены в двух контрольных шурфах внутри пещеры. Шурф 1 был произведен в центральной ее части у северо-восточной стенки. Здесь на нескольких откололовшихся скальных блоках образовалась площадка в длину около 8 м и ширину 2–2,5 м, заполненная грунтом. Шурф 1, размерами 70×70 см, был произведен в ее юго-восточной части близ крупного валуна. На глубине 40–50 см между скальными плитами обнаружен заклад из пяти железных изделий и медного фельса (рис. 4).

Рис. 4. Железные изделия и медный фельс из шурфа 1 в центральной части пещеры Туттыбулак-1

Один фрагмент железного инструмента режуще-рубящего свойства (рис. 4, *1*) можно рассматривать двояко: а) как бытовой хозяйственный инструмент режуще-рубящего назначения, б) при наличии достаточно длинного черенка – как холодное

оружие режуще-колющего характера. Изначальное изделие – лезвие холодного оружия, отлито в форме с последующей проковкой. Вторично из его обломка был изготовлен инструмент путем загибания режущего края к телу лезвия. Хвостовик утрачен. Общая длина изделия 90 мм, спинка лезвия прямая, ширина 5 мм, на конце – 4 мм.

Фрагмент другого железного инструмента режуще-рубящего свойства (рис. 4, *2*) в силу своей массивности и широкой спинки лезвия мог применяться в качестве инструмента в кузнечном деле. Орудие труда отлито в форме с последующей проковкой. Лезвие на конце имеет слом, что при такой толщине возможно только под воздействием ударов тяжелого инструмента. Общая длина 95 мм, длина хвостовика 40 мм. Спинка лезвия 7–8 мм.

Фрагмент металлического стержня квадратного сечения длиной 48 мм может рассматриваться как инструмент или заготовка для инструмента (рис. 4, *3*). В виду сильной коррозии назначение предмета как инструмента определить невозможно.

Железный гвоздь с округлой шляпкой и узкой ножкой конической формы (рис. 4, *4*) отлит в форме с последующей проковкой. Размеры ножки: длина 30 мм, толщина 3 мм; диаметр шляпки 10 мм. Подобные изделия были распространены в течение периода раннего средневековья в Северном Притяньшанье [Савельева и др., 1998, с. 179, табл. 39].

Металлическая дуга неопределённой формы не может быть атрибутирована как инструмент (рис. 4, *5*). Возможно, она является заготовкой из прокованного в полосу стержня. Размеры стержня: в длину 15 см, в ширину 0,7–0,9 см и толщиной 0,2–0,3 см.

Наиболее информативным из всех предметов заклада является черешковый трёхлопастной наконечник тяжелой боевой стрелы, близкий по форме к более древнему историческому периоду (рис. 4, *6*). Наконечник отлит в форме с последующей проковкой. Общая длина сохранившейся части изделия (черешок обломан) 97 мм. Длина лопастей наконечника 75 мм, черешка – 22 мм. Подобный тип трехлопастных наконечников стрел на территории Южного Казахстана [Байпаков и др., 2005, рис. 98] и Центральной Азии [Худяков, 1986, с. 31–33, 38] получает распространение еще с гуннского времени. В Северном Притяньшанье, Центральной и Средней Азии их наиболее широкое распространение приходится на VIII–IX вв. [Илюшин, 2010, с. 121–122; Худяков, 2016, с. 106; Худяков и др., 2016, с. 121–122]. Данная датировка подтверждается находкой в составе заклада (рис. 4, *7, 8*) медного фельса VIII в. правителей Чача [Шагалов, Кузнецов, 2006, с. 210], рассмотрена нами ранее [Байтанаев, Горячев и др., 2018, с. 282–283].

Второй контрольный шурф, размерами 80×80 см, был произведен в 8 м к ЮВ от центрального зала пещеры внутри грота. На глубине 50–70 см от уровня современной дневной поверхности по периметру и на рухнувшей каменной плите найден другой заклад из шести предметов металлического инвентаря и одной медной монеты (рис. 5).

Железный ножик из шурфа 2 (рис. 5, *1*), черешковый с вытянутым лезвием подтреугольной в сечении формы. Спинка лезвия соосна хвостовику, а основание лезвия по отношению к нему образует прямые плечики. Изготовлено методом литья с последующей проковкой. Судя по ширине основания лезвия, последнее было сработано более чем наполовину своей ширины. Длина изделия 83 мм, лезвия – 46 мм, ширина – 11 мм, длина хвостовика – 37 мм, ширина – 7 мм. Спинка ножа утончается с 3 до 2 мм. Серия подобных ножичков была найдена в материалах многослойного комплекса Бутакты-I на юго-восточной окраине города Алматы в погребениях как раннего железного века, так и караханидского времени средневековой эпохи. Известны они и среди находок на поселениях Бутакты-III, Кольсай-I [Горячев, Мотов, 2018, с. 87, 113] и в материалах предмонгольского времени средневековых городищ Илейской долины [Савельева и др., 1998, с. 141–142, табл. 1, 2].

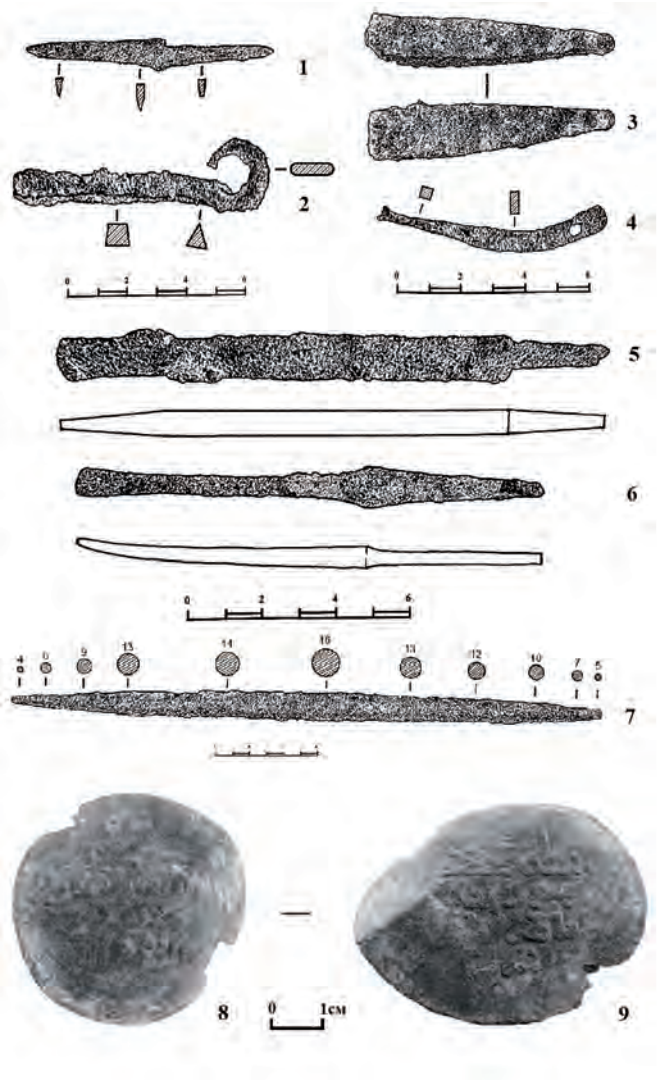

Рис. 5. Железные изделия и «черный дирхем» из шурфа 2 в гроте пещеры Туттыбулак-1

Фрагмент железного изделия длиной 85 мм представляет собой стержень с расплющенным и загнутым в кольцо концом (рис. 5, *2*). Диаметр сечения стержня 9 мм, кольца – 24 мм. Изготовлено методом литья в форме с последующей проковкой. По форме предмета можно предположить, что он является частью двухсоставного удила, верхний край которого обломан и утерян.

Данные изделия известны в материалах средневековых городищ и могильников Жетысу и Южного Казахстана караханидского и предмонгольского времени [Подушкин Н.П., Подушкин А.Н., 1983, с. 177–182: Савельева и др., 1998, с. 157, табл. 17; с. 172, табл. 32; Байтанаев, 2011, рис. 3, *7*; Горячев, Мотов, 2018, с. 110, рис. 145].

Железный четырехгранный клин из грота пещеры (рис. 5, *3*) представлял собой крупный гвоздь-костыль продолговатой формы с расширением к верхней ударной части и сужением к нижнему рабочему краю. Верхняя часть несколько деформирована под воздействием тяжелого ударного инструмента. Длина изделия 75 мм, ширина в верхней части составляет 15 мм, в нижней – 5 мм. Подобные клинья могли применяться камнетёсами для откалывания небольших каменных блоков.

Железный инструмент дугообразной формы изготовлен из плоской детали методом ковки (рис. 5, *4*). По характерным деталям пластины (изгиб и отверстие для гвоздя) можно предположить, что прежде это была подкова для осла. Противоположный конец фрагмента подковы был перекован. Его рабочая часть не сохранилась и более точное назначение остается неясным.

Железный инструмент – долото для теса и строгания древесного сырья (рис. 5, *5*) представлял собой прямоугольный в сечении стержень. Конец стержня утончается, хвостовик конической формы. На всём протяжении рабочей части изделия ширина и толщина равномерны. В области перехода рабочей части инструмента в хвостовик ярко выражены плечики. Орудие труда отлито в форме с последующей проковкой. На всём протяжении рабочей части изделия ширина и толщина равномерны. Конец хвостовика обломлен. Общая длина 147 мм, длина рабочей части – 121 мм, размеры сечения – 11×7мм.

Еще один инструмент для деревообработки из данного набора – узкая стамеска в сечении прямоугольной формы (рис. 5, *6*). Хвостовик инструмента клиновидной формы. Орудие труда отлито в форме с последующей проковкой. При формировании режущего края конец инструмента был слегка расплющен и несколько изогнут. Общая длина 127 мм, рабочей части – 78 мм, размеры сечения 4×4,5 мм. Ширина режущего края составила 7,5 мм, ширина хвостовика у основания 11 мм, на конце – 3,5 мм. В материалах средневековых ремесел Жетысу подобные двум последним инструментам для деревообработки были достаточно широко распространены в IX–XIII вв. [Савельева и др, 1998, с. 41, 166, табл. 26].

Железный стержень из шурфа 2 в гроте пещеры (рис. 5, *7*) биконической формы. Стержень прямой с равномерным утончением толщины в обе стороны. Изготовлен он методом литья в форме. Мог применяться в кузнечном и ювелирном деле для оправки изделий и придания кольцевидной формы стержням и другим заготовкам. На таком, вероятно, сгибались декоративные конусы из пластин. Общая длина изделия 339 мм. Наибольший диаметр средней части изделия 15 мм, по краям – 3мм. Уточнить хронологию металлических изделий заклада внутри грота пещеры помогает вторая монета, обнаруженная среди железных инструментов (рис. 5, *8, 9*). Она представляется медным

«черным дирхемом» середины – второй половины XIII в. [Петров и др., 2014, с. 83, фототаблица 5].

Археологические исследования в долине реки Боралдай в районе соединения ее с ручьем Туттыбулак позволили выявить еще одно *древнее и средневековое поселение Туттыбулак-2* в 300 м западнее предыдущего. Обследование его территории металлоискателем позволило выявить концентрированное скопление металлических предметов в 50–70 м к северу от жилых комплексов на относительно ровной площадке безымянного

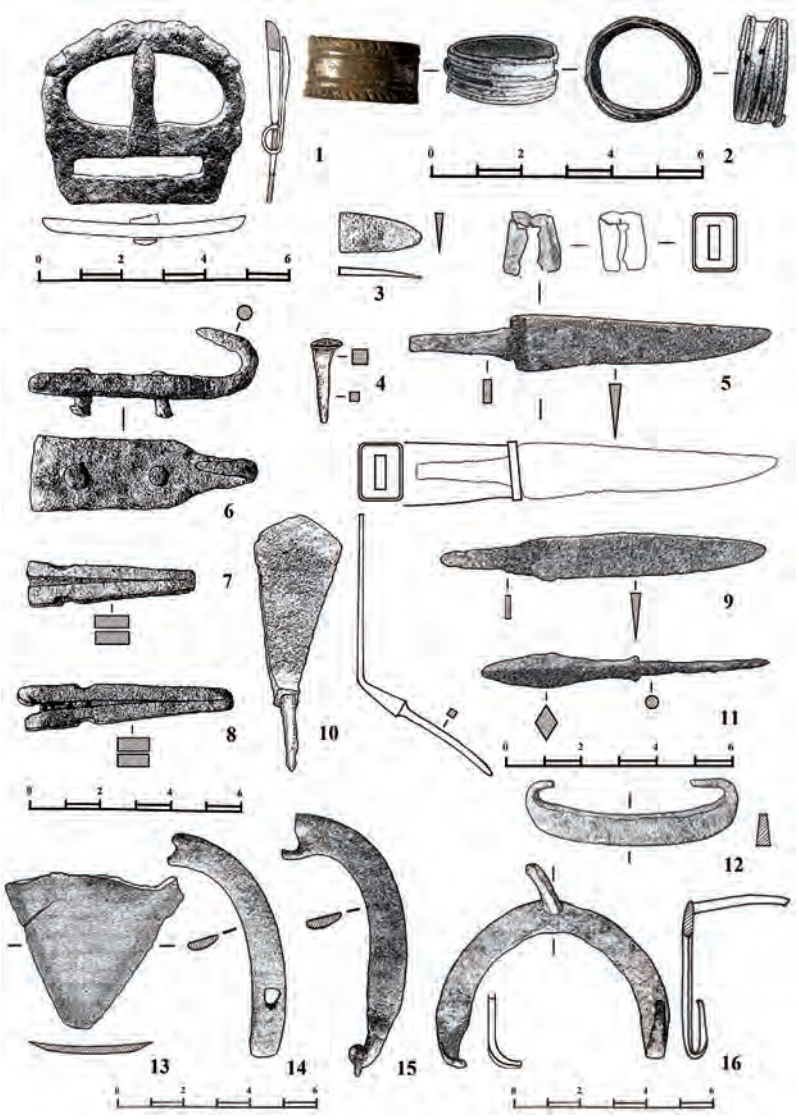

Рис. 6. Металлические изделия и инструменты из поселения Туттыбулак-2

пересохшего ручья. В коллекцию находок входят металлические предметы быта, инструменты, ножи и наконечники стрел (рис. 6).

Железная поясная пряжка выполнена методом литья (рис. 6, *1*). Язычок пряжки согнут из листовой пластинки, конец язычка заострен. Хвостовая часть язычка расплющена и согнута в кольцо. По внешнему краю дугообразной формы нанесен художественный рельеф. Рельефное изображение утратило мелкие детали, что затрудняет идентификацию образов. Фигурные поясные бляшки подобного типа известны в материалах VII–VIII вв. Восточного Приазовья [Атавин, 1996, с. 258, табл. 21, *3*]. Некоторые аналогии ей прослеживаются среди поясных пряжек VI–X вв., однако внешние дуги на них не имели художественного рельефа [Маргулан, 1986, с. 71]. Они интерпретируются как детали воинского поясного набора у карлуков и кимаков. Однако в материалах средневековых городов Южного Казахстана и Жетысу подобные изделия в комплексе с накладными поясными бляшками фиксируются в слоях XI–XIII вв. [Смагулов, 2011, с. 273–277; Савельева и др., 1998, с. 159, табл. 19].

Изделие из полосового металла светло-серого цвета свернуто в неполное кольцо, не имеет магнитных свойств (рис. 6, *2*). На кольцо нанесен декор в виде четырех параллельных линий, делящих металлическую полосу кольца на пять дорожек. Две крайние дорожки украшены поперечными рубчиками. Средняя дорожка, самая широкая, оставлена свободной. По характеру нанесения декора и линий, можно сказать, что это ручная работа. Линии не строго параллельны, несколько волнисты и имеют следы чеканного инструмента. Назначение предмета и сферу применения можно предположить в качестве обжимного кольца для соединения и скрепления кожаных ремешков, используемых в производстве узд. Точные аналогии ему в материалах раннего средневековья и монгольского времени нам пока не известны.

Следующее изделие из светло-серого металла, не имеющее магнитных свойств, представляет собой конец лезвия ножа (рис. 6, *3*). В сечении лезвие клиновидное, с легкой вогнутостью, что указывает на высокий технологический уровень изделия. Обломок лезвия не прямой, а с небольшой изогнутостью, которая могла возникнуть в ходе эксплуатации, при поддевании лезвием некоторых предметов. Кончик лезвия имеет характерные заусенцы, что могли появиться при взаимодействии с прочным изделием. Возможно, в результате этих манипуляций лезвие и было сломано.

Гвоздь в форме четырехгранной правильной пирамиды длиной 24 мм (рис. 6, *4*). Подобные гвозди не смогли бы удержаться в материале (скорее всего, это дерево), если им не загнуть вышедший наружу конец. Но клиновидная или пирамидальная форма позволяла хорошо закрепиться в отверстии металлического изделия, такого как подкова. Последнее не исключает загибание конца гвоздя для лучшего скрепления материалов. Возможно использование в сапожном деле, для подбивания подошв.

В наборе зафиксированы два железных лезвия ножей (рис. 6, *5, 9*). Первое лезвие имеет правильную форму длиной 68 мм и шириной у основания 15 мм (рис. 6, *5*). Спинка ножа прямая, но направлена под углом к оси изделия,

которая проходит через хвостовик клиновидной формы длиной 27 мм. Сечение хвостовика представляет прямоугольник, который по степени удаления от лезвия утончается и уменьшается в ширине. Режущий край имеет плавный дугообразный изгиб. В первой его трети от хвостовика дуга имеет обратное направление, образовавшееся в ходе эксплуатации изделия и его правки на абразивах. Сечение лезвия имеет клиновидную форму. Спинка ножа плавно сужается от 4 до 1 мм. В месте сочленения хвостовика и лезвия ножа имеется два заглубления, образующих шейку. Эта техническая особенность была предназначена для удержания металлической пластины из цветного металла со щелевидным отверстием, которая размещалась в специальных выемках ножа. Края пластины загнуты в сторону ручки. Назначение этой пластины удерживать лезвие и предотвращать излишнее проникновение хвостовика в ручку ножа, предохраняя ее от раскола. Хвостовик ножа на конце несколько изогнут.

Лезвие второго ножа также имеет клиновидную форму (рис. 6, *9*), то есть спинка и режущий край сходятся к продольной оси, которая проходит через середину лезвия и хвостовик. Спинка ножа дугообразная. Режущий край лезвия плавно изгибается по дуге к концу. Основание лезвия лишено плечиков и хвостовик образован плавным дугообразным сужением материала. Лезвие в сечении клинообразное, спинка лезвия 3 мм у основания плавно сужается к концу. Общая длина изделия 86 мм, лезвия – 59 мм. Подобные ножи традиционны для культур раннего средневековья Южного Казахстана и Жетысу и достаточно часто встречаются среди бытового материала как поселений, городищ, так и в погребальных комплексах [Савельева и др., 1998, с. 42–43; с. 141, табл. 1; с. 164, табл. 24: Горячев, Мотов, 2018, с. 111–114, рис. 147, 151, 152, 154].

Железный крюк из толстого полосового металла (3–3,5 мм) изготовлен посредством ковки (рис. 6, *6*). Имеет вытянутую трапециевидную форму, на конце которой переходит в узкий клиновидный шип, загнутый вверх в сторону пластины. На пластине имеются две заклепки из железных клиновидных гвоздей прямоугольного сечения. Внешне заклепки похожи на гвозди для подковывания лошадей или осликов. Возможно, клиновидная форма гвоздей выбрана была не случайно. Такая их форма позволяла надежно закрепить гвоздь в отверстии изделия еще до того, как противоположный конец будет расклепан. Судя по расстоянию от расклепанной шляпки гвоздя до плоскости крюка, последний мог крепиться к кожаному изделию с толстой стенкой. Несмотря на схожесть по конструкции и форме, крепление крюка к поясу портупеи можно исключить, ввиду его массивности и торчащего конца, не обеспечивающего удобства в эксплуатации. Скорее всего, место крепления крюка было стационарным и устойчивым. На него подвешивались предметы в состоянии покоя. Как дополнительная версия – крюк мог использоваться в кожевенном производстве, для растяжки шкур крупного скота.

Коллекция находок содержит два железных клина длиной 45 и 60 мм. Ширина изделий соответственно 11 и 10 мм. Клинья изготовлены из металлической полосы толщиной 3,5–4 мм согнутой пополам. Подобные

клинья применяются мастерами-камнетесами для откалывания небольших каменных блоков.

На поселении Туттыбулак-2 найдены два разнотипных наконечника стрел (рис. 6, *10, 11*). Один из них листовидной формы (рис. 6, *10*). Боевая часть наконечника в виде пластины вымпеловидной формы. Судя по толщине пластины боевой части стрелы, последняя была предназначена для охоты. В целом наконечник сохранился в хорошем состоянии. В месте окончания боевой части имеется плечико, за ним начинается хвостовик. Плечики предотвращают проникновение наконечника в древко стрелы, при ударе о целевой объект. Основание боевой части от плечиков имеет квадратное сечение, далее удаляясь к концу, расплющивается и на расстоянии 1,5 см пластина достигает толщины 1,5 мм. В этом же месте произведен преднамеренный изгиб наконечника стрелы, без деформации самой пластины. Вследствие чего он приобрел вид лопаточки. Подобная лопаточка могла использоваться для набора сыпучих продуктов, при создании пропорциональных смесей малых объемов. Например, при добавлении в тигель сыпучих материалов при изготовлении припоя, и тому подобное. Логично допустить, что хвостовик стрелы был вставлен в специальную рукоятку из дерева. Так за этим наконечником можно признать вторичное использование в качестве инструмента в небольших ювелирных или металлолитейных работах.

Второй железный наконечник стрелы имеет общую длину 75 мм, боевой части с четырехгранным бойком в сечении ромбовидной формы – 41 мм. Наибольшее сечение ромба 9×7 мм в средней части наконечника. Далее он сужается от многогранного до конического состояния и у основания заканчивается плечиком. Хвостовик выглядит в виде удлинённой узкой четырехгранной пирамиды. Наконечник отлит в форме с последующей проковкой. Подобный тип наконечников стрел на территории Южного Казахстана и Жетысу [Байпаков и др., 2005, рис. 98] и в Центральной Азии [Худяков, 1986, с. 144, рис. 64, *28, 30*] наиболее распространен в период раннего средневековья. Листовидные наконечники стрел удлиненно-ромбической формы в средневековую эпоху известны в материалах кочевнических комплексов Монголии и Алтая VIII–X вв. [Худяков, 1986, с. 144, рис. 64, *42*].

В серии находок отмечено железное кресало (рис. 6, *12*). Оно изготовлено способом ковки из стали со специальной закалкой [Савельева и др., 1998, с. 63, 114, 118]. В сечении имеет характерную для изделия форму узкой, вытянутой трапеции, декоративные элементы отсутствуют. Сохранены исключительно функциональные особенности. Концы кресала, загнутые вовнутрь дуги изделия, возможно, удерживали рукоять органического происхождения, предположительно – деревянную. Подобные изделия распространены в материалах памятников городской культуры раннего средневековья Южного Казахстана и Жетысу [Савельева и др., 1998, с. 145, табл. 5].

Среди бытовых предметов отмечен обломок лезвия тиша для омача (сошника) (рис. 6, *13*). Инструмент кованый с двухсторонней правкой (заточкой) лезвия, имеет следы ударов и расклепывания материала на месте слома, что даёт право предположить вторичное использование предмета как

клина для раскалывания, возможно, деревянных заготовок и/или как рубящий инструмент.

Найдены также две левые половины дугообразных подков для копытных животных (рис. 6, *14, 15*). Первая была предназначена для осла или мула (рис. 6, *14*). Разлом прошел в средней части дуги через отверстие трапециевидной формы, предназначенное под гвоздь. Ближе к концу дуги подковы расположено целое отверстие для гвоздя подпрямоугольной формы. Судя по сохранившемуся фрагменту, форма дуги подковы тяготеет к овалу. У второй подковы линия разлома прошла по продольной оси изделия через гнездо центрального гвоздя (рис. 6, *15*). Как и у первого изделия, на конце дуги вытянут клинообразный шип, заменявший гвоздь. Из двух фрагментарных подков в данном наборе эта наиболее крупная, что свидетельствует о разной величине животных, к которым они были применены.

Еще одна подкова зафиксирована в целом состоянии (рис. 6, *16*). Она предназначалась для ослика, была изготовлена из стальной пластины методом ковки. Особенность предмета заключается в том, что для подковывания животного использовался только один гвоздь, расположенный в центре дуги подковы. Гвоздь формой четырехгранной пирамиды с квадратным сечением, верхний конец его обломан. В месте слома остался загиб во внутрь. Гвоздь имеет монолитное соединение с изделием, что может быть достигнуто двумя способами: вытягиванием из единой заготовки, либо наваривaнием кузнечным способом. Два других гвоздя, обычно располагающихся на концах дуги подковы, заменены вытянутыми шипообразными концами, которые вероятнее всего и заменяли гвозди.

Основную группу находок из поселений в долине реки Боралдай и пещеры Туттыбулак-1 составляют инструменты и изделия кузнечного ремесла, аналоги которых широко известны в материалах Южного Казахстана и Жетысу от эпохи бронзы и раннего железного века и до раннего средневековья и монгольского времени [Аванесова, 1991, рис. 8; Савельева и др., 1998, табл. 24–28; Байпаков и др., 2005, с. 84–93; Байтанаев, 2011, с. 67–68; Горячев, Мотов, 2018, с. 38, 65]. Находки значительного количества железорудных шлаков, фрагментов металлических изделий, инструментов, как на рядовых поселениях, так и внутри пещеры, расширяют наши представления об их функциональном назначении. Полный набор металлических изделий, в который входят: фрагмент удил, ножи различных форм, гвозди, долота, стамески и другие инструменты мастеров кузнечного ремесла позволяет предполагать, что с караханидского и монгольского периодов средневековой эпохи поселения и пещера служили не только в качестве производственных мастерских для выплавки металла, но и как локальные центры по изготовлению орудий труда и оружия.

Литература

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: «Фан», 1991. 200 с.

Атавин А.Г. Погребения VII – начала VIII в. из Восточного Приазовья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996. С. 208–264.

Акишев К. А., Кушаев Г.А. Саки и усуни долины реки Или. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1963. 310 с.

Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: «Credo», 2005. 188 с.

Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 224 с.

Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х., Ергешбаев А.А., Бейсенов Н.Б. Новые памятники раннего железного века Южного Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 340 с.

Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х. Археологические исследования памятников раннего железного века в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 143-159.

Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Ергешбаев А.А., Байтанаева А.Б, Байтанаев Е.Б. Археологические исследования в пещере Туттыбулак в 2018 году // Археология Казахстана. 2018. № 1–2. С. 272-287.

Иванов С.С. Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников на территории Кыргызстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2017. № 1 (311). С. 38–58.

Илюшин А.М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского госуниверситета. Сер. ист. и археол. 2010. № 4-1 (68). С. 120-133.

Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алма-Ата: «Өнер», 1986. 256 с.

Подушкин Н.П., Подушкин А.Н. Раскопки поселения-убежища в ущелье Бургулюк (1974–1976 гг.) // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 177-182.

Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Ғылым, 1998. 128 с.

Сараев В.В. Инструменты земледельцев древнего Жетысу // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2011. Вып. 4. С. 127-143.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: Археология, 2005. 182 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел с Западного Памира // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 3: Археология и этнография. С. 104-110.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Средневековые железные наконечники стрел из Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины Кыргызстана // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 120-128.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент: Изд-во «ФАН» АН РУз, 2006. 238 с.

В. К. Мерц, И. В. Мерц, Е. Д. Демидкова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРАХ КАЛМАККЫРГАН (Майский район Павлодарской области)

В публикации рассматриваются предварительные результаты комплексных археологических исследований, проведенных в 2019 г. Центром археологических исследований им. А. Х. Маргулана Павлодарского госуниверситета им. С. Торайгырова в горном массиве Калмаккырган, основной целью которых было максимально полное выявление археологических памятников региона для последующего вычленения объектов, связанных с пребыванием калмыков. В результате проделанной работы было зафиксировано 127 памятников и отдельных местонахождений от мезолита до этнографической современности. На некоторых разновременных поселенческих объектах удалось выявить материалы раннего и развитого средневековья, а также предметы, которые можно отнести к материальной культуре калмыков XVIII в. Стационарные работы были проведены на стоянке каменного века Шатырбулак, на могильниках эпохи бронзы Калмаккырган и Шатырбулак 2, на месторождении Коктас, а также на тюркской поминальной ограде.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сарыарка, горный массив Калмаккырган, археологические памятники мезолита–Нового времени, материальная культура калмыков

Қалмаққырған тауындағы археологиялық зерттеулер (Павлодар облысы Май ауданы)

Басылымда 2019 жылы С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университетінің Ә. Х. Марғұлан атындағы археологиялық зерттеулер орталығы Қалмаққырған тау алқабында жүргізген кешенді археологиялық зерттеулердің алдын ала нәтижелері қарастырылады. Негізгі мақсаты қалмақтардың болуына байланысты нысандарды кезекті бөлу үшін аймақтың археологиялық ескерткіштерін барынша толық анықтау болып табылады. Жүргізілген жұмыстардың нәтижесінде мезолит дәуірінен қазіргі этнографиялық заманға дейінгі 127 ескерткіш пен жекелеген орындар анықталды. Бірқатар әртүрлі уақытқа жататын қоныстық нысандардан ерте және дамыған орта ғасырлардағы материалдарды, сондай-ақ XVIII ғасырдағы қалмақтардың материалдық мәдениетіне жатқызуға болатын заттарды анықтауға мүмкіндік туды. Стационарлық жұмыстар Шатырбұлақ тас дәуірінің тұрағында, Қалмаққырған және Шатырбұлақ 2 қола дәуіріндегі қорымдарында, Көктас кен орнында, сондай-ақ түркі мемориалдық қоршауында жүргізілді.

Түйін сөздер: Солтүстік-шығыс Сарыарқа, Қалмаққырған тау жотасы, мезолит-Жаңа заман уақытының археологиялық ескерткіштері, қалмақтардың материалдық мәдениеті

© **Виктор К. Мерц, Илья В. Мерц, Елена Д. Демидкова,** *Центр археологических исследований им. А. Х. Маргулана Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, г. Павлодар, Казахстан;* v_mertz@mail.ru

Archaeological research in the Kalmakkyrgan mountains (Maisky district of Pavlodar region)

The publication discusses the preliminary results of complex archaeological research conducted in 2019 by the A. Kh. Margulan center for archaeological research of S. Toraigyrov Pavlodar State University in the Kalmakkyrgan mountain range, the main purpose of which was to identify the archaeological sites of the region as fully as possible for further identification of objects associated with the stay of the Kalmyk people. As a result of this work, 127 sites and individual locations from the Mesolithic to ethnographic modernity were recorded. Materials from the early and developed middle ages, as well as items that can be attributed to the material culture of the Kalmyks of the XVIII century were identified at some settlement sites of different times. Stationary works were carried out at the Stone Age site of Shatyrbulak, at the Bronze Age burial grounds of Kalmakkyrgan and Shatyrbulak 2, at the Koktas field, as well as at the Turkic memorial fence.

Keywords: North-Eastern Saryarka, Kalmakkyrgan mountain range, archaeological sites of the Mesolithic-New time, material culture of the Kalmyk people

Введение

Одной из проблем археологии Казахстана является слабая изученность обширной территории Республики и, зачастую, узкая направленность проводимых исследований. В связи с этим большую важность приобретают комплексные исследования отдельных районов. Подобный подход позволяет максимально выявлять имеющиеся археологические памятники и затем приступать к изучению наиболее важных объектов для решения той или иной научной задачи.

Такие работы были проведены Центром археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова в 2019 году на территории Акшиманского сельского округа Майского района Павлодарской области (фото 1). Финансирование работ осуществлялось в рамках проекта «Археолого-этнографическое изучение горного массива Калмаккырган и его окрестностей», разработанного В. К. Мерцем совместно с общественностью Майского района и поддержанного руководством области. Одной из задач проекта было выявление объектов, связанных с присутствием в регионе калмыков. Она существенно осложнялась отсутствием в науке Казахстана четких представлений об особенностях материальной культуры калмыков XVIII в. Имеющиеся исследования посвящены, главным образом, освещению вопросов военного дела и уточнению конкретных исторических вопросов [Бобров, Худяков, 2008; Ерофеева и др., 2008; Байпаков и др., 2019], а также слабой археологической изученностью горного массива Калмаккырган, где, кроме общего топонима, отсутствовали какие-либо конкретные калмыкские объекты, поэтому работы были проведены в августе–сентябре 2019 г. двумя группами. Первая – занималась поиском новых памятников, вторая – проводила стационарные раскопки. Большое значение для успешной реализации проекта имело привлечение специалиста Института археологии им. А. Х. Маргулана по изучению памятников наскального искусства – А. Е. Рогожинского, выявившего новые объекты этого типа, в том числе и Нового времени.

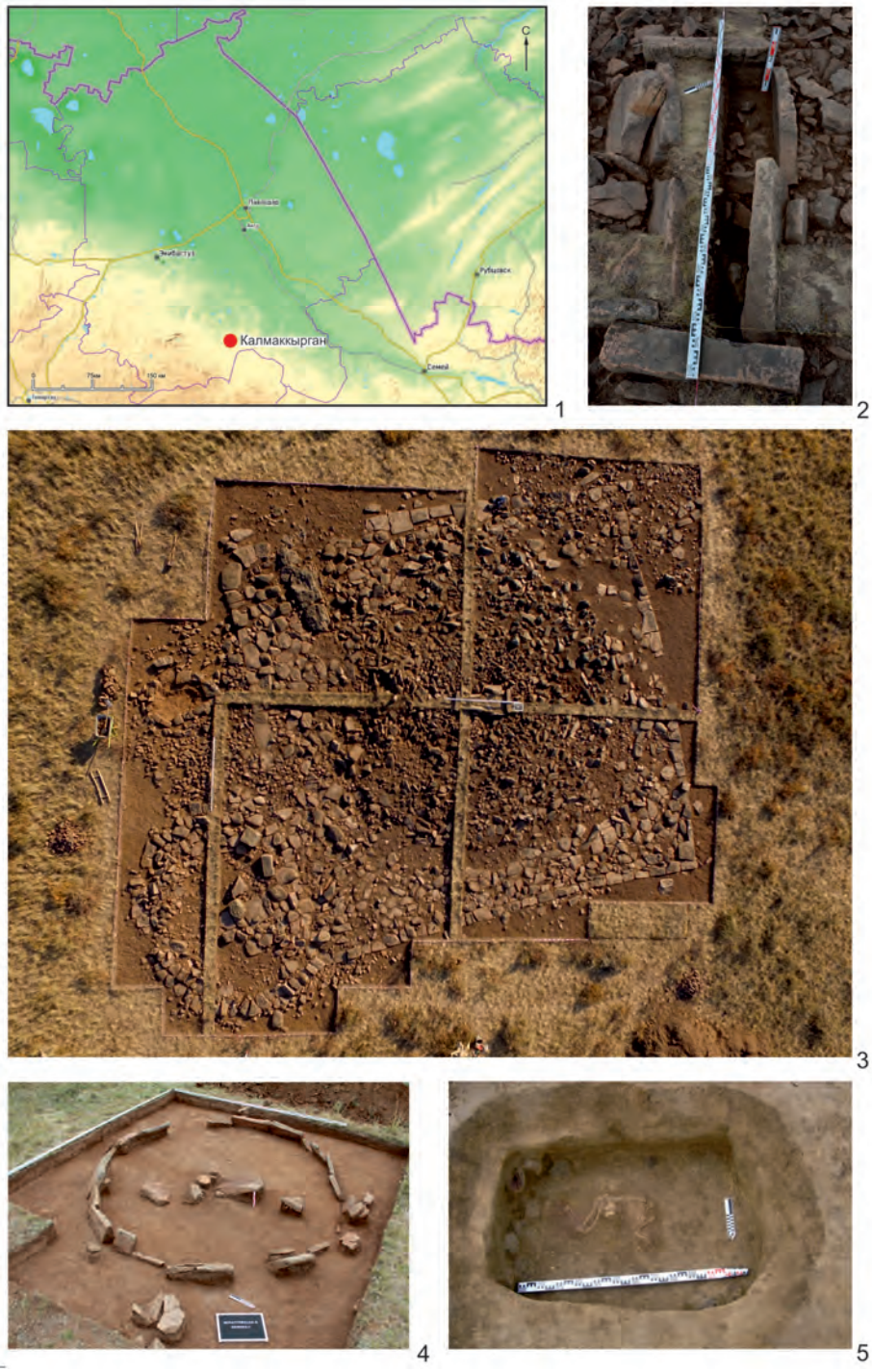

Фото 1–5. Археологические исследования в горах Калмаккырган: 1 – расположение горного массива Калмаккырган на карте Павлодарской Области; 2 –погребальная камера кургана-ограды Калмыккырган; 3 – расчищенная курган-ограда Калмыккырган; 4 – ограда № 1 мог. Шатырбулак 2; 5 – погребение в ограде № 1 мог. Шатырбулак 2

Исследования были начаты с осмотра ранее известных археологических объектов, после чего приступили к поиску и картированию новых памятников, на которых проводились сборы подъёмного материала, в результате чего удалось выявить 127 археологических объектов [Мерц В.К., 2019**а**]. Среди них необходимо отметить стоянку каменного века Шатырбулак, могильники эпохи бронзы Шатырбулак 2, Косбулак 1–2, Тюлькубай 1, поселение и древние горные выработки Коктас. Важным достижением стало открытие пяти новых местонахождений наскального искусства, представленных петроглифами и росписями охрой («писаницами») на скальных навесах. Были выявлены поселения раннего железного века Бзаукора 1–3 и эпохи раннего железа–средних веков Каинды 1–4, тюркская поминальная ограда со стелой и изваянием. На ряде зимовок удалось обнаружить предметы материальной культуры калмыков. Стационарные работы были проведены на многослойной стоянке каменного века Шатырбулак, погребально-ритуальном комплексе Калмаккырган, на могильнике бронзового века Шатырбулак 2 и на тюркской поминальной ограде.

Стоянка Шатырбулак

Памятник расположен в 2 км к СЗ от села Акшиман, с левой стороны от одноименного родника, на юго-западном берегу пресного озера, в 0,2 км к ЮЗ от фермы «ЛСП» и в 0,1 км к СВ от могильника Шатырбулак 2. Стоянка приурочена к островному участку, расположенному между двух русел ручья и родникового стока, впадающего в пресное озеро. Занимает площадь около 1000 кв. м ровной площадки, поросшей чием, и, ближе к роднику, переходящей в кочкарник. На таком пограничном участке кочкарника был заложен шурф, ориентированный по сторонам света, размерами 1×1 м и глубиной 0,9 м. Культурные напластования памятника содержат не менее четырех слоев, общей мощностью 0,85 м:

Слой 1 – почвенно-растительный слой черного цвета, гумус, гл. 0–0,2 м.

Слой 2 – вязкий, темно-коричневый суглинок, гл. 0,2–0,4 м.

Слой 3 – вязкий, светло-коричневый суглинок, гл. 0,4–0,6 м.

Слой 4 – вязкий, светло-серый суглинок, гл. 0,6–0,85 м.

Слой 5 – вязкий, серо-зеленый, иловато-пятнистый суглинок, образованный донными отложениями родника, является материком или стерильной прослойкой (?). Данный вопрос не удалось выяснить до конца из-за высокого уровня грунтовых вод.

В выделенных горизонтах обнаружены археологические комплексы различных периодов каменного века. Слой 1 содержит материалы неолит–энеолитического времени из отщепов и макролитов, которые встречаются и ниже. В слое 2 получены артефакты из светло-серой яшмовидной породы, представленные индустрией атбасарского типа, схожей с материалами слоя 2а многослойной стоянки Шидерты 3 [Мерц В.К., 2004, с. 25–26]. В слое 3 обнаружены материалы, синхронные раннему неолиту, аналогичные комплексам Центрального Казахстана и, прежде всего, стоянке Шидерты 3 [Мерц В.К., 2004, с. 27–29]. Из слоя 4 происходят артефакты эпохи мезолита,

близкие индустрии слоёв 5 и 6 стоянки Шидерты 3. Необходимо отметить, что выходы кремня и яшмокварцитов, широко использовавшиеся обитателями региона в эпоху мезолита, обнаружены здесь же, у родника, на коренном склоне, из-под которого он течет. Остальное сырье, представленное различными видами кварцитов, фтанитов и алевролитов, является приносным, но их выходы, в основном, также широко представлены в окрестностях Калмаккыргана.

Первые исследования стоянки Шатырбулак показали, что она является опорным хроностратиграфическим объектом эпохи мезолита–неолита для данного региона Северо-Восточной Сарыарки. Изучение таких памятников очень перспективно для решения вопросов, связанных с происхождением культур конца каменного века и расселением их носителей. Ранее в Майском районе была известна лишь стоянка у родника Сатек-Макаш, расположенная в 1,5 км к ЮВ от с. Акшиман, где в 2010 г. была собрана коллекция каменных орудий и керамики эпохи неолита–энеолита. А также открытые в 2011 г. стоянки эпохи неолита на берегу оз. Кемертуз и мезолита на левом берегу реки Тундык, в районе бывшего аула Масашат [Мерц В.К., 2019**б**, с. 16]. Еще несколько объектов каменного века и единичных находок, соответствующих культурно-хронологическим и индустриальным комплексам многослойной стоянки Шатырбулак, были выявлены и в других местах горного массива Калмаккырган, где их изучение имеет определенные перспективы.

Погребально-ритуальный комплекс «Калмаккырган»

Некрополь находится в 10 км к ЮЗ от аула Акшиман, у юго-западных склонов гор Калмаккырган. Впервые он был обследован Павлодарской археологической экспедицией под руководством В. К. Мерца в 2008 г. Памятник состоит из оград эпохи бронзы и курганов раннего железного века, среди которых имеется одно сооружение с каменными грядами («усами») [Мерц В.К., 2010**б**, с. 492]. Исследованию было подвергнуто самое монументальное сооружение могильника – большая квадратная ограда-курган, поскольку культурно-хронологическая принадлежность подобных объектов еще не определена. Первоначально раскоп, ориентированный по оси центрального каменного ящика, включал только ограду-курган. Однако, в процессе расчистки каменных конструкций, были обнаружены новые сооружения, в результате чего площадь раскопа достигла 495 кв. м.

После расчистки объекта удалось установить, что каменная ограда была воздвигнута из плашмя положенных блоков, имеет квадратную форму со сторонами размером 17×17 м. В ее центре находится погребальная камера прямоугольной формы, размерами 2,5×1 м и глубиной 0,5 м, сооруженная из шести массивных каменных плит. Основание конструкции углублено в материк на 0,1–0,15 м (фото 2). Вокруг камеры сооружена каменная насыпь диаметром 10 м из «рваного» камня, уложенного в три слоя. Остальная поверхность, в пределах ограды, вымощена плоскими плитами, образующими ровную площадку (фото 3). Вскрытие заполнения каменного ящика показало, что погребение было разрушено в древности в результате неоднократного проникновения. В его заполнении были обнаружены обломки каменных мотыг, а также стенок и перекрытий склепа. Какой-либо датирующий материал в

могиле отсутствовал. Возле каменного ящика, с северо-восточной стороны, были обнаружены две каменные мотыги (рис. 1, *1, 2*).

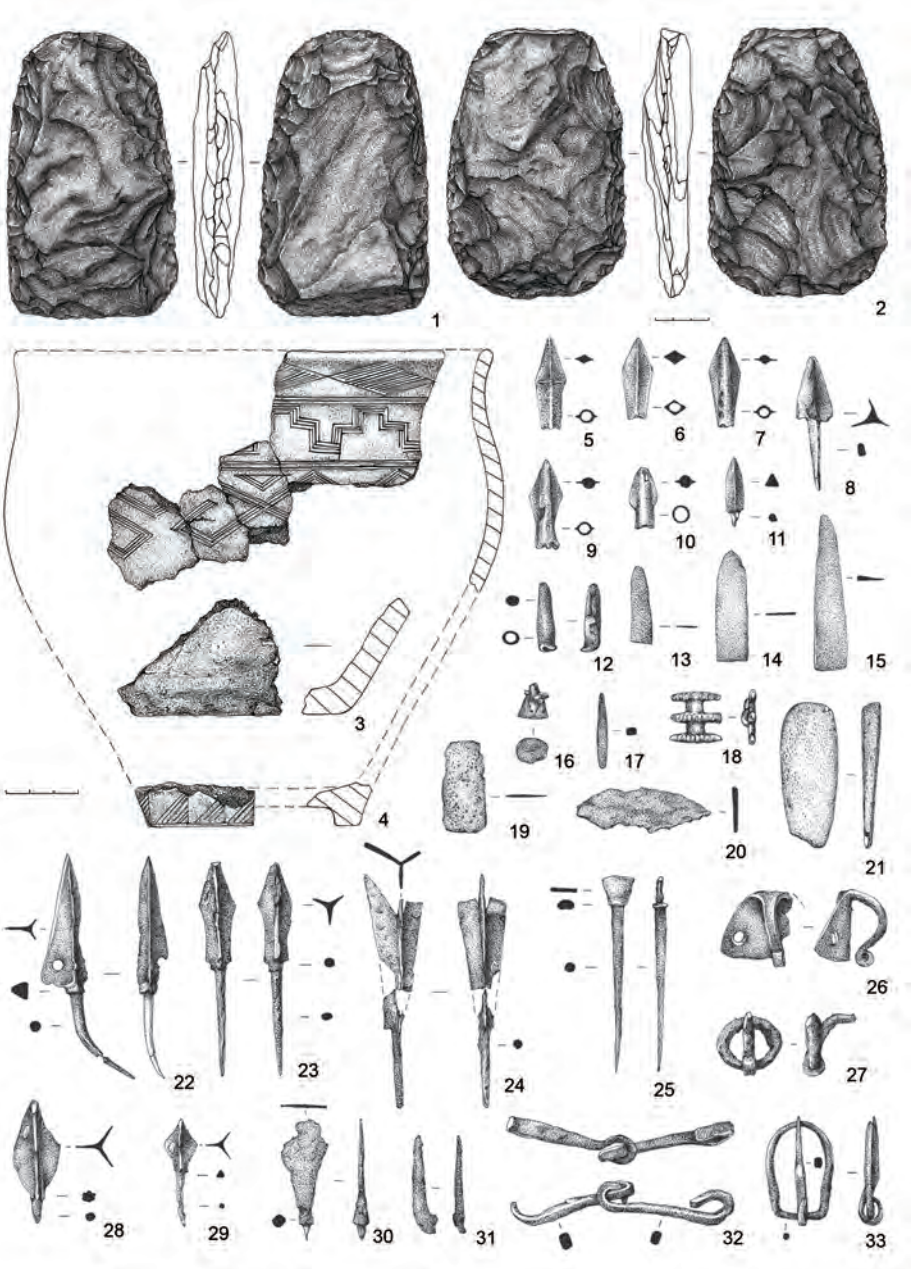

Рис. 1. Археологические находки из памятников горного массива Калмаккырган:
1–2 – находки из ограды-кургана Калмыккырган; 3–4 – находки из ограды № 1 мог. Шатырбулак 2; 5–21 – находки из поселений раннего железного века;
22–25, 29–33 – находки с поселений раннего и развитого средневековья;
27–28 – находки из насыпи кургана с каменными грядами («усами»);
9 – мотыга из тюркской ограды

С северо-западной стороны ограды-кургана фиксируются несколько овальных и округлых конструкций из плоских плит диаметром 2–3–7–10 м. Исследование этих объектов будет продолжено в новом полевом сезоне. К юго-восточной стороне главного сооружения примыкали две овальные ограды из плоских плит. Размеры самой большой, ориентированной по линии С–Ю, достигали 9×7 м, а маленькой, вытянутой по линии СЗ–ЮВ, – 1,6×1 м (фото 3). В маленькой ограде на древней дневной поверхности были обнаружены зольные пятна и остатки мелких угольков и косточек. Рядом с этим сооружением был найден обломок мотыги. Среди камней курганной насыпи и около большой пристройки были обнаружены единичные зубы лошади и КРС.

Несмотря на полученные материалы, открытым вопросом остаётся культурно-хронологическая принадлежность исследованной ограды-кургана. Среди пяти найденных артефактов, три представлены обломками. Остальные предметы размерами 15,7×10,1×2,9 см и 16,6×9,6×2,9 см имеют плоскую удлиненно-подтрапециевидную форму с двусторонней обработкой и тщательно выделанными краями (рис. 1, *1, 2*). В целом они напоминают изделия некой карасорской культуры, существовавшей, по мнению А. Г. Медоева, на северо-восточных склонах Сарыарки в конце каменного века [Медоев, 1982, с. 26–28]. Подобные орудия широко представлены в энеолитическом слое стоянки Шидерты 3, что лишь косвенно может свидетельствовать об их раннем возрасте, в пределах III тыс. до н.э. Однако такой ранний возраст для всего сооружения требует дополнительной аргументации, что, возможно, удастся уточнить при дальнейшем изучении конструкций в западном секторе. Необходимо отметить, что в целом мотыги данного типа не характерны для памятников эпохи бронзы. Между тем нельзя исключать и позднюю датировку исследованной ограды-кургана в пределах II тыс. до н.э. Ближайшими аналогиями калмаккырганскому объекту является аналогичная конструкция на могильнике Сабындыколь III в Баянаульском районе [Мерц В.К., 2010**а**, с. 282] и исследованная нами в 2010 г. подквадратная ограда без курганной насыпи могильника Шидерты 13, где единственными находками являются каменные макролиты и единичные кости животных. Таким образом, предварительно ограду-курган комплекса Калмаккырган можно датировать в пределах бронзового века, имеющего по новым данным, весьма протяженную хронологию в пределах III–II тыс. до н.э. [Мерц, Святко, 2016, с. 127, 139].

Работы на могильнике эпохи бронзы Шатырбулак 2

Могильник эпохи развитой бронзы Шатырбулак 2 расположен в 2 км к СЗ от села Акшиман, западнее родника, в одноименном урочище, представляющем межгорную ложбину стока с небольшим пресным озером и родником. Памятник приурочен к правому берегу временного водотока и коренному склону. На погребальном поле фиксируются несколько десятков, едва заметных, округлых оград с пристройками.

На восточной периферии некрополя была исследована округлая каменная ограда размерами 3,8×3,1 м. Вокруг неё был разбит раскоп площадью 18,4 кв. м (фото 4). После снятия дерна и зачистки поверхности, в центре сооружения была

выявлена грунтовая могила размерами 1,7×1,3 м и глубиной 0,4 м, перекрытая каменными плитами. В западной части она была нарушена. В заполнении лаза были обнаружены фрагменты керамики, пастовая бусина и человеческие кости. На дне погребения находился скелет ребенка, лежавший на левом боку с подогнутыми ногами. Кости черепа, как и стоявшие рядом керамические горшки, были разрушены (фото 5). Обнаруженные фрагменты керамики происходят от двух сосудов. Один из них представлял собой плавнопрофилированный горшок с поддоном, украшенный нарезным геометрическим орнаментом. От второй емкости сохранился лишь фрагмент придонной части без орнамента (рис. 1, *3, 4*). Погребальный обряд, форма и орнамент сосудов позволяют надежно отнести исследованное погребение могильника Шатырбулак 2 к алакульской (атасуской) культуре андроновской культурно-исторической общности [Ткачев, 2002, с. 193]. На основании радиоуглеродных данных установлено, что алакульское население существовало в XVIII–XVII вв. до н.э. [Епимахов, 2016, с. 64]. Кроме Шатырбулака 2, в регионе известны еще пять могильников эпохи развитой и поздней бронзы – Шатырбулак 1, Косбулак 1–2, Тюлькубай, относящихся к алакульской (атасуской) и федоровской (нуринской) культурам. Погребения эпохи бронзы и раннего железа представлены у кладбища Беримжан зираты, в центральной части гор, но здесь все они сильно разрушены, особенно курганы с каменными ящиками. Все эти погребальные комплексы свидетельствуют о том, что населением андроновской культурно-исторической общности и их последователями были хорошо освоены северные окраины горного массива, где имеются родники и пресные озера, определяющие характер их расселения в данном регионе.

Дальнейшее изучение некрополя Шатырбулак 2 может дать расширенную выборку керамического и антропологического материала, но вряд ли изменит сложившиеся представления о погребальном обряде и материальной культуре алакульской культуры региона. Новые материалы могут дать лишь поселенческие комплексы, которые здесь пока не выявлены, В связи с этим возникает задача по поиску поселений эпохи бронзы в горном массиве Калмаккыргана.

Работы на месторождении Коктас

В процессе геолого-разведочных работ на меднорудном месторождении Коктас, расположенном в окрестностях Калмаккыргана, были обнаружены человеческие останки* (*Выражаем признательность главному геологу Б. М. Кабазиеву, старшему геологу М. Утегулову, начальнику участка М. Ауезову и водителю Н. Аубакирову за сообщение о нахождении костных останков и содействие в обследовании месторождения). Обследование местонахождения показало, что в результате произведенной буровиками пробной выборки породы рядом с карьером XIX в. рудопромышленника Попова [Павлодарское Прииртышье, 2003, с. 491] была вскрыта часть древней выработки с человеческими останками (фото 6). Расчистка остатков *in situ* человеческого скелета на северном склоне борта карьера показала, что он лежит в необычной позе, головой на запад, с подогнутыми ногами и правой рукой, левая рука была вытянута в сторону. Череп проломлен в затылочной

Фото 6–11. Археологические исследования в горах Калмаккырган: 6 – рудник Коктас, вид на местонахождение костных останков; 7 – наконечник стрелы с древком; 8 – скелет человека в древней выработке; 9 – наконечник стрелы и кости человека; 10 – тюркская ограда после расчистки; 11 – стела и антропоморфное изваяние возле тюркской ограды

части, а в области поясничных костей зафиксирован бронзовый трехгранный наконечник стрелы с остатками древка, который, видимо, находился в теле этого человека (фото 7; 8).

За этим скелетом был обнаружен еще один череп, уходящий в борт карьера, рядом с которым находятся какие-то металлические вещи, вероятно, наконечники стрел, которыми он также был поражен. Однако из-за угрозы обрушения бортов карьера дальнейшая расчистка была приостановлена, а захоронение законсервировано. Рядом с этими костяками, на осыпях, обнаружен еще один наконечник стрелы. В 3 м к востоку, в борту карьера, были зафиксированы останки поясничной части скелета, лежавшего уже в другом направлении, среди костей которого найден двухлопастной втульчатый наконечник стрелы раннесакского типа. Такой же наконечник находился возле раздробленных костей голени, расчищенных на склоне осыпей борта карьера, видимо, происходящих от того же скелета (фото 9). Еще несколько изделий было найдено в отвалах.

Таким образом, на основании полученного материала, можно сделать вывод, что в древнем карьере находятся останки убитых людей. В связи с чем актуальным вопросом является определение их профессиональной принадлежности и связь с данным горнорудным объектом. Являются ли они рудокопами или лицами, убитыми в результате боевого столкновения, тела которых не были погребены, но собраны и брошены в карьер? Найденные наконечники стрел позволяют надежно датировать человеческие костные останки рубежом VIII–VII вв. до н.э. Этот интереснейший, с точки зрения исторической событийности, факт требует специального изучения, которое планируется провести в следующем году.

Кроме этого, на территории месторождения находятся и другие археологические памятники, выявленные одним из авторов данного сообщения в 2011 г. Среди них каменные ограды эпохи бронзы, курганы, остатки жилых конструкций и производственные участки, связанные с металлургическим производством и требующие специального изучения. На территории поселения древних рудокопов буровиками сделаны технические траншеи и сливные ямы. В их разрезах фиксируется мощный золистый слой, откуда происходят бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с укороченной втулкой, обломки кайлообразных орудий, медные слитки, крупные фрагменты и развалы керамических сосудов, большое количество фаунистических остатков. На поверхности поселения четко фиксируются остатки каменных конструкций жилищ. Полученный археологический материал поселения датируется поздним бронзовым веком (вторая половина II тыс. до н.э.) и относится к бегазы-дандыбаевской культуре. Дальнейшее исследование памятника требует разработки специального проекта по его комплексному изучению.

Раскопки тюркской поминальной ограды

Памятник расположен на левом берегу глубокого сая, справа от дороги, идущей вокруг горного массива Калмаккырган по его западной стороне с севера на юг. Состоит из четырех плит длиной около 2 м, уложенных по сторонам

света с наклоном наружу. Внутренняя часть ограды была заполнена мелкими камнями, образующими небольшую насыпь. С юго-западной стороны объекта обнаружена крупная стела длиною около 3 м, стоявшая в центре ограды, где найдено ее основание (фото 10). Рядом со стелой находилось небольшое каменное изваяние антропоморфного типа с выделенной головой, которое, видимо, находилось с восточной стороны (фото 11). Среди камней, заполнявших ограду, найдена каменная мотыга. В самой ограде были исследованы ямы, заполненные золистой супесью, содержавшие кости животных и медную заклепку. С восточной стороны сооружения находилась, расколотая на две части, небольшая каменная плита со следами обработки по краям. Недалеко от ограды были обнаружены железные кованые гвозди и несомкнутое кольцо, которые, вероятно, относятся к периоду ее функционирования. В процессе изучения памятника выяснилось, что он находится на месте стоянки каменного века, относящейся к эпохе мезолита–неолита. Об этом свидетельствуют, полученные в ходе раскопок, каменные орудия и отходы производства, выполненные из желтого яшмокварцита и патинированного кремня.

В настоящее время тюрских поминальных оград в Центральном Казахстане изучено не много [Дмитриев, Жусупов, 2019, с. 144]. Сооружения с центральной стелой и изваянием встречаются еще реже. В Центральном Казахстане подобные объекты исследованы на могильниках Ак-Койтас 4 и Соран I [Пересветов, 2015, с. 635–636]. Существование подобных памятников подтверждает идею отдельных исследователей о том, что некоторые тюркские поминальные ограды могли сооружаться на месте культовых объектов раннего железного века [Пересветов, 2015, с. 637], как, видимо, и курганы с каменными грядами («усами»). Это положение подтверждается находками железного трехлопастного наконечника стрелы, и пряжки тюркского времени на одном из таких сооружений, расположенном на северо-западном склоне гор Калмаккырган (рис. 1, *27, 28*). В целом, время возведения, около древней стелы, квадратной ограды предварительно можно отнести к VI–VIII вв.

Разведочные работы

В процессе археологической разведки, проводившейся в центре горного массива Калмаккырган и его окрестностях, удалось выявить множество новых объектов и единичных находок, внесенных в специальный реестр с указанием географических координат и перечня собранного материала. Одним из наиболее важных результатов этой работы, стало открытие памятников наскального искусства, впервые выявленных в этом регионе. Они представлены двумя небольшими местонахождениями петроглифов, эпиграфической надписью с тамгой и тремя скальными навесами с остатками росписей, нанесенных красной охрой. «Писаницы» Калмаккыргана схожи с росписями в горах Баянаула, Каркаралы, Кокентау и составляют единую цепь памятников подобного типа, тянущихся от Южного Урала, через Восточную Сарыарку, до Южного Алтая и Тянь-Шаня [Мерц И.В., Антонов, 2019, с. 208].

Были обнаружены поселения ранних кочевников, содержащие стандартный набор инвентаря – фрагменты керамики, каменные мотыги, оселки,

бронзовые наконечники стрел, обломки ножей и предметы металлургического производства (рис. 1, *5–21*). Впервые были найдены тюркские поминальные оградки с каменными изваяниями и средневековые поселенческие объекты со следами металлургической деятельности. Помимо этого, найдено множество единичных предметов, как на поселенческих объектах раннего железного, средних веков и Нового времени, так и за их пределами, на степных и горных участках. Это – каменные пряслица, точильные камни, фрагменты керамики, наконечники стрел, образцы торевтики, фаянсовой посуды и другие предметы (рис. 1, *22–33*).

Среди таких предметов выделяются вещи, которые можно отнести к материальной культуре калмыков и казахов (рис. 2). Это – обломки китайских монет XVIII в. (рис. 2, *2*), декоративно украшенные распределители ремней от конской сбруи (рис. 2, *1, 4*), поясные пряжки (рис. 2, *5*), накладные бляшки на колчаны и седла (рис. 2, *3, 6, 10, 12, 13, 17*), детали портупейного крепления (рис. 2, *7–8, 16*), накладки на пояса и на перстни (рис. 2, *11, 14*), подвески (рис. 2, *9, 15*) и наперстки (рис. 2, *18*). Отличительной особенностью калмыцких изделий является их необычное декорирование с использованием буддийской символики, в виде различных вариаций лепестков лотоса. Аналогии этим предметам наблюдаются в декоративно-прикладном искусстве калмыков и родственных им бурятов [Бобров, Худяков, 2008, с. 145]. Некоторые из этих вещей могут быть трофейными, что также не исключает присутствие их в этом регионе, подтверждаемое и письменными источниками [Ерофеева, 2019, с. 126].

Основная масса этих предметов была найдена на поселениях, расположенных в предгорной зоне, или приуроченных к северо-восточным склонам гор Калмаккырган, где, видимо, и была их основная концентрация. В связи с этим устанавливается основное место расселения калмыков и расположения их основных сил в данной местности, по которым должны были нанести удар отряды казахского ополчения во время событий 1741 г., получивших впоследствие отражение в местной топонимике. Данные предположения будут проверяться результатами дальнейших исследований на новых местах обнаружения калмыцких предметов. Работа по изучению выявленных памятников и полученных на них материалов будет продолжаться.

Заключение

Таким образом, в результате проведенных работ выявлены и определены основные этапы развития материальной и духовной культуры древнего населения горного массива Калмаккырган и его округи. Это памятники мезолита–неолита, среднего и позднего бронзового века, раннего железного века, раннего, развитого средневековья, Нового времени и этнографии. Большое значение для её успешного проведения имело привлечение к данному проекту специалистов по наскальному искусству, с помощью которых удалось выявить новые памятники. Полученные результаты полевого сезона 2019 г. открыли перспективы по дальнейшему изучению региона археологами различных направлений и наполнению истории Калмаккыргана реальным содержанием.

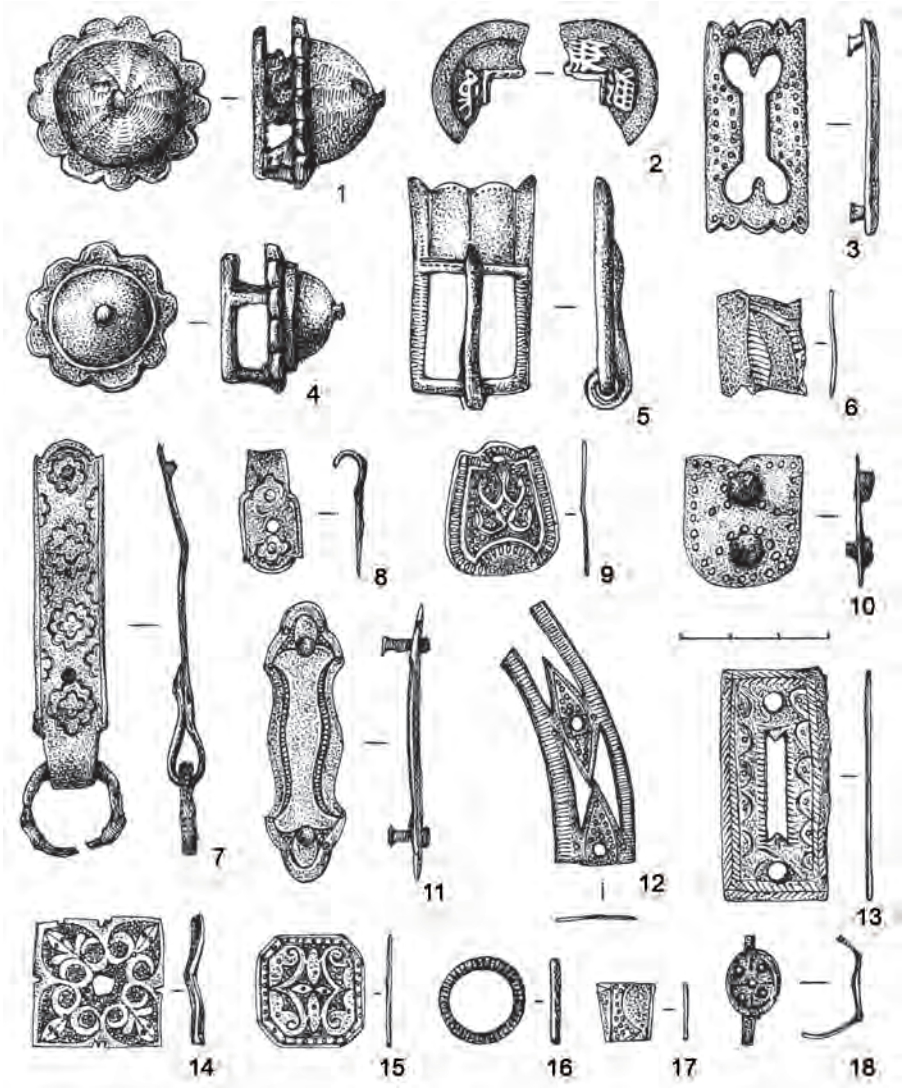

Рис. 2. Калмыцкие материалы из поселений горного массива Калмаккырган: 1 – Нургожа; 2 – зимовка № 112; 3 – зимовка № 84; 4–6 – зимовка № 110; 7–8 – стоянка № 30; 9 – Бзаукора 2; 10 – случайная находка; 11–15 – Босага; 16 – Каражира; 17–18 – зимовка № 127

Это создает возможность включения новых выявленных памятников в туристические маршруты. На данный момент объектов, связанных с военными действиями, относящихся к казахско-жонгарским войнам XVIII в., и однозначно определяемых как калмыцкие, не обнаружено. Но отдельные предметы, выявленные среди остального археологического материала, собранного на старых зимовках, с уверенностью могут быть отнесены к изделиям калмыцкого ремесленного производства. Эти находки являются первым шагом к изучению

материальной культуры калмыков и связанных с ними исторических событий, которые необходимо продолжить. В целом, удалось наметить главные направления исследований в этом районе, которые будут проводиться Центром археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова в ближайшие годы.

Благодарности

Выражаем признательность инициаторам проекта, председателю Павлодарского отделения партии «Аыул» Е.Н. Байгурманову и его сподвижникам, акиму Акшиманского сельского округа К. Б. Бакауову за оказанную помощь в организации и проведении работ, а также учителю трудового воспитания Акшиманской школы и краеведу Н. Б. Жумадилову, активно участвовавшему в работе экспедиции и всем жителям, и уроженцам с. Акшиман и Майского района, принявшим участие в изучении истории родного края.

Литература

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская Н.В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: Археологическая экспертиза, 2019. 776 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филфак СПбГУ. Сер. HistoriaMilitaris, 2008. 776 с.

Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С. Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // ТиПАИ. 2018. № 1 (21). С. 144-154.

Епимахов А.В. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // ВААЭ. 2016. № 3 (34). С. 60-67.

Ерофеева И.В. Памятное место Калмаккырган // Битва у Сериктас шайқасы (Ертістің Сарыарқа өңіріндегі қазақ-қалмақ саяси қатынастары. XVIII ғ.о.): ғылыми басылым. Павлодар: изд-во «Toraighyrov University», 2019. С. 105-136.

Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е., Калдыбеков Б.Н., Жанаев Б.Т., Кузнецова Л.Л., Сала Р.Д., Нигматова С.А., Деом Ж.-М.П. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 276 с.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 64 с.

Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов Северо-Восточного Казахстана // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2004. № 1. С. 23-33.

Мерц В.К. Могильник СабындыкольIII // Свод памятников истории и культуры. Павлодарская область. Алматы: «Аруна», 2010**а**. С. 282-283.

Мерц В.К. Погребально-ритуальный комплекс Калмаккырган // Свод памятников истории и культуры. Павлодарская область. Алматы: «Аруна», 2010**б**. С. 492-493.

Мерц В.К. Отчет об археологических исследованиях в горах Калмаккырган по проекту «Археолого-этнографическое изучение горного массива Калмаккырган и его окрестностей». Павлодар: изд-во ПГУ им. С. Торайгырова, 2019**а**. 131 л.

Мерц В.К. Қалмаққырған жерінен табылған археологиялық деректер (Прошлое Калмаккыргана по археологическим данным) // Битва у Сериктас шайқасы (Ертістің Сарыарқа өңіріндегі қазақ-қалмақ саяси қатынастары. XVIII ғ.о.): ғылыми басылым. Павлодар: изд-во «Toraighyrov University», 2019**б**. С. 4-41.

Мерц И.В., Антонов М.А. Грот Енбек с наскальными росписями в окрестностях г. Талдыкоргана // Отан тарихи. 2019. № 2 (86). С. 200-214.

Мерц И.В., Святко С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // ТиПАИ. 2016. № 1 (13). С. 126-150.

Павлодарское Прииртышье. Энциклопедия. Алматы: «Эверо», 2003. 678 с.

Пересветов Г.Ю. Каменные оградки с центральной стелой раннего железного века и тюркским изваянием (к вопросу о времени сооружения) // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: матер. междунар. конф. в Хух-Хото, 12-16 октября 2015 г. Хух-Хото: Science press, 2015. Т. 2. С. 634-642.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Д. Б. Дүйсенбай, Д. Т. Шашенов, Н. Ш. Жұманазаров

2018 жылы ТОРҒАЙ ӨҢІРІНЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ БАРЛАУ ЖҰМЫСТАРЫ

2018 жылы Торғай өңіріне Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қызметкерлері тарапынан барлау жұмыстары жүргізілді. Соның нәтижесінде 4 сақ дәуірінің ескерткіші, 17 қазақ заманының қыстауы мен 7 қазақ зираты және 8 араб қарпімен жазылған құлпытас, 2 суландыру жүйесі табылды. Барлау жұмысы кезінде қазақ ескерткіштері көптеп табылды. Қазақ қыстауларының топографиясы, планиграфиясы, сақталу жағдайының мәселелері қарастырылды. Негізгі назарға қазақ қыстаулары мен қорымдарының барлығы саман кірпіштен салынғандықтан, шайылу қаупінің аса жоғары екендігі және олардың жойылып кету алдында тұрғандығы белгілі болды. Қазақ зираттарындағы араб қарпімен жазылған құлпытастардың басым көпшілігі құлап қалған және жазулары өше бастаған. Табылған қазақ заманының қыстаулары Торғай өңірінен және көршілес аумақтардан бұрын табылған осыған ұқсас ескерткіштермен салыстыра келіп, олардың XIX ғасырдан бастап XX ғасырдың 60 жылдарына дейін өмір сүргендігін анықтауға болады.

Түйін сөздер: Археологиялық барлаулар, қазақ қыстаулары, қорымдар, құлпытас, ескерткіштерді сақтау және қорғау

Археологические разведочные работы, проведенные в Тургае в 2018 году

В статье освещаются некоторые результаты разведочных работ, проведенных сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана в Тургае в 2018 г. Итогом исследований стало обнаружение четырех памятников сакской эпохи; 17 зимовок казахского времени; семи казахских кладбищ и восьми кулпытасов, содержащих надписи, выполненные арабской вязью, а также остатков двух оросительных систем. Приоритетным направлением работы являлись памятники материальной культуры казахов. Также рассматриваются проблемы топографии, планиграфии и сохранности казахских зимовок. Основной акцент был сделан на то, что все казахские зимовки и могильники находятся под угрозой размыва и разрушения из-за того, что они построены из саманного кирпича. Большинство надгробных камней казахских могил с арабской надписью упали, надписи стерты. На основании сравнения казахских зимовок с аналогичными памятниками, ранее найденных в Тургае и соседних регионах, можно определить, что они существовали с XIX века до 60-х годов XX века.

Ключевые слова: археологические исследования, казахские зимовки, могильники, надгробный камень, сохранение и охрана памятников

© Данияр Б. Дүйсенбай, *Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ. Қазақстан; Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан;* daniar_db88@mail.ru

Дархан Т. Шашенов, *Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан*

Нұрлан Ш. Жұманазаров, *Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ. Қазақстан*

The archaeological field works, held in Turgay in 2008

The article tells about the exploratory works, held by the staff of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology in the Turgay in 2018. As a result of the finding 4 monuments of the Saka period, 17 wintering sites of the Kazakh time, 7 Kazakh cemeteries and 8 monuments with the Arabic inscription and 2 irrigation systems were discovered. The main direction of the work is the Kazakh monuments. As well as, the issues of topography, planigraphy and state of preservation of the Kazakh wintering sites are noted. The special attention is given to the fact that all the Kazakh wintering sites and cemeteries are under the threat of washing out and destruction because they were built from airbricks. Most of the gravestones with the Arabic inscription at the Kazakh graves fell and writings are erased.

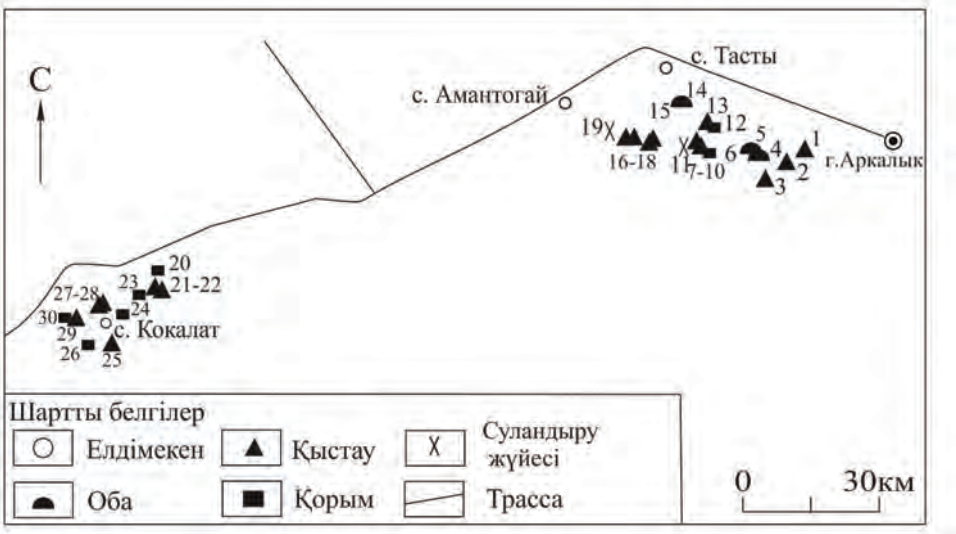
It is possible to define that they existed from the XIX century to the 60s of the XX century, comparing the found wintering sites of the Kazakh time with the similar monuments, found earlier in the Turgay and neighboring territories.

Keywords: archaeological research, Kazakh wintering, burial grounds, gravestone, preservation and protection of monuments

Торғай өлкесі ежелден Сарыарқа тарихи ауданының солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан. Археологиялық ескерткіштерінің зерттелуі жағынан кенже қалып қойған аудандардың қатарына жатады. Осы күнге дейін зерттелген ескерткіштер тас ғасырынан бастап этнографиялық уақытқа дейінгі аралықты қамтиды. Ескерткіштері зерттеу аясынан тыс қалып келе жатқан Торғай өңірі зерттеу жұмыстарын қажет ететін археологиялық аудандардың бірі.

Соңғы жылдары Сарыарқа жеріндегі XIX ғасыр – XX ғасырдың бірінші жартысы аралығын қамтитын қазақ ескерткіштерін, оның ішінде қазақ қыстауларына зерттеулерді археолог А. З. Бейсенов жүргізген болатын. Зерттеу аймақтарына: Қарқаралы, Ақтоғай, Атасу және Торғай өлкелері кірді [Бейсенов, 2019, с. 14]. Жоғарыда аталған аудандардың ішінде Торғай өңіріне 2015–2017 жылдары барлау жұмыстары жасалды. Зерттеу жұмыстары Қостанай облысының оңтүстік бөлігіндегі Арқалық, Амангелді және Жангелді аудандарын қамтыды. Соның нәтижесінде көне дәуір ескерткіштерімен қатар, қазақ қыстаулары да табылып, бірқатар қазақ жерлеу ескерткіштері тіркелді [Базарбаева, Джумабекова, 2017, с. 5]. Барлығы 50 астам қорым мен оба, 40 астам қазақ қыстаулары мен зираттары, 10 астам араб қарпімен жазылған құлпытас тіркелді. Осы жұмыстардың барлығы осы өлкеде жүргізілген шағын, әрі қысқа уақытта жүргізілген далалық археологиялық зерттеулердің негізінде жасалды [Бейсенов, 2019, с. 14].

2018 жылы Торғай өңіріне жасалған барлау жұмыстары ары қарай өз жалғасын тауып, Торғай, Қабырға, Тасты өзендерінің алқабына барлау жұмыстары жүргізілді. Зерттеу жұмыстарының жалғасында Қостанай облысының екі ауданына (Аманкелді, Жанкелді) барлау жұмыстары жүргізіліп, зерттеу нәтижесінде көптеген ескерткіштер табылды. Зерттеу ауқымы Тасты және Қабырға өзендерінің алқаптарын қамтыды. Сақ дәуірінің 4 нысаны тіркелді. Барлау барысында негізінен, көп табылған нысандар – қазақ заманының ескерткіштері. Барлық саны – 17. Одан бөлек, 7 қазақ зираттары мен солардың ішінде орналасқан 8 араб қарпімен жазылған құлпытас табылды. Сонымен қатар, 2 суландыру жүйесі Тасты өзенінің орта ағысы тұсында орналасқан (сур. 1).

Сур. 1. Торғай өңірінен барлау кезінде табылған ескерткіштердің картасы: 1, 2 – Байғожа қыстауы; 3 – Қарасүлеймен қыстауы; 4 – Байғожа обасы; 5 – Байғожа 2 обасы; 6 – Әлмағамбет зираты; 7 – Әлмағамбет қыстауы; 8 – Кәрібай қыстауы; 9 – Түлекбай қыстауы; 10 – Қайсар қыстауы; 11 – Қайсар суландыру жүйесі; 12 – Нұрмағамбет мазары; 13 – Нұрмағамбет қыстауы; 14 – Қоянбай қорымы; 15 – Қоянбай обасы; 16 – Қоянбай қыстауы; 17 – Қоянбай 2 қыстауы; 18 – Йірім қыстауы; 19 – Йірім суландыру жүйесі; 20 – Дәу зираты; 21 – Байқадам қыстауы; 22 – Жартоғай қыстауы; 23 – Боранқұл зираты; 24 – Шәкір ата зираты; 25 – Аралбай қыстауы; 26 – Өске; 27 – Ақтікен қыстауы; 28 – Ақтікен 2 қыстауы; 29 – Қазыбай қыстауы; 30 – Қазыбай зираты

Ерте темір дәуіріне жататын ескерткіштер Тасты өзенінен онша алыс емес жерде орналасқан. Оның үшеуі жекелей орналасқан оба болып табылады. Диаметрлері 5 м, биіктіктері 0,25–0,3 м. Тас-топырақ үйінділі. Үйіндіден тонау белгілері байқалмайды. Сәл биіктеу дөңнің үстінде орналасқан. Ал, құрамында 4 тас-топырақ үйінділі обасы бар Қоянбай қорымы жазықтау жерде орналасқан. ССБ–ООШ бағытта созылған обалардың тізбегі 200 м-ді құрайды. Обалардың ара қашықтығы 50 м. Диаметрлері 13–24 м, биіктіктері 0,8–1,7 м-ге тең. № 2 обаның жоғарғы бөлігі тегістеліп кеткен. Айнала диаметрі 30 м, жалпақтығы 2,5 м болатын ор қоршап жатыр. № 3 обаның үйіндісінде кейінгі қазақи жерлеу орны салынған. Солтүстіктегі № 4 обаның жоғарғы бөлігі сол күйі сақталған. Тонау белгілері айқын көрініп жатыр (сур. 2). Бұл осы аудандағы басқа да үлкен обалар тәрізді тонауға ұшыраған [Базарбаева және т.б., 2017, с. 279].

Осы жылғы далалық ізденіс жұмыстарында қазақ ескерткіштерін зерттеуге басымдық берілді. Бұған себеп, Қазақстанның барлық аумағында, оның ішінде Торғай өңіріндегі XIX ғасыр – XX ғасырдың ортасына дейінгі аралықты қамтитын қазақ заманының ескерткіштерінің жоғалу қаупінің жоғары болуында. Соңғы онжылдықта қазақ ескерткіштерін зерттеу және

Сур. 2. Қоянбай қорымы, №3 оба

оларды сақтау мәселелері бойынша зерттеушілер – С. Әжіғали, С. Жолдасбев, А. Бейсенов, Е. Рахимов, Л. Тұрғанбаева, Э. Усманова өзекті мәселелерді көтеріп келеді [Бейсенов, 2019, с. 12].

Әрине, қазақ қыстауларын зерттеу С. Жолдасбаевтың Қазақстанның оңтүстік бөлігінде, сонымен қатар Жетісу мен Орталық Қазақстан аумағында жүргізілген жұмыстарымен басталады [Жолдасбаев, 1972; 1974; 1976; 2017; 2019; Бейсенов, 2019]. Бірнеше жылдар бойы ортағасырлық Отырарды зерттеген археолог ғалым К. А. Ақышев қазақ ескерткіштеріне қатысты бірқатар мағлұматтар мен құнды пікірлер келтіріп кетеді. Бұл ойларын Есіл өзенінің маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары кезінде қуаттай түседі [Хабдулина, 2017, с. 125].

Біз қарастырып отырған Торғай өңірінің қазақ ескерткіштері бойынша Арман Бейсеновтың көлемді мақаласы жарияланды. Онда зерттеуші: «В современных исследованиях по казахским памятникам следует исходить из положения о том, что этот пласт состоит из двух неразрывных и взаимосвязанных частей. Первая группа это памятники периода Казахского ханства, датирующиеся, главным образом XV–XVIII вв. Вторая группа памятников должна объединять памятники XIX – начала и первой половины XX в. Наименее известными, неизученными остаются памятники второй группы, которые, как оказывается, даже не в полной мере рассматриваются в качестве собственно памятников историко-культурного наследия» деп тұжырым келтіреді [Бейсенов, 2019, с. 12]. Біз сөз етіп отырған қазақ ескерткіштері, оның

ішінде қыстауларды ескерткіштердің екінші тобына жатқызамыз. Мұндай пікірімізге, қазақ қыстауларының орналасуы мен үйлердің планиграфиясы және ескерткіштердегі жер бетінен табылған заттай табылымдардың сынықтары осыны дәлелдейді.

Табылған қазақ қыстауларының топографиясына келсек, олардың басым көпшілігі, өзеннің бойында, жағаға жақын, жазықтау алаңқайда орналасқан [Бейсенов, 2019, с. 27]. Бұған Қоянбай, Түлекбай, Қайсар, Ақтікен, Ақтікен-2 қыстауларын жатқызуға болады. Бір айта кетерлігі, өзен жағалауына тым жақын орналасқан Байғожа қыстауындағы құрылыстардың жартысы жарды өзеннің шаюы салдарынан жойылып кеткен (сур. 3). Олардың нақты өлшемдері мен пішіндерін анықтау мүмкін емес. Сондықтан, барлық аймақтар бойынша жүйелі түрде зерттеу жұмыстары жасалуы тиіс. Ал, Әлмағамбет, Кәрібай қыстаулары өзеннен сәл алыстау және сәл биіктеу дөңнің оңтүстік жағында орналасқан. Бірақ желдің өтінен ықтасын жерде салынған.

Планиграфиялық жағынан қыстаулардың басым көпшілігі «Г» тәрізді және тізбекше болып салынған. «Г» пішіндес салынған құрылыстар Ақтікен, Ақтікен 2, Қоянбай 2 қыстауларынан кездеседі. Ақтікен қыстауындағы құрылыстар 4 бөлмеден тұрады. Өлшемдері 3,5×3,5 м, 4,5×3,5 м. Сақталған қабырғаларының биіктіктері 0,1–0,2 м. Қоянбай 2 қыстауының есігі оңтүстікке қаратылған. Бөлмелерді өзара байланыстыратын есіктер салынған. Әр екі бөлмеге 1 пеш орнатылған. Қызыл кірпіштің қалдықтарын қабырға бойынан байқауға болады (сур. 4). Дәл осындай «Г» пішіндес болып салынған Байғожа 2

Сур. 3. Байғожа 2 қыстауы

Сур. 4. Қоянбай 2 қыстауы

Сур. 5. Байғожа 2 қыстауы, ыдыс-аяқ сынығы

Сур. 6. Байғожа 2 қыстауы, темір қазан сынығы

қыстауындағы № 2 құрылыс бөлмелерінің арасы пешпен бөлінген. Екі үлкен және екі кішкентай бөлмеден тұратын құрылыстың өлшемдері 12×6 м және 4×3 м. Бұрын зерттеу барысында табылған Алакөл қыстауы, 5 құрылыстың пішініне ұқсас [Бейсенов, 2019, сур. 4, 5]. Беткі жағынан патша заманы тұсындағы ыдыс-аяқ пен темір қазанның сынықтары, ұста соққан темір шеге табылды (сур. 5; 6). Ескі қызыл кірпіштің сынықтары анық көрініп жатыр. Екі бөлменің арасы пешпен бөлінген болуы тиіс. Қазақтар осы типте салынған пештерді «жал» немесе «жал пеш» деп атайды. Осы әдіс арқылы барлық бөлмелерді жылытуға болады [Бейсенов, 2019, с. 24]. Жалпы, жал пештер Торғай өңірінің барлық жерінде тараған. 1872 жылы А. Байтұрсынов дүниеге келген екі бөлмелі үйдің іші жал пештің қабырғаларымен бөлінген. Үй құрылыстарын, ішкі көріністерін қалпына келтіргенде жергілікті этнографиялық түсініктерді басшылыққа алған [Бейсенов, 2019, с. 25].

Тізбекше болып келген құрылыстар Қоянбай, Қоянбай 2, Йірім, Йірім 2, Қарасүлеймен қыстауларынан кездеседі. Бөлмелердің ұзындықтары көбінесе, 3×4 м, 3,5×4 м болып келеді. Тізбекше болып салынған құрылыстар ең көп тараған құрылыс салудың дәстүріне жатады [Бейсенов, 2019, с. 24]. Мұндай типтердің алғаш пайда болуы XVI–XVIII ғасырлардағы Отырардың тұрғын үй жоспарларында кең тараған. Мұндай тұрғын үй жоспарында «кіреберіс – негізгі тұрғын үй – қойма» деп бөлініп, бір тізбектің бойында салынған. Бір-бірімен ішкі есіктер арқылы қатынайды [Смагулов, 2010, с. 72]. Торғай өлкесінде мұндай бір тізбекте орналасқан бөлмелердің саны 2-ден 4-ке дейін жетеді.

Шаршы немесе төртбұрыш пішінді құрылыстар Ашутасты, Кәрібай қыстауларынан кездеседі. Кәрібай қыстауындағы № 3 құрылыстың өлшемі 12×11 м төрт бөлмеден тұрады. Әлмағамбет қыстауында 7 бөлмеден тұратын құрылыстың өлшемі 12×20 м. Бөлмелері 5×3 м, 4×3 м, 3×3 м өлшемде салынған. Шаршы немесе төртбұрыш пішінді құрылыстардың бөлмелері көбірек және сыртпен байланыстыратын екі бөлек есік салынған. Кәрібай қыстауының екі тұрғынжайынан Кузнецов шынысының табылуына қарағанда XIX ғасырдың соңғы үшінші бөлігімен мерзімдеуге болады. Себебі, осы кезеңде мерзімделген қыстауларда Кузнецов шынысының қалдықтары жиі кездеседі. [Бейсенов, 2019, с. 30].

Тағы бір айта кетерлігі, барлық қыстауларда үлкенді-кішілі мал қамайтын қорасы бар. Олар тұрғын үйге тіркесе немесе жекелей салынған. Өлшемдері 5×8 м-ден 11×20 м-ге дейін жетеді. Кейбір құрылыстардың шығар есіктері қора арқылы шығарылған. Күлдіктер барлық қыстауларында кездеседі. Күлдіктердің өлшемдері 2×3 м, 4×4 м, 4×7 м. Биіктіктері 0,1–0,55 м. Темір шегелер, темір қазанның қалдықтары мен тағы басқа заттар табылды.

Қыстаулардан табылған заттай табылымдар мен тұрғын үй жоспары негізінде қазақ қыстауларын XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың бірінші жартысы аралығымен мерзімдеуге болады.

Сақталуы бойынша мәселелер де жетерлік. Әлмағамбет, Қайсар және т.б. қыстауларда құрылыстардың жер бетімен тегістеліп кеткендігін көруге болады. Бөлмелердің санын, ішкі планиграфиясын анықтау қиынға соғады (сур. 7). Кәрібай, Байғожа қыстауындағы жар бойына жақын орналасқан құрылыстардың жартылай жойылып кетуі қазақ қыстауларының тез арада зерттеудің қажеттілігін тудырады.

XIX ғасырлардың ортасы – XX ғасырдың 60 жылдары аралығымен мерзімделетін қазақ заманының жерлеу орындары бойынша да құнды материалдар толықты. Көкалат ауылдық округінің аумағында орналасқан Шәкір ата зиратында 4 саман кірпіштен салынған мазар орналасқан (сур. 8). Сақталуы өте нашар. Күмбезінің жоғарғы бөлігі жауын-шашыннан шайылып кеткен. Дөңгелек пішінді 4 құрылыстың өлшемдері бірдей. Диаметрлері 5,5 м. Одан бөлек 12 араб және араб-кириллица жазумен жазылған құлпытас бар. Оның төртеуі араб қарпімен жазылған. Құлпытастардың жазуы өше бастаған,

Сур. 7. Қайсар қыстауы

Сур. 8. Шәкір ата қорымы, бұзылған мазар көрінісі

Сур. 9. Шәкір ата қорымы, құлпытас

Сур. 10. Боранқұл қорымы, құлпытас

Сур. 11. Нұрмағанбет мазары

әрі жерде құлап жатыр (сур. 9). Боранқұл қорымында да құлап жатқан құлпытас бар (сур. 10). Шатырша тәрізді саманнан салынған екі жерлеу орны бар. Өлшемі 3×4,5 м болатын саман құрылыстың бір бұрышы құлап жатыр. Тасты ауылдық округіндегі ескі қызыл кірпіштен қаланған Нұрмағанбет мазары XIX ғасырда өмір сүрген Нұрмағанбет қажыға тұрғызылған. Құрылыс қабырғаларында әдемі өрнектер берілген. Салу техникасы бойынша өте жақсы қаланған құрылыстың күмбезінде де өрнектер анық байқалады (сур. 11). Одан ОБ қарай 3 км жерде саман кірпіштен салынған мазар орналасқан. Жергілікті тұрғындардың айтуы бойынша, мазарда Нұрмағанбет қажының ағасы Әлмағанбет жерленген. Құлпытастары жоқ. Йірім қорымындағы жерлеу орындарының сыртқы бейнесінен қарап, олардың ертеректе салынғандығын көруге болады. Саман мазардың орындары ғана қалған. Оның қасынан жерге батып жатқан араб қарпімен жазылған құлпытас жатыр. Жазуы оқылмайды. Құлпытастардың қазіргі жағдайы мүшкіл екендігі далалық зерттеулер кезінде анықталғандығы және шұғыл арада зерттеуді қажет екендігі осындай жағдайлармен анық байқалады [Ажигали, Бекназаров, 2011, с. 338].

Барлау кезінде табылған келесі бір ескерткіш түрі – суландыру жүйелері. Қоянбай суландыру жүйесінің ұзындығы 450 м, ені 100 м. Тасты өзенінің бойында салынған құрылыс арықтарының жалпақтығы 4 м, қазіргі тереңдігі 0,45–0,9 м. Арықтар бір-бірінен 50 м сайын тартылған. Өзеннен су қабылдайтын жеріне шілік ағашы мен қалың шөп өсіп кеткен. Торғай өңірінің суландыру жүйелерін зерттеу күн тәртібінде тұрған мәселелердің бірі. Әрі ауданның егін шаруашылығы бойынша бірқатар мәселелердің шешімін табуға септігі тиеді.

Қорыта айтсақ, Торғай өлкесіндегі қазақ ескерткіштерін жүйелі зерттеу тың материалдар легін алып келеді. Осының негізінде, олардың топография және планиграфия бойынша мәліметтер қорын ала аламыз. Торғай өлкесінің қазақ ескерткіштері бойынша тұжырымдамасын дайындап, жойылып бара жатқан нысандардың құжаттамасы жасалуы кезек күттірмес мәселелердің бірі.

Әдебиет

Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. К методике комплексного исследования архитектурных некрополей и кладбищ Западного Казахстана: предварительные замечания (Из опыта работы ЗККАЭ) // Материалы 1 и 2 Симпозиумов по казахскому памятниковедению. Алматы-Атырау: «Ағатай», 2012. С. 24-40.

Базарбаева Г., Джумабекова Г. Предисловие // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 5-9.

Базарбаева Г., Джумабекова Г., Байдалы Ж. Исследование памятников древности в округе села Ашутасты (Западная Сарыарка) // Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 275-328.

Бейсенов А.З. К.А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева

(г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 10-38.

Жолдасбаев С. 1969–1970 жылдардағы археологиялық барлау кезінде табылған қазақтың тұрақты қоныс жайлары туралы хабар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 187-193.

Жолдасбаев С. Раскопки укрепленного поселения Жалгыз-там (XV–XVIII вв.) // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 173-187.

Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 46-59.

Жолдасбаев С. Қазақ халқының тұңғыш маман археологі Кемал Ақышев // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималя Акишевича (1924–2003 гг.). Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2004. С. 76-84.

Жолдасбаев С. Қазақ елінің XV–XVIII ғасырлардағы тұрақты мекен-жайлары. Оседлые поселения казахов в XV–XVIII вв. Settlments of the Kazakh of XV–XVIII centures. Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институты, 2017 (қазақша, ағылшынша, орысша). 304 б.

Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2010. № 1. С. 70-90.

Хабдулина М.К. К.А. Акишев и Ишимская археологическая экспедиция // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 119-125.

Д. Т. Тлеугабулов

ИССЛЕДОВАНИЕ САКРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕНГИЗ-КОРГАЛЖЫНСКОГО РЕГИОНА

В 2018–2019 гг. разведочным отрядом НИИ археологии им. К.А. Акишева проведены исследования в двух районах Северной Сарыарки: в верховьях Ишима и Тенгиз-Коргалжынском оазисе. Цель данного исследования – поиск археологических памятников древности и средневековья в изучаемом районе. Система озер Тенгиз-Коргалжынской впадины и верховья р. Нура являются привлекательными для расселения как в древности, так и в настоящее время. Однако до сих пор данная территория остается малоизученной. В работе были применены методы дистанционного исследования археологических объектов, включающие в себя картографирование с указанием координат памятника в системе глобального позиционирования, описание, фотографирование. Обнаруженные в ходе разведки памятники были поделены на три группы. Также была проведена ревизия ранее исследованных памятников: мавзолеев Жанибек-Шалкар и Батагай. Применение новых методов при их исследовании позволило выявить новые характеристики данных объектов. Для комплексного изучения этих средневековых культовых объектов были проанализированы опубликованные источники.

Ключевые слова: Северная Сарыарка, Тенгиз-Коргалжынская впадина, сакральные объекты, мавзолеи, кыстау

Теңіз-Қорғалжын аймағы кеңістігінде киелі нысандарды зерттеу

2018-2019 жж. К.А. Ақышев атындағы Археология ҒЗИ барлау отряды Солтүстік Сарыарқаның екі ауданында: Есілдің жоғарғы ағысында және Теңіз-Қорғалжын оазисінде зерттеу жұмыстарын жүргізді. Бұл жұмыстардың мақсаты – зерттеліп отырған ауданда ежелгі дәуір және орта ғасыр ескерткіштерін іздеу болып табылады. Теңіз-Қоржалғын ойпатының және Нұра өзенінің жоғарғы ағысының көлдер жүйесі ежелгі дәуірде де бүгін де қоныстануға қолайлы. Алайда, бүгінгі күнге дейін бұл аймақ аз зерттелген. Зерттеу жұмыстары барысында археологиялық нысандарды қашықтықтан зерттеу әдістері қолданылды. Оған ескерткіштің жаһандық позициялау жүйесіндегі координаттары көрсетілген карталау, сипаттау, фотосуретке түсіру кіреді. Барлау жұмыстары барысында анықталған ескерткіштер 3 топқа бөлінді. Сонымен қатар бұрын зерттелген: Жәнібек-Шалқар, Батағай ескерткіштерін тексеру жүргізілді. Зерттеу барысында жаңа әдістерді қолдану бұл ескерткіштердің жаңа сипаттарын анықтауға мүмкіндік берді. Ортағасырлық ғұрыптық нысандарды кешенді зерттеу үшін бұрын жарияланған деректерге талдау жасалды.

© **Данияр Т. Тлеугабулов,** *Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан*; danchitto@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05133813

Түйін сөздер: Солтүстік Сарыарқа, Теңіз-Қорғалжын ойпаты, киелі нысандар, мавзолейлер, қыстаулар

The study of sacred objects in the space of the Tengiz-Korgalzhyn region

In 2018–2019 exploratory detachment of the K.A. Akishev Research Institute of Archaeology conducted research in two areas of the North Saryarka: in the upper reaches of Ishim and the Tengiz-Korgalzhyn oasis. The purpose of this study is to search for archaeological sites of antiquity and the Middle Ages in the studied area. The system of lakes of the Tengiz-Korgalzhyn hollow and the upper reaches of the river Nura were attractive for resettlement both in antiquity and at present. However, until now this territory remains poorly understood. In the work, methods of remote research of archaeological objects were used, including mapping with the coordinates of the monument in the global positioning system, description, photographing. Monuments discovered during reconnaissance were divided into 3 groups. An audit of previously investigated monuments was also carried out: the mausoleums of Zhanibek-Shalkar and Batagai. The application of new methods in their study revealed new characteristics of these objects. For a comprehensive study of these medieval cult objects, published sources were analyzed.

Keywords: Northern Saryarka, Tengiz-Korgalzhyn hollow, sacred objects, mausoleums, kystau

В полевых сезонах 2018–2019 гг. разведочным отрядом НИИ археологии им. К. А. Акишева проводились работы по выявлению новых сакральных памятников на территории Акмолинской области. В 2018 г. было проведено разведочное археологическое обследование на территории Коргалжынского района Акмолинской области. Были обследованы берега озер Коргалжын, Султанкельды, Жанибек Шалкар, Кокай, а также побережье р. Нура. В прошедшем полевом сезоне сотрудниками НИИ археологии им. К. А. Акишева были проведены разведочные обследования в нескольких районах Акмолинской области. Первым отрядом были обследованы берега озер Тенгиз–Коргалжынской озерной системы и реки Нура, второй отряд прошел по долинам реки Селеты и ее притокам (Карасу, Акмырза, Кедей), а также провел обследование берегов озера Жаксы–Жангызтау и реки Жабай. Работы в Коргалжынском районе являются логическим продолжением проведенного в предыдущем году исследования. В прошедшем сезоне обследованию подверглись берега озер Есей, Шолак, Когелем, Сухое, Жарсуат, Шубарсор, а также побережье реки Нура от поселка Коргалжын до ее впадения в озеро Коргалжын (рис. 1).

Цель данного исследования – поиск археологических памятников древности и средневековья в изучаемом районе. Одним из ключевых факторов, играющих роль в процессе расселения человеческих коллективов, является наличие водных ресурсов. Тем более важным этот фактор становится в условиях аридной степи. В этом свете система озер Тенгиз-Коргалжынской впадины и верховья р. Нура являются привлекательными для расселения как в древности, так и по настоящее время. Однако до сих пор данная территория остается малоизученной.

В работе были применены методы дистанционного обследования археологических объектов, включающие в себя картографирование с указанием

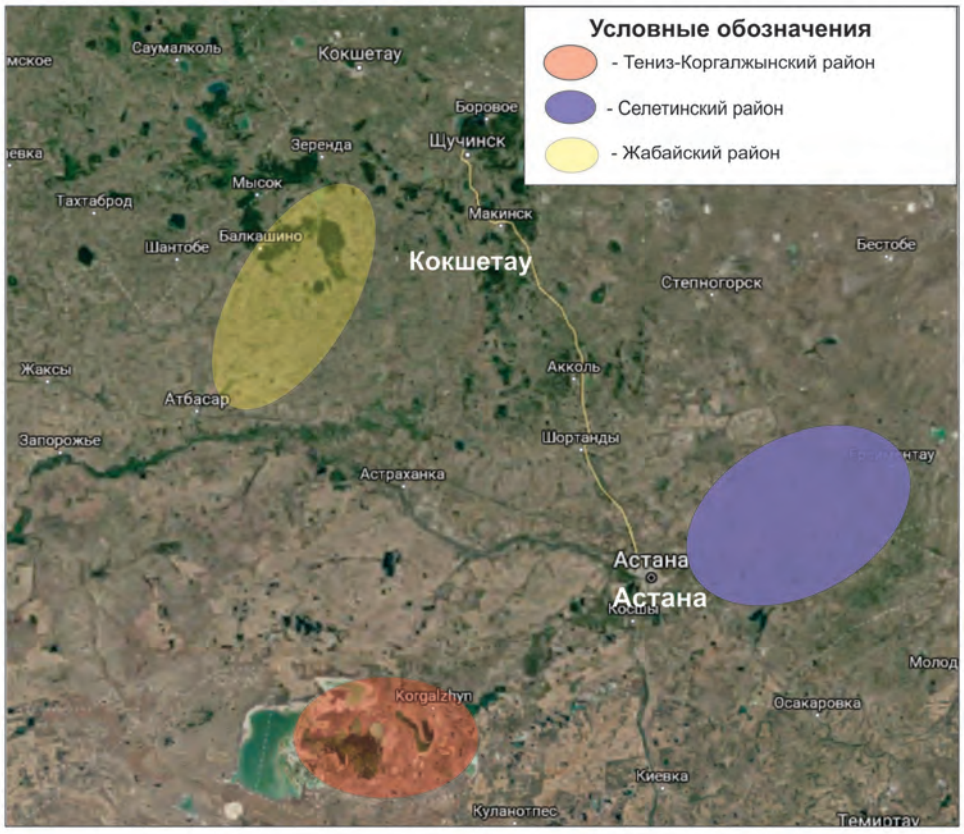

Рис. 1. Карта районов исследования Есильской археологической экспедиции в 2018–2019 годах

координат памятника в системе глобального позиционирования, описание, фотографирование. Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при фотографировании позволило выявить новые типы памятников, а также обнаружить ранее не зафиксированные особенности у уже исследованных объектов.

В ходе проведения разведки был зафиксирован ряд объектов, ранее не известных для этого региона. Они представляют собой рвы, протянувшиеся от озер на расстояние от 50 до 350 м. Расстояние между такими рвами варьирует от нескольких десятков до нескольких сот метров. Какой-либо связной системы их расположения не выявлено. Рвы к настоящему времени заплыли, дно их покрыто гидрофильной растительностью. Глубина на данный момент не превышает 1 м. Важным и непонятным остается вопрос предназначения этих конструкций. Очевидно, что они не были сооружены для орошения возделываемых культур, т.к. почвы в данной местности заболоченные и солончаковые. Неубедительным выглядит и довод в пользу использования этих арыков для водопоя скота. Скот имеет свободный доступ к воде вдоль берегов водоемов. Наиболее вероятным

выглядит предположение, что эти канавы использовались в качестве ловушек при загонном способе охоты. Данное предположение предстоит проверить, изучив способы загонной охоты казахов на крупную копытную дичь, в том числе и с привлечением материалов по этнографии.

Помимо этого, был заново проинспектирован мавзолей Жанибек Шалкар, расположенный на высоком коренном берегу озера Жанибек-Шалкар, в 26 км восточнее поселка Коргалжын. Объект фиксировался на поверхности распашки покрытой бурьяном как небольшоевсхолмление, поверхность которого покрыта значительным количеством фрагментов жженого кирпича, а также осколков глазурованной плитки со штампованным орнаментом. Данный объект был исследован отрядом НИИ археологии им. К. А. Акишева в 2009–2010 гг. [Хабдулина и др., 2011].

Также в ходе исследования в данном регионе нами был осмотрен мавзолей Батагай и прилегающий к нему некрополь. Мавзолей Батагай – один из наиболее известных погребальных памятников средневекового периода степной Сарыарки. Расположен он в низовьях реки Нуры, в 2 км к востоку от поселка Коргалжын, в 1 км от русла реки. Впервые был описан П. И. Рычковым в 1762 г. в его знаменитом труде, посвященном Оренбургскому краю [1762, с. 259–263]. Одним из самых известных описаний Батагая является заметка инженера И. П. Шангина, опубликованная в 1820 г. [Шангин, 1820]. Он описал большое количество архитектурных сооружений в долине реки Нуры. В частности, про мавзолей Батагай он пишет: «Оно построено из кирпича; внутри его находятся столбы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены, имеющие вместо связей четвероугольные сосновые брусья в два вершка в поперечнике, для большей прочности, обожженные и покрытые камышом» [Шангин, 1820, 101].

Мавзолей был принят И. П. Шангиным за развалины городского храма, а окрестный некрополь – за руины древнего города. Эта заметка вызвала волну интереса у исследователей, пытавшихся найти этот загадочный город. С этой целью работы в этом месте проводила Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством А. Х. Маргулана в 1947 и 1949 гг. Никаких свидетельств существования древнего города, за исключением небольших поселений и обширных гробниц, обнаружено не было [Маргулан и др., 1966, с. 29].

В результате проведенных нами исследований на месте развалин средневекового мавзолея также никаких признаков оседлого поселения не обнаружено. Мавзолей Батагай расположен в центре обширного некрополя, который на данный момент представляет из себя едва различимые на поверхности земли всхолмления. Представляется вполне очевидным, что русские ученые-путешественники, в том числе И. П. Шангин, не знакомые со спецификой возведения подобных надмогильных сооружений, принимали их развалины за руины стен городов [Тлеугабулов, 2019, с. 125].

Комплексное обследование местности, в том числе с применением квадрокоптера, позволило нам заключить, что остатки древнего города в

окрестностях мавзолея не фиксируются. Использование фотографий, сделанных с высоты птичьего полета, позволило нам более детально рассмотреть и выделить наземные конструкции некрополя (рис. 2).

Обнаруженные в ходе разведки памятники можно поделить на три группы. К первой группе мы относим курганы и курганные могильники.

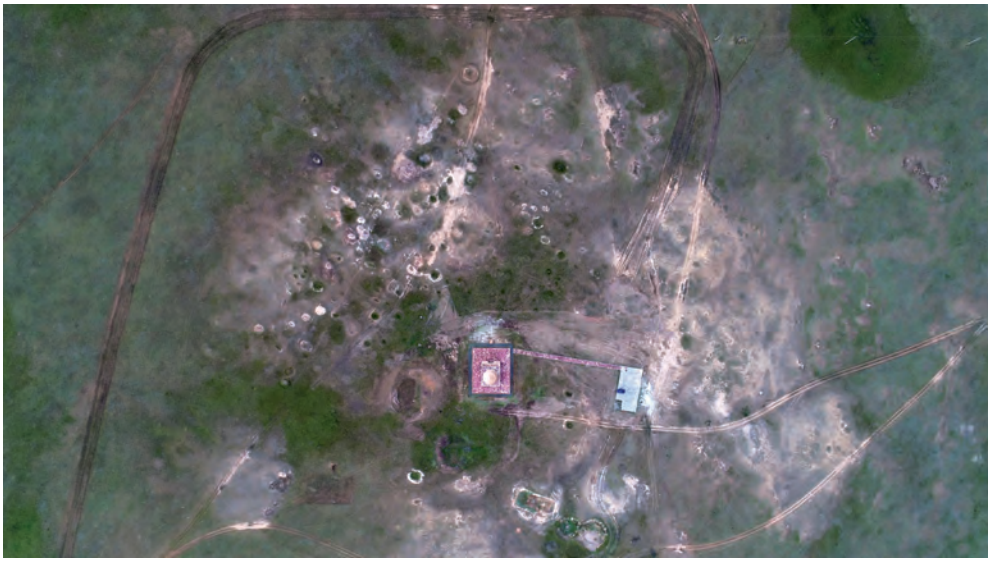

Рис. 2. Некрополь Батагай

Не исключено, что исследованные одиночные курганы ранее были частью курганных могильников. Особенностью рельефа изучаемого района являются пологие холмы, удобные для распашки. Как следствие, практически все господствующие возвышенности в районе исследования долгое время подвергались сельскохозяйственному освоению. Сохранились, как правило, курганы, на которых установлены геодезические знаки, охраняемые государством, либо находящиеся на территории кладбища.

Вторая группа памятников – мавзолеи Нового времени. Традиция возведения мавзолеев в казахстанских степях берет начало с эпохи Золотой Орды, времени окончательного становления ислама в регионе. Таким образом, возраст данных практик составляет около 700 лет. В силу множества объективных факторов, как природных, так и антропогенных, подавляющее большинство средневековых памятников подобного рода до нас в целости не дошло. Однако мы имеем возможность изучать традиции и приемы строительства, проводить культурные аналогии благодаря исследованию казахских мавзолеев Нового времени. Еще одной, немаловажной причиной изучения этих памятников является их сравнительная недолговечность. Как правило, основной материал для постройки мавзолеев – кирпич-сырец, очень легко разрушающийся под воздействием внешних факторов.

К третьей группе относятся зимовки-кыстау, датирующиеся XIX – началом XX в. Указанная выше датировка базируется на найденных артефактах (осколки керамики), а также на культурных аналогиях. Как показала разведка, большинство найденных памятников такого рода находится у берегов рек, на мысах, образованных естественными изгибами реки Нуры, либо, если речь идет об озере, то на приподнятых площадках выше уровня поймы. Как правило, большинство зимовок-кыстау появляется в регионе в XIX в., что связано с начавшимся процессом седентаризации.

Комплекс Кызыл–Мешит

Комплекс расположен на правом берегу р. Нуры, в 4,5 км на ЮВ от кордона Кызыл-Мешит. Длина огражденной территории (зирата) – 162 м, ширина – 77 м. Зират разновременный. Об этом свидетельствуют развалины различных погребальных конструкций. Зират разделяется ручьем, который тянется от русла р. Нуры с ЮВ стороны до мазара (мавзолея). Мавзолей сложен из сырцового кирпича. Крыша его имеет куполообразную форму. Вход с ЮВ стороны, коридорообразный треугольный, придерживался деревянными балками.

В северной части зирата расположены руины сооружения, известного собственно, как Кызыл-Мешит (Красная Мечеть), давшее название местности. Это прямоугольное сооружение размерами – 25×10 м. От него сохранились развалы стен высотой до 1,5 м и шириной до 2 м. В некоторых местах сохранились следы кладки из сырцовых кирпичей. Встречаются обломки красного обожженного кирпича, возможно, использовавшегося для облицовки и впоследствии давшего название зданию. Внутренняя планировка визуально не фиксируется. В восточной широкой стене фиксируется проем шириной до 3 м. Вероятно, это был вход в комплекс (рис. 3).

Зират Кызыл-Мешит-2 расположен на расстоянии 1 км на юг от главного зирата (Кызыл-Мешит-1). В СЗ части стоит мазар более раннего периода, всего насчитывается более 30 погребальных сооружений. В СЗ углу зирата, судя по остаткам разрушенной конструкции, находилось погребальное сооружение из сырцового кирпича.

Зират Канай расположен на западном берегу оз. Есей. Обнесен железными столбами и огорожен колючей проволокой. Длина по линии С–Ю – 200 м, З–В – 100 м. На территории видны развалы крупных надмогильных сооружений. Вдоль западной стороны зирата в северной части тянется ряд крупных сооружений. Среди них выделяется сооружение, на котором расположен большой каменный обелиск батырам, участвовавшим в сражениях 1723–1727 гг. Надпись: *Түгелбай руы Құттымбет Нұрбай руы Алыбай Бәйгісі руы Қаңай.*

Зират Есей 2 расположен на возвышенном берегу оз. Есей. Южная могила обнесена железной оградкой, поставлен камень человеку из рода Канай, дата рождения – 1886, смерти – 1932. Погребальные сооружения расположены довольно густо. Выделяются прямоугольные крупные развалы.

Рис. 3. Зират Кызыл-Мешит

Зират Есей 3 расположен на западном берегу оз. Есей в 8 км на юг от кордона «Камышзавод». Территория зирата ограждена колючей проволокой. Площадь – прямоугольная. Длина – 250 м, ширина – 100 м. Территория поделена поперек ограждением из железных штырей и колючей проволоки. Северная часть имеет большую площадь. Наземные сооружения из дерна, имеется ряд развалов округлой формы, высотой 0,4–0,5 м. У восточной стороны, возле наземного сооружения, поставлена прямоугольная каменная вывеска, установленная нашими современниками в память предков из рода Алтай. На северной окраине установлен железобетонный кулпытас с датами 1848–1912 гг. В восточной части наблюдаются камни с датами, начиная от 1830–х гг.

Зират Есей 4 расположен на западном берегу оз. Есей в 8 км на юг от кордона «Камышзавод». Территория зирата ограждена шпалами и колючей проволокой. Расстояние с запада на восток – 58 м, с севера на юг – 140 м. Территория соответственно прямоугольной формы. На поверхности наблюдаются развалы круглой формы, высота развалов примерно 0,5 м. Наиболее крупное сооружение находится в ЮВ углу. Стел нет. Поверхности задернованы. Самое большое сооружение квадратной формы (6×6 м). С северной и восточной сторон ямы от выемки грунта.

Зират Есей 5. На территории зирата сооружения возведены из разных строительных материалов: камень, дерн, железные ограды. Ограждение прямоугольной формы. Вход с ЮЗ стороны. Ширина зирата – 74 м. Выделяется сырцовое сооружение. Кирпичи укладывались друг на друга, соединялись раствором из глины. Захоронены два человека, которым поставлены прямоугольные камни. Надпись не читается.

Зират Шолак расположен на западном берегу оз. Шолак, в 3 км юго–восточнее строений ТОО «Жалын». Размеры 86×86 м. На поверхности видны развалы строений круглой формы в виде колец, в центре - западина. Развалы высотой 0,3–0,5 м, диаметром – 9 м. Особенностью зирата являются установленные на железных ножках каменные щиты с надписями.

ЗиратЖарсуат располагается на западном берегу оз. Есей, на возвышенности в месте слияния озер Сухое и Жарсуат. Размеры территории 100×70 м. Первоначально территория зирата была ограждена рвом и валом. С внешней стороны по кромке рва вертикально вкопаны железные столбы, обтянутые проволокой. На территории зирата в самом СЗ углу расположены развалы строения подквадратной формы, имеющие западины. В центре вокруг фиксируется развалы стен из грунта. Высота стен 0,4 м.

Ко второй группе относятся следующие зимовки–кыстау:

Комплекс Кызыл-Мешит

На расстоянии 36 м в ЮЗ направлении от зирата Кызыл-Мешит расположены два комплекса зимовок. 1 комплекс: ширина – 23 м, длина – 23 м. Комплекс имеет подквадратное строение. Имеется шесть западин. Вход с ЮЗ стороны. Хозяйственных построек не наблюдается.

Второй комплекс. Вход с ЮЗ стороны. Имеется пять западин. Ширина стен комплекса – 2 м. В 6 м южнее от комплекса № 2 расположена предположительно хозяйственная постройка, имеющая одну западину. Форма прямоугольная (рис. 4).

Зимовка Кызыл-Мешит-2. Прямоугольной формы зимовка имеет пять западин. Вход с ЮЗ стороны. Длина – 39 м, ширина – 14 м. Ширина стен –

Рис. 4. Кыстау Кызыл-Мешит

2 м. Зимовка более раннего периода, об этом свидетельствует подъемный материал (фарфоровая посуда). Хозяйственное помещение расположено в 25 м от зимовки. Вход с северной стороны. Ширина – 14 м, длина – 110 м.

Поселение Құрғақ окружено камышевыми зарослями оз. Сухое. К поселению была прирезана канава. Характерной чертой поселения является близкая расположенность к водному источнику. Всего насчитывается 10 строений, размеры которых колеблются от 10 до 23 м в длину и от 5 до 10 м в ширину.

Поселение Құрғақ–2. Развалины поселения, состоящие из шести домов, расположены на западном берегу оз. Сухое в 30 м от берега. Жилища округлой формы, имеют диаметр от 2,4 до 4 м. Поселение растянуто на расстоянии примерно 50 м вдоль берега.

Комплекс Кызыл-Мешит-5

Комплекс расположен на западном берегу притока Нуры. Включает несколько хозяйственно-жилых строений. Усадьба 1 расположена с северной стороны комплекса. Высота развала стен усадьбы 0,4–0,5 м. Длина – 17 м, ширина – 10 м. Состоит из четырех комнат, размеры самой большой комнаты 10×3 м. Усадьба продольной осью ориентирована по линии З–В. Состоит из комплекса жилых и хозяйственных построек.

Усадьба 2 прямоугольной формы, длина – 24 м, ширина – 14 м. Толщина стен – 1 м. Строение прямоугольное, оно включало в себя жилые помещения и хозяйственую постройку под одной крышей. Ориентировано по линии З–В. Вход в жилище был с северной стороны через хозяйственное помещение. Из хозяйственного помещения в жилую часть дома вел коридор.

Комплекс Кызыл-Мешит-6 расположен на западном берегу оз. Когелем. Из водоема в сторону степи прорыто углубление, возможно, для привода воды к дому. Общая протяженность углубления составляет 140 м, тянется по линии З–В. На пути встречаются небольшие перемычки.

Зимовка Кызыл-Мешит-7 состоит из двух усадеб. Усадьба 1 расположена на берегу оз. Когелем. Усадьба 2 примыкает к ней с юго–западной стороны. Усадьба 2 имела хозяйственную пристройку с СВ стороны, что фиксируется по почве, обильно удобренной навозом. Подъемный материал представлен фрагментами фарфоровой посуды и металлических изделий.

Зимовка Кызыл-Мешит-8 состоит из четырех усадеб, в свою очередь, состоящих из 1–3 помещений размерами от 5 до 10 м в длину и от 5 до 8 м в ширину.

Зимовка Ак–Кулын. Развалы строений расположены на останце первой надпойменной террасы. Терраса продольной осью ориентирована на ЗВ. Примерная ширина – 80 м, длина – 500 м. На ровной площадке террасы расположены в ряд развалы строений. На его восточном краю хорошо видны строения усадьбы, состоящей из большого дома, от которого на поверхности видны прямоугольные углубления. В 35 м западнее видны развалы второго строения. Высота развалившихся стен примерно 0,5 м. Вторая усадьба такая же крупная, состоит из комплекса жилых и хозяйственных построек. Общая

длина по линии С–Ю – 24 м, ширина – 13 м. В 50 м западнее – углубление еще одного строения. Оно прямоугольной формы (рис. 5).

Зимовка Есей-1. На западном берегу оз. Есей в 30 м расположена небольшая зимовка, состоящая их четырех домов. В 500 м севернее находится кордон Камышзавод. Размеры строений: длина – от 12 до 18 м, ширина – от 8 до 12 м. В 20 м западнее жилища № 2 находится шесть больших углублений, которые соединены между собой маленькими канавами. Вероятно, здесь изготавливали саман для постройки этих домов.

Рис. 5. Кыстау Ак-Кулын

К третьей исследованной группе памятников относится могильник *Кызыл-Мешит.*

Расположен на территории кордона Кызыл-Мешит на правом берегу р. Нура. Длина по линии З–В – 90 м, ширина – 50 м. Насчитывается 25 насыпей. Диаметры их от 6 до 12 м, высота – 0,2–0,3 м.

Для определения хронологии могильника было раскопано одно погребение. Был выбран курган диаметром 6 м. В его центральной части была заложена траншея. На глубине 50 см от поверхности выявилось могильное пятно. На глубине 1,1 м был обнаружен скелет человека низкого роста. Ориентирован по линии З–В, руки вытянуты вдоль тела. Ширина могильной ямы – 0,4 м. Сопровождающий инвентарь отсутствует. Погребение совершено по мусульманскому обряду, может быть продатировано поздним средневековьем. После описания и фиксации погребение было законсервировано.

Отдельный отряд НИИ археологии им. К. А. Акишева проводил исследования в других районах Северной Сарыарки. В его работе участвовал зарубежный партнер – профессор Жан Лука Бонора (Италия). Целью работ

отряда было сплошное исследование берегов степных рек в поисках новых археологических памятников. По берегам реки Селеты и ее притоков было открыто несколько объектов, среди которых следует выделить несколько районов их скопления. Первый – это поверхность сопки Киши Майлан. Здесь обнаружены несколько разновременных могильников. Особый интерес представляет средневековый могильник на южном склоне сопки, состоящий из 12 каменных насыпей. Насыпи уплощенные, частично задернованные. Диаметр – от 10 до 16 м. Судя по характеру надмогильных сооружений, памятник может быть отнесен к кыпчакской эпохе (рис. 6). Это делает его крайне привлекательным для исследования, так как памятники этого периода в степной Сарыарке очень слабо изучены.

Рис. 6. Могильник Киши Майлан

Еще один участок скопления – побережье реки Карасу, правого притока Селеты. Здесь, на расстоянии 2 км к ЮВ от села Кеноткель на левом берегу Карасу, обнаружен комплекс памятников, включающий в себя разновременной могильник (эпоха раннего железа и Новое время) и зимовки-кыстау. Эпоха раннего железа представлена курганами, один из которых крупный – диаметр насыпи 25 м, высота 1,5 м.

Помимо поиска новых объектов отрядом были проинспектированы ранее известные памятники. Так, были осмотрены поселения Таскора и Таскора 1, относящиеся к раннему железному веку. Эти поселения были исследованы

сотрудниками НИИ археологии им. К. А. Акишева в начале 2000–х гг. [Хабдулина, 2003].

Маршрут отряда также пролегал по северной оконечности Сарыарки – были исследованы берега р. Жабай и оз. Жаксы-Жангызтау (Сандыктауский р-н, Акмолинская обл.). Здесь также были проинспектированы ранее известные объекты и открыты новые. Интерес вызывает скопление памятников на южном берегу оз. Жаксы-Жангызтау. Здесь были исследованы казахские зимовки-кыстау, расположенные на западном краю современного поселка Жаксы-Жангызтау. Собран значительный подъемный материал. Обеспокоенность вызывает потревоженность поверхности памятника искателями черного металла.

Также на высоком южном берегу озера было зафиксировано два могильника, состоящие из курганов с земляными насыпями. Предположительно датируются ранним железным веком (рис. 7).

Рис. 7. Могильник Жаксы-Жангызтау

Проведенные исследования являются логическим продолжением работ предыдущего полевого сезона [Тлеугабулов, 2019, с. 121–129]. Все найденные памятники должным образом задокументированы: описаны, сфотографированы, картографированы. Дальнейшие исследования НИИ археологии им. К. А. Акишева будут проводиться на основе полученных данных.

Литература

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 437 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб.: При Императорской Академии наук, 1762. Ч. II. 331 с.-

Тлеугабулов Д.Т. Исследование средневековых культовых памятников Акмолинского Приишимья (по материалам разведки 2018 года) // Вестник КазНУ. Сер. историч. 2019. № 3 (94). С. 121-129.

Хабдулина М.К. Поселение раннесакского времени на реке Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Научное издание. Астана: Изд-во «Күлтегін», 2003. С. 189-214.

Хабдулина М.К., Кожамжаров К.Т., Ярыгин С.А., Калдыбаев М.С., Сакенов С.К., Свиридов А.Н. Культовые памятники Тенгиз-Коргалжинской впадины. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2011. 208 с.: ил. (на каз., рус. яз.).

Шангин И.П. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // Сибирский вестник, 1820. Ч. 11. С. 1-112.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
Список сокращений

Абай ат. ҚазҰПУ –	Абай ат. Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ.
АДІУ –	Археологія і давня історія України, Киев
АлтГТУ –	Алтайский государственный технический университет, Барнаул
АлтГУ –	Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР –	Академия наук СССР
АО –	Археологические открытия, М.
АСГЭ –	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
АЭАЕ –	Археология, этнография и антропология Евразии, Новосибирск
БГПУ –	Барнаульский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ
БФАН СССР –	Башкирский филиал Академии наук СССР, Уфа
ВААЭ –	Вестник археологии, антропологии и этнографии, Тюмень
ВАУ –	Вопросы археологии Урала, Свердловск/ Екатеринбург, Ижевск, Сургут
ВГПИ –	Воронежский государственный педагогический институт
ВДИ –	Вестник древней истории, М.
Вестник НВГУ –	Вестник Нижневартовского государственного университета
ВКО –	Восточно-Казахстанская область
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет, Волгоград
ВСОГО СССР –	Всесоюзное географическое общество СССР
ВЦИК –	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГА РФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГАИМК –	Государственная академия материальной культуры
ГАИМК НКП –	Государственная академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения

ГАНИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка и литературы
ГИМ –	Государственный исторический музей, М.
ГУЛАГ ОГПУ –	Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения Объединённого государственного политического управления
ГЭ –	Государственный Эрмитаж
ДГУ –	Днепропетровский государственный университет
ДНЦ РАН –	Дагестанский научный центр РАН, Махачкала
ДонГТУ –	Донецкий государственный технический университет
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ЗВОРАО –	Записки Восточного отделения Российского археологического общества, СПб.
ЗКО –	Западно-Казахстанская область
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ИА РАН –	Институт археологии РАН, М.
ИАК –	Императорская археологическая комиссия
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
ИВ РАН –	Институт востоковедения РАН, М.
ИГАИМК –	Известия Государственной академии истории материальной культуры, Л., Л.-М.
ИГУ –	Иркутский государственный университет
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР
ИИМК –	Институт истории материальной культуры РАН
ИМКУ –	История материальной культуры Узбекистана, Ташкент
ИрГТУ –	Иркутский государственный технический университет
ИТЛ –	Исправительно-трудовой лагерь
ИЭА РАН –	Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, М.
ҚазМУ –	әл Фараби атындағы Қазақ мемлекеттік университеті, Алматы

КазНИИК – Казахский научно-исследовательский институт культуры, Алматы

КарГУ – Карагандинский государственный университет

КГПИ – Костанайский государственный педагогический институт

КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт

КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет

КемГУ – Кемеровский государственный университет

ККНИИГН – Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук

Колл. – коллекция

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН, М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории и материальной культуры, М.; Л.

ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение

ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

ЛФ ЦЭНДИСИ АН СССР – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив

МАЭ ОмГУ – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

МИА – Материалы исследования по археологии СССР, М.; Л.

МИАР – Материалы исследования по археологии России, М.

МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркмении, М.; Л.

МИЦАИ – Международный институт центрально-азиатских исследований, Самарканд

МКТУ – Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави, Туркестан

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции, М.

НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН

НАВ – Нижневолжский археологический вестник, г. Волгоград

НАН –	Национальная Академия наук
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИС –	Научно-исследовательский сектор
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы
ОАВЕС –	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
ОГПУ –	Оренбургский государственный педагогический университет
ОИФН РАН –	Отделение историко-филологических наук РАН
ОҚАЭ –	Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы
Оп. хр. –	Опись хранения
ПАВ –	Петербургский археологический вестник
ПГСГА –	Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ПИМК –	Проблемы истории материальной культуры, Л.; СПб.
ПТКЛА –	Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии
РА –	Российская археология, М.
РАН –	Российская Академия наук
РАНИОН –	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО –	Русское географическое общество
РИО –	Редакционно-издательский отдел
РМК ММЕ ҒЗЖИ –	Республикалық мемлекеттік кәсіпорын «Материалдық мәдениет ескерткіштерін ғылыми-зерттеу және жобалау институты»
РО –	Рукописный отдел
РФФИ –	Российский фонд фундаментальных исследований
СА –	Советская археология, М.
САИ –	Свод археологических источников
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ –	Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет
СГЭ –	Сообщения Государственного Эрмитажа, Л., СПб.

СМАЭ –	Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
СМИЗО –	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, М.; Л.
СМНЦ РАН –	Самарский научный центр РАН
СНВ –	Самарский научный вестник
СНК РСФСР –	Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СНК СССР –	Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик
СОМК –	Саратовский областной музей краеведения
СПбФ АРАН –	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
СЭ –	Советская этнография, М.
ТГЭ –	Труды Государственного Эрмитажа, Л., СПб.
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований, Барнаул
ТКЛА –	Туркестанский кружок любителей археологии
ТХАЭЭ –	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, М.
ТЭ –	Тохаристанская экспедиция
ТюмГНГУ –	Тюменский государственный нефтегазовый университет
УАВ –	Уфимский археологический вестник
УАС –	Уральское археологическое совещание
УИВ –	Уральский исторический вестник, Екатеринбург
УНЦ РАН –	Уфимский научный центр РАН
ҰҒА –	Ұлттық Ғылым Академиясы
ФГБОУ ВО РАНХиГС –	Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
ФИА им. А.Х. Маргулана –	Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, Астана, Нур-Султан
ФНИ ГАН РФ –	Фундаментальные научные исследования Государственных академий наук РФ
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦИКР “Рифей” –	Центр историко-культурных реконструкций «Рифей», Челябинск

ЧГПУ –	Челябинский государственный педагогический университет
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет
ЭВ –	Эпиграфика Востока, М.
ЭО –	Этнографическое обозрение, М.
ЮНЦ РАН –	Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону
ЮУрГУ –	Южноуральский государственный университет, Челябинск
INORA –	International Newsletter on Rock Art, France
JAS –	Journal of Archaeological Science, USA

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ НӘТИЖЕЛЕРІ
Результаты полевых исследований

ТАС ДӘУІРІ БОЙЫНША ЖАҢА ДЕРЕКТЕР
Новые данные по эпохе камня

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Комплекс палеолитических стоянок-мастерских Шахбагата (Шакпаката) по материалам 1966 и 2019 гг. 11

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Харевич В.М., Гладышев С.А., Шалагина А.В., Марковский Г.И. Начальный верхний палеолит Восточного Казахстана (по материалам стоянки Ушбулак) 25

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б. Исследования стоянки Токтаул в 2019 г. 37

Зайберт В.Ф., Құрманиязов И.С. Ботай қонысындағы 2019 жылғы кешенді далалық зерттеу жұмыстарының нәтижелері 47

Намен А., Варис А., Кузбертсон П., Йовица Р., Таймагамбетов Ж. Предварительные итоги разведывательных работ проекта PALAEOSILKROAD: мультидисциплинарный подход в исследованиях 60

ҚОЛА ДӘУІРІНІҢ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУ
Изучение памятников эпохи бронзы

Доумани Дюпюй П.Н., Жунисханов А.С., Буллион Э., Рахманкулов Е.Ж., КиясбекГ.К., Ташманбетова Ж.Х., Исин А.И., Меркл Э., Гумирова О. Археологические исследования памятника Кокен (Восточный Казахстан): Предварительные результаты 70

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Алакульские захоронения могильника Сенкибай-2 84

Сакенов С.К. Стратиграфия поселения Шагалалы II 99

Байтлеу Д.А., Хаванский А.И. Результаты археологических рекогносцировочных работ в Актюбинской области в 2019 году 115

Мусаева Р.С. Предварительные данные о погребальных памятниках срубной культуры Западного Казахстана 128

Горячев А.А., Егорова Т.А., Егорова К.А. Петроглифы урочища Багыл верховьев реки Котыр в Хантау 136

Мургабаев С.С., Малдыбекова Л.Д. Қаратаудың жаңа петроглифтері: Қарақуыс II петроглифтері 150

ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІ АРХЕОЛОГИЯСЫНДАҒЫ АШЫЛЫМДАР
Открытия в археологии раннего железного века

Байтанаев Б.А., Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жамбулатов К.А., Уразова А. Исследование элитных памятников ранних кочевников в Актюбинской области 162

Толеубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Омаров Г.К., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е. Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 172

Подушкин А.Н. О находке руноподобного письма в Южном Казахстане (археологический контекст) 198

Дашковский П.К. Предметный комплекс снаряжения кочевников пазырыкской культуры из кургана № 25 могильника Ханкаринский дол (Алтай) 213

Дуйсенбай Д. Б., Джуманазаров Н.Ш., Ахияров И.К. Археологические исследования на поселении Балакунгей-2 223

Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Мелисов Б.М. Результаты археологических исследований могильника Сорлакмола II 233

Калменов М.Д., Сейткалиев М.К. Новые исследования на комплексе Лебедевка I (Сегизсай) (предварительное сообщение) 247

Лукпанова Я.А. Археологические исследования кургана 1 могильника Жайык-1 (предварительное сообщение) 254

Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Погребения ранних кочевников кургана 1 могильника Каратомар 264

Құрманқұлов Ж., Утубаев Ж., Сүйндікова М. Шірік 4 кешеніне жүргізілген зерттеулердің кейбір нәтижелері (2017 жылғы қазба негізінде) 274

Купцов Е.А., Харламов П.В. Предварительные итоги исследований I курганного могильника у села Андреевка в Центральном Оренбуржье 286

Чотбаев А.Е., Самашев З. Археологические исследования на могильнике Таутекели в Казахском Алтае в 2019 году 295

Оңғарұлы А. Кеген өзені аңғарындағы ғұн ескерткіштерін зерттеу мәселесіне 308

ОРТАҒАСЫРЛАР АРХЕОЛОГИЯСЫ ЖӘНЕ ЖАҢА ЗАМАННЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ
Актуальные проблемы средневековой археологии и Нового времени

Байтанаев Б.А., Ергешбаев А.А., Шаяхметов А.Х., Бейсенов Н.Б., Сулейменова Ж.Ж., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б. Исследования фортификационных сооружений Испиджабского округа в 2019 году 320

Елеуов М., Арынов Қ., Есенов С. Ортағасырлық Қышқалада 2019 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары 336

Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С. 2019 жылы Шу өңіріндегі ортағасырлық
ескерткіштерге жүргізілген зерттеулер 345
Савельева Т.В., Камалдинов И.Р., Кузнецова О.В. Въездной комплекс
караван-сарая Шенгельды 357
Смагулов Е.А.*[Э], *Талеев Д.Ә. Қаратөбе қалашығының шығыс
қабырғасында жүргізілген зерттеу
жұмыстарының нәтижесі 367
Талеев Д.Ә. Қаратөбе қаласында 2019 жылы жүргізілген
археологиялық зерттеулер 377
Зиливинская Э.Д., Ержигитова А.А. Раскопки в окрестностях городища
Каратобе в 2019 году 386
Досымбаева А., Бондарев М. Тюрки-металлурги по данным раскопок
поселения в Хантау 398
***Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Султанжанов Ж.К.,
Шарапова К.А.*** Археологические исследования
на городище Джанкент в 2019 году 409
Амиргалина Г.Т. Археологические находки с городища Джанкент
за полевой сезон 2019 года 422
***Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т., Билалов С.У., Курманиязов И.С.,
Султанжанов Ж.К.*** Археологические работы
на городище Сортобе 1 в 2019 году 434
***Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Шораев Б.К.,
Шарапова К.А., Султанжанов Ж.К.*** Археологические
исследования на городище Сортобе 2 в 2019 году 442
Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б. О результатах разведочных работ
в Восточном Казахстане в 2019 г. 454
Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Чернов М.А. Металлические изделия
из археологических материалов поселений и пещеры
Туттыбулак-1 в долине реки Боралдай 467
Мерц В.К., Мерц И.В., Демидкова Е.Д. Археологические исследования
в горах Калмаккырган (Майский район
Павлодарской области) 483
Дүйсенбай Д.Б., Шашенов Д.Т., Жұманазаров Н.Ш. 2018 жылы Торғай
өңіріне жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары 498
Тлеугабулов Д.Т. Исследование сакральных объектов в пространстве
Тенгиз-Коргалжынского региона 510

Қысқартулар тізімі – Список сокращений 523

Научное издание

Маргулановские чтения – 2020:
материалы международной научно-практической конференции
«Великая Степь в свете археологических
и междисциплинарных исследований»
(г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.).
Т. 2

Компьютерная верстка и дизайн – Ольга Кузнецова

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 23.06.2020. Формат 84×108 $^{1}/_{16}$
Усл. п. л. 29,9. Гарнитура «Times New Roman». Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Хикари»